

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МУЗЕЙ-УСАДЬБА Л. Н. ТОЛСТОГО «ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

ТЕКСТ И ТРАДИЦИЯ

альманах

3

Санкт-Петербург
«Росток»
2015

УДК 82.161.1(051.4)
ББК 83.3(2РОС=РУС)6Я5
Т30

Издание осуществлено по инициативе Петра Авена

Редакционный совет альманаха «Текст и традиция»
Евгений Водолазкин (*Санкт-Петербург*) — главный редактор

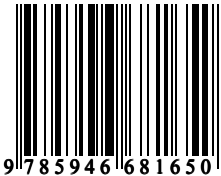
Всеволод Багно (*Санкт-Петербург*) • Павел Басинский (*Москва*) •
Алексей Варламов (*Москва*) • Игорь Волгин (*Москва*) • Ренэ Герра (*Ницца*) •
Оливер Реди (*Оксфорд*) • Татьяна Руди (*Санкт-Петербург*) •
Владимир Толстой (*Ясная Поляна — Москва*) • Роберт Ходель (*Гамбург*) •
Елена Шубина (*Москва*) • Леонид Юзефович (*Санкт-Петербург*)

Т30   Текст и традиция: альманах, 3 / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)
Рос. Акад. наук, Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». —
Санкт-Петербург: Росток, 2015. — 416 с.
ISBN 978-594668-165-0

Альманах «Текст и традиция» издается Пушкинским Домом и Ясной Поляной, двумя известнейшими «литературными домами» России. Одной из важных его задач является рассмотрение современной русской литературы в контексте литературной традиции — классической и древней. В определенном смысле альманах соединяет в себе черты научного и литературного («толстого») журналов: в соответствующих разделах публикуются исследования академического типа и литературные эссе. Особое место в издании занимают диалоги участников литературного процесса на историко-культурные темы, а также публикация архивных материалов.

УДК 82.161.1(051.4)
ББК 83.3(2РОС=РУС)6Я5

ISBN 978-594668-165-0

9 785946 681650

- © Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2015
- © Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2015
- © Е. Г. Водолазкин, концепция, составление и редактирование, 2015
- © Коллектив авторов, 2015

Содержание

ACADEMIA

<i>Кристин Фридрих Бёттрих (Грайфсвальд, Германия)</i> История Синайского кодекса	7
<i>Елена Юхименко (Москва)</i> «По улицам слона водили...»: Документ, литературный текст и российская действительность 1710-х годов	95
<i>Владимир Иванов (Берлин)</i> Анамнестические опыты Флоренского	115
<i>Михаил Эпштейн (Дарем, Великобритания)</i> Прощание с предметами, или Набоковское в Набокове ...	151
<i>Наум Вайман (Холон, Израиль)</i> Предположительно посвящается (Мандельштам и Ахматова в 1917—1918 годах)	159
<i>Андрей Рангин (Москва)</i> «Рождественский романс» Иосифа Бродского: семантика и литературные подтексты	179
<i>Петр Бухаркин (Санкт-Петербург)</i> Тимур Кибиров между сатирой и свободой (к апологии смеха)	199

VOX SCRIPTORIS

<i>Андрей Аствацатуров (Санкт-Петербург)</i> Колониальные амбиции жанра и слова (о повести Джозефа Конрада «Сердце тьмы»)	211
<i>Людмила Сараскина (Москва)</i> «Дубровский»: Экзистенциальный кризис два столетия спустя	223
<i>Анатолий Семятко (Санкт-Петербург)</i> Муза с улицы Ярве	243
<i>Михаил Визель (Москва)</i> Как мотыльки в раскол: «Слово о полку Игореве» как музыкальный авангард	254
<i>Владимир Березин (Москва)</i> Народное слово	258

ИСТОРИЯ КНИГИ. ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

<i>Александр Кабаков (Москва)</i> Невозвращенец	273
<i>Владимир Шаров (Москва)</i> Репетиции	280
<i>Валерий Попов (Санкт-Петербург)</i> Будни гарема	287
<i>Марина Степнова (Москва)</i> Женщины Лазаря	293
<i>Дмитрий Данилов (Москва)</i> Описание города	298
<i>Алексей Варламов (Москва)</i> Мысленный волк	303

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИВ

Ирина Федорова (Санкт-Петербург)
«Исследования и объяснения Даниилова “Паломника”
Оптиной пустыни иеромонаха Леонида»:
неизвестные страницы изучения «Хождения»
игумена Даниила 309

Андрей Дмитриев (Санкт-Петербург)
Неизвестная статья В. В. Розанова
(некролог князю С. Н. Трубецкому) 359

Павел Глушаков (Рига)
Раннее творчество В. М. Шукшина:
Часть 2 370

Из архива Бориса Федоровича Егорова
(Санкт-Петербург):
1) Из дневника 1980 года 380
2) Письмо М. Е. Грабарь-Пассек к Б. Ф. Егорову 387

ДИАЛОГИ ТТ

Владимир Ермаков (Орел) и Лев Аннинский (Москва)
Диалектика души и сердечная смута:
Диалог в ходе Яснополянских литературных встреч 393

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 409

ACADEMIA

История Синайского кодекса *

Название «Синайский кодекс» («Codex Sinaiticus»), обозначающее древнейший и самый полный греческий список Ветхого и Нового заветов,¹ раз и навсегда указывает на «Святой и царственный монастырь Богошественной горы Синай», который начиная с XI в. известен прежде всего как «Монастырь свя-

---

* Перевод с нем. Е. Водолазкина.

Изначально текст этой статьи был подготовлен для проведения дискуссии в рамках работы над интернациональным проектом оцифровки Синайского кодекса (2005–2009). В текущем году он будет опубликован также на греческом языке (перевод Симеона Стампулу (Symeon Stampoulou); Афины, 2015). Немецкое издание переработанного и снабженного 53 иллюстрациями варианта статьи см.: *Böttrich Chr. Der Jahrhundertfund: Entdeckung und Geschichte des Codex Sinaiticus*. Leipzig, 2011.

¹ Это название более всего подходит для объединения частей рукописи, зарегистрированных под различными обозначениями и шифрами, но составляющих единое целое. Лейпцигские листы были изданы Тишендорфом в 1846 г. как «Codex Friderico-Augustanus»; листы, перевезенные в Санкт-Петербург, а сегодня находящиеся в Лондоне, в 1862 г. были опубликованы как «Bibliorum Codex Sinaiticus Petropolitanus». Для новозаветной части Тишендорф ввел обозначение κ; в списке рукописей, используемом со времени К. Р. Грегори до сегодняшнего дня, он обозначается как κ 01; для ветхозаветной части в изданиях Септуагинты используется обозначение S. Наименование «Синайский кодекс» («Codex Sinaiticus») служит в дальнейшем основным обозначением для всей (изначально насчитывавшей приблизительно 730 листов) рукописи.

той Екатерины».² Этот монастырь в течение 1500 лет хранил рукопись в своих стенах.³ И в первую очередь отцам Синая мы обязаны тем, что в общей сложности 406 бесценных пергаменных листов сохранились до наших дней для научного исследования библейского текста.

С тех пор как в середине XIX в. Синайский кодекс оказался известен в Европе, он стал предметом интенсивных текстологических исследований, а также многочисленных жарких дискуссий. В центре внимания долгое время находилась преимущественно история его открытия, публикации и перемещения в Лейпциг, Санкт-Петербург и Лондон. При этом зачастую тон задавали не столько факты, сколько фантазии участвовавших в полемике авторов. Между тем, имеется богатый материал источников,⁴ который дает возможность эту замечательную историю надежно воспроизвести и объективно оценить.

² Значение этого места проистекает главным образом из связи с Исх. 3,1 — 4,18 (Моисей встречает Бога у горящего тернового куста), а также с Исх. 19,18—20; 24,16 (Бог спускается на гору в дыму и пламени, сопровождаемый землетрясением и громом). Согласно Хронике Евтихия Александрийского (IX в.), уже императрица-мать Елена примерно в середине IV в. основала здесь церковь, посвященную Божьей Матери; между Богоматерью и горящим кустом существует типологическая связь. Мозаика апсиды базилики, воздвигнутой при императоре Юстиниане между 546 и 562 г., указывает на то, что она была освящена как церковь Преображения. Лишь впоследствии, начиная с X—XI вв., монастырь был вверен покровительству святой Екатерины Александрийской, чьи мощи нашли упокоение в церкви.

³ Об истории монастыря см. прежде всего: *Manafis K. A. Sinai: Treasures of the Monastery of Saint Catherine*. Athen, 1990; о географическом контексте см.: *Hobbes J. J. Mount Sinai*. Austin, 1995; об археологической ситуации см.: *Eckenstein L. A History of Sinai*. London, 1921 (об истории монастыря см. с. 121—182).

⁴ Библиографический обзор публикаций и неопубликованного наследия предлагает Кристфрид Бёттрих: *Böttrich Chr. Bibliographie Konstantin von Tischendorf (1815—1874)*. Leipzig, 1999. Начиная с 2005 г. множество новых документов в архивах Санкт-Петербурга, Москвы, Лондона, Глазго и Лейпцига исследовала Наталья Смелова. Лишь частично известны документы, находящиеся в монастыре св. Екатерины на Синае. Важнейший корпус источников в недавнее время ввела в научный оборот А. В. Захарова. См.: *Захарова А. В. 1) Обзор материалов российских архивов о приобретении Синайской Библии // Вторые чтения памяти профессора Н. Ф. Каптерева (Москва, 28—29 октября 2004 г.): Материалы. М., 2004. С. 33—44; 2) История приобретения Синайской Библии Россией в свете новых документов из российских архивов // Montfaucon: Études de paléographie, de codicologie et de diplomatique. T. 1. М.; СПб., 2007. С. 209—267.*

1. Истоки

Происхождение Синайского кодекса скрыто во тьме истории. Можно с уверенностью сказать, что изготовлен он был не для Синайского монастыря, основание которого состоялось лишь через 200 лет после создания рукописи (предположительно в середине IV в.).⁵

Имеются свидетельства о существовании уже в конце IV в. многочисленных пустыней, а также маленькой церкви у подножья Моисеевой горы.⁶ С сооружением же укреплений монастыря Юстинианом (после 530 г.) и постройкой новой церкви (548–560)⁷ возникла совершенно новая потребность в рукописях и церковной утвари, необходимой для литургии. Возможно, что роскошный библейский кодекс был одним из императорских подарков, которыми сопровождалось создание монастыря.

⁵ Важнейшие аргументы датировки IV веком обобщил Лейк (*Lake. Codex Sinaiticus*. 1911. Т. 1. P. IX–X); ср. также: *Milne, Skeat. Scribes and Correctors*. 1938. P. 60–65. Возможность того, что кодекс мог быть создан и на Синае, рассматривалась Л. Политисом; см. об этом: *Charlesworth J. H. The New Discoveries in St. Catherine's Monastery: A Preliminary Report on the Manuscripts // ASOR.MS. 3. Cambridge Mass., Winona Lake, 1981. P. 36*. Вполне аргументированно эта гипотеза отвергается Ф. Мейерсоном; см.: *Mayerson P. Codex Sinaiticus: An Historical Observation // ВА. Т. 46. 1983. P. 54–56*. Расшифровку используемых в настоящей работе аббревиатур изданий см.: *Schwertner S. Theologische Realenzyklopädie. Abkürzungsverzeichnis*. Berlin; New York, 1992 (2-е изд.).

⁶ Согласно сообщению паломницы Египта о ее посещении Синая ок. 396 г. (*Peregrinatio* 1,1 – 5,12; CCSL 175, 1965, 37–90), у места тернового куста у подножья горы находилось много пустыней и церковь со священником; другими источниками по ранней истории являются «Narrationes» монаха Аммония (конец IV в.; см.: *Combefis F. Illustrium Christi martyrum lecti triumpho*. Paris, 1660. P. 88–132); «Narrationes» аскета Нила (VI в.; см.: *Migne. PG. Т. 79. 1865. P. 589–694*); итинерарий паломника из Пьяченцы (ок. 570 г.; см.: CCSL. Т. 175. 1965. P. 128–174).

⁷ На основании надписей на потолочных балках базилики с большой долей вероятности можно надежно датировать еще более узким временным промежутком – 548–550 гг. См.: *Ševčenko I. The Early Period of the Sinai Monastery in the Light of its Inscriptions // DOP. Т. 20. 1966. P. 255–264*. Датировка укреплений монастыря зависит от интерпретации источников: *Прокопий Кесарийский* (VI в.). *De Aedificiis* (ок. 554 г.). V. 8 // CSHB. 38. 1833; *Евтихий Александрийский* (X в.). *Annales // Migne. PG. Т. 111. 1863. Sp. 907–1156* (в особенности 1071–1072). См. об этом: *Mayerson P. Procopius or Eutychius on the Construction of the Monastery at Mount Sinai: Which Is the More Reliable Source? // BASOR. Т. 230. 1978. P. 33–38*. Об архитектуре монастыря см. прежде всего: *Forsyth G. H. The Monastery of St. Catherine at Mount Sinai: The Church and the Fortress of Justinian // DOP. Т. 22. 1968. P. 1–19; + 43 вкладные иллюстрации*.

Порой в Синайском кодексе были склонны видеть один из тех 50 экземпляров Библии, которые император Константин (272—337) поручил епископу Евсевию Кесарийскому (260—339) изготовить для церквей своей новой столицы.⁸ Уверенным быть в этом, однако, нельзя.⁹ Упомянутых Евсевием деталей в Синайском кодексе не обнаруживается, да и не похоже, что он вообще был алтарным экземпляром. Во всяком случае, требованию императора, чтобы рукописи были «легки в чтении и для удобства использования легкопереносимы», предназначаясь для «благоуствования Церкви», крупноформатная (38 × 34,5 см), написанная в четыре столбца и изначально насчитывавшая не менее 730 пергаменных листов¹⁰ рукопись соответствовала едва ли. Вне всякого сомнения, однако, с самого начала она была задумана как экземпляр особо ценный и оттого заведомо рассматривавшийся как подарок. Поскольку рукопись объединяла книги Нового и Ветхого заветов, дополненные иными раннехристианскими сочинениями, задаче изучения Библии она соответствовала гораздо больше, чем ее литургическому использованию.¹¹

Тем не менее, Синайский кодекс вполне мог возникнуть в связи с тем подъемом книгописного дела, который состоялся в целом благодаря поддержке императора Константина.¹² Его конкретную изначальную предназначенность надежно установить уже невозможно. Кирсопп Лейк отстаивал тезис, согласно которому по совокупности палеографических, орфографических и исторических признаков в качестве наиболее веро-

⁸ *Евсевий*. De Vita Constantini. IV. 34, 1 — 37, 1. Тишендорф был первым, кто обозначил эту связь в предисловии к своему малоформатному изданию кодекса. См.: *Tischendorf C. Novum Testamentum Sinaiticum*. Lipsiae, 1863. P. XXIX—XXXV.

⁹ См. подробно: *Wendel C. Der Bibel-Auftrag Kaiser Konstantins // Zentralblatt für Bibliothekswesen*. Bd. 56. 1939. S. 165—175; *Robbins G. A. Fifty Copies of the Sacred Writings (VC 4: 36): Entire Bibles or Gospel Books? // StPatr*. T. 19. 1989. P. 91—98.

¹⁰ Точнейший подсчет недостающих листов представлен в кн.: *Milne, Skeat. Scribes and Correctors*. 1938. P. 1—17.

¹¹ Многочисленные исправления и маргиналии, портящие, с эстетической точки зрения, вид написанного, свидетельствуют о продолжавшейся работе над текстом и с текстом; таким образом, кодекс обнаруживает характер скорее книги для изучения, чем книги для чтения вслух.

¹² См.: *Евсевий*. De Vita Constantini. III. 1, 4: «Одни приказывали Богом вдохновленные книги уничтожать, сжигая их в огне, он же, напротив, дал наказ, чтобы и таковые, роскошно исполненные, средствами императорской сокровищницы увеличивались в числе и многократно умножались».

ятной родины кодекса следует рассматривать Александрию.¹³ Здесь также находился известный скрипторий, и епископу Афанасию († 373) около 340 г. поступил вполне сходный «заказ на Библию» от императора Констанса.¹⁴ Во всяком случае, позднее кодекс подвергся переработке в знаменитой библиотеке Кесарии (Приморской).¹⁵ Это подтверждают колофоны в конце книг *Ездры* и *Есфирь*, которые следует соотносить со справщиками группы С и датировать временем не ранее VI в.¹⁶ Когда в 638 г. Кесария была завоевана арабами, кодекс, возможно, попал на Синай с беженцами, что, однако, можно допустить, лишь предполагая некоторую задержку во времени и обходные пути. Как бы то ни было, в монастыре на горе Моисея он нашел новую родину — будь он представителем экземпляром в рамках акта основания обители Юстинианом или спасенным списком Библии из Кесарии. Совершенно точно, что со времени своего прибытия на Синай кодекс входил в ядро новой библиотеки, благодаря которой достигла своего первого расцвета богословская работа в монастыре.¹⁷

В течение первых веков своего существования монастырь на Синае развился в центр аскетического и мистического богословия.¹⁸ Даже ис-

¹³ *Lake H., Lake K. Codex Sinaiticus Petropolitanus. The New Testament, the Epistle of Barnabas and the Shepherd of Hermas...* Oxford, 1911. P. IX—XV; это имеет «a probability which cannot be approached by any other theory», даже если считать, что «It would be too much to call it certain...» (P. XV). Милн и Скит (*Milne, Skeat. Scribes and Correctors. 1938. P. 66—69*) эти аргументы отвергают и вновь выступают в поддержку Кесарии или Палестины.

¹⁴ Афанасий уверял Констанция II, что с его братом Констансом (который правил Западом) не имел никаких контактов, кроме как в двух письмах: первое было посвящено его защите от обвинений сторонниками Евсевия; второе он писал, «когда я, поскольку он приказал мне изготовить списки Священного Писания, ему их посылал, после того как я их изготовил» (*Apologia ad Constantium 4*; текст см. в: SC. T. 56. 1987. P. 94/95). Об этом александрийском «заказе на Библию», которому охотно приписывают и возникновение «Codex Vaticanus», см.: *Rahlfs A. Alter und Heimat der vatikanischen Bibelhandschrift // NGWG. PH. 1899. S. 72—79*; об историческом контексте: *Barnes T. D. Athanasius and Constantius: Theology and Politics in the Constantinian Empire. Cambridge MA, London, 1993.*

¹⁵ См.: *Lake. Codex Sinaiticus. 1911. P. VII—IX.*

¹⁶ Об этом также см.: *Tischendorf. 1) Vorworte. 1862. S. 41—43; 2) Sinaibibel. 1871. S. 23—25.*

¹⁷ Было бы показательно, если бы в работах синайских богословов были обнаружены отсылки к кодексу — например, в виде цитирования характерных чтений или фрагментов из «Послания Варнавы» и «Пастыря Гермы». Такого рода попытки до сих пор еще не предпринимались.

¹⁸ В Синаксаре монастыря сегодня читается память в общей сложности 181 святого с Синая; днем памяти всех святых Синая является среда Свет-

ламское завоевание 633 г. первое время было не в состоянии ощутимо препятствовать этому развитию. Среди выдающихся личностей этой эпохи выделяется в первую очередь Иоанн Лествичник (род. ок. 525 — ум. вскоре после 600), который к концу своей отшельнической жизни исполнял также обязанности настоятеля. В своих сочинениях, главным образом в «Лествице Райской» («Scala Paradisi»), он отразил аскетическое наследие синайских пустынножителей и долгое время способствовал его дальнейшему распространению. Выдающееся богословское значение приобрел также Анастасий Синаит (640—700), который был настоятелем монастыря и стал известен благодаря ряду полемических и экзегетических трудов. В юности некоторое время на Синае находился Григорий Синаит (1255—1346), испытавший там решающее влияние сочинений Иоанна Лествичника. Благодаря его посреднической деятельности аскетическая духовность Синая стала знакома прежде всего славянским культурам.

Этот расцвет богословской деятельности, который продолжался примерно до XIII в., оставил свои следы и в Синайском кодексе. Многочисленные маргиналии и исправления, свидетельствующие о его интенсивном использовании, умножаются вплоть до IX в.; порой они написаны и по-арабски. Последние записи относятся к XII в. К ним принадлежат три имени — Дионисий, Иларион и Феофилакт, — которые, возможно, обозначают отцов монастыря. Можно, однако, предположить, что уже с IX в., когда благодаря минускулу возникают новые, гораздо легче читающиеся тексты, использование Синайского кодекса идет на спад. Он с его древним, к тому времени 500-летним, унциалом, еще и в *scriptio continua*, должен был уступить место более современным рукописям Библии. В VIII—IX вв. его буквы в разных местах были обведены еще раз.¹⁹ В это время кодекс, по всей видимости, был к тому же снабжен новым переплетом, при этом были обрезаны края и поновлена пагинация.²⁰ Очевидно, этот переплет был впоследствии вновь удален, так что в конечном счете листы в XIX в. оказались непереpletенными — и различные части рукописи находились в разных местах монастыря.

Со временем также сместились приоритеты монастырской жизни, и богословская работа стала всё более уходить на задний план. Ввиду политических обстоятельств со времени крестовых походов для братии существенно возросла значимость той задачи, которая стояла уже в начале ее истории, — быть хранителем святого места и давать прибежище хрис-

лой седмицы. См.: www.sinaimonastery.com под ☞ Religious Tradition ☞ Sinai Ascetism ☞ Record of the Saints.

¹⁹ Tischendorf K. Vorworte. 1862. S. 43.

²⁰ Ibid. S. 28.

тианским паломникам.²¹ С падением Византийской империи монастырь потерял своего могущественного защитника, однако в правовом отношении получил автономию в составе Патриархата Востока.²² Принципиально поддерживалась греческая традиция и сохранялись тесные связи с Константинополем. Тем не менее, в разное время в монастыре жили также сирийские, арабские, грузинские, славянские или латинские отцы, что отражается в составе рукописей и икон монастыря.²³ С точки зрения экономической, братии удавалось обеспечивать средства к своему существованию посредством ряда широко разбросанных владений.²⁴ В условиях географической изоляции Синая политически было прежде всего необходимо находить общий язык с меняющимися формами власти исламского окружения.²⁵ Хорошие отношения, засвидетельствованные

²¹ Это особенно заметно в устройстве базилики, которое дало возможность проложить путь паломников к месту тернового куста и обратно через церковное пространство. Длинная цепь сообщений начиная с IV в. предоставляет, кроме того, подтверждение той паломнической традиции, которая сохранялась в течение веков.

²² В начале VIII в. монастырь был возвышен до положения епископии и сегодня является единственным монастырем-архиепископией в православном мире. Его правовой статус — это статус автономии. На Константинопольском соборе 1575 г. было, кроме того, принято постановление, согласно которому избранный в монастыре архиепископ должен был быть главой автокефалии; только хиротония осталась за Патриархом Иерусалимским, который также поминался на литургии. См.: *Hotzelt W. Die kirchenrechtliche Stellung von Bistum und Kloster Sinai zur Zeit der Entdeckung der Sinaibibel // Theologische Literaturzeitung. 1949. № 74. S. 457—470.*

²³ Самый полный каталог рукописных собраний см.: *Kamil M. Catalogue of all manuscripts in the Monastery of St. Catherine on Mount Sinai. Wiesbaden, 1970 (араб. 1951).* Об иконах см. прежде всего многочисленные основополагающие труды Курта Вайтцманна (Kurt Weitzmann) (Принстон).

²⁴ Полный обзор принадлежащих монастырю подворий см.: *Manafis K. A. Sinai. Athen, 1990. P. 380;* см. также www.sinaimonastery.com под The Monastery Today Dependencies. Они находились на Синае, в Египте, Палестине, Сирии, Ливане, на Кипре, в Греции, Турции, России, Грузии, Румынии, Сербии, Болгарии, Италии, Франции и Индии. Из существовавших некогда 105 подворий сегодня осталось лишь 14. В 1863 г. богатые румынские владения были секуляризированы князем Кузой, что для монастыря в период истории с кодексом и спора о новом монастырском архиепископе означало также тяжелую экономическую потерю. См. об этом: *Hotzelt. Kirchenrechtliche Stellung. 1949. S. 465—466.*

²⁵ В монастыре сохраняется список охранной грамоты Мухаммеда, знаменитой «Ахтинаме». Переделка бывшей трапезной в небольшую мечеть в пределах монастырских стен датируется началом XII в. и связывается с угрозой для монастыря, существовавшей при фатимидах. В 1798 г. Наполеон выдал монастырю охранное письмо, подтверждавшее его привилегии.

многочисленными ценными подарками, все более развиваются с Россией.²⁶ Дух открытости миру, присущий братии, сделал возможным начиная с XVII в. постоянный прием в монастыре и ученых путешественников (в основном из Европы), находивших поддержку в своих научных исследованиях.²⁷ В это время, когда не хватало сил и средств, сохранить сокровища библиотеки было, очевидно, важнее, чем самим использовать их в научных целях.

Для истории Синайского кодекса со времени его попадания на Синай значима прежде всего история монастырской библиотеки.²⁸ Если кодекс был в меньшей степени предназначен для литургического употребления, чем для изучения библейских текстов, значит, уже в раннее время для этих целей должна была существовать библиотека. Великие богословы Синая раннего периода монастырской истории в своих сочинениях постоянно цитировали литературу, доступ к которой в их уединенном положении также показателен. Большинство рукописей, пожалуй, на Синай вначале было ввезено. Однако начиная с IX в. засвидетельствовано существование здесь собственного скриптория, продуктивность которого стала возрастать в XII и XIII вв.; из этого времени расцвета известны даже имена некоторых писцов.²⁹ Неясно, однако, где эта постоянно увеличивавшаяся в объеме литература хранилась. Вероятно, для этого в монастыре существовали различные помещения. Поскольку, когда в 1734 г. архиепископ Никифор Марталис Гликис (1728–1747) впервые устроил

²⁶ В высшей степени наглядное представление об этих драгоценных произведениях искусства дают альбомы: *Piatnitsky Y. et al. Sinai, Byzantium, Russia: Orthodox Art from the Sixth to the Twentieth Century*, Saint Catherine Foundation and State Hermitage Museum. London; St. Petersburg, 2000; *Rossi C., de Luca A. Das Kloster Sankt Katharina im Sinai und seine biblische Geschichte*. Vercelli, 2006; о русском влиянии начиная с XVI в. см.: *Eckenstein. History of Sinai*. 1921. P. 176–178.

²⁷ *Harris R. Biblical Fragments from Mount Sinai*. London, 1980. P. VI: «If, however, a deficiency has been noted in the storage and arrangement of the books, in the cordiality with which a student is welcomed there will be found no lack. I cannot recall any places in the East where I met a warmer welcome or more genuine Christian sympathy».

²⁸ См.: *Nicolopoulos P. The Library // Manafis K. A. Sinai*. Athen, 1990. P. 349–355; *Weitzmann K. Zur Kunst des Katharinenklosters // Galey J. Das Katharinenkloster auf dem Sinai*. Stuttgart; Zürich, 1979. S. 81–160, 155–156.

²⁹ Николопулос приводит этому ряд примеров: *Nicolopoulos. Library*. 1990. P. 352. Первые датированные книги, написанные на Синае, относятся к 868 и 886 гг. См.: *Brock S. A Venerable Manuscript Collection // Braddeley O., Brunner E. (ed.). The Monastery of Saint Catherine*. London, 1996. P. 85–97 (особ. 86).

центральную библиотеку,³⁰ книги должны были собираться библиотекарем отцом Исайей «из каждого угла». Это была та же библиотека, о которой в 1761 г. упоминал итальянский путешественник Виталиано Донати и которая постоянно описывалась учеными путешественниками XIX в. Тем не менее, и после 1734 г., наряду с этой новой библиотекой, существовали иные помещения, в которых хранились книги и рукописи.

В качестве места хранения богослужебных книг сегодня предполагается ризница, расположенная в южном боковом нефе, в которую можно войти из алтарной части церкви. Пространство под часовней св. Георгия в северной стене, в котором в 1975 г. были обнаружены новые находки, служило предположительно местом хранения поврежденных текстов. Константин Тишендорф сообщает, что в 1859 г. он обнаружил в монастыре три библиотеки: первая, самая маленькая, размещенная в бывшей часовне на первом этаже, содержала, по его словам, около 100 книг, преимущественно печатных; вторая, расположенная на втором этаже, насчитывала в общей сложности примерно 1500 наименований, из них 500 рукописей; третья, находившаяся в распоряжении скевофилакса, содержала в равной степени церковную утварь и литургические книги, пополняемые из наследства архиепископов.³¹ Вторая из названных библиотек и являлась той, что была сооружена в 1734 г. Разумеется, следует принимать в расчет и то, что отдельные рукописи временами хранились в жилых помещениях отцов.³²

Впоследствии, между 1930 и 1942 гг., при епископе Порфирии III возникает современная библиотека, размещенная в новом здании, которое сегодня господствует над юго-восточной частью монастыря.³³ Как ка-

³⁰ Она находилась на втором этаже и имела на двери надпись: *ιατροειον ψυχης* («лекарство для души»).

³¹ *Tischendorf K.* Aus dem heiligen Lande. 1862. S. 79–81, 113. В целом описание помещений остается весьма неопределенным. В результате поездки 1844 г. Тишендорф не предоставляет вообще никаких данных о библиотеке.

³² Так, например, лорд Линдсей, бывший в монастыре в 1846 г., отмечает, что ценные рукописи хранились в покоях архиепископа (*Manley, Abdel-Hakim.* Traveling. 2006. P. 180); об этом же немного позднее (1865 г.) сообщает Э. Г. Пальмер (там же). Г. Эберс и Г. Гуте добрых 20 лет спустя называют четыре места: хранилище особых экспонатов, небольшую библиотеку в доме архиепископа, часовню Иоанна Предтечи, трехэтажное здание главной библиотеки (*Ebers G., Guthe H.* Palästina in Bild und Wort nebst der Sinaihalbinsel und dem Lande Gosen. Stuttgart; Leipzig, 1884. S. 372).

³³ С 2007 г. этот библиотечный корпус расширяется и перестраивается. См.: *Sinaiticus: The bulletin of the Saint Catherine Foundation.* 2007. P. 15–16. При архиепископе Дамиане библиотека сегодня превосходно технически оснащена; Фонд св. Екатерины снабдил монастырь новой системой боксов для хранения ценных рукописей (см.: *Ibid.* P. 2–4).

жется, начиная с XVIII в. в результате различных перемещений библиотеки внутри монастыря кодекс, который из-за древности почерка к тому времени уже не использовался, был оттеснен с занимавшегося им прежде почетного места. Только так можно объяснить то обстоятельство, что в конце концов он был разделен на несколько частей и хранился в разных местах.³⁴ В первом каталоге, составленном отцом Кириллом, с 1840 г. отвечавшим в монастыре за библиотеку, эта рукопись — вероятно, к тому времени уже дефектная — не отмечена.³⁵

2. Прелюдия

С толпами паломников, с IV в. устремлявшихся на Синай, начиная с XVII в. в монастырь всё чаще приходили и ученые путешественники. Их интерес к святым местам распространялся и на состав монастырской библиотеки. Когда после египетского похода Наполеона (1798) науки о классической древности достигли своего первого расцвета, в их авангарде оказалась именно египтология, тогда еще совсем молодая. Почти никто из тех многочисленных исследователей, которые впоследствии путешествовали по Египту, не упускал случая посетить также Синайский монастырь с его библиотекой. Потому путевые заметки того времени предоставляют важные и сегодня комментарии относительно истории библиотеки и ее сокровищ.³⁶

³⁴ Одна часть лежала в 1844 г. в главной библиотеке; листы, обнаруженные в 1975 г., к тому времени должны были уже лежать в часовне св. Георгия; основная часть находилась опять-таки в другом месте, возможно, тогда уже в библиотеке скевофилакса. Успенский в описании своего путешествия замечает, что лучшие греческие книги лежали в комнате настоятеля (Первое путешествие 1856, 225).

³⁵ *Bénéchévitch V. N. Les manuscrits Grecs du Mont Sināi et le monde savant de l'Europe depuis le XVIIe siècle jusque'à 1927 // Texte und Forschungen zur byzantinisch-neugriechischen Philologie. 21. Athen, 1937. S. 29–31.* Уже в 1704 г. была начата подготовка каталога Косьмы, впоследствии Патриарха Константинопольского, однако в нем отразилась лишь часть состава библиотеки (с. 25 и далее).

³⁶ Обширную библиографию путевых описаний с раннего периода паломничества см.: *Weil R. La Presqu'île du Sinai: Étude de Géographie et d'Histoire. Paris, 1908. P. 235–252: Sainte-Catherine, son histoire et son rôle politique invariable; 253–338: Bibliographie historique (Histoire des voyages et de la géographie de la péninsule).* Эти данные привлек Бенешевич (*Bénéchévitch. Manuscrits. 1937*), расширив при этом документальную основу вплоть до своего времени. См. рецензию в: *ByZ. Bd. 38. 1938. S. 206–207.* Новые сообщения к этому добавляют: *Manley D., Abdel-Hakim S. Traveling through Sinai: From the Fourth to the Twenty-first Century. Cairo; New York, 2006 (в особенности с. 178–183 — «The Library»).*

Первое известие, которое, возможно, касается Синайского кодекса, вышло из-под пера итальянского натуралиста Виталиано Донати (1717—1762), преподававшего в Туринском университете ботанику.³⁷ В 1759—1762 гг. он предпринял научную поездку на Восток, в ходе которой в 1761 г. посетил и монастырь св. Екатерины.³⁸ В его путевом дневнике отмечено, что при этом он нашел в библиотеке «большое количество пергаменных кодексов»: «Многие из них стоят на книжных полках, а иные как попало в очень плохом складском помещении. <...> Некоторые кажутся мне старше седьмого века, в особенности одна Библия, переписанная на очень красивых листах пергамена — больших, тонких и квадратных; она написана округлым почерком и очень красива. Более того, в церкви хранится греческий апракос, переписанный золотым округлым почерком, который тоже должен быть очень древним».³⁹

Натуралист описывает то, что он видит. Квадратная форма, красивый пергамен и изящный шрифт являются примечательными признаками, но им не хватает однозначности.⁴⁰ Тем не менее, Синайский кодекс достаточно своеобразен, чтобы натренированным в наблюдении глазом быть выделенным из прочих рукописей. Если Донати действительно видел здесь Синайский кодекс, тогда это означало бы, что кодекс еще не был изолирован и мог быть обнаружен посетителем монастыря в 1761 г. среди других рукописей. К сожалению, у Донати ничего не сообщается о его полноте или сохранности, так же как и о том, где в точности он хранился.⁴¹

³⁷ Grmek M. D. Art. Donati, Vitaliano, Dizionario Biografico Degli Italiani. 41. 1992. P. 62—64.

³⁸ См.: Barocelli P. 1) Il viaggio del Dottor Vitaliano Donati in Oriente (1759—62) in relazione colle prime origini Museo egiziano di Torino // Atti della R. Accademia delle Scienze di Torino. 47. 1912. P. 410—425; 2) L'Egitto ed il Sinai nel Giornale di viaggio di Vitaliano Donati (1759—62) // Ibid. 48. P. 471—496.

³⁹ Lumbroso G. Descrittori Italiani dell'Egitto e di Alessandria. Rom, 1879. На этот текст первым обратил внимание С. де Риччи (*Ricci S. de. Rez. zu: Weill R. Presqu'île du Sinai, 1908 // RAr. 14. 1909. P. 156—160*). Предлагаемый перевод следует тексту, цитированному из Лумброзо Бенешевичем (*Bénéchévich. Manuscrits. 1937. Примеч. 21. 1*).

⁴⁰ Как «округлый» вполне можно определить маюскул IV в.; это соответствует и роскошному экземпляру Евангелий, писанному золотом (VII—VIII вв.), который Тишендорф в 1859 г. также видел и описал (*Tischendorf K. Aus dem heiligen Lande. 1862. S. 81*; в 1844 г. он еще не был доступен, см.: *Reise in den Orient. I. 1845. S. 240—241*). Однозначным, однако, дело могло бы выглядеть лишь в том случае, если бы Донати упомянул о расположении текста или о наличии в кодексе «Послания Варнавы» или «Пастыря Гермы».

⁴¹ Понятие «*libreria*» не обязательно подразумевает «библиотеку», но означает прежде всего книжную полку. Тем не менее, вероятно, что такую расстановку книг Донати обнаружил как раз в новой библиотеке.

В многочисленных путевых описаниях со времени Донати не находится никаких дальнейших указаний на Синайский кодекс. Все посетители монастыря сходятся лишь в том, что условия в библиотеке нуждаются в срочном улучшении. В устах европейцев, как раз в эту эпоху поднимавших свои национальные библиотеки до самых современных стандартов, драматические описания монастырской библиотеки порой не лишены высокомерия.⁴² Лишь изредка высказывается понимание положения братии, которой для содержания библиотеки недоставало финансовых и людских ресурсов. В отличие от богословски продуктивного начального периода, в монастыре к тому времени не было больше никого, кто бы обладал достаточной ученостью, включая палеографическую компетентность, чтобы надлежащим образом распоряжаться этими сокровищами. Полного каталога не существовало. Каждый из ученых европейских путешественников составлял свою собственную опись.

В начале 1840-х гг. положение, кажется, немного улучшилось. С приходом отца Кирилла на Синае вновь появился библиотекарь, который не только содержал книги в порядке, но и впервые составил обширный каталог.⁴³ При всех недостатках, которыми страдал этот перечень, его создание было первым шагом, предпринятым для сохранения фонда библиотеки.⁴⁴ Наряду с этим отцу Кириллу было предназначено некоторым образом принять участие в открытии Синайского кодекса.

3. Открытие

История открытия Синайского кодекса охватывает период в 15 лет; если же к этому прибавить новые находки 1975 г., то получится в общей сложности 131 год.⁴⁵ Решающей датой является, однако, 4 февраля

⁴² См., например: *Graul K. Reise nach Ostindien über Palästina und Egypten von Juli 1849 bis April 1853. II: Egypten und der Sinai. Leipzig, 1854. S. 210–211.*

⁴³ Помимо высокой оценки Бенешевича (*Bénéchévitch. Manuscrits. 1937. P. 28–31*), см. также слова признания Тишендорфа: *Tischendorf K. 1) Reise in den Orient. I. 1846. S. 220, 239, 240 и далее; 2) Aus dem heiligen Lande. 1862. S. 79–80.* Каталог отца Косьмы 1704 г., который упоминает Бенешевич (с. 25 и далее), отражает лишь часть имевшихся книг.

⁴⁴ На каталоге Кирилла основываются позднейшие каталоги Порфирия Успенского (1845 и 1850 гг.), архимандрита Антонина (1850 г.), Виктора Гардтхаузена (1886 г.) и Владимира Николаевича Бенешевича (1911 г.); составление каталога монастыря продолжил отец Андроник Брионидес, на работу которого в конечном счете опирался Мурад Камил (1951–1970 гг.).

⁴⁵ В 1911 г. предисловие к своему фото-факсимильному изданию К. Лейк открывал словами: «The discovery of the Codex Sinaiticus by Tischendorf is

1859 г., когда немецкий богослов Константин Тишендорф отождествил основную часть из 364 листов, находившихся в монастыре, с той древнейшей библейской рукописью, 129 листов которой он нашел в 1844 г. (43 из них увез с собой в Лейпциг).

В промежутке между этими годами судьба кодекса снова погружается во мрак, освещаемый лишь тремя короткими эпизодами. В 1845 г., вскоре после Тишендорфа, а затем еще раз в 1850 г. монастырь посетил русский архимандрит Порфирий Успенский и держал в руках разыскиваемые Тишендорфом листы. Немного позднее их, возможно, видел и шотландский майор и искатель приключений Чарльз Керр Макдональд. В 1853 г. Тишендорф ездил на Синай во второй раз и тщетно искал ту часть, которую уже видели Порфирий Успенский и Макдональд. В конце концов, в 1859 г. Тишендорфу в его третью поездку удалось обнаружить эти 364 листа и сделать их доступными для научного исследования библейского текста. Новые находки 1975 г., сделанные самими отцами монастыря, представляют пока последний акт этой истории.

Константин Тишендорф, первооткрыватель Синайского кодекса,⁴⁶ стоит в центре событий. Лишь благодаря его целеустремленному и неустанному поиску, его всеобъемлющему знанию предмета и быстрым образцовым публикациям, с 1862 г. стал доступен текст одной из важнейших для греческой Библии рукописей. При этом не должен быть забыт и вклад Порфирия Успенского, в 1856 г. опубликовавшего всё же первое, хотя и неполное сообщение о существовании кодекса. О майоре Макдональде известно слишком мало, чтобы иметь возможность определить его роль точнее. Отцы же Синая своей поддержкой Тишендорфа, а также актом дарения кодекса царю обеспечили себе особое, почетное место

one of the best-known stories in the history of Palaeography» (Р. V). Это соответствует действительности только отчасти и опровергается, кроме всего прочего, многочисленными ошибками Лейка, допущенными на всего лишь двух страницах описания истории открытия. Были хорошо известны и широко распространены подробные отчеты, которые составлял сам Тишендорф и которые постоянно переписывались. Множество деталей оставалось между тем спорным, и удовлетворительное их объяснение может быть получено только сегодня на основании новых независимых источников.

⁴⁶ Эта его заслуга оспаривалась Порфирием Успенским (см. ниже), которого в этом поддержали и некоторые другие русские голоса (Дмитриевский, граф Н. П. Игнатьев, 1909, 6). Перадзе категорически присуждает открытие Порфирию Успенскому и сетует на то, что тот «без поддержки высоких сановников <...> при всей своей одаренности не стал нашим де Лагардом, а остался епископом маленького украинского городка без всякого влияния» (*Peradze G. Dokumenty, dotyczace zagadnien odnalezienia i tekstu kodeksu Synajskiego* [Документы по вопросам открытия и текста Синайского кодекса]. Elpis 8. 1934. P. 132).

в истории его открытия. Без их открытости и широты счастливую находку 1859 г. никогда не удалось бы с такой скоростью опубликовать и сделать доступной для научного использования. С новыми находками 1975 г. эти их качества еще раз нашли себе особое подтверждение.

Долгое время история открытия кодекса была известна исключительно в том виде, в каком ее сообщил Константин Тишендорф.⁴⁷ Эту «vulgate version»⁴⁸ истории со временем оттеснили другие ее изложения, сделанные с иных позиций. Критическое рассмотрение версии Тишендорфа предприняли прежде всего Гжегож Перадзе,⁴⁹ Вильгельм Хотцельт⁵⁰

⁴⁷ *Tischendorf C.* 1) Notitia editionis codicis Bibliorum Sinaitici auspiciis imperatoris Alexandri II. suspectae... Lipsiae, 1860 = Nachricht von der im Auftrage Seiner Kaiserlichen Maiestät Alexander II. unternommenen Herausgabe der Sinaitischen Bibelhandschrift. Nebst Auszügen aus dem Catalog der vom Herausgeber in allerhöchstem Auftrage nach St. Petersburg gebrachten Handschriften, sowie aus den anderweitigen Mittheilungen über Handschriften des Orients. Leipzig, 1860; 2) Aus dem heiligen Lande. Leipzig, 1862; 3) Memoir on the Discovery and Antiquity of the Codex Sinaiticus. Read at a Meeting of the Royal Society of Literature, Feb. 15., 1865, [Заглавие на обложке по-английски, название текста и сам текст по-французски]: Mémoire sur la découverte et l'antiquité du Codex Sinaiticus. Lu à la séance du 15 février 1865. Holborn, 1865; 4) Wann wurden unsere Evangelien verfaßt? In allgemeinfäßlicher Weise beantwortet. Zwickau; Leipzig, 1865³. S. 3—18 [Введение]; 5) Die Sinaibibel. Ihre Entdeckung, Herausgabe und Erwerbung. Leipzig, 1871; к этому следует прибавить многочисленные газетные статьи и рассказы в письмах. Об этом см.: *Böttrich Chr.* Bibliographie Konstantin von Tischendorf (1815—1874). Leipzig, 1999.

⁴⁸ Так изложение дела Тишендорфом обозначает Шевченко (*Ševčenko*. Documents. 1964. P. 57), сетуя на то, что оно всегда принималось некритически. Исключительно на версии Тишендорфа основаны популярные изложения Людвиг Шнеллера и Хильдегард Беренд: *Schneller L.* Tischendorf-Erinnerungen. Merkwürdige Geschichte einer verlorenen Handschrift. Leipzig, 1927; *Behrend H.* Auf der Suche nach Schätzen. Aus dem Leben Constantin von Tischendorfs. Berlin, 1952, 1970¹⁰. Л. Шнеллер-мл. был зятем Тишендорфа, Х. Беренд — его внучкой; оба они используют один и тот же корпус частных писем. Все позднейшие представления истории открытия кодекса, имевшие место в Германии, содержат обширные ссылки на Шнеллера и Беренд.

⁴⁹ *Peradze G.* 1) Der Codex Sinaiticus — die Sinaimönche — Rußland // Der Orient. Bd. 16. 1934. S. 110—111; 2) Dokumenty, dotyczace zagadnien odnalezienia i tekstu kodeksu Synajskiego [Документы по вопросам открытия и текста Синайского кодекса] // *Elpis*. Т. 8. 1934. P. 127—151. Перадзе рассматривает прежде всего письма из лейпцигского наследия Тишендорфа.

⁵⁰ *Hotzelt W.* Die kirchenrechtliche Stellung von Bistum und Kloster Sinai zur Zeit der Entdeckung der Sinaibibel // *ThLZ*. № 74. 1949. S. 457—470. Хотцельт использует свое знание церковной истории Палестины и впервые привлекает к исследованию дипломатическую переписку графа Игнатьева, русского посла в Константинополе.

и Игорь Шевченко.⁵¹ Попытку опровержения истории открытия предпринимает также Джеймс Бенгли, без привлечения, правда, каких-либо новых источников.⁵² Богатый материал неопубликованных писем Тишендорфа использует Курт Аланд.⁵³ Цельный взгляд на события до 1862 г. с точки зрения русского правительства представляет ставшее совсем недавно доступным досье министра просвещения Головнина.⁵⁴ К этому следует добавить и другие неопубликованные источники, которые освещают отдельные детали истории кодекса.⁵⁵ Важнейшие документы, связанные с актом дарения и его предысторией, недавно ввела в научный оборот А. В. Захарова.⁵⁶ Совокупность этого обширного материала дает сегодня возможность составить надежную картину истории открытия Синайского кодекса.

3.1. Первые данные: 1844 г.

Биография молодого Константина Тишендорфа выглядит как целенаправленная подготовка к тому великому открытию, которое впоследствии будет представляться главным событием его жизни. Родившийся 18 января 1815 г. в маленьком саксонском городке Ленгенфельде в Фогтланде, Лобеготт Фридрих Константин был девятым из одиннадцати детей

⁵¹ *Ševčenko I.* New Documents on Constantine Tischendorf and the Codex Sinaiticus // Scriptorium. V. 18. 1964. P. 55–80. Шевченко вводит в научный оборот новые источники, которые он обнаружил в монастыре при его посещении в 1961 г.

⁵² *Bentley J.* Secrets of Mount Sinai: The Story of the World's Oldest Bible-Codex Sinaiticus. Garden City; New York, 1986. Новым здесь являются лишь несколько писем из наследия Тишендорфа в Глазго, которые мало о чем говорят; в остальном же восприятие автором опубликованных источников определяется стойкой антипатией к Тишендорфу.

⁵³ *Aland K.* Konstantin von Tischendorf (1815–1874). Neutestamentliche Textforschung damals und heute // SSAW.PH. 133/2. Berlin, 1993; см. рецензии на это изд.: *Elliot J. K.* // NT. 36. 1994. P. 103; *Birdsall J. N.* // JThS. 48. 1997. P. 228–231. Другие письма этого корпуса опубликованы Кристфридом Бёттрихом: *Böttrich Chr.* Tischendorf-Lesebuch. Bibelforschung in Reiseabenteuern. Leipzig, 1999.

⁵⁴ Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург) (далее — РГИА), ф. 735, оп. 6, 1862 г., д. 204, л. 1–33. Текст в немецком переводе со вступ. статьей и комментариями см.: *Böttrich Chr., Fahl S., Fahl D.* Das Dossier des russischen Ministers Golovnin von 1862 zur Frage des «Codex Sinaiticus» // Scriptorium. T. 63/2. 2009. S. 288–326.

⁵⁵ См. выше примеч. 4.

⁵⁶ См. выше примеч. 4.

судебного врача Йоханна Кристлиба Тишендорфа и его жены Кристины Элеоноры, урожденной Томас.⁵⁷ После посещения школы в Ленгенфельде и Плауене, окрыленный первыми поэтическими опытами, на Пасху 1834 г. Константин приступает к изучению богословия в Лейпциге. После того как в 1835 и 1836 гг. безвременно умерли его родители, профессор Йоханн Георг Бенедикт Винер⁵⁸ и его жена окружили студента особой заботой. Винер, который в 1822 г. опубликовал первую грамматику новозаветного греческого языка,⁵⁹ открыл и поддерживал филолого-эзегетическую одаренность своего подопечного. Два увенчанных премиями исследования 1837 и 1838 гг. стали для Тишендорфа рекомендацией для дальнейшей поддержки.⁶⁰ К Пасхе 1838 г. он закончил учебу и вступил поначалу в должность домашнего учителя в Гроссштедтельне под Лейпцигом в доме пастора Фердинанда Леберехта Цеме.

И хотя в его позднейших путевых заметках порой раздаются отзвуки прежних литературных увлечений, к этому времени ниву поэзии Тишендорф уже покинул окончательно. Отныне все свои силы он сосредоточил на критике новозаветного текста, с задачами которой ознакомился у своего учителя Винера. Здесь он увидел перед собой то поле деятельности, на котором надеялся добыть точные аргументы для апологии библейского предания. Еще в Гроссштедтельне Тишендорф начал подготовку издания греческого Нового Завета, базировавшегося на новых методических основаниях.⁶¹ В связи с этим он предпринял и свои первые поезд-

⁵⁷ О семейных отношениях см. подробно: *Lindner A.* Constantin von Tischendorf (1815–1874). О его происхождении и семье см.: *Mitteilungen des Roland Dresden. Verein zur Förderung der Stamm-, Wappen- und Siegelkunde e. V. und der Sächsischen Stiftung für Familienforschung.* Bd. 12. 1927. S. 71–77.

⁵⁸ Высокую оценку его заслугам Тишендорф впоследствии дал в некрологе: *G. B. Winer // Beilage zur Allgemeinen Zeitung (Augsburg).* Nr. 143. 23.05. 1858. S. 2297–2298.

⁵⁹ *Winer J. G. B.* Grammatik des neutestamentlichen Sprachidioms. Leipzig, 1822 (всего вышло 6 изданий).

⁶⁰ *Tischendorf C.* 1) *Doctrina Pauli Apostoli de vi mortis Christi satisfactoria* [= награжденная премией работа, выполненная на Лейпцигском богословском факультете]. Lipsiae: J. C. Hinrich's, 1837. 64 S.; 2) *Disputatio de Christo, pane vitae, sive de loco Evang. Ioann. c.VI. vv. 51–59. coenae sacrae potissimum ratione habita*, 84 S. [= работа, награжденная дрезденским Фондом Аммонна]. Lipsiae (K. F. Köhler), 1839.

⁶¹ Оно появилось в 1841 г. в Лейпциге и в 1842 и 1849 гг. было издано в Париже Ф. Дидо: *Novum Testamentum graece. Textum ad fidem antiquorum testium recensuit brevem apparatus criticum una cum variis lectionibus Elzeviriorum, Knappii, Scholzii, Lachmanni subjunxit argumenta et locos parallelos*

ки для изучения рукописей, которые в 1839 и 1840 г. привели его в Южную Германию, Швейцарию и Страсбург.

26 октября 1840 г. он защитил в Лейпциге докторскую диссертацию (Dr. habil.) по Prolegomena этого издания.⁶² Изложение своих методических оснований он добавил позже, уже из Парижа, в статье 1842 г.,⁶³ где описывал свои намерения следующим образом: «Это приводит к следующему: 1) все греческие унциальные рукописи Н. З. соответствующим образом издать; 2) подвергнуть новой переработке старые версии, так же как и 3) обеспечить новое рассмотрение и использование текстов важнейших отцов церкви. Я хорошо понимаю, что труды эти — Геркулесовы; тем не менее, я за них берусь и, веря в дельных помощников и доброжелательное разностороннее участие, надеюсь на их осуществление».⁶⁴ Тем самым была сформулирована жизненная программа, нацеленная на соби́рание и изучение древнейшего рукописного наследия новозаветного текста. В качестве первого из этих «Геркулесовых» трудов молодой Тишендорф хотел взяться в Париже за расшифровку «Codex Ephraemi rescriptus», бывшего, пожалуй, самым известным палимпсестом, содержащим библейский текст (V в.). К тому времени он был тайно обручен с Ангеликой Цеме. Оба не могли догадываться, что поездка в Париж в конечном счете растянется до Синая и займет в целом четыре с лишним года.

31 октября 1840 г., в День Реформации, Тишендорф выехал из Лейпцига в почтовой карете. Его материальное положение было сложным. Несмотря на несколько писем с просьбами, саксонское правительство выделило ему лишь 100 талеров.⁶⁵ Финансовую поддержку он получал также от своего старшего брата Юлиуса. Прочее он раздобыл, заключив договор по страхованию жизни, который тут же опять заложил. В Пари-

indicavit commentationem isagogicam notatis propriis lectionibus edd. Stephanae tertiae atque Millianae, Matthaianaе, Griesbachianaе praemisit... Lipsiae: C. F. Koehler, 1841. LXXXVI + 671 с.

⁶² *Tischendorf C.* De recensionibus quas dicunt textus Novi Testamenti ratione potissimum habita Scholzii: Dissertatio historica exegetica critica. Lipsiae: Bernh. Tauchnitz, 1840.

⁶³ *Tischendorf C.* Zur Kritik des Neuen Testaments // ThStKr. 15. Heft 2. 1842. S. 496–511.

⁶⁴ Ibid. S. 499.

⁶⁵ См., например, 11 писем в изд.: *Brückner B.* Aus dem Correspondenzkreise von Theologen mit dem König Johann von Sachsen // Neuer Anzeiger für Bibliographie und Bibliothekswissenschaft. Bd. 45. 1884. S. 134–139 [347.], 169–171 [464.], 189–194 [561.].

же он копировал рукописи для лейпцигских профессоров, посредством таких заказных работ держась на плаву. Молодой ученый пустился в приключение с неясным исходом. Над его намерениями в Париже вначале посмеялись. Однако с первыми неожиданными успехами начало поправляться и материальное положение Тишендорфа. То, чего от молодого ученого никто не ожидал, удалось: в ходе двухлетней упорной работы он выверял, строка за строкой, почти уже не читаемый текст. В конечном итоге текст был представлен полностью — в той степени, в какой он сохранился. Эта расшифровка «Codex Ephraemi» принесла Тишендорфу всеобщее признание. Университет Бреслау к тому времени уже присвоил ему звание почетного доктора богословия за его издание греческого Нового Завета 1841 года. Однако с большей охотой теперь ему выделялись и финансовые средства — частично от саксонского правительства, частично от частных благотворителей.⁶⁶ Будучи в Париже, Тишендорф опубликовал в 1843 г. в Лейпциге первую часть «Codex Ephraemi»; вторая часть последовала за ней в 1845 г.⁶⁷

Если бы планы Тишендорфа в октябре 1840 г. ограничились Парижем, поддержка, которую он ощутил с разных сторон, открыла бы для него новые возможности. Еще во время работы над «Codex Ephraemi» он объехал библиотеки Голландии и Англии. По окончании работы в 1843 г. из Парижа он отправился в Страсбург, поехал через Базель, Берн, Женеву, Лион, Авиньон и Карпентрас в Марсель. Отсюда он взял курс к своей величайшей цели: «Codex Vaticanus» в Риме. И хотя, снабженный солидными рекомендательными письмами, 21 мая 1843 г. Тишендорф был принят папой Григорием XVI,⁶⁸ он получил лишь ограниченный доступ к рукописи, которая как раз готовилась кардиналом Май к изда-

⁶⁶ Оглядываясь назад, об этом времени, составившем в конечном счете четыре года и три месяца, Тишендорф писал: «Всё путешествие стоило пять тысяч талеров. Откуда они пришли к страннику, который в 1840-м выехал из Лейпцига, имея меньше, чем ничто, — это покажется читателю довольно загадочным...» (*Tischendorf. Evangelien. 1862. S. 6; Bötttrich. Lesebuch. 1999. S. 70 и далее*).

⁶⁷ *Codex Ephraemi syri rescriptus sive fragmenta Novi Testamenti e codice graeco Parisiensi celeberrimo quinti ut videtur post Christum seculi eruit atque edidit... 44 c. Prolegomena + 358 c. Текст / Приложение + 1 таблица. Lipsiae (Bernh. Tauchnitz jun.), 1843; Codex Ephraemi syri rescriptus sive fragmenta utriusque testamenti e codice graeco Parisiensi celeberrimo quinti ut videtur post Christum seculi eruit atque edidit... 11 c. Prolegomena + 177 c. Текст / Приложение + 1 таблица. Lipsiae: Bernh. Tauchnitz jun., 1845.*

⁶⁸ *Tischendorf C. Die Vaticanische Bibelhandschrift und eine Audienz bei Gregor XVI. // Beilage zur Allgemeinen Zeitung (Augsburg). Nr. 279, 6.10. 1855. S. 4457–4459; cp.: Bötttrich. Lesebuch. 1999. S. 79–88.*

нию.⁶⁹ Хлопоты о «Codex Vaticanus» сопровождали Тишендорфа всю дальнейшую жизнь, хотя в качестве венца своих трудов он впоследствии и рассматривал издание «Codex Sinaiticus».⁷⁰

Добравшись же до Италии, Тишендорф продолжил свои путешествия. До следующей весны он посетил библиотеки Неаполя, Флоренции, Венеции, Модены, Милана, Вероны и Турина. В Италии в конце концов созрел план сделать и последний шаг — на Восток. Речь об этом идет уже в письме-просьбе к королю Фридриху Августу Саксонскому, отправленном 25 марта 1843 г. из Рима: «Хотел бы, однако, Высокой милостью Его Величества, равно как и всемилостивейшим покровительством Вашего Королевского Высочества достичь распространения моего путешествия на Грецию и Палестину!»⁷¹ Пароходная линия Ливорно — Александрия вела, однако же, сначала в Египет. Снабженный новыми средствами, в начале апреля 1844 г. Тишендорф отправился в свою первую поездку на Восток.

К тому времени исследования и открытия в крупнейших европейских библиотеках сделали Тишендорфа одним из лучших знатоков библейской текстовой традиции. Изучению тех многочисленных рукописей, которые он смог приобрести или копировать между 1840 и 1844 гг., посвящены годы его последующей работы в Лейпциге. Самый же большой и удивительный его успех 1844 года был еще впереди.

Из Александрии он поехал в Каир и посетил коптские монастыри в нитрийской пустыне. При этом Тишендорф руководствовался предположением, что в поисках древнейшего текста наибольшего интереса заслуживают также монастыри и библиотеки Востока, из которых некогда вышли библейские рукописи. Таким образом, в середине мая 1844 г. он отправился в путь из Каира и поехал с небольшим караваном через Суэц и вдоль Красного моря к монастырю святой Екатерины на Синае. Наблюдения, сделанные в этой поездке, он впоследствии использовал в своей лейпцигской лекции «О переходе израильтян через Красное море», прочитанной по случаю вступления в должность 7 июня 1847 г.⁷² 24 мая

⁶⁹ Это издание было начато Анджело Май в 1828 г.; к предварительному завершению он подошел в 1838 г.; postum оно было окончено в 1858 г. (1859) трудами Карло Верчеллоне.

⁷⁰ Позднее Тишендорф подготовил малоформатное издание «Codex Vaticanus»: *Novum Testamentum Vaticanum. Post Angeli Maii aliorumque imperfectos labores ex ipso codice edidit...* L + 284 с. + 1 таблица. Lipsiae: Giesecke et Devrient, 1867.

⁷¹ *Böttrich. Lesebuch.* 1999. S. 78.

⁷² *Tischendorf C. De Israelitarum per mare rubrum transitu.* 32 с. + 1 карта. Lipsiae: F. A. Brockhaus, 1847.

он прибыл в монастырь на Синае и был там тепло принят. В своих сообщениях он описывал всё то, с чем сталкивались в монастыре и другие путешественники: величественный мир гор, подъем на гору Моисея, богослужебную и повседневную жизнь братии, монастырь и его почтенную историю. Лишь о библиотеке он сообщил немного. То, с чем он столкнулся там и что должно было превзойти открытия его уже почти четырехлетнего путешествия, он предал гласности лишь 15 лет спустя.⁷³

Однажды во время пребывания в монастыре (с 24 мая по 1 июня 1844 г.) имела место сцена, переданная в отчете 1865 г. так: «Когда в мае 1844 г. в монастыре св. Екатерины у подножья Синая я исследовал библиотеку, в центре последней стояла большая широкая корзина с некоторым количеством остатков старых пергаменных листов. Библиотекарь, хорошо осведомленный человек, сказал мне, что подобные остатки — две полных корзины — были брошены в огонь. Как же велико было мое изумление, когда в третьем наполнении роковой корзины я нашел значительное число листов греческой Библии Ветхого Завета, которая мне сразу показалась одной из самых старых, какие я когда-либо видел».⁷⁴

Листов, найденных Тишендорфом в корзине, оказалось в общей сложности 129.⁷⁵ Они содержали ветхозаветный текст исторических и пророческих книг. В форме почерка наметанный к тому времени глаз специалиста сразу же узнал IV в.! Таким образом, эти листы должны были принадлежать кодексу, который по древности и по значению был равен дотоле единственному в своем роде Ватиканскому кодексу. То, что, обращаясь с просьбой о листах из мусорной корзины, Тишендорф не умолчал об их ценности, как кажется, побудило отцов предоставить ему лишь часть их.⁷⁶ Очевидно, пергаменные листы составляли при этом большую и меньшую стопы, из которых Тишендорф получил меньшую, в 43 листа.⁷⁷ Большая, в 86 листов, осталась в монастыре. Дальнейшая

⁷³ Оглядываясь впоследствии назад, Тишендорф неоднократно повторял эту историю. См.: *Tischendorf*. 1) *Nachricht*. 1860. S. 3—4; 2) *Vorworte*. 1862. S. 9; 3) *Evangelien*. 1865. S. 11; 4) *Sinaibibel*. 1871. S. 3.

⁷⁴ *Tischendorf*. *Evangelien*. 1865. S. 11.

⁷⁵ Милн и Скит рассматривают 129 «more like 43 × 3 than an authentic figure» (*Milne, Skeat*. *Scribes and Correctors*. 1938. P. 82), поскольку до этого Тишендорф обозначил 43 листа как «примерно треть всего».

⁷⁶ Остается неясным, происходила ли эта сцена между одними лишь Тишендорфом и Кириллом или в ней принимали участие и другие отцы монастыря.

⁷⁷ «Назначение корзины сделало возможным, что меньшая, рядом свободно лежащая часть листов (43) была мне, по моему желанию, передана» (*Tischendorf*. *Sinaibibel*. 1871. S. 4).

попытка получить также и эти листы окончилась неудачей.⁷⁸ Ввиду этого Тишендорф подробно описал их содержание и переписал один из листов, заключавший в себе переход от Исаяи к Иеремии. Библиотекарю Кириллу он доверил оставшиеся 86 листов с просьбой тщательно их хранить: «Я добавил: а также всё, что могло бы найтись подобного; потому что остатки старого переплета на оставшихся там листах очевидным образом свидетельствовали о том, что имелась библейская рукопись большего объема».⁷⁹

Прощание с монастырем получилось теплым, хотя в своих первых путевых воспоминаниях Тишендорф не жалеет и критических слов. Дело с ним обстояло так же, как со многими путешественниками его времени, которым культуру Востока, как и мир восточного христианства, с трудом удавалось рассматривать иначе, чем через очки своих собственных культурных установок.⁸⁰

Мусорной корзине, в которой Тишендорф в 1844 г. нашел те самые 129 листов, с тех пор было поставлено много критических вопросов.⁸¹

⁷⁸ Впоследствии Тишендорф замечает: «Когда я позднее захотел получить и остальное, возникли сложности со стороны игумена...» (*Tischendorf. Sinaibibel. 1871. S. 4*), из чего можно заключить, что весть о находке к тому времени уже разнеслась по монастырю.

⁷⁹ *Tischendorf. Sinaibibel. 1871. S. 4.*

⁸⁰ В сочинениях Тишендорфа далее просматривается, однако, очевидный процесс обучения. Молодым человеком (в 1844 г. ему было 29 лет) он столкнулся с Востоком как с чуждым еще миром, который он одновременно поэтически преображал и полемически оценивал. Сыграла здесь свою роль и критика, которой книгу Тишендорфа «*Reise in den Orient*» (Leipzig, 1845 и 1846) подверг тюбингенский ориенталист Й. Й. Фальмеррайер; см.: *Monatsblätter zur Ergänzung der Allgemeinen Zeitung. Augsburg, Februar 1846. S. 79–84; März 1847. S. 129–133.* С углубляющимся знакомством росло и его понимание отношений на Синае. Манера, в которой Тишендорф характеризуется у Бентли (*Bentley. Secrets. 1986. P. 83–86* и др.), является не чем иным, как карикатурой; посредством подобранной цитаты Бентли приписывает Тишендорфу «ненависть» к отцам монастыря, что является полной бессмыслицей; недоразумения имели место с обеих сторон, и Тишендорф не был единственным, кто должен был учиться на такого рода встрече разных менталитетов. То, что не устраивает Бентли в Тишендорфе, определяет его собственную позицию, а именно: недостаток понимания и непомерные отторжение и неприязнь.

⁸¹ *Bénéchévitch. Manuscrits. 1937. P. 35–39; Перадзе (Peradze. Dokumenty. 1934. P. 128)* расценивает это сообщение как романтический анекдот и видит противоречие в том, что Тишендорф — если корзина и впрямь была предназначена для уничтожения — получил лишь часть листов; кроме того, он считает невероятным, что греческие пергаменные листы были уничто-

В том, что старые или поврежденные листы пергамента и в самом деле сжигались, можно действительно сомневаться.⁸² В качестве горючего материала пергамен представляется совершенно неподходящим: вместо того чтобы гореть, он лишь тлеет и распространяет при этом неприятный запах.⁸³ Тем не менее, как доказывают сообщения других путешественников, корзина для мусора сама по себе не является изобретением Тишендорфа.⁸⁴ То, что она изначально была предназначена для хранения рукописей, маловероятно. В круглых сосудах наподобие кувшинов или в так называемых *capsae* в эллинистическое время хранились свитки.⁸⁵ Но такие кувшины были сделаны из глины, а *capsae*, как правило, из кожи; корзины же мало подходили для как можно более щадящего

жены (не говоря, однако, почему). Бентли (Secrets. 1986. P. 87) пишет: «It seems to me hardly likely to be true», но не может подкрепить это ни одним аргументом.

⁸² В. Н. Бенешевич (Описание греческих рукописей Монастыря Святой Екатерины на Синае. I. СПб., 1911. С. XVI, примеч. 1) сообщает, тем не менее, описывая свое посещение монастыря в 1908 г., что при растопке хлебной печи, помимо мусора, в ней сжигались также старые книги. О пергамене, правда, при этом нет ни слова.

⁸³ Это справедливо отмечает Б. Аланд: *Aland B. Die neuen neutestamentlichen Handschriften*. 1986. S. 86.

⁸⁴ Русский архимандрит Антонин Капустин из Иерусалимской миссии, который ввел в своем каталоге нумерацию рукописей, в августе 1870 г. также обнаружил корзину с поврежденными тетрадами и разорванными листами; русский ученый Н. П. Кондаков застал корзину и в 1881 г. (*Bénéchévitch. Manuscripts*. 1937. P. 34f.); замечание Трежеля о том, что и майор Макдональд стал свидетелем подобной практики в монастыре (см. ниже), выглядит всё же, скорее, инспирированным сообщением Тишендорфа.

⁸⁵ Об этом см. подробно: *Birth Th. Die Buchrolle in der Kunst: Archäologisch-antiquarische Untersuchungen zum antiken Buchwesen*. Leipzig, 1907 (особ. с. 210–268 (= *Das Rollenbuch und seine Aufbewahrung*)). Переход от свитка к кодексу осуществляется примерно между IV и V вв., начиная с VI в. свитки становятся редкостью; см. об этом: *Schultze V. Rolle und Codex // Greifswalder Studien: FS H. Cremer. Gütersloh, 1895. S. 147–158, особ. 155–157*. Тем не менее, совершивший путешествие на Синай сэр Фредерик Хенникер сообщает, что в 1820 г. в библиотеке монастыря он видел много пергаменных свитков (*Manley, Abdel-Hakim. Traveling*. 2006. P. 179). Тишендорф также замечает в 1846 г.: «Особый интерес составляют некоторые старые пергаменные свитки на коротких шестах, совершенно такие же, какие прежде отцы держали в руках на богослужении» (*Tischendorf C. Rechenschaft über meine handschriftlichen Studien auf meiner wissenschaftlichen Reise von 1840 bis 1844. V: Die Bibliothek des St. Katharinenklosters am Fuße des Sinai // Jahrbücher der Literatur*. 114. 1846. S. 45–58, особ. 46).

обращения с рукописными свитками. Менее же всего круглая форма корзины соответствовала четырехугольным кодексам. Так что если в монастыре части пергаменных кодексов складывались в корзину, то происходило это определенно не с целью обеспечить им соответствующее хранение.

Вопрос о сожжении содержимого мог бы быть легко прояснен, если в разговоре Тишендорфа с отцом Кириллом допустить языковое недоразумение. Информацию библиотекаря о том, что содержимое корзины уже дважды было выброшено или уничтожено, Тишендорф мог несколько свободно интерпретировать как его сожжение. Поскольку общение в монастыре осуществлялось преимущественно по-французски или — менее бегло — по-гречески, такое недоразумение могло легко возникнуть. Предназначались ли они для сожжения или для уничтожения другим способом — эти отобранные поврежденные рукописи, вне всякого сомнения, рассматривались как отходы. И в этом смысле библиотекаря Кирилла Тишендорф понял в любом случае правильно. В ином случае вряд ли можно было бы представить, чтобы 43 листа были ему переданы с такой легкостью.⁸⁶ Поскольку же только во время этого диспута стала очевидна стоимость рукописи, отец Кирилл предоставил ему лишь меньшую часть из 129 листов. Так в этой деликатной ситуации обеим сторонам удалось сохранить лицо.

О трудной ситуации в библиотеке монастыря можно прочесть почти во всех путевых сообщениях XIX в.⁸⁷ Проблема, пожалуй, состояла преимущественно в том, что ее тексты уже не использовались для богословской работы в том объеме, в каком это было в первые века. Нужда в литературе возникала прежде всего для поддержания литургической жизни. Неполные или поврежденные тексты или же тексты без прочного переплета больше не находили применения. Это ясно и из того, что в свой каталог, впервые подготовленный под его собственную ответственность,

⁸⁶ Так интерпретирует это и Тишендорф: «Они были переданы мне без больших сложностей, поскольку пребывали в полном небрежении и были так близки к окончательной гибели» (*Tischendorf. Vorworte. 1862. S. 9*). В 1871 г. он уточняет еще, что «меньшая, рядом свободно лежащая часть листов (43) была мне, по моему желанию, передана» (*Tischendorf. Sinaibibel. 1871. S. 4*). В *Monumenta sacra inedita (Nova collectio. I, XXXX)* говорилось также: «...я открыл два фрагмента ветхозаветной рукописи...»; ср. также: *Tischendorf. Sinaibibel. 1871. S. 7, Fußnote 5*.

⁸⁷ Бенешевич (*Bénéchévitch. Manuscrits. 1937. P. 22*) цитирует ряд описаний близкого к Тишендорфу времени: *Combes 1834; Robinson 1838; Castle-reagh 1842; Fisk 1842; Oumanetz 1843; Wilson 1843; Bourassé 1852; Wallin 1855*. Оставалось желать лучшего и в 1872 г. См., например: *Ebers G. Durch Gosen zum Sinai: Aus dem Wanderbuche und der Bibliothek. Leipzig, 1872. S. 300*.

библиотекарь Кирилл не внес неполный, существующий как собрание нескрепленных листов Синайский кодекс. Листы в корзине для мусора — часть этой общей ситуации.

Со своей находкой 1844 г., превзошедшей все его ожидания, Тишендорф впоследствии обходился с известной сдержанностью. Несмотря на то что он подробно сообщил о 43 листах и представил их уже в 1846 г. в факсимильном издании, сведения о месте находки он приберег для себя. Одному лишь брату Юлиусу, взявшему на себя существенную часть финансирования этого первого большого путешествия, он открывает место находки в письме из Каира от 15 июня 1844 г. непосредственно по возвращении с Синая: «Теперь же послушай кое-что об изрядных результатах моих исследований. Я, собственно, получил во владение 43 пергаменных листа В<етхого> Зав<ета> по-гречески, которые принадлежат к самому старому из того, чем в этом роде обладает Европа. Я думаю, они относятся к середине IV века. Это совершенно неоценимое сокровище, и, помимо его бесподобно древнего возраста, оно еще богато примечательными особенностями».⁸⁸

В сообщении для аугсбургской «Allgemeine Zeitung» от 17 июня 1844 г. он предлагает общее и совершенно не привлекающее внимания описание библиотеки без упоминания о 43 листах. Лишь в жалобе на состояние книг он не может себе отказать: «Кроме того, глядя на листы, частью беспорядочно разбросанные, частью использованные для переплетов, видишь, как варварски из-за невежества и беспечности насельников монастыря древнейшие драгоценные унциальные рукописи обречены на уничтожение».⁸⁹ Это замечание до времени заменяет упоминание корзины, содержание которой он еще не хочет разглашать. 2 октября 1844 г. «Allgemeine Zeitung» впервые сообщила конкретно: «Г-н Тишендорф известил нас, что в своем путешествии по Востоку он нашел и получил очень ценную и чрезвычайно удивительную рукопись. Это фрагмент греческого текста, в сорок листов величиной, из апокрифических и пророческих книг Ветхого Завета. По мнению Тишендорфа, вполне возможно, что это древнейший из всех письменных документов на пергамене, которые сохранились с древности до наших дней...».⁹⁰

⁸⁸ Böttrich. Lesebuch. 1999. S. 95. То, что местом находки мог быть лишь монастырь св. Екатерины, следует из контекста письма.

⁸⁹ Beilage zur Allgemeinen Zeitung (Augsburg), Nr. 192, 10.7.1844, S. 1529–1531; cp.: Böttrich. Lesebuch. 1999. S. 97–106, особ. 103.

⁹⁰ Beilage zur Allgemeinen Zeitung (Augsburg), Nr. 276, 2.10.1844, S. 2201. Сообщение дано под заголовком: «Палеографическая находка Тишендорфа». На это сообщение ссылается другая публикация в «Allgemeine Zeitung» (Nr. 92, 2.4.1845, S. 733), в которой представлены все рукописи Ти-

Эта публикация, которая на этот раз описывает и ряд особенностей 43 листов, предвосхищает позднейшее издание 1846 г. и предисловие к нему. Вполне общим соответствующий пассаж вновь остается в книге «Путешествие на Восток».⁹¹ Так, из него можно узнать, что в монастыре Тишендорф получал рукописи для переписки в своей комнате. Об их ценности или содержании почти ничего не говорится. Самое четкое указание предлагает «Отчет о моих рукописных исследованиях в моем научном путешествии с 1840 по 1844 г.», который в 1845—1849 гг. печатался с продолжением в «Jahrbüchern der Literatur» (Вена). В первой части, которая перечисляет рукописи, привезенные Тишендорфом с Востока в оригинале (без указания в каждом случае места происхождения), и группирует их соответственно их языкам, на первом же месте находится обстоятельное и подробное описание этих 43 листов.⁹² Далее следуют сообщения о различных библиотеках и их составе. Часть пятая посвящена «Библиотеке монастыря св. Екатерины у подножья Синая».⁹³ При этом упоминается и зловещая корзина, хотя и без связи с 43 листами: «Без сомнения, в распоряжении монастыря осталось бы много древних рукописных сокровищ, если бы невежество его обитателей не было беспощаднее всего именно к старому. Это вполне доказывают отдельные очень древние листы, которые сейчас частью лежат под массой других в корзине, частью использованы для переплетов более новых рукописей».⁹⁴ Лишь в 1860 г. Тишендорф открыл эту связь и для общественности.⁹⁵

Когда по возвращении в Лейпциг Тишендорф опубликовал 43 листа как «Codex Friderico-Augustanus» с посвящением своему королю,⁹⁶ в пре-

шндорфа: «Во главе всего собрания стоит неоценимое сокровище — это тот ветхозаветный фрагмент, который прежде уже был обозначен как, вероятно, самый старый из всех находящихся в Европе греческих пергаменных рукописей...».

⁹¹ *Tischendorf*. Reise in den Orient. I. 1845. S. 218—224, 240—241. Здесь можно больше узнать о Синае в целом, чем о библиотеке в частности.

⁹² *Tischendorf* C. Rechenschaft... I. Die von mir aus dem Oriente im Original mitgebrachten Handschriften, in griechischer, syrischer, koptischer, arabischer, armenischer, äthiopischer und arabisch-drusischer Sprache // *Jahrbücher der Literatur* (Wien). 110. 1845. S. 1—15; см. часть 1. Die griechischen Manuscripte 1—11 (1—4 касается указанных 43 листов).

⁹³ *Tischendorf* C. Rechenschaft ... V. Die Bibliothek des St. Katharinenklosters am Fuße des Sinai // *Jahrbücher der Literatur* (Wien). 114. 1846. S. 45—58.

⁹⁴ *Ibid.* S. 45.

⁹⁵ *Tischendorf*. Nachricht. 1860. S. 3—4.

⁹⁶ *Codex Friderico-Augustanus sive fragmenta Veteris Testamenti...* Lipsiae, 1846 (см. ниже).

дисловии он указал лишь, что листы привез из «одного монастыря на Востоке».⁹⁷ Причину хранения тайны он открыл только после счастливой находки оставшихся листов в 1859 г.: «Я исходил из того, что оставшиеся на Синае фрагменты, вдвое превышавшие те, что я привез в Лейпциг, увезу позднее».⁹⁸ Сразу же по отъезде с Синая он попытался реализовать этот план двояким образом. В том же письме от 15 июня 1844 г. он писал своему брату из Каира: «Поскольку я хочу вначале предпринять шаги в отношении Патриарха в Константинополе, чтобы получить и часть, оставшуюся, кроме этих 43 листов, на Синае, публичную заметку о моей находке пока отложил. Дай только Бог, чтобы все эти вещи счастливо прибыли в Саксонию».⁹⁹ Одновременно он надеялся на получение листов путем покупки, что для него должен был организовать его влиятельный друг, лейб-медик вице-короля Египта. Однако же Прунер-Бей только и смог сообщить Тишендорфу: «С вашим отъездом из монастыря там знают очень хорошо, что обладают сокровищем. Чем больше вы просите, тем меньше эту рукопись будут отдавать».¹⁰⁰ При таком положении вещей оставался лишь один путь — вторая поездка на Синай. Чтобы добиться необходимой финансовой поддержки, Тишендорф прежде всего доверился саксонскому министру просвещения фон Бойсту. Однако то, что этот путь он держал в уме уже в 1844 г., он признает в 1871 г., вспоминая свое прощание с монастырем: «Одновременно я открыто высказал Кириллу мою идею повторной поездки на Синай; я также намекнул ему, что при этом постараюсь заинтересовать царск<ое> русское правительство».¹⁰¹

3.2. Дальнейшие попытки: 1845—1856

В январе 1845 г. Тишендорф вернулся в Лейпциг. Путь с Синая провел его еще через Иерусалим, Мар-Сабу, Самарию, Наблус, Назарет, Бейрут, Смирну, Патмос и Константинополь вплоть до Афин. На обратном пути, когда его достигло известие о назначении его экстраординарным профессором в Лейпциге, он использовал еще возможность для исследования рукописей в Вене и Мюнхене. В Лейпциге же, тоскуя, его ждала невеста Ангелика. В сентябре 1845 г. состоялась свадьба. Тишендорф обзавелся

⁹⁷ Так же общо он высказывается в своем анонсе этого издания в *Leipziger Repertorium* 1846 (см. ниже): «Найденный в отдаленнейших землях оригинал я счастливо привез на родину...» (1).

⁹⁸ *Tischendorf. Sinaibibel*. 1871. S. 5.

⁹⁹ *Böttlich. Lesebuch*. 1999. S. 95.

¹⁰⁰ *Tischendorf. Sinaibibel*. 1871. S. 5; см. также его же: *Evangelien*. 1865. S. 12.

¹⁰¹ *Tischendorf. Sinaibibel*. 1871. S. 4.

семейным очагом¹⁰² и начал обработку своих рукописных материалов. В 1846 г. одновременно с 43 синайскими листами («Codex Friderico-Augustanus») был издан сборник, озаглавленный «Monumenta sacra inedita», за которым впоследствии, между 1855 и 1870 гг., должны были последовать «Monumenta sacra inedita. Nova collectio» в семи томах. Они были задуманы как начало «христианской библиотеки документов», которую Тишендорф (возможно, по образцу «Monumenta Germaniae historica», выходящих начиная с 1826 г.) планировал как собрание всех рукописей библейской текстовой традиции. Однако, чем бы он ни занимался, мысль о 86 пергаменных листах, оставленных в мае 1844 г. в монастыре на Синае, не давала ему покоя.

В эти годы, совершая поездку по Востоку, монастырь св. Екатерины посетил именитый русский ученый и — держал там в руках то, что Тишендорф оставил для хранения библиотекарю Кириллу, рекомендовав вести дальнейшие поиски. Сын псаломщика Александра Матвеевича Успенского, Порфирий Успенский (1804—1885)¹⁰³ родился 8 сентября 1804 г. в Костроме и был крещен с именем Константин. Путь, по которому шло его образование, привел его из Духовной семинарии в Костроме в Духовную академию в Петербурге, где в 1824 г. он принял постриг с именем Порфирия. По окончании учебы и рукоположении в иеромонахи он служил вначале законоучителем, позднее же — профессором в Петербурге и Одессе. В 1834 г. Порфирий был назначен настоятелем в чине архимандрита в одесский Успенский монастырь. В 1839 г. он возглавил Духовную семинарию в Херсоне.

После непродолжительного пастырского служения в посольской церкви в Вене Священный Синод посылает его в 1840 г. в первую поездку на Восток, чтобы он мог там составить представление о положении православного христианства. 20 декабря 1843 г. Порфирий достиг Иерусалима. В последующие два года он объехал Палестину, Сирию, Афон и Синай. Но прежде всего его усилия были направлены на создание Русской миссии в Иерусалиме.¹⁰⁴ Возвратившись в Петербург в октябре 1846 г.,

¹⁰² Между 1847 и 1867 гг. в семье Тишендорфов родилось 8 детей.

¹⁰³ Его биографию см.: *Jastrebow M. Bischof Porfiri Uspenski // Hierarchen und Starzen der Russischen Orthodoxen Kirche / Hg. von F. von Lilienfeld. Berlin, 1966. S. 111—121.* Важнейшим источником являются дневники Успенского: Книга бытия моего: Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского / Издание Императорской Академии наук под ред. П. А. Сырку [издано посмертно]. Т. 1—8. СПб., 1894—1902 (о Тишендорфе см. особ. в главах VII, VIII).

¹⁰⁴ Об этом см.: *Smolitsch I. Zur Geschichte der Beziehungen zwischen der Russischen Kirche und dem Orthodoxen Osten. Die russische kirchliche Mission in Jerusalem (1847—1914) // OS. T. 5. 1956. S. 33—51, 89—136.*

он привез с собой множество рукописей и икон, которые получил в монастырях Востока. 13 февраля 1848 г. Порфирий Успенский отправился во второе путешествие по Востоку, имевшее целью прежде всего устроить в Иерусалиме Русскую миссию. Однако усилия, предпринятые им на месте (а именно — попытка экуменического сотрудничества среди прочего и с древневосточными церквями), не нашли в России большой поддержки. В 1853 г. он был вновь отозван из Иерусалима. Последняя поездка, служившая исключительно научным интересам, в 1858—1861 гг. привела его в конце концов еще раз на Восток. В 1865 г. Порфирий Успенский был поставлен епископом Чигиринским, викарием Киевской митрополии. Последние годы своей жизни (с 1878 г.) он провел в Новоспасском монастыре в Москве.

В своих поездках Порфирий Успенский также был дважды в монастыре св. Екатерины на Синае. Об обоих посещениях (1845 и 1850 гг.) он сообщает в описании путешествия, опубликованном в 1856 г.¹⁰⁵ Воспоминания о пребывании в монастыре сохранились и в его посмертно изданных дневниках.¹⁰⁶ Особого интереса при этом заслуживает отчет о первой поездке 1845 г., в котором Порфирий Успенский дает также описание библиотеки и некоторых ее примечательных рукописей.¹⁰⁷ Из греческих рукописей он выделяет четыре. Первой из них (ей он посвящает более пространное описание) является, без сомнения, Синайский кодекс.¹⁰⁸ Представлен он в виде тех 86 листов, которые Тишендорф оставил в монастыре в 1844 г., дополненных другими 260-ю листами, о существовании которых Тишендорф хотя и догадывался (и на что надеялся), но которые, однако, в свое время остались ему неизвестными.

Вскоре после отъезда Тишендорфа в июне 1844 г. оставшиеся 86 листов из корзины должны были, следовательно, воссоединиться с другой стопой пергаменных листов — после того, как стала понятна их взаимосвязь.¹⁰⁹ Где эти 260 листов лежали до этого и откуда, таким образом,

¹⁰⁵ *Порфирий Успенский*. 1) Первое путешествие в Синайский Монастырь в 1845 году. СПб., 1856; 2) Второе путешествие Архимандрита Порфирия Успенского в Синайский Монастырь в 1850 году. СПб., 1856.

¹⁰⁶ Книга бытия моего: Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского / Издание Императорской Академии наук под ред. П. А. Сырку [издано посмертно]. Т. 1—8. СПб., 1894—1902.

¹⁰⁷ *Порфирий Успенский*. Первое путешествие. 1856. С. 207—242 (VIII. Библиотека).

¹⁰⁸ Там же. С. 225—238.

¹⁰⁹ В этой связи, как выяснилось после 1934 г. в ходе исследования Д. Кокерелла, листы были переплетены еще раз; см. об этом: *Milne, Skeat*. Scribes and Correctors. 1938. P. 83; *Skeat T. C.* The Last Chapter in the History of the Codex Sinaiticus // NT. T. 42. 2000. P. 313—315.

происходили более ранние 129 листов из корзины в библиотеке, остается неясным. Но вполне возможно, что этот объем текста уже вскоре после отъезда Тишендорфа был восстановлен в библиотеке, где, занимаясь своими исследованиями, его без труда мог обнаружить Порфирий Успенский. Тем не менее, последним не была осознана ценность того, что он держал в руках. Его описание содержит ряд ошибок, отмечает второстепенные вещи и умалчивает об особенностях кодекса.¹¹⁰ Описывая свое второе путешествие, он упоминает кодекс еще раз, однако кратко и между прочим.¹¹¹ В 1850 г., по его собственным данным, он провел в библиотеке вообще мало времени,¹¹² но впоследствии настаивал в брошюре 1862 г. на том, что во время этого пребывания он еще раз внимательно исследовал кодекс.¹¹³ Во всяком случае, эти сообщения Порфирия Ус-

¹¹⁰ Порфирий Успенский не осознал уникальности кодекса; он не отдавал себе отчета в том, какую сенсацию представляли тексты «Послания Варнавы» и «Пастыря Гермы»; он подробно останавливается на второстепенном; особенные чтения, которые он позднее будет оспаривать как «еретические», здесь им еще не замечены; связь, которую он устанавливает с александрийским диаконом Евталиосом (ок. 446 г.), неоправданна. Тишендорф подверг это описание критическому рассмотрению в работах: *Tischendorf*. 1) *Nachricht*. 1860. S. 8–11; 2) *Vorworte*. 1862. S. 14–16; 3) *Novum Testamentum Sinaiticum*. 1863. P. XIII; 4) *Sinaibibel*. 1871. S. 21, Fußnote 14.

¹¹¹ *Порфирий Успенский*. Второе путешествие. 1856. С. 183: «Я рассмотрел старинную рукопись греческую на белом и тонком пергамене в лист, содержащую часть Ветхого Завета, и весь Новый Завет с Посланием апостола Варнавы и книгою Ермы». На свое более раннее и более подробное описание кодекса он в этой связи не ссылается.

¹¹² Из 36 дней в июне-июле 1850 г. большую часть времени Порфирий Успенский посвятил монастырю и его окрестностям; ввиду болезни глаз его работоспособность в течение 9 дней была ограниченной, и он провел это время, пополняя свои заметки; всего лишь 4 дня он занимался в этот раз исключительно в библиотеке (183).

¹¹³ *Порфирий Успенский*. Мнение. 1862. С. 1–2. По словам Порфирия Успенского, во второй раз он мог исследовать рукопись «гораздо внимательнее», потому что вследствие болезни глаз имел больше времени. Из описания его второго путешествия 1856 г. такого вывода сделать нельзя: с одной стороны, он упоминает кодекс не в связи с 9-ю днями болезни глаз, а в связи с последними 4-мя днями в библиотеке; с другой стороны, там нет ни одного указания на новые данные. В своих дневниках Успенский еще раз дает описание библиотеки, датированное 3 июня 1850 г. (*Порфирий Успенский*. Книга IV. 1896. С. 44–62); при этом он лишь кратко упоминает Синайский кодекс (с. 56–57) и утверждает, что во время этого второго путешествия свое мнение 1845 года он изменил и теперь установил, что этот текст не соответствует преданию святой вселенской апостольской Церкви; это мнение он изложил еще на Синае и позднее в Иерусалиме. Это утверждение нельзя

пенского не были способны в 1856 г. привлечь внимание русской или даже западноевропейской публики к единственному в своем роде кодексу с Синая.

Сведения о путевых записях Порфирия Успенского Тишендорф впервые получил в августе 1859 г.¹¹⁴ Между его собственным открытием в феврале 1859 г. и этим сообщением лежало добрых семь месяцев. Тем, кто ему сообщил в Константинополе о книге Порфирия Успенского, а также перевел соответствующий ее пассаж, был русский посол князь Лобанов-Ростовский. После этого Тишендорф подробно и критически высказался по поводу исследования Порфирия Успенского, что послужило началом сложных отношений между двумя учеными мужами.

В мае 1862 г., незадолго до окончания большого издательского проекта, осуществлявшегося Тишендорфом с помощью русского правительства, Порфирий Успенский опубликовал небольшую работу, в которой попытался представить Синайский кодекс как результат фальсификации текста еретиками.¹¹⁵ Эта брошюра, переданная Священным Синодом Министерству народного просвещения, была призвана если не воспрепятствовать изданию кодекса, то, по крайней мере, задержать его.¹¹⁶ Не-

ни подтвердить, ни опровергнуть: бесспорно лишь, что обвинение в ереси со стороны Порфирия Успенского основывается на чтениях, приведенных Тишендорфом в 1862 г. в «Notitia editionis...». Возможно, дневниковые записи Порфирий Успенский впоследствии перерабатывал.

¹¹⁴ Так об этом сообщает Тишендорф: 1) *Nachricht*. 1860. S. 8–11; 2) *Vorworte*. 1862. S. 14–16; 3) *Novum Testamentum Sinaiticum*. 1863. S. XIII; 4) *Sinaibibel*. 1871. S. 21, Fußnote 14. В отношении этого заверения Тишендорфа И. Шевченко (*Documents*. 1964. P. 79, примеч. 81) поставил знак вопроса и по поводу третьей поездки в 1859 г. высказал следующие соображения: «Was he driven there by an unclear impulse <...> or had he gotten wind <...> through the publications of Porfirij Uspenskij (1856) and the interview with A. S. Nogo...?» Такие рассуждения остаются, разумеется, в области умозрений до тех пор, пока не будет найдено указание в источниках, что признает и Шевченко.

¹¹⁵ *Порфирий Успенский*. Мнение. 1862 (см. ниже).

¹¹⁶ Дневники Порфирия Успенского отмечают под 26 ноября 1860 г., что «*Nachricht von der...*» ему как раз принес архимандрит Антонин; после этого он рассматривает критику Тишендорфа и создает набросок обвинения в ереси, опубликованного в «*Мнении о...*» (Книга VII. 1901. С. 280–283); под 26 апреля 1862 г. он затем пишет, что обер-прокурор Ахматов попросил изложить его мнение о синайской рукописи Библии для доклада царю (Книга VIII. 1902. С. 27); в дальнейшем, по окончании работы, он предлагает Ахматову также сопроводительное письмо (с. 27–28). Это событие послужило возникновению Досье министра Головина от 21 июня 1862 г. (РГИА, ф. 735, оп. 6, д. 204).

взирая на столь тяжкие обвинения, в конце брошюры Порфирий Успенский настаивал, однако, на том, что первооткрывателем кодекса является он. После этого министерство провело по делу проверку, но изначальных сроков публикации не изменило. В январе 1863 г. бывший министр народного просвещения Авраам Норов отреагировал на работу Порфирия Успенского уничтожающей репликой.¹¹⁷ В феврале 1863 г. последовало опровержение Тишендорфом взглядов Порфирия Успенского для немецкой читающей публики.¹¹⁸

Отношения между двумя учеными мужами оставались двойственными. Порфирий Успенский, который ввиду щедрой поддержки немецкого протестанта чувствовал себя обойденным, настаивал на своем приоритете в открытии и жаловался при дворе на Тишендорфа. С другой стороны, он искал контакта с Тишендорфом и поделился с ним своими собственными открытиями. В этом смысле показательным то, что 23 ноября 1862 г. (то есть в разгар спора по поводу обвинений в ереси) Тишендорф пишет из Петербурга своей жене Ангелике: «О чем же я тебе прежде должен рассказать, ты едва ли догадаешься. Я посетил Порфирия в Невском монастыре и вступил с ним в высшей степени дружеское соприкосновение. В собраниях, привезенных им из поездок по монастырям, он имеет кое-что ценное; кое-что живо напоминает мои собственные находки. Он был даже так любезен, что некоторое количество из того древнейшего, что имеет, тут же дал мне с собой на дом, где я всё прилежнейшим образом переписал для публикации. Среди этого также — один больший и два меньших отрывка из Синайского кодекса, из чего следует, что пропавшие части могут быть давно уже уничтожены. У него есть даже несколько фрагментов Посланий Павла на папирусе! Объем их небольшой, да и принадлежат они примерно к V веку, но это единственное в своем роде. Это я тоже переписал. Когда он пришел ко мне с ответным визитом, то принес мне в подарок все свои публикации, среди которых множество графических изображений Синайского монастыря. Сегодня я снова был у него; послезавтра он придет ко мне. Так что этот человек умеет себя вести совсем иначе, чем эти многочисленные жалкие простофили из Библиотеки и Академии».¹¹⁹

Некоторые из этих материалов Тишендорф опубликовал в своих «*Monumenta sacra inedita*», а также в «*Appendix codicum celeberrimorum...*» со

¹¹⁷ Норов А. Защита синайской рукописи Библии от нападений о. Архимандрита Порфирия Успенского. СПб., 1863. 15 с.

¹¹⁸ Tischendorf C. Die Anfichtungen der Sinai-Bibel. Leipzig: Carl Fr. Fleischer, 1863. S. 14–24. Последний критический обзор Тишендорф предпринял в: Tischendorf. Sinaibibel. 1871. S. 49–58.

¹¹⁹ Böttrich. Lesebuch. 1999. S. 240–241.

ссылкой на их первооткрывателя.¹²⁰ Позднее в дневниках Порфирия Успенского вновь умножаются горькие интонации.¹²¹ Его заслуги в отношении Синайского кодекса состоят прежде всего в том, что он нашел и другие отдельные листы и привез их в Петербург. В 1933 г. эти листы не были проданы вместе с другими в Лондон и составляют сегодня ту часть кодекса, которая хранится в Российской национальной библиотеке.¹²² В остальном же, пожалуй, следует согласиться со словами Тишендорфа: «Тем не менее, ему принадлежит честь первым сообщить русским читателям о древнейшей библейской весте, которую он сам приписывал V веку».¹²³

Вскоре после Порфирия Успенского Синайский кодекс видел, по всей вероятности, и другой посетитель монастыря. Речь в данном случае идет о шотландском майоре Чарльзе Керре Макдональде (1806–1867),¹²⁴ который в апреле 1845 г. поселился на Синае. Его интересы были связаны прежде всего с разработкой тамошних месторождений бирюзы.¹²⁵ Одновременно он совершал поездки по региону и собирал древности, 400 предметов из которых сегодня хранятся в одном в Британском музее

¹²⁰ Подробнее об этом см. ниже.

¹²¹ Болезненным оказалось прежде всего то, что вначале осталось неудовлетворенным желание Порфирия Успенского иметь экземпляр факсимильного издания: первоначально такой экземпляр Тишендорф пообещал, но потом, однако, не прислал (Книга VIII. 1902. С. 35), на что Успенский жаловался при дворе (Там же. С. 34–35) и обер-прокурору (Там же. С. 39–42). В 1880 г. он благодарно вспоминает императрицу Марию Александровну: «Она во время оно защищала меня от нападков синодальных и подарила мне печатный экземпляр Библии, открытый мною в Синайском монастыре и напечатанный Тишендорфом, подарила по вниманию к моей учености» (Там же. С. 527).

¹²² Между тем Порфирий Успенский первоначально не осознавал их тождества с другими листами. Предположительно он распознал их как часть Синайского кодекса только после шума, вызванного известием о находке Тишендорфа.

¹²³ *Tischendorf. Sinaibibel.* 1871. S. 21, Fußnote 14. Он говорил об этом и раньше: «Но помимо этого и всего прочего, я должен выразить радость по поводу того, что именно русский архимандрит в русской работе привел одно из первых известий о великом сокровище, которое через мои руки должно прийти в Россию» (Vorworte 1860, 16).

¹²⁴ См.: Macdonald, (Major) Charles Kerr // *Who was Who in Egyptology* / Ed. M. L. Bierbrier. London, 1995³. P. 266–267.

¹²⁵ Об этом ярко рассказывает Х. Бругш: *Brugsch H. Wanderung nach den Türkis-Minen und der Sinai-Halbinsel.* Leipzig, 1868². S. 42–43.

в Лондоне. От него самого, к сожалению, не дошло никаких письменных свидетельств. Только лишь английский текстолог Сэмюэль Придо Трежель (1813—1875) отметил в 1860 г., что майор Макдональд видел, по его словам, одну очень древнюю рукопись, написанную ранним унциалом, которую он отнес к IV в.¹²⁶ В этом случае сама собой напрашивается мысль о Синайском кодексе. Трежель, однако, не указывает письменного источника; возможно, его информация основывается тоже только на устном сообщении. Точно так же остается неясным, относится ли «a little later» к путешествию Порфирия Успенского 1845 г. или к его отчету о поездке 1856 г.¹²⁷ Итак, достоверно известно лишь, что в эти годы, помимо Порфирия Успенского, на Синайский кодекс в монастыре могли обратить внимание и другие путешественники.

Один примечательный эпизод выпадает на 1847 г. Он показывает, что и с британской стороны имелись амбиции в отношении поиска рукописей в Синайском монастыре. Среди наследия английского филолога и писателя Джорджа Борроу (1803—1881)¹²⁸ находится письмо, которое было призвано склонить его к поездке за рукописями на Синай.¹²⁹ Уже в 1830-е годы он объездил Восток в качестве корреспондента «British and Foreign Bible Society». Автор этого письма, чье имя биограф Борроу Вильям И. Кнапп не называет, указывает на существование в монастырях Леванта важных рукописей, которые должны были бы быть приобретены для Британского музея — «among others, of an original copy of the Greek New Testament, said to be of the fourth century, that was presented to the Convent [of St. Catherine] on Mount Sinaï by the Emperor Justinian».¹³⁰

¹²⁶ Так в Additions в: *Horne Th. H. An Introduction to the Critical Study and Knowledge of the Holy Scriptures*. 4. London, 1863¹¹. P. 775 (= Postscript, 1 ноября 1860, рец. на: *Tischendorf. Notitia editionis...* 1860); на это ссылается уже Тишendorf: *Tischendorf C. Novum Testamentum Sinaiticum...* Lipsiae, 1863. S. XIII, Fußnote 2.

¹²⁷ Лейку (*Codex Sinaiticus*. I. 1911. P. V) известно, что это было в 1848 г., однако источников, помимо Трежеля, он в своем распоряжении не имел. Возможно, эта дата ошибочно восходит к тому эпизоду, о котором сообщает Грегори (*Gregory C. R. Textkritik des Neuen Testamentes*. I. Leipzig, 1900. S. 23): Рочестерский епископ утверждал в 1881 г., что видел Синайский кодекс в монастыре в 1848 г.; при повторных вопросах Грегори выяснилось, однако, что это высказывание епископа было недоразумением.

¹²⁸ См.: Borrow, George // *Dictionary of National Biography*. Т. 5. London, 1886. P. 407—408.

¹²⁹ *Knapp W. I. Life, Writings and Correspondence of George Borrow (1802—1881)*. V. 2. New York; London, 1899. P. 57—59 (под 1847-м годом).

¹³⁰ *Ibid.* P. 58. Остается неясным, не являются ли формулировки Кнаппа, который здесь лишь кратко излагает письмо, обратной проекцией знания позднейшей истории кодекса.

Под этим (с сегодняшней точки зрения), без сомнения, подразумевается Синайский кодекс.

К такой миссии Борроу был готов, но в конечном счете к этому проекту не удалось привлечь попечителей Британского музея. Возможно, эта информация шла от Роберта Керзона (1810—1873),¹³¹ английского дипломата и собирателя книг, который к тому времени приобрел в различных поездках по Востоку большое количество рукописей и привез их в Англию.¹³² В это время Британский музей целенаправленно создавал свои собрания. Когда в январе 1857 г. оксфордский ученый Генри Октавиус Кокс (1811—1881) по заданию британского правительства отправился в путешествие за рукописями, он, однако, сознательно исключил из своей поездки монастырь св. Екатерины на Синае ввиду посещения его Тишендорфом в 1844 и 1853 гг.¹³³ Позднее Тишендорф еще раз упоминал о не названном по имени «молодом английском ученом», который в начале марта 1859 г. в Каире пытался купить у отцов только что

¹³¹ См.: Curzon, Robert // Dictionary of National Bibliography. V. 13. London, 1888. P. 354—355. Кнапп называет Керзона информантом: «Mr. Robert Curzon was the gentleman who had furnished the Museum authorities with their information»; одновременно он отмечает личную неприязнь между Керзоном и Борроу.

¹³² Curzon R. Visits to Monasteries in the Levant. London, 1849; 1850³, 1851⁴, 1865⁵, 1881⁶; немецкий перевод вышел в 1851 и 1854 гг. в Лейпциге и был Тишендорфу наверняка известен. Керзон описывает там свой целенаправленный поиск и приобретение древних рукописей в различных монастырях Египта, Иерусалима и его окрестностей, а также в Греции. Поездки состоялись в 1833—1834 и 1837 гг. Монастырь на Синае в описании не упоминается. О поездке на Синай в марте 1834 г. и о посещении монастырской библиотеки сообщают между тем письма Керзона, которые в настоящее время опубликованы; см.: Fraser I. H. C. The Heir of Parham: Robert Curzon 14th Baron Zouche. Harleston, 1986. Фрэзер полараает, что «Curzon makes no reference to this journey in *Visits to Monasteries in the Levant*, although it was one of the most unpleasent he ever undertook...» (P. 36); к сожалению, среди рукописей, описываемых Керзоном, отсутствует указание на Синайский кодекс; попытка купить рукописи полностью провалилась: «I did not get a book after all, though I went to Mount Sinai on purpose to get them» (P. 39). Возможно, что он все-таки видел полный кодекс уже в 1834 г., как это позволяет предположить инициатива, проявленная неизвестным посредником в отношении Борроу.

¹³³ Coxe H. O. Report of Her Majesty's Government on the Greek Manuscripts yet remaining in libraries of the Levant. London, 1858. P. 7. Тишендорф (Sinai-bibel. 1871. S. 12, Fußnote 10) цитирует сведения об отказе Кокса с гордостью, Харрис (Biblical Manuscripts. 1890. P. III) приводит их с сожалением. Об этом предпринятии Кокса см. также у Фрэзера (Heir of Parham. 1986. P. 134—137).

открытую основную часть Синайского кодекса.¹³⁴ Эпизоды с Борроу и Керзоном, как и активность Британского музея, в своей совокупности указывают на то, что в это время циркулировали различные слухи, которые мог принимать во внимание и Тишендорф.

За картиной текстологических исследований в Европе Тишендорф наблюдал из Лейпцига со вниманием. При этом свой план второй поездки на Синай, составленный уже в 1844 г., во время последующих полных работы лейпцигских лет он никогда не упускал из виду. Помимо первого большого сборника «Monumenta...» (1846), появились издания «Evangelium Palatinum» (1847) и «Codex Claromontanus» (1852), Вульгаты (1850) и Септуагинты (1850), Синописа (1851), два новых издания «Novum Testamentum Graece» (1849, 1850), собрания «Acta Apostolorum апоскрыфа» (1851) и «Evangelia апоскрыфа» (1853), кроме того, объемистое описание путешествия (1845 и 1846), а также многочисленные статьи меньшего объема. В 1852 г. Тишендорф считал, что время пришло. К тому моменту он уже продвинулся по службе до экстраординарного профессора, после чего направил в саксонское правительство новую просьбу о поддержке, открыв при этом происхождение листов теперь и министру образования фон Бойсту.

В середине января 1853 г. Тишендорф предпринял свое второе путешествие по Востоку.¹³⁵ На этот раз он направляется к монастырю св. Екатерины кратчайшим путем и прибывает туда в начале февраля. Однако, если не считать некоторых дальнейших находок в Александрии и Каире, в главном это путешествие обернулось разочарованием. 86 оставленных листов бесследно исчезли. Библиотекарь Кирилл больше не мог о них вспомнить — что можно понять с трудом ввиду того, что в истекший промежуток времени Порфирий Успенский и, возможно, майор Макдональд видели не только эти 86 листов, но и весь остальной корпус из 346 листов. После отъезда Тишендорфа в июне 1844 г. должен был, следовательно, состояться целенаправленный поиск листов. Опытной рукой они были собраны и сданы на хранение в библиотеку. Однако почему же тогда их не нашли в 1853 г.?¹³⁶ Можно допустить, что к приезду Тишендор-

¹³⁴ *Tischendorf*. 1) Aus dem heiligen Lande. 1862. S. 117; 2) Sinaibibel. 1871. S. 16. Спустя еще три с половиной года русский министр народного просвещения Головин в письме к князю Горчакову от 5 ноября 1862 г. высказал опасение, что английское ученое сообщество или какие-нибудь отдельные лица могут попытаться купить кодекс; см.: *Захарова*. История. 2007. С. 225.

¹³⁵ В своих позднейших сочинениях он сообщает об этом кратко; см.: *Tischendorf*. 1) Nachricht. 1860. S. 4; 2) Vorworte. 1862. S. 10; 3) Evangelien. 1865. S. 12; 4) Sinaibibel. 1871. S. 6.

¹³⁶ Тишендорф, со своей стороны, предполагал, что без ведома библиотекаря листы могли быть проданы в Англию или в Россию (Sinaibibel. 1871. S. 6).

фа листы были спрятаны. Уже в 1844 г. он узнал, что его появлению предшествовало предупреждение из Каира, чтобы в отношении рукописей с ним были поосторожнее.¹³⁷ Во всяком случае, звучит малоубедительно, что рукопись, обнаружившаяся лишь 9 лет назад и при этом привлекающая определенное внимание, могла быть в столь короткое время предана забвению.

Впрочем, даже с точки зрения поисков Синайского кодекса совсем уж бесполезной поездка не была. В одном из сборников житий святых Тишендорф нашел закладку, представлявшую собой полосу, оторванную от одного из пергаменных листов кодекса. На лицевой и оборотной сторонах она содержала текст из Быт. 24.¹³⁸ В отношении судьбы рукописи эта находка обещала мало хорошего. Находясь в монастыре, Порфирий Успенский также нашел использовавшиеся для переплетов пергаменные фрагменты, которые впоследствии были отождествлены с Синайским кодексом.¹³⁹ Тем самым обнаружилось, что часть драгоценной рукописи действительно уже была уничтожена.

Уже в мае 1853 г. Тишендорф вернулся в Лейпциг. И в этот раз он издал описание путешествия для широкой публики.¹⁴⁰ Прежде всего, однако, он еще несколько приоткрыл тайну 43 листов, найденных в 1844 г. Он всё еще умалчивал о самом месте находки. И все-таки в «*Monumenta sacra inedita. Nova collectio I*» (1855) он опубликовал страницу, переписанную

¹³⁷ Тишендорф (*Reise in den Orient. I. 1845. S. 217*) отмечает, что свое рекомендательное письмо из Каира он сознательно не предъявил, так как «при всех любезностях оно имело нечто от письма Урии». Частным образом в письме к брату от 15 июня 1844 г. он высказывается определеннее: «Письмо Президента монастыря в Каире я не мог использовать, поскольку этот коварный грек писал своему монастырю, чтобы всё предоставлял к моим услугам и только в отношении рукописей меня бы остерегались» (*Bötttrich. Lesebuch. 1999. S. 92f*). До того времени Тишендорф был монастырю еще совершенно неизвестен; следовательно, предупреждение могло высказываться относительно ученых посетителей вообще, которые ездили на Синай с целью изучения рукописей. Текст письма (по-гречески) был опубликован Тишендорфом в: *Jahrbüchern für Literatur (Vien). Bd. 112. 1845. S. 30* (при описании библиотеки Каирского подворья).

¹³⁸ Этот фрагмент сегодня находится в Петербурге; о его публикации см. ниже. Подробно об этом см.: *Lauch E. Etwas vom Codex Sinaiticus // FS A. Alt zum 70. Geburtstag. Wissensch. Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. Bd. 3. 1953–1954. S. 5–11.*

¹³⁹ Об их издании Тишендорфом см. ниже.

¹⁴⁰ *Tischendorf C. Neue Reisebilder aus dem Orient // Dresdner Journal. Feuilleton. Nr. 51. 3.03. 1853. S. 211–212; Nr. 52. 4.03. 1853. S. 216; Nr. 91. 21.04. 1853. S. 381–382; Nr. 92. 22.04. 1853. S. 385–386; Nr. 93. 23.04. 1853. S. 389–390; Nr. 96. 27.04. 1853. S. 403–404.*

санную им в 1844 г. из оставшейся части в 86 листов, и сопроводил ее кратким указанием содержания этих листов, безуспешно разыскивавшихся им в 1853 г.¹⁴¹ К этому он присовокупил целенаправленно высказанное предположение («я думаю, что они уже давно привезены в Европу») в надежде, что об этих листах вскоре объявят в другом месте.

3.3. То, что превзошло все ожидания: 1859

За второй поездкой Тишендорфа на Восток последовала опять-таки лейпцигская фаза интенсивной работы. Теперь вышли из печати «Anecdota sacra et profana» (1855), три первых тома «Monumenta sacra inedita. Nova collectio» (1855, 1857, 1857), «Codex Amiatinus» (1854), дальнейшие издания «Novum Testamentum Graece» (1854, 1855, 1856, 1857); в декабре 1858 г. было закончено большое «Editio septima critica major» Нового Завета в двух томах. Особое же значение имел труд, который Тишендорф вложил в критическое издание «Пастыря Гермы» (1857).¹⁴² И хотя он не мог догадываться, что три года спустя с находкой Синайского кодекса этот труд устареет, своим доскональным знанием текстовой традиции он был особым образом предопределен для этой находки. Время от времени эту издательскую деятельность прерывали поездки для изучения рукописей в Вольфенбюттель, Брауншвейг, Гамбург, Лондон, Оксфорд, Кембридж, Мюнхен, Санкт-Галлен и Цюрих. Но в ходе этих путешествий он уже планировал третью поездку на Восток.

Мысль уговорить русское правительство оказать ему поддержку в новой исследовательской поездке возникла уже в первое пребывание Тишендорфа на Синае.¹⁴³ Теперь он начал целенаправленно ее воплощать. Благодаря хорошим саксонско-русским отношениям¹⁴⁴ контакт состоял-

¹⁴¹ *Tischendorf C. Monumenta sacra inedita. Nova collectio I: Fragmenta sacra palimpsesta sive fragmenta cum Novi tum Veteris Testamenti...* Leipzig: J. C. Hinrichs, Bibliopola, 1855. S. XXXX; см. также: *Tischendorf. Sinaibibel. 1871. S. 7, Fußnote 5.*

¹⁴² *Tischendorf C. Hermae Pastor Graece ex fragmentis Lipsiensibus instituta questione de vero graeci textus Lipsiensis fonte. Edidit... Ex editione Patrum Apostolicorum Dresseliana centum exemplis repetitum. Lipsiae: J. C. Hinrichs, 1856. XVI + 66 S.*

¹⁴³ Тишендорф хотел обсудить это с русским послом в Константинополе в 1844 г., но отложил это свое намерение (*Tischendorf. Sinaibibel. 1871. S. 4*). Мотивация очевидна: «Прежде всего мне было хорошо знакомо уважение, которым русское имя пользуется в восточных монастырях» (*Sinaibibel. S. 8*).

¹⁴⁴ Барон Август Теодор фон Гримм (1805–1878), саксонец, в Петербурге был произведен в воспитатели обоих сыновей Николая I – Александра

ся через русское посольство в Дрездене, которое передало «Promemorie» Тишендорфа в Петербург для рассмотрения. Академия наук дала согласие. Обер-прокурор Святейшего Синода предложил, однако, вместо немецкого протестанта подготовить для такой поездки за рукописями двух или трех молодых ученых православного вероисповедания.¹⁴⁵ Когда русский министр народного просвещения и ученый Авраам Норов летом 1857 г. находился на лечении в богемском Франценсбаде,¹⁴⁶ состоялась его личная встреча с Тишендорфом в Лейпциге, во время которой Тишендорфу удалось заинтересовать министра своим проектом. Временную задержку саксонское правительство уравнивало заверением в случае отказа взять финансирование на себя. С русской стороны большим сторонником Тишендорфа стал будущий великий князь Константин, младший брат правящего царя. В октябре 1858 г. Тишендорф получил в русском посольстве в Дрездене 8000 рублей.

Третье путешествие на Восток началось в первых числах января 1859 г.; 31 января Тишендорф прибыл в монастырь. Об оставшихся и разыскиваемых им 86 листах он не заговаривал. Уже через три дня работа была в значительной степени закончена и были заказаны верблюды. Тут и произошла 4 февраля та памятная история, которая с тех пор постоянно пересказывалась. Сам Тишендорф сообщал о ней многократно — в частном письме к жене¹⁴⁷ и в различных вариантах рассказов о путешествии.¹⁴⁸ Это сообщение — единственный источник, однако нет никаких

(впоследствии царя Александра II) и Константина (впоследствии великого князя и покровителя Тишендорфа) — и получил эту должность еще раз при детях великого князя Константина. Успех посредничества определялся его влиянием при дворе.

¹⁴⁵ См. об этом: Досье Головина 1862 г. (РГИА, ф. 735, оп. 6, 1862 г., д. 204, л. 6).

¹⁴⁶ В Приложении к «Allgemeinen Zeitung Augsburg» (Nr. 241, 29.08. 1857, S. 3852: «Среди гостей во Франценсбаде...») Тишендорф написал об Аврааме Норове небольшую статью; позднее он опубликовал о Норове титульную статью с портретом в новогоднем издании «Leipziger Illustrierten Zeitung» от 2 января 1858 г. (S. 1–2).

¹⁴⁷ Письмо из Каира от 15 февраля 1859 г.; см.: *Böttlich. Lesebuch*. 1999. S. 170–176. Захарова упоминает еще два эпистолярных сообщения о находке кодекса — послу А. Н. Волконскому в Дрезден и министру просвещения Е. П. Ковалевскому в Санкт-Петербург (*Захарова. История*. 2007. С. 222, примеч. 16).

¹⁴⁸ *Tischendorf*. 1) *Nachricht*. 1860. S. 5–7; 2) *Vorworte*. 1862. S. 11–13; 3) *Aus dem Heiligen Lande*. 1862. S. 108–114; 4) *Evangelien*. 1865. S. 14–15; 5) *Sinaibibel*. 1871. S. 12–15.

оснований сомневаться в его достоверности. То, что рассказывает Тишендорф, дает истинную картину обстоятельств находки.

Вечером 4 февраля он вышел на прогулку с экономом монастыря.¹⁴⁹ Поскольку Тишендорф подарил монастырю свое двухтомное «*Editio scripta critica major*», только что вышедшее в декабрьские дни, разговор вращался вокруг библейского текста. На обратном пути в монастырь эконом пригласил Тишендорфа в свою келью выпить чего-нибудь освежающего. При этом он заметил, что также имеет Септуагинту. Из угла комнаты он достал рукопись, завернутую в красный платок, и положил ее на стол. Когда Тишендорф развернул платок,¹⁵⁰ обнаружили хорошо знакомые и долго разыскивавшиеся пергаменные листы. Это были 86 листов, которые в июне 1844 г. он нашел в корзине и оставил в монастыре, и вдобавок — 260 других листов, в общей сложности — 346. Перед ним лежал составной экземпляр, воссоединенный вскоре после его отъезда в 1844 г., который в 1845 и 1850 гг. видел Порфирий Успенский, а вскоре после этого, возможно, Макдональд. Особенность же этого кодекса состояла в том, что, помимо дальнейшего ветхозаветного текста, он содержал полный, без пропусков, Новый Завет, а также «Послание Варнавы» и часть «Пастыря Гермы».

Тишендорф указывал в своих отчетах, что эконом взял кодекс из библиотеки скевофилакса, престарелого отца Виталия. Это особое библиотечное помещение было предназначено для хранения церковной утвари и наследства архиепископов. Всегда ли кодекс находился там, почему 129 его листов были изъяты и в 1844 г. положены в корзину главной библиотеки, кто воссоединил 86 оставшихся листов с 260-ю другими и завернул в красный платок — эти вопросы остаются открытыми. Как подтверждают отдельные листы из новых находок 1975 г., кодекс предположительно был поврежден и разделен на части еще до начала XVIII в. В любом случае, когда в 1845 г. в монастыре находился Порфирий Успен-

¹⁴⁹ Имени эконома мы, к сожалению, не знаем. Тишендорф называет его лишь «хорошо осведомленным экономом» (*Aus dem heiligen Lande*. 1862. S. 110) и обозначает как «юного афинянина, которого Кирилл обучил и называл своим духовным сыном» (*Sinaibibel*. 1871. S. 12). Если 10 лет спустя он всё еще находился в этой должности, то он может быть отождествлен с экономом Иаковом, который упоминается в дарственной, подписанной 10 ноября 1869 г. Е. Х. Пальмер (*Palmer E. H. Der Schauplatz der vierzigjährigen Wüstenwanderung Israel: Fußreisen in der Sinaï-Halbinsel und einigen angrenzenden Gebieten in Verbindung mit der Ordnance Survey of Sinai und dem Palestine Exploration Fund*. Gotha, 1876) в своей поездке 1865 г. также сообщает об экономе Иакове (Р. 54).

¹⁵⁰ В 1862 г. он пишет лишь: «я развернул платок» (*Aus dem Heiligen Lande*. S. 110); в 1871 г. — уточняет: «я развернул завязанный платок» (*Sinaï-bibel*. S. 13).

ский, 346 листов снова лежали в библиотеке.¹⁵¹ Затем, во время второго посещения Тишендорфа в 1853 г., они, вероятно, находились уже в келье эконома.¹⁵² Остаются неясными и его мотивы: принес ли он кодекс в свою келью с целью изучения?¹⁵³ Тишендорфу он лишь заметил, что у него тоже есть Септуагинта, что относилось только к небольшой части 346 листов. Хотел ли он защитить кодекс от дальнейшего повреждения? Во всяком случае, значение этой рукописи стало ясно лишь тогда, когда ночью Тишендорф просмотрел все листы и сразу же полностью переписал «Послание Варнавы». Тем самым были превзойдены все ожидания.

История, которая началась утром 5 февраля, открывает новую главу. В течение трех лет благодаря великодушной поддержке отцов Синая и финансовому обеспечению со стороны Александра II Тишендорф подготовил образцовое факсимильное издание Синайского кодекса. Являясь издательским шедевром, оно увековечило в своем названии имя Синая. В то же время эта работа была сопряжена с идеей дарения оригинала царю, с которой, в свою очередь, насущным образом были связаны интересы новоизбранного архиепископа Кирилла. В этом коренится причина тех недоразумений вокруг кодекса, которыми было наполнено прежде всего время между ноябрем 1862 г. и ноябрем 1869 г.

В 1875 г. создалась видимость того, что открытия в монастыре на Синае будут иметь продолжение. Немецкий египтолог Генрих Бругш (1827—1894), который в это время как раз преподавал в Каире,¹⁵⁴ в апреле сопровождал наследного герцога Мекленбурга-Шверина в поездке на Синай. При осмотре монастыря высокому гостю были показаны Евангелие Феодосия, а также, в ответ на его вопрос, «груда листов пергамена и папируса». Бругш тут же, по его мнению, узнал среди них два листа, «которые несомненно должны были принадлежать знаменитому Codex Sinaiticus».

¹⁵¹ Порфирий Успенский наверняка проинспектировал и библиотеку скевофилакса. О месте, в котором он видел кодекс, он прямо не высказывается, но свое описание помещает вслед за замечанием, что лучшие рукописи лежали в покоях настоятеля.

¹⁵² Бенешевич (Описание. 1911. Т. 1. С. XVI, примеч. 1) пересказывает историю, которую ему в 1908 г. рассказал скевофилакс отец Поликарп: кодекс долгое время лежал в келье скевофилакса (тогда — отца Виталия), при этом на нем стояла неиспользуемая кофейная посуда.

¹⁵³ Напрашивается мысль, что библиотечные рукописи отцы хранили и в своих кельях, где они в таком случае наверняка пребывали долгое время.

¹⁵⁴ См.: Brugsch, (Pascha) Heinrich Ferdinand Karl // Who was who in Egyptology. London, 1995. P. 67—68. С 1870 по 1879 г. Бругш был директором Школы египтологии в Каире. В 1865 г. он уже однажды посещал монастырь и его библиотеку.

Он переписал их и в том же году издал в Лейпциге.¹⁵⁵ Вскоре, однако, выяснилось, что Бругш заблуждался.¹⁵⁶ Хотя оба листа содержат текст Септуагинты IV—V вв., с Синайским кодексом они не имеют ничего общего.

3.4. Новые находки: 1975

Никто не мог ожидать, что через 116 лет после счастливой находки Тишендорфа в истории обнаружения Синайского кодекса будет открыта новая глава. Однако именно это случилось 26 мая 1975 г. — и в этот раз благодаря самим отцам Синая.¹⁵⁷ В ходе строительных работ расчищалось помещение, заполненное мусором и отбросами, под часовней св. Георгия у северо-восточной стены монастыря, потолок которого, так же как и находящаяся над ним каморка, очевидно, давно уже обрушились. Удивительным образом под мусором обнаружилось несколько отдельных пергаменных листов, а также большое количество рукописей и печатных книг.¹⁵⁸ Первым ценные фрагменты открыл отец Софроний, скевофилак монастыря. В течение последовавших трех недель они были извлечены и приведены в порядок. При этом оказалось, что находка, помимо большого количества греческих литургических рукописей, содержала еще и арабские, сирийские, церковнославянские, армянские, а также

¹⁵⁵ *Brugsch H.* Neue Bruchstücke des Codex Sinaiticus. Aufgefunden in der Bibliothek des Sinai-Klosters und veröffentlicht. 3 S. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1875 (Предисловие + 2 факсимильных листа с текстом из Лев. 22—23).

¹⁵⁶ Оскар фон Гебхардт в своей рецензии (*Theologische Literaturzeitung*. 1876. 2. Sp. 28—30) рассматривает все аргументы и заключает, что «новым отрывкам» в принадлежности Синайскому кодексу следует самым решительным образом отказать». Р. Харрис (*Harris R. Biblical Fragments from Mount Sinai*. London, 1890. P. IV) с ним соглашается; после посещения им монастыря (1889) эти отрывки он еще раз переиздал как № 15 своего собрания (P. 57—64). А. Ральфс (*Rahlf's A. Verzeichnis der griechischen Handschriften des Alten Testaments, für das Septuaginta-Unternehmen aufgestellt // NGWG.PH. Berlin, 1914. S. 293*) указывает фрагменты со ссылкой на Харриса и относительно приписывания их Синайскому кодексу Бругшем замечает просто: «Бессмыслица!». Милн и Скит (*Milne, Skeat. Scribes and Correctors*. 1938. P. 4, footnote 1) это суждение еще раз подтвердили.

¹⁵⁷ Обобщающее изложение представляет Бентли (*Bentley. Secrets*. 1986. P. 196—208).

¹⁵⁸ Хороший обзор комплекса текстов предлагает Б. Аланд (*Aland B. Die neuen neutestamentlichen Handschriften vom Sinai // Bericht der Hermann-Kunst-Stiftung zur Förderung der neutestamentlichen Textforschung für die Jahre 1982—1984. Münster, 1985. S. 76—89*): согласно ему, речь идет о примерно 1200 новых рукописях; 67 из них с новозаветным текстом.

отдельные латинские и эфиопские рукописи и, кроме того, один еврейский текст. Среди греческих пергаменных рукописей находились, как вскоре выяснилось, и новые листы Синайского кодекса.

В подробностях обстоятельства находки стали известны лишь в мае 1978 г.¹⁵⁹ Это помещение служило предположительно местом хранения поврежденных и пришедших в негодность литургических текстов. Его расположение в непосредственной близости от старой ризницы позволяет рассматривать такое предположение как самое вероятное. Когда при архиепископе Никифоре в 1734 г. в монастыре была устроена новая библиотека, эти отобранные тексты остались на своем старом месте. С тех пор, как кажется, поврежденные рукописи сюда больше не добавлялись, поскольку самые поздние из них датируются началом XVIII в. Вскоре после этого помещение было засыпано, возможно — в результате землетрясения. Поскольку тексты и без того уже длительное время не использовались, помещение было мало-помалу предано забвению.

По поручению греческого Министерства культуры и науки, проинформированного отцами монастыря, заключение относительно новых находок на Синае 2—6 октября 1975 г. первыми подготовили ученые Линос Политис (Фессалоники) и Николаос М. Панайотакис (Иоаннина).¹⁶⁰ Затем между 1976 и 1978 гг. с целью каталогизации и консервации новых находок монастырь несколько раз посетили Панайотис Николопулос, куратор Отдела рукописей Национальной библиотеки в Афинах, и реставратор А. Глинос.¹⁶¹ Независимо от этого на Синай ездили различные греческие ученые, главным образом из Афин. Среди них находился и Савас Агуридес (Афины), через которого первое сообщение о находке пришло Мартину Хенгелю (Тюбинген) и Джеймсу Х. Чарлсворту (Дьюк). 3 апреля 1978 г. вышла первая статья во «Frankfurter Allgemeine Zeitung»,¹⁶² за которой последовал еще ряд статей в некоторых крупных

¹⁵⁹ *Politis L.* Ta Nea Heurēmata tou Sina: Exaireta Deigmata Mikrogrammatēs Kai Megalogrammatēs Graphēs, Evangelia, Psaltēria, Mēnaia kai Apospasmata tēs Iliados // *Hē Kathēmerinē.* 21./22.04.1978, 4f; то же по-английски см.: *Charlesworth.* Discoveries. 1981. P. 33—39; кроме того см.: *Politis L.* Nouveaux manuscrits grecs découverts au Mont Sinai: Rapport préliminaire // *Scriptorium.* T. 34. 1980. P. 5—17.

¹⁶⁰ См. отчеты в ежедневной прессе Политиса (см. выше) и Панайотакиса (*Panayotakis N. M.* Ta Polymita Cheirographa tēs Monēs Hagias Aikaterinēs: Pos Prepei na Meletēthoun ta Nea Heurēmata tou Sina // *Hē Kathēmerinē.* 23.05.1978; то же по-английски см.: *Charlesworth.* Discoveries. 1981. P. 39—41).

¹⁶¹ Хороший обзор см.: *Modiano M.* Riddle of the Sands // *Sunday Times Magazine.* 29.10.1978.

¹⁶² *Odin K. A.* 47 Kisten mit Fragmenten: Aufsehenerregende Handschriften- und Ikonenfunde auf dem Sinai // *FAZ.* 3.04.1978; то же по-английски см.: *Charlesworth.* Discoveries. 1981. P. 31—32.

европейских ежедневных газетах.¹⁶³ Тем самым к событию было привлечено внимание широкой общественности. Особый интерес вызвало известие, что среди находок имеются новые листы Синайского кодекса. Чарлсворт, который посетил монастырь в феврале 1979 г., в 1981 г. опубликовал небольшой сборник, который объединял все до сих пор вышедшие статьи по этому вопросу и побуждал к скорейшему исследованию листов.¹⁶⁴

При первом известии о находке в апреле 1978 г. первоначальное молчание о ней вызвало непонимание. Возможность доступа и научной обработки таких ценных источников пребывала и пребывает в сфере основных интересов мирового научного сообщества. В этом отношении нетерпение было также понятно. Вместе с тем, однако, Л. Политис и Н. М. Панайотакис призывали к пониманию решения братии.¹⁶⁵ Сообщения обоих ученых завершались предложением в дальнейшем взяться за обработку находки на основе международного сотрудничества.

Новый этап начался с доклада на Конгрессе византинистов в Вене 4—9 октября 1981 г. архиепископа Дамиана, который впервые со стороны монастыря официально объявил о находке, описал обстоятельства ее обнаружения и представил обзор ее содержания.¹⁶⁶ Чуть позже в Женеве

¹⁶³ К ним относится и серия статей в журнале «Biblical Archeologist»: Agourides S., Charlesworth J. H. A New Discovery of old Manuscripts on Mt. Sinai: A Preliminary Report // BA. Т. 41. 1978. P. 29—31; Charlesworth J. H. 1) Rumors and Counter-Rumors Regarding the Sensational Discoveries in St. Catherine's Monastery // BA. 1979. Т. 42. P. 174—179; 2) The Manuscripts of St. Catherine's Monastery // BA. Т. 43. 1980. P. 26—34; Mayerson Ph. Codex Sinaiticus: An Historical Observation // Т. 46. BA. 1983. P. 54—56. Статьи Чарлсворта в «Biblical Archeologist», а также важнейшие статьи в ежедневной прессе еще раз собраны в его публикации 1981 г. (см. следующее примечание).

¹⁶⁴ Charlesworth J. H. The New Discoveries in St. Catherine's Monastery: A Preliminary Report on the Manuscripts. With a Foreword by D. N. Freedman. Winona Lake, 1981. В томе собраны статьи из «Biblical Archeologist» (см. выше) и ежедневной прессы. Хотя он был закончен уже в мае 1979 г., его издание откладывалось в надежде, что будет получено разрешение на публикацию новых фотографий.

¹⁶⁵ Здесь можно вспомнить и молчание о находке 1844 г., которое поначалу хранил Тишендорф (см. выше); лишь в ходе подготовки своей второй поездки 1853 г. он назвал место находки «Codex Friderico Augustanus» саксонскому министру образования.

¹⁶⁶ Δαμιανος Αρχιεπισκοπος Σινα. Εισηγησις επι των νεωστι ευρεθεντων παλαιων χειρογραφων εν τη ιερα μονη σινα // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Bd. 32/4: XVI. Internationaler Byzantinistenkongress. Wien, 4.—9. Oktober 1981. Akten. II/4. Wien, 1982. S. 105—116.

состоялась встреча между архиепископом Дамианом и митрополитом Дамаскином, с одной стороны, и профессорами Куртом и Барбарой Аланд — с другой, на которой обсуждался план поездки специалистов из Института исследования текста Нового Завета (Мюнстер) на Синай. В мае-июне 1982 г. супруги Аланд с тремя другими сотрудниками провели в монастыре 14 дней; по окончании пребывания они договорились о продолжении сотрудничества по введению в научный оборот новых находок.¹⁶⁷ Первые части полного каталога всех находок, о котором в 1981 г. объявил архиепископ Дамиан, вышли в 1985, 1988 и 1998 гг.¹⁶⁸

В первых публикациях содержались противоречивые указания относительно количества тех пергаменных листов, которые можно отождествлять с Синайским кодексом. Савас Агуридес отмечал, что в ходе своего ограниченного во времени просмотра находки он видел 4 листа с ветхозаветным текстом.¹⁶⁹ Джеймс Х. Чарлсворт в 1980 г. говорил по меньшей мере о 8-ми, возможно даже — о 16-ти листах.¹⁷⁰ Линос Политис указывал на 9 полных листов, а также на множество фрагментов.¹⁷¹ В 1983 г., после своего пребывания в монастыре, Курт Аланд упоминал о 12-ти листах — 11-ти листах с ветхозаветным текстом и одним листе с текстом неполного «Пастыря Гермы» из завершения новозаветной части.¹⁷² Хершель Шенкс в 2007 г. распространил сведения об 11-ти листах и 14-ти фрагментах.¹⁷³ Актуальный вебсайт монастыря называет 12 листов и 24 фрагмента.¹⁷⁴

¹⁶⁷ См. отчет К. Аланда (*Aland K. Die Funde der Mönche vom Sinai: Uralte Abschriften des Neuen Testaments fotokopiert // Frankfurter Allgemeine Zeitung. Die Gegenwart* 11.5.1983).

¹⁶⁸ Это касается арабских, славянских и греческих рукописей: *Meimares I. E. Katalogos ton neon arabikon cheirographon tes hieras mones hagian Aikaterines tu horus Sina. Athen, 1985; Tarnanides I. Ta heuremata to etos 1975 Slabika cheirographa ste Mone Hag. Aikaterines tu Sina. Thessaloniki, 1988; Panayotis P. Ta Nea Heuremata tou Sina. Athen, 1998.*

¹⁶⁹ *Agourides, Charlesworth. Discovery. 1981. P. 31.*

¹⁷⁰ *Charlesworth. Manuscripts. 1980. P. 27.*

¹⁷¹ См. об этом в изд.: *Charlesworth. Discoveries. 1981. P. 37.*

¹⁷² *Aland. Funde. 1983.* Лист из «Пастыря Гермы» в репродукции замечательного качества опубликован в альбоме Манафиса (*Manafis. Sinai. 1990. P. 368*).

¹⁷³ *Shenks H. Who Owns the Codex Sinaiticus? How the Monks at Mt. Sinai got Conned // Biblical Archaeology Review. Dez 2007. P. 32–43.*

¹⁷⁴ См.: www.sinaimonastery.com под: Cultural Inheritance ⇨ Library ⇨ Manuscripts.

Между тем уже далеко продвинулась оцифровка Синайского кодекса. Editio princeps новых листов с Синая осуществляется, таким образом, в рамках интернетовской публикации всего состава кодекса в сопровождении дефинитивного описания находки 1975 г. Этим вкладом монастырь на Синае ставит точку в длинной истории открытия кодекса и предоставляет этой напоследок найденной части рукописи подобающий ей кров в своих почтенных стенах.

4. Публикации

4.1. «Codex Friderico-Augustanus»

Одним из первых дел, которые Тишендорф предпринял по возвращении в Лейпциг в январе 1845 г., была публикация 43 листов с Синая. Он дал ей название «Codex Friderico-Augustanus»,¹⁷⁵ поскольку последний этап поездки на Синай сделала возможным лишь поддержка его саксонского правителя. Это факсимильное издание в техническом качестве печати задавало новый масштаб, превосходивший все предыдущие аналогичные издания. Со всей возможной точностью типография Укерманна в Эрфурте попыталась и в печатном изображении передать руки различных писцов, неодинаковую яркость чернил, а также все исправления и подчистки в оригинале.¹⁷⁶ На этот опыт Тишендорф мог впоследствии опираться при факсимильном издании 364-х листов (1859), которое в конечном счете должно было стать вершиной его издательской деятельности.

В объявлении, опубликованном в октябре 1846 г. в «Leipziger Repertorium», Тишендорф сам представил это издание ученой публике.¹⁷⁷ Критикой оно было принято вполне положительно. Подробная рецензия А. Липсиуса открыла дискуссию о древности и происхождении кодек-

---

¹⁷⁵ *Tischendorf C. Codex Friderico-Augustanus sive fragmenta Veteris Testamenti e codice graeco omnium qui in Europa supersunt facile antiquissimo in oriente detexit in patriam attulit ad modum codicis edidit... 23 c. + 43 l., Serenissimo ac potentissimo principi Friderico Augusto II. clementissimo Saxoniae regi etc. etc. Quum summo Tuo nutu factum esset... Lipsiae (Sumtibus Caroli Francisci Koehlerii. E lithographo J. J. Uckermanni), 1846.*

¹⁷⁶ С этой целью Тишендорф литографировал всю рукопись, что хотя и означало большие издержки, зато передавало аутентичное изображение самой рукописи.

¹⁷⁷ *Leipziger Repertorium der deutschen und ausländischen Literatur.* 4/40. 2.10.1846. S. 1–4. Текст содержит развернутый пересказ Тишендорфом по-немецки его Prolegomena.

са,¹⁷⁸ которой позднейшая находка 1859 г. добавила новых аргументов.¹⁷⁹ В заключение Липсиус заметил: «Можно еще отметить, что даже внешнее оформление данного труда блестяще, но как раз именно поэтому и цена его так высока, что войти оно сможет, пожалуй, лишь в немногие частные библиотеки».¹⁸⁰

Вместе с завершенным в то же время изданием «Codex Ephraemi rescriptus» (1843–1846) эта публикация положила начало той обширной издательской деятельности, которая, без сомнения, стала величайшей заслугой Тишендорфа.

4.2. Фрагменты Синайского кодекса

Обнаруженный в 1853 г. фрагмент, который как своего рода закладка был вложен в сборник житий, сначала вошел в 1857 г. в «Monumenta sacra inedita».¹⁸¹ Позднее это издание Тишендорф повторил в 1867 г. в своем «Appendix codicum celeberrimorum...».¹⁸² После того как этот фрагмент оказался в Петербурге,¹⁸³ он был еще раз фотографически издан Жаном-Баптистом Тибо.¹⁸⁴ Воспроизводится он также в большом фото-факсимильном издании Хелен и Кирсоппа Лейков 1911–1922 гг.¹⁸⁵

¹⁷⁸ Lipsius A. Ueber die Ausgabe des Codex Friderico-Augustanus von Herrn Professor Dr. Tischendorf in Leipzig // Serapeum. 1847. № 8. P. 225–233, 241–250, 257–264. Рецензия предоставляет прежде всего подробные комментарии и дополнения к Prolegomena.

¹⁷⁹ Один из важнейших признаков для решения вопроса о датировке находится между тем уже здесь в колофонах книг Ездры и Есфирь.

¹⁸⁰ Lipsius A. Ueber die Ausgabe des Codex Friderico-Augustanus von Herrn Professor Dr. Tischendorf in Leipzig. P. 264. Впоследствии Тишендорф включил этот текст в свое критическое издание Септуагинты и этим добился более доступной цены: Η ΠΑΛΑΙΑ ΔΙΑΘΗΚΗ ΚΑΤΑ ΤΟΥΣ ΕΒΔΟΜΗΚΟΝΤΑ. Vetus Testamentum graece juxta LXX interpretes... 2 Bde. Lipsiae: F. A. Brockhaus, 1850. I: LX + 682 S., II: 590 S.

¹⁸¹ Monumenta sacra inedita. Nova collection. T. 2. Leipzig (J. C. Hinrichs, Bibliopola), 1857. P. XXXXVI, 321–322 и таблица 6.

¹⁸² Appendix codicum celeberrimorum Sinaitici Vaticani Alexandrini. Cum imitatione ipsorum antiqua manu scriptorum nunc primum edidit... Lipsiae: Giesecke et Devrient, 1867. P. XVI, 3–7.

¹⁸³ См.: Muralt E. von. Catalogue des manuscrits grecques de la Bibliothèque Impériale Publique. St. Petersburg, 1864. P. 2–3.

¹⁸⁴ Thibeaut J.-B. Monuments de la notation ekphonétique et hagiopolite de l'église grecque. St. Petersburg, 1913. P. 2, илл. 2.

¹⁸⁵ Lake H., Lake K. Codex Sinaiticus Petropolitanus (et Friderico-Augustanus Lipsiensis). The New Testament ... preserved in the Imperial Library of St. Petersburg. (The Old Testament etc.) Now reproduced in facsimile from photographs... with a description and introduction. I/II. London, 1911/1922.

Фрагменты, найденные Порфирием Успенским, которые служили материалом для переплета, стали известны Тишендорфу лишь в петербургскую поездку в ноябре 1862 г., причем эти три части — одну большую (стихи из Быт. 23—24) и две меньшие (стихи из Чисел 5—7) — Успенский предоставил ему для публикации.¹⁸⁶ Вместе с фрагментом 1853 г. они были изданы в 1867 г. в «Appendix codicum celeberrimorum...» Тишендорфа.¹⁸⁷

Эти небольшие отрывки, каждый из которых содержал лишь по несколько стихов, разумеется, менее значимы, чем обе основные части кодекса. Тем не менее, они дают ценные сведения относительно истории и характера целого, что и оправдывает их тщательную публикацию.¹⁸⁸

4.3. «Bibliorum Codex Sinaiticus Petropolitanus»

Публикация 346-ти листов 1859 г. является шедевром и представляет собой вершину издательской деятельности Тишендорфа. Это относится как к особому новому виду печати *факсимиле*, так и к рекордному времени (менее трех лет),¹⁸⁹ в течение которого вышло это роскошное четырехтомное издание.

План публикации Тишендорф составил еще в ночь после открытия 4 февраля 1859 г., когда он, не откладывая, начал переписывать «Послание Варнавы». В своем открытом письме к саксонскому государственно-му министру фон Фалькенштайну от 15 марта 1859 г. из Каира он наметил на свои честолюбивые цели: «Ватиканскую рукопись знали в течение трех веков, прежде чем долго лелеявшиеся желания были удовлетворены посредством ее издания. Возможно, вместо этих столетий потребуются всего лишь столько же лет, чтобы обогатить христианскую литературу найденными сейчас — одними из самых ценных в этом роде — материа-

¹⁸⁶ Встречу он описывает в письме к своей жене из Санкт-Петербурга от 23 ноября 1862 г.: *Böttlich. Lesebuch. 1999. S. 240—241* (см. выше); см. также: *Tischendorf. Sinaibibel. 1871. S. 60.*

¹⁸⁷ *Tischendorf. Appendix codicum celeberrimorum. XVI—XVII. P. 3—7.*

¹⁸⁸ Основательное исследование об этом см.: *Lauch E. Etwas vom Codex Sinaiticus // FS A. Alt zum 70. Geburtstag: Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. Bd. 3. 1953—1954. S. 5—11.*

¹⁸⁹ Между окончательным решением в мае 1860 г. и завершением работы в июле 1862 г. прошло 27 месяцев; см.: *Tischendorf. Sinaibiel. 1871. S. 30.* Этот темп Тишендорф неоднократно отмечал и отсылал при этом к срокам публикации Codex Alexandrinus (14 лет: 1812—1826) и Codex Vaticanus (30 лет: 1828—1858); см.: *Tischendorf. 1) Nachricht. 1860. S. 15**; 2) *Anfechtungen. 1863. S. 4.*

лами». Потому в составленном тогда же сообщении о находке царю Александру II в письме от 3 (15) марта 1859 г. Тишендорф сразу же выражает надежду на поддержку: «Поскольку было невозможно, по крайней мере сейчас, получить сам оригинал, я решил, не откладывая, переписать все 132 тысячи строк рукописи с целью ее издания. За это издание под покровительством Вашего Императорского Величества я надеюсь взяться сразу по моем возвращении; великодушная щедрость Вашего Императорского Величества воздвигнет это издание нерушимым памятником для Церкви и науки. Я знаю, что весь христианский мир, как только он получит об этом сведения, примет этот драгоценный дар с благодарной радостью».¹⁹⁰ Предоставление кодекса на время, которое Тишендорф подтвердил «распиской» в Каире 16/28 сентября 1859 г., осуществлялось уже всецело под знаком подготовки публикации.

Когда в октябре 1859 г. Тишендорф поехал в Петербург, были проведены первые переговоры о конкретных условиях публикации. При этом речь шла о месте издания, названии и о выделении необходимых средств. В качестве места издания был вначале определен Петербург; однако уже вскоре последовало распределение работ между Петербургом и Лейпцигом. Осуществление печати полностью взяла на себя типография Гизеке и Девриена в Лейпциге (Giesecke & Devrient), фотографические же и литографические работы производились в Петербурге, хотя после некоторых сложностей они также были частично переведены в Лейпциг.¹⁹¹ Название, которое первоначально должно было содержать посвящение царице, подверглось нескольким пересмотрам; в конечном итоге решили остановиться на обозначении «Bibliorum Codex Sinaiticus Petropolitanus» и указании на покровительство Александра II. Привязку к юбилею Российской монархии после первоначального согласия царя, по его желанию, вновь сняли.

Калькуляция стоимости касалась поначалу вопроса изготовления фотографических факсимиле. Решение в пользу гораздо более дешевой печати было принято, однако, в первую очередь из соображений целесообразности.¹⁹² 2 и 22 декабря министр Ковалевский доложил о проекте

¹⁹⁰ Досье Головнина (РГИА, ф. 735, оп. 6, 1862 г., д. 204, л. 9 об. — 10).

¹⁹¹ Тем не менее, в отношении качества русских фоторабот Тишендорф не жалеет похвал и замечает, что «некоторые из листов, изготовленных в Петербурге после моего повторного пересмотра, принадлежат к лучшим факсимиле, которые когда-либо были сделаны с древних греческих рукописей» (Sinaibibel. 1871. S. 35).

¹⁹² Фотографический вариант Тишендорф оценивал в 100 000 талеров; типографское издание стоило в конечном счете 20 000 рублей. При тогдешнем состоянии фотографии более высокое качество достигалось печатью литерами, что в конце концов и решило исход дела.

царю, который, впрочем, решение отсрочил. Еще не был решен вопрос о дарении, из-за чего не был прояснен и правовой статус рукописи, и поэтому русское правительство медлило. В письме от 8 (20) января 1860 г. Тишендорф справился у Ковалевского о положении вещей и сообщил о только что состоявшемся в Константинополе рукоположении нового архиепископа Кирилла — в надежде, что тем самым приближается дарение. 14 апреля 1860 г. Ковалевский вновь доложил царю о проекте: при этом он разработал план, согласно которому публикацию следовало представить до июня 1862 г., а ее вручение осуществить в рамках торжеств, посвященных 1000-летию русского трона. За этим последовало согласие Александра II, о котором теперь было сообщено и Тишендорфу.¹⁹³

Еще в конце 1860 г. Тишендорф опубликовал небольшую работу под названием «*Notitia editionis codicis Bibliorum Sinaitici...*»,¹⁹⁴ которая знакомила научный мир с проектом и приглашала первых подписчиков. В 1860, 1861 и 1862 гг. Тишендорф снова ездил в Петербург, чтобы проследить за тамошними работами и лично рассказать о продвижении работ в Лейпциге. В итоге стоимость издания составила 20 000 рублей, не считая стоимости транспортировки в Петербург и распределения во все известные библиотеки.

Техническая реализация печати хотя в целом и основывалась на том опыте, который Тишендорф приобрел со времени издания «*Codex Friderico-Augustanus*», в то же время прокладывала и новые пути. Для различных форм шрифтов Тишендорф распорядился вырезать несколько наборов, причем и пробелы или лигатуры снабжались собственными литерами. Для каждой страницы он вновь измерил расстояния между колонками и строками и достиг тем самым такой печати, которая, представляя текст идентично оригиналу, обладала большей четкостью и лучше читалась. При этом Тишендорф поручил фирме Фердинанда Флинша (Лейпциг / Пениг) изготовить особую бумагу для печати графики. Одно-

¹⁹³ Так это отмечено в Досье Головнина от 21 июня 1862 г. (РГИА, ф. 735, оп. 6, 1862 г., д. 204, л. 17 об.—18). Сам Тишендорф замечает ретроспективно, что положительное решение пришло в Лейпциг уже в начале января 1860 г. (*Sinaibibel*. 1871. S. 28).

¹⁹⁴ *Notitia editionis codicis Bibliorum Sinaitici auspiciis imperatoris Alexandri II. suspectae. Accedit catalogus codicum nuper ex oriente Petropolin perlatorum. Item Origenis scholia in Proverbia Salomonis partim nunc primum partim secundum atque emendatius edita. Edidit... Lipsiae: F. A. Brockhaus, 1860. 124 с. + 1 таблица + 1 эскиз (= Nachricht von der im Auftrage Seiner Kaiserlichen Maiestät Alexander II. unternommenen Herausgabe der Sinaitischen Bibelhandschrift. Nebst Auszügen aus dem Catalog der vom Herausgeber in allerhöchstem Auftrage nach St. Petersburg gebrachten Handschriften, sowie aus den anderweitigen Mittheilungen über Handschriften des Orients. Leipzig: Giesecke & Devrient, 1860).*

временно в лондонской фирме «Деларю и К°» он заказал только что изобретенную бумагу, которая, имея растительную основу, была способна имитировать пергамен; на этой бумаге он распорядился напечатать сверх тиража 20 экземпляров.¹⁹⁵ На Лондонской всемирной выставке в мае 1862 г., где Тишендорф представил некоторые печатные страницы, лейпцигская типография Гизеке и Девриена получила за это «большую призовую медаль».¹⁹⁶ В конечном счете роскошно оформленное издание было представлено в четырех томах.¹⁹⁷

Из напечатанных в общей сложности 327 экземпляров (24 из них на новой имитации пергамена) 309 были вначале переданы русскому правительству, в то время как Тишендорф получил 18 экземпляров в его собственное распоряжение.¹⁹⁸ Позднее ему было предоставлено 100 экземпляров (включая эти 18) для продажи, что мыслилось как своего рода гонорар за работу по изданию.¹⁹⁹ 227 оставшихся экземпляров русское правительство распределило в следующей последовательности: прежде всего их дарили выдающимся личностям и институтам в России, затем следовали большие европейские библиотеки, в конце шли европейские правящие дворы.²⁰⁰ Монастырь, которому в 1862 г. кодекс еще принад-

¹⁹⁵ Эта новая техника затем прижилась у Фердинанда Флинша, так что могли дополнительно поставяться дальнейшие листы — «эти по качеству превосходили лондонский продукт, вследствие чего, правда, и без того колеблющееся равенство листов до некоторой степени было нарушено» (*Tischendorf. Vorworte. 1862. S. 23, Fußnote 1*).

¹⁹⁶ *Tischendorf. 1) Vorworte. 1862. S. 18, 23; 2) Sinaibibel. 1871. S. 31, 36—37.*

¹⁹⁷ *Bibliorum Codex Sinaiticus Petropolitanus. Auspiciis augustissimis imperatoris Alexandri II. ex tenebris protraxit in Europam transtulit ad iuvandas atque illustrandas sacras litteras edidit... T. I—IV. Petropoli, 1862; переизд.: Hildesheim: Georg Olms, 1969. I: Prolegomena. Commentarius. Tabulae; II: Veteris Testamenti pars prior. 87 л.; III: Veteris Testamenti pars posterior. 112 л.; IV: Novum Testamentum cum Barnaba et Pastore. 148 л.*

¹⁹⁸ Точнейший подсчет представляет Досье Головина под 22 октября 1862 г. (РГИА, ф. 735, оп. 6, 1862 г., д. 204, л. 30 об.).

¹⁹⁹ Об этом Тишендорф сообщает в письме своей жене из Петербурга от 23 ноября 1862 г. (см.: *Böttrich. Lesebuch. 1999. S. 238*). Таким образом, 8 ящиков с этими экземплярами за счет правительства были отправлены обратно в Лейпциг.

²⁰⁰ Об этом Тишендорф сообщает в письме своей жене из Петербурга от 5 ноября 1862 г.; чуть позднее, во время аудиенции 10 ноября 1862 г. в Царском Селе, Тишендорф попросил о том, чтобы в обход очередности прежде других передать экземпляр своему саксонскому королю; см. также: *Sinaibibel. 1871. S. 40.*

лежал, получил два экземпляра: один для Собрании отцов Синаия и один для Собрании отцов Каирского подворья. К сожалению, оказался обойденным Порфирий Успенский, который был вынужден подавать неоднократно ходатайства при дворе, чтобы также получить в дар экземпляр.²⁰¹

Чтобы сделать Синайский кодекс доступным для более широкого круга читателей, параллельно с большим факсимильным изданием Тишендорф подготовил дешевое учебное издание новозаветной части.²⁰² Оно было опубликовано в 1863 г. при поддержке русского правительства тиражом в 1000 экземпляров.²⁰³

Общественность приняла публикацию Синайского кодекса с большим интересом. Почти все специальные издания, выпуская порой обширные рецензии, вступили в дискуссию по палеографическим и богословским вопросам. С одной стороны, наивысших похвал заслужило техническое оформление, с другой же стороны, слышались критические голоса в отношении того почтения, которым Тишендорф окружил кодекс.²⁰⁴ Поводом для долгого спора была уже упомянутая брошюра Порфирия Успенского, который рассматривал кодекс как результат еретической фальсификации текста.²⁰⁵ Большую шумиху вызвало (прежде всего в Анг-

²⁰¹ После выхода в 1862 г. брошюры Порфирия Успенского, которая произвела большое смятение обвинением в ереси, Тишендорф, очевидно, не чувствовал себя обязанным делать личный подарок. О сетованиях Порфирия Успенского в его дневниках см. выше.

²⁰² *Novum Testamentum Sinaiticum sive Novum Testamentum cum epistula Barnabae et fragmentis Pastoris. Ex codice Sinaitico auspiciis Alexandri II. omnium Russiarum imperatoris ex tenebris protracto orbique litterarum tradito accurate descripsit...* Lipsiae: F. A. Brockhaus, 1863. LXXXII с. (Prolegomena und Kommentar) + 148 л. + 1 таблица.

²⁰³ Русское правительство гарантировало покупку 200 экземпляров; см. Досье Головнина, л. 29 об.

²⁰⁴ Вот лишь некоторые из тогдашних рецензий: *Muralt E. von. Bemerkungen über den Codex Sinaiticus // Deutsche Vierteljahresschrift für englisch-theologische Forschung und Kritik. Nr. V/2, 30. Mai 1863. S. 193–196; Ewald H. Rez. zu Bibliorum Codex Sinaiticus Petropolitanus // GGA. 3/1863. S. 1378–1392; Hilgenfeld A. 1) Der Codex Sinaiticus: Ein Bedenken // Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie. Bd. 7. 1864. S. 74–82; 2) Noch ein Wort über den Codex Sinaiticus // ZWTh. Bd. 7. 1864. S. 211–219.* Оценку Тишендорфа, согласно которой «он [кодекс] открывает новую эпоху в текстологической науке» (*Sinaibibel. 1871. S. 82*), многие рецензенты рассматривали и рассматривают как переоценку ценной, без сомнения, рукописи.

²⁰⁵ *Порфирий Успенский. Мнение о Синайской рукописи, содержащей в себе Ветхий Завет неполный и весь Новый Завет с посланием святого апо-*

лии) утверждение грека Константина Симонидеса, в 1856 г. уличенного Тишендорфом в подделке рукописей, что именно он написал этот кодекс — при том даже, что в деле нельзя было не видеть мотива личного реванша.²⁰⁶ Кроме того, последовали атаки со стороны консервативных кругов, которые полагали, что прежний *textus receptus* им нужно защищать от Синайского кодекса.²⁰⁷ Обилие литературы, появившейся с тех пор в связи с опубликованным Тишендорфом текстом, еще ждет полного библиографического охвата.²⁰⁸

Новое издание, на этот раз, однако, в виде фотографического факсимиле, предприняли Хелен и Кирсопп Лейки. Снимки были сделаны летом 1908 г. в Петербурге и вышли в двух томах в 1911 и 1922 гг.²⁰⁹ После того как в 1933 г. кодекс был продан в Лондон, Х. Й. М. Милном и Т. К. Скитом на базе оригинала был произведен и поныне самый основательный научный анализ рукописи.²¹⁰ Кроме того, в этом содержательном исследовании находится сообщение о консервации листов и новом

стола Варнавы и книгой Ермы. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1862. 29 с. Ср. реплику А. Норова: Защита Синайской рукописи Библии от нападений о. Архимандрита Порфирия Успенского. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1863. 15 с.; ср. также: *Tischen-dorf C. 1) Die Anfechtungen der Sinai-Bibel. Leipzig: Carl Fr. Fleischer, 1863. S. 14–24; 2) Sinaibibel. 1871. S. 49–58.*

²⁰⁶ Об этом в целом см.: *Elliott J. K. Codex Sinaiticus and the Simonides Affair. An Examination of the nineteenth century claim that Codex Sinaiticus was not an ancient manuscript // Analecta Vlatadon. T. 33. Thessaloniki, 1982.*

²⁰⁷ Рец. на: *Die Sinaitische Bibelhandschrift // Sächsisches Kirchen- und Schulblatt. Nr. 31. Leipzig. 30.07. 1863. Sp. 249–253; Nr. 32. Leipzig. 6.08. 1863. Sp. 261–264.* Тишендорф отреагировал сначала, опубликовав «Разъяснение» в № 34 (20.08. 1863, стб. 280); позднее еще раз в работе: *Waffen der Finsternis wider die Sinaibibel. Zunächst an die Leser des sächsischen Kirchen- und Schulblatts. Leipzig: Adolph Winter, 1863. 30 S.*

²⁰⁸ Такую библиографию предполагал подготовить Лаух (*Lauch. Etwas vom Codex Sinaiticus. 1953–1954. S. 5*). К сожалению, этот план не был осуществлен.

²⁰⁹ *Lake H., Lake K. Codex Sinaiticus Petropolitanus (et Friderico-Augustanus Lipsiensis). The New Testament ... preserved in the Imperial Library of St. Petersburg. (The Old Testament etc.) Now reproduced in facsimile from photographs with a description and introduction. London, 1911/1922.* См. рецензию Грегори (*Gregory C. R. // Theologische Literaturzeitung. Bd. 23. 1911. S. 711–713*).

²¹⁰ *Milne H. J. M., Skeat T. C. Scribes and Correctors of the Codex Sinaiticus. London, 1938.* Издание содержит 23 изображения; помимо этого — 9 шрифтовых таблиц с колофонами Синайского кодекса и 44 шрифтовых таблицы с колофонами Александрийского кодекса.

переплете, а также многочисленные отрывки текста и сопоставление почерков с «Codex Alexandrinus». Тем временем текст «Bibliorum Codex Sinaiticus Petropolitanus» стал неотъемлемой составной частью всех критических изданий Септуагинты, а также «Novum Testamentum Graece»; последний с 1895 г. связывается прежде всего с именем Нестле, с 1979 г. — с именами Нестле-Аланд, — так же как с 1966 г. и издание интернационального «Greek New Testament».

5. Сделки

5.1. Приобретение для Лейпцига

43 листа, найденных в июне 1844 г., так же как и фрагмент, обнаруженный в феврале 1853 г., Тишендорфу, по его собственной информации, были переданы в подарок. В обоих случаях возникала ситуация непосредственной угрозы: корзина для мусора содержала поврежденные, находящиеся в расплетенном состоянии рукописи и в любом случае дальнейшего хранения не обещала; оторванный фрагмент в виде закладки засвидетельствовал уже последовавшее повреждение. Потому в этой конкретной ситуации вывоз обозначал прежде всего спасение листов. Позднейшие находки подтвердили нависшую над кодексом угрозу. Порфирий Успенский обнаружил другие его части, которые использовались как материал для починки переплетов. Опубликованные Ренделом Харрисом в 1889 г. библейские фрагменты свидетельствуют о большем числе некогда полных кодексов IV, V и VI вв., которые к тому времени исчезли, за исключением немногих остатков.²¹¹ То, что, испросив тогда 43 листа, Тишендорф получил их в подарок, имело двойные последствия: с одной стороны, таким образом ему удалось сохранить эту ценную часть Синайского кодекса; с другой — сцена в библиотеке, пожалуй, послужила толчком для поисков и воссоединения остальных листов.

Перемещение рукописей из монастырей Востока в Европу было в начале XIX в. распространенной практикой.²¹² Так, иной ценный экземпляр в руках уважаемых иерархов становился тогда при удобном случае подарком европейским правителям.²¹³ Как правило, такие сделки были

---

²¹¹ *Harris. Biblical Fragments. P. IV.*

²¹² Ср. выше описание действий Роберта Керзона и Генри О. Кокса, которое можно продолжить многочисленными примерами.

²¹³ Известнейшим примером является «Codex Alexandrinus», который в 1628 г. Патриарх Константинопольский Кирилл Лукарис сделал подарком английскому королю Карлу I.

связаны с оживленной торговлей, посредством которой пополнялись крупные собрания рукописей национальных европейских библиотек. Однако уже с середины XIX в. появились и стали умножаться голоса, выступавшие за хранение монастырских собраний в их изначальном контексте. Особого внимания здесь заслуживает позиция Святейшего Синода в Петербурге, документированная в связи с третьей поездкой Тишендорфа на Восток. Она отражена в Досье министра Головнина, посвященном Синайскому кодексу, в записи от 21 июня 1862 г. Там можно прочесть, что Святейший Синод в свое время (май 1858 г.) высказался против того, чтобы давать Тишендорфу это поручение, и предложил послать с такой миссией на Восток двух или трех молодых русских ученых православного вероисповедания. При этом они должны были рукописи лишь «фотографически копировать». Далее отмечается: «Но при сем необходимо нужно, чтобы приобретение монастырских рукописей каким бы то ни было путем, с отчуждением их от обитателей, было вовсе воспрещено как неблаговидное, не возбраняя только приобретения рукописей от частных владельцев, и соответственно сему должно просить Святейшего Вселенского Патриарха и других иерархов, чтобы они усилили прежние свои повеления никому не продавать из монастырей никаких рукописей и приказали бы составить им подробные описи, дабы посредством оных могло быть наблюдаемо за сохранением церковных древностей».²¹⁴

Однако в дальнейшем русское правительство этого требования не учло, так же как и не предприняло попытки достичь с иерархами соответствующего консенсуса.²¹⁵ Даже архимандрит Порфирий Успенский, который в качестве специалиста рекомендовался Синодом вместо Тишендорфа, игнорируя эту директиву,²¹⁶ привез в Россию большое количество рукописей и икон с Синая и из других монастырей. Лишь позднее требования, подобные высказанным Святейшим Синодом, были реализованы более широким фронтом. Это произошло, однако, в то время, когда и условия в монастырских библиотеках давно уже ощутимо улучшились и даже для расплетенных рукописей больше не существовало опасности. Для Рендела Харриса в 1889 г. было уже само собой разумеющимся, что все усилия следует прилагать для исследования текстов на

²¹⁴ Досье Головнина, л. 6 об.—7.

²¹⁵ Из 8000 рублей, которыми Тишендорф был снабжен в поездке 1859 г., 5000 предназначались специально для покупки рукописей.

²¹⁶ Хотя Порфирий Успенский последовал требованию составлять подробные описи (на его каталоге построен позднейший каталог Бенешевича, см.: *Бенешевич*. Описание. 1911), вместе с тем, он развил обширную собирательскую деятельность, которой обязаны, например, петербургские фрагменты Синайского кодекса.

месте.²¹⁷ И во время новых находок 1975 г. в конечном счете уже не было надобности в заверении Н. М. Панайотакиса относительно прав собственности монастыря.²¹⁸ Но — в июне 1844 г. сложилась другая ситуация, которая может быть оценена только с учетом ее непосредственного временного контекста.

Когда Тишендорф привез в Лейпциг 43 листа, спасенных из корзины, его главный интерес состоял в их публикации и введении в научный оборот. Вместе с другими рукописями, полученными в этой первой поездке на Восток и обозначавшимися как «*Manuscripta Tischendorfiana*», он передал их в Лейпцигскую университетскую библиотеку.²¹⁹ Это могло, среди прочего, удовлетворять и собственное тщеславие, однако служило в первую очередь надежному хранению в большой и современной библиотеке, подобающему этому материалу.²²⁰ С личной прибылью это связано не было.²²¹ В Лейпциге листы были снабжены новым переплетом и сегодня лежат в сейфе. За многие годы, в течение которых «*Codex Friderico-Augustanus*» здесь хранился, Университетская библиотека показала себя достойной этого подарка.

Фрагмент 1853 г. вместе с другими рукописями благодаря Тишендорфу оказался позднее в Императорской Публичной библиотеке в Петербур-

²¹⁷ *Harris*. *Biblical Fragments*. IV—V.

²¹⁸ *Panayotakis Nikolaos M.* Ta Polymita Cheirographa tēs Monēs Hagias Aikaterinēs: Pos Prepei na Meletēthoun ta Nea Heurēmata tou Sina // *Hē Kathēmerinē*. 23. Mai 1978; то же по-английски см.: *Charlesworth*. *Discoveries*. 1981. P. 39—41: «The manuscripts were found in St. Catherine's Monastery at Sinai and constitute, of course, its property. No one desires to expropriate from the Monastery its new treasures, and no one disputes their ownership...» (P. 39).

²¹⁹ Die Manuscripta Tischendorfiana in der Universitätsbibliothek zu Leipzig, mit Einschluss der übrigen von Prof. Dr. Tischendorf von seiner orientalischen Reise mitgebrachten und theils der Königlichen Dresdner Bibliothek, theils der Leipziger Universitätsbibliothek übergebenen Manuscripte, in griechischer, syrischer, koptischer, arabischer, arabisch-drusischer, georgianischer, äthiopischer Sprache. Serapeum. 8. 1847. S. 49—61, 65—78. Информацию об этом Тишендорф давал уже в: *Rechenschaft... // Jahrbücher für Literatur* (Wien). Bd. 112. 1845. S. 40.

²²⁰ См.: *Gardthausen V.* Katalog der griechischen Handschriften der Universitäts-Bibliothek zu Leipzig. Leipzig, 1898. 1—3: 1. Codex Sinaiticus (только комментарий делает понятным, что речь идет о «*Codex Friderico-Augustanus*»).

²²¹ Тишендорф получил за это лишь небольшую сумму, которая требовалась ему для постепенной выплаты долгов, связанных с путешествием; см. об этом: *Volbeding J. E.* Constantin Tischendorf in seiner fünfundzwanzigjährigen schriftstellerischen Wirksamkeit: Literar-historische Skizze. Leipzig: Carl Fr. Fleischer, 1862. S. 31.

ге.²²² Там с тех пор они и находятся в хорошем обществе тех фрагментов, которые Порфирий Успенский привез с Востока. Их тщательная консервация повлияла на новую оценку стоимости, которая с тех пор распространяется и на мельчайшие остатки большого унциального кодекса, содержащего библейский текст раннего периода.

5.2. Подарок Александру II

Перемещение 346 листов с Синая в Петербург относится к самым спорным главам в истории Синайского кодекса.²²³ События охватывают временной период между 16 (28) сентября 1859 г. (когда Тишендорф взял кодекс на время) и 13–18 ноября 1869 г. (когда была подписана дарственная). В течение этих десяти лет возник ряд осложнений, которые впоследствии привели к разногласию в оценке перемещения рукописи.

Три решающих вопроса звучат следующим образом:

1. Имело ли место официальное, корректное в правовом отношении дарение Синайского кодекса царю?
2. Последовала ли со стороны русского правительства финансовая компенсация?
3. Какой характер имела «расписка», которую Тишендорф подписал в 1859 г. в Каире при получении кодекса на время?

²²² Уже до начала своей поездки 1859 г. Тишендорф предоставил Императорской Публичной библиотеке собрание рукописей; см.: *Korff M. von. Auszug aus dem Jahresberichte der St. Petersburger Kaiserlich Oeffentlichen Bibliothek für 1858* [сообщение о получении от Тишендорфа рукописей, приобретенных в 1844 и 1853 гг. на Востоке и частично уже изданных см.: 20–21] // *Serapeum*. 21. 1860. S. 17–26.

²²³ Помимо критических работ Перадзе и Шевченко (*Перадзе. Документы*. 1934; *Ševčenko. Documents*. 1961 (см. выше)), см. в особенности: *Дмитриевский А. А. Граф Н. П. Игнатъев как церковно-политический деятель на православном Востоке: (По неизданным письмам его к начальнику Рус. духовной миссии в Иерусалиме о. архим. Антонину Капустину)*. СПб., 1909; *Böttrich Chr. Constantin von Tischendorf und der Transfer des Codex Sinaiticus nach St. Petersburg* // *Die Theologische Fakultät der Universität Leipzig. Personen, Profile und Perspektiven aus sechs Jahrhunderten Fakultätsgeschichte* / Hg. von A. Gößner: *Beiträge zur Leipziger Universitäts- und Wissenschaftsgeschichte*. A/2. Leipzig, 2005. S. 253–275; *Захарова А. В.* 1) Обзор материалов российских архивов о приобретении Синайской Библии // Вторые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева (Москва, 28–29 октября 2004 г.): *Материалы*. М., 2004. С. 33–34; 2) *История приобретения Синайской Библии Россией в свете новых документов из российских архивов* // *Montfaucon. Études de paléographie, de codicologie et de diplomatique*. 1. Moskau; St. Petersburg, 2007. P. 209–267.

Обширный материал источников, находящийся сегодня в нашем распоряжении, позволяет на все три вопроса дать однозначный ответ. Сами же осложнения, возникшие в десятилетие между 1859 и 1869 гг. и определявшиеся разными, частью совпадающими, частью противоположными, интересами, могут быть, как и прежде, — в зависимости от перспективы — интерпретированы по-разному.

В этой сложной главе всё замыкается на вопросе об акте дарения. Идея дарения восходила к самому Тишендорфу, чего он никогда и не скрывал.²²⁴ Его интерес состоял в том, чтобы безопасность кодекса, а также его доступность для научной работы были гарантированы. Когда отцы Синая отвергли предложение продать кодекс,²²⁵ Тишендорф предложил подарить его царю Александру II. Тот факт, что это предложение в монастыре было одобрено, имел причины, лежавшие в сфере интересов самого монастыря: уже самим обещанием дарения можно было получить поддержку русского правительства в непростой политической ситуации.

В течение десяти лет между 1859 и 1869 гг. оформление дарения торозилось оспариваемым правовым положением нового архиепископа Синая. Прежний архиепископ Константин умер перед этим в столетнем возрасте.²²⁶ Его преемник Кирилл, однако, столкнулся с непризнанием Иерусалимского патриарха.²²⁷ Без его же решения дарение состояться не могло. В этом отношении вопрос о кодексе оказался связанным с личной судьбой архиепископа Кирилла и неразберихой относительно руководства синайской братией. Когда отцы Синая в середине 1866 г. сместили архиепископа Кирилла, что утвердил Иерусалимский Синод в августе 1867 г., освободился путь к новым выборам: в лице архиепископа Кал-

²²⁴ Об этом см.: *Tischendorf*. 1) *Nachricht*. 1860. S. 7; 2) *Vorworte*. 1862. S. 13; 3) *Aus dem heiligen Lande*. 1862. S. 117; 4) *Evangelien*. 1865. S. 15; 5) *Sinaibibel*. 1871. S. 16.

²²⁵ Тишендорф, который был в достаточной степени снабжен русским золотом, утром 5 февраля 1859 г. сделал эконому предложение о покупке. В своем сообщении 1871 г. он добавляет: «Эконом поступил справедливо, отклонив предложение» (*Tischendorf*. *Sinaibibel*. 1871. S. 14).

²²⁶ Константин (1759—1859) находился на Синае с 1795 г. (там, среди прочего, он вел переговоры с Наполеоном во время его египетского похода); 13 ноября 1805 г. в Иерусалиме он был рукоположен в архиепископы и после этого жил много лет в Константинополе (*Hotzelt*. *Kirchenrechtliche Stellung*. 1949. S. 459—460), где уже в 1844 г. встречал и Тишендорфа (*Tischendorf*. *Reise in den Orient*. II. 1846. S. 287—288, 291—297); значение архиепископа Тишендорф в своем беглом описании наврядка недооценил.

²²⁷ О Кирилле см. ниже; общая ситуация подробно описана в: *Hotzelt*. *Kirchenrechtliche Stellung*. 1949.

листрата (1867–1885) нашелся кандидат, снискавший безграничное одобрение и, стало быть, способный довести до конца замысел дарения. Это произошло впоследствии, в основном, благодаря русской дипломатии, и достойной упоминания роли Тишендорф при этом не играл.²²⁸

Все решающие документы к настоящему времени опубликованы А. В. Захаровой в виде фотографий — издание греческого текста и русского перевода.²²⁹ Дарственная от 13 и 18 ноября 1869 г. представляет собой, без сомнения, самый важный из этих документов.²³⁰ Ввиду ее значимости воспроизводим здесь ее текст полностью:²³¹

Высшая добродетель, без сомнения, есть признательность к благодетелям, а в особенности к тем из них, которые при настоящих разрушительных бедствиях, отзываясь на голос страждущих, охотно оказывают покровительство и прикладывают целительный бальзам к ранам изнемогающих. Чрез это они заслуживают похвалу от людей и от Бога, подателя благ.

Если же достоин похвалы от людей и милости от Бога тот, кто брату своему оказывает помощь и защиту, то тем более заслуживает похвалу и награду блаженства защитник и покровитель страждущего Православия и народа Христова на Востоке.

Так, по милости Всевышнего Бога, заботливо и неусыпно бодрствующего над Православною церковью, августейший державнейший и Богом помазанный Государь Александр II, Император благочестивый Русской Империи, непрестанно заботится и оказывает всякую помощь всей Православной церкви, и в особенности — священной, славной и царственной обители, что на святой горе Синайской, по которой ходил сам Бог.

Могущественное покровительство Его Императорского Величества, высказанное через посредство императорского посла Н. П. Игнатьева, спасло ее от окончательной гибели. Отдавая за

²²⁸ Об этом см.: *Böttrich*. Transfer. 2005. S. 269.

²²⁹ А. В. Захарова (*Захарова*. История. 2007; особ. с. 232–261) впервые делает эти документы доступными и предоставляет возможность — прежде всего благодаря фотографиям — их тщательной проверке.

²³⁰ Архив внешней политики Российской Империи, Москва (АВПРИ, ф. 161 П–11, оп. 50, д. 5, л. 6–7); текст см.: *Захарова*. История. 2007. С. 253–255 (фото), 252, 256–257 (греч.), 257–258 (русс.). Список русского перевода, подготовленного в министерстве, находится также в Российском государственном историческом архиве (Москва): РГИА, ф. 472, оп. 15 (239/1255), 1868, д. 26, л. 25–26; исследовался Натальей Смеловой.

²³¹ *Захарова*. История. 2007. С. 257–258.

это должную дань признательности, мы не перестаем денно и ночью молиться и просить Всевышнего, да укрепит, прославит и возвеличит Его Императорское Величество, августейший дом и весь благочестивый народ российский, на коем укрепился спасительный якорь Православия.

При этом, помимо простого заявления сей вечной и глубокой признательности, мы с общего согласия и по собственному побуждению решили в знак того же чувства смиренной нашей благодарности и преданности высочайшей особе Его Императорского Величества поднести драгоценную рукопись Ветхого и Нового Завета, собственность святой обители Синайской, составив и официальную о том бумагу, которая и была отправлена в свое время генерал-адъютанту г-ну Игнатьеву для доставления по назначению.

Ныне же снова настоящим документом мы, архиепископ синайский Каллистрат и при нас находящееся святое собрание здешних и синайских отцов отшельников, объявляем, подтверждаем и удостоверяем о поднесении Его Императорскому Величеству Синайской рукописи Ветхого и Нового Завета, которая вследствие сего переходит в полное обладание и считается бесспорною, несомненною собственностью Его Императорского Величества.

В подтверждение сего и доказательство истины составлена настоящая дарственная грамота, внесенная в протокол обители за подписью Его Преосвященства Архиепископа и прочих отцов собрания и скреплением епископальною и монастырскою печатью.

Предосторожности же ради она скрепляется сверх того избранными отцами Синайской горы и вручается Его Превосходительству с просьбою представить этот документ и выразить пред августейшим монархом нашу смиренную преданность и просьбу о милостивом принятии столь скромного доказательства признательности со стороны покорных и вечно молящихся за могущественное государство Его.

Писанное в Синайском Джуванийском подворье в Каире 13 ноября 1869 года.

Следуют подписи собрания отцов:

Синайский протосингел Корнилий, Феодосий, Поликарп, синайский духовник Дионисий, монах Филофей, протосингел Макарий.

Затем следует подпись и печать архиепископа Каллистрата.

Мы, нижеподписавшиеся избранные отцы, проживающие в священной обители Синайской горы, под покровительством

великомученицы и премудрой Екатерины, подтверждаем и удостоверяем вышепомянутое дарование Синайской рукописи Ветхого и Нового Завета. Поднесение сей рукописи вседержавнейшему Императору Российскому и могущественному защитнику Православия да будет знаком столь великой благодарности нашей.

На Синайской горе 18 ноября 1869 года собрание отцов
Синаиты казначей Григорий, иеромонах Гавриил, эконом
Иаков.

Посредством этого документа, греческая версия которого, по свидетельству текста, была внесена и в протокол монастыря,²³² несомненно доказывается законность совершения дарения. При этом имеется в виду тот документ, о котором Тишендорф был проинформирован лично Игнатьевым²³³ и существование которого русское Министерство иностранных дел еще раз подтвердило в ответ на запрос Каспара Рене Грегори в 1878 г.²³⁴ Теперь он впервые представлен дословно. Документ сформулирован ясно и однозначно. Дарение производится «с общего согласия и по собственному побуждению», переход кодекса «в полное обладание» царя в качестве его «бесспорной, несомненной собственности» «объявлен, подтвержден и удостоверен» архиепископом и Собранием отцов,²³⁵ документ подписан и дважды скреплен печатью.

Примечательно прежде всего указание на то, что в данном случае речь идет уже о втором варианте дарственной.²³⁶ В тексте есть ссылка на

---

²³² Первоначальная греческая версия ввиду значимости события всё еще должна находиться в монастыре.

²³³ В 1871 г. Тишендорф упоминает документ, который подписали «помимо самого архиепископа, одновременно отцы Каирского, а также Свято-Екатерининского монастыря» (*Tischendorf. Sinaibibel. 1871. S. 91*).

²³⁴ Русское ответное письмо от 13 июня 1878 г. напечатано в: *Novum Testamentum graece... Editio octava critica maior. Volumen III. Prolegomena scripsit Caspar Renatus Gregory. Lipsiae, 1894. P. 351–352*; см. также: *Gregory C. R. Textkritik des Neuen Testamentes. T. 1. Leipzig, 1900. S. 27*.

²³⁵ Понятие «Собрание отцов», которое, помимо литургических связей, обозначает собрание общины по решающим вопросам, в данном случае имеет в виду руководящий орган монастыря.

²³⁶ На первый вариант должно указывать письмо архиепископа Каллистрата от 15 июля 1869 г., в котором, среди прочего, говорится: «Ты знаешь, что отныне эта знаменитая рукопись Библии поднесена <...> великому императору» (*Tischendorf. Sinaibibel. 1871. S. 91* и далее). Таким образом, еще в июле архиепископ рассматривал дарение как дело состоявшееся. Подписание второго варианта произошло 13 и 18 ноября.

более раннее послание, отправленное царю через Игнатьева; затем рассматриваемое заявление подчеркнуто делается «заново». Тем самым опровергаются те возражения, которые против существования корректной в правовом смысле дарственной в 1934 г. выдвинул Перадзе.²³⁷ Его аргументация базировалась тогда на письме Игнатьева к Тишендорфу от 5 (17) декабря 1869 г., в котором говорится: «Я, собственно, получил этот документ за подписью Монсеньора Каллистрата и монахов Джувании [Каирское подворье]. Однако я заметил отсутствие подписей Собрания отцов Св. Екатерины, и, поскольку я хотел бы убрать с дороги всякую возможность будущих недоразумений, этим документом я не мог быть удовлетворен...».²³⁸

Это письмо, очевидно, имело в виду еще первый вариант документа. Оно также представлено в полном виде, имеет дату 11/17 сентября 1868 г. и подписано архиепископом Каллистратом, а также отцами святого собора Каирского подворья.²³⁹ И хотя этот первый вариант благодаря наличию в нем решающей подписи архиепископа был вполне достаточным, Игнатьев решает действовать наверняка и исключить в будущем возможные недоразумения. Именно к этому относится соответствующая формулировка в предложенном втором варианте: «Предосторожности же ради она скрепляется сверх того избранными отцами Синайской горы...».²⁴⁰ В любом случае, речь здесь идет не о принципиальном, а о дополнительной страховке. Если дарственная в ее втором варианте была подписана на Синае лишь 18 ноября, то, будучи направленной через Каир,

²³⁷ *Peradze G. Der Codex Sinaiticus – die Sinaimönche – Rußland // Der Orient. 16. 1934. S. 110–111.*

²³⁸ Это письмо, находящееся в Лейпциге в составе наследия Тишендорфа, у Перадзе цитируется по-французски; английское изложение см.: *The Mount Sinai Manuscript of the Bible. London, 1934. P. 8.*

²³⁹ Архив внешней политики Российской империи, Москва (АВПРИ), ф. 180, оп. 517/2, д. 3379; текст см.: *Захарова. История. 2007. С. 247–249 (фото), 246, 250 (греч.), 250–251 (русс.).* Помимо архиепископа, текст подписали восемь отцов: помощник настоятеля архимандрит Кирилл Синаитис, архимандрит Неофит Синаитис, архимандрит Захария Синаитис, архимандрит Порфирий Синаитис, протосинкелл Корнилий Синаитис, протосинкелл Анфим Синаитис, протосинкелл Феодосий Синаитис, скевофилак Макарий.

²⁴⁰ Первый вариант, следовательно, был подписан лишь Собранием отцов Каирского подворья. Это могло быть вызвано, скорее всего, проблемой связи (дорога из Каира на Синай занимала примерно неделю), но способна также указывать на существовавшие разногласия. Помимо голоса архиепископа, имели, безусловно, вес голоса насельников самого монастыря на Синае, откуда происходил кодекс.

она никак не могла быть в Константинополе уже 5 (17) декабря. В ноябре 1868 г. Игнатьев специально приехал в Каир;²⁴¹ когда второй вариант был подписан на Синае, он находился уже на пути обратно. При составлении письма Тишендорфу 5 (17) декабря он еще не имел его в руках.

Итак, этот второй вариант был подписан отцами обоих Собраний. Собрание монастыря до сегодняшнего дня насчитывает шесть постоянных членов, избираемых всей братией:²⁴² шесть подписей содержит и документ; четыре подписи Собраний на Синайской горе документируют согласие обоих собраний. Здесь наглядно представлены те должности, представители которых обычно входят в Собрание: от каирского Собрания — три протосинкелла, духовник отцов с горы, монах и скевофилакс; от Собрания Синая — скевофилакс, эконоом, иеромонах и монах.²⁴³ Решающим является, прежде всего, голос архиепископа Каллистрата, канонически правильный выбор и поставление которого снабдили его необходимыми полномочиями для акта дарения.²⁴⁴

Оригинальный текст документа дает возможность осознать вполне определенную ситуацию, послужившую фоном событий. Если отвлечься от обычного избыточного стиля подобных документов, дарение обосновывается двояким образом. Во-первых, это общая благодарность русскому царю как могущественнейшему в то время защитнику православного христианства. Во-вторых, в самом тексте есть намек на «настоящие разрушительные бедствия», перед лицом которых царь спас монастырь «от окончательной гибели». Это может относиться лишь к смуте по поводу спорного выбора и неканонического поставления архиепископа Кирилла,²⁴⁵ кото-

²⁴¹ Захарова. История. 2007. С. 252.

²⁴² Об этом см.: www.sinaimonastery.com под *↗* The Monastery Today *↗* Organization. Эта структура сохранена в монастыре без изменения.

²⁴³ Вебсайт монастыря сообщает, что в Совет входят помощник настоятеля, скевофилакс, эконоом, ризничий, секретарь и библиотекарь. Оба протосинкелла могли быть тождественны помощникам настоятеля обоих Собраний; вопрос соотношения других имен с названными должностями остается открытым.

²⁴⁴ Он был избран 21 января 1867 г.; признание Патриархом Константинопольским Григорием последовало лишь 11 января 1868 г., признание вице-королем Египта — в начале марта 1869 г. (см.: Захарова. История. 2007. С. 227). Тем не менее, архиепископ осуществил акт дарения не в одиночку, но с согласия братии, как показывают две печати (архиепископа и монастыря), а также подписи обоих собраний отцов.

²⁴⁵ Его выбор состоялся в Пасхальную неделю 24–30 апреля 1859 г.; его поставление состоялось, вопреки вето Иерусалимского Патриарха Кирилла, 25 ноября 1859 г. в Константинополе на подворье синаитов, освящен-

рые глубоко потрясли монастырь.²⁴⁶ Однако, как соотносятся с этим слова о «страждущем Православии и народе Христове на Востоке», которые заставляют думать скорее об угнетении, идущем извне? В любом случае, выбор и поставление епископа принадлежат к автономным суверенным правам самого монастыря. Вето Иерусалимского Патриарха, которое в отношении неоднозначной личности архиепископа Кирилла последовало, пожалуй, справедливо,²⁴⁷ оставалось также в рамках внутривосточных отношений. Тот факт, что Кирилл подхватил идею дарения, чтобы усилить свое шаткое положение, вызвало впоследствии неоднократные и неудачные попытки Тишендорфа подключить в пользу Кирилла и свои дипломатические связи, потому что это было связано с его, Тишендорфа, собственными интересами. Проблемы этих выборов Тишендорф видеть не мог. Его личное реноме из-за связи с сомнительным кандидатом скорее пострадало, чем приобрело. Насколько русское правительство было впоследствии полезно в преодолении этого кризиса, как это утверждается в документе, остается только догадываться. Во всяком случае, отстранение Кирилла (середина 1866 г.) и выборы Каллистрата (начало 1867 г.) стали самостоятельным решением монастыря.

ном в честь святого Иоанна; его смещение решением синода синаитов произошло 24 августа 1866 г. и было утверждено Иерусалимским Синодом 24/30 августа 1867 г. (*Hotzelt. Kirchenrechtliche Stellung. 1949. S. 466; Захарова. История. 2007. С. 226–227*).

²⁴⁶ События документированы в труде: Το Κανονικὸν δίκαιον τοῦ πατριάρχου θρόνου τῶν Ἱεροσολύμων ἐπὶ τῆς ἀρχιεπισκοπῆς Σινᾶ, ἐπιμαρτυρούμενον ὑπὸ ἐπισήμων ἐκκλησιαστικῶν ἐγγράφων. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1868; подробно см. также: *Захарова. История. 2007. С. 226–231*.

²⁴⁷ До этого Кирилл был архимандритом Синайского подворья Фистициос в Валахии. Спорным является вопрос, назначил ли предыдущий архиепископ Константин Кирилл своим преемником (что отрицал Иерусалимский патриарх). Вражда в монастыре существовала, по всей видимости, уже давно; кроме того, Хотцельт распространяет (без проверки) отмеченный Порфирием Успенским странный слух, что Кирилл хотел перейти в ислам; Иерусалимский Патриарх обвинял нового архиепископа в расхищении монастырского имущества вообще, видя в истории с кодексом очередное тому подтверждение; по некоторым сведениям, в споре о румынских владениях Кирилл был единственным из иерархов, имевших к этому отношение, кто принял предложенную компенсацию (*Hotzelt. Kirchenrechtliche Stellung. 1949. S. 463–466*). Бенешевич (*Bénéchévitch. Manuscrits. 1937*) называет его «ужасной личностью» (с. 48); он также утверждает, что Кирилл будто бы получил 3000 рублей в качестве «взятки» за Синайский кодекс (с. 51, примеч. 2). Личное обогащение за счет румынских владений, которое вергло монастырь в большие финансовые трудности, подтверждают некоторые новые документы; см.: *Захарова. История. 2007. С. 261–265*.

Дарственной — в обоих вариантах — предшествуют два других важных документа. 28 июня 1868 г. отцы из Каира написали письмо А. Н. Николаеву, русскому вице-консулу в Египте, с просьбой передать его послу Игнатьеву.²⁴⁸ В письме они решительно отвергают право смещенного архиепископа Кирилла принимать какое бы то ни было участие в деле дарения и объявляют его высказывания по этому вопросу клеветой. Одновременно они настойчиво подчеркивают, что дарение является исключительно просьбой братии и ни в коей мере не связано с интригами Кирилла. Наконец, они вполне официально выражают желание осуществить дарение рукописи русскому царю так скоро, как это возможно. 5 июля последовало письмо архиепископа Каллистрата из Иерусалима к Игнатьеву,²⁴⁹ которое это желание братии еще раз подтвердило; кроме того, архиепископ объявил о передаче официального документа, которая вскоре должна была последовать. Тем самым намерение дарения, обсуждавшееся до сих пор неформально, впервые было ясно высказано России высоким представителем монастыря. На пути подготовки соответствующего документа больше ничего не стояло.

Примечательно, что инициатива исходила прежде всего от Собрании отцов, которое от Кирилла резко дистанцировалось, дарение же, напротив, связывало исключительно с собой.²⁵⁰ Архиепископ Каллистрат затем послал подтверждение. Остается неясным, сохранялась ли и дальше среди отцов оппозиция идее дарения — то есть насколько представительной была точка зрения подписавших. Полного согласия, пожалуй, не было. Иначе вряд ли можно понять отрицание факта дарения, уже вскоре высказанное посетителям монастыря. Этим отсутствием согласия определяется, как кажется, позднейшая противоположная оценка события, которая начинает быть слышна с середины 1870-х гг., а после смерти архиепископа Каллистрата (1885) становится в итоге преобладающей.

Второй вопрос касается финансовой компенсации монастырю после совершения дарения. Дар и ответный дар были связаны между собой са-

²⁴⁸ АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3379, л. 47–48; текст см.: *Захарова*. История. 2007. С. 239–241 (фото), 238, 242 (греч.), 242–243 (русс.). Письмо сопровождается копиями письма князя Лобанова-Ростовского к братии от 10 (22) сентября 1859 г., а также «расписки» Тишендорфа от 16 (28) сентября.

²⁴⁹ АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3379, л. 33; текст см.: *Захарова*. История. 2007. С. 236 (фото), 235, 237 (греч.), 237 (русс.).

²⁵⁰ Письмо подписали девять отцов: помощник настоятеля архимандрит Кирилл, архимандрит Неофит, протосинкелл Анфим, эконоом Феодосий, протосинкелл Анфем, протосинкелл Поликарп, Паисий, Филофей, скевофилакс Макарий.

мим родом такого подарка, так что ожидание денежной помощи было правомерным. Тем не менее, постоянно высказывалось сомнение в том, получил ли монастырь вообще какую-то плату от русского правительства. Сегодня в этом отношении существует ясность: передача ответного дара доказывается подтверждением о его получении от 5 января 1870 г., подписанным архиепископом Каллистратом и членами Соборания.²⁵¹ В нем подтверждается получение 9000 рублей; 7000 были предназначены для библиотеки, 2000 — для Соборания монастыря на Синае.²⁵² На этот документ указывало К. Р. Грегори впоследствии и русское Министерство иностранных дел, отвечая на его письменный запрос 1878 г.²⁵³ В письме от 5 (17) декабря 1869 г. русский посол Игнатъев сообщил Тишендорфу об уже состоявшейся компенсации.²⁵⁴ Таким образом, документ к этому моменту был уже на пути к Синаю, где он в январе 1870 г. будет получен, одобрен и подписан. Кроме того, Игнатъев упоминает награды для некоторых отцов, однако точнее их не определяет.²⁵⁵

²⁵¹ АВПРИ, ф. 472, оп. 15 (1255/239), д. 26, л. 49; текст см.: *Захарова*. История. 2007. С. 260 (фото), 259 (франц.), 259–260 (русс.). Документ подписали: архиепископ Каллистрат, протосинкелл Корнилий, протосинкелл Феодосий, протосинкелл Поликарп, монах Филофей, скевофилакс Макарий. Компенсация могла поступить лишь после предъявления дарственной. Тем не менее, письмо Игнатъева от 5 (17) декабря 1869 г. показывает, что таковая была отправлена уже после первого варианта дарственной, еще до того как второй, полный, вариант поступил к Игнатъеву (см. выше). Когда Каллистрат в письме от 15 июля 1869 г. замечает, что монастырь еще ничего не получил (см.: *The Mount Sinai Manuscript of the Bible*. London, 1934. P. 7 и далее), по-видимому, его ожидания были еще преждевременны.

²⁵² Дословный текст, помимо библиотеки, упоминает «Convent de Mont Thabor», что основывается, по-видимому, на недоразумении, возникшем в русской канцелярии: речь идет, разумеется, о Соборании монастыря на Синае, базилика которого освящена в честь Преображения; на это справедливо указывает Хотцельт (*Hotzelt*. *Kirchenrechtliche Stellung*. 1949. S. 468, Fußnote 4).

²⁵³ *Novum Testamentum graece... Editio octava critica maior*. III. 1894. P. 351–352; *Gregory*. *Textkritik*. I. 1900. S. 27; эти данные добавлены к справке об акте дарения; русский документ, который подписал чиновник по фамилии Сакен, датирован 1 (13) июня 1878 г.

²⁵⁴ Письмо см.: *Peradze*. *Dokumenty*. 1934. P. 149 и далее, примеч. 29; см. также: *The Mount Sinai Manuscript of the Bible*. London, 1934. P. 8.

²⁵⁵ Эти награды или ордена сопровождалась денежными выплатами, но вычислить их финансовую стоимость в точности нельзя; суммы, связанные с различными наградами в различных классах, могли, очевидно, варьироваться.

Соответствовал ли ответный дар изначальным ожиданиям — это другой вопрос. Сам Тишендорф в марте 1868 г. в качестве уместной суммы предложил 20 000 рублей; Игнатъев даже превзошел это предложение, высказав намерение ассигновать на дело 25 000 рублей.²⁵⁶ Из этой же области и история о пароходе, который русское правительство будто бы посулило монастырю, чтобы облегчить связь с Суэцем;²⁵⁷ такого парохода, однако, монастырь не получил. Недоказанным остается обвинение архиепископа Кирилла в том, что ранее он якобы уже однажды получил за кодекс 3000 рублей.²⁵⁸

То, что размер ответного дара в любом случае не оправдал изначальных ожиданий, может объясняться в целом высокими расходами, которые Россия понесла в связи с кодексом уже до того:²⁵⁹ третья поездка Тишендорфа на Восток 1859 г. была поддержана 8000 рублями; издание кодекса потребовало 20 000; в общей сложности 1400 рублей должно было уйти на оплату перевозки готовых экземпляров факсимильной печати; к этому добавляется пересылка подарочных экземпляров крупнейшим библиотекам Европы и Америки; нет к тому же конкретного исчисления выплат в связи с вручением орденов отцам Синая — так же как и Тишендорфу. Таким образом, *summa summarum* русское правительство уже вложило в открытие и публикацию Синайского кодекса минимум 30 000 рублей. Потому предложенная Игнатъевым для компенсации дополнительная сумма в 25 000 рублей подверглась сокращению со стороны Министерства финансов.

Ввиду не оправдавшихся ожиданий, со стороны монастыря, как кажется, возникли дальнейшие требования. К ним может относиться то пись-

²⁵⁶ Это сообщает Тишендорф в письме из Петербурга к своей жене от 12 марта 1868 г.; см.: *Aland*. Konstantin von Tischendorf. 1993. P. 34.

²⁵⁷ История основана на сообщении Э. фон Муральта (*Muralt E. von. Bemerkungen über den Codex Sinaiticus // Deutsche Vierteljahresschrift für englisch-theologische Forschung und Kritik. Nr. V/2. 30. Mai 1863. S. 193–196*); Муральт был заведующим Отделом богословских рукописей и книг Императорской Публичной библиотеки в Петербурге. Грегори (*Gregory. Textkritik. I. 1900. S. 28*) это сообщение изложил и прокомментировал. В сообщении секретаря Кумани Игнатъеву о разговоре со смещенным архиепископом Кириллом в мае 1868 г. эта история представлена исключительно как идея Тишендорфа; см.: *Захарова. История. 2007. С. 233–234*.

²⁵⁸ Это отмечает Бенешевич (*Bénéchévitch. Manuscrits. 1937. P. 51, примеч. 2*). Этот слух возник, вероятно, в ряду обвинений в коррупции, которые в целом выдвигались против Кирилла. Подтверждений ему нет.

²⁵⁹ Детальный, вплоть до копейки, отчет предоставляет Досье министра Головкина 1862 г. (РГИА, ф. 735, оп. 6, 1862, № 204, л. 29–32).

мо архиепископа Каллистрата Тишендорфу от 12 марта 1874 г., в котором, среди прочего, говорится: «Наше дело всё еще остается на прежней точке. <...> Но мы очень надеемся, что Ваше дружеское ходатайство перед его превосходительством [очевидно, Игнатиевым] будет иметь благоприятный исход...».²⁶⁰ Перадзе из этого заключал, что и в 1874 г. ответный дар еще не состоялся, что, однако, опровергается названными документами. Речь здесь могла идти лишь о том, чтобы выхлопотать дальнейшие ассигнования.²⁶¹ В этом же контексте должны рассматриваться и финансовые трудности, в которые монастырь попал в результате деятельности архиепископа Кирилла между 1860 и 1865 гг. и в устранении которых Петербург вновь принимал участие.²⁶² Кроме того, монастырь и в дальнейшем получал постоянную поддержку со стороны России,²⁶³ особенно — в сохранении и каталогизации библиотечных фондов.²⁶⁴ Когда Синайский кодекс оценивался при продаже в Лондон в 1933 г. — теперь уже, правда, в условиях полностью изменившейся финансовой ситуации на аукционах — прежнее разочарование также должно было получить новую пищу.

Третий, обремененный множеством недоразумений, вопрос касается «расписки», которую Тишендорф подписал 16 (28) сентября 1859 г. в Каире.²⁶⁵ Отцы каирского Собрания по этому документу предоставляли

²⁶⁰ *Peradze. Codex Sinaiticus. 1934. P. 111; частично цитируется также в кн.: The Mount Sinai Manuscript of the Bible. London, 1934. P. 10.*

²⁶¹ В брошюре «The Mount Sinai Manuscript of the Bible» (London, 1934. P. 10) взвешивается возможность того, что это письмо могло быть связано с совсем другими обстоятельствами: оно могло подразумевать также финансовую помощь из Петербурга, на которую Каллистрат надеялся в своем споре с патриархом Александрийским и в отношении которой он просил Тишендорфа о посредничестве (речь об этом идет в более раннем письме декабря 1870 г.).

²⁶² Соответствующие письма опубликованы в: *Захарова. История. 2007. С. 261—265.*

²⁶³ Пальмер (*Palmer. Schauplatz. 1876. S. 54*) замечает, что в ходе этих отношений Александром II была подарена новая рака для мощей святой Екатерины. Колокола построенной в 1871 г. колокольни являются также подарком царя (*Manley, Abdel-Hakim. Traveling. 2006. P. 163*). Уже с XVII в. Россия была известна богатыми подарками монастырю; об этом см.: *Weitzmann K. Zur Kunst des Katharinenklosters // Galey J. Das Katharinenkloster auf dem Sinai. Stuttgart; Zürich, 1979. S. 153, 160.*

²⁶⁴ Об этом см.: *Bénéchévitch. Manuscrits. 1937. P. 58—86, 93—103.*

²⁶⁵ К этому времени Тишендорф уже полностью переписал кодекс.

ему Синайский кодекс *на время* для нужд планировавшегося издания. До тех пор пока дарение не состоялось, сохранялось и закрепленное в «расписке» обязательство возврата кодекса. Тишендорф на этот документ неоднократно ссылался, причем неизменно подчеркивал статус выдачи кодекса как временной.²⁶⁶ Отцы Синая также с давних пор использовали в своей аргументации эту «расписку», которую они тщательно сохраняли.²⁶⁷ Тем не менее, ее дословное содержание стало известно лишь в 1964 г. благодаря Игорю Шевченко²⁶⁸ и должно быть здесь еще раз приведено:

Я, нижеподписавшийся Константин Тишендорф, в настоящее время находящийся в путешествии по Ближнему Востоку с мис-

²⁶⁶ Об этом см.: *Tischendorf*. 1) *Nachricht*. 1860. S. 8; 2) *Vorworte*. 1862. S. 13; 3) *Aus dem heiligen Lande*. 1862. S. 371; 4) *Evangelien*. 1865. S. 17; 5) *Sinai-bibel*. 1871. S. 24. Прежде всего это обстоятельство Тишендорф недвусмысленно изложил царю; когда 10 ноября 1862 г. в Царском Селе он представил ему кодекс вместе с его факсимильным изданием, он приложил к нему письмо следующего содержания: «По мной лишь подписанной расписке в получении 28 сент. (нового стиля) 1859 г. в Каире выдан мне на руки, 29 окт. / 10 ноябр. 1862 г. передан Его Королевскому Величеству в Царском Селе» (*Tischendorf*. *Sinai-bibel*. S. 86–87).

²⁶⁷ Согласно И. Шевченко (*Ševčenko*. *Documents*. 1964), в 1960 г. расписка находилась в келье эконома, отца Никифора. Уже Григори отмечает, что настоятель Порфирий объявил ему, что «обладает письмом Тишендорфа, в котором Тишендорф обещает рукопись вернуть монастырю...», и добавляет: «Так что до тех пор, пока будет отказывать в предъявлении предположительно столь важного письма, не просто решить, какого именно рода важность означенного письма не осознается настоятелем» (*Gregory*. *Textkritik*. II. 1902. S. 437); в другом месте Григори сообщает еще раз, что настоятель Порфирий отклонил его предложение (сделанное во время посещения им монастыря зимой 1905/1906 гг.) сфотографировать и опубликовать этот документ (см.: *Theologische Literaturzeitung*. № 23. 1911. S. 712). Л. Превост (*Prévost L. Le Sinaï hier ... aujourd'hui: Étude topographique, biblique, historique, archéologique*. Paris, 1937. P. 270), не будучи знаком с документом лично, также указывает на подобное общее утверждение Порфирия, бывшего в его время архиепископом.

²⁶⁸ *Ševčenko*. *Documents*. 1964. P. 60 (греч./англ. по оригиналу в монастыре); *Bentley*. *Secrets*. 1986. P. 98 (англ. по Шевченко); *Aland*. *Konstantin von Tischendorf*. 1993. P. 20 (греч. / англ. по фотографии); *Böttrich*. *Lesebuch*. 1999. S. 211–212 (нем. на основании Шевченко). На протяжении определенного времени текст (греч. / англ.) можно было даже увидеть в монастыре помещенным в застекленную рамку под заглавием «How the Monastery lost its Codex Sinaiticus»; сегодня этот экспонат больше не находится на территории, доступной для посетителей, а перенесен в библиотеку.

сией по поручению Александра II, Царя всех русских, настоящим подтверждаю, что святая братия горы Синай, в согласии с письмом его превосходительства посла Лобанова, вручила мне во временное пользование древнюю рукопись Ветхого и Нового Заветов, каковая является собственностью прежде названного монастыря и содержит 346 листов, а также один небольшой фрагмент. Я возьму ее с собой в С.-Петербург, чтобы копию, изготовленную мной прежде, сравнить с оригиналом в течение времени, необходимого для подготовки публикации рукописи.

Рукопись мне доверена на условиях, которые определены в прежде упомянутом письме господина Лобанова от 10.9.1859 (№ 510). Я обещаю вернуть эту рукопись святой братии Синай неповрежденной и в хорошей сохранности по ее первому требованию.

Константин Тишендорф, в Каире, 16/28 сентября 1859 г.²⁶⁹

Интерпретация «расписки» не может подвергаться сомнению: в 1859 г. Тишендорф располагал кодексом лишь временно — для целей его критического издания; в это время кодекс оставался собственностью монастыря.²⁷⁰ Вместе с тем, этот текст дважды ссылается на другой документ, в котором сформулированы условия временной выдачи рукописи. Речь при этом идет о письме князя Лобанова²⁷¹ от 10 (22) сентября 1859 г.,

---

²⁶⁹ С этой распиской нельзя смешивать рукописный черновой набросок из фондов Университетской библиотеки Лейпцига, который опубликовал Е. Лаух (*Lauch E. Nichts gegen Tischendorf // Bekenntnis zur Kirche: FS E. Sommerlath / Hg. v. E.-H. Amberg, U. Kühn. Berlin, 1960. S. 15–24, особ. 16–17 (греч./нем.)*). Он касается, вероятно, лишь выдачи рукописи из Каирского подворья Тишендорфу в гостиницу, чтобы он имел возможность в течение двух месяцев подготовить ее первую копию (см.: *Tischendorf. Aus dem heiligen Lande. 1862. S. 116*). Аланд (*Aland. Konstantin von Tischendorf. 1993. P. 20*), однако, видит в нем набросок «расписки» от 10 (22) сентября 1859 г. Тем не менее, нельзя исключить того, что впоследствии Тишендорф ориентировался в «расписке» на этот текст.

²⁷⁰ Порфирий Успенский ошибается, когда сообщает в своих дневниках под 28 ноября 1860 г. (Книга VII. 1901. С. 284) о разговоре с патриархом Александрийским в Константинополе: патриарх сказал ему, что рукопись выдана лишь на определенный срок и должна вернуться на Синай; Порфирий Успенский же на это ответил: «Нет, владыка мой святой, она отдана нам (!) навсегда». В 1860 г. это утверждение значительно опережало события, которые к тому моменту еще нельзя было предвидеть!

²⁷¹ Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (1824–1896) служил в различных дипломатических должностях. В 1859–1863 гг. он занимал пост русского посла в Константинополе.

дословное содержание которого известно.²⁷² Решающий пассаж этого письма звучит так:

Господин Тишендорф сообщил мне, что досточтимая братия горы Синай решила через его посредничество преподнести Его Величеству Императору Александру II в знак почтения древнюю рукопись Библии. Поскольку это предложение не может быть осуществлено официально, прежде чем вновь избранный настоятель не сумеет получить признания Великой Порты, господин Тишендорф желает взять указанную рукопись на время в С.-Петербург, чтобы здесь во время печати иметь возможность сверять свою копию с оригиналом. Поддерживая это желание господина Тишендорфа, я заявляю, что в случае, если будет признано возможным с ним согласиться, эта рукопись осталась бы собственностью братии горы Синай до тех пор, пока настоятель от имени братии не подарит ее Его Императорскому Величеству.

Из этого становится ясно, что выдача на время, документированная в «расписке», с самого начала была непосредственно связана с идеей дарения.²⁷³ Ее функция состояла в том, чтобы создать правовую конструкцию для временного положения вплоть до завершения акта дарения. Таким образом, письмо Лобанова вообще стало всего лишь поводом выдать на время кодекс Тишендорфу.²⁷⁴

²⁷² *Tischendorf. Sinaibibel*. 1871. S. 22–23; цитируется у Бенешевича: *Bénéchévitch. Manuscrits*. 1937. P. 45; Захарова опубликовала фото оригинала письма по АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3379, л. 19–19 об. (Захарова. История. 2007. С. 216–217) и его русский перевод (Там же. С. 215).

²⁷³ Шевченко (*Ševčenko. Documents*. 1964. P. 61) называет эти «occasional hints» слабым аргументом в доказательстве такой связи: ведь письмо Лобанова, по мнению Шевченко, показывает, что и сама идея дарения восходит к Тишендорфу. Между тем, этот аргумент не способен убедить: то, откуда происходит идея, для вопроса ее принятия безразлично. Достаточно того, что отцы Каирского Собрания приняли расписку, которая это условие Лобанова расположила как раму вокруг остального текста документа. Без законного главы они и не могли в этот момент дать более четкого согласия, что и отразилось в ответном письме Лобанову (см. ниже).

²⁷⁴ Тишендорф описывает ситуацию так: вначале письмо Лобанова было переведено на греческий, чтобы о нем «сообщить каждому из братьев в его келье и испросить его волеизъявления на этот счет» (*Tischendorf. Sinaibibel*. 1871. S. 24). За этим последовало составление «расписки». Следовательно, все отцы отдавали себе отчет в связи, которая существовала между проектом дарения и выдачей кодекса на время, и одобрили это, когда выдали Тишендорфу кодекс по «расписке» с целью публикации. В письме к министру Ковалевскому от 30.03 (11.04.) 1860 г. он еще раз описал историю возник-

О том, что отцы в Каире, передавая Тишендорфу кодекс, это намерение осознавали, свидетельствует, кроме того, их ответное письмо Лобанову от 17 (29) сентября 1859 г.²⁷⁵ Там, среди прочего, говорится: «Поскольку мы понимаем цену посредничества Вашего Высочества и нам хочется предоставить Его Королевскому Величеству слабое подтверждение нашей преданности, и в такой же мере — поддерживая господина кавалера Тишендорфа в святой задаче, которую он взял на себя, мы спешим пойти навстречу его желанию тем, что доверяем ему означенную рукопись, будучи при этом весьма счастливы иметь возможность в какой-то мере выразить признание привязанности и искренней ревности, которые он неоднократно проявлял в отношении этого святого монастыря».

Письмо имеет характер заверения в преданности, однако тщательно избегает того, чтобы назвать дарение своим именем. К этому времени с правовой точки зрения это еще и не было возможно. Контекст, тем не менее, четко дает понять, что братия одобряла связь между нынешней выдачей кодекса на время и его будущим дарением. Обязанность возврата существовала, следовательно, лишь до совершения дарения. После подписания дарственной 13 и 18 ноября 1869 г., а также компенсации, подтвержденной 5 января 1870 г., эта обязанность была отменена.

В это время русским правительством неоднократно взвешивалась возможность возвращения Синайского кодекса.²⁷⁶ Между тем, четкого требования возврата со стороны монастыря не поступало. Важнейшее свидетельство относительно размышлений правительства предоставляет сегодня Досье министра Головнина, датированное 21 июня 1862 г.,²⁷⁷ т. е. составленное незадолго до окончания публикации и торжественной передачи факсимильного издания 10 ноября 1862 г. в Царском Селе.

Решающими здесь были обвинения архимандрита Порфирия Успенского, который в кодексе видел результат фальсификации текста еретиками²⁷⁸ и через посредничество Святейшего Синода требовал его проверки

новения документа; см.: Захарова. История. 2007. С. 218–220 (франц.), 220–221 (русс.).

²⁷⁵ *Bénéchévitch*. Manuscrits. 1837. P. 46; этот ответ цитируется в Досье Головнина 1862 г.: РГИА, ф. 735, оп. 6 (1862 г.), № 204, л. 16–16 об.

²⁷⁶ Это известно также Тишендорфу, который, однако, в своем официальном представлении лишь осторожно намекает на положение вещей (*Ti-schendorf*. Sinaibibel. 1871. P. 29). Гораздо более открыто он сообщает о том, что вопрос о возвращении кодекса постоянно рассматривается, в письмах к своей жене из Петербурга 1861–1862 гг.

²⁷⁷ РГИА, ф. 735, оп. 6 (1862 г.), № 204.

²⁷⁸ В мае 1862 г. Порфирий Успенский выпустил свой труд «Мнение о Синайской рукописи», концепция которого, как удостоверяют его дневники,

на догматичность. С этим Порфирий Успенский связал также указание на невыясненное еще правовое положение рукописи. Головнин, который только что принял дела от своего предшественника Ковалевского,²⁷⁹ сразу же взялся за эти вопросы с трезвостью прагматика. Главная его цель состояла в том, чтобы оградить русское правительство от каких бы то ни было неприятностей. Осознавая ответственность, возникшую для России вследствие гарантии посла Лобанова, он решил действовать двояко: с одной стороны, оказал влияние на формулировку названия, чтобы минимизировать ответственность царя в случае догматических осложнений;²⁸⁰ с другой — предложил возврат кодекса как самый короткий путь к тому, чтобы снять дальнейшую ответственность за него.²⁸¹

То, что публикация и ее посвящение уже давно получили самостоятельное развитие и что этого больше не остановить, Головнин усвоил совершенно отчетливо. Он особо засвидетельствовал, что Тишендорф действовал корректно.²⁸² Что же касается возврата кодекса, то мнения ответственных лиц при дворе и в министерствах народного просвещения и иностранных дел разделились. Различные дипломатические дискуссии по этому вопросу отразились в письмах, которые Тишендорф писал жене

появилась у него уже 26 ноября 1860 г. Основанием для нее был не сам кодекс, а предварительное сообщение Тишендорфа «*Nachricht von der...*» 1860 г.

²⁷⁹ Александр Васильевич Головнин (1821—1886) в 1861—1866 гг. был министром народного просвещения вслед за Е. П. Ковалевским. До этого с 1850 г. он служил секретарем великого князя Константина Николаевича.

²⁸⁰ В отличие от первоначального плана, ни в заглавии, ни в посвящении теперь не должно было быть никакой связи с 1000-летним юбилеем Русской монархии; об этом см. также: *Tischenendorf. Sinaibibel*. 1871. С. 38.

²⁸¹ Обоснование этого звучит так: «...в случае, если против ожидания с этим памятником произойдет несчастье или его частичная утрата, весь груз ответственности за это должно нести одно лишь Русское правительство без того чтобы смягчить ее указанием на то, что вовремя были приняты все меры предосторожности».

²⁸² В своем Досье Головнин рассуждает: «Несмотря на это замечание, невозможно, однако, обвинить профессора Тишендорфа ни в неосторожности, ни в употреблении во зло доверия Русского правительства, ибо он о всех своих предположениях и действиях заблаговременно, постоянно и подробно извещал Министерство Народного Просвещения. Не получая никогда ни опровержения, ни предостережения, а, напротив того, встречая постоянно общее одобрение его действий, — он был совершенно прав во всем, что он предпринимал» (РГИА, ф. 735, оп. 6 (1862 г.), № 204, л. 22 об.—23).

во время трех своих поездок в Петербург в 1860, 1861 и 1862 гг.²⁸³ В конечном счете предложение отказаться от подарка не имело успеха. Этим, однако, открылась еще одна длительная фаза неопределенности, поскольку и монастырь по делу дарения не предпринимал никаких дальнейших шагов.

Особое значение в этой связи имела торжественная аудиенция в Царском Селе, во время которой 10 ноября 1862 г. Тишендорф передал императорской чете факсимильное издание рукописи. Одновременно он передал при этом и оригинал кодекса, который до той поры находился в его руках для нужд публикации. Тишендорф использовал этот случай, чтобы еще раз завести речь о непроясненном правовом статусе рукописи, который был связан и с его ответственностью. Потому он приложил к кодексу письмо следующего содержания: «По мной лишь подписанной расписке в получении 28 сент. (нового стиля) 1859 г. в Каире выдан мне на руки, 29 окт. / 10 нояб. 1862 г. передан Его Королевскому Величеству в Царском Селе».²⁸⁴

Тем не менее, скрытая символика этого жеста допускала неоднозначное толкование.²⁸⁵ С роскошным изданием Тишендорф передавал царю подарок, который тот сам финансировал. Только лишь факсимильное издание было тем, что он, в соответствии с Предисловием, мог «полный благоговения, положить к ногам». Оригинал же к тому моменту всё еще оставался собственностью монастыря. Потому название «*Bibliogum Codex Sinaiticus Petropolitanus*» имело в виду прежде всего Петербург как место издания, но подспудно уже включало в себя и указание на ожидаемое место хранения.²⁸⁶ В этом отношении вводит в заблуждение то, что И. Шев-

²⁸³ Относящиеся к делу свидетельства этой корреспонденции подробно цитируются и комментируются в: *Aland. Konstantin von Tischendorf. 1993. P. 27–35.*

²⁸⁴ *Tischendorf. Sinaibibel. 1871. S. 86–87.*

²⁸⁵ *Ševčenko. Documents. 1964. P. 67:* «...in 1862 Tischendorf had no right to put the manuscript into any person's hands». Верно, что по окончании работы он был обязан вернуть кодекс только лишь братии. Тем не менее, вместо конкретного требования возврата на повестке по-прежнему была идея дарения, которая по причине правового положения архиепископа еще не могла быть высказана. В то же время русское правительство через Лобанова за кодекс поручилось. В этой ситуации русское Министерство иностранных дел, куда царь передал рукопись, было на первых порах вполне подходящим местом, по крайней мере, лучшим, чем лейпцигская квартира Тишендорфа.

²⁸⁶ Шевченко (*Ševčenko. Documents. 1964. P. 67*) считает: «Tischendorf was on somewhat slippery ground», когда он добавил к заглавию «*Petroplitanus*». Тишендорф предполагал согласие архиепископа Кирилла, потому что тот на его письменный запрос не высказал возражений (*Tischendorf. Sinaibibel. 1871. S. 86*). Твердой почва стала лишь в 1869 г.

ченко говорит здесь о дарении («offering») и считает, что оно состоялось незаконно.²⁸⁷ После 10 ноября 1862 г. с правовой точки зрения вполне корректно кодекс хранился в Министерстве иностранных дел в Петербурге и лишь 7 мая 1869 г., когда дарение уже состоялось, был передан в Императорскую Публичную библиотеку.²⁸⁸ Правда, в общественном восприятии границы между передачей издания, соединенной с предоставлением оригинала, и официальной передачей кодекса остались размытыми. Между 1862 и 1869 гг. Тишендорф оказался в двусмысленном положении, которое он ощущал самым явным образом.²⁸⁹ Лишь после дарения 13 и 18 ноября 1869 г. он был оправдан и лично.

Положение монастыря между 1859 и 1869 гг., составляющее контекст этих событий, оказывается чрезвычайно сложным. В письме к Тишендорфу от 5 (17) декабря 1869 г. посол Игнатъев, оглядываясь назад, говорил о «полной анархии», а также о «скандальном театре».²⁹⁰ Даже если принять здесь во внимание всегдашний экспрессивный стиль Игнатъева, всё равно остается стойкое впечатление внутреннего раскола.²⁹¹ Смута вокруг выборов нового архиепископа очевидным образом соединилась с рядом расхоронившихся интересов.

После длительного времени настоятельства архиепископа Константия (1804—1859), который несколько лет исполнял обязанности патриарха Константинопольского (1831—1835), эти выборы должны были означать для братии определение направления.²⁹² Ситуация с кодексом

²⁸⁷ Ševčenko. Documents. 1964. P. 77. Передача произошла законно потому, что она, собственно, и не была дарением.

²⁸⁸ Сообщение Лейка (*Lake. Codex Sinaiticus. I. 1911. P. VI*), описывающее это по-другому, неверно, равно как изобилует ошибками и изложение им истории открытия в целом (P. V—VI). Дата 7 мая 1869 г. названа в изд.: Проданные сокровища России. М., 2000. С. 114.

²⁸⁹ В 1871 г. он писал, оглядываясь назад: «Для меня самого отсутствие возмещения оставалось, конечно, упреком; я принимал в этом слишком личное участие, чтобы не быть обязанным ожидать, что и на меня упадет отблеск неблагодарности, если вообще не отблеск обмана» (*Sinaibibel 1871, 87*).

²⁹⁰ *Peradze. Dokumenty. 1934. P. 149*. Сходное описание уже 26.07 / 6.08 1867 г. Игнатъев дал в письме к канцлеру Горчакову; см.: *Захарова. История. 2007. С. 228—229* (франц./русск.).

²⁹¹ Тишендорф также пишет: «Сама братия была расколота на две партии...» (*Tischendorf. Sinaibibel. 1871. S. 89*).

²⁹² О списке архиепископов Синая см.: *Успенский. Второе путешествие. 1856. С. 350—367*; об этом же см.: *Cheikho L. Les Archevêques de Sinäi // Mélanges de la faculté orientale de Beyrouth. 2. 1907. P. 408—421; Eckenstein. History of Sinai. 1921. P. VII.*

с самого начала оказалась между двумя фронтами этого конфликта. Новый архиепископ Кирилл, попытавшийся использовать идею дарения для укрепления собственного положения, тем самым открыл для своих противников особо чувствительный фланг. Из его корреспонденции, но прежде всего из меморандума, составленного им после смещения (после августа 1867 г.),²⁹³ становится ясно, в какой степени он лавировал и оставлял открытыми возможности действий в обоих направлениях: с одной стороны, перед Тишендорфом он поддерживал идею дарения, чтобы обеспечить себе поддержку России; с другой стороны, он избегал каких-либо конкретных шагов — с оглядкой на своих противников в монастыре и в Иерусалиме. Задним числом в своем меморандуме он ретушировал собственную позицию и утверждал, что плана дарения никогда не существовало.²⁹⁴

Сплетение этих обстоятельств Тишендорф заметил слишком поздно, если вообще заметил. В 1867 г., когда Кирилл был смещен, он еще посвятил ему свою последнюю по времени работу и обозначил его там по-прежнему как архиепископа Синая.²⁹⁵ В любом случае, связь планов дарения с неоднозначной личностью архиепископа Кирилла серьезно

²⁹³ Текст (греч./англ.) опубликован в: Ševčenko. Documents. 1964. P. 69–72.

²⁹⁴ После констатации того, что рукопись до сих пор не возвращена, он пишет: «С другой стороны, община Синая никогда не предполагала и даже никогда совместно не обсуждала мысль предложить или подарить ее (рукопись. — *Ch. B.*) императорскому российскому правительству. Напротив, многие монахи были раздосадованы ее временной выдачей...» (Ševčenko. Documents. 1964. P. 70–71). Подобным образом звучит отчет А. Кумани, секретаря Игнатъева, о беседе со смещенным архиепископом в мае 1868 г. (текст см.: Захарова. История. 2007. С. 233–234). Верно в этом то, что с самого начала существовала оппозиция — и потому мысль о дарении не могла быть всеобщей. Неверным является впечатление, будто Кирилл лично принадлежал к этой оппозиции. Утверждение о том, что никогда не существовало даже такого намерения, противоречит как тексту расписки, так и ответу братии Лобанову (см. выше). В письме из Александрии от 1 мая 1859 г. Тишендорф пишет своей жене: «Мне было решительно сказано, что рукопись будет подарена императору, и притом — через меня. Да, здешний глава монастырского собрания, первый человек после архиепископа, заявил русскому генеральному консулу, что даже если бы я захотел вернуться в Лейпциг, то всё равно рукопись была бы передана императору только через меня» (см.: Böttrich. Lesebuch. 1999. S. 188).

²⁹⁵ Tischendorf C. Appendix codicum celeberrimorum Sinaitici Vaticani Alexandrini ... το πατριωτικῶν σιναιου ἀρχιεπισκοπῶ Κυρίλλῳ ... Lipsiae, 1867. Посвящение, которое, вероятно, уже было напечатано, могло совпасть со смещением. Оно, правда, могло вызывать вопросы в том отношении, что Кирилл и впредь продолжал претендовать на архиепископство (Hotzelt. Kirchenrechtliche Stellung. 1949. S. 466f).

повредила и репутации Тишендорфа. Передача рукописи Александру II, изначально задуманная как торжественный акт, тем самым оказалась в кругу многочисленных подозрений. И хотя, благодаря деликатной манере, в которой архиепископ Каллистрат в конце концов довел дело до конца,²⁹⁶ достигло цели и намерение Тишендорфа, еще долгое время память о нем в монастыре оставалась связана прежде всего с личностью Кирилла и обвинением в расхищении монастырского имущества. Сведения о том, что кодекс украден,²⁹⁷ о чем с тех пор сообщали многие путешественники на Синай,²⁹⁸ находили подпитку, пожалуй, прежде всего, в двух источниках: старой оппозиции Кириллу и разочаровании в ответном даре русского правительства. Анализ всех документов позволяет сегодня прийти к четкому выводу: перемещение Синайского кодекса в Петербург произошло — вопреки всем промежуточным сложностям — в правовом отношении корректно.²⁹⁹ В любом случае, о краже здесь не может быть и речи.

5.3. Продажа из Ленинграда в Лондон

После того как дарение осуществилось, Синайский кодекс нашел новое и почетное место в Императорской Публичной библиотеке в Санкт-Пе-

²⁹⁶ Для Каллистрата с этим также связывались интересы монастыря, который оказался в напряженных отношениях с Александрийским патриархатом и, кроме того, находился в трудном финансовом положении; см.: *Захарова. История. 2007. С. 229–230.*

²⁹⁷ Дискуссия была вызвана прежде всего высказыванием, которое в письме к архимандриту Антонину от 8 (20) мая 1868 г. обронил граф Игнатъев; он говорит о необходимости «закончить историю Синайской Библии, которая нами была украдена» (цитируется в: *Ševčenko. Documents. 1964. P. 80; Захарова. История. 2007. С. 232–233*). До осуществления дарения это высказывание вполне соответствует положению вещей: кодекс всё еще выдан на время, и даже если он лежит в Министерстве иностранных дел, России он не принадлежит. Потому заостренная формулировка была предназначена лишь для того, чтобы призвать к прояснению положения. Годом позже Игнатъев бы этого уже не написал.

²⁹⁸ Начало было положено Ф. Шаффом (*Schaff Ph. Through Bible Lands. New York, 1878 (переизд.: 1977). P. 191*); за ним следует длинный ряд описаний путешествий вплоть до Х. Бардтке (*Bardtke H. Vom Nildelta zum Sinai. Berlin, 1968. S. 26–28*); наконец, на видном месте Н. Томадакис (см.: *Manafis. Sinai. Athen, 1990. P. 16*) и П. Николопулос (*ibid. P. 349*).

²⁹⁹ К этому результату приводит также исследование А. В. Захаровой (*Захарова. История. 2007. С. 265–266*); публикуемые в нем документы впервые предоставляют возможность полностью независимой проверки хода событий: отчет Тишендорфа в целом корректен; данные источников не позволяют сомневаться в правовом аспекте перемещения кодекса.

тербурге.³⁰⁰ Витрина, в которой он лежал, находилась в том же помещении, в котором было выставлено и знаменитое Остромирово Евангелие (1056/57), самое древнее созданное на Руси Евангелие. Правда, оставаться в этом месте он смог лишь 64 года. Продажа Синайского кодекса в Лондон в декабре 1933 г. еще раз привлекла внимание мировой общественности к этим уникальным 346 пергаменным листам с Синая.

Решающие события произошли в декабре 1933 г. Предыстория же их началась уже в апреле 1931 г. — с поездкой в Россию трех английских предпринимателей из известной лондонской антикварной фирмы «Maggs Bros. Ltd.». Эрнеста Маггза сопровождал тогда Морис Л. Эттингхаузен, возглавлявший парижский филиал фирмы. Благодаря его ловкости в переговорах состоялись первые контакты, которые в конечном счете привели в 1933 г. к приобретению Синайского кодекса Британским музеем. В своих мемуарах Эттингхаузен набросал следующую картину событий.³⁰¹

В 1930—1932 гг. правительство Советского Союза наводнило международный антикварный рынок ценными предметами, владельцем которых оно стало в ходе волны национализации, проводившейся после Октябрьской революции.³⁰² Поэтому лондонские предприниматели ездили в Москву с целью предложить свой опыт в этой сфере и одновременно добиться влияния на продажи, до той поры в значительной мере не контролируемые. Из Москвы они съездили на несколько дней в Ленинград,³⁰³

³⁰⁰ Императорская Публичная библиотека была основана Екатериной II в 1795 г. и открыта в 1804 г.; в 1932 г. она получила название «Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», а с 1992 г. стала называться Российской национальной библиотекой. Ко времени истории с кодексом облик библиотеки определялся прежде всего личностью барона Модеста Корффа (1800—1876), который с 1849 по 1861 г. был ее директором. Ему Тишендорф посвятил появившуюся в 1871 г. работу о Синайской Библии. Его преемником на посту директора библиотеки стал тайный советник граф Иван Давыдович Делянов (1818—1897), при котором в 1869 г. Синайский кодекс поступил в Публичную библиотеку.

³⁰¹ *Ettinghausen M. L. Rare Books and Royal Collectors: Memoirs of an Antiquarian Bookseller.* New York, 1966. P. 169—183 (глава XIII).

³⁰² Согласно М. Д. Моричевой (*Моричева М. Д. «...Выдать в распоряжение в/о “Антиквариат” инкунабулы и рукописи...» // Российская национальная библиотека: страницы истории: Сб. статей.* СПб., 2001. С. 98), продажа раритетов из Публичной библиотеки была лишь малой частью драматической кампании по распродаже культурных ценностей, осуществлявшейся между 1920 и 1930 гг. В Публичной библиотеке эта деятельность началась в январе 1930 г.

³⁰³ Переименование С.-Петербурга (с 1914 г. Петрограда) в Ленинград имело место в 1924 г.; с 1991 г. город на Неве снова носит свое старое имя Санкт-Петербург.

где осмотрели различные музеи и собрания. Во время посещения «Государственного отдела по экспорту книг и антиквариата» им неожиданно удалось приобрести Библию Гутенберга, которая тут же была передана швейцарскому коллекционеру Мартину Бодмеру.

На следующий день, когда они осматривали Государственную Публичную библиотеку,³⁰⁴ Эттингхаузен обнаружил там на выставке Отдела рукописей Синайский кодекс. По возвращении в Москву лондонские предприниматели получили, наконец, доступ к заместителю комиссара внешней торговли и изложили ему свою просьбу. Эттингхаузен сообщает, что он рассказал тогда о Синайском кодексе и, словно в шутку, заметил, что, как только комиссару понадобятся деньги, ему достаточно будет выслать эту рукопись.

Два года спустя, осенью 1933 г., советские функционеры вернулись к этой мысли.³⁰⁵ К переговорам приступили через советского атташе по культуре в Париже товарища Ильина и парижский филиал «Maggs Bros. Ltd.». Эттингхаузен наладил контакт с сэром Фредериком Кеньоном, многолетним директором Британского музея (1909–1930), который, со своей стороны, тут же связался с британским премьер-министром Рамсеем Макдональдом (1931–1935), а также с архиепископом Кентерберийским Космо Гордоном Лангом (1928–1942).

Последовавшие осенние месяцы 1933 г. Эттингхаузен изображает прежде всего как борьбу за цену, в которую русская сторона вступила с требованием 200 000 фунтов, в то время как британская сторона начала с предложения в 40 000 фунтов. В конце концов сошлись на сумме в 100 000 фунтов стерлингов. Товарищ Ильин, который ради заключения окончательных договоренностей прибыл в Лондон, согласовал этот результат с Москвой. На основании этого британский премьер-министр объявил в парламенте, что его правительство планирует приобрести Синайский кодекс, если на это поступят общественные пожертвования. 27 декабря 1933 г., сопровождаемый большим интересом прессы, Синайский кодекс прибыл в Лондон. Активное участие в этом приняло и население — и в пред- и посленовогодние дни 1933/1934 гг. перед Британским музеем не иссякала длинная очередь посетителей.

³⁰⁴ К тому времени наименование «императорская» было заменено на «государственная».

³⁰⁵ В этом отношении Эттингхаузен ссылается на сотрудника того ленинградского отдела, через который в 1931 г. состоялось приобретение Библии Гутенберга. Этот (безымянный) сотрудник, будучи в командировке в Лондоне в 1933 г., напрямик расспрашивал Эттингхаузена, может ли Синайский кодекс стоить один миллион фунтов стерлингов. Эттингхаузен отвечал, что может, но нет никого, кто мог бы эту сумму заплатить (*Ettinghausen M. L. Rare Books and Royal Collectors. P. 180*).

Архивные материалы Петербурга и Москвы дополняют эту историю рядом дальнейших деталей.³⁰⁶ Письмо директора Государственной Публичной библиотеки Мечислава Михайловича Добраницкого от 16 сентября 1931 г. товарищу И. Лупполу, заведующему «Главнаукой Наркомпроса», доказывает, что «шутка» Эттингхаузена должна была упасть на благодатную почву. В своем письме Добраницкий указывает на сотрудников «Госантиквариата», которые занимались в библиотеке определением объектов высокой валютной стоимости и при этом проявили интерес к Синайскому кодексу. Исходя из этого, он описывает кодекс как один из величайших раритетов библиотеки, высказывает свои опасения относительно планируемой продажи, предостерегает от такого «политически неверного и недопустимого поступка» и просит товарища Луппола помешать реализации этих планов.³⁰⁷

Эта попытка вмешательства делает честь директору библиотеки. И всё же она не смогла помешать действиям политических властей. Лондонская антикварная фирма «Maggs Bros. Ltd.» была при этом, судя по всему, не единственным их деловым партнером. Письмо от 7 апреля 1933 г. подтверждает также переговоры «Госантиквариата» о продаже кодекса с нью-йоркской антикварной фирмой А. С. В. Розенбаха.³⁰⁸

Решающим документом с советской стороны является выписка из протокола № 150 заседания Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии от 5 декабря 1933 г.³⁰⁹ В параграфе 163/145 речь там идет о запросе товарища Розенгольца, наркома внешней торговли, относительно Синайского кодекса. Решение Политбюро выглядит следующим образом: «Дать указание товарищу Бубнову рукопись Библии “Синай-

³⁰⁶ Прежде всего речь здесь идет о Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга, Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в Москве, Российском государственном архиве экономики (РГAE) в Москве. С документами я ознакомился благодаря исследованию Натальи Смеловой. См. также: *Моригева М. Д.* «...Выдать в распоряжение в/о “Антиквариат” инкунабулы и рукописи...». С. 98–115; об этом же см.: Проданные сокровища России. С. 114–115 (о Синайской Библии).

³⁰⁷ Письмо находится в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга, ф. 97, инв. 2, 1931, № 7, л. 44.

³⁰⁸ Российский государственный архив экономики (РГAE), Москва, Дирекция по экспорту, № 661, л. 31–33. В телеграмме от 21 декабря 1933 г. Розенбах поздравил премьер-министра Макдональда с «greatest purchase ever made in the whole history of collecting»; см.: London, National Archives, PREM 5/107.

³⁰⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, ф. 17, инв. 162, № 15, л. 142, 148.

ский кодекс” передать в Наркомвнешторг и уполномочить Наркомвнешторг ее продать». Выписка из протокола подписана секретарем Центрального Комитета И. Сталиным. Другой документ доказывает, что это указание было быстро выполнено. 8 декабря 1933 г. Бубнов³¹⁰ дал указание директору Государственной Публичной библиотеки (распоряжение № 2787 / секретно) передать рукопись Библии «Госантиквариату».³¹¹ 13 декабря 1933 г. Добраницкий доложил о состоявшейся передаче товарищу Прусакову, представителю «Госантиквариата».³¹² Товарищ Ильин, атташе по культуре в Париже, организовал вслед за этим доставку рукописи в Лондон: она была осуществлена через специального курьера.³¹³

Заслуживают интереса и архивные материалы, хранящиеся в Лондоне, которые дополняют картину.³¹⁴ Представленная там переписка начинается 7 августа 1933 г.; эти письма отражают начало переговоров Эрнеста Маггса с советскими функционерами, а также первое обсуждение проекта с британским премьер-министром.³¹⁵ Рамсей Макдональд в дальнейшем оказался главной движущей силой покупки, не только хлопоча о предоставлении государственных средств министром финансов Невиллем Чемберленом, но и развив активную деятельность по привлечению частных жертвователей. Важнейшим партнером для антиквара Маггза становится бывший директор Британского музея сэр Фредерик Кеньон. Кроме

³¹⁰ Андрей Степанович Бубнов был наркомом образования и в качестве главы Наркомпроса — начальником товарища Луппола из «Главнауки».

³¹¹ Центральный государственный архив литературы и искусства С.-Петербурга, ф. 97, инв. 2, № 14, л. 106.

³¹² Там же, л. 107.

³¹³ Так сказано в письме Эрнеста Маггса сэру Джорджу Хиллу (директору Британского музея) от 19 декабря 1933 г. (Британская библиотека, Лондон, Add Ms 68923). Дайссманн (Deissmann, *Odysse* (см. ниже)) сообщает, что транспортировка осуществлялась по воздуху и через Берлин.

³¹⁴ Прежде всего речь здесь идет о Национальном архиве (Лондон), T162/395 (документы Министерства финансов по приобретению кодекса); PREM 5/107 (документы из канцелярии премьер-министра по приобретению кодекса); RAIL 1005/197 (вырезки из газет, касающиеся кодекса); бумаги Рамсея Макдональда — PRO 30/69/1538 (корреспонденция по поводу финансирования кодекса); Британская библиотека (Лондон), Add Ms 68923 (бумаги сэра Джорджа Хилла); Add Ms 68924-68932 (другие газетные вырезки и корреспонденция). С документами я ознакомился благодаря исследованию Натальи Смеловой.

³¹⁵ В этом отношении общее указание Эттингхаузена на начало переговоров «in the autumn of 1933» (*Ettinghausen M. L. Rare Books and Royal Collectors*. P. 178) относит дело, как кажется, к несколько более позднему времени.

того, за связи с общественностью отвечали сэр Джордж Хилл как действующий директор музея, а также заведующий отделом рукописей сэр Харольд Идрис Белл. Большая часть обширной корреспонденции касается предоставления средств, которые в целом исчислялись 100 000 фунтов.³¹⁶ По требованию министра финансов 25 сентября 1933 г. Кеньон представил меморандум о научной ценности кодекса, которому в августе предшествовали экспертизы нескольких признанных специалистов.³¹⁷ 11 октября 1933 г. последовало согласие Министерства финансов, после чего переговоры между Кеньоном и Маггсом приняли конкретные формы.

Самую удивительную часть финансирования представляло привлечение частных пожертвований, что было сформулировано в качестве условия со стороны правительства. Церкви и общества, состоятельные лица и простые люди пожертвовали суммы от нескольких пенсов до 1000 фунтов. Многочисленные акции по сбору денег привлекли к приобретению кодекса широкие круги населения — и это в то время, когда Британская империя сама должна была преодолевать большие экономические трудности.³¹⁸ Эти акции, продлившиеся до конца 1934 г., показывают ту степень идентификации с библейским текстом, которая в истории «христианского Запада» является беспримерной. Тем временем правительство подготовило всю сумму целиком. 18 января 1934 г. «Дейли экспресс» сообщила, что Британский музей заплатил советскому правительству 100 000 фунтов наличными.

В отношении покупки Синайского кодекса была, однако, и своя оппозиция, которая руководствовалась различными мотивами. Шотландская социалистическая партия, например, в письме от 28 декабря 1933 г. выразила протест против приобретения кодекса и потребовала, чтобы деньги были использованы с большим смыслом — на поддержку множества безработных в стране.³¹⁹ В прессе появилось несколько статей, в ко-

³¹⁶ В письме от 22 сентября 1933 г. Хилл высказывает точку зрения, что 100 000 фунтов являются «a very reasonable price»; 4 октября 1933 г. он говорит о «very moderate price» и обосновывает тем самым предложение заплатить за кодекс сразу же и наличными; письма хранятся в Национальном архиве (Лондон), T162/395.

³¹⁷ Например, М. Р. Джеймс, Н. Маклин, А. Е. Брук, К. Стритер.

³¹⁸ Эттингхаузен называет цифру в один миллион безработных (*Ettinghausen M. L. Rare Books and Royal Collectors*. P. 182). Потому для общественности премьер-министр Макдональд неоднократно подчеркивал, что 100 000 фунтов советской стороной будут использованы преимущественно для закупки британских товаров.

³¹⁹ Национальный архив (Лондон), T162/395.

торых ситуация с кодексом оказалась связана с общей критикой политики правительства. Известный писатель Олдос Хаксли в начале февраля 1934 г. выступил с критической статьей в «Лондон Меркюри».³²⁰ Даже старая история фальсификатора рукописей Константина Симонидеса, занимавшая английскую прессу в 1862 г., была вновь извлечена на свет:³²¹ а не мог ли кодекс и в самом деле быть подделкой? Для такой демократической страны, как Великобритания, было само собой разумеющимся, что как серьезные, так и маловразумительные возражения по всему спектру проблемы публично высказывались и обсуждались. Между тем, одобрительное отношение преобладало. В конечном счете более чем половины суммы покупки дала частная благотворительность.³²²

В связи с привлечением внимания продажей дал знать о себе и монастырь на Синае. Темой ряда критических статей уже в декабре 1933 г. стало перемещение Синайского кодекса в Петербург, причем законность его была поставлена под сомнение.³²³ В телеграмме от 29 января 1934 г. архиепископ Порфирий сообщил Британскому музею: «Monastery of Mount Sinai informs you that the Codex Sinaiticus has been taken treacherously and fraudulently by Russian Government from convent at 1859 stop Sinai monastery being its sole rightful owner determined to vindicate its rights against any possessor of the said codex».³²⁴ К этому моменту сэр Джордж Хилл уже начал проверку хода событий, имевших место между 1859 и 1869 гг. Из Лейпцига были предоставлены фотографии писем из наследия Тишendorфа; в Ленинград была также направлена просьба о предоставлении других документов.³²⁵ В двух статьях, опубликованных в ежедневной

³²⁰ Британская библиотека (Лондон), Add Ms 68923 (бумаги сэра Джорджа Хилла); статья упомянута в переписке Г. Морриса и Г. Хилла от 14 и 17 февраля 1934 г.

³²¹ История исчерпывающе представлена в: *Elliott J. K. Codex Sinaiticus and the Simonides Affair: An Examination of the nineteenth century claim that Codex Sinaiticus was not an ancient manuscript // Analecta Vlatadon. 33. Thessaloniki, 1982.*

³²² В целом эта сумма составляла 53 030 фунтов (сообщение от 8 декабря 1934 г., Национальный архив (Лондон), PREM 5/107).

³²³ Собрание соответствующих газетных вырезок находится в Национальном архиве (Лондон), RAIL 1005/197.

³²⁴ Телеграмма находится среди бумаг Г. Хилла (Британский музей (Лондон), Add Ms 68923).

³²⁵ См. письмо Хилла от 3 февраля 1934 г. к Отто Глаунингу, директору Университетской библиотеки Лейпцига: Британская библиотека (Лондон), Add Ms 68923. Представленные Глаунингом документы частично вошли в брошюру «The Mount Sinai Manuscript of the Bible: For the Trustees of the British Museum» (London, 1934).

печати, на требования архиепископа отозвался из Германии богослов Адольф Дайссманн, где еще раз изложил известные факты из истории открытия и дарения кодекса.³²⁶

Прибытие Синайского кодекса в Лондон 27 декабря 1933 г. стало большим медиасобытием. Советские курьеры прибыли в знаменитый Буш Хауз на улице Стренд (район Вестминстер), откуда они в сопровождении фирмы Маггз, а также под охраной двух детективов направились в Британский музей. На ступенях музея на Грейт Рассел Стрит их уже ожидала большая толпа. Все газеты были представлены фоторепортерами; британская «Парамаунт Ньюс» сняла фильм, который со следующей недели показывался во всех кинотеатрах. Когда автомобиль остановился и один из детективов вышел, держа в руке кодекс, завернутый в коричневую упаковочную бумагу, все мужчины в толпе сняли свои головные уборы.³²⁷ В офисе сэра Джорджа Хилла состоялась передача кодекса. Снимки этого момента обошли весь мир.

В Британском музее Синайский кодекс был включен в самое значительное в мире собрание библейских рукописей. С 1753 г. в качестве одной из ценнейших рукописей там уже находился знаменитый «Codex Alexandrinus» (V в.). В этом обществе нашла себе новый приют и рукопись с Синая. Между тем, она должна была еще раз переехать: со времени основания Британской библиотеки в 1978 г. Синайский кодекс, совместно с другими рукописями, хранится там в Галерее Джона Ритблата.

В Петербурге кодекс поначалу оставался в том красном платке, в котором Тишендорф получил его в 1859 г.; позднее (до 1922 г.) он хранился в футляре из красной жести.³²⁸ По прибытии в Лондон в ходе тщательной консервации листы были разделены на два тома, которые были заново переплетены.³²⁹

³²⁶ *Deissmann A.* 1) Die Odyssee einer Bibelhandschrift: Das Schicksal des Codex Sinaiticus // Deutsche Allgemeine Zeitung: Ausgabe GroЯ-Berlin. Nr. 3, 3.01. 1934; 2) Entkräftung eines Kloster-Klatsches. Kampf um den Sinaiticus. Rechtfertigung Konstantin von Tischendorfs – Kein neues Kapitel der Odyssee des Codex // Ibid: Unterhaltungsblatt zur DAZ. Nr. 62, 7.02. 1934. Заглавие второй статьи звучит менее доброжелательно, чем сама статья, которая точно и по-деловому излагает факты.

³²⁷ Об этой детали сообщает Эттингхаузен (*Ettinghausen M. L.* Rare Books and Royal Collectors. P. 182).

³²⁸ Фотография помещена в брошюре: Codex Sinaiticus: Geschichte und Erschließung der «Sinai-Bibel» / Hg. von U. J. Schneider. Leipzig, 2006. S. 27.

³²⁹ Об этом скрупулезно сообщает Д. Кокерелл в кн.: *Milne, Skeat.* Scribes and Correctors. 1938. P. 83–86.

Ввиду обстоятельств продажи 1933 г. возникает вопрос, который порой ставился и в тогдашних дебатах: означают ли хлопоты Британского музея что-то большее, чем желание расширить собственное собрание рукописей? Или при покупке, возможно, шла речь и о спасении Синайского кодекса?

На этот вопрос ответить нелегко. Непосредственной угрозы со стороны большевиков для рукописных собраний в Советском Союзе определенно не существовало. С другой стороны, как раз в 1930-е гг. память об уничтожении церквей, икон и церковной утвари в послереволюционные годы была слишком жива, чтобы давать основания для доверия будущей культурной политике.³³⁰ Отсутствие интереса именно к библейским рукописям было очевидно, не говоря уже о препятствиях, которые чинились западным ученым, пытавшимся получить доступ к собраниям. В этом отношении приобретение Синайского кодекса могло определяться намерением и в дальнейшем хранить невредимым этот уникальный документ ранней истории библейского текста. То, что британское правительство и население не пожалели для этого средств, должно быть оценено.

6. Перспективы

Среди библиотекарей бытует выражение: «Самый большой враг библиотеки — читатель!» В этой фразе, которая подтверждается большим опытом, заключено, пожалуй, больше, чем лишь малое зерно истины. Тем не менее, как и прежде, библиотека имеет одну-единственную задачу: она служит научному исследованию, которому предоставляет необходимые источники и вспомогательные средства. Большие заслуги в этом имеет и монастырь на Синае. Применительно к истории Синайского кодекса такое положение вещей восславил не кто иной, как Константин Тишendorf: «Тем, как монастырь с такой готовностью и безоговорочно протянул руку помощи для безотлагательной и точнейшей публикации самого древнего из доставшихся нам свидетелей вечного слова спасения, он доказал благородное уважение и поддержку христианской науки».³³¹ Что из старого конфликта интересов между библиотеками и их читателями могут вырасти новаторские решения, доказывает между тем новый

---

³³⁰ В письме от 22 февраля 1934 г. Г. Хилл пишет Т. Дж. Вертсу: «...if it [the codex] had not been bought, there was distinct danger of its being destroyed by some fanatic, for, if it were unsaleable, the Soviet authorities would not take any trouble to protect it.»; Британский музей (Лондон), Add Ms 68923.

³³¹ *Tischendorf*. Aus dem heiligen Lande. 1862. S. 372.

проект оцифровки и виртуального объединения Синайского кодекса в Интернете.³³²

9 марта 2005 г. в Лондоне представители Британской библиотеки (Лондон), Университетской библиотеки Лейпцига, Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) и Святого Монастыря Богошественной Горы Синай заключили договор о партнерстве, который открыл новую главу в истории кодекса. Сутью договора стало формулирование пяти масштабных целей, которые должны быть достигнуты в будущем:

- 1) консервация пергаменных листов по единому стандарту;
- 2) оцифровка всех частей кодекса в едином формате;
- 3) транскрибирование текста и научный комментарий;
- 4) публикация кодекса в Интернете;
- 5) исследование истории кодекса.

В условиях XXI века становится возможным завершить процесс открытия Синайского кодекса, постепенно осуществлявшийся с середины XIX века, и творчески преодолеть его разделение на части в различных местах хранения. В этом отношении проект вступает на совершенно новый путь и обещает создать в будущем надежную модель и для использования других рукописных материалов.

Таким образом, проект марта 2005 г. находится на рубеже, разделяющем взгляд назад и стремление вперед. Со взглядом назад связана в первую очередь необходимость в трезвой и объективной картине истории находки и перемещений кодекса. Эта история начиная с 1844 г. определялась прежде всего яркой фигурой Константина Тишендорфа, которая привела к длительной поляризации: с протестантской стороны его заслуги в отношении кодекса часто преувеличивались и приукрашивались, в то время как не проявлялось, как правило, ни малейшего понимания положения монастыря. С православной стороны, напротив, на Тишендорфа возлагалась вся ответственность за увоз кодекса из монастыря и возводились тяжкие обвинения нравственного свойства. Сегодня пришло время эти клише преодолеть.

Тишендорф не был ни героем, ни вором. Он жил в столетии, когда рукописные собрания Востока подвергались различным угрозам, а технических возможностей и стандартов сегодняшнего времени еще не существовало. В своих усилиях по приобретению этих сокровищ для современных библиотек Европы Тишендорф не был одинок и находился

---

³³² Этот проект вписывается в контекст предпринимавшихся с 1950-х гг. усилий по фиксации и открытию доступа к рукописным собраниям посредством микрофильмирования и продолжившей его оцифровки. См. прежде всего: *Clark K. W. Checklist of Manuscripts in St. Catherine's Monastery, Mount Sinai, microfilmed for the Library of Congress. Washington, 1952.* Актуальную информацию об иной деятельности дает вебсайт монастыря.

в обществе многих знаменитых ученых. То обстоятельство, что именно его имя стало показательным примером вывоза рукописей в Европу, связано с сенсационным характером самой находки. Тишендорф не был свободен от слабостей, ошибок в оценках или тщеславия — как и большинство его современников. И всё же обвинение в воровстве из монастыря является несправедливым. Подписи отцов на дарственной в этом отношении вполне красноречивы. Сегодня материалы источников позволяют дать дифференцированную оценку исключительно сложной истории открытия Синайского кодекса.

Как для европейской науки, так и для монастырской жизни события вокруг Синайского кодекса превратились в своего рода обучающий процесс (*Lern-Prozess*), в рамках которого обе стороны приобретали новые знания, меняли свое мнение, занимали новую позицию, продолжая развиваться. Он лег в основу создания международного интернет-проекта, посвященного Синайскому кодексу. Время обоюдных недоразумений сегодня кажется ушедшим в прошлое. Оно уступает место новому взаимопониманию, которое имеет различные аспекты и в конечном счете произрастает из опыта знаменательной истории Синайского кодекса.³³³

Богословская забота о библейском тексте является задачей экуменического свойства: когда православный царь Александр II подарил христианскому миру 227 экземпляров факсимильного издания, осуществленного протестантом, этот великодушный дар, помимо представителей братских православных церквей, охватил, разумеется, также католиков, лютеран, представителей реформированных и свободных церквей. Одновременно введение в научный оборот и сохранение Синайского кодекса стало впечатляющим примером международного сотрудничества: русское и саксонское правительства приняли в этом участие посредством значительных ассигнований; британским правительством, а также населением Британии была собрана сумма, посредством которой смогло быть обеспечено длительное и надежное хранение кодекса. Благодаря широкой поддержке из стран всего мира монастырь на Синае смог с тех пор поднять свою библиотеку на самый современный, технически превосходный уровень. Ученые многих университетов из Египта, Европы и Америки приняли участие в описании и исследовании фондов библиотеки.

³³³ См. высокую оценку Т. К. Скита: «...both the monks and Tischendorf deserve our deepest gratitude, Tischendorf for having alerted the monks to the importance of the manuscript, and the monks for having undertaken the daunting task of searching through the vast mass of material with such spectacular results, and than doing everything in their power to safeguard the manuscript against further loss» (*Skeat T. C. The Last Chapter in the History of the Codex Sinaiticus // Novum Testamentum. T. 42. 2000. P. 315*).

* * *

Меж тем стартовавший в марте 2005 г. процесс оцифровки Синайского кодекса подошел к концу. Кодекс впервые был представлен в интернете на Международной научной конференции «Синайский кодекс: текст, Библия, книга», состоявшейся 6–7 июля 2009 г. в Конференц-центре Британской библиотеки в Лондоне.³³⁴ Помимо отчетов о технической реализации проекта на конференции были затронуты вопросы истории открытия и богословского значения рукописи. За лондонской конференцией последовала конференция в Санкт-Петербурге («Загребинские чтения», Российская национальная библиотека, 12–13 ноября 2009 г.), также специально приуроченная к завершению работы над проектом «Codex-Sinaiticus».³³⁵ Этот научный форум сопровождался двумя выставками: «Фрагменты Синайского кодекса в Санкт-Петербурге» и «Синайский кодекс и рукописи Синая в коллекциях Российской национальной библиотеки».

Интернет-версия виртуально воссозданного Синайского кодекса вновь привлекла к нему всемирное внимание. 10 июля 2009 г. директор Лейпцигской университетской библиотеки, Ульрих Йоханнес Шнайдер, опубликовал пресс-релиз следующего содержания:

Сайт www.codex-sinaiticus.net, на котором были собраны и с 06.07.2009 представлены в онлайн-доступе все листы древнейшей в мире Библии, набрал за первую неделю работы сто миллионов посещений. <...> Университетская библиотека Лейпцига гордится тем, что, несмотря на такой наплыв пользователей, обслуживаемый ею сайт не обрушился, а лишь немного замедлил работу.

Благодаря такому способу доступа к ценнейшей рукописи, поврежденной в ходе ее многовекового использования, а потому требующей особо бережного к себе отношения, в истории Синайского кодекса очевидным образом был осуществлен прорыв — и ситуация получила новое

---

³³⁴ См. публикацию в: *Codex Sinaiticus: New Perspectives on the Ancient Biblical Manuscript* / Ed. by David Parker, Amy Myshrall, Cillian O'Hogan and Scott McKendrick. London, 2015.

³³⁵ См. публикацию в: *Синайский кодекс и памятники древней христианской письменности. Традиции и инновации в современных исследованиях: Труды Международной научной конференции «Синайский кодекс: Рукопись в современном информационном пространстве» (Пятое Загребинские чтения)*. Санкт-Петербург, 12–13 ноября 2009 года. СПб., 2012; см. также: www.expositions.nl.ru/ex_manus/CodexSinaiticus.

измерение. Теперь каждый интересующийся в любой точке мира в любое время имеет возможность беспрепятственного доступа к кодексу,³³⁶ при этом цифровой экран благодаря возможности увеличения масштаба изображения может дать гораздо более четкую и точную «картинку», чем оригинал.³³⁷ Сопровождающая воспроизведение рукописи транскрипция и предпринятый еще в начале реализации проекта перевод на четыре языка обеспечивают скорейшее освоение непривычного маюскульного письма. В дополнение к интернет-версии было осуществлено также печатное издание кодекса,³³⁸ которое впервые вновь воспроизводит его полное содержание — от доски до доски.

Только в форме подобного конструктивного сотрудничества и в будущем могут быть достигнуты новые результаты исследования больших рукописных фондов.

При этом надлежит и в дальнейшем осознавать то особое измерение документов с Синая, на которое постоянно указывал архиепископ Дамиан: рукописи и иконы «were not created solely as works of art, but for prayer and worship, and they are best appreciated in this context; at the Holy Monastery, that context has remained intact».³³⁹ Где бы они ни находились сегодня, они являются частью той синайской духовности, которую настоятель Даниила Раифский некогда определил как путь от видимой природы вещей к невидимому Богу. Что может служить этому лучше, чем совместное, общехристианское, международное изучение библейского текста?

---

³³⁶ Доступ может быть осуществлен через ресурсы www.codexsinaiticus.org или www.codex-sinaiticus.net.

³³⁷ Наилучшее представление о состоянии кодикологического исследования, а также введение в интернет-презентацию рукописи предлагает Д. Паркер: *Parker D. Codex Sinaiticus: The Story of the World's Oldest Bible*. London, 2010 (немецкое издание: *Parker D. Codex Sinaiticus: Geschichte der ältesten Bibel der Welt*. Darmstadt, 2012).

³³⁸ *Codex Sinaiticus: Faksimile edition*. London: British Library, 2010.

³³⁹ *His Eminence Archbishop Damianos of Sinai*. Introduction // *Saint Catherine's Monastery, Sinai. Egypt: A Photographic Essay / Text by Helen C. Evans; Photographs by B. White*. New Haven; London, 2004. P. 7–8.

«По улицам слона водили...»:

Документ, литературный текст

и российская действительность 1710-х годов

Зрелищность как отличительная черта культуры Петровского времени имела много преломлений — ассамблеи, маскарады, шутовские свадьбы, торжественные шествия, фейерверки. Любили и «диковинки»; их Петр I распорядился (указами 1704 и 1718 гг.) собирать со всей России и доставлять в столицу. В соответствии с духом той эпохи приобрели новые формы и традиционные посольские дары. Именно таким — диковинным для России — был дар персидского шаха Султан-Хусейна, начавший свое путешествие в Петербург из далекой Астрахани весной 1711 г. Подношения были весьма ценными по составу, но в то же время — весьма обременительными: среди них были дикие звери. Однако, как говорится, нет худа без добра. В архиве Посольского приказа сохранилась обширная подборка документов, зафиксировавших все перипетии передвижения этого зверинца по бескрайним просторам страны венценосного адресата. Помимо того, что данные материалы до сих пор не привлекали внимания ученых и в данной статье полноценно излагаются впервые,¹ они являются важным источником для реконструкции бытовой

---

¹ Нам пришлось предпринять архивный поиск в связи с необходимостью датировать одно из старообрядческих сочинений начала XVIII в. Обнаруженные документальные источники были использованы нами при подготовке публикации текста данного произведения Андрея Денисова (Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2015. Т. 19 (в печати)) и в статье: Юхименко Е. М. Еще раз о слоне: Реальный комментарий к посланию Андрея Денисова // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии: Сб. науч. тр., посвященный памяти акад. Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2015 (в печати).

культуры первой четверти XVIII в. Возможно, нам придется несколько злоупотребить цитированием, но язык приказного делопроизводства, обладавший известной живостью, также был частью этой культуры.

К 1710-м гг. регулярных дипломатических связей между Россией и Персией почти не существовало, хотя эта страна, через которую проходил Каспийский торговый путь, представляла для России значительный интерес, чем позже был обусловлен Персидский поход Петра I 1722—1723 гг. В начале XVIII в. торговые отношения между странами из-за экономического упадка Иранского государства также значительно сократились. Имел место лишь эпизодический обмен посольствами.²

Предуготовляя визит, о котором пойдет речь, 10 февраля 1711 г. в Москву приехал «персидский купчина», который должен был «присланную с ним шахову грамоту» объявить царскому величеству лично, однако, поскольку «его царского величества в прибытии на Москве нет», ему пришлось дожидаться решения этой проблемы. В то время приказные писали начальству: «А с присланных шаховых поминков ныне с ним, купчиною, в привозе 2 лва, обезьяна и прочие поминки, а лошади еще к Москве не бывали. А по ведомостям, что они прибыли в сих числах на Саратов, и на тех зверей корм и купчине дрова и вода по вашему определению даем».³

Визит иранского посла Фазл Али-бека в Россию длился три года. Посольство прибыло в Астрахань 10 августа 1711 г.⁴ Многочисленные подарки — драгоценные камни, ткани, ковры, оружие, предметы обихода, духи, «гранаты, что вверх пуцают» и др. — были перечислены в «Росписи даром, которые посланы с послом к его императорскому величеству от шахова величества».⁵ Начинали список животные и птицы: «Слон с цепью и с попонами и со всякою рухлядью, 2 лва с цепями с ожерелки серебряными, барс с цепью серебряною, 12 лошадей с попонами серебряными, 5 птиц попугаев с клетками серебряными, 1 птица самандер жар есть».⁶

В связи с приближением осени дальнейшее путешествие этого зоопарка на север было приостановлено. Посольство осталось в Астрахани и от-

² Бушев П. П. Посольство Артемия Вольнского в Иран в 1715—1718 гг. М., 1978. С. 7—10.

³ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА), ф. 77, оп. 1, 1711 г., № 4, л. 1 об.

⁴ РГАДА, ф. 77, оп. 1, 1711 г., № 2, л. 54.

⁵ Там же, л. 1—2 об., 10 об.—15 об.

⁶ Там же, л. 1—1 об.

правилось в путь почти год спустя, 30 июня 1712 г.,⁷ в составе 102 иранцев и 20 сопровождающих. Сам посол последовал «на девяти стругах со всеми припасы и зверми, лвами и барсом и птицами <...> водным путем»,⁸ в качестве гребцов были задействованы 220 солдат; несколькими днями ранее отпустили «также слона <с> зверовщиками и четырнатцати лошадей с конюхами, дав им в дорогу корм», — экзотическое животное должно было следовать «до Саратова сухим путем со астраханцем с Ываном Званским» (л. 81 об.).

В Саратове две эти группы соединились и до Москвы двигались «сухим путем на ямских и уездных подводах» через Пензу, Сызрань, Темников, Касимов и Владимир (л. 48, 52 об., 74 об.—79), причем одновременно ехало 600 подвод (л. 109). По пути следования комендантам каждого из городов предписывалось высылать вперед, в дополнение к астраханским провожатым, 20 человек солдат, а то и «с прибавкою», для того чтобы «худые мосты и перевозки чинить и мокрые места мостить, чтоб послу с купчиною перетти без нужды и слона, и зверей и аргамаков перевести бес повреждения» (л. 356).

В архивном деле сохранились многочисленные документы по обеспечению всего посольства продовольствием и кормом. За два года путешествия посольской свиты и живых подарков российская казна понесла существенные издержки. Достаточно прочитать разнообразный дневной рацион зверей. Так, «давано в Астрахани с приезде по отпуске кормовых всяких припасов зверям слону, дву лвам и барсу да семи птицам: по пуду по дватцати по шти фунтов калачей, от тритцати по три фунта пшена сорочинского, по семи фунтов масла коровья, по семи фунтов меду, по семи фунтов маши (*так!*), по ведру вина; лвам и барсу вместо баранов по пяти алтын зверю на день; шти птицам попугаем да птице саландеру по полуфунту сахару немецкого, по фунту фиников, по фунту пшена сорочинского, по фунту масла коровья, гороху на две денги на день. Да им же, вышеозначенным зверям и птицам, дано в дорогу кормовых денег до Саратова на месяц» (л. 356 об.).

Когда 4 сентября 1712 г. этот живописный обоз прибыл во Владимир, уже начиналась осень; увидев дождливую и холодную погоду средней полосы, гости забеспокоились. В Посольский приказ поступило донесение: «Да оный же посол и купчина в розговорех упоминает безпрестанно, чтоб ему идти до Москвы с поспешением, и объявляет себе пост, и чтоб за осенним временем и за дождями аргамакам и зверем слону и лвам и птицам повреждения никакова не было, и чтоб ему стоять бы на Посолском дворе» (л. 146 об.—147).

⁷ Там же, л. 2 об.

⁸ РГАДА, ф. 77, оп. 1, 1711 г., № 1, л. 81. Далее ссылки на листы данного дела приводятся в тексте после цитаты.

В сентябре 1712 г. был определен маршрут движения посольства по столице: «Указал великий государь <...> персического посла и купчину принять под Москвою в селе Красном⁹ и оттуда идти ему Москвою в Мясницкие ворота, а с Мясницкой в Белом городе мимо подворья резанского митрополита на Встретенскую улицу и тою улицею на постоялой двор» (л. 172).

Для проживания послу и сопровождавшим его лицам была назначена городская усадьба князя Сергея Петровича Долгорукова¹⁰ на Сретенке (варианты названия: Усретенка, Устретенка) — одной из древнейших московских улиц, идущей от Никольских ворот Китай-города к Сретенскому монастырю, основанному на месте встречи Владимирской иконы Богоматери в 1395 г. Эта улица включала в себя современные улицы Большая Лубянка и Сретенка. Примечательно, что даже небольшой участок пути от села Красного, в начале Стромьинской дороги, до Сретенки предстояло привести в порядок: «за Земляным городом от села Краснаго нагатыя зделать мосты, такоже в Белом и Земленом городе тем путем мосты худые починить и тот путь устроить из Приказу земских дел» (л. 172—172 об.).

Однако уже 16 сентября маршрут посольства был принципиально изменен. Первоначально процессия захватывала лишь малую часть города: Красное село — Мясницкие ворота Белого города и Сретенку; по новому плану посольству предстояло проследовать через весь город, тем самым его движение превращалось в настоящее всенародное зрелище.

Для ночлега накануне въезда в город послу со свитой был определен загородный дворец генерал-майора князя Василия Владимировича Долгорукова (1667—1746), впоследствии генерал-фельдмаршала. Усадьба находилась на высоком берегу Москвы-реки по соседству с царским дворцом на Воробьевых горах и Андреевским монастырем. По имени владельца место получило название «Васильевское».¹¹ Теперь надо было

⁹ Село Красное — одно из древнейших подмосковных поселений, известное с XV в., находилось в начале Стромьинской дороги.

¹⁰ С. П. Долгоруков (1696—1761) — сын Петра Михайловича Долгорукова (1663—1708), комнатного стольника Петра I. В 1732 г. был назначен советником в Юстиц-коллегию, в 1740 г. — советником в Коммерц-коллегию, в 1754 г. направлен посланником в Турцию; действительный тайный советник (с 1761).

¹¹ В 1744 г. усадьбу купил московский генерал-губернатор князь Василий Михайлович Долгоруков, превративший ее в роскошное имение с каменным дворцом (построен в 1756—1761 гг.). В начале XIX в. усадьба принадлежала князю Н. Б. Юсупову, затем графу М. А. Дмитриеву-Мамонову, по фамилии которого стала называться «Мамоновой дачей». С середины XIX в. вошла в состав Москвы (современный адрес: ул. Косыгина, 4).

улучшить дорогу от Владимирского тракта, по которому к Москве подходил посольский поезд, до Андреевского монастыря: «И для описи близ села Пехорка тракту до Данилова монастыря и до того определенного монастыря послать ис Посолского приказу подьячего и придать ему два человека московских ямщиков, и по тому тракту, где належит, на реках построить мосты и гати и путь устроить, дабы послу и купчине со зверми и птицами и с лошадми до определенного им двора доехать было свободно» (л. 205 об.).

Торжественный въезд персидского посла, представлявший собой исключительное по красоте и необыкновенное зрелище, состоялся 2 октября 1712 г. Накануне «на подхожей стан» по распоряжению государя были посланы «под него, посла, с его великого государя конюшни две кореты о шти возниках, а при той корете, в которой будет сидеть посол, быть около той кореты двенадцати человеком ундер-афицером в добром уборном французском платье. Да под шаховых чиновных людей двадцать корет министерских с цугами. И быть на выезде, выбрав из царедворцов молодцов добрых, такоже и из детей знатных господ, роте конной, а по улицам до двора посолскаго поставить салдацкие полки в мундире, которые есть ныне на Москве» (л. 205 об.).

Свидетелем этой процессии, собравшей сотни москвичей по всему пути следования посольского поезда, стал старообрядческий писатель, киновиарх Выго-Лексинского поморского общежительства Андрей Денисов. Удивительную переключку текстов можно выявить, сопоставив красочное описание всей картины, данное им в послании на Выг, с документальными материалами, отложившимися в архиве Посольского приказа.

Бывшу же полъдню, — читаем в «Повѣсти риторической о стрѣте в Москвѣ слона персидскаго» (так названо послание Андрея Денисова исследователями),¹² — выѣхаша с Москвѣ конныхъ в строю полька з два, храбро же и мужески шпаги наголтѣ имѣюще. Таже потомъ сановники златоодѣяннии московстии на украшенныхъ конехъ, ихъже колесницы златосияющия, каяждо спряжены имѣя по 6 аргамаковъ златообкованныхъ

¹² Денисов А. Повесть риторическая о срете в Москве слона персидского. Послание Андреево с Москвы в общепратство / Сообщ. Н. И. Барсов // Русская старина. 1880. Т. 29. № 9. С. 169–172; Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 103, № 53; Журавель О. Д. К изучению поэтического стиля Андрея Денисова: «Послание с Москвы во общепратство» о встрече в Москве персидского слона // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск, 2010. С. 95–118.

и среброуздныхъ. Пред колесницами же и по нихъ и окрестъ них конница, красноучрежденная от великоможных домовъ. По них же одеждахъ кипяше золото и серебро, оружие их сияше, и кони ихъ во украшении гордо топчашеся. Диво зрящимъ показующе, с таковымъ высокоявлениемъ пройдоша, приемше посла с товарищи его на златосияющия колесницы.¹³

Порядок следования зафиксирован в «Выписке обстоятельной о бытности в России персидскаго посла Фез Алибека и купчины [Мамет] Усейнбека»:

И ехали напреди 6 рот разных приказов подъячие с обнаженными шпагами <...>;

за ними ехали московскаго гарнизона 6 рот драгун <...>.

Перед ними вели заводных простых 6 лошадей с конским нарядным убором.

Потом шли министерскіе кореты, 19 корет, из них во 6 сидели посолскіе чиновные люди и дорожные приставы.

За ними во уготованных нарочно роспусках везли зверей лва, лвицу, барса.

А за зверми в ымператорской корете ехал купчина <...>.

За купчиною несены птицы попугаи и исаландер (*мак!*), за коретою были 4 человека конюхов да ево купчинных людей 18 человек.

Потом ехали посолскіе и купчинины люди верхами, и было при них знамя и пищали.

За ними шел слон, накрыт ковром, и сидел на нем арап.

За ними ехали господскіе дети <...>.

За ними шли персы и вели аргамаков.

Потом в ымператорской корете сидел посол, и шли вышеписанные ундер афицеры и конюхи да посолскіе люди с пищалми.¹⁴

Центром этой яркой процессии, безусловно, являлись диковинные для Москвы того времени звери. К ним было приковано внимание и очевидца-старообрядца: «Идушимъ с ними прекраснымъ с краснѣйшими провожатаи колесницамъ, между колесницами же левъ и лвица на особыхъ койждо телѣгахъ, и жаръ нѣкая небывалая птица, и бабрь (т. е. барс. — Е. Ю.) многпестрый звѣрь, и попугаи различными цвѣты».¹⁵

¹³ РГБ, собр. Е. Е. Егорова, № 1992, л. 123.

¹⁴ РГАДА, ф. 77, оп. 1, 1711 г., № 2, л. 4–5 об.

¹⁵ РГБ, собр. Е. Е. Егорова, № 1992, л. 123–123 об.

В приказном делопроизводстве нашли отражение многие подробности государственных затрат на содержание персидского посольства, в частности — на изготовление открытых телег, на которых москвичам демонстрировались звери: «На дело трех роспусков с периллы и клетки большой, на чем вести с подхожего стану лвов, барса и большой птицы, которая жар глатает, за лес, за доски, за лубья, за гвоздья, за краски и за работу плотником и за отвоз извощиком на подхожей стан 20 руб<лей>» (л. 368 об.); кроме того, «веревоч на припрежи и на увяску к роспускам клетки и за бревно на поделку под клетку 5 ал<тын> 4 ден<ги>» (л. 366).

Особенно поражал горожан слон: «Понеже узрѣся, иже николиже в Москвѣ видѣся, и увидѣся чудо не во окиянскомѣ, но в московскомѣ народном мори, небывалое зрителище — превелии звѣрь слонъ. Всадника правяща его на шии имѣя, при нем на нем узрѣти его аки врабия: высоту бо звѣря сего глаголють и видится быти аршина с полпята. Имѣя нозѣ длиною с человѣка, толсты, аки бревно. Толстотѣлесень, недологъ по высотѣ, безшерстенъ, великоглавъ, черновиденъ, горбоспинень, задопокляп, ступаниемъ медведоподобенъ. От верхния губы имѣя (нареши) носъ или губа, или хоботь, яко рукавъ платна висящъ до земли. Имъ же, аки рукою, брашно и питие приемлетъ и, согнувъ, во уста своя отдаеть. От верхнихъ зубовъ два зуба велики внѣ торчатъ сюду и сюду. Уши имѣя велики, яко заслоны печныя. Рошки малы, подобны агньчимъ. Хвостъ подобенъ волуему. Сѣдйя арапъ имѣеть в руцѣ не узду, но желѣзное орудие согбенное, его же остротою за главу емля, удерживаетъ и управляетъ; не от ремения же и побивало, но желѣзо острое, аки чокал».¹⁶

Столь подробное описание слона, сделанное Андреем Денисовым, как отмечала исследовавшая риторическую сторону произведения О. Д. Журавель, аналогов в литературе не имеет.¹⁷ Старообрядческий автор сравнивал невиданное животное с хорошо знакомыми русскому человеку реалиями: ноги слона уподоблял бревнам, уши — печным заслонам, хобот — висящему до земли рукаву боярской одежды, поступь слона напоминала ему медвежью, а хвост был похож на воловий. В послании описываются смятение народа и давка, когда слон, как бы играя, делал движение в сторону толпы, но никого не задевал и, «не вредя людей», продолжал свой путь.

Старообрядческий автор отмечал, что посол со свитой, двигаясь с Воробьевых гор по Калужской дороге,¹⁸ через Большой Каменный мост,

¹⁶ РГБ, собр. Е. Е. Егорова, № 1992, л. 123 об.—124.

¹⁷ Журавель О. Д. К изучению поэтического стиля Андрея Денисова... С. 106.

¹⁸ Позже называлась Старой Калужской дорогой; включала современные улицы Большая Якиманка и Ленинский проспект.

Китай-город и Белый город, достигли Сретенки уже глубоким вечером, а москвичи разошлись по домам, обсуждая главное впечатление дня: «...носяху кождо во устѣх видѣние звѣря. И бѣ слышати, у всѣхъ количество и качество слона на языцѣ обносимо».¹⁹

Документы подтверждают все подробности церемониальной встречи посольства, подмеченные внимательным очевидцем. «Славу и честь», которые воздавались прибывшей в Россию делегации, нельзя было не заметить: «В Белом и в Китае-городе от Каменного мосту дорогою трактом определенным по правой стороне стояли 3 полка салдацких в один человек с фузеями до самого двора посолскаго. И во время посолскаго в Москву въезду в драгунских ротах били в литавры, а в салдацких в барабаны и играли на габоях и на офиолях, а офицеры отдавали визиту шпагами».²⁰ Когда стало смеркаться, «несли сытники по обе стороны по 5 свеч болших воцаных, а как на двор въехал, зазжены с ветоши, присланы для того смоленые бочки з дворца».²¹

Слон, прибывший в Москву в октябре 1712 г., оставался здесь более полугода. Содержание этого необычного посольства потребовало от принимающей стороны большой и самой разнообразной, а порой и непредвиденной заботы.

Необходимо было на восточный манер обустроить дом князя С. П. Долгорукова. Здесь пришлось построить «по их обыкновению полки, на которых им сидеть» и обить их сукнами. В поварне делали очаги и лавки, доставляли «в прибавку деревянной посуды чанов, ушатов, ковшей и подсвешников», «для всяких нужд ушатов, ведр, шаек», метел, лопат и прочего инвентаря, перевозили с Посольского двора пятисаженную баню, поправляли печь в бане, чинили печи в полатах, обустраивали караульную, делали стеклянные оконницы, в преддверии зимы обивали окна войлоком, платили «в день по их мусулманскому закону баирама отчищенья двора поденщиком и от своски з двора навозу», доставляли «по запросу же к послу в полаты для закладки в ночи от морозов 15 войлоков болших» (л. 319—354). После отъезда посольства в апреле 1713 г. владелец особняка вынужден был обратиться с прошением к царю, жалуюсь на то, что «ныне после отъезду ево (посла «с купчиною и со всем коштом своим». — Е. Ю.) явилось в полатах окончины перебиты и печи и мосты переломаны». А поскольку «в договоре о том было, чтоб после их отдать мне все в целости», князь требовал ремонта за казенный счет.²²

¹⁹ РГБ, собр. Е. Е. Егорова, № 1992, л. 124 об. — 125.

²⁰ РГАДА, ф. 77, оп. 1, 1711 г., № 2, л. 5.

²¹ Там же, л. 5 об.

²² РГАДА, ф. 77, оп. 1, 1713 г., № 1, л. 7.

Но гораздо бóльших забот и затрат требовали находившиеся при посольстве животные. Сразу было сделано распоряжение: «А зверям на подстилку и слону на корм и подстилку, покамест у посла приняты будут, давать ис Конюшенного приказу по два воза сена да по два же воза соломы на судки, питья слону дватцать ведр вина простого взять со Сдаточного двора» (л. 205 об.—206). Ежедневный рацион слона состоял из полупуда пшена сорочинского, четырех с половиной фунтов (1,85 кг) меда и масла коровьего, калачей на 10 алтын, полведра вина простого; льву и львице давали по 2 барана, барсу — по полбарана в день, саландеру — 3 фунта (1,2 кг) фиников, 3 фунта пшена, 1 фунт «гороху муки», попугаям — $\frac{1}{2}$ фунта сахара, столько же масла коровьего и «гороху муки»; итого «на корм на день по торговой цене» уходило 3 рубля 3 алтына 2 денги, а в неделю 21 рубль 23 алтына 2 денги (л. 312—312 об.). В пищу слону были необходимы добавки, и прежде всего соль: в октябре было выдано «слону по запросу слоновщика пуд с четью соли, 10 алтын» (л. 341 об.), в декабре «по прошению слоновщика слону 2 пуда соли, 1600 чесноку, 32 алтына 4 денги» (л. 348 об.). К марту 1713 г., когда готовился переезд посольства в Петербург, был сделан расчет соли на каждый день: «Слону для соления воды, аргамаком для напыскивания сена по полупуду в день, денгами по 4 алтына, а на месяц за 15 пуд с полупудом 3 руб<ли> 24 алтына» (помета на поле: «А по дороге соль дороже», л. 444).

Нетрудно представить, в какую круглую сумму обошлось Посольскому приказу, который занимался делами посольства на всем пути его следования до Петербурга, многомесячное содержание зверей и птиц.

Однако в российских условиях, помимо корма, персидский зоопарк нуждался и в иной заботе. Необходимо было приспособить для него помещения в городской усадьбе С. П. Долгорукова. Эти затраты также строго фиксировались: в октябре — «на строение под слона мосту брусеного и бревен и гвозди и за работу плотником и поденщиком 13 рублей 3 алтына 2 денги» (л. 319 об.), «птице самалдеру на подмостку дверь 6 алтын 4 денги» (л. 320), «на розгородку в светлице у птиц промеж самандера и попугаев на лубья, лес, дверь, гвозди 33 алтына» (л. 323), «на дело у слона печи 2000 кирпичю зженого да 1000 сырцу на печь и на вывод в окошка от стены на подставах трубы 5 рублей 30 алтын, 125 обрасцов (т. е. изразцов. — Е. Ю.) 3 рубля, заслон железной рубль, 4 воза глины 12 алтын 4 денги, отдела печником 2 руб<ли> 16 алтын 4 денги. Да в болших дверях, где слону проход, вместо железных дверей для теплоты разтвор четыре двери вышина 5-ти аршин, ширина полпята аршина, брусья, доски, вдвой рамы, 2 оконницы стекляных и на крючья и столяром отдела 7 рублей 25 алтын» (л. 333—333 об.), «слоновщику на полки и на чюлан, где стоит слон, 20 досок пилных по 5 алтын и с провозом.

Итого 3 рубли» (л. 338); «зверовщикам в светлицу на примостку полков 12 досок 60 алтын, на быки бревен 18 алтын 2 денги, плотником 16 алтын 4 денги, гвоздей 3 алтына 2 денги. Итого 2 рубля 31 алтын 4 денги. Те полки как для их нужд, но паче под теми полками в зиму держать в светлице барса» (л. 340 об.).

Однако, по всей видимости, держать барса в светлице не пришлось, и было «зделано лву и лвице и барсу анбары мшенные (т. е. оконпаченные мхом. — Е. Ю.). А на то строение в покупке издержано денег: за 2 анбара трехсаженные 7 рублей 25 алтын. Промеж ими з дву сторон забрано» (л. 377), для отопления амбаров «ко лву и ко лвице на ачаги (т. е. очаги. — Е. Ю.) 2 котла железных, в чем держать жар, 2 руб<ли>» (л. 344 об.—345). В последующие месяцы помещения для зверей доделывались и утеплялись: в ноябре 1712 г. — «на перестройку у зверей анбаров на взрубку и на потолок лесу и на дело в них 2 очагов и на покупку моху 15 рублей 29 алтын 2 денги» (л. 345 об.), в декабре — «от перестройки у зверей анбаров на нарубку 4-х венцов и на подволоки бревен моху и плотником 12 рублей 16 алтын 4 денги» (л. 348 об.), в январе 1713 г. — «за переделку у слона в полате печи и трубы за кирпичь, глину и печником рубль 26 алтын 4 денги» (л. 350).

По скудным строкам расходов мы можем видеть, как трудно переживал слон московскую зиму 1712/1713 гг. Несмотря на печь в помещении, ему было недостаточно тепло. Уже в октябре была «на слона зделана попона, в которую пошло 9 коцов (накидок. — Е. Ю.) черкасских мохнатых, десятая волоская (шерстяная. — Е. Ю.) на хобот, и на подкладку 57 аршин сукна серого, и за шитье 12 рублей 30 алтын» (л. 321). Попона к животному привязывалась канатами и веревками, поэтому учитывался и этот расход: «к слону на привяску и обвяску попоны конату и веревок 31 алтын» (л. 320). Слона держали на цепи, что, опять же, составляло статью расходов: «слону на привяску за 2 чепа болших весом 7 пудов с полупудом за свицкое железо 15 рублей» (л. 321), «за починку слона болшой цепи, которую он, слон, ночью поломал, и на привяску онога вновь конатов рубль 25 алтын» (л. 333). Порвав цепь, слон причинил ущерб здоровью ходившего за ним персиянина — пришлось выделить «на лечбу слоновщику крепкой водки 13 алтын 2 денги, которого слон зашиб» (л. 339).

Но лечили и самого слона. В ноябре 1712 г. истратили «на лекарство слону свиного мяса, круп, церковного (видимо, вина. — Е. Ю.) 36 рублей» (л. 342 об.). Кроме того, был куплен «по запросу посла и купчины в баню болшей железной котел в 10 ушатов 4 руб<ли> 4 алтын, а прежней котел, которой куплен в ту же баню, и тот мал, которой прежней котел отдан слону для варения каши на лекарство» (л. 342).²³ Слона пришлось

²³ Обыкновенную пищу слон получал в липовом корыте: «липовое корыто, из чего слона кормить» обошлось в 10 алтын 3 деньги (л. 341).

пользовать и дорогостоящим лекарством, в частности тензуем (так называли нюхательный порошок, ввозимый из Китая), и другими восточными пряностями. В ноябре «ему же (слону. — Е. Ю.) на лекарство за 43 золотника тензую 19 рублей 31 алтын 4 денги» (л. 342 об.—343); в декабре «на лекарство слону же пряных зелей гвоздики, бадьяну, кардамону и прочего 22 руб<ли> 10 алтын 4 денги» (л. 345 об.—346), в январе «слону же на лекарство зелей и прочего» на ту же сумму (л. 350).

Надо заметить, что, согласно административным установлениям того времени, большие расходы на содержание слона требовали утверждения самыми высокими инстанциями. Поэтому в Посольском приказе составили особую выписку «О вине и о прочих вещах слону», в которой подробно изложили все обстоятельства ноябрьской покупки тензую: «На лечение слону слоновщик требовал тензую. И тому слону в ноябре в 8 день куплено 13 золотников тензую. <...> А ныне слоновщик сказывает, что тот тензуй в лекарство весь изошел. И требует слоновщик еще 30 золотников доброго тензую лутче прежняго. И оной тензуй тот слоновщик 30 золотников самого доброго купил, за которой просит денег по 20 алтын за золотник, итого 18 рублей» (л. 409). На выписке в Сенате наложили резолюцию: «Приказано слону давать все по их запросу и по астраханской даче» (л. 415).

По-видимому, учитывая дальнейшие церемониальные шествия (посольству предстоял путь в столицу), слону изготавливались «украшения»: в ноябре 1712 г. — «за дело у слона на болшие 2 зуба наболдашников и блях ис проволочной меди и за позолоту 6 рублей 29 алтын 4 денги» (л. 345 об.), в декабре — «на дело у слона на болшие два зуба блях ис проволочной меди и за позолоту 6 рублей 26 алтын 4 денги» (л. 348 об.), в январе 1713 г. — «на дело к слону повязок: одна кругом слона, другая под шею с пахвями (подмышками. — Е. Ю.), сафьянные строченые; на дело того 4 сафьяна по рублю сафьян, на обшивку в средину полсти (войлока. — Е. Ю.) и шорником от дела 2 руб<ли> с полтиною, итого 6 рублей с полтиною» (л. 350 об.). А кроме того, «на дело к слону 12-ти болших мячей с рукоятки красных сафьянных, набиты оленью шерстью, на дело того 4 сафьяна и от дела шорником 5 рублей с полтиною» (л. 350 об.—351).

Для полноты картины необходимо упомянуть и об особых затратах на других животных и птиц, когда те содержались на посольском дворе на Сретенке: в октябре—ноябре 1712 г. — «ко лвице двойная новая чепь рубль 8 алтын 2 денги» (л. 320); «зверовщики требуют на привяску лвов вервей бумажных толстых 20 сажен, по приторшке у армян по 6 алтын по 4 денги за сажень, итого 4 руб<ли>» (л. 323 об.), «по запросу посолскому барсу на корм 4 зайца живых 13 алтын 2 денги» (л. 338 об.), «за починку у попугаев клеток железных и за 2 железных веретена, на чем си-

деть большому белому попугаю, 3 руб<ли> 16 алтын 4 денги» (л. 338 об.), «на дело ко птицам чехлов и на барса красной суконной попоны и от полуды у птиц 12 чашек медных, ис чего их кормят и поят, 15 рублей» (л. 345); в декабре — «птице белому попугаю для мытья белил 2 фунта, 10 алтын 2 денги» (л. 348 об.), «ко птицам попугаем в подволоку 4 колца ввертных и 4 крюка железных длинных, на чем в клетках в ночи попугаев вешать для опасения от мышей, рубль 26 алтын 4 денги» (л. 349); в январе 1713 г. — «лву да лвице на лекарство живая большая свинья 2 рубли с полтиною» (л. 350 об.); всего «на Москве было в расходе на покупку зверям и птицам в 4 месяца на лекарство 92 рубля 23 алтын 2 денги» (л. 444).

Выполненный приказными подъячими и на первый взгляд бесстрастный перечень затрат позволяет в подробностях восстановить все сложности зимовки диковинных зверей и птиц в Москве. Но возникали и другие неожиданные сюжеты.

Так, 23 декабря 1712 г. слоновщик арап Маршарив подал в Посольский приказ доношение, в котором сообщал: «...едуци де он к Москве, в Касимове касимовская татарка отдала ему, арапу, сына своего татарина Субана на время, пока он, арап, побудет на Москве и возвратится в Касимов, отдать по-прежнему матери ево. И того татарина учил он, арап, ходить около слона, и уже было и обучился и к слону признался».²⁴ Однако в ноябре 1712 г. в Москву приехал «брат того татарина, касимовской же житель, взял того своего брата от него, арапа, на время для свидания с матерью своею» на месяц.²⁵ По прошествии этого срока слоновщику пришлось искать способы возвратить ученика, и Сенат распорядился из Адмиралтейского приказа «учинить указ» о возврате уехавшего татарина в Москву.

В январе 1713 г. пришлось проводить розыск «по челобитной персиян птичников Петра с товарищи о пропаже у них из горницы разных вещей, в том числе 2 серебряных перстней» (л. 434—437).

Столь длительное пребывание в Москве было связано не только с трудностями передвижения персидского посольства зимним путем в Петербург, но главным образом — с длительным отсутствием Петра I в столице. Царь покинул Петербург в июне 1712 г., находился при русском войске в Померании, в октябре лечился в Карлсбаде, побывал в Дрездене и Берлине, в ноябре вернулся к войскам в Мекленбург, в начале января 1713 г. был в Гамбурге, затем вернулся к своим войскам в Вандсбек, в феврале через Ганновер и Вольфенбюттель поехал в Берлин для свидания новым королем Фридрихом-Вильгельмом.

²⁴ РГАДА, ф. 77, оп. 1, 1712 г., № 1, л. 1.

²⁵ Там же, л. 1 об.

27 января 1713 г. канцлером Г. И. Головкиным было отправлено в Сенат известие о том, что царь намерен «вскоре ити в Санктпетербург»; о том надлежало объявить персидскому послу — чтобы «отправили его настоящим зимним путем в Новгород, дабы он, посол, ожидал указ его царского величества о приезде своем в Петербург, куда сколь скоро его ц<арское> в<еличество> прибыть изволит, то велено будет туда ево отправить, которым путем способнее будет» (л. 446).

26 февраля 1713 г., как сообщалось в доношении стольника Василия Петровича Зиновьева, поданном в Сенат 1 марта 1713 г., персидскому послу был объявлен царский указ «о дороге до Новагорода и до Санктпетербурга», «на что персицкой посол сказал, что он по указу в<еликого> г<осударя> ехать в Санктпетербург и в Новгород готов и слона и зверей и птиц и лошадей весть мощно, толко б слону была пища определенная и по ветру (т. е. ведру. — *Е. Ю.*) вина в день. Да был бы он одит тепло, и надобно заранее по дороге по станом послать и изготовить, где начевать, сараи. А наипаче всего, чтоб мосты были крепкие. А слон де нрав такой имеет: где под мостом увидит воду, и на которую мостовину ступит ногою, и которая мостовина под ногою у него погнетца — тотчас чрез то место отнюдь не пойдет. А он де, посол, той дороги и мостов не ведает. Буде велят ему ехать, и он готов, толко б была дорога хорошая и мосты твердые. А сколько ему, послу, и купчине и под их обиход надобно подвод, и тому хотел он, посол, учинить роспись, также зверям и птицам в дороге какеи покои надобны, и тому хотели изготовить роспись же» (л. 453 об.).

С учетом высказанных послом пожеланий было организовано путешествие посольского каравана из Москвы в Петербург. И прежде всего слону сшили теплую попону: «на слона попона теплая овчинная, накрыть красным сукном аглинским, на дело того 30 овчин по 6 алтын 4 денги овчина, 20 аршин сукна по 26 алтын 4 денги аршин, от дела портным 5 руб., итого 27 руб.» (л. 444).

9 апреля 1713 г. всё посольство в полном составе, слон, звери и птицы покинули Москву. Всю их дорогу до столицы можно проследить по доношениям, которые регулярно посылали в Сенат сопровождающие. 12 апреля из Клина писал подьячий Афанасий Инехов: «Мы при после персицком до Клину доехали сего апреля в 12-е число. Также и слона довели в добром здоровье. И в дороге он, слон, изрядно идет». Большое затруднение было только в подводах, которых не хватало, и лошади выделялись «все худые», поэтому Сенат по всей Петербургской губернии разослал указы, «дабы под персицкого посла подводы даваны были без задержания»,²⁶ а требовалось — ни много ни мало — 500 подвод.

²⁶ РГАДА, ф. 77, оп. 1, 1713 г., № 1, л. 1.

19 апреля достигли Торжка. Отсюда стольник Василий Зиновьев писал графу Г. И. Головкину на следующий день, уверяя, что «в пути ездю как наискоряе» имеет «неусыпное попечение», и объясняя невозможность скорого прибытия в столицу: «Токмо что и медлитца для перемены в городех подвод и складки возов. А подводы определены уездные. Да и потому что слон идет толко по 28 и по 30 верст в день, а еже болше принудить, то опасно повреждения. Понеже когда день жаркой, то он, слон, тихо идет, на малых речках и переправах, где небезопасные мосты, арап ево, слона, по мостам не ведет, а обыскивает удобного места и переводит вброд. На болших переправах, а имянно, на Шоше, слона плаучей мост не поднял, переплавлен на болшом плоту вновь зделанном. Тако же и во Твери реку Волгу чрез мост арап ево не повел же, и поставя на струг, переправлен. Потому и под селом Медным Тверцу, поставя в судно, переправлен».²⁷

Но в пути уже начались потери: «А посланные с ним, послом, шаховы подарки, — доносил стольник Зиновьев, — а имянно слон, звери и птицы, аргамаки и другие вещи по росписи, какову он, посол, объявил в Астрахани, все при нем, после, обретается и везутся с ним, послом, вместе. Токмо один аргамак вороной еще по отъезде с Москвы заболел и, не доезжа села Городни верст за пять, в Менском бору апреля в 15-м числе пал».²⁸

В следующем письме из Вышнего Волочка от 22 апреля 1713 г. Зиновьев сообщал Головкину, что персидский посол беспокоится, «застанет ли он, посол, царское величество в Санкт-Петербурге и не намерен ли его величество куда вскоре в военной поход», и потому «он, посол, день и ночь ехать готов. А за слоном де ходу не станет, может в сутки ийти верст по пятидесяти и болше».²⁹ Беспокойство посла, уже многие месяцы дождавшегося главной цели своего визита — царской аудиенции, было не напрасно. 26 апреля Головкин ответил из Петербурга: «Понеже ц<арское> в<еличество> сего дни изволит отсюду ити в воинской поход на море, того ради вам с послом в пути поспешать уже не надлежит, но поезжайте не гораздо спешно, дабы слона не утрудить».³⁰

30 апреля 1713 г., как доносил в столицу Зиновьев, посольство — «с персицким послом, с слоном, з зверми и с прочими шаховыми подарки»³¹ — благополучно прибыло в Новгород. Из села Бронницы до Нов-

²⁷ РГАДА, ф. 77, оп. 1, 1713 г., № 1, л. 4—4 об.

²⁸ Там же, л. 5—5 об.

²⁹ Там же, л. 11.

³⁰ Там же, л. 12.

³¹ Там же, л. 19.

города «со всеми подаркиплыли водою», на тех же судах предполагали 2 мая отправиться по Волхову до Старой Ладуги, а оттуда — сухим путем на подводах до Шлиссельбурга. Каким путем следовало двигаться дальше к Петербургу, предстояло решить начальству. В письме, написанном 1 мая, содержалось еще одно известие: «Еще же вашему сиятельству доношу: большая птица самандер, которая жар глатает, заболела тому осмой день».³²

Вынужденная и длительная остановка в Новгороде — в Петербург уже не спешили — имела для посольства печальные последствия. 3 мая пала заболевшая птица, о чем Зиновьев писал Головкину в письме от 7 мая: «Большая птица самандер, которая жар глотала, сего мая против 3-го числа во втором часу пополудни умерла. А болела дней здесять <...>. Но по умертви велел я со оной кожу с перьями снять и, набив, высушить. Ис которой одного сала вынято болши полупуда, а мяса пуда с четьре, и так жирно, как самой баран жирной. О чем немалое я себе имею соболезнование. Я от истиннаго моего сердца ко всему имею неусыпное свое попечение и призрение, но то от воли Божии пришло. А прочие, государь, слон, звери и птицы, слава Господу, все в добром здравье».³³ Однако дорожный корм был выдан только на два месяца, а сколько времени предстояло провести в пути и, главным образом, в ожидании, можно было только гадать. Беспокоился и посол, поскольку, в расчете на быструю дорогу, продуктов взяли с собой только на два месяца, а остальной запас был оставлен в Москве, и его теперь необходимо было подвезти, «понеже де он, посол, и люди ево кроме плову руского строения из ядей ничего не употребляют».³⁴ Жаловался дьяк Степан Неелов, «что на дворе ево в Новгороде поставлен купчина персицкой с прочими людми, которые чинят ему всякую тамо обиду, и всех жилых покоев кладовые ево полаты, в которых ево скарб и запас, отбив замки, такожде сад и огород, отняли, и домашних всех с того двора сослали».³⁵

27 мая «на дворе, где стоят звери и зверовщики персидяне» поручик Емельян Андреянов и солдаты московского гарнизона, посланные в сопровождение, учинили с посольскими людми «ссору и драку», в которой одному из посольских «висок проломили и других персян били же», а одному из солдат «левую руку по кисть саблюю ис персян прочь отрубили».³⁶ По этому делу проводилось следствие.

³² Там же, л. 19 об.

³³ Там же, л. 26 об.—27.

³⁴ Там же, л. 27 об.

³⁵ Там же, л. 42.

³⁶ Там же, л. 20—20 об.; см. также л. 55—65.

Только 12 июня Петр I, вернувшись в Петербург, послал в Новгород указ о вызове персидского посольства в столицу для аудиенции, причем спешно, к Петрову дню, т. е. к 29 июня. До Ладоги предстояло ехать водою на судах, о слоне было сказано особо: «А для слона чтоб было судно большое. <...> На том судне зделать место, где б стоять мог свободно, и огородить, чтоб каким небрежением не опрокинулся».³⁷ В составленном 15 июня «Реестре, сколко дать судов» значилось: «Послу, купчине, шемаханцом, столнику 4 судна с чердаками, в том числе послу 1 судно, обитое сукном <...>. Слону судно большое с сараем. Под зверей и под птиц 2 судна большие, под подарки 2 романовки, под кореты и под аргамаков 3 судна большие. Мелких судов офицером, подьячим, салдатом и драгуном 10».³⁸

20 июня посольство покинуло Новгород. 22-го приплыли в Старую Ладогу «все счастливо. Токмо лев еще в Новегороде заболел и ныне мало что оправливается».³⁹ Несмотря на все распоряжения, в Ладоге случилась заминка с подводами: их должны были собрать со всех окрестных уездов, поскольку далее каравану предстояло двигаться сухим путем. 23 июня посол решил отправить зверинец вперед: имеющиеся подводы «роздав к слону, зверям и птицам, из Старой Ладоги до Шлюсельбурга, придав им в провожатых десять человек драгун, отправил сухим путем».⁴⁰ На следующий день выехали и люди. Согласно донесению Зиновьева от 25 июня, всё посольство в этот день прибыло в Шлиссельбург, но «лев, которой еще в Новегороде заболел, повалился, с которого и кожа содрана».⁴¹

В Шлиссельбург была прислана яхта для посла, два скомповея (малые галеры) для «купчины» и «шаховых дворян» и 13 судов «под посольских людей и под дары и под зверей».⁴² «Подхожий стан» отвели в полумиле от города, у Александрово-Невского монастыря.⁴³ Был детально разработан протокол официальной встречи, при этом использовался прецедент аналогичного посольства 1700 года.

«Церемониальные записки» сохранили описание приема Петром I персидского посольства в Петербурге 30 июня 1713 г. Его шествие от

³⁷ РГАДА, ф. 77, оп. 1, 1713 г., № 1, л. 122 (черновой).

³⁸ Там же, л. 124 об.

³⁹ Там же, л. 136.

⁴⁰ Там же, л. 138.

⁴¹ Там же, л. 149.

⁴² Там же, л. 145.

⁴³ Там же, л. 153.

Александро-Невского монастыря до дома светлейшего князя А. Д. Меншикова на Васильевском острове, назначенного для аудиенции, проходило следующим образом:

Послана под него, посла, и купчину к постоялому ево двору баржа, в которой с ним, послом, сидели пристав столник Зиновьев да столник же Заманов; перед ним, послом, везли в скомповях шаховы и их посолские и купчинины дары, а сухим путем по острову несли те дары салдаты.

Шаховы дворяне и посолские лутчие люди ехали перед ним же, послом, в шлюпках.

На берегу Васильевского острова к пристани присланы были под него, посла, и купчину две кореты государевы. <...>

От пристани и до дому светлейшаго князя для приезда его, посолского, поставлены были Преображенского полку салдаты в строю, и как посол мимо ехал, били в барабаны, а офицеры отдавали шпагами комплементы.⁴⁴

Детально описана в документах Посольского приказа и сама аудиенция. Однако в этих подробных делопроизводственных текстах не обнаруживаем ни одного упоминания о слоне, хотя он до Северной столицы благополучно добрался. «Слон с цепью, попона бархат з золотом и со всею збруею»⁴⁵ — эта запись открывает перечень шахских «живых» подарков, доставленных в Петербург. Далее из этого документа, составленного 29 июня 1713 г., выясняется, что по дороге в зверях все-таки произошла большая утрата:

12 аргамаков с попонами с кутняными и недоусками (на поле помета: «3 аргамака пали»);

Птиц:

5 попугаев с клетками серебряными, чеглы киндячные (на поле помета: «1 повалился»),

6-й белой болшой попугай какатуа с клеткою, медь з железом;

Птица самандер (на поле помета: «повалилась в Новгороде»);

Лев да лвица с цепми серебряными, ошеинники оправные серебром (на поле помета: «лев повалился на ноге»);

Барс с цепью серебряною, ошеиник оправлен серебром.⁴⁶

⁴⁴ Там же, л. 192–193.

⁴⁵ Там же, л. 314.

⁴⁶ РГАДА, ф. 77, оп. 1, 1711 г., № 2, л. 12 об.—13; см. также: РГАДА, ф. 77, оп. 1, 1713 г., № 1, л. 314 об.

Примечательно, что в Петербурге такого красочного шествия персидского посольства, как в Москве, устроено не было.

Летом 1713 г. персидский посол покинул Петербург и 1 сентября 1713 г. уже был в Москве.⁴⁷ 11 сентября состоялся торжественный выезд посольства.⁴⁸ Послу и «купчине» на прежний постоялый двор на Стретенке были посланы 4 кареты с государевой конюшни, «да под шаховых дворян и под чиновных людей з государевы ж конюшни 30 лошадей с седлы и с муштуки немецкими». Карету посла сопровождали 12 унтер-офицеров и «шаховых служилых людей персян 10 человек с пищальми». Во главе процессии ехала рота драгун, «подняв фузеи на караул». Затем следовали кареты; перед последней, самого посла, «ехали верхами шаховы дворяне на присланных з государевы конюшни лошедях». «На стойке от посолского двора в Белом городе по Стретенской улице стояла рота драгун на лошадях, подле той роты до Николских ворот пехотной полк (команды полковника Еропкина) по правую сторону в один человек. В Китае-городе от Николских ворот по пути до Лобного места и далее к Москворецким воротам стояло 2 пехотных полка (Игнатъева и Вельяминова-Зернова), по праву же сторону в один человек с ружьем и знамены и з барабаны. И как посол по пути ехал, во всех полках играли на габоях и на фислех и били в барабаны, а офицеры отдавали послу визиту шпагами, а салдаты держа на караул фузеи.

Вышепомянутой посол ехал от помянутого двора до стругов Стретенскою улицею в Николские ворота, и от тех ворот переулком мимо двора боярина князь Михаила Алегуковича Черкасского, а от того переулка Ильинскою улицею рядами мимо Спасских ворот и нижних рядов в Москворецкие ворота, при которых у мосту стояли приготовленные для его суды. И как на Москворецкой живой мост приехал, и посол, вышед из кореты, пошел на судно, на которое столник Зиновьев ево, посла, проводя и простясь с ним, возвратился назад, а посол того же времени отчалая суды, пошел водою в путь свой.

Судов для него, посла, и купчины и протчих с ними людей зделано из ратуши московской 14; и в котором посол поехал, в том кают обит красными сукнами, а протчие все без сукон».⁴⁹

Водным путем посольство добралось до Астрахани, а оттуда вернулось в Иран.

Доставленный в Петербург в 1713 г. слон был первым в городе на Неве. В 1703 г. персидский шах делал подобный подарок русскому царю, но

⁴⁷ РГАДА, ф. 77, оп. 1, 1711 г., № 2, л. 54.

⁴⁸ Описание см.: РГАДА, ф. 77, оп. 1, 1713 г., № 1, л. 193 об.—198.

⁴⁹ Там же, л. 197—198.

животное умерло в пути, не дойдя до Москвы.⁵⁰ По царскому указу от 12 июля 1713 г. при слоне на год был оставлен слоновщик персиянин Реджеболей, которому «был учинен оклад 120 рублей и сверх того поденная пища». Царь распорядился «тот оклад выдать ему половину для посылки в свою землю к сродникам на прокормление, и придать к нему толмоча, и для обучения и в работу дву человек»; по окончании оговоренного срока «отпустить в шахову землю, а болши года ево неволею не держать и в том принуждения никакова не чинить», о чем послу было дано «свидетельствованное письмо».⁵¹

Счастливо преодолевший трудную тысячекилометровую дорогу от Астрахани до Северной столицы слон умер в Петербурге 23 мая 1717 г. В своем дневнике А. Д. Меншиков записал: «Умер слон».⁵²

Подробности путешествия персидского посольства 1711–1713 гг. вместе со слонем и диковинным зверинцем по России, зафиксированные образцовым делопроизводством Посольского приказа, дают яркое представление о бытовой жизни того времени, о новых культурных веяниях Петровской эпохи. Но для понимания всего многообразия и многомерности формирующейся традиции Нового времени важно учесть и то, под каким углом зрения торжественное шествие слона по Москве было подано в старообрядческом сочинении 1712 года.

Послание Андрея Денисова выговским общежителям относится к жанру назидательной литературы. В заключительной его части, после цитированного выше описания процессии, выполненного по всем правилам риторического искусства, изложено нравоучение. Оно включает три антитезы. Первая: если люди показали такое усердие, чтобы только «видѣти безсловеснаго звѣря», «не паче ли возусердствуемъ мы в торжества и праздники и присно на видѣние Бога и святых его, в молитвах и слышании Божественнаго писания дни препровождаяще».⁵³ Вторая: если столь «честноподобно и чинноукрашенно» «чиноначальницы с воинствующими» принимают «на славу царствия иноцарственного посла», то тем более «духовнии начальники» и причетники должны усердствовать «в духовных дѣлѣх и молитвах и торжествах», имеющих целью «умоление и прятие самого царствующаго Царя и Пречистыя его Богоматере и святых угодников его».⁵⁴ И наконец, третья: если «толь велий звѣрь малому

⁵⁰ См.: *Гарутт В. Е.* Слоны в Санкт-Петербурге // <http://lenzoo.ru/russian/history/ind13.html>.

⁵¹ РГАДА, ф. 77, оп. 1, 1711 г., № 2, л. 47–47 об.

⁵² *Гарутт В. Е.* Слоны в Санкт-Петербурге.

⁵³ РГБ, собр. Е. Е. Егорова, № 1992, л. 125.

⁵⁴ Там же, л. 125–125 об.

при немъ всаднику повинуется и водится от малосильного многомоощное
безсловесное диво», «кольми паче мы, словесная Божия тварь, Создате-
ля своего повелѣнїя долженствуемъ не забывати и озвѣршиися страсти
наша обуздovati». ⁵⁵

Таким образом, послание Андрея Денисова, содержащее первое в рус-
ской книжности оригинальное «реалистическое» описание слона и его
шествия по Москве, отличается несомненной литературной новизной;
вместе с тем, данное сочинение обладает непреходящей духовной ценно-
стью, поскольку экзотическое событие, по мысли писателя-старовера,
служит не к увеселению и развлечению адресатов, что прежде всего под-
разумевала секуляризованная культура первой четверти XVIII в., а к рас-
ширению их духовного опыта, к назиданию и «потщанию добродѣте-
лей». Произведение старообрядческого автора наглядно показывает, что
в значительной части русского общества новые реалии хотя и принимали-
сь, но, вопреки намерениям их создателей, встраивались при этом в па-
радигму традиционной православной культуры.

⁵⁵ РГБ, собр. Е. Е. Егорова, № 1992, л. 125 об.

Анамнестические опыты Флоренского

1

Одну из своих искусствоведческих статей Павел Флоренский начал с размышлений об эстетическом смысле *напоминаемости*. Непреходящее значение этого принципа для православного богословия было закреплено на VII Вселенском Соборе (787 г.), указавшем на необходимость делать «предметом нашего созерцания» Христа, Богоматерь и святых «при помощи икон», поскольку «взирающие на эти иконы возбуждаются к воспоминанию о самых первообразах».¹ Интерпретируя соборное определение в расширительном смысле, Флоренский считал, что не только иконопись, но и само искусство в своей метафизической сущности *напоминательно*.²

Подобное утверждение способно породить у современного человека много недоразумений и может быть истолковано в духе субъективистской эстетики, психологизирующей процесс художественного восприятия и переживания.³ Миметическая *напоминаемость* того или иного произведения искусства оставляет реципиента в тесном кругу его повседневного сознания, познавательные границы которого были в свое время резко очерчены Иммануилом Кантом с таким виртуозным мастерством, что у читателя «Критики чистого разума» почти неизбежно остается депрессивное ощущение

---

¹ Деяния Вселенских Соборов. Казань, 1908. Т. 4. С. 591.

² Флоренский Павел, *свящ.* Моленные иконы преподобного Сергия // Флоренский Павел, *свящ.* Сочинения: В 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 383.

³ Флоренский П. А. Иконостас. М., 1994. С. 68–69.

их полной непереходимости. Чувство удручающей замкнутости в границах повседневного сознания, помимо знакомства с кантовской теорией познания, является характерным для западноевропейского искусства со времени сумеречного заката средневековой культуры, бывшей еще открытой для восприятия инспираций, идущих с высей духовного мира, и способной воплощать их в сакрально знаковых формах.

Кантианскому субъективизму, заключающему эстетический опыт в пределах индивидуального сознания, Флоренский противопоставлял учение Платона о возможности восхождения в мир творящих первообразов (эйдосов). «Речь идет отнюдь не о субъективной напоминательности искусства, а о платоновском “*припоминании*”». ⁴ Решения Седьмого Вселенского Собора, напрямую не связанные с платонизмом и более обусловленные непосредственным литургическим опытом и приверженностью к преданию, чем философской начитанностью защитников иконопочитания, тем не менее, согласно Флоренскому, отмечены в своей терминологии печатью «древне-эллинского идеализма и вообще окрашены онтологией». ⁵ В этом смысле напоминательность произведения искусства не ограничивается возникновением субъективного ряда ассоциаций, но способна погрузить реципиента в переживание мира ментальных (ноэтических) архетипов. Сами «иконоборцы, — подчеркивал Флоренский, — вовсе не отрицали возможности и полезности религиозной живописи <...>»; иконоборцы именно, говоря по-современному, и указывали на субъективно-ассоциативную значимость икон, но отрицали в них онтологическую связь с первообразами». ⁶ Тогда как искусство в понимании православных иконопочитателей «выводит из субъективной замкнутости, разрывает пределы мира условного и, начинаясь от образов, и через посредство образов возводит к первообразам». ⁷ В то же время не подлежит сомнению, что участники Седьмого Вселенского Собора, — при всей очевидности связи святоотеческой терминологии с античной философией, прежде всего в виде христианизированного неоплатонизма, — не усматривали ничего общего между напоминательностью иконописи и опытом анамнезиса в платоновском стиле, покоящемся на иных антропологических предпосылках. Мягкое и почти незаметное стирание границы между двумя подходами к напоминательности обусловлено спецификой духовного и эстетического опыта самого Флоренского,

⁴ Флоренский Павел. Моленные иконы преподобного Сергия. С. 383.

⁵ Там же.

⁶ Флоренский П. А. Иконостас. С. 69.

⁷ Флоренский Павел. Моленные иконы преподобного Сергия. С. 383.

отразившегося не только в его теоретических сочинениях, но и в литературном творчестве.

Наиболее характерной в этом отношении является мемуарная проза Флоренского, в которой дан уникальный синтез анамнестических переживаний нескольких типов. Над книгой «Воспоминаний» писатель работал около девяти лет — с сентября 1916-го по сентябрь 1925 г., предполагая и далее продолжить свою работу в этом жанре, о чем свидетельствуют сохранившиеся наброски и планы, осуществлению которых, как и многих других проектов и замыслов, помешали трагические обстоятельства, разрушившие дело жизни великого мыслителя. Планируя издание собрания своих сочинений в 1918–1919 гг., Флоренский определял «Воспоминания» как «семейную хронику». Смысл такого названия раскрывается только в связи с оригинальными и далеко не традиционными воззрениями Флоренского на существо и значение рода и семьи для собственной биографии. Оно также вызывает — трудно сказать, в какой степени это сознательно замышлялось самим мемуаристом, — почти неизбежные ассоциации с «Семейной хроникой» С. Т. Аксакова.

В окончательном варианте книга получила название «Воспоминанья прошлых дней». Над ним в тексте рукописи сохранилась знаменательная приписка, датируемая 26 марта 1923 г.: «Если бы эти наброски, по переработке, были напечатаны, то их так и следует озаглавить: “Детям моим”».⁸ В посвящении стоят имена детей Флоренского Василия, Кирилла, Ольги и Мики, что, однако, не означает предназначенности мемуарных записей только для узкого семейного круга. Для Флоренского, не только в силу философских убеждений, отмеченных влиянием платонизма, но и благодаря врожденным особенностям структуры его внутренней жизни, был характерен диалогический способ мышления. Мыслитель нуждался в собеседнике, чтобы в жизненном общении с ним способствовать рождению истины. В известном смысле такие диалоги приобретали мистагогическую окраску, ибо служили формой своеобразной философской инициации, важнейшим элементом которой являлось пробуждение в собеседнике анамнестического сознания. Подобное припоминание, согласно Флоренскому, ведет к созерцательному восприятию «явления самой идеи в чувственном».⁹

Учение о знании как анамнезисе восходит в европейской философии к Платону. Наиболее ярко оно было развито и обосновано в его диалоге «Федон», где использовалось в качестве аргумента, доказывающего бессмертие человеческой души. Главный герой диалога Сократ во время про-

⁸ Флоренский Павел, *свящ.* Детям моим: Воспоминанья прошлых дней. М., 1992. С. 24.

⁹ Флоренский Павел. Моленные иконы преподобного Сергия. С. 85.

щальной беседы со своими учениками не только рассматривал бессмертие как возможность продолжения сознательной жизни после смерти, но и признавал существование души в дорожденном состоянии. Нетрудно заметить, что сократовская мысль о предсуществовании радикально меняет подход к человеческой биографии и вносит принципиально новое измерение в мемуарный жанр, прежде всего в том случае, когда речь идет о реконструкции внутренней жизни в период раннего детства.

Ситуация заметно усложняется, если признается не только факт предсуществования, но и возможность реинкарнации. В обоих случаях становится очевидным, что мемуарист (в особенности, если дело идет об автобиографической прозе) сталкивается с границами своей памяти в обычном смысле этого слова, и уже от целого ряда обстоятельств зависит наличие редкой способности сознательно трансцендировать за их пределы. Но проблема заключается не только в субъективных способностях, но и в своей постановке зависит от философских и религиозно-догматических убеждений мемуариста (автобиографа). Можно иметь анамнестические переживания того, что Андрей Белый называл «дорожденной страной», однако в силу определенных мировоззренческих установок не признавать их за таковые.

В немалой степени эта трудность испытывалась Флоренским, как равно и целым рядом мыслителей и писателей Серебряного века русской культуры. Некоторые из них — например, Н. Бердяев, С. Булгаков, Н. Лосский, Александр Блок и Андрей Белый — имели анамнестический опыт, для описания которого требовались как новый понятийный аппарат, так и новые средства художественной выразительности, поскольку господствовавший к тому времени реализм выработал приемы, пригодные для описания лишь того, что воспринимается внешними чувствами как единственно достоверная реальность. Каждый из вышепоименованных мыслителей на свой страх и риск искал равновесия между переживаниями, поднимающимися из глубин подсознания, и разработанными ими философскими и теологическими системами.

Для Флоренского духовным ориентиром в осмыслении собственных анамнестических переживаний служила философия Платона, преломленная сквозь призму православного литургического опыта и переработанная в духе эстетики и практики русского символизма начала XX столетия. Исходные интуиции метафизического характера возникли у Флоренского в раннем детстве, вне всяких посторонних, в том числе и церковных, влияний. Подобно Бердяеву, он мог бы сказать: «У меня нет религиозных воспоминаний, остающихся на всю жизнь, и это имеет огромное значение для моего религиозного типа».¹⁰ В семье Флоренских «суть ре-

¹⁰ Бердяев Николай. Самопознание. М., 1998. С. 329.

лигиозного воспитания заключалась в сознательном отстранении каких бы то ни было, положительных или отрицательных, религиозных воздействий извне».¹¹ В сходной атмосфере, пронизанной духом позитивизма, рос и Андрей Белый. Валерия Брюсова воспитывали, по его словам, «так сказать с пеленок, в принципах материализма и атеизма».¹² «Точно Брюсов рос в моей квартире. Совпадение — до смехоты»,¹³ — заметил по этому поводу Белый, уже в раннем детстве усвоивший «основы позитивизма и механического мировоззрения» «из шуток отца и разговоров его с друзьями». Более того: в результате подобного воспитания, — с иронией вспоминал писатель-символист, — «я не помню эпохи, когда бы я не знал, что человек произошел от обезьяны».¹⁴ И, тем не менее, все четверо — Бердяев, Флоренский, Белый и Брюсов — благодаря силе анамнестических переживаний, убеждавших их в реальности духовного мира, стали первопроходцами на путях религиозно-философского и художественно-эстетического обновления русской культуры.

Для Флоренского платонизм имел определяющее значение не столько как философская система, сколько как метод *узрения* мира идей (эйдосов). Углубленное чтение Платона привело русского мыслителя к признанию укорененности идеалистической философии в античных мистериях. «Мысль Платона, — писал Флоренский, — существенно культо-центрична. Это, в сущности, не более как философское описание и философское осознание мистерий».¹⁵ Так, размышления Сократа о бессмертии в диалоге «Федон» предваряются указанием на мистериальные источники его представлений о вечном начале человеческой души. От приобретения мистериального опыта зависит и качество посмертного бытия. «Быть может, те, кому мы обязаны учреждением таинств, были не так уж просты, но еще в древности приоткрыли в намеке, что сошедший в Аид непосвященным будет лежать в грязи, а очистившиеся и принявшие посвящение, отойдя в Аид, поселятся среди богов».¹⁶ Это делает понятным и стремление Флоренского возродить мистериальное познание на новом уровне. После пережитого духовного кризиса он пришел к православию,

¹¹ Флоренский Павел. Детям моим: Воспоминанья прошлых дней. С. 117.

¹² Брюсов Валерий. Краткая автобиография (цит. по: Ашукин Николай, Щербаков Рем. Брюсов. М., 2006. С. 24).

¹³ Белый Андрей. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 206.

¹⁴ Там же. С. 99.

¹⁵ Флоренский Павел, свящ. Философия культа: (Опыт православной антропологии). М., 2004. С. 106.

¹⁶ Платон. Федон // Платон. Сочинения: В 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 28—29.

пробившись сквозь скорлупы «выдохшихся символов». «Церковь “наша”, — писал Флоренский Андрею Белому в 1905 году, — либо вовсе нелепость, либо она должна вырасти из святого зерна. Я нашел его и буду растить его теперь, *доведу до мистерий*» (курсив мой. — В. И.).¹⁷

В православной Церкви под мистерией (тайнством) понимается «священное действие, через которое тайным образом действует на человека благодать или, что то же, спасительная сила Божия»,¹⁸ поэтому она не нуждается в установлении новых мистерий. Но Флоренский говорил о мистериях в ином смысле, надеясь создать «орден», члены которого могли бы проходить инициацию, приводящую к реальному познанию духовного мира и раскрытию теургических способностей в рамках, признаваемых православной Церковью. Такие настроения, согласно Флоренскому, «облекаются в форму Символического делания, в форму делания символов и мифотворчества».¹⁹ Подобные, не лишённые известного утопизма, формулировки характерны для Павла Флоренского в первый период его обращения в православие после краткого увлечения толстовством и пережитого глубокого душевного кризиса. Хотя они носят следы влияния, исходившего от аргонавтического круга Андрея Белого, и позднее сменились более традиционно-церковными, но, тем не менее, интуиция о необходимости посвящения в современную эпоху осталась действенной у Флоренского до конца жизни. Важнейшим моментом инициации он считал пробуждение анамнезиса, следы которого находятся как в его воспоминаниях о детстве, так и в ряде философских сочинений.

Исходной точкой сократовских рассуждений об анамнезисе является представление о мистериальной инициации. Сократ старался диалектически подвести своих собеседников к сознанию того, что можно вспоминать не только о событиях и предметах внешнего мира, но и о тех знаниях, которые человек получает в дорожденном состоянии: «Наши души и до того, как им довелось оказаться в человеческом образе, существовали вне тела и уже тогда обладали разумом».²⁰ В таком состоянии человек получает знание о прекрасном и добром, «к которым мы возводим всё,

¹⁷ Флоренский — Андрею Белому. 15 июля 1905 г., Тифлис // Павел Флоренский и символисты: Опыт литературные. Статьи. Переписка / Сост. текстов и коммент. Е. В. Ивановой. М., 2004. С. 470.

¹⁸ *Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский*. Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви. М., 2009. С. 75.

¹⁹ Флоренский — Андрею Белому. 14 июня 1904 г., Тифлис // Павел Флоренский и символисты. С. 457.

²⁰ Платон. Федон. С. 39.

полученное в чувственных восприятиях. <...> с той же необходимостью, с какой есть эти сущности, существует и наша душа, прежде чем мы родимся на свет».²¹ У самого Платона в ряде его произведений («Федр», «Государство») имелись конкретные описания загробных странствий человеческих душ, в том числе и на пути к новому воплощению. Тем сама собой создавалась метафизическая предпосылка для возникновения литературных жанров нового типа, основанных на мистериальном анамнестическом опыте.

2

Подобно Платону, Флоренский соединял в себе философское дарование с не чуждым мифотворчеству писательским талантом, наиболее ярко и наглядно проявившимся в его «Воспоминаньях прошлых дней». Возможность созерцательного познания идей (эйдосов) не вызывала у него ни малейшего сомнения, однако для признания реальности предсуществования ему было необходимо привести такую теорию в — хотя бы минимальное — согласие с православным богословием, для изучения которого он, пренебрегая университетской карьерой и семейными традициями, поступил в 1904 году в Московскую духовную академию.

Ощущение устарелости всех прежних антропологических теорий и стремление осмыслить собственный анамнестический опыт было характерно не только для Флоренского. «Святоотеческая антропология, — отмечал Бердяев, — не раскрыла сколько-нибудь полно христологической истины о человеке».²² У истоков рискованных поисков обновленной антропологии в русской культуре стоят Достоевский, Лев Толстой и Владимир Соловьев. В их творчестве можно обнаружить — на разных уровнях — симптомы, предвещавшие возникновение антропологии, учитывающей радикальные трансформации человеческой жизни. С точностью опытного диагноста Николай Бердяев²³ констатировал перемены в сознании ряда представителей русской культуры начала XX века: «Происходило несомненно зарождение нового типа человека, более обращенного к внутренней жизни. Внутренний духовный переворот был связан с переходом от исключительной обращенности к “посюсторонне-

²¹ Там же.

²² *Бердяев Николай*. Смысл творчества // *Бердяев Николай*. Собрание сочинений. Париж, 1985. Т. 2. С. 111.

²³ *Иванов Владимир*. Философская диагностика Николая Бердяева // Сборник «Вехи» в контексте русской культуры / Отв. ред.: А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи; сост. Е. А. Тахо-Годи. М., 2007. С. 87–99.

му”, которая долго господствовала в русской интеллигенции, к раскрытию “потустороннего”. Изменилась перспектива. Получалась иная направленность сознания. Раскрылись глаза на иные миры, на иное измерение бытия». ²⁴

Такая перемена духовных ориентиров была во многом связана с утончившейся практикой интроспективного созерцания глубин духовной жизни, ранее во многом скрытых от людей под влиянием господствовавших тогда представлений о естественном происхождении человеческой души.

Одним из первых писателей, стремившихся преодолеть рубеж, поставленный перед памятью, был Лев Толстой. В начале своего творчества он еще не ставил перед собой такой задачи. Так, повесть «Детство», вышедшая в свет в 1852 году, начинается с периода, когда ее главному герою «минуло десять лет», т. е. времени полной утраты воспоминаний о дорожденном бытии. Лишь постепенно писатель открыл для себя возможность анамнестического самопознания. В романе «Война и мир» имеется эпизод, посредством которого Толстой выразил свой новый взгляд на анамнезис. Принимая во внимание всю парадоксальность и непривычность таких воззрений для читателя второй половины XIX века, он инсценировал их в виде разговора Наташи Ростовской с ее братом Николаем и Соней, начавшегося с общих воспоминаний о «впечатлениях самого дальнего прошедшего, где сновидение сливается с действительностью». ²⁵ Тем самым Толстой кратко отметил характерную черту анамнестических переживаний, еще не находящихся в столь тесной зависимости от физической телесности, как это имеет место у взрослого человека. Эта память, писал Андрей Белый, «с четырех лет исчезает бесследно, <...> и кто пробуждается к сознанию позднее, тот ничего не знает уже о целом пласте переживаний». ²⁶

По замыслу Толстого, Наташе Ростовской удалось преодолеть границу обычной памяти. Она призналась друзьям, «что когда так вспоминаешь, вспоминаешь, всё вспоминаешь, то до того доспоминаешься, что помнишь то, что было еще прежде, чем я была на свете». ²⁷ Андрей Белый поставил эти слова в качестве эпиграфа к «Котику Летаеву» — первому в истории русской литературы, в полном смысле этого слова, анамнестическому роману, в основе которого лежали его собственные, полученные

²⁴ Бердяев Николай. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» // Бердяев Николай. Собрание сочинений. Париж, 1989. Т. 3: Типы религиозной мысли в России. С. 685.

²⁵ Толстой Лев. Война и мир // Толстой Лев. Собрание сочинений: В 14 т. М., 1951. Т. 5. С. 280.

²⁶ Белый Андрей. На рубеже двух столетий. С. 183.

²⁷ Толстой Лев. Война и мир. С. 280.

медитативным путем, воспоминания о первых годах своей жизни, граничащие с проглядами в «дорожденную страну».

В построении знаменательной фразы Толстой трижды повторяет глагол *вспоминать*. Каждое повторение должно указывать на спуск сознания со ступеньки на ступеньку, пока оно не достигнет тех глубин, в которых пробуждается платоновский анамнезис. Соня, не имевшая такого опыта, но, согласно тексту романа, более начитанная, чем Наташа Ростова, приняла слова своей собеседницы как отзвук древнеегипетских представлений о метемпсихозе, тогда как Наташа апеллировала только к своему собственному внутреннему опыту. Поэтому, отвергнув Сонины — довольно поверхностные — ассоциации, она, сама того не подозревая, с легкостью сформулировала основной аргумент в пользу предсуществования: «Ведь душа бессмертна... стало быть, ежели я буду жить всегда, так я и прежде жила, целую вечность жила».²⁸

В этой небольшой сцене отразились результаты интенсивного изучения Львом Толстым масонской литературы, в немалой степени связанного с работой над образом Пьера Безухова,²⁹ предававшегося, по замыслу писателя, «трудам самопознания» и «воздвижению внутреннего храма». В версии «Войны и мира» 1867 года, как показывают новейшие результаты исследования подготовительных материалов к роману, «масонство в большей степени дает импульс внутреннему обновлению, “возрождению” личности, указывает путь духовного роста и самоанализа».³⁰ Независимо от масонских интересов Толстого, не получивших в дальнейшем полного развития, углубленное созерцание процессов, протекающих в глубинах внутренней жизни, вне всякого сомнения, способствует расширению возможностей человеческой памяти. Таким образом, уже в романе «Война и мир» можно обнаружить зародыш той тенденции в русской литературе, которая принесла впоследствии свои зрелые плоды в творчестве Андрея Белого («Котик Летаев») и Павла Флоренского («Воспоминанья прошлых дней») и связана с медитативно культивируемой техникой интроспекции.

Анамнестические интуиции Толстого конца 1860-х годов, отразившиеся в «Войне и мире», получили у него философскую разработку двадцать лет спустя в трактате «О жизни» (1887). В этой книге писатель, по сути, дал развернутый комментарий к краткому тезису, высказанному Наташей Ростовой. В дальнейшем, несмотря на многочисленные рас-

²⁸ Там же. С. 282.

²⁹ *Фаджонато Рафаэлла*. Еще о масонских источниках «Войны и мира» (Записные книжки Сергея Ланского) // Русская литература. 2012. № 1. С. 111–124.

³⁰ Там же. С. 117.

хождения с Толстым во многих философских и богословских вопросах, Бердяев, Андрей Белый и Флоренский исходили в своих воззрениях на предсуществование из «Наташиной» мысли о бессмертии. Все они апеллировали к собственному опыту переживания духовного существа человека как укорененного в Вечности (в духовном мире) и поэтому не могущего получить свое бытие только в какой-то определенной точке времени. «Я вижу, что то, что составляет основу моей жизни, находится позади ее: по мере жизни я живее чувствую мою связь с невидимым мне прошедшим».³¹

Однако, в отличие от толстовских раздумий над проблемами духовного самопознания в 1867 году — времени интенсивного изучения писателем масонской литературы, включая неизданные рукописные материалы русских масонов, — в его трактате «О жизни» звучат мотивы кантианского толка о невозможности познавательного отношения к реальностям духовного мира: «Видимая мною жизнь, земная жизнь моя, есть только малая часть моей жизни с обоих концов ее — до рождения и после смерти — несомненно существующей, но скрывающейся от моего *теперешнего познания* (курсив мой. — В. И.)».³² Для Флоренского и Андрея Белого, напротив, была полностью неприемлемой кантовская гносеология. Оба прилагали огромные усилия для того, чтобы в собственном внутреннем опыте достигнуть сверхчувственного познания. В ходе такого развития Флоренский от первоначального восхищения Толстым перешел к принципиальной критике великого писателя с православно-догматической точки зрения, ставя ему в упрек искажение основ церковного вероучения, тогда как Андрей Белый всё более находил в творчестве Льва Толстого предвосхищение собственного духовного опыта, своего рода йоги нового типа, не смущаясь рационализмом многих суждений творца «Воскресения». Для него оставалось непреложным фактом наличие в Толстом анamnестического знания о вечном ядре человеческой личности, не всегда с достаточной ясностью выраженного на философском уровне, но тем яснее проступающего в его художественных произведениях. «Память о прошлом, не внешняя память, а память о памяти, фон, подстилающий все восприятия души ощущающей³³ в образах, данных Толстым»,³⁴ — отмечал Андрей Белый.

³¹ Толстой Лев. О жизни // Толстой Лев. Собрание сочинений: В 22 т. М., 1984. Т. 17. С.115.

³² Там же.

³³ «Душа ощущающая» — низший пласт в структуре человеческой души. Термин заимствован Андреем Белым из антропософии Рудольфа Штейнера. Ср. с учением о трехчастной душе у Платона, Аристотеля и византийских богословов.

³⁴ Белый Андрей. История становления самосознающей души // Белый Андрей. Душа самосознающая. М., 1999. С. 283.

Несмотря на критику богословских взглядов Льва Толстого, Флоренский признавал положительное влияние писателя на пробуждение в нем глубинной — сверхиндивидуальной — жизни. «Отчасти с помощью Толстого», — отмечал Флоренский, — ему стало ясно, что «истина, если она есть, не может быть внешнею по отношению ко мне и что она есть источник жизни. Сама жизнь есть истина в своей глубине, и глубина эта уже не я и не во мне, хотя я могу к ней прикасаться».³⁵

Наряду с Львом Толстым теорию предсуществования в развернутой форме обосновывал Владимир Соловьев. Главный аргумент, приведенный философом в его «Чтениях о Богочеловечестве», почти дословно совпадает с мнением, высказанным Наташей Ростовской: «То, что только во времени явилось, во времени же и должно исчезнуть; бесконечное существование *после смерти* никак не вяжется логически с ничтожеством *до рождения*».³⁶ При этом, в несравненно большей степени, чем Толстой, Владимир Соловьев разработал учение о двойственной природе человека. С одной стороны, человек является «природным существом», жизнь которого ограничена рамками рождения и смерти, но, с другой стороны, это существо «есть еще кроме этого вечная, умопостигаемая сущность».³⁷ Ее признавали многие философы (в том числе Кант), различаясь, однако, в допущении реального познания этого духовного ядра в человеке. Кант, а вслед за ним и Шопенгауэр называли его умопостигаемым характером (*intelligibelen Charakter*), отличающимся от характера эмпирического (*empirischen Charakter*). Поскольку чистый разум является одной из особенностей умопостигаемого характера, то он «не подчинен форме времени и, стало быть, условиям временной последовательности».³⁸

Однако, согласно кенигсбергскому мудрецу, у человека нет возможности познавать непосредственно умопостигаемый характер (мы, писал Кант, только «обозначаем его посредством явлений»),³⁹ тогда как Владимир Соловьев принадлежал к числу философов-идеалистов, имевших конкретный опыт переживания в себе этого метафизического начала, поэтому его мышление, преодолев кантовские границы познания, приводило к определению человека как *идеи*, доступной для эйдетического

³⁵ Флоренский Павел, *свящ.* Детям моим: Воспоминанья прошлых дней. С. 244.

³⁶ Соловьев Владимир. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев Владимир. Собрание сочинений: Фототипическое издание. Брюссель, 1966. Т. 3. С. 128.

³⁷ Там же.

³⁸ Кант Иммануил. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. М., 1994. С. 337.

³⁹ Там же.

восприятия.⁴⁰ Из такого утверждения вытекала *логическая необходимость* признать, что человек «существует не только после смерти, но и до рождения, поскольку умопостигаемая сущность по понятию своему не подлежит форме нашего времени, которая есть только форма явлений».⁴¹

Принимая во внимание неуклонно растущее влияние дарвинизма на мировоззрение русской интеллигенции во второй половине XIX века, Владимир Соловьев полагал особенно актуальным представить логическую безупречность своего учения о вечном ядре человеческой личности, не подлежащем условиям времени. Для самого мыслителя, наряду с чисто философской доказательностью такого тезиса, первостепенное значение имел его собственный, софиологический опыт. Именно в этом пункте можно обнаружить если не прямое влияние, то, по крайней мере, некоторое сходство между антропологическими интуициями Владимира Соловьева и взглядами Павла Флоренского на проблему предсуществования в анамнестическом аспекте.

3

При большой близости между воззрениями на анамнезис Льва Толстого и Владимира Соловьева, с одной стороны, и Флоренского, с другой, имеется и принципиальное различие в исходных позициях этих выдающихся мыслителей. И Лев Толстой (в особенности), и Владимир Соловьев (в меньшей степени), предаваясь своим антропологическим исследованиям, не чувствовали себя стесненными догматическими предпосылками, тогда как Флоренский, после своего обращения в православие, ощущал необходимость привести свои интуиции в согласие с церковной догматикой. Поставив перед собой такую цель, он должен был решить нелегкую задачу: найти возможность примирить свои анамнестические переживания, в наибольшей степени отразившиеся в его «Воспоминаниях прошлых дней», как со своей софиологией, так и с православными теологуменами о происхождении человеческой души.

Для Флоренского оставался открытым вопрос: в какой степени «за православными допускается известная доля свободы в следовании философским течениям» — или же «таковой свободы не признается».⁴² Эту альтернативу он сформулировал, подводя итог своим размышлениям

⁴⁰ *Иванов Владимир*. Мистическая антропология Вл. Соловьева // Владимир Соловьев и культура Серебряного века: К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А. Ф. Лосева / Отв. ред.: А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи; сост. Е. А. Тахо-Годи. М., 2005. С. 68—77.

⁴¹ *Соловьев Владимир*. Чтения о Богочеловечестве. С. 128.

⁴² *Флоренский Павел, свящ.* Столп и утверждение Истины. М., 1914. С. 341.

о предсуществовании Церкви и человеческой личности в десятом письме «Столпа и утверждения Истины». Флоренский — к тому времени священник и профессор Московской духовной академии — допускал обе возможности, но и в том, и в другом случае не собирался отказываться от признания предсуществования как идеи, по его мнению, вполне совместимой с православным мирозерцанием. Критическое отношение к ней он объяснял исторически оправданной борьбой раннехристианской Церкви с «плотскими, рассудочными понятиями»,⁴³ присущими носителям «лжеименного гнозиса».

Если признать «известную долю свободы» (а она допускается прежде всего в сфере теологуменов, которым не придается догматической значимости), то следовало бы выделить патристическую терминологию, во многом окрашенную духовно переработанным влиянием неоплатонизма, и, преобразовав ее «в современный философский эквивалент», тем самым «дать новую одежду содержащемуся там духовному переживанию *полноты*».⁴⁴ Таким образом, для Флоренского не подлежала сомнению объективная реальность «духовного переживания» вневременной природы человеческой души, на протяжении столетий наличествовавшего в глубинах христианского сознания. Вопрос заключался лишь в его понятийном оформлении на языке, соответствующем духовному возрасту современности.

Если же свобода богословских мнений о предсуществовании и связанном с ним анамнезисе не признается со стороны православных богословов, не нуждающихся в «философских эквивалентах», то Флоренский полагал, что в таком случае «должно брать эти учения (о предсуществовании. — В. И.) с оговорками и пояснениями приблизительно такими, какие сделаны нами выше»,⁴⁵ т. е. в десятом письме «Столпа и утверждения Истины». Флоренский считал изложенные там мысли о предсуществовании Церкви и человека адекватным выражением православной традиции, без попыток ее перевода на более современный язык. Поэтому он подкрепил свою позицию многочисленными ссылками на Священное Писание и творения св. отцов.

Это делают с не меньшим успехом и приверженцы других антропологических теологуменов, однако, по мнению прот. Сергия Булгакова, «Слово Божие не дает решающего ответа» на вопрос о происхождении человеческой души, и приводимые креационистами и традуционистами тексты не подтверждают однозначно защищаемые ими мнения.⁴⁶ Сам

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Булгаков Сергей, прот. Купина Неопалимая. Париж, 1927. С. 96.

Булгаков в этом отношении разделял антропологические воззрения Флоренского, для которого, наряду со ссылками на Св. Писание и патристические тексты, важнейшее значение имел прежде всего церковный *опыт*. В начале своего фундаментального труда «Столп и утверждение Истины» Павел Флоренский подчеркнул, что только «живой религиозный опыт» является «единственным законным способом познания догматов». ⁴⁷ Этот тезис, представляющийся теперь почти само собой разумеющимся в результате усилий ряда русских мыслителей первой половины XX века, пытавшихся провести четкую грань между школьным и опытным богословием, на самом деле был одним из важнейших открытий Флоренского. «У восточных отцов Церкви понятие “опыт” практически не встречается. Но их богословие всё же является именно “опытным” богословием, так как находится в постоянной связи с таинствами, прежде всего крещения и евхаристии», ⁴⁸ — отмечает проф. Фельми, полностью признавая интерпретацию церковного опыта, предпринятую Флоренским. Поэтому и анамнестический опыт выводится за пределы индивидуального, по-кантиански понимаемого и переживаемого сознания. Именно в этом смысле Флоренский стремился очистить понятие *напоминательности* от привкуса субъективизма и психологизма.

Столь же нетрадиционным, на первый взгляд, было и определение церковности в «Столпе и утверждении Истины». Вместо привычно сухих и малоговорящих современному сознанию формулировок Флоренский внес в православную экклезиологию экзистенциальный элемент. «Церковность, — писал он, — это *жизнь*, особая, новая жизнь, данная человеку, но подобная всякой жизни, недоступная рассудку». ⁴⁹ Такая жизнь немислима без особого рода памяти, включающей в себя всю историю мира и человека. Приобщаясь церковности, человек становится причастным духовно космической памяти. К сходным результатам приходил Николай Бердяев, писавший о возможности пережить всемирную историю в экзистенциально анамнестическом аспекте. «На историческое познание, — писал философ, — должно быть распространено с некоторыми изменениями платоновское учение о познании как припоминании. Поистине всякое проникновение в великую историческую эпоху тогда лишь плодотворно, тогда есть подлинное познание, когда оно есть внутреннее припоминание». ⁵⁰

⁴⁷ Флоренский Павел, *свящ.* Столп и утверждение Истины. С. 3.

⁴⁸ Фельми Карл Христиан. Введение в современное православное богословие. М., 2014. С. 24.

⁴⁹ Флоренский Павел, *свящ.* Столп и утверждение Истины. С. 5.

⁵⁰ Бердяев Николай. Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы. Париж, 1969. С. 30.

Два эти мыслителя подходили к анамнестической проблеме с разных сторон, но общим для них являлось убеждение в реальной возможности преодоления границ обычной человеческой памяти. Столь же несомненным для них был опыт, приводящий к воспоминанию о собственном предсуществовании, что открывало принципиально новые перспективы и для литературно оформленных воспоминаний о детстве. Если Бердяев в своей философской автобиографии по преимуществу ограничивался свидетельством об осознании себя пришельцем из духовного измерения бытия, чуждым земной жизни,⁵¹ то Флоренский, при всей своей любви к рассмотрению и анализу конкретных фактов, подходил к черте, отделяющей эмпирическое сознание от сознания трансцендентального (умопостигаемого), таким образом, что возникала возможность анамнестически восходить к имагинациям духовного мира. Но здесь мыслитель-софиолог сталкивался с другого рода границами, поставленными перед ним господствующими антропологическими теологуменами, с которыми он, как православный богослов, должен был по необходимости считаться.

Наибольшую трудность для православной антропологии представляла проблема возникновения (творения) душ. «Как же понимать это творение души, — писал видный догматист второй половины XIX века митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков), — сама Церковь с точностью не определяет».⁵² Митрополит Макарий стремился найти компромиссное равновесие между двумя по существу взаимоисключающими теологуменами: традиционизмом, признающим происхождение душ от родителей и в этом отношении мало чем отличающимся от материалистической гипотезы, и креационизмом, полагающим, что души творятся непосредственно Богом, но не могущим дать внятного объяснения факту рождения психически больных, людей с порочными и преступными наклонностями и т. п. Было бы богохульным недомыслием приписывать Богу сознательное творение таких ущербных, но и безвинных в своей греховной обремененности человеческих душ.

В идеальном варианте до конца продуманный креационизм либо должен с отважной кощунственностью возлагать ответственность за творение дефектных и преступных душ на Бога, либо — *polens volens* — сближаться с гипотезой предсуществования и даже реинкарнации. Поскольку додумать до конца логические выводы из креационизма никто не решался, то и проблема происхождения душ не могла получить законченные и ясные очертания, что видно на примере двухтомного труда митрополита Макария (Булгакова).

⁵¹ Бердяев Николай. Самопознание. С. 257.

⁵² Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Православно-догматическое богословие. 4-е изд. СПб., 1883. Т. 1. С. 441.

Третья известная в раннем христианстве гипотеза происхождения человеческой души, признававшая, в отличие от традучионизма и креационизма, ее предсуществование, отвергалась позднее православным богословием из-за оригенистских споров первой половины VI века. Наиболее ожесточенным противником Оригена выступил византийский император Юстиниан, тогда как приверженцем оригенизма в этот период по преимуществу являлось палестинское монашество, как можно предполагать, имевшее более глубокий духовный опыт, чем их венценосный оппонент, но несравнимо меньший интерес к политической конъюнктуре того времени. «Наиболее авторитетными и руководящими центрами таких увлечений (оригенизмом. — В. И.) были палестинские монастыри Мар-Саба (т. е. св. Саввы) и Новая Лавра в Фекое (Текуа) близ Вифлеема».⁵³

Не входя в детали этих богословских споров, необходимо только отметить, что Флоренский не мог игнорировать конечное осуждение оригенизма, скрепленное авторитетом Пятого Вселенского Собора,⁵⁴ но одновременно, следуя законам интеллектуальной честности и научной добросовестности, не хотел поступиться данными собственного анамнестического опыта, который он — с полным правом — считал опытом церковным. Правомерная критика идеи предсуществования — с точки зрения Флоренского — касалась только грубо материализованного («плотского») представления о метафизической природе человеческой личности, органически входящей в духовную структуру Универсума. Душа предсуществует своей земной инкарнации не в «хронологическом» порядке, равно как не может быть и речи о «хронологическом» предсуществовании Церкви, но в силу их причастности Вечности, т. е. в измерении, не подлежащем временной длительности. В таком случае, писал Флоренский, идея предсуществования является «символом духовного переживания, открывающего в Церкви, в личности и т. д. высшую сравнительно с телесным обликом мира сего реальность».⁵⁵

Флоренский ставил в упрек противникам идеи предсуществования недостаточность их духовного опыта, ограниченного представлением о хронологических земных рамках человеческой жизни, тогда как для него самого было очевидным ее непреходящее ядро (ноуменальное Я). Он апеллировал к непосредственному духовному опыту: «В сущности

⁵³ Карташев А. В. Вселенские Соборы. М., 1994. С. 351.

⁵⁴ А. В. Карташев отмечает, что текст «указа императора Юстиниана против Оригена был произвольно помещен издателями “Деяний соборов” (Harduin и Mansi) в собрании актов V Вселенского собора», и приходит к выводу о том, что «сторого формально осужден был Ориген не Вселенским Собором» (Там же. С. 354, 356).

⁵⁵ Флоренский Павел, свящ. Столп и утверждение Истины. С. 339.

же, мы хотим говорить лишь то, *что имеется в нашем переживании* (курсив мой. — В. И.) и что единственно важно для нас, а именно: Церковь, Образ Божий и т. д. полно-бытийнее, нежели мир, эмпирический характер и т. д.»⁵⁶ Для Флоренского такой опыт вполне совпадал в основных чертах с опытом церковным. Новизна его позиции заключалась лишь в философской интерпретации этого опыта, опирающейся, в свою очередь, на платоновское учение об анамнезисе. Вопрос же заключается в том, каким образом такие религиозно-философские интуиции влияли на воспоминания детства, имевшие огромное значение для литературного творчества Павла Флоренского.

4

К своим «Воспоминаньям детства» Флоренский приступил в 1916 году и завершил работу, охватывающую период от первых лет своей жизни до поступления в Московский университет, осенью 1925 года. Но задумал он писать «Воспоминанья» гораздо раньше. К 1909 году относится его анамнестическое «открытие рода», связанное с попыткой реконструкции сверх-индивидуальной памяти, присущей определенному роду на протяжении веков его существования.

Симптоматично, что именно в этот период был создан ряд литературных произведений, в которых подвергалась радикальной ревизии традиционная концепция времени и связанное с ней представление о границах человеческой памяти. Хронологические рамки работы Флоренского над «Воспоминаньями» почти полностью совпадают со столь же продолжительным периодом создания семитомного творения Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». К своей работе над циклом романов писатель приступил в 1908 году. Первый том «В сторону Свана» вышел в свет в 1913 году. Незадолго до своей смерти в 1922 году Пруст закончил свой труд. Последние три тома были изданы уже посмертно — с 1923 по 1927 год («Пленница» — 1923 г., «Беглянка» — 1925 г., «Обретенное время» — 1927 г.).

Третьим в этом ряду искателей «утраченного времени» следует назвать Андрея Белого, с октября 1915 по январь 1916 года работавшего над уникальным по своей анамнестической направленности романом «Котик Летаев». В 1929 году писатель создал первый том мемуарной трилогии «На рубеже двух столетий», в котором вернулся к описанию необычных состояний в раннем детстве.

Флоренский, Пруст и Андрей Белый были изошренными наблюдателями своей внутренней жизни, подводящей к таинственной грани, за ко-

⁵⁶ Там же. С. 340.

торой брезжит просвет в «иные миры». В сновидческих состояниях, по словам Пруста, человеку открываются «возврат к молодости, возврат к минувшим годам и утраченным чувствам, развоплощение и переселение душ, призраки мертвецов, обманы, безумия, регрессия к низшим царствам природы». ⁵⁷ В результате концентрированной интроспекции Пруст приходил к убеждению в реальности не только предсуществования, но даже реинкарнации, основываясь не на философских или теософских теориях, а исключительно на данных, обретенных им самим в творческих поисках «утраченного времени».

Для Флоренского, так же как и для Марселя Пруста, представлялось возможным «обрести время», для поверхностного сознания безвозвратно исчезнувшее или ведущее блеклое, смутное, тенеобразное существование, тогда как «прошлое — не прошло». ⁵⁸ Это ощущение пребывания прошлого в Вечности «всегда стояло передо мной яснее ясного, — писал Флоренский, — а и в раннейшем детстве еще более убедительно, чем позже». ⁵⁹

Ценность таких свидетельств в немалой степени заключается в том, что они сами являются результатом анамнезиса, обусловленного врожденными способностями, укрепленными затем на пути духовного возрастания. Флоренский подчеркивал факт расширенной памяти как данный ему изначально и коренящийся в духовном (трансцендентальном) ядре собственной личности, а не приобретенный лишь в результате философской начитанности и последующих теоретических размышлений над прочитанным. «Время никогда не мог я, — свидетельствовал Флоренский в своих «Воспоминаньях», — постигнуть как бесповоротно утекшее; *насколько помню себя* (курсив мой. — В. И.), жило во мне, что оно куда-то отходит, <...> засыпает; но когда-то и как-то к нему можно подойти вплотную — *и оно тогда проснется и оживет*» (курсив мой. — В. И.). ⁶⁰ При этом Флоренский имел в виду не только таинственную сохранность своего прошлого в Хрониках Акаши, но и считал вполне реальным анамнестическое проникновение в давно минувшие исторические эпохи: «Я ощущал вязкую реальность прошлого и рос с тем чувством, что на самом деле прикасаюсь к бывшему много веков тому назад и душою вхожу в него». ⁶¹

⁵⁷ Пруст Марсель. Под сенью девушек в цвету / Пер. с фр. А. В. Федорова. М., 2006. С. 425–426.

⁵⁸ Флоренский Павел, свящ. Детям моим: Воспоминанья прошлых дней. С. 46.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

Всё творчество и даже внешний облик Флоренского не понятны, если принимать его индивидуальность в узких пределах, очерченных рождением и смертью. Те исторические эпохи, которые он ощущал себе духовно родственными, — например, древнеегипетскую и, в особенности, античную, — возникали перед его анамнестически ориентированным взором как нечто, отделенное от него «не временем, а лишь какою-то стеною, но сквозь эту стену, — писал Флоренский, — я всем существом чувствовал, что оно и сейчас здесь».⁶²

Такие переживания были характерны для него уже в раннем детстве, о чем он подробно рассказал в своих «Воспоминаньях прошлых дней». Некоторые особенности семейной обстановки, окружавшей будущего религиозного философа, способствовали усилению в детской душе анамнестических переживаний. Выше уже упоминалось о том, что родители Флоренского изгоняли из воспитания любые религиозные темы, причем связанные не только с христианством: табуированию подвергались даже сказки — как вредные для ребенка. Аналогичный запрет на сказки был наложен и в семье Бугаевых, родителей Андрея Белого. Оба ребенка оказались вынужденными на свой страх и риск инстинктивно искать прибежище в «подпольных» играх-символизациях, скрывавшихся от взрослых.

Для Флоренского спасительная лазейка открылась при раннем знакомстве с античной мифологией, парадоксальным образом избежавшей табуирования и строгой семейной цензуры. «Родители мои, — вспоминал не без иронии Флоренский, — тут, кажется, дали маху, изолировав меня от церковного учения и сказок, как еще живущих; они легко относились к античной мифологии, вероятно, считая ее безнадежно устаревшей».⁶³ Самому же Флоренскому дело представлялось обратным образом: научные теории казались ему безжизненными и не отвечающими его представлению об истине.

Само собой разумеется и, по сути, не нуждается в особых оговорках то, что, рассматривая жизнь анамнестически одаренных индивидуальностей, следует вести речь не о рефлексивном отношении их к мифологическим образам — в столь раннем возрасте, а об атмосферическом воздействии последних на душу ребенка. Андрею Белому античные мифы казались имманентными его переживаниям в первые годы жизни и лишь впоследствии опознанными в своей идентичности с мифологическими архетипами: «Мое детское тело есть бред “матерей”».⁶⁴ <...> ...я одной головой еще в мире: ногами в утробе; утроба связала мне ноги: я ощущаю себя — змееногим; и мысли мои — змееногие мифы: переживаю *титан-*

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 97.

⁶⁴ Имеются в виду мифологические существа.

ности». ⁶⁵ Знакомство же с античными мифами в их изложении для детей автор «Котика Летаева» относит только к своему девятилетнему возрасту (зима 1889 г.). Вспоминая об этом времени, Андрей Белый писал: «...я переполнен событиями греческой мифологии, опять-таки овладевая ими в играх; я разыгрываю миф о Язоне, об аргонавтах, о Персее; с особенным вдохновением совершаю я двенадцать подвигов Геракла». ⁶⁶

У Флоренского в детстве было еще более интенсивное увлечение образами античной мифологии, носившее анамнестически экзистенциальный характер. Глубоко коренившиеся в его подсознании архетипы гармонически соответствовали мифологическим образам. В отличие от Белого, проводившего свое детство на Арбате и выезжавшего летом с родителями лишь на дачу в Подмоскowie, у Павла Флоренского древнегреческие мифы органически вписывались в окружающую его кавказскую природу. Одним из любимейших мифов — как и для Андрея Белого, инициировавшего в свои студенческие годы аргонавтическое движение в среде московских младосимволистов, — для Флоренского была история похода аргонавтов за Золотым руном к устьям Фазиса в Колхиду, и он «твердо себе усвоил, что эти “мифические места” — именно те, где мы живем, и что, следовательно, миф столь же реален, как и сам я, и наша Колхида». ⁶⁷ Мальчик был убежден также, что в хорошо знакомых ему местах «стоит скала в Рионском ущелье, на которой был распят Прометей». ⁶⁸ В результате таких интуитивных переживаний Флоренский «чувствовал себя древним эллином яснее, нежели русским, и фавнов, и нимф любил и знал больше, нежели леших и русалок», ⁶⁹ — т. е. персонажей русских волшебных сказок, подвергавшихся в семье строжайшему табуированию.

Постепенно у ребенка возникло чувство анамнестической родственности с античной мифологией. Флоренский внутренне входил в мифологическую ситуацию и воспринимал образы аргонавтов как имеющие непосредственное отношение к его собственной биографии. Этому способствовало чувство гармонического сходства окружающих его ландшафтов с настроениями, пробуждавшимися при знакомстве с аргонавтическим мифом. Рассказы отца о золотоносности колхидских рек поселили в мальчике уверенность в том, что мифический Ясон прибыл в Колхиду

⁶⁵ *Белый Андрей. Котик Летаев // Белый Андрей. Собрание сочинений: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / Общ. ред. и сост. В. М. Пискунова. М., 1997. С. 29.*

⁶⁶ *Белый Андрей. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 223.*

⁶⁷ *Флоренский Павел, свящ. Детям моим: Воспоминанья прошлых дней. С. 97.*

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

именно за этим золотом, т. е., как говорил Флоренский, вспоминая свои детские переживания, — «ведь почти что прямо ко мне».⁷⁰ Это углубляло ощущение того, что колхидская земля «пропитана испарениями античности».⁷¹ Гордость за свою землю, наполнявшая душу ребенка, несколько омрачалась при воспоминании о колхидской царевне Медее, воспринимавшейся им как «злая волшебница» и пробуждавшей в душе «неприятное чувство».

Флоренский почти инстинктивно искал местности (ландшафты), способные укрепить его чувство близости и родственности античному миру. Только этим можно объяснить его, на первый взгляд, трудно постижимую привязанность к Свято-Троицкой Сергиевой Лавре и Сергиеву Посаду, в котором Флоренский жил со времени поступления в Московскую духовную академию (1904) вплоть до своего последнего ареста в 1933 году.

Такая «оседлость» была совершенно нетипичным явлением для Серебряного века. Во многом люди, близкие Флоренскому по духу, — такие, как, например, Андрей Белый, — были убежденными странниками и проводили немалую часть своей жизни в путешествиях по Европе, не имея в России, говоря бытовым языком, ни кола, ни двора. Любовью к странствиям отличалось большинство символистов, не говоря уже об их духовном вдохновителе Владимире Соловьеве, никогда — за редчайшими исключениями — не имевшем постоянного места обитания и скитавшемся всю жизнь по гостиницам и дружеским квартирам. На этом фоне заметно выделяется оседлый образ жизни Павла Флоренского, неохотно покидавшего свой дом в Сергиевом Посаде даже в случае редких и вынужденных поездок в Москву. Не менее загадочным представляется то, что при всей своей любви к морю и горным вершинам Кавказа Флоренский никогда не возвращался в места, где проходило его детство, хотя внутренне не расставался с их образами, красочно запечатленными в мемуарной прозе православного мыслителя.

5

Причина столь нетипичной для московских символистов оседлости, судя по одной статье Флоренского, заключается в том, что он обрел в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре и Сергиевом Посаде то место, где «грудь имеет полное духовное дыхание, а желудок чувствует удовлетворенность правильно-соразмерным и доброкачественным культурным питани-

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

ем». ⁷² Обретение метафизической родины в обители преподобного Сергия Радонежского было в немалой степени связано с анамнестическим чувством пронизанности всей местности духовными энергиями, связующими таинственным образом душу мыслителя-софиолога с древнегреческой культурой.

Флоренский свидетельствовал, опираясь на свой собственный опыт, о том, что по мере вживания в атмосферу Лавры сознание «неутомимо пронизывается мыслью о переκликаx, в самых сокровенных недрах культуры, того, что он видит перед собою, с эллинской античностью». ⁷³ Эти «переκлики» не имели для Флоренского ничего общего с какими-либо внешними ассоциациями, параллелями культурно-исторического порядка или произвольными эстетическими аналогиями; тем более не могло быть речи о каком-либо «поверхностно-случайном подражании античности», но тем отчетливей им ощущалось «веяние музыки ее, которое уподобить можно сходству родового склада, включительно иногда до мельчайших своеобразностей и до интонации и тембра голоса, которое может быть у членов фамилии и *при отсутствии поражающего глаз внешнего сходства* (курсив мой. — В. И.)». ⁷⁴

Сколь мало сходства подмосковная местность имеет с древнегреческими ландшафтами, столь же мало внешнего сходства между Платоном и преподобным Сергием Радонежским, — и, тем не менее, для Флоренского было очевидно метафизическое сродство основателя Троицкой обители с античностью, поскольку «духовный родоначальник Московской Руси воплотил в себе эту эллинскую гармонию совершенной, действительно совершенной, личности». ⁷⁵ Он называл преподобного Сергия «Ангелом-Хранителем России» и считал, что «народная, церковная мысль об ангелах-хранителях весьма близко подходит к философским понятиям», прежде всего к идее (эйдосе) в ее интерпретации Платоном. В этом случае идея является «сверх-эмпирической, выше-земной сущностью». ⁷⁶

Такое понимание трансцендентальной основы человеческой души проливает свет и на автобиографические опыты самого Флоренского, в которых он стремился сквозь эмпирические факты показать просвечивающую сквозь них вневременную природу своей личности, т. е. ее идею

⁷² Флоренский Павел, свящ. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Флоренский Павел, свящ. Сочинения: В 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 353.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 355.

(эйдос). Соответственно, можно предположить, что существует некая предопределенная гармония между такой идеей и теми местностями, в которых она анамнестическим образом находит родственные ей ландшафты, также приобретающие символический смысл. Степень таких соответствий между метафизическими и эмпирическими аспектами биографии зависит от духовного «объема» личности, от степени ее наполненности духовным содержанием («вечным смыслом»).

Собственная связь с античностью была для Флоренского несомненным фактом. В одном из писем к В. В. Розанову он называл себя «последним греком»,⁷⁷ как можно предположить, имея в виду свое внутреннее родство с платоновским мирозерцанием и мироощущением, вытеснявшимися в XX веке из всех сфер человеческой жизни, в том числе и из религиозной, под мощным натиском теоретического и, в еще большей степени, практического материализма.

В случае Флоренского просвечивание вечной индивидуальности сквозь эмпирическую оболочку его личности буквально бросалось в глаза всем, имевшим достаточную сенситивность и чуткость для восприятия идеи в явлении. С. С. Хоружий, основываясь на многих свидетельствах современников Флоренского, писал, что ««эллинское начало» в складе личности о. Павла, во впечатлении, оставляемом этою личностью, отмечали решительно все, кто бы ни говорил и не писал о нем».⁷⁸ При этом спектр суждений об «эллинизме» Флоренского был достаточно широк: от внешних ассоциаций до признания в нем сходства с посвященными в элевзинские мистерии.⁷⁹ Одним из наиболее *зрягих* людей в этом отношении был Сергей Булгаков, которому «духовно виделся в нем (Флоренском. — В. И.) более всего древний эллин, а вместе с тем еще и египтянин; обе духовные стихии он в себе носил, будучи их как бы живым откровением».⁸⁰ Если эллинское начало без труда усматривалось современниками Флоренского, то древнеегипетский слой, более скрытый от поверхностных взоров и только таинственно просвечивающий сквозь эллинистический облик, и по сей день доступен для восприятия лишь немногим.

⁷⁷ Цит. по: Хоружий С. С. Мирозерцание Флоренского. Томск, 1999. С. 49.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ С. А. Волков в своих «Воспоминаниях» писал, что во Флоренском он ощущал «нечто, идущее от древности, от иерофантов Элевзина». Цит. по: Хоружий С. С. Мирозерцание Флоренского. С. 49.

⁸⁰ Булгаков Сергей, свящ. Священник о. Павел Флоренский // Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергием Николаевичем Булгаковым. Томск, 2001. С. 205.

Кроме отца Сергия Булгакова следует упомянуть Андрея Белого, для которого древнеегипетское «напластование» казалось даже более существенным для понимания метафизической сущности (идеи) Флоренского, чем антично-платоновское. Если Булгаков, вслед за Флоренским, склонялся к признанию предсуществования, отвергая его «хронологическую» интерпретацию, то Андрей Белый, кроме того, был убежден еще и в реинкарнации духовного ядра человеческой личности, поэтому в своих воспоминаниях подчеркивал вневременную природу «высшего Я» Флоренского, его метафизическую индивидуальность проходившего через многие реинкарнации. Этим обуславливалось желание Андрея Белого зарисовать портрет Флоренского «египетским контуром»⁸¹ — как стилистически наиболее адекватным энтелехии сергиевопосадского мыслителя.

Встречая Флоренского в среде московских символистов за дружеской беседой, Андрей Белый так воспринимал его, внешне похожего на «мемфисский полубарельеф»: «...может быть, из Атлантиды явился он: поговорить о нарастании в XX столетии египетских смыслов».⁸² Этот пассаж становится понятным, только если учесть антропософское мировоззрение Белого, для которого в XX столетии наблюдалось метаморфозированное повторение ряда элементов древнеегипетской культуры: «Интимное ведение Египта мы носим с собою; его тайны — на улице, где-нибудь между Литейным и Невским, а не <...> в булакском музее; тысячелетия прошлого не вне нас, а — в нас они, с нами».⁸³

О важности анамнестического отношения к Египту говорил также Василий Розанов. В Предисловии к своей книге, знаменательно названной «Возрождающийся Египет» (1917—1918), он напомнил своим читателям о том, что «все народы — дети перед египтянами, а, следовательно, и вся история — египетское дитя. Но *неблагодарные дети забыли об Отце своем* (курсив мой. — В. И.)».⁸⁴ Можно предположить, что подобные темы неоднократно служили предметом бесед Василия Розанова с глубоко чтимым им отцом Павлом, во многом разделявшим взгляды этого парадоксального писателя.

Древнеегипетская тематика в связи с духовным кризисом XX века волновала также и Мережковского, с тревогой отмечавшего всё возрастающее «беспамятство нового человечества». Он противопоставлял этой тенденции древнеегипетскую культуру, в которой хранилась «память

⁸¹ *Белый Андрей*. Начало века. М., 1990. С. 299.

⁸² Там же. С. 302.

⁸³ *Белый Андрей*. На перевале. Берлин; СПб.; М., 1923. С. 17.

⁸⁴ *Розанов В. В. Возрождающийся Египет // Розанов В. В. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 14. М., 2002. С. 7.*

о допотопной и доогненной древности». ⁸⁵ Под «допотопной» древностью он разумел Атлантиду, под «доогненной» — Лемурию, — континент, согласно теософским источникам, в глубочайшей древности располагавшийся между современными Африкой и Австралией.

Впервые гипотеза о существовании этого континента была выдвинута в 1864 году зоологом Филиппом Склейтемом и затем поддержана Эрнстом Геккелем. Говоря об Атлантиде и Лемурии, Мережковский, равно как и ряд других деятелей Серебряного века, опирался не столько на естественнонаучные гипотезы, сколько на эзотерические сообщения Блаватской и Штейнера об исчезнувших из исторической памяти человечества прадревних культурах. «Если в сказании об Атлантиде нет никакого зерна внешней исторической истины, — писал Мережковский, — то зерно истины религиозной, внутренней, в нем все-таки есть... Свет Атлантиды, вот что на дне головокружительно-бездонной Египетской древности — вечности». ⁸⁶

Существование Атлантиды было анамнестическим фактом и для Вячеслава Иванова. Миф об Атлантиде, согласно этому поэту-символисту, «представляется содержащим в себе утраченную историческую правду». ⁸⁷ Признание Атлантиды «для историка культуры связано с мечтательной надеждой добыть в сочетании Платонова мифа с воспоминаниями о всемирном потопе желанное звено, связующее многообразные сходные и вместе с тем разрозненные явления». ⁸⁸

Большой интерес к Атлантиде проявлял также Валерий Брюсов, подведший итог своим изысканиям в работе «Учители учителей» (1917). Уже в ранний период своего творчества он начал работу над поэмой «Атлантида», а позднее задумал трагедию в пяти действиях «Гибель Атлантиды».

Не представлялось Брюсову антиисторичным и признание Лемурии. В первом сонете из «Светоча мысли» Брюсов пишет о Лемурии и Атлантиде как пракультурах, в которых зародилось человеческое мыслящее сознание:

Впервые светоч из священных слов
Зажгли Лемуры, хмурые гиганты;
Его до неба вознесли Атланты.

⁸⁵ Мережковский Д. Тайна трех. М., 1999. С. 52.

⁸⁶ Там же. С. 53.

⁸⁷ Иванов Вячеслав. Древний ужас // Иванов Вячеслав. Собрание сочинений. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 105.

⁸⁸ Там же. С. 96.

Он заблистал для будущих веков,
И с той поры всё пламенной, всё шире
Сияла людям Мысль, как свет в эфире.⁸⁹

Андрей Белый, в отличие от Мережковского и Брюсова, не только использовал данные эзотерических источников, но и вполне разделял историософские и антропологические воззрения Рудольфа Штейнера. Говоря о «пришествии» Флоренского из Атлантиды, он намекал на возможные реинкарнации духовного ядра этой уникальной индивидуальности («высшего Я» — Манаса).

Подобные «генеалогии» писатель-символист выстраивал и для героев своих романов. Так, он выводил инкарнационный ряд главного персонажа романа «Петербург» Николая Аблеухова, в жизни которого просматриваются автобиографические мотивы самого Белого, из времен гибели Атлантиды.⁹⁰ От атлантов писатель вел генеалогию и антигероя своего романа «Москва» Эдуарда Мандро, которому в момент душевного кризиса «вспомнилась ярко»⁹¹ его атлантическая жизнь. «Что вспомнилось? Сон об атланте, не раз уже снившийся, но забывшийся в миг пробуждения».⁹² И у Николая Аблеухова, и у Мандро в Атлантиде, по замыслу Андрея Белого, завязался кармический узел, предопределивший их судьбы в последующих реинкарнациях.

Для самого Флоренского, как и для большинства русских символистов начала XX века, было несомненным существование Атлантиды, в которой он видел колыбель европейской истории и культуры. Особое значение он придавал «седым преданиям египетских жрецов» и свидетельству Платона в диалогах «Тимей» и «Критий». В древнегреческих повествованиях об этом исчезнувшем континенте ему начала «виднеться какая-то забытая правда (курсив мой. — В. И.)»,⁹³ которую надлежит снова пробудить в современном сознании.

В своих исследованиях об истоках европейской культуры и философии Флоренский внимательно рассмотрел все имевшиеся на то время гипотезы о существовании Атлантиды и констатировал «разброд мнений

---

⁸⁹ Брюсов Валерий. Светоч мысли: Венок сонетов // Русский сонет: XVIII — начало XX века / Послесл. и примеч. В. С. Совалина; сост. В. С. Совалина и Л. О. Великановой. М., 1986. С. 286.

⁹⁰ Белый Андрей. Петербург. М., 1981. С. 238.

⁹¹ Белый Андрей. Москва. М., 1989. С. 299.

⁹² Там же.

⁹³ Флоренский Павел, свящ. Первые шаги философии // Флоренский Павел, свящ. Сочинения: В 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 81.

полнейший». Однако это не могло поколебать внутренней — анамнестической по своей природе — уверенности Флоренского в реальности прадревних культур. Как и Андрей Белый, он изучал также «окультиные предания», которые «свидетельствуют о катастрофической гибели даже двух обширных материков» — Лемурии и Атлантиды.⁹⁴ Признавая шаткость многих гипотез, «тем не менее, — писал он, — нельзя не верить легенде. Легенда не ошибается, как ошибаются истории, ибо легенда — это очищенная в горниле времени от всего случайного, просветленная художественно до идеи, возведенная в тип сама действительность».⁹⁵ Подобно Вячеславу Иванову, на Флоренского произвела большое впечатление картина Бакста «Terrore Antiquus», вдохновленная преданием о гибели Атлантиды: он говорил об этом произведении как о «самом значительном, что дала наша историческая живопись последних лет».⁹⁶ Такое оценочное суждение Флоренского симптоматически отражает не столько его вкусовые пристрастия в живописи, сколько потребность в имажинативном выражении собственного анамнестического опыта.

6

Расширение границ памяти явилось одним из характернейших признаков формирования новой духовной культуры в начале XX века. Анамнестические переживания выходили за пределы, поставленные рождением, в сферу «дотелесной жизни»,⁹⁷ а кроме того — смутно связывались с «воспоминаниями» о прежних жизнях (реинкарнациях), хотя наиболее интимное из подобного анамнезиса осталось достоянием лишь узкого круга символистов. Например, анамнестические переживания Александра Блока, поражающие своей конкретностью, отразились в одном письме, в котором он упоминал целый ряд перевоплощений своей жены, но не получили сколько-нибудь существенного выражения в его творчестве. «В прежних столетиях я вспоминаю тебя. Но твое происхождение, — писал он Любови Дмитриевне, — теряется в каких-то глухих тропах времен <...>, следующие твои предки непосредственно касаются астральных об-

⁹⁴ Там же. С. 87.

⁹⁵ Там же. С. 83.

⁹⁶ Там же. С. 84.

⁹⁷ Говоря об анамнестических переживаниях в раннем возрасте, Андрей Белый утверждал: «Вот — первое событие бытия; воспоминание его держит прочно; и — точно описывает; если оно таково (а оно таково), — *дотелесная* жизнь одним краем своим обнажена <...> в факте памяти» (*Белый Андрей*. Котик Летаев // *Белый Андрей*. Собрание сочинений: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака. С. 30).

ластей. И там твои пути уже совершенно скрещиваются с другими — и других цветов и сущностей». ⁹⁸ В этом запутанном мире анамнестических переживаний, уже достигших, по выражению Блока, «астральных областей», он мог только строить догадки, разбираясь в «линиях, цветах и направлениях». ⁹⁹

Чтение таких астральных знаков (шифров), возникавших в глубине сознания, было характерно и для анамнестических опытов Флоренского. Однако, в отличие от Александра Блока, не связывавшего себя никакими догматическими или идеологическими предпосылками, или от Андрея Белого, разделявшего в полной мере антропософские воззрения Рудольфа Штейнера, Флоренский стремился вместить свой опыт в границы, предписанные православному богословию. Уже в своем учении о предсуществовании, опиравшемся на собственный внутренний опыт, он подошел к черте, за которой возникали проблемы, решение которых не предусматривалось в православии со времени императора Юстиниана. В то же время Флоренский не мог отрицать того факта, что его духовная генеалогия необъяснима в границах одного существования, от рождения и до смерти, и явно выходит за ее эмпирические пределы.

С аналогичной проблемой сталкиваются и исследователи мировоззрения Флоренского. С. С. Хоружий пишет, что — и без многочисленных свидетельств современников сергиевопосадского мыслителя — ясно, «насколько определяющими и коренными были эти античные черты его личности, какую первостепенную роль играли они в его собственном самосознании», ¹⁰⁰ но — опять-таки в силу своих собственных антропологических представлений — он не считает возможным дать внятное истолкование этому бесспорному факту. В таком случае остается только признать «сродство с античностью», определявшее жизнь и творчество Флоренского, «тайной лигности, уже ниоткуда не выводимой». ¹⁰¹

Для самого Флоренского, однако, была невозможной агностическая апелляция к неизреченной тайне; его исследовательский ум не мог не пытаться разгадать истоки собственной умпостигаемой структуры, или, говоря в духе Владимира Соловьева, *идеи*, лежащей в основе его эмпирической личности. На этих путях он обратился к изучению генеалогических проблем. Судя по «Воспоминаниям прошлых дней», родители Флоренского намеренно отрезали ребенка от родовой памяти, стремясь создать из семьи «уединенный остров», на котором обитает «новый

⁹⁸ Блок Александр. Письма // Блок Александр. Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 231.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Хоружий С. С. Мироозерцание Флоренского. С. 49.

¹⁰¹ Там же. С. 50.

род». Поэтому уже в раннем детстве Флоренский мучительно испытывал «затрудненность дыхания в безысторической среде».¹⁰² В глубине его души — вначале инстинктивно, а в зрелый период вполне осознанно — жило убеждение в том, что его эмпирическая личность уходит своим корнями в далекое прошлое. «Мне хотелось бы быть в состоянии, — писал отец Павел, — точно определить себе, что именно делал я и где именно находился я в каждый из исторических моментов нашей родины и *всего мира* (курсив мой. — В. И.)».¹⁰³

Сходные анамнестические переживания были характерны и для Николая Бердяева, во многом *противоположного* по своему духовно-душевному укладу и мировоззрению Павлу Флоренскому, но разделявшего с ним характерную для мыслителей Серебряного века потребность в трансцендировании за границы своей эмпирической личности. В своих сочинениях Николай Бердяев неоднократно развивал мысль о связи человека с надындивидуальным прошлым: «Я пережил мир, весь мировой и исторический процесс, все события моего времени как часть моего микрокосма, как мой духовный путь. На мистической глубине всё происшедшее с миром произошло со мной».¹⁰⁴

Логическим выводом из подобного анамнестического опыта было бы признание факта прохождения ядра человеческой личности (высшего Я) через ряд перевоплощений, однако ни Бердяев, ни Флоренский такого вывода не сделали. Бердяев ограничился несколькими философскими аргументами в пользу предсуществования и скупыми намеками на собственные анамнестические опыты, тогда как Флоренский разработал — как приемлемую для него альтернативу — уникальную философию генеалогии, имеющую мало общего с традиционным подходом к генеалогическим материалам. Он представил — хотя, по условиям времени, в эскизном варианте — проект новой философской дисциплины, в основу которой было положено учение Платона об идеях. Задача такой генеалогии, согласно Флоренскому, заключается в том, чтобы «понять род как целое, т. е. как *своеобразную индивидуальность* (курсив мой. — В. И.), черты которой сквозят во всех представителях рода <...> и которая имеет осмысленность, целесообразное расположение отдельных своих элементов».¹⁰⁵ Иными словами, род — это эйдос, как порождающая модель ре-

¹⁰² Флоренский Павел, *свящ.* Детям моим: Воспоминанья прошлых дней. С. 26.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Бердяев Николай. Самопознание. С. 252.

¹⁰⁵ Флоренский Павел, *свящ.* У водоразделов мысли: (Черты конкретной метафизики). Часть четвертая: Имя рода: (История, родословие и наследственность) // Флоренский Павел, *свящ.* Сочинения: В 4 т. М., 2000. Т. 3 (2). С. 47.

лизирующий себя в форме наследственности и организующий временной ряд преходящих индивидуальностей в осмысленное целое. Флоренский применял такой подход не только к изучению «телесной генеалогии», но и к так называемой «генеалогии духовной», имея в виду существование духовного преемства на различных уровнях, прежде всего — философском, сакрально-культовом и духовническом. Между этими двумя полюсами «располагаются другие виды генеалогий, т. е. связи между поколениями в том или ином отношении своего бытия».¹⁰⁶

Создание «телесной генеалогии» отвечало экзистенциальной потребности отца Павла восстановить недостающие ему элементы, связанные с родовой памятью. То, что обычно в дворянских семьях хранилось как генеалогическое древо, полностью и сознательно было ликвидировано родителями Флоренского. «Я рос без прошлого»,¹⁰⁷ — писал он с острым осознанием безвозвратно утраченного семейного предания, с помощью которого было бы возможно объяснить те черты его характера (личности), которые ощущались им как полученные по законам наследственности.

В поисках родовых корней отразился протест Флоренского против нигилистического отношения к собственным предкам. Но достигнуть убедительных результатов на пути обретения родовой памяти, умалчивая при этом о метафизической проблематичности таких поисков, отцу Павлу в полной мере не удалось. Предпринятые им изыскания в лучшем случае проливали некоторый — довольно тусклый — свет на особенности его психосоматической конституции, но не давали никакого ответа на главный вопрос об идее, лежащей в основе его индивидуальности. Генеалогические исследования Флоренского привели его к своего рода спиритуализированному традиционизму, для которого человеческая душа возникает в результате акта зачатия и таким путем, с богословской точки зрения, приобщается к первородному греху прародителей со всеми вытекающими отсюда последствиями. В известном отношении позиция родителей Павла Флоренского, если лишить ее нигилистической окраски, более благоприятна для осознания духовного ядра человека, поскольку родовое сознание — даже в модернизированной и наукообразной форме — является трудно преодолимым препятствием для возникновения свободного самосознания и погружает — вольно или невольно — в архаические и эволюционно изжитые пласты коллективной психики. Внутренне Флоренский с детства — о чем свидетельствуют «Воспоминанья прошлых дней» — сталкивался с такими проявлениями собственной психической жизни, которые соответствовали далеким, исчезнувшим

¹⁰⁶ Флоренский Павел, *свящ.* У водоразделов мысли. С. 46.

¹⁰⁷ Флоренский Павел, *свящ.* Детям моим: Воспоминанья прошлых дней. С. 26.

с исторического горизонта, эпохам и пробуждали потребность в их анамнестическом осмыслении. Этим объясняется его глубокий интерес к крито-микенской культуре, конкретное знание о которой стало возможным только в результате археологических раскопок Артура Эванса, позволивших не только подтвердить мифологическое предание о Лабиринте, но и более обоснованно говорить об Атлантиде как истоке средиземноморских цивилизаций.

Наличие архаических черт в личности и мировоззрении о. Павла Флоренского не осталось незамеченным Бердяевым, считавшим такой архаизм результатом сознательной стилизации. В «Столпе и утверждении Истины» он усматривал лишь «стилизованный архаизм, стилизованный примитивизм». ¹⁰⁸ Не сомневаясь в подлинности религиозных переживаний Флоренского, он ставил ему в упрек «выявление этих переживаний в форме архаического православия». ¹⁰⁹ Но «Воспоминанья прошлых дней» убедительно показывают, что инкриминируемый их автору архаизм был связан с самыми глубокими слоями внутренней жизни Флоренского и не являлся плодом преднамеренной мировоззренческой установки. Оставалось только осмыслить анамнестические переживания Флоренского, необъяснимые ни генеалогическим древом, ни потребностью в стилизации.

Сознавая всю недостаточность телесной генеалогии для познания идеи, лежащей в основе индивидуальной жизни, Флоренский выработал концепцию генеалогии духовной, комплементарно восполняющей односторонность традиционизма. Она основывалась на представлении о «своего рода наследственности», связанной «с передачею характерных черт духовному потомству». ¹¹⁰ На примере православной аскетики Флоренский демонстрировал «непрерывность начала духовной жизни, идущего от духовного предка к его духовному потомству», ¹¹¹ от старца к старцу. Но наиболее значимым для собственной биографии он считал свою причастность к генеалогическому древу платонизма, что особенно отчетливо проявляется в его анамнестических опытах.

Судя по «Воспоминаньям прошлых дней», уже самые ранние переживания указывали в ребенке на предрасположенность к восприятию эйдетической первоосновы мира явлений. Поскольку Флоренский рос в искусственной изоляции от Церкви и приобрел православной традиции

¹⁰⁸ *Бердяев Николай*. Стилизованное православие (Отец Павел Флоренский) // *Бердяев Николай*. Собрание сочинений. Париж, 1989. Т. 3: Типы религиозной мысли в России. С. 544.

¹⁰⁹ Там же. С. 545.

¹¹⁰ *Флоренский Павел, свящ.* У водоразделов мысли. С. 46.

¹¹¹ Там же. С. 46.

в результате сознательного выбора, то как раз платоновские элементы, структурировавшие его внутренний мир без каких-либо внешних влияний, проступают в мемуарах с особенной отчетливостью. Но представляет значительную трудность любая попытка разобраться в конкретном «механизме» приобщения души к подобной наследственности.

Нетрудно согласиться с утверждением Флоренского, что «всякая система мысли, всякое звено в развитии понятия непременно имеет своих родителей (слово подчеркнуто П. Ф. — В. И.), а не возникает из ничего (слово подчеркнуто П. Ф. — В. И.), по прихоти, по желанию их автора»,¹¹² если понимать такую «наследственность» как результат сознательного изучения истории философии. Сложности возникают лишь в том случае, если предпосылки для того или иного определенного типа философствования уже обнаруживаются в раннем детстве в качестве задатков, своего рода зерна, из которого впоследствии произрастает ветвистое древо философской системы. В любом случае очевидно, что такие задатки не имеют ничего общего с наследственностью телесной. Само по себе существование «философских семей» является очевидным фактом для всякого, давшего себе труд проследить историю сложения философских систем. «Философ чувствует себя принадлежащим к философской семье, — писал Бердяев на основании собственного опыта. — И есть разные философские семьи. Например, есть платоновская философская семья, есть кантовская философская семья».¹¹³ Понятие семьи, примененное к истории философии, указывает на существование духовной наследственности, хотя как у Флоренского, так и у Бердяева остается не до конца проясненным вопрос о способах приобщения индивидуальности к тому или иному философскому роду.

7

Гипотезы о телесной и духовной наследственности только частично объясняют биографические и творческие особенности индивидуальности Флоренского. Гораздо больше дают его воспоминания о детстве, демонстрирующие задатки, не связанные с наследственностью. При способности к интроспективно-анамнестическим наблюдениям над собственным внутренним миром они выступают с особой наглядностью. Марсель Пруст, посвятивший свое творчество обретению утраченного времени, в результате подобных наблюдений пришел к выводу о том, что «всё про-

¹¹² Флоренский Павел, *свящ.* У водоразделов мысли. С. 46.

¹¹³ Бердяев Николай. Я и мир объектов // Бердяев Николай. *Философия свободного духа.* М., 1994. С. 239.

текает в нашей жизни, как будто мы в нее вошли с грузом обязательств, принятых на себя в предыдущей жизни». ¹¹⁴ Сами обязательства были «санкционированы» в «другом мире», «совершенно не похожем на этот, мире, который мы покидаем, чтобы родиться на земле, а затем, быть может, вернуться и снова начать жить под властью неизвестных законов». ¹¹⁵ Никаких выводов из подобных наблюдений Марсель Пруст не делал, оставляя открытым вопрос о реальности предсуществования и реинкарнации.

В своих «Воспоминаньях прошлых дней» Флоренский также выступает прежде всего в качестве непредвзятого наблюдателя своей внутренней жизни, стремящегося не только обрести утраченное время, но и заглянуть за его пределы, хотя, в отличие от Марселя Пруста, у него имелось твердое убеждение в реальном существовании сверх-эмпирического «Я». Для Флоренского было переживаемым фактом то, что «эмпирическое “я” отделено от ноуменальных основ “я”». ¹¹⁶ Подлинное «Я» «может возвышаться над условиями эмпирического, и в этом — доказательство высшей, не-эмпирической природы». ¹¹⁷ «Воспоминанья прошлых дней» и представляют собой литературно оформленную иллюстрацию к этой метафизической истине. За исключением Андрея Белого еще никто в мемуарном жанре столь решительно — в акте анамнестического трансцендирования — не переступал границы обычной памяти и не открывал за детскими переживаниями духовное ядро личности, лишь постепенно проявляющее себя в ходе роста психосоматической организации человека.

В русской литературе есть примеры менее удачных попыток анамнестически пересечь черту, отделяющую вечность от времени в собственной жизни, несмотря на степень писательской одаренности. Набоков с ироническим сожалением писал: «Сколько раз я чуть не вывихивал разума, стараясь высмотреть малейший луч личного среди безличной тьмы по оба предела жизни!» ¹¹⁸ Он обозначил младенчество как «пограничную полосу» вечности, ¹¹⁹ за которую ему не было суждено проникнуть. ¹²⁰

¹¹⁴ Пруст Марсель. Пленница / Пер. с фр. Н. М. Любимова. СПб., 1999. С. 219.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Флоренский Павел, свящ. У водоразделов мысли. С. 419.

¹¹⁷ Флоренский Павел, свящ. Столп и утверждение Истины. С. 217.

¹¹⁸ Набоков Владимир. Другие берега // Набоков Владимир. Машенька. Защита Лужина. Приглашение на казнь. Другие берега. М., 1988. С. 365.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Проблеме памяти в творчестве Набокова посвящена книга Б. В. Авенина «Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиогра-

Флоренский в этом отношении обладал неоспоримыми преимуществами благодаря осознанию своей «первичной интуиции», приводившей в соприкосновение с духовным миром в силу врожденных задатков, не обусловленных телесной наследственностью и — более того — находящих в противоборстве с ней, поскольку вся система воспитания в семье Флоренских была прямо направлена на подавление и угашение любого стремления к сверхчувственному миру, преподносившемуся ребенку в форме *сказочности*. «Вопреки *прирожденному сказочному складу всего моего мироустройства* (курсив мой. — В. И.), родители всячески отделяли меня от мира сказок».¹²¹ Целью подобного воспитания было «забронировать доступ мыслям о мире потустороннем».¹²² Флоренский пишет о безжалостном изгнании всего, что в какой-либо степени напоминало о сверхчувственном.¹²³ Делалось это не по злему умыслу, а с полным сознанием необходимости оградить впечатлительного ребенка от таинственных образов волшебных сказок и с раннего детства привить ему представления, находящиеся в полном согласии с основами позитивистского мировоззрения. Над душевной жизнью ребенка, склонного к восприятию мира «как живого и духовного», в результате родительской опеки «образовывалась пленка, преграждавшая свободу дыхания».¹²⁴

Такого рода конфликт, рассмотренный в историко-литературной перспективе, становится принципиально новой темой в повествованиях о детстве. Задатки, привнесенные из дорожденного бытия, подчеркивают духовную природу человека. Напротив, силы наследственности, домашнее воспитание, по большей части, действуют на них негативным образом, угашая память о внетелесном происхождении человеческой души.

«Воспоминанья прошлых дней», наряду с такими произведениями Андрея Белого, как роман «Котик Летаев» и первый том мемуарной трилогии «На рубеже двух столетий», впервые в истории русской литературы дают описание состояний детского сознания, мучительно переживающего контраст между своим внутренним миром, еще не утратившим связь с духовной родиной, и земным бытом, навязываемым внешней средой, уже давно потерявшей знание о реальности сверхчувственного (метафизического) измерения бытия. И Андрей Белый, и Флоренский

фической традиции» (СПб., 2003). В ней также уделено большое место рассмотрению автобиографической прозы Флоренского и Андрея Белого.

¹²¹ Флоренский Павел, *свящ.* Детям моим: Воспоминанья прошлых дней. С. 162.

¹²² Там же.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же. С. 164.

описывают в своих воспоминаниях душевные травмы, полученные детской душой в результате подобного конфликта, с огромным трудом изглаживаемые затем на протяжении всей последующей жизни. «В душевной жизни моей, — писал Флоренский, — образовалась трещина, начало возникать раздвоение, трещина стала расширяться и впоследствии привела к большому кризису».¹²⁵ Оба мемуариста характеризуют своих родителей как прекрасных, образованных, гуманных людей, желавших оградить своих детей от «вредных» влияний на их психику, но именно такие педагогические установки оказали наиболее травмирующее воздействие на души, изначально восприимчивые к воздействию «иных миров». Упомянутая выше «первичная интуиция» Флоренского сводилась к чуткой реакции на «таинственное *высвеживание* действительности иными мирами — просвечивание сквозь действительность иных миров».¹²⁶

Сквозная тема, проходящая через все воспоминания Флоренского о его детстве, свидетельствует о философски обоснованной уверенности автора в ноуменальном ядре собственной личности, осознаваемом вопреки всем неблагоприятным влияниям внешней среды. Отец Павел считал, что платонизм его собственного мировоззрения и мироощущения носил врожденный характер, и признание реальности ноуменов, просвечивающих в явлениях природы, было его убеждением «с раннейшего детства». «Это убеждение стало с того же времени зерном всех других убеждений. Иначе мыслить я не могу, — писал Флоренский, — иной склад мысли отрицается всем моим существом».¹²⁷

У читателя «Воспоминаний» складывается впечатление известной предопределенности всей эйдетической структуры личности Флоренского. Однако насколько четко и ярко обрисованы врожденные способности, проявившиеся впоследствии в создании им сложной религиозно-философской системы, настолько остается без однозначного ответа вопрос об их происхождении из вневременных истоков. Метафизическая структура личности Флоренского предстает в «Воспоминаниях прошлых дней» уже в готовом виде, как если бы она являлась результатом долгой серии реинкарнаций. Все последующие за детством этапы его биографии являются закономерными фазами развития задатков, ее отражающих. Вряд ли в истории литературы найдется другой пример зарисовки детского восприятия мира, в дорефлектированной форме уже запечатленного интуитивным сознанием того, что в явлениях внешнего мира просвечивает мир эйдосов (идей). Столь же врожденным для Флоренского было глу-

¹²⁵ Там же. С. 165.

¹²⁶ Там же. С. 158.

¹²⁷ Там же. С. 155.

бинное отрицание кантианства, ведущего к признанию роковой «разобщенности ноуменов и феноменов».¹²⁸ Хотя в раннем детстве Флоренский, само собой разумеется, не имел и не мог иметь представления о гносеологии Канта, но на уровне интуитивного мироощущения она, по его собственному свидетельству в «Воспоминаньях», «отвергалась всегда всем моим существом».¹²⁹

Обозревая основные вехи своей биографии, Флоренский подчеркивал, что «категории знания и основные философские понятия» сложились в его уме «уже с самого раннего возраста»,¹³⁰ тогда как знакомство с новейшими открытиями в области естествознания лишь затемнили первичную интуицию, связанную с признанием духовных основ бытия. Только в результате постоянно углублявшихся размышлений отец Павел вновь обрел «твердую почву», и тогда ему анамнестически открылось, «что эта твердая почва есть та самая, на которой я (Флоренский. — В. И.) стоял с раннейшего детства <...>. Воистину я ничего нового не узнал, — писал он, — а лишь “припомнил” — да, припомнил ту основу личности, которая сложилась с самого раннего детства или, правильней говоря, была исходным зерном всех духовных произрастаний, начиная с первых проблесков сознания».¹³¹

Сводя анамнестическую проблематику к краткой формуле, Флоренский утверждал, что на протяжении всех этапов его духовного развития он «думал только об одной проблеме, о проблеме СИМВОЛА».¹³² Реальность такого опыта, приводившего к осознанию метафизических истоков собственной личности, которая привнесла в эмпирическую жизнь интуицию, эйдетически структурирующую ход биографии, подтверждается также свидетельствами других символистов начала XX века, признававших врожденный и не зависимый от внешних влияний характер своего мирозерцания. «На вопросы о том, *как* я стал символистом и *когда* стал, — писал Андрей Белый, — по совести отвечаю: *никак не стал, никогда не становился, но всегда был символистом*».¹³³

¹²⁸ Флоренский Павел, *свящ.* Детям моим: Воспоминанья прошлых дней. С. 154.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же. С. 153.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

¹³³ Белый Андрей. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития // Белый Андрей. Символизм как миропонимание / Сост., вступит. ст. и примеч. Л. А. Сугай. М., 1994. С. 418.

Прощание с предметами, или Набоковское в Набокове

Моя жизнь — сплошное прощание
с предметами...

Владимир Набоков.
Памяти Л. И. Шигалева

...живая плоть исполнена теней
или видений <...>
...сладостней всего
уйти из них, не помня ничего.

Ольга Седакова.
Памяти Набокова

Можно условно выделить три подхода к литературе и искусству: чисто теоретический имеет дело с отвлеченными, неодушевленными терминами вроде «жанр», «композиция», «сюжет», «романтизм» и пр.; чисто исторический — с конкретными личностями, с именами собственными: Пушкин, Гоголь, Толстой, Набоков; наконец, эстетический, исходя из имен собственных, выводит их за рамки биографической конкретики и превращает в *обобщающие термины*: «пушкинское», «гоголевское», «толстовское», «набоковское»... Именно это *уникально-универсальное* мы любим, интуитивно узнаем и воспринимаем в произведениях литературы и искусства.

Мне хотелось бы говорить не о Набокове — это лучше сделают специалисты-набоковеды, — но о *набоковском*, как целом пласте русской культуры и ее художественной метафизики. Набоков — индивид; «набоковское» — понятие, которым охватывается множество индивидуальных явлений. Наряду с «пушкинским» и «гоголевским», «толстовским» и «достоевским», оно обладает огромной всепроясняющей емкостью. Разве не кажется нам порой, что «даль свободного романа» и «магический кристалл» — это набоковское в Пушкине? Набоковское есть также у Тургенева, у Бунина, у Мандельштама, у Андрея Белого и Андрея Битова... Есть оно, ко-

нечно, и у самого Набокова, в большей степени, чем у других, отчего этот писатель и представляет особенный интерес для любителей всего набоковского в жизни и в литературе.

Даже в самой заурядной фразе, не притязающей ни на какую образность, рассыпаны набоковские перлы. Например, начало «Весны в Фиальте» (рассказа и одноименного сборника): «Весна в Фиальте облачна и скучна». Здесь чувствуется особый жемчужный оттенок набоковской весны и ее прелестная осенняя вялость. Фиалковый цвет в сочетании с облачностью — какая тонкая гамма серо-жемчужных тонов, бледно-рассеянный свет имени, отраженного в эпитете («Фиальта» — «облачная»)! А что за чудное сочетание: «весна... скучна» — этим эпитетом, точно успокаивающим жестом, снимается напряженная и почти болезненная энергетика весны, заряженная к тому же экзотическим этнонимом «Фиальта»! И, конечно, два эпитета не встали бы рядом, если бы не звонко-приглушенная, точно прогулка по тающему снегу, переключка суффиксальных «чн». «Весна в Фиальте облачна и скучна» — в каком влажном, прозрачном, сквозящем, *по-набоковски* весеннем мире мы вдруг оказываемся благодаря тому, что одна определенность, наслаиваясь на другую, проступает сквозь нее. (Фиальта тает в облаке, весна — в скуке.) И вот уже мир полнится прозрачным присутствием чего-то другого, чему нет следа и именованья.

Если бы Набоков был певцом этого *иного*, мы бы, пожалуй, имели дело с метафизиком, визионером, напирющим отчаянно на некий смысл *нам с вами* понятных слов. Но стиль Набокова лишен этого силового поля *сверхзнагимости*, которое объединяет мистика и идеолога, символиста и соцреалиста. Стиль Набокова всё время держит вещь как бы на грани присутствия — куда-то она клонится, кренится, почти исчезая и посылая напоследок какой-то размытый отблеск. Кажется, что сама фамилия «Набоков» содержит формулу его стиля, передает магию этого клонящегося, скошенного движения: не впрямую, а н а б о к, как лучи при закате. Так в сумме всех набоковских произведений вырастает «*набоководицея*» — оправдание этого волшебного фамильного имени. Ведь имя есть как бы первое и главное слово, изрекаемое о писателе и ему предназначенное, задающее путь его собственному слову.

Писатель не подражает природе, а вторит собственному имени, бесконечно множа его подобию, смыслы, корневые значения, образы. Стиль писателя — это его имя:

— легкое у Пушкина — летит, как «пух из уст Эола» («легкое, веселое имя» — А. Блок);

— дразняще-удвоенное у Гоголя — зеркальная магия и абсурд самоповтора (ср. «Акакий Акакиевич, «Чичиков», «Бобчинский-Добчинский»);

- некрасивое, неприукрашенное, голо-прозаическое у Некрасова;
- громоздкое, неповоротливое, «матерое» у Толстого;
- нервно-рефлективное, озабоченное человеческим достоинством у Достоевского;
- певчее, мелодическое, переливчато-гармоническое у Вл. Соловьева;
- зачехленное, сдержанное, как бы ушедшее в подтекст у Чехова;
- сумрачно-неподвижное, облеченное в рыцарские латы у Блока;
- осенне-ясное у Есенина;
- сигнально-призывное, маячащее у Маяковского...

...Шипенье пенистых бокалов

И пунша пламень голубой.

(«Медный всадник»)

Часто восхищаются этой звукописью у Пушкина, но нельзя не заметить здесь и *имяпись*: имя «Пушкин», сочетание букв «п-ш-н» вписано и в «шипенье», и в «пунш», отдается и в других словах — «пенистый», «пламень», «голубой».

Чувство слова у писателя зарождается — быть может, в раннем детстве — со звука собственного имени, которое затем превращается в систему стиливых средств, охватывающих мироздание. Имя — сверхслово, которое находит отзвук во множестве других слов, ведет к переименованию вещей, чтобы они отдавались эхом, чтобы весь язык резонировал в лад с именем самого именователя. Именно потому, что писатель — властелин имен, он пишет прежде всего «во имя свое», закликает мир звуком своего волшебного имени. Цель — доказать, что этим именем может быть названа вселенная.¹

Набоков ясно определил угол этого «бокового» видения в романе «Дар». Главный герой Федор Годунов-Чердынцев пишет биографию Н. Г. Чернышевского, где очерчивает его прямолинейный, плебейский ум, способный рассматривать вещи только в упор. Между тем настоящий художник всегда видит мир чуть наискосок, не прямо, в косвенных падежах: «Как и слова, вещи имеют свои падежи. Чернышевский всё видел в именительном. Между тем всякое подлинно новое веяние есть ход коня, перемена теней, сдвиг, смещающий зеркало».

Я приведу несколько фраз из Набокова — с тем, чтобы в них могла обнаружиться эта скошенность и наклонность его взгляда, нечто неотвратимо *набоковское*.

---

¹ Можно предложить способ экспериментальной проверки этой гипотезы: подсчитать частоту употребления букв «п», «ш», «к», «н» у Пушкина или «н», «б», «к», «в» у Набокова и сопоставить со средней частотой употребления этих же букв по русскому языку в целом. В компьютерный век такая проверка не должна занять много времени.

Далеко, в бледном просвете, в неровной раме седоватых домов, с трудом поднявшихся с колен и ощупью ищущих опоры... («Весна в Фиальте»).

Иногда, где-нибудь, среди общего разговора упоминалось ее имя, и она сбегала по ступеням чьей-то фразы, не оборачиваясь (Там же).

И как сквозь медузу проходит свет воды и каждое ее колебание, так всё проникало через него, и ощущение этой текучести преображалось в подобие ясновидения: лежа плашмя на кушетке, относимой вбок течением тени, он вместе с тем сопутствовал далеким прохожим... («Тяжелый дым»).

Казалось бы, всё это о разном — но читатель, любящий Набокова, шестым чувством постигает особый, всегда наклонный, *на-бок-овский* ракурс этого мира: сбегает ли женщина по ступенькам чужой фразы, или дома с трудом поднимаются с колен, или сквозит в стеклах прислон стула, или человека относит вбок течение чьих-то теней... Далеко не всегда этот наклон именно пространственный, он может быть световым, слуховым, психологическим, ситуативным. Да и вообще представлять частный случай такого смещения, когда вещь выводится в боковую плоскость — в чем-то отражается или отбрасывает свой отблеск — и незаметно ускользает, оставляя ощущение мимо проскользнувшего призрака. Набоков виртуозен и последователен именно в таком пересечении разных проекций предмета, которые постепенно перетасовывают и сводят на нет объем его существования.

Вчитаемся хотя бы в одну фразу из рассказа «Тяжелый дым»... Кстати, сама поэтика набоковских названий заслуживает отдельного изучения. «Тяжелый дым» или «Бледный огонь» — в этих названиях значение одного слова стирается значением другого. «Дым» — «тяжелый», и вот он уже оседает к земле, пока поднимается к небу, и два струящихся потока: вверх и вниз — держат его в колеблющейся середине, точнее, в движении куда-то вбок, словно его относит в сторону: у этого тяжелого дыма — ковыляющая походка. Подобные набоковские названия — прибавим к ним и «Смех в темноте», и «Камера обскура» — это не оксюмороны типа «горячий снег», где в лоб сталкиваются противоположности. В них не сшибка, а смещение, наклон; исходный признак («огонь») снимается не противопоставлением, а переходом в полубытие, на грань небытия («бледный»). Предмет накрывается — и удерживается на самом краю, сгибе, сломе, точно наудачу брошенная монета — орел или решка? — вдруг встала бы, подрагивая, на самое ребро...

И этот же крен — в синтаксических сцеплениях, лексических звеньях:

Из глубины соседней гостиной, отделенной от его комнаты раздвижными дверьми (сквозь слепое, зыбкое стекло которых горел рассыпанный по зыби блеск тамошней лампы, а пониже сквозил, как в глубокой воде, расплывчато-темный прислон стула, ставимого так ввиду поползновения дверей медленно, с содроганиями, разъезжаться), слышался по временам невнятный, малословный разговор («Тяжелый дым»).

В одном этом предложении — едва ли не десяток приемов самостира-ния, и скобки, после которых фраза с трудом восстанавливается, есть графический эквивалент описанных в них разъезжающихся дверей, которым она посвящена (попробуй-ка поймать растопоренными руками сразу обе половины — фразы и двери). Такие скобки есть лишь один из приемов опрозрачить фразу и свести ее предметность к минимуму, к совокупности мнимостей. Каждая вещь являет себя по мере исчезновения, как бы напоследок, на грани пропажи или гибели.

Гостиная (о которой речь) отделена от комнаты (откуда автор ведет наблюдение вместе с героем) стеклянными дверями.

Стекло в дверях — «слепое», «зыбкое», не пропускает, но отбрасывает свет.

Свет лампы также рассыпается, отсвечивает зыбью.

Пониже от этого размытого пятна сквозит отражение стула.

И не стула, а особого прислона его, особого поворота, наборк, к чему-то другому.

И сам этот прислон — расплывчато-темный.

И отражен он как будто в текущей воде.

И стоит этот стул поперек дверей (что-то всё время стоит поперек чему-то, искривляет линию движения или взгляда).

И сами эти двери имеют свойство куда-то в разные стороны разбежаться — ускользать от самих себя.

Да и разговор, который доносится из гостиной, слышится лишь по временам, так же «разъезжаясь», как двери.

И сам по себе разговор этот невнятный, с пропуском смысла и слов.

Я насчитал в одной фразе одиннадцать сбивов, наплывов, размывов — как неких единиц набокковского стиливого мышления; может быть, внимательный читатель обнаружит больше. Чего достигает подобная фраза в отношении к реальности? Ирреализует ее. Каждая вещь словесным наплывом куда-то отодвигается в сторону, сглаживается в другой вещи, и мир, оставаясь подробно описанным, магически исчезает по мере своего описания.

Приведу начало поэмы Джона Шейда из романа «Бледный огонь»:

Я тень, я свиристель, убитый влет
Подложной синью, взятой в переплет
Окна; комочек пепла, легкий прах,
Порхнувший в отраженных небесах.²

У набоковского героя-поэта в какой-то мере даже сгущаются стилиевые особенности самого Набокова. «Я», самое достоверное, что у меня есть, определяется как тень, отброшенная уже не существующей птицей, которая была убита опять-таки мнимостью, подложной синью стекла. Реальность обнаруживает в себе двойную, тройную, бесконечно множимую иллюзию. Что может быть более невесомого и призрачного, чем прах, к тому же похожий на пепел, — но и здесь берется лишь комочек этого праха, тень тени, небытие небытия. И небо, в котором живет «я» после своей смерти, — само лишь стеклянное отражение. Можно было бы кристально ясными семиотическими минус-единицами — «ирреалиями» — исчислять меру набоковской призрачности. Подробности, по мере перечисления, не прибавляются к этому миру, а как будто вычитаются из него.

Что остается — отвечает сам Набоков: «мнимая перспектива, графический мираж, обольстительный своей призрачностью и пустынностью». Не страшный, как у Гоголя, своей мертвенностью, а «обольстительный своей призрачностью». Если гоголевская деталь *подчеркнута* и обведена в своей абсурдной, «торчащей» вещности (например, колесо в зачине «Мертвых душ»), то набоковская, напротив, перечеркнута — косым, стремительным жестом, вслед за которым отлетает в сторону, превращаясь в часть миража. Набоковский стиль — мягкий ластик, стирающий очертания предметов, чтобы определеннее выступила фактура отсутствующей реальности или чистого листа, на котором работает автор. Я бы сказал, что это стиль отслеживания, череда тающих следов-отражений, и чем дальше движется фраза в своей самостирающейся логике, тем полнее объем исчезающей вещи, покинутое и отслеженное ею пространство.

Последний пример:

Косо лоснились полотна широких картин, полные грозовых облаков, среди которых плавали в синих и розовых ризах нежные идолы религиозной живописи, и всё это разрешалось внезапным волнением туманных завес... («Посещение музея»).

Полотна «косо лоснятся» (через это повторное «ос» смещается ось взгляда) и вместе с тем они полны грозовых облаков, то есть размыты

---

² Перевод с английского Сергея Ильина и Александры Глебовской.

одновременно изнутри и снаружи, переходя в свет изображаемой облачности и лоск отраженного от них света. Реальность самого полотна теряется в этих двух встречных отсвечиваниях, а дальше за ней обнаруживается нечто еще более расплывчатое даже по сравнению с облаками — нежные идолы, плавающие облаченными в нежного же цвета ризы. Причем «всё это разрешалось *внезапным волнением туманных завес*». Может быть, это не лучшая набоксовская фраза, но одна из самых набоксовских: все четыре слова означают примерно одно и то же: «внезапный» — наплыв во времени, «волнение» — в пространстве, «туманный» — в освещении, «завесы» — вещная ткань наплыва, и всё это — разные способы обозначить расплывание и стирание самой вещиности.

Л. Толстой говорил, что в искусстве самое главное — это «чуть-чуть». Не потому ли Набоков воспринимается как образец и наставник чистого искусства? Его редкостное, единственное в русской литературе чутье распространяется до крайних пределов этого «чуть-чуть», которое призывает нас — волею самого слова, родственного «чутью», — *взвутьствоваться* в то, чему предшествует, с чем сочетается: чуть-чуть запаха, чуть-чуть веяния, чуть-чуть присутствия в этом мире. Отсюда и подчеркнутая неприязнь Набокова не просто к идеологическим задачам, но вообще к крупноблочным конструкциям в искусстве: социальным, филантропическим, психоаналитическим, религиозно-миссионерским...

Литература, по Набокову, не должна брать на себя слишком много, ибо ее вечная любовь — малое и слабое, зыбкость мира, теряющего одну черту за другой по мере образного их воплощения и перечеркивания летящим, наклонным набоксовским почерком. Всякая идея, как образец прямоты и однозначности, с высоты всеобщности озирает бытие — вот почему идеям не место в этом изнемогающем, клонящемся мире.

Набоков — гений исчезновений, не просто «гроссмейстер Набоков», как назвал его Джон Апдайк в своей известной статье, но великий мастер *эндшпиля*. В этом удивительная и незаменимая сопричастность Набокова русской культуре, которая есть по преимуществу культура конца, эсхатологии, прозрения в последнюю тайну и завершение всех вещей (из этой глубины всплывают темы: Набоков и Владимир Соловьев, Набоков и Бердяев, Набоков и Апокалипсис, Набоков и революция). Россия не часто удивляла мир открытиями, не часто полагала основание какой-то положительной новизны, на что сетовал в свое время Чаадаев: «Ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды...».³ Однако этот недостаток «оригинальности» (в буквальном смысле — начала, происхождения) не есть ли предпосылка иного искусства — приводить к фина-

³ Чаадаев П. Я. Избранные сочинения и письма. М., 1989. С. 32.

лу? Не умея начинать, Россия словно бы находила свое призвание в завершении тех начал, которые так или иначе полагались ей извне, от «варяг» и «греков». Всё иноземное, попадая в Россию, постепенно сводится на нет и клонится к небытию, становится призрачным и пустынным. Сама природа умиляет здесь своей увядающей, *прощальной* красотой (пушкинской в набоковском смысле). Если взглянуть через набоковскую призму, то любая вещь в России — это прощание с вещью, цивилизация — прощание с цивилизацией, жизнь — прощание с жизнью. Это не означает: пустота, варварство или смерть, потому что противоположное имеет свою определенность, «идентичность», столь противную дару Набокова. Но остановимся на этом прощании, которое долго смотрит бытию вслед, не отворачиваясь даже тогда, когда оно исчезает в набоковской вечеряющей дымке. Ответ тем, кто считает Набокова слишком западным, недостаточно русским: где еще вещи так рассеиваются необратимо и призрачно, как в России, как она сама?

Набоковское — это искусство прощания. Поэтому теперь, когда мы, так и не начиная ничего нового, вновь в который раз бесконечно долго прощаемся со своим прошлым, Набоков подсказывает нам необходимые слова, переводящие развоплощение реальности в поэтическое измерение. «Всё было как полагается: серый цвет, сон вещества, обеспредметившаяся предметность». Так написано в рассказе «Посещение музея». А бесконечным этим музеем, собранием засыпающих и всё более потусторонних вещей, для набоковского героя, как известно, оказалась Россия.

Предположительно посвящается

(Мандельштам и Ахматова

в 1917—1918 годах)

По убеждению многих исследователей, Мандельштам посвятил Ахматовой шесть стихотворений 1917—1918 гг.: «Когда на площадях и в тишине келейной», «Кассандре», «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа», «Твое чудесное произношенье», «Что поют часы-кузнечик», «Телефон» — почти половину стихов революционного периода. Это убеждение нашло свое выражение, например, в фундаментальных комментариях А. Д. Михайлова и П. М. Нерлера к двухтомнику Мандельштама 1990 г.,¹ где означенные стихи, со ссылками на саму Ахматову и на такого известного исследователя ее творчества, как Р. Тименчик, снабжены однозначной справкой: «обращено к Ахматовой», или, в некоторых случаях: «предположительно обращено к Ахматовой».

Мне представляется, что главным источником такого убеждения являются замечания самой Анны Андреевны, прежде всего, в ее известном мемуарном тексте «Листки из дневника»:

К этому времени относятся все обращенные ко мне стихи: «Я не искал в цветущие мгновенья» («Кассандре») (декабрь 1917 года), «Твое чудесное произношенье»...

Для подкрепления версии об обращении к ней в этих стихах Ахматова сообщает о своих частых встречах с Мандельштамом в тот период:

---

¹ Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 480—482.

Особенно часто я встречалась с Мандельштамом в 1917—18 гг., когда жила на Выборгской у Срезневских... Мандельштам часто заходил за мной, и мы ехали на извозчике по невероятным ухабам революционной зимы среди знаменитых костров, которые горели чуть ли не до мая, слушая неизвестно откуда несущуюся ружейную трескотню. Так мы ездили на выступления в Академию художеств, где происходили вечера в пользу раненых и где мы оба несколько раз выступали. Был со мной О. Э. на концерте Бутумо-Незвановой в консерватории, где она пела Шуберта (см. «Нам пели Шуберта...»)²

Мандельштам эти стихи посвящениями не отмечает и ничего о таких не сообщает. Ему вообще несвойственна «адресная» поэзия («Я не знаю того, с кем я говорю, и не желаю, не могу желать его знать»)³ Он — поэт одинокого голоса. Голос — жизнь, голос — птица. Его поэзия не повествует о жизни, а поет о ней. И для него именно конкретность обращения отделяет «литературу», с ее поучительностью, от поэзии:

Литератор всегда обращается к конкретному слушателю, живому представителю эпохи. <...> Литератор обязан быть «выше», «превосходнее» общества. Поучение — нерв литературы. Поэтому для литератора необходим пьедестал. Другое дело поэзия. Поэт связан только с провиденциальным собеседником.⁴

Нельзя, конечно, сказать, что у Мандельштама вообще не было посвящений или что он никогда в своих стихах ни к кому конкретно не обращался. Но возможно ли обращение к Ахматовой именно в названных стихотворениях? Чтобы это выяснить, рассмотрим контекст этих стихов.

Время было революционное — и воспринималось Мандельштамом апокалиптически: на глазах рушилась петербургская цивилизация, и это было не только исчезновение «среды обитания», но и крах личных усилий и стремлений утвердить свою принадлежность к этой цивилизации.

Стихотворение «Петрополь» (май 1916 г.) Надежда Мандельштам определяет как «первый приступ эсхатологических предчувствий».⁵

В Петрополе прозрачном мы умрем,
Где властвует над нами Прозерпина.

² <http://www.akhmatova.org/proza/mandel.htm>.

³ *Мандельштам О.* Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 149.

⁴ Там же.

⁵ *Мандельштам Н.* Вторая книга. Париж, 1978. С. 121.

Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем,
И каждый час нам смертная година.⁶

И тут же подчеркивается личный мотив этих предчувствий: «Здесь речь идет о собственной смерти, вместе со всеми, кого он называл “мы”». ⁷ Именно это я хочу отметить и подчеркнуть: ворвавшаяся в творчество поэта эсхатологическая тема окрашена в цвета личной трагедии и собственной смерти.

Надежда Мандельштам добавляет в упомянутом тексте: «Мандельштам <...> всегда остро чувствовал смерть — она как бы всегда присутствовала в его жизни». Самоубийство было в воздухе эпохи, декадентское «изнеможение в крови» питало апокалиптические пророчества. У Зинаиды Гиппиус есть статья «Тоска по смерти» (1906), где эта всеобщая тоска становится «предчувствием гражданской войны»:

Это один из самых ярких признаков безумия, заражающего,
повального — неудержимое тяготение к смерти. Любовь к смерти,
влюбленность в смерть...⁸

Как это похоже на Мандельштамовы строки:

Пусть говорят: любовь крылата, —
Смерть окрыленнее стократ.
Еще душа борьбой объята,
А наши губы к ней летят!

В «Шуме времени» (1923) он напишет о времени первой революции: «Кругом перебегали странные токи — от жажды самоубийства до чаяния всемирного потопа». ⁹ А в эпоху второй, великой, революции темы гибели мира и личной смерти — действительно центральные для Мандельштама. И если именно тогда, *когда взрвали реки времен обманных и глухих и время повернуло вспять*, в состоянии глубокой душевной тревоги,

---

⁶ Созвучно видениям Зинаиды Гиппиус в «Истории моего дневника» (1920): «Я следила, как умирал старый дворец, на краткое время воскресший для новой жизни, — я видела, как умирал город... Да, целый город, Петербург, созданный Петром и воспетый Пушкиным, милый, строгий и страшный город — он умирал...» (<http://gippius.com/doc/memory/chjornayanzhka.html>).

⁷ Мандельштам Н. Вторая книга. С. 121.

⁸ <http://gippius.com/doc/articles/toska-po-smerti.html>.

⁹ Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 40.

он создает большую группу стихотворений, обращенных к женщине, эта женщина должна была в этот период играть исключительную роль в его жизни, быть связанной с этой тревогой.

Никто из исследователей не предполагает романа между поэтами. В уже упомянутых «Листках из дневника» сказано:

После некоторых колебаний решаюсь вспомнить в этих записках, что мне пришлось объяснить Осипу, что нам не следует так часто встречаться, это может дать людям материал для превратного толкования наших отношений. После того, примерно в марте (1918 года. — *Н. В.*), Мандельштам исчез. <...> Он неожиданно грозно обиделся на меня.¹⁰

Надежда Яковлевна это подтверждает:

Я понимаю обиду Мандельштама, когда <...> Ахматова вдруг упростила отношения в стиле «мальчика очень жаль» и профилактически отстранила его.¹¹

В дневнике Павла Лукницкого есть и пояснение:

Было время, когда О. Мандельштам сильно ухаживал за нею. (*А. А.*): Он был мне физически неприятен, я не могла, например, когда он целовал мне руку.¹²

На роман не похоже. А если судить по стихам Ахматовой революционного периода (1917—1918 гг.), то становится ясно, что все ее чувства тогда были заняты неизлечимой влюбленностью в Бориса Анрепа, блестящего офицера («И шпор твоих легоньких звон»), донжуана, художника и поэта, и большинство стихов этого периода посвящены его ветрености и болезненной для нее разлуке с любимым. Приведу несколько характерных строк посвященных Анрепу стихотворений: «Где ты, ласковый жених?»; «Ты — отступник...»; «...предчувствуя свиданье / С тем, кто стал моей звездой...»; «Когда о горькой гибели моей / Весть поздняя его коснется слуха...»; «Пленник чужой! Мне чужого не надо, / Я и своих-то устала считать...»; «Ты меня совсем не любишь, / Не полюбишь никогда»; «И ты ушел...»; «И вот одна осталась я / Считать пустые дни...»; «Ты мог бы мне сниться и реже ». И так далее, и тому подобное.

¹⁰ <http://www.akhmatova.org/proza/mandel.htm>.

¹¹ *Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 280.

¹² *Лекманов О. А.* Осип Мандельштам. М., 2009. С. 100.

Конечно, стихи о любви, и не только о любви, пишутся и «в одностороннем порядке», а поэт может написать поэту или посвятить ему стихи, даже если они незнакомы, даже если между ними сотни разъединяющих верст или сотни лет.

Может быть, между Мандельштамом и Ахматовой имело место какое-то особенное духовное единение?

Известно, однако, что их литературные отношения изначально характеризовались определенной напряженностью. Так, Т. В. Цивьян в статье «Мандельштам и Ахматова: к теме диалога», в целом апологетической по отношению к дружбе двух поэтов, отмечает:

Запись в дневнике Лукницкого от 6 ноября 1927 г.: «После ухода Мандельштамов А. А. говорила со мной и сделала характеристику их отношений. Мандельштам не любит А. А. Не любит и ее стихов (об этом он говорит всегда и всюду), и об этом он написал в статье — в журнале “Искусство”...».¹³

Ахматова в тот период не посвятила Мандельштаму ни одного стихотворения и ничего о нем не писала. Стихотворение «И над ними склонюсь, как над чашей», как и несколько страниц в упомянутых «Листках из дневника», написаны уже на склоне жизни (в 1957 г. и в 1963 г. соответственно), когда возникла необходимость выстроить свою иерархическую структуру на русском поэтическом Олимпе.

Мандельштам писал об Ахматовой, но определял свое отношение к ее творчеству без излишнего пиетета. В 1923 г., в статье «Буря и натиск», он говорит о ней довольно жестоко: «Анненский до сих пор не дошел до русского читателя и известен лишь по вульгаризации его методов Ахматовой». Ахматова для него — «вчерашний день» — легко усваиваемая поэзия, отгороженный курятник, уютный закуток, где кудахчут и топчутся домашние птицы. Это не работа над словом, а скорее отдых от слова».¹⁴

Часто цитируют его едкое замечание о «паркетном столпничестве»: «Но символисты по крайней мере были аскеты, подвижники. Они стояли на колодах. Ахматова же стоит на паркетине — это уже паркетное столпничество».

Как вспоминала Н. Я. Мандельштам, после этого едкий критик «опасался встречи» с Ахматовой. Когда они пришли к ней в конце 1923 г., та «спросила Мандельштама про стихи и сказала: “Читайте вы первый — я люблю ваши стихи больше, чем вы мои”».¹⁵

---

¹³ <http://silver-age.info/mandelshtam-i-axmatova-k-teme-dialoga/0/>.

¹⁴ Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 287.

¹⁵ Тименгик Р. Доклад «Ахматова и Мандельштам» (<http://www.nowpol.ru/index.php?id=1581>).

В апологетических статьях об Ахматовой приводят другое, «положительное», высказывание Мандельштама, сделанное в статье «О современной поэзии»:

В последних стихах Ахматовой произошел перелом к гиератической важности, религиозной простоте и торжественности: я бы сказал, после женщины настал черед жены. <...> Голос отречения крепнет всё более и более в стихах Ахматовой, и в настоящее время ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России.¹⁶

Но цветистость этих славословий («гиератическая важность» и «религиозная торжественность» — тавтология) заставляет подозревать неискренность автора, объяснимую, быть может, цеховой солидарностью акмеистов в тот период (статья написана в 1916 г.). И потом: от чего поэта «отрекается» с гиератической важностью? От земной юдоли, как заправская декадентка? Есть тут какая-то ироническая нотка...

Возьму на себя смелость утверждать, что как поэт Ахматова была чужда Мандельштаму, хотя в определенный период они, объединяемые Гумилевым, «работали в одной команде». В статье «Письмо о русской поэзии» (1922) он напишет: «Генезис Ахматовой весь лежит в русской прозе, а не поэзии».¹⁷ Т. В. Цивьян упоминает в своей статье мнение Мандельштама «о наивных и слабых в техническом отношении стихах жены Гумилева».

Если же говорить об идейной близости, об общем понимании и созвучном переживании происходящих событий, то и этого не было. Мандельштам в революционный период близок скорее к Мережковским, о чем я писал в анализе стихотворения «Кассандре»,¹⁸ построенного как диалог с Гиппиус, а не с Ахматовой (с кругом Мережковских связаны и стихи «Среди священников левитом молодым...», и «Кто знает, может быть, не хватит мне свечи»; все — 1917 года). Как и для Гиппиус, революция была для Мандельштама апокалиптическим нашествием варваров, «скифским праздником» (ср. у Гиппиус — стая «серых обезьян»: «Ночная стая свищет, рыщет, / Лед по Неве кровав и пьян...»). И почти все стихотворения Мандельштама в этот период — о революции.

Ахматова написала в 1917 г. только одно стихотворение о революции, «Когда в тоске самоубийства...».¹⁹ И в нем совсем иная тональ-

¹⁶ Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 260.

¹⁷ Там же. С. 266.

¹⁸ Вайман Н. «Кассандра» // Вопросы литературы. 2013. № 6. С. 99–110.

¹⁹ О датировке стихотворения и обстоятельствах его написания см. статью Е. В. Ивановой: <http://www.akhmatova.org/articles/articles.php?id=211>.

ность — не катастрофы, а смуты: народ ждет «гостей немецких», и Петербург характерно назван «опьяневшей блудницей», не знающей кому отдаться («не знала, кто берет ее»), да и главная тема стихотворения — верность родине в час ее тяжких испытаний, то есть своего рода принятие революции («Но равнодушно и спокойно / Руками я замкнула слух, / Чтоб этой речью недостойной / Не осквернился скорбный дух»). В этой подчеркнутой верности звучит глубокая обида на «отступника» Анрепа (именно ему посвящено стихотворение), после февральских событий окончательно покинувшего и Ахматову, и Россию.²⁰

А как Мандельштаму виделся ее облик?

У него есть несколько бесспорных посвящений Ахматовой, и одно стихотворение 1914 года озаглавлено ее именем:

Ахматова

Вполоборота, о печаль,
На равнодушных поглядела.
Спадая с плеч, окаменела
Ложноклассическая шаль.

Зловещий голос — горький хмель —
Души расковывает недра:
Так — негодующая Федра —
Стояла некогда Рашель.

(1914)

Портрет скорее пугающий: тут и «печаль», и «зловещий голос», и даже сравнение с Федрой, причем негодующей.²¹ Однако в этих мрачных штрихах — нечто театральное, трудно не заметить иронию: «ложноклассическая шаль»...²²

²⁰ О том, что стихотворение посвящено Анрепу, писали Жирмунский и Лукницкий. У него есть продолжение: *Ты отступник... За остров зеленый / Отдал, отдал родную страну, / Наши песни, и наши иконы, / И над озером тихим сосну...* (см. статью Е. В. Ивановой).

²¹ Федра — популярный у символистов и важный для Мандельштама образ «черной страсти» (мачехи, обезумевшей от незаконной страсти к пасынку).

²² Не без иронии воспринимал Ахматову и Александр Блок:

«Красота страшна» — Вам скажут, —
Вы накинете лениво

В другом стихотворении 1914 года она — «черный ангел» («Как черный ангел на снегу / Ты показалась мне сегодня...»), и ланиты ее — «не краснеющие», то есть она бледна как смерть. Эти стихи (как и стихи Блока «Красота страшна...») вызвали раздражение Ахматовой. В «Листках из дневника» она называет стихотворение сначала «не очень удачным», а потом «слабым и невнятным».

Но не стоит воспринимать всерьез это нагнетание мрачных красок (уж больно зловещая возникает картина!), это больше похоже на дань декадентской риторике в стиле «женщина и смерть», популярной в искусстве *модерна* — *art nouveau* вообще и в русском символизме в частности. И этот мотив Мандельштаму близок. Можно сказать, что женщина для него — повод поговорить о смерти: «Есть женщины, сырой земле родные» (посвящено Н. Штемпель); «И твердые ласточки круглых бровей / Из гроба ко мне прилетели» (Ольге Ваксель); «И сам себя несу я, / Как жертву палачу» (Ольге Арбениной-Гильдебрандт). И, конечно, он был человеком культуры модерна, не зря и акмеистов называл «младшими символистами» (статья «Буря и натиск»). «Живая линия меняется, как лебедь...».²³ Это строка *ар-нуво*. И таких завитков в его поэтике много. Например, «Соломинка» — явно с элементами *ар-нуво*, не случайно — по мотивам Эдгара По. В этом парном стихотворении любовь и смерть образуют нежную пару — и нежность у Мандельштама «стигийская», то есть связана со смертью.

Соломка звонкая, соломинка сухая,
Всю смерть ты выпила и сделалась нежней.

Речь идет о ночи и кровати, но при этом вовсе не о любви, а о смерти:

Мерцают в зеркале подушки, чуть белея,
И в круглом омуте кровать отражена.

Нет, не соломинка в торжественном атласе,
В огромной комнате над черною Невой,

Шаль испанскую на плечи,
Красный розан — в волосах.

(1913)

Та же шаль, только антураж не «ложноклассический», а «испанский», да еще карикатурный «красный розан в волосах», который Анне Андреевне очень не понравился. В своих «Воспоминаниях об Александре Блоке» она пишет: «У меня никогда не было испанской шали, в которой я там изображена... Я и красной розы, разумеется, никогда в волосах не носила».

²³ Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 298.

Двенадцать месяцев поют о смертном часе,
Струится в воздухе лед бледно-голубой.

И навязчиво повторяется: «Нет, не соломинка — Лигейя, умира-
нье...».

Смерть и любовь у Мандельштама, тяжесть и нежность, переплетаются, как шеи птиц и стебли цветов на картинах «нового искусства»: «В медленном круговороте тяжелые нежные розы, / Розы тяжесть и нежность в двойные венки заплела». В эту поэтику вписывается декадентский образ Ахматовой как роковой женщины, несущей мужчинам гибель. У Гумилева она колдунья («Я взял не жену, а колдунью»), у М. Кузмина — ворожея («Ворожея, жестоко точишь жало / Отравленного, тонкого кинжала!»), а для Ф. Соллогуба она «благочестивая жена, что сердце вынет». И, конечно, Ахматова примеряла на себя образ «femme fatale», а Мандельштам, как и другие окружавшие ее поэты, готов был подыгрывать этому «имиджу». Но в устах акмеистов это был иронический, маскарадный образ, подыгрывание было с подмигиванием — символизм уже завершил свою роль. Поэтому сомнительно, чтобы декадентская метафорика в духе темы «женщина и смерть» могла послужить ключом к пониманию интересующих нас текстов.

Но вернемся к ним и «увеличим резолюцию» — быть может, тайна посвящений откроется именно в «содержании», а не в контексте.

В обозначенной группе текстов только два стихотворения очевидно обращены к женщине (датированы началом 1918 года). В первом есть интимные ноты («твое чудесное произношенье», «в шепоте твоём») и рассказ о «долгой ночи»...

Твое чудесное произношенье —
Горячий посвист хищных птиц;
Скажу ль: живое впечатленье
Каких-то шелковых зарниц.

«Что» — голова отяжелела.
«Цо» — это я тебя зову!
И далеко прошелестело:
Я тоже на земле живу.

Пусть говорят: любовь крылата, —
Смерть окрыленнее стократ.
Еще душа борьбой объята,
А наши губы к ней летят.

НАУМ ВАЙМАН

И столько воздуха и шелка,
И ветра в шепоте твоём.
И, как слепые, ночью долгой
Мы смесь бессолнечную пьем.

(нагало 1918)

Если в стихотворении речь об Ахматовой, как она сама утверждает («Ему казалось, что я так по-польски произношу»),²⁴ то это означает, что ее произношение — «горячий посвист хищных птиц», а близость с ней — погружение в ночь: это уже образ вестницы смерти.

И во втором стихотворении оплакивается чья-то смерть, говорится о последнем прощении...

Что поют часы-кузнечик.
Лихорадка шелестит,
И шуршит сухая печка, —
Это красный шелк горит.

Что зубами мыши точат
Жизни тоненькое дно, —
Это ласточка и дочка
Отвязала мой челнок.

Что на крыше дождь бормочет, —
Это черный шелк горит,
Но черемуха услышит
И на дне морском: прости.

Потому, что смерть невинна
И ничем нельзя помочь,
Что в горячке соловьиной
Сердце теплое еще.

(нагало 1918)

Мандельштам, как пишет Надежда Яковлевна, был уверен, что кузнечик — это цикада, поэтому часы у него поют-стрекочат, и, как бы в тон, всё вокруг шуршит и шелестит, как убегающий песок в песочных часах. И это шелестение-шуршание сравнивается с горящим шелком, причем, то красный шелк горит, то черный — траурные цвета. Похожее сочета-

---

²⁴ Цивьян Т. В. Мандельштам и Ахматова: к теме диалога (<http://www.akhmatova.org/articles/civian7.htm>).

— ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ПОСВЯЩАЕТСЯ

ние цветов (как и образ лодки) возникает и в траурном стихотворении «Меганом» (1917):

Зачем же лодке доверяем
Мы тяжесть урны гробовой
И праздник черных роз свершаем
Над аметистовой водой.

Аметист — красно-фиолетовый драгоценный камень, любимый декадентами. Блок и Анненский посвящали ему стихи...²⁵

В «Меганоме» смерть тоже связана с шуршанием:

Шуршит песок, кипит волна...

И раскрывается с шуршанием
Печальный веер прошлых лет, —
Туда, где с темным содроганием
В песок зарылся амулет...

Амулет, зарывшийся в песок, говорит о песочном дне как о конце жизни — и в стихотворении «Что поют часы-кузнечик» тоже возникает тема дна:

Но черемуха услышит
И на дне морском: прости.

Последняя строка известна в двух версиях: в некоторых изданиях она читается как «И на дне морском простит». Но в обеих версиях речь идет о морском дне и прощении.

Михайлов и Нерлер, в примечаниях к упомянутому двухтомнику,²⁶ отмечали похожую строку о морском дне в стихотворении «Телефон» (июнь 1918 г.):

Куда бежать от жизни гулкой,
От этой каменной уйти?

— ²⁵ У Блока в стихотворении «Аметист» (1900) контекст тоже «прощальный»:

Порою в воздухе, согретом
Вспоминанием и тобой,
Необычайно хладным светом
Горит прозрачный камень твой.

²⁶ *Мандельштам О.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 482.

Молчи, проклятая шкатулка!
На дне морском цветет: прости.

А в нем напрямую говорится о самоубийстве.

Возникает и образ ладьи-челнока («Это ласточка и дочка / Отвязала мой челнок») — Мандельштаму дорог был образ египетской ладьи мертвых.²⁷ В 1920 году он напишет стихотворение «Ласточка» о возвращении души-ласточки «в чертог теней», где появляется и челнок, он же — ладья Харона: «В сухой реке пустой челнок плывет...».

Вся группа стихотворений 1917–1918 годов объединяется темой смерти и самоубийства, а это совсем не вяжется с Ахматовой. Тяга к самоубийству была ей абсолютно чужда: она была очень сильным человеком («Я еще пожелезней тех...» — сказано о себе в «Поэме без героя»), к тому же — крайним эгоцентриком, а это самоощущение противно суицидным помыслам. И в ее стихах этого периода нет ни апокалиптических настроений, ни «тяготения к смерти».

На декадентскую стилизацию «Твое чудесное произношенье» тоже не похоже: стихотворение не выглядит ни ироническим, ни манерно-символистским; в нем есть живые и конкретные детали, диалог, сюжет. Мандельштам, в конце концов, акмеист, и символизм для него — вылинявшая «мишурная мантия». Он стремится к конкретности, вещности, да и сама Ахматова настаивает, что речь идет о конкретной ночи: «А следующее — “Что поют часы-кузнечики” (у Мандельштама — «часы-кузнечик». — Н. В.) — это мы вместе топили печку; у меня жар — я мерю температуру: “Лихорадка шелестит, И шуршит сухая печка, — Это красный шелк горит...”».²⁸ То есть она прямо связывает стихи Мандельштама с событиями своей биографии.

Вообще-то, «подруги шалунов» в ту богемную эпоху любили своеобразный вид спорта: «раскручивать» гениальных приятелей на стихи — кому больше посвятят. Что ж, посвящение поэта — божественный дар, и для многих «муз» он был важнее, чем подношение драгоценностей. Хотя и в этом деле была своя иерархия, измеряемая в поэтических каратах: какое стихотворение, от какого поэта.²⁹ Ну, а подруги, строившие

---

²⁷ «Всё для жизни припасено, ничего не забыто в этой ладье» (Мандельштам О. «О природе слова» // Там же. Т. 2. С. 187).

²⁸ «Листики из дневника» (<http://www.akhmatova.org/proza/mandel.htm>).

²⁹ Забавная сценка из мемуаров О. Арбениной: «Помню, как я “собралась” пойти его (Мандельштама. — Н. В.) навесить. “Зачем Вам?” (Юркун спрашивает. — Н. В.) — “За стихами”. — “Мих. Ал. (Михаил Алексеевич Кузмин, любовник Юркуна. — Н. В.) напишет Вам не хуже”» (Гильдебрандт-Арбенина О. Н. Девочка, катящая серсо. М., 2007. С. 163).

собственную поэтическую карьеру, относились к таким посвящениям как к послужному списку — это уже был показатель не только женского, но и поэтического статуса. Известно, что с собиранием посвящений Анна Андреевна иногда перебарщивала. Так, услышав от Надежды Яковлевны, что Мандельштам, сочиняя «Сохрани мою речь навсегда...», думал о ней, ничтоже сумняшея поставила над стихотворением ААА, обозначив его адресатом себя, хотя обращено оно уж никак не к женщине: «Отец мой, мой друг и помощник мой грубый...».³⁰

Если «Твое чудесное произношение» рассматривать как описание конкретной ситуации, как того требует Ахматова, то стоит еще заметить, что никто из мемуаристов, насколько мне известно, не отмечал у нее какого-то особенного произношения, тем более — польского акцента, а здесь речь идет о польском выговоре. И всё это шелестение многочисленных шипящих: «шепот», «хищных», «шелковых», «наши», «душа» — действительно похоже на польское «ше-пше». Разговор с героиней ведется, скорее всего, по телефону, и одна из ее фраз характеризуется словом «прошелестело». Может быть, Ахматова сильно шепелявила в молодости? Есть замечание Лидии Чуковской в ее «Записках об Ахматовой» (т. 1), в записи от 15 февраля 1940 года: «Она не совсем ясно произносит *ш* и *ж*: не все зубы целы». Польский художник и писатель Юзеф Чапский в своих мемуарах пишет (запись 1965 года):

Полнота рыхлая, нездоровая... тонкогубый рот почти без зубов... Но она была прекрасна. Именно прекрасна. Подумать «старуха» было бы дико. <...> Музыка стихов рождалась где-то в груди и в глубине гортани. Я уже не слышал шепелявости, не видел ни морщин, ни болезненной грузности. Я видел и слышал царицу, первосвященницу поэзии.³¹

Мемуаристы отмечают шепелявость — но уже немолодой женщины, увы, без зубов...

Строки «И далекошелестело: — Я тоже на земле живу» говорят, на мой взгляд, о том, что участники разговора непреодолимо далеки друг от друга. Если далеки друг от друга их души, то необъяснима интимность тона; если они разделены географически, то это противоречит свидетельству Ахматовой о том, что Мандельштам *часто заходил за ней*, то есть жил рядом. Нет, не похоже, что сюжет стихотворения связан имен-

³⁰ На эту тему см. книгу: Вайман Н., Рувин М. Шатры страха: Разговоры о Мандельштаме. М., 2011.

³¹ Из статьи Ольги Рубинчик «Ахматова и художники» (см.: http://otherreferats.allbest.ru/culture/00261047_0.html).

но с ней. Однако биографам неизвестна и связь с какой-то другой женщиной в этот период.

Есть, впрочем, одна история, рассказанная Георгием Ивановым в «Петербургских зимах»:

Раз Мандельштам должен был срочно ехать в Варшаву. Он был влюблен (разумеется, безнадежно). И от этой поездки зависела как-то (или ему казалось, что зависела) «вся его судьба». Было военное время, но он проявил небывалую энергию и хлопотал все пропуски и разрешения. Но в хлопотах он забыл о «пустяшном» — деньгах на поездку.

Ему надо было — «непременно, или умереть» — быть в Варшаве к определенному сроку. И вот — нет денег. И полная абсолютная невозможность их достать. Я столкнулся с ним в дверях одной редакции, где «высоко ценили» его «прекрасное дарование», но аванса, конечно, не дали. Он сказал тогда:

— Я только теперь понял, что можно умереть на глазах у всех, и никто даже не обернется...

В Варшаву он попал всё-таки — его взял в свой санитарный поезд покойный Н. Н. Врангель. В Варшаве с его «судьбой» произошла какая-то катастрофа — Мандельштам стрелялся, конечно, неудачно. Отлежавшись в госпитале — он вернулся в Петербург.³²

Многие (не без стараний Ахматовой) не доверяют Г. Иванову как мемуаристу, считая сплетником, в лучшем случае — «беллетристом». Но известно, что в период перед Первой мировой войной он был особенно близок к Мандельштаму: они вместе жили, у них была одна визитная карточка на двоих, и Мандельштам даже оставил поэтическое свидетельство их дружбы: «От легкой жизни мы сошли с ума». К тому же эту версию, в ее общем сюжете, подтверждает в своем дневнике очень добросовестный свидетель С. П. Каблуков:

22-го декабря И. Э. Мандельштам уехал в Варшаву, где по протекции Кузьмина-Караваева надеется попасть в санитары. Всякий его знающий поймет, сколь нелепа и глупа эта затея. 19-го он приехал ко мне внезапно, чтобы объявить о своем решении и проститься. Я начал с того, что нещадно наругал его «последними словами», ибо истерику иначе не одолеешь. Однако его «истерика» оказалась упрямой. Надеяться, что его не пус-

³² Иванов Георгий. Петербургские зимы // Иванов Георгий. Собрание сочинений: В 3 т. М., 1994. Т. 3: Мемуары. Литературная критика. С. 92—93.

тили в Варшаву не приходится, но можно думать, как несомненно умный человек, на месте увидит, что не ему быть санитаром, и скоро вернется к своим обычным занятиям, и вернется, Бог даст, здоровым и целым. Уезжая 21-го декабря, он по телефону прощался со мною и просил материальной помощи. Я — пусть это жестоко — отказался наотрез. Разговор был холодный...³³

Чем можно объяснить такую крайнюю необходимость для Мандельштама явиться в разгар войны в Варшаву, почти на линию фронта, его «истеричку» и попытку самоубийства (о попытке самоубийства в Варшаве пишет и Лекманов, очевидно доверяя Иванову):³⁴ Не стоит предполагать, что Мандельштам бросился в Варшаву, охваченный каким-то патриотическим порывом. Елена Тагер вспоминает о весне 1916-го (в кафе «Ампир» встречаются Сергей Эфрон, его сестра Елизавета Яковлевна, Мандельштам и автор мемуаров):

Я рассказываю услышанную накануне новость:

— Говорят, Блок ушел на войну добровольцем...

— Не может быть! — срывается Елизавета Яковлевна. — Это было бы ужасно!

— Почему ужасно? — вдруг помрачнев, возражает ее брат. — Быть может, нам всем следует идти на войну?

— Я не вижу, кому это следует. Мне — не следует! — Мандельштам закидывает голову; сходство его с молодым петушком увеличивается. — Мой камень не для этой пращи. Я не готовился питаться кровью. Я не готовил себя на пушечное мясо. Война ведется помимо меня.

И уж не ради того он бросился в Варшаву, чтобы посетить варшавское гетто, как намекает Ахматова («В Варшаву О. Э. действительно ездил, и его там поразило гетто»)³⁵. То есть о Варшаве она упоминает, но опровергает версию Г. Иванова.

Особенно резко против мемуаров Г. Иванова настроена Надежда Яковлевна, что не удивительно, ведь он автор еще одного «сенсационного разоблачения»: у Мандельштама была дочь, и к ней относится одно его стихотворение 1923 г. («Пылает за окном звезда...»)³⁶.

³³ Цит. по: Мандельштам О. Камень. С. 249.

³⁴ Лекманов О. А. Осип Мандельштам. С. 75.

³⁵ «Листки из дневника» (<http://www.akhmatova.org/proza/mandel.htm>).

³⁶ Сообщено Г. П. Струве в статье «О. Э. Мандельштам: Опыт биографии и критического комментария» (http://www.a4format.ru/pdf_files_bio/462e0a25.pdf).

Надо сказать, что сюжеты стихотворений «Твое чудесное произношение» и «Что поют часы-кузнечик» словно подтверждают версию Г. Иванова. В последнем упоминается и дочка:

Это ласточка и дочка
Отвязала мой челнок.

«Что поют часы-кузнечик» по ритму и по лексике похоже на детскую колыбельную. И поскольку стихотворение — о крылатой и невинной смерти, будто о смерти ангела, то вполне можно предположить, что у варшавской любви Мандельштама была от него дочь, и она умерла в младенчестве...

Рассмотрим теперь другие стихи из связки «обращенных к Ахматовой». Стихотворение «Телефон», с его темой самоубийства, также, по мнению поэтессы, обращено к ней. Во всяком случае, она пытается намекнуть об этом будущим исследователям: в тех же «Листках из дневника», сразу после эпизода «отстранения» Мандельштама, Ахматова неожиданно добавляет: «Таинственное стихотворение “Телефон”, возможно, относится к этому времени». И тут же полностью его приводит. Во всём этом мемуарном тексте она цитирует только отдельные строфы, не больше, а тут вдруг — целое шестистрофное стихотворение! Кажется, Анна Андреевна хочет нам подсказать, что Мандельштам, дескать, был так потрясен неожиданной отставкой, что подумывал о самоубийстве.

Телефон

На этом диком страшном свете
Ты, друг полночных похорон,
В высоком строгом кабинете
Самоубийцы — телефон!

Асфальта черные озера
Изрыты яростью копыт,
И скоро будет солнце: скоро
Безумный петел прокричит.

А там дубовая Валгалла
И старый пиршественный сон;
Судьба велела, ночь решала,
Когда проснулся телефон.

Весь воздух выпили тяжелые портьеры.
На театральной площади темно.

ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ПОСВЯЩАЕТСЯ

Звонок, и закружились сферы:
Самоубийство решено.

Куда бежать от жизни гулкой,
От этой каменной уйти?
Молчи, проклятая шкатулка!
На дне морском цветет: прости!

И только голос, голос-птица
Летит на пиршественный сон.
Ты — избавленье и зарница
Самоубийства — телефон.

(июнь 1918)

Стихотворение действительно как бы соединяет все суицидные мотивы стихов 1917–1918 годов. Телефон как тема говорит о больших расстояниях, и он — зарница самоубийства, друг полночных похорон; *шелковые зарницы* возникают в «Твоем чудесном произношении», а полночные похороны упоминаются в стихотворении «Когда в теплой ночи замирает» (май 1918):

Протекает по улицам пышным
Оживленье ночных похорон.

Как эхо в анфиладах, пробегает по этим стихам мотив театральности смерти: «Театров широкие зевы / Возвращают толпу площадям» — в «Телефоне»: «На театральной площади темно», — в «Веницейской жизни» (1920): «На театре и на праздном вече / Умирает человек <...>, / Как от этой смерти праздничной уйти?». «Тяжелые портьеры» в четвертой строфе повторяют мотивы «Соломинки»: «Воздух выпили тяжелые портьеры» («тяжелые уборы» и в «Веницейской жизни»). Здесь же и морское дно, и Валгалла, куда на «пиршественный сон» летит-отлетает «голос-птица»...

Но если считать, что «Телефон» обращен к Ахматовой, то к ней «повернуты» и все эти «песни о смерти», и это превращает ее образ в некую смертельную тень, витающую над творчеством Мандельштама. Такое «затмение» противоречило бы контексту их отношений.

Кстати, версию об Ахматовой как адресате этого стихотворения игнорирует и О. Лекманов, известный исследователь жизни и творчества Мандельштама, включивший в свою биографию поэта целое детективное расследование о «Телефоне», пытаясь доказать, что в стихотворении речь идет «о самоубийстве государственного человека, <...> комиссара по

перевозке войск Р. Л. Чиркунова»³⁷ (трактовка, на мой взгляд, неприемлемая, но это уже другая тема).

С Валгаллой и со всеми перечисленными мотивами связано еще одно стихотворение того же периода (декабрь 1917 года), и оно тоже «предположительно посвящено Ахматовой»:³⁸

Когда на площадях и в тишине келейной
Мы сходим медленно с ума,
Холодного и чистого рейнвейна
Предложит нам жестокая зима.

В серебряном ведре нам предлагает стужа
Валгаллы белое вино,
И светлый образ северного мужа
Напоминает нам оно.

Но северные скальды грубы,
Не знают радостей игры,
И северным дружинам любы
Янтарь, пожары и пиры.

Им только снится воздух юга —
Чужого неба волшебство, —
И все-таки упрямая подруга
Откажется попробовать его.

И здесь жестокая зима предлагает умереть, предлагает вино Валгаллы, но «упрямая подруга» отказывается его пить. Никто, насколько известно, не предлагал тогда Ахматовой смертельных кубков, так что речь явно не о ней. В контексте рассмотренных стихотворений такой кубок — скорее соблазн Мандельштама. Выскажу предположение, что «упрямая подруга» — не Ахматова, а душа поэта. Подружкой он назовет ее позднее в «Ласточке» (ноябрь 1920 года). И пусть зовет дно морское, и горячий посвист хищных птиц, и похороны солнца, и жестокая зима, и северные скальды — душа упрямо отказывается пить вино Валгаллы, «небо» северных скальдов ей чуждо, как и их грубые игры и повадки (пожары и пиры).³⁹

---

³⁷ Лекманов О. А. Осип Мандельштам. С. 103—104.

³⁸ Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 480.

³⁹ Мандельштам, исключая помышления о самоубийстве, в период войны и революции неизменно гнал от себя эту идею. Надежда Яковлевна рас-

Душа поэта появляется в стихотворении в качестве персонажа, что предполагает некую раздвоенность. Мотив двойника был довольно популярен в романтической поэзии, особенно немецкой. У Гейне в переводе Анненского герой пугается раздвоения, бежит своего двойника: «Это — не я: ты лжешь, чародей!» Двойник-тень его дразнит и мучит. «Зачем, — вопрошает поэт, обращаясь к нему и к себе, — Сердце себе приходил ты тиранить / Лунною ночью под это окно?»

Шуберт написал на эти стихи известную музыку. Не углубляясь в тему немецких культурных корней Мандельштама и его любви к Шуберту («родная колыбель!»), можно отметить, что мотив двойника ему не чужд. Еще в юности, в 1910 году, он пишет в стихотворении «Темных уз земного заточенья...»:

Иногда со мной бывает нежен
И меня преследует двойник:
Как и я — он так же неизбежен
И ко мне внимательно приник.

И, глухую затаив развязку,
Сам себя я вызвал на турнир:
С самого себя срываю маску
И презрительный лелею мир.

О двойнике и стихотворение «В тот вечер...» с эпиграфом из Гейне:

Du, Doppelgänger, du, bleicher Geselle!..

(О, <мой> двойник, о, <мой> бледный собрат!..)

Генрих Гейне (*нем.*)

В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа.
Нам пели Шуберта — родная колыбель!
Шумела мельница, и в песнях урагана
Смеялся музыки голубоглазый хмель!

Старинной песни мир — коричневым, зеленый,
Но только вечно-молодой,
Где соловьиных лип рокошующие кроны
С безумной яростью качает царь лесной.

сказывает во «Второй книге», что в ответ на предложение вместе покончить с собой Мандельштам ответил юмористически: «Покончить с собой? Невозможно! Что скажет Авербах?» (*Мандельштам Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970. С. 60.*)

И сила страшная ночного возвращенья —
Та песня дикая, как черное вино:
Это двойник — пустое привиденье —
Бессмысленно глядит в холодное окно!

(январь 1918)

У Мандельштама в 1918 году и двойник — наследие романтической культуры — мертв, как и вся эта культура, он — «пустое привиденье» и «бессмысленно глядит в холодное окно». И вино, которое «они» пьют на празднике ночного возвращенья, — черное вино, вино смерти. Былое только снится, Петрополь, чудовищный корабль, уходит в летейскую стужу...

Ахматова считает, что «нам пели Шуберта» относится к ней с Мандельштамом, для чего и указывает в «Листках из дневника» на совместное посещение концерта. Но естественней предположить, что это «нам» относится к более широкой публике, присутствовавшей на концерте и захваченной вместе с поэтом «песнями урагана». К тому же, Ахматова вряд ли считала Шуберта своей родной колыбелью и не разделяла ни исторического визионерства поэта с его ощущением гибели петербургской цивилизации, ни его тогдашней тяги к смерти.

Подведу итог: у Мандельштама в обозначенный период не было ни глубокой личной близости с Ахматовой, ни общего отношения к происходящим событиям, ни общей философии, ни общих литературных тем или приемов, ни даже взаимной симпатии, — так что предположение о посвящении ей целой группы стихотворений революционного периода я считаю неоправданным.

Даже понятия об адресате поэзии у двух этих авторов различны. Ахматова, замечает Блок, «пишет стихи как бы перед мужчиной, а надо как бы перед Богом».⁴⁰ А для Мандельштама «поэзия, как целое, всегда направляется к более или менее далекому, неизвестному адресату. <...> Скучно перешептываться с соседом».⁴¹

---

⁴⁰ Кузьмина-Караваева Е. Ю. Встречи с Блоком // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. 1968. Труды по славянской филологии. Вып. 209. С. 270.

⁴¹ Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 150.

«Рождественский романс» Иосифа Бродского: семантика и литературные подтексты¹

Э то стихотворение Иосифа Бродского, ценность которого взыскательный автор признавал позднее — в отличие от абсолютного большинства других поэтических текстов, написанных им в юности,² — неоднократно становилось предметом интерпретации и пристального анализа. Наиболее убедительными мне представляются идеи и наблюдения О. А. Лекманова. Заметив, что «[в] первой строфе этого стихотворе-

---

¹ Понятие *подтекст* употребляется в значении, принятом в работах К. Ф. Тарановского и О. Ронена: «источник повторяемого элемента <...> текст, диахронически соотнесенный с исследуемым» (Ронен О. Лексический повтор, подтекст и смысл в поэтике Осипа Мандельштама // Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002. С. 26; см. также с. 27–28). В качестве синонима используется понятие *претекст*. Для обозначения системы литературных подтекстов я использую понятие *интертекст*. Стихотворение Бродского цитируется без указания страниц по изд.: Бродский И. Стихотворения и поэмы / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Л. В. Лосева. СПб., 2011. (Серия «Новая Библиотека поэта»). Т. 1. С. 115–116.

² Оценка «Рождественского романса» самим Бродским была весьма высокой. Заявляя, что «[до] 1963 года почти всё — лажа», он в 1972 году делал исключение всего для двух стихотворений, написанных в ранние годы, — для «Ты поскачешь во мраке по бескрайним холодным холмам...» и «Рождественского романса». См.: Венцова Т. О последних трех месяцах Бродского в Советском Союзе // Иосиф Бродский: Проблемы поэтики: Сборник научных трудов и материалов / Ред.: А. Г. Степанов, И. В. Фоменко, С. Ю. Артемова. М., 2012. («Новое литературное обозрение». Серия «Научная библиотека»; Вып. 111). С. 404.

ния читателю задается загадка: о каком таком “кораблике” и одновременно “фонарике” идет речь?»³ О. А. Лекманов истолковывает образы «ночной кораблик негасимый / из Александровского сада» и «ночной фонарик нелюдимый» как метафорические именованья двух реальных объектов — луны и «позолоченного флюгера-“кораблика” на здании Главного Адмиралтейства (один из наиболее распространенных символов Петербурга/Ленинграда — эмблема Ленфильма)».⁴ Он также верно подметил, что в стихотворении Бродского топографические и литературные (восходящий к Достоевскому колористический атрибут города — желтый цвет, ассоциирующееся также с Петербургом Достоевского упоминание о «хоре <...> пьяниц») реалии Петербурга/Ленинграда сплетены с московскими атрибутами (Ордынка — данный намеком московский адрес Анны Ахматовой).⁵ Сплетены так, что в одном случае деталь городской топографии оказывается одновременно и петербургской, и московской («Александровский сад»). «Само посвящение “Рождественского романа” ленинградцу с именем *Евгений* (и “речной” фамилией *Рейн*), вкуче с многочисленными “речными” мотивами стихотворения возможно отсылает читателя к классической петербургской поэме “Медный всадник”. И уже совершенно очевидным кажется то обстоятельство, что ночная Москва, какой она предстает в стихотворении Бродского:

Плывет в тоске необъяснимой
пчелиный хор сомнамбул, пьяниц...

чрезвычайно напоминает Петербург, каким он описывался создателями так называемого “петербургского текста” — Пушкиным, Гоголем, Достоевским, Андреем Белым... Почти прямой цитатой из Достоевского выгля-

³ Из поста О. А. Лекманова в «Живом журнале» (URL: <http://brodsky.livejournal.com/177513.html>).

⁴ Лекманов О. А. Луна и река в «Рождественском романсе» Иосифа Бродского // Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. С. 347.

⁵ «На Ордынке жила семья Ардовых, у которых обычно останавливалась, приезжая в Москву, Ахматова» (Лосев Л. В. Примечания // Бродский И. Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 441). Большая Ордынка, д. 17, кв. 13 — квартира писателя Виктора Ардова и его жены актрисы Нины Ольшевской. Этот московский локус стал одним из самых дорогих для Ахматовой мест. В середине лета 1961 года она гостила у Ардовых; сохранилась ее дарственная запись на книге «Стихотворений»: «Моей светлой Нине ее Ахматова. Дана на Ордынке 13 июля 1961». См.: Герштейн Э. Нина Антоновна: Беседы об Ахматовой с Н. А. Ольшевской-Ардовой // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 90. Упоминание Ордынки может также намекать на татарские корни Ахматовой и на ее псевдоним.

дит строка о “желтой лестнице печальной” из четвертой строфы “Рождественского романса”».⁶

Соглашаясь с этим истолкованием, добавлю еще некоторые соображения в его поддержку. Мотив плывущего по небу, как по морю, месяца, возможно, навеян фетовским стихотворением «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне».⁷ Колористический атрибут *желтая* действительно характерен для цветовой гаммы Петербурга Достоевского, хотя как раз «желтой лестницы печальной», упоминающейся в «Рождественском романсе», у него нет. (Зато лестница — один из главных локусов петербургского пространства в «Преступлении и наказании».) В «Преступлении и наказании» есть 30 лексем с корнем *желт-* (желтый/желтенький/желтоватый); это кацавейка Алены Ивановны, обои (несколько раз), мебель (несколько раз), диван (два раза), лицо (несколько раз), каморка Раскольников, стакан, сахар, вода (чай), «желтый билет» (несколько раз), домики, банкнота, «желтовато-черное пятно» — след от удара копытом на теле Мармеладова.⁸ Для сравнения — в «непетербургских» романах или в произведениях, действие которых лишь частично разворачивается в столице, частотность таких лексем ниже: в «Бесах» — 15 раз, в основном портреты; в «Идиоте» — 9, также в основном портреты; в «Братьях Карамазовых» — 24 раза, почти все случаи — портретные характеристики. В качестве атрибута интерьерера ни в одном из этих произведений желтый цвет не фигурирует.

Стоит добавить, впрочем, что желтый цвет как атрибут Петербурга может отсылать у Бродского не столько непосредственно к Достоевскому, сколько к поэзии Серебряного века. Эту цветовую характеристику как признак имперской столицы прямо акцентировал Иннокентий Анненский в стихотворении «Петербург»:

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...

⁶ Лекманов О. А. Луна и река в «Рождественском романсе» Иосифа Бродского. С. 346.

⁷ Фет А. Стихотворения. Проза. Письма / Вступит. ст. А. Е. Тархова; сост. и примеч. Г. Д. Аслановой, Н. Г. Охотина и А. Е. Тархова. М., 1988. С. 112.

⁸ Подсчеты принадлежат мне. Основные примеры употребления слов с корнем *желт-* см. в статье: Топоров В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Образ. Символ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 203, 245, примеч. 33.

Я не знаю, где *вы* и где *мы*,
Только знаю, что крепко мы слиты.⁹

Желтая цветовая гамма характерна также и для ахматовского Петербурга: «Над дворцом черно-желтый стяг» («Поэма без героя»);¹⁰ «Вижу выцветший флаг над таможей / И над городом желтую муть».¹¹ Черно-желтая гамма была для Ахматовой устойчивой характеристикой Петербурга/Ленинграда и в постимперское, советское время. Лидия Чуковская записала ее слова о ленинградской луне и черной воде, сказанные 27 сентября 1939 года: «— Ленинград вообще необыкновенно приспособлен для катастроф, — сказала Анна Андреевна. — Эта холодная река, над которой всегда тяжелые тучи, эти угрожающие закаты, эта оперная, страшная луна... Черная вода с желтыми отблесками света. Всё страшно. Я не представляю себе, как выглядят катастрофы и беды в Москве: там ведь нет всего этого».¹² Возможно, что-то подобное мог слышать намного позднее от Ахматовой и Бродский.

Ахматовский подтекст в данном случае можно признать, наверное, главным. Бродский познакомился с Анной Ахматовой меньше чем за полгода до написания стихотворения, 7 августа 1961 года.¹³ Согласно позднейшим воспоминаниям Бродского, это знакомство, правда не сразу, произвело в его сознании настоящий переворот.¹⁴ Позднее он говорил: «Всё, что я делаю, что пишу, — это в конечном счете и есть рассказ об Ахматовой».¹⁵ И утверждал: «Ей я обязан девяноста процентами

---

⁹ Анненский И. Стихотворения и трагедии / Вступит. ст., сост., подгот. текста и примеч. А. В. Федорова. Л., 1990. («Библиотека поэта». Большая серия. 3-е изд.). С. 186.

¹⁰ Ахматова А. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1998. Т. 3: Поэмы. Pro domo mea. Театр / Сост., подгот. текста, коммент. и статья С. А. Коваленко. С. 139.

¹¹ Там же. Т. 1: Стихотворения. 1904—1941 / Сост., подгот. текста, коммент. и статья Н. В. Королевой. С. 117.

¹² Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. 5-е изд., испр. и доп. / Публ. Е. Ц. Чуковской: Краткие примеч. Е. Б. Ефимова, Ж. О. Хавкиной, Е. Ц. Чуковской. М., 1997. Т. 1: 1938—1941. С. 53.

¹³ Полухина В. Эвтерпа и Клио Иосифа Бродского: Хронология жизни и творчества. Томск, 2012. С. 52; см. об этом знакомстве: *Тимензик Р.* Анна Ахматова в 1960-е годы. Торонто; М., 2005. (Toronto Slavic Library; Vol. 2). С. 142.

¹⁴ См.: Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским / Вступит. ст. Я. Гордина. М., 1998. С. 224—225.

¹⁵ Бродский И. Большая книга интервью / Сост. В. Полухиной. М., 2000. С. 120 («Настигнуть утраченное время»: Интервью Джону Глэду).

взглядов на жизнь (лишь десять — мои собственные)». ¹⁶ По признанию самого Бродского, Ахматова в его присутствии «множество раз» читала «Поэму без героя». ¹⁷ Между тем «Поэма без героя», в которой Петербург представлен в черно-желтой гамме императорского штандарта, — это в высшей степени петербургская поэма, на что должен был обратить внимание Бродский, который в 1961 году мог слышать чтение автором текста ее третьей редакции. «Рождественский романс» написан по московским впечатлениям Бродского 28 декабря 1961 года. ¹⁸ Этот декабрь он провел в Москве, ¹⁹ однако видеться там с Ахматовой не мог: она в это время находилась в ленинградской больнице. ²⁰

Черно-желтый Петербург, окрашенный в цвета императорского штандарта, задолго до Анны Ахматовой встречается в стихотворении Осипа Мандельштама «Дворцовая площадь»:

Только там, где твердь светла,
Черно-желтый лоскут злится,
Словно в воздухе струится
Желчь двуглавого орла. ²¹

Но это стихотворение, включенное Мандельштамом во второе издание «Камня», было запрещено цензурой; ²² знать его в 1961 году Бродский, очевидно, не мог. По собственному признанию С. М. Волкову, автор «Рождественского романса» познакомился с поэзией Мандельштама в 1960 или в 1961 году. Воздействие было ошеломляющим. Прочитал он

¹⁶ Бродский И. Большая книга интервью. С. 471 («Судьба страны мне далеко не безразлична»: Интервью Ю. Коваленко).

¹⁷ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. С. 233.

¹⁸ Обоснование даты см.: Лосев Л. В. Примечания. Т. 1. С. 440.

¹⁹ Полухина В. Эвтерпа и Клио Иосифа Бродского. С. 54.

²⁰ См.: Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1961 (расширенная и уточненная электронная версия кн.: Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889—1966. 2-е, изд., испр. и доп. М., 2008). — URL: <http://www.akhmatova.org/bio/letopis.php?year=1961>.

²¹ Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. / Сост. П. М. Нерлера; подгот. текста и коммент. А. Д. Михайлова и П. М. Нерлера; вступит. ст. С. С. Аверинцева. М., 1990. Т. 1: Стихотворения. Переводы. С. 103.

²² Мец А. Г. Комментарий // Мандельштам О. Полное собрание стихотворений / Вступит. статьи М. Л. Гаспарова и А. Г. Меца; сост., подгот. текста и примеч. А. Г. Меца. СПб., 1995. (Серия «Новая Библиотека поэта»). С. 526.

в то время только стихи, напечатанные в двух сборниках, — в «Камне» и в «Tristia».²³

Однако он мог знать другое мандельштамовское стихотворение — «Петербургские строфы», в котором столица империи тоже окрашена в желтый:

Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель...²⁴

Этот текст вошел во все три издания «Камня» (1913, 1916, 1923). Бродский в интервью С. М. Волкову назвал это стихотворение одним из двух мандельштамовских поэтических текстов, произведших на него в юности «особенно сильное впечатление».²⁵

Возможно, еще одним литературным подтекстом — претекстом «Рождественского романа» является мандельштамовский «Ленинград», где есть строка «Рыбий жир ленинградских ночных фонарей», в которой упомянут опять-таки желтый цвет как признак города.²⁶ Текст стихотворения был издан в 1932 году в «Литературной газете», до этого оно распространялось в списках.²⁷ Не исключено, что Бродский мог узнать его от Ахматовой. На знакомство с «Ленинградом» косвенно указывают совпадения в «Рождественском романсе»: «мертвецы», «желтая лестница» (у Мандельштама тоже «мертвецы» и «черная лестница», составляющая оппозицию к «парадной», притом что «черная» в цветовом значении входит в петербургский колористический комплекс «черно-желтый»).

Упоминание о желтом цвете в «Рождественском романсе» глубоко не случайно. Он не относится к числу любимых в поэтической палитре Бродского: по интенсивности занимает шестое место (62 употребления), уступая белому, черному, зеленому, синему и красному.²⁸

²³ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. С. 225.

²⁴ Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 84.

²⁵ См.: Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. С. 225.

²⁶ Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 168. О связи желтого с Петербургом в «Ленинграде» и о его траурной (вместе с черным) семантике см.: Левин Ю. И. О. Мандельштам. Разбор шести стихотворений. 2. «Ленинград» // Левин Ю. И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 19–20, примеч. 3.

²⁷ См.: Мец А. Г. Комментарий. С. 577.

²⁸ Трифонова А. В. Поэтический мир Иосифа Бродского: Перцептивный аспект: Диссертация <...> кандидата филологических наук. Смоленск, 2014. С. 25. При этом он не несет пейоративных коннотаций в отличие от желто-

Вернемся к толкованию «Рождественского романса» О. А. Лекмановым. Его общий вывод: мотивы стихотворения «двоятся, ускользают от однозначного истолкования»,²⁹ — конечно же, справедлив. Однако эта интерпретация не объясняет, почему рождественская тема в стихотворении оказалась связана с мотивом неразличимости, слияния Петербурга и Москвы, с аллюзией на Ахматову («и выплывает на Ордынку / такси с больными седоками»),³⁰ с любовной темой — в том числе со свадебным мотивом («спешит по улице невзрачной / любовник старый и красивый. / Полночный поезд новобрачный / плывет в тоске необъяснимой»; «плывет красotka записная, / своей тоски не объясняя») — и с темой еврейской («блуждает выговор еврейский / на желтой лестнице печальной»). И как связаны между собой столь разнородные образы стихотворения: кораблик, «на розу желтую похожий», пьяницы, пчелы, свадебный поезд, желтая лестница?

Ассоциации на поверхностном уровне легко обнаруживаются: сам О. А. Лекманов отметил семантическую связь между неназванной луной, пчелами и свадьбой (медовый месяц, причем в последнем случае обнаруживаются переключки с поэзией Анны Ахматовой).³¹ Еврейскую тему интерпретатор стихотворения связал с синагогой на Неглинной, а лест-

го, например, в поэзии Александра Блока и Анны Ахматовой (Там же. С. 32). Одно из его коннотативных значений — ‘старость, ветхость’ (Там же. С. 34).

²⁹ Лекманов О. А. Луна и река в «Рождественском романсе» Иосифа Бродского. С. 346.

³⁰ Характеристика седоков как больных может быть мотивирована не только болезнью, которую переживала Ахматова в это время (в мае—июне 1960 года она была госпитализирована с сердечными болями в московскую больницу, вскоре после выхода из нее попала в ленинградскую больницу с приступом аппендицита; см.: *Тименгик Р.* Анна Ахматова в 1960-е годы. С. 120—121 и примеч. 135 на с. 487—488), но и болезнью — метафорической — как инвариантным мотивом ее стихов. См. об этой теме Ахматовой: *Щеглов Ю. К.* Черты поэтического мира Ахматовой // *Щеглов Ю. К.* Проза. Поэзия. Поэтика: Избранные работы / Сост.: А. К. Жолковский и В. А. Щеглова. М., 2012. («Новое литературное обозрение». Серия «Научная библиотека»; Вып. 107). С. 246 («томление, болезнь, усталость, угасание»). Ср. в стихах, посвященных Ахматовой: «Больная, тихая Кассандра» в «Кассандре» Осипа Мандельштама (*Мандельштам О.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 118) и «Я на выси сознания направил свой бег / И увидел там деву, больную, как сон» в стихотворении Николая Гумилева «Пять могучих коней мне дарил Люцифер...» (Анна Ахматова: Pro et contra. Антология / Сост., вступит. ст., примеч. Св. Коваленко. СПб., 2001. Т. 1. С. 750).

³¹ Отмечено в посте О. А. Лекманова в «Живом журнале» (URL: <http://brodsky.livejournal.com/177513.html>).

ницу понял как ступени ее крыльца. Однако в таком случае получается, что текст Бродского не подчиняется собственной поэтической логике, а безвольно и беспричинно следует за московской топографией.³² В действительности еврейская тема может быть связана с петербургской/ленинградской через такой признак, как желтый цвет. По мнению Джейн Нокс, в «Рождественском романсе» поэт снимает оппозицию иудаизм — христианство, представляя еврейские звуки («выговор еврейский»), запахи («пахнет сладкою халвою») и краски («желтый» — вслед за Мандельштамом — как еврейский цвет).³³

Стихотворение Бродского построено на инвариантном мотиве медиации, перехода границы.³⁴ Преодолевается целая череда оппозиций. В первых, это преодоление оппозиции Москва — Петербург / Ленинград: лирический герой — петербуржец / ленинградец в Москве, Анна Ахматова — петербурженка в Москве,³⁵ Александровский сад — и приадмирал-

³² К тому же, как указал один из комментаторов поста О. А. Лекманова в Интернете, лестница, на которой «блуждает выговор еврейский», явно находится не вне, а внутри помещения (URL: <http://brodsky.livejournal.com/177513.html>).

³³ *Кнох J. E. Iosif Grodskii's Affinity with Osip Mandel'stam: Cultural Links with the Past. PhD Dissertation. The University of Texas and Austin, 1978. P. 280.* Подразумевается черно-желтый цвет иудейского молитвенного покрывала — талеса, о котором говорится в «Шуме времени» (*Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 13, 21*), а также в мандельштамовских стихотворениях «Эта ночь непоправима...» и «Среди священников левитом молодым...» (Там же. Т. 1. С. 114 и 118). О черно-желтом как о цвете талеса у Мандельштама см.: *Ronen O. Mandelstam, Osip Emilyevich (1891–38?) // Encyclopedia Judaica. Yearbook 1973. Jerusalem, 1973. P. 295; Кацис Л. Осип Мандельштам: Мускус иудаизма. М.; Иерусалим, 2002. С. 23–25, 70–79, 179–180; Дутли Р. «Век мой, зверь мой». Осип Мандельштам. Биография. — <https://lib.rus.ec/b/452135read>; Вайман Н. Митра мрака Осипа Мандельштама // Окно. № 10 (13) (<http://okno.webs.com/No10/vyman.htm>); Видгоф Л. Мир Мандельштама — как Талмуд // Глобальный еврейский online центр JEWISH.ru (<http://www.jewish.ru/culture/events/2014/01/news994322541.php>); Из гостевой книги журнала. «Хаос иудейский» в русской поэзии // Заметки по еврейской истории. 17 октября 2004 г. № 46 (<http://berkovich-zametki.com/Nomer46/Forum1.htm>).*

³⁴ Повторяющийся глагол «плывет» (ср. об инвариантном мотиве движения в стихотворении: *Йовановиц М. «Рождественские стихи» И. Бродского: вопросы циклизации // Йовановиц М. Избранные труды по поэтике русской литературы. Белград, 2004. С. 488*) реализует именно семантику перехода.

³⁵ Правда, при этом само пребывание Ахматовой в Москве на католическое Рождество 1961 года не соответствует действительности, является иллюзорным, воображаемым: в это время она, как уже было сказано, находилась в ленинградской больнице.

тейский, и прикремлевский одновременно. Во-вторых, это снятие оппозиции русское — еврейское: лирический герой — еврей и русский поэт, отдающий дань признательности русской поэзии и ее великой представительнице Анне Ахматовой, откликающийся в тьме советской ночи на голоса поэтов Серебряного века, чьи произведения становятся литературными подтекстами его стихотворения. Его «выговор еврейский» блуждает как будто бы на лестнице дома на Ордынке, где останавливалась Ахматова, приезжая в Москву; роза, на которую похож «кораблик», ассоциируется с ахматовской поэзией (о чем будет сказано ниже), но при этом окрашена в «еврейский» желтый цвет. В-третьих, это преодоление оппозиции счастье/радость — печаль/горе: мир «Рождественского романа» печален («Плывет в тоске необъяснимой»), но эта печаль, отсылающая к элегической традиции, словно преодолевается обещанием времени или, по крайней мере, надеждой на счастье:

Твой Новый Год по темно-синей
волне средь моря городского
плывет в тоске необъяснимой,
как будто жизнь начнется снова,
как будто будет свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь качнется вправо,
качнувшись влево.

Правда, эта надежда, связанная с верой в Новый год как начало *другой* жизни, сомнительна, если не иллюзорна: качание вправо и влево, означающее, по-видимому, не столько качку вагона или воображаемой лодки («кораблика»), как считает О. А. Лекманов (хотя и ее тоже), сколько движение маятника,³⁶ не направленно — это череда повторяющихся, возвратных и потому безысходных движений: если и будут «свет и слава», то потом — опять тоска.³⁷ Здесь непреодоленная бинарность (правое — левое) торжествует над снятием оппозиций.

---

³⁶ Обоснование этой трактовки — в том числе и свидетельствами миметической ритмической организации стиха в «Рождественском романсе» как «маятникообразной» — см. в работе: *Романов И. А.* «Лирический герой И. Бродского: Преодоление маргинальности: Диссертация <...> кандидата филологических наук. М., 2004. С. 141–142.

³⁷ В некотором смысле иллюзорно и событие Рождества, и не случайно стихотворение содержит новогодние, а не собственно рождественские реалии (ср.: *Лекманов О. А.* Луна и река в «Рождественском романсе» Иосифа Бродского. С. 348; *Лосев Л. В.* Примечания. С. 440). Ср. интересное понимание «необъяснимой тоски», принадлежащее Е. М. Петрушанской: «Отвеча-

В-четвертых, это преодоление оппозиции мужское — женское («красотка записная» и «любовник старый и красивый», «полночный поезд новобрачный»). Лексема *поезд* может быть понята и как архаизм, означающий 'свадебная процессия в санях', и как обозначение полночного поезда, на котором лирический герой путешествует из Петербурга/Ленинграда в Москву и/или обратно. Таким образом, это один из примеров снятия оппозиции прошлое — настоящее посредством омонимической игры (о снятии этой оппозиции будет сказано ниже). Вместе с тем происходит снятие оппозиции Москва — Петербург/Ленинград благодаря мерцающему в тексте мотиву брака двух столиц. (Ср. обыгрывание мужского грамматического рода имени Петербурга и женского — имени Москвы в «Петербургских записках 1836 года» Николая Гоголя.³⁸)

В-пятых, это снятие оппозиции прошлое — настоящее: «мертвецы стоят в обнимку с особняками», в такси едут «седоки», словно в карете или коляске, «красотка записная» и «любовник старый и красивый» отсылают не столько к кощунственно преломленным образам Девы Марии и Иосифа, как считает О. А. Лекманов,³⁹ сколько к любовникам из ахматовской «Поэмы без героя» и — шире и дальше — к любовникам «галантного века». Между прочим, определение «старый» может означать отнюдь не возраст любовника, а его принадлежность к «старому времени». Образы спешащих персонажей перекликаются также с фрагментом из «Евгения Онегина», посвященным Петербургу — впрочем (Бродский

ет ли традиционному тону святочной идиллии “Рождественский романс” Бродского? Не похоже. Но не от атмосферы ли неслучающегося Рождества “необъяснимая тоска”? Не от воображаемой ли близости колыбели Спасителя сквозное покачивание-раскачивание, пронизывающее всё стихотворение? Благодаря тонким интонационным связям чрезвычайно музыкально, певуче это “плавание в тоске необъяснимой” в рождественском тоне, с “раскачиванием” между остро воспринимаемыми молодым поэтом впечатлениями, вплоть до “раскачивания” между реалиями Москвы и Ленинграда» (*Петрушанская Е.* Музыкальный мир Иосифа Бродского. СПб., 2004. С. 198). Ср. также характеристику стихотворения, принадлежащую В. А. Куллэ: «вполне романтическая усмешка поэта над тщетой и преходящестью земной суеты» (*Куллэ В. А.* Поэтическая эволюция Иосифа Бродского в России (1957–1972): Диссертация <...> кандидата филологических наук. М., 1996. Цит. по электронной версии: <http://www.liter.net/=kulle/evolution.htm>).

³⁸ «Москва женского рода, Петербург мужского. В Москве всё невесты, в Петербурге всё женихи» (*Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л., 1958. Т. 8. С. 178).

³⁹ *Лекманов О. А.* Луна и река в «Рождественском романсе» Иосифа Бродского. С. 347. Именование Иосифа любовником всё-таки выглядит немотивированным, даже если признавать здесь травестийный прием.

«переворачивает» время), не ночному, а утреннему: «С кувшином охтинка спешит».⁴⁰

«Мертвецы», что «стоят в обнимку с особняками» в «Рождественском романсе», — это, скорее, не новостройки, как считает О. А. Лекманов,⁴¹ и не статуи, как полагает один из его комментаторов,⁴² а именно мертвецы (призраки) — обитатели этих особняков.⁴³

Все эти оппозиции преодолеваются или словно преодолеваются благодаря поэтическому воображению. Тема поэзии ассоциативно вводится в текст благодаря упоминанию о «пчелином хоре». «Пчела соотнесена с душой, как в учении орфиков и во многих других, в том числе славянских, традициях <...>. В мифах пчела также связана с поэтом (ср. мандельштамовское как пчелы, лирники слепые), сходящим в царство мертвых, дабы обрести высшую творческую силу. Кроме того, пчела, как и роза, ассоциируется с Марией. В финале “Божественной комедии” небесная роза объединяет все души в праведников, причем Мария — ее высший лепесток. В мистическую розу, как пчелы, спускается рать ангелов».⁴⁴ Поэты уподоблены пчелам у Платона⁴⁵ и Горация, затем у Ронсара, Шенье,

⁴⁰ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1978. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. С. 21.

⁴¹ Лекманов О. А. Луна и река в «Рождественском романсе» Иосифа Бродского. С. 347.

⁴² Из комментариев к посту О. А. Лекманова в «Живом журнале» (URL: <http://brodsky.livejournal.com/177513.html>).

⁴³ Ср., впрочем, такой фрагмент в эссе Бродского «Путеводитель по переименованному городу» — аргумент в пользу отождествления «мертвецов» с домами: «Конечно, в наши дни даже казарменный стиль николаевской эпохи может согреть смятенное сердце эстета, поскольку он хотя бы хорошо передает дух времени. Но в целом это солдафонский, пруссацкий общественный идеал в российском выполнении, вкупе с безобразными доходными домами, втиснувшимися между классическими ансамблями, производит довольно обескураживающее впечатление» (Бродский И. Сочинения [В 7 т.]. СПб., 1999. Т. 5. С. 64; авториз. пер. с англ. Льва Лосева).

⁴⁴ Венцлова Т. Неустойчивое равновесие: Восемь русских поэтических текстов // Венцлова Т. Собеседники на пиру: Литературоведческие работы. М., 2012. («Новое литературное обозрение». Серия «Научная библиотека»; Вып. 108). С. 532 (выделено курсивом в оригинале). Об античных и средневековых значениях метафоры поэт/книжник — пчела см.: Бирнбаум Х., Романчук Р. Кем был загадочный Даниил Заточник? // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 686, примеч. 44.

⁴⁵ Тарановский К. Очерки о поэзии О. Мандельштама // Тарановский К. О поэзии и поэтике / Сост. М. Л. Гаспаров. М., 2000. С. 126.

Клоделя⁴⁶ и далее — например, у Фета («Моего тот безумства желал, кто смежал...»⁴⁷ и другие стихотворения) или у Мандельштама («Черепаха», или «На каменных отрогах Пиэрии...» — «как пчелы, лирники слепые», «Сестры — тяжесть и нежность...»,⁴⁸ «Возьми на радость из моих ладоней...»). Метафора пчелы-песни встречается у современника Мандельштама Алексея Ганина.⁴⁹

Но образ пчелы может быть амбивалентным. В мандельштамовском стихотворении «Возьми на радость из моих ладоней...» богиня Персефона «олицетворяет (represents) лето и жизнь, и пчелы — ее посланницы Человеку».⁵⁰ Однако одновременно они связаны с темнотой и смертью: «Возьми на радость из моих ладоней / Немного солнца и немного меда, / Как нам велели пчелы Персефоны...», «Возьми ж на радость дикий мой подарок — / Невзрачное сухое ожерелье / Из мертвых пчел, мед превративших в солнце»; «Они шуршат в прозрачных дебрях ночи»; «Нам остаются только поцелуи, / Мохнатые, как маленькие пчелы, / Что умирают, вылетев из улья» («Возьми на радость из моих ладоней...»)⁵¹. Приписывание пчелам неспособности жить, вылетев из улья, и наделение их «ночной» семантикой противоречит энтомологии, но мотивировано связью образа поэта с ночным уединением.⁵²

В этом мандельштамовском стихотворении образ пчел наделен эротическими коннотациями, которые могли быть также значимы для Бродского — автора «Рождественского романса», вплетающего в свой текст и мотив поэзии, и мотив любви.

Эротические коннотации вообще характерны для образа пчелы в поэзии. К. Ф. Тарановский⁵³ указал на строки Державина «Хлоя, жаля, услаждает, / Как пчелиная стрела: / Мед и яд в меня вливает, / И, томя

⁴⁶ Nilsson N.-A. Osip Mandel'stam: Five Poems. Stockholm, 1974. (Acta Universitatis Stockholmiensis: Stockholm Studies in Russian Literature). P. 74.

⁴⁷ См. анализ этого стихотворения: Венцлова Т. Неустойчивое равновесие. С. 532–535.

⁴⁸ См. анализ этого стихотворения: Тарановский К. Очерки о поэзии О. Мандельштама. С. 126, 138.

⁴⁹ Nilsson N.-A. Osip Mandel'stam. P. 76.

⁵⁰ Ibid. P. 70.

⁵¹ Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 131.

⁵² Nilsson N.-A. Osip Mandel'stam. P. 76.

⁵³ Тарановский К. Очерки о поэзии О. Мандельштама. С. 145–146.

меня, мила»⁵⁴ («Мщение» — перевод стихотворения Иоганна Николая Гётца; образ восходит к роману Лонга «Дафнис и Хлоя»)⁵⁵ и на его же «Пчелку»: «Пчелка золотая! / Что ты жужжишь? Всё вокруг летая, / Прочь не летишь: / Или ты любишь / Лизу мою»; «Пчелка золотая! / Что ты жужжишь? / Слышу, вздыхая, / Мне говоришь: / К меду прилипнув, / С ним и умру».⁵⁶

В «Возьми на радость из моих ладоней...» пчелы также ассоциируются с временем: «Их пища — время, медуница, мята...»,⁵⁷ а время — главная тема «Рождественского романса».

Стихотворение Мандельштама «На каменных отрогах Пиэрии...» вошло в «Tristia» и во «Вторую книгу»; «Сестры — тяжесть и нежность...» — во «Вторую книгу», «Возьми на радость из моих ладоней...» — также во «Вторую книгу».⁵⁸ Таким образом, Бродский к концу 1961 года, возможно, все эти стихотворения знал.⁵⁹

Образ пчелы неразрывно связан с образом розы. Так, например, они соотнесены в упоминавшемся фрагменте из «Божественной комедии» Данте Алигьери:

Так белой розой, чей венец раскрылся,
Являлась мне святая рать высот,
С которой агнец кровью обручился;

А та, что, рея, видит и поет
Лучи того, кто дух ее влюбляет
И ей такую мощной быть дает,

Как войско пчел, которое слетает
К цветам и возвращается потом
Туда, где труд их сладость обретает,

⁵⁴ Державин Г. Р. Стихотворения / Вступит. ст., подгот. текста и общая редакция Д. Д. Благого; Примеч. В. А. Западова. Л., 1957. («Библиотека поэта». Большая серия. 2-е изд.). С. 308.

⁵⁵ Тарановский К. Очерки о поэзии О. Мандельштама. С. 145.

⁵⁶ Державин Г. Р. Стихотворения. С. 245–246.

⁵⁷ Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 131.

⁵⁸ См. о публикациях этих стихотворений: Мец А. Г. Комментарий. С. 553, 554, 560.

⁵⁹ Не очень ясно, что означает свидетельство поэта С. М. Волкову (см. примеч. 21), что он в 1960 или в 1961 году прочитал «Tristia»: идет ли речь о берлинском сборнике, о близкой ему по составу «Второй книге» или о разделе в «Стихотворениях» 1928 года.

Витала низко над большим цветком,
Столь многолиственным, и взлетала снова
Туда, где их Любви всевечный дом.

«Рай», XXXI, 1–12, пер. М. Л. Лозинского⁶⁰

Образ розы, присутствующий в стихотворении Бродского в форме сравнения («кораблик, на розу желтую похожий»), ассоциативно соединен с мотивом пчелы и одновременно — именно в этом контексте, содержащем упоминание Анны Ахматовой, — отсылает к ахматовским стихам, в которых роза символизирует красоту и истинную, классическую поэзию. Так происходит в строках «Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли, / Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ. / Оди-чальные розы пурпурным шиповником стали» из стихотворения «Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...»⁶¹ и в строке «Я к розам хочу, в тот единственный сад» из стихотворения «Летний сад».⁶² В «Рождественском романсе» роза может ассоциироваться именно с ахматовской поэзией также потому, что «красный розан в волосах» — деталь образа Ахматовой в посвященном ей стихотворении Александра Блока («Анне Ахматовой»).

«Классическая роза» — метафора истинной, высокой поэзии в стихотворении Владислава Ходасевича «Петербург»; его автор говорит о себе: «Привил-таки классическую розу / К советскому дичку».⁶³ Поэзия Ходасевича — один из наиболее значимых подтекстов лирики Бродского,⁶⁴ а строка о «классической розе» цитируется в эссе «Путешествие в Стамбул» и в его английском варианте «Flight from Byzantium» («Бегство из Византии») — во втором случае автор эссе прямо упоминает имя Ходасе-

---

⁶⁰ Данте Алигьери. Новая жизнь. Божественная комедия / Пер. с итал. М., 1967. («Библиотека всемирной литературы». Серия первая; Т. 18). С. 510–511.

⁶¹ Ахматова А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2, кн. 1: Стихотворения. 1941–1959 / Сост., подгот. текста, коммент. и статья Н. В. Королевой. С. 202. Стихотворение было впервые опубликовано в 1958 году.

⁶² Там же. Т. 2, кн. 2. С. 7. Стихотворение было впервые опубликовано в 1960 году, переиздано в 1961-м.

⁶³ Ходасевич В. Стихотворения / Вступит. ст. Н. А. Богомолова; сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова и Д. Б. Волчека. Л., 1989. («Библиотека поэта». Большая серия. 3-е изд.). С. 155.

⁶⁴ См. об этом: Рангин А. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Бродского. М., 2001. («Новое литературное обозрение». Серия «Научная библиотека»; Вып. 30). С. 371–380.

вича.⁶⁵ «Петербург» Ходасевича — стихотворение, значимое для Бродского и благодаря названию, и благодаря мотиву сохранения классической традиции, однако уверенно утверждать, что оно входит в состав интертекста «Рождественского романса», нельзя, так как неизвестно, был ли знаком Бродский в 1961 году с поэзией автора «Европейской ночи».

Мотив пьянства в контексте стихотворения Бродского может иметь дополнительный смысл, ассоциироваться с поэтическим вдохновением. «Трезвое <...> пианство»⁶⁶ — навеянная Пиндаром метафора вдохновения в «Оде торжественной о сдаче города Гданска» Василия Третьяковского, — первой русской торжественной оде. Мед, вино, «Бахуса службы» и поэзия образуют единое ассоциативное поле в мандельштамовском стихотворении «Золотистого меда струя из бутылки текала...»,⁶⁷ которое в 1961 году Бродскому было точно знакомо, так как входило в прочитанный им сборник «Tristia».⁶⁸

Амбивалентен образ вина в знаменитом стихотворении Блока «Незнакомка».⁶⁹ В частности, вино ассоциируется с поэтическим вдохновением и воображением. В пятой строфе вино перифрастически названо «влажгой терпкой и таинственной». Эпитет «терпкая» и еще больше эпитет «таинственная» придают вину особенный ценностный смысл, но при этом вино, словно это всего лишь напиток, «оглушает», опьяняет в буквальном смысле слова. Предметны и отталкивающие «пьяницы с глазами кроликов». Но в одиннадцатой строфе мотив опьянения приобретает вновь символистский смысл некоего преобразования души («И все души моей излучины / пронзило терпкое вино»), хотя ощущаемое откровение представлено размытым, неопределенным и несколько сомнительным: «тайны» — «глухие», а «солнце» — «чье-то». Тем не менее и эти «тай-

---

⁶⁵ См.: *Бродский И.* Сочинения [В 7 т.]. Т. 5. С. 283; *Brodsky J.* Less than One: Selected Essays. N. Y., 1986. P. 395–396.

⁶⁶ *Третьяковский В. К.* Избранные произведения / Вступит. ст. и подгот. текста Л. И. Тимофеева; примеч. Я. М. Строчкова; подгот. текста поэмы «Феоптия» и примеч. к ней И. З. Сермана. М.; Л., 1963. («Библиотека поэта». Большая серия. 2-е изд.). С. 129. Во второй, «хореической», редакции стихотворения используется выражение «странное пианство». См.: *Третьяковский В. К.* Лирика, «Тилемахида» и другие стихотворения / Сост. Г. Г. Исаева, Г. Г. Глинина, Т. Ю. Громовой; предисл. Г. Г. Исаева, Г. Г. Глинина; коммент. Т. Ю. Громовой. Астрахань, 2007. С. 111.

⁶⁷ *Мандельштам О.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 116.

⁶⁸ См. о публикациях этого стихотворения: *Мец А. Г.* Комментарий. С. 539, 547.

⁶⁹ *Блок А.* Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 185.

ны», и «солнце» явно противопоставлены скучному пошлому миру. «Глухие тайны» контрастируют с диким и глухим воздухом дачной местности из второй строки, а «солнце» — с бессмысленным кривящимся «диском» из двенадцатой. Соответственно, и финальное утверждение «Я знаю: истина в вине» отнюдь не звучит как простое согласие с возгласом пьяниц-пошляков «In vino veritas!».

Л. К. Долгополов полагал, что «Незнакомка — лишь *смутное видение*, возникшее в пьяном мозгу поэта, призрак, созданный хмельным воображением». ⁷⁰ На мой взгляд, такая однозначная трактовка не учитывает символистского подтекста мотива вина. У символистов вино соотносится с солнцем, это его метафора-символ, как бы его манифестация и энергия. Так, Андрей Белый выстраивает в один семантический ряд солнце, золотое руно из греческого мифа об аргонавтах и вино: «Вино / мировое / пылает / пожаром / опять: / то огненным шаром / блистать / выплывает / руно / золотое, / искряться» («Золотое руно», 2). ⁷¹

Солнечное вино искрится в стихотворении Андрея Белого «На горах». В нем представлен Горбун, который «в небеса запустил / ананасом» — солнцем. ⁷² Это «отмеченный особой приметой жрец, заклинающий стихии и приводящий космические силы в динамическое состояние (“Говорил / низким басом. / В небеса запустил / ананасом”), сочетающий небо и землю, холод и огонь <...> лирический субъект, предающийся “мистическому пьянству” и пребывающий в доверительно-игровых (“жизнетворческих”) отношениях с “горбуном седовласым”:

Я в бокалы вина нацедил,
я, подкравшись боком,
горбуна окатил
светопенным потоком». ⁷³

Солнце и вино «взаимоперетекают» друг в друга и в поэзии Вячеслава Иванова: «Как стремительно в величье бега Солнце! / Как слепительно в обличье снега Солнце!»; «Как пьянительно кипит у берега Солнце!»;

⁷⁰ Долгополов Л. К. Александр Блок: Личность и творчество. Л., 1978. С. 62.

⁷¹ Белый Андрей. Стихотворения и поэмы / Вступит. ст., сост., подгот. текста и примеч. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб., 2006. (Серия «Новая Библиотека поэта»). Т. 1. С. 82.

⁷² Там же. С. 130.

⁷³ Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность. М., 1995. («Новое литературное обозрение». Научное приложение; Вып. 4). С. 154.

«Солнце — сочность гроздий спелых» («Солнце»)⁷⁴ Солнце обращается к сердцу — своему alter ego в мире людей: «Истекаешь неисчерпно, / Поникаешь страсотерпно <...> Весь ты — радость, ранним-рано, / Брат мой, — весь ты кровь и рана / На краю вечеровом!» («Завет Солнца»)⁷⁵ В образе вина просвечивают литургическая символика (таинство Причастия) и ассоциации (страсотерпчество) с Крестной Жертвой Иисуса Христа.

С какими именно лирическими текстами, содержащими мотив поэтического вдохновения как опьянения, был знаком Бродский ко времени создания «Рождественского романса», не существенно. (Символистов он позднее недолюбливал, «Незнакомку», очевидно, прочитал в юности; блоковские пьяницы и пьяницы из «Рождественского романса» «аукаются», отчасти принадлежат к одной литературной компании — только у Бродского они вместе с сомнамбулами, красоткой, любовником принадлежат не пошлой повседневности, а высокой фантазии.) Фактически этот мотив был литературным топосом. Вдохновение как опьянение — частная реализация более общего мотива поэтического творчества как безумства, исступления, который возник еще в античности — у Платона, Горация, Овидия.⁷⁶ В платоновском диалоге «Ион» говорится о поэтах как об «одержимых божественным вдохновением», подобных корибантам, которые «пляшут в исступлении», и вакханкам — служительницы Вакха, «когда одержимы, черпают из рек мед и вино, а в здравом уме так не бывает». У поэтов бог «отнимает рассудок и делает их своими слугами, божественными вещателями и пророками, чтобы мы, слушая их, знали, что не они, лишённые рассудка, говорят столь драгоценные слова, а говорит сам бог и через них подает нам свой голос».⁷⁷ Гораций в одной из од (III; XXV), изображая вдохновение, восклицает: «Вакх, я полон тобой!»⁷⁸

⁷⁴ Иванов В. Стихотворения. Поэмы. Трагедии / Вступит. ст. А. Е. Барзаха; сост., подгот. текста и примеч. Р. Е. Помирченко. СПб., 1995. (Серия «Новая Библиотека поэта»). Т. 1. С. 224–225.

⁷⁵ Там же. С. 226.

⁷⁶ См. об этом мотиве: Curtius E. R. *European Literature and the Latin Middle Ages* / Translated from the German by W. R. Trask. 7th print., with new afterword by P. Godman. Princeton University Press, 1990. (Bolling Series, XXXVI). P. 474–475.

⁷⁷ Платон. Сочинения: В 3 т. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. М., 1968. Т. 1. С. 138–139; пер. Я. М. Боровского.

⁷⁸ Гораций. Собрание сочинений / Вступит. ст. В. С. Дурова. СПб., 1993. С. 139, пер. Г. Ф. Церетели.

Эхо этих текстов Бродский не мог не слышать. Кроме того, трактовка вдохновения как одержимости и исступления, бывшая также и романтическим штампом, естественным образом должна была вновь порождать или актуализировать в сознании Бродского древнюю метафору *вдохновение-опьянение*.

Связь «Рождественского романа» с петербургским локусом имеет глубокий смысл. Петербург в представлении Бродского — город, обладающий свойством поэтической креативности: «Как это нередко случается с человеком перед зеркалом, город начал впадать в зависимость от своего объемного отражения в литературе. Не то чтобы он недостаточно совершенствовался (хотя, конечно, недостаточно!), но с врожденной нервозностью нарциссиста город впивался всё более и более пристально в зеркало, проносимое русскими писателями, — перефразируя Стендаля, — сквозь улицы, дворы и убогие квартиры горожан. Порой отражаемый пытался поправить или просто разбить отражение, что сделать было проще простого, поскольку почти все авторы тут же и жили, в городе. К середине 19 столетия отражаемый и отражение сливаются воедино: русская литература сравнивалась с действительностью до такой степени, что когда теперь думаешь о Санкт-Петербурге, невозможно отличить выдуманное от доподлинно существовавшего» (эссе «Путеводитель по переименованному городу»).⁷⁹

Петербург удивительно подходил к теме иллюзорности, пронизывающей текст «Рождественского романа». Произведения, посвященные городу и образующие так называемый *Петербургский текст* (понятие, введенное в научный обиход В. Н. Топоровым), воплощали и варьировали эту тему: в *Петербургском тексте* происходит «двоение», «сущее и не-сущее меняются местами, притворяются одно другим, смешиваются, сливаются, поддразнивают наблюдателя (мираж, сновидение, призрак, тень, двойник, отражения в зеркалах, “петербургская чертовня” и под.)». ⁸⁰

При этом в границах *Петербургского текста* сформировалась соотнесенность двух российских столиц: оправдана «постановка вопроса о том общем, что объединяло Петербург и Москву. <...> [По] существу явления Петербурга и Москвы в общероссийском контексте, в разных его фазах, были, конечно, не столько взаимоисключающими, сколько в з а и м о д о п о л н я ю щ и м и, подкрепляющими и дублирующими друг друга», — в частности, как два столичных города.⁸¹

⁷⁹ Бродский И. Сочинения [В 7 т.]. Т. 5. С. 61—62.

⁸⁰ Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы»: (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Образ. Символ. С. 294.

⁸¹ Там же. С. 274 (разрядка присутствует в оригинале).

Владимир Вейдле выделил в русской поэзии особенное течение — «петербургскую поэтику», причислил к ней акмеистов (в том числе и Анну Ахматову и Осипа Мандельштама) и Бродского.⁸² Особенность «петербургской поэтики» — требование «предметности, а вместе с нею и большей точности, более строгой взвешенности, а тем самым и большей скромности слова» в сравнении с символистами.⁸³ Соглашаясь с Вейдле, к «петербургской поэзии», вдохновленной — если не созданной — «градом Петровым», причислил Ахматову и Мандельштама и сам Бродский в эссе «Путеводитель по переименованному городу».⁸⁴ Ахматова и Мандельштам относятся к числу русских поэтов, наиболее значимых для автора «Рождественского романса».⁸⁵ С Мандельштамом его роднит приверженность петербургской теме⁸⁶ и «тоска по мировой культуре», хотя «[в] той же мере, в какой Мандельштам — “сын цивилизации”, Бродский — сын цивилизации (и истории), прекратившей течение свое». Бродскому «надлежало заново связать распавшееся время — стихами, да и прозой, которые строились на обломках памяти в полной пустоте».⁸⁷

И петербургская тема, и сложная игра с литературными подтекстами, поданными как классические, и сочетание предметности с зашифрованием глубинной семантики текста, с иносказанием, и соединение автобиографичности с поэтической условностью — все эти особенности сближают стихотворение Бродского с поэзией акмеистов.⁸⁸ «Рождественский

---

⁸² Вейдле В. Петербургская поэтика // Вейдле В. Умирание искусства / Сост. и авт. послесл. В. М. Толмачев. М., 2001. С. 308–320.

⁸³ Там же. С. 314.

⁸⁴ Бродский И. Сочинения [В 7 т.]. Т. 5. С. 64.

⁸⁵ Об отношении Бродского к поэзии Мандельштама см.: Венцлова Т. Бродский о Мандельштаме // Венцлова Т. Собеседники на пиру. С. 223–234.

⁸⁶ О петербургской теме у Мандельштама см. прежде всего: Сурат И. Поэт и город: Петербургский сюжет Мандельштама // Звезда. 2008. № 5. С. 178–203.

⁸⁷ Венцлова Т. Бродский о Мандельштаме. С. 226.

⁸⁸ Ср. характеристику акмеизма (точнее, фактически творчества Ахматовой и Мандельштама) в статье: Левин Ю. И., Сегал Д. М., Тименгик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Russian Literature (Amsterdam). 1974. Vol. 7–8. P. 47–82. Понятие акмеизм, несомненно, не является строгим и достаточно условно; см. об этом: Лекманов О. А. Книга об акмеизме // Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. С. 9–16. Очень приблизительно установка акмеистов может быть охарактеризована так: «Пытаясь избежать су-

романс» — попытка воскрешения классической традиции и старой жизни, прежнего времени. Попытка осознанно иллюзорная. В стихотворении Бродского есть такие странные строки, кажется, никем пока что не объясненные: «ночной кораблик» — луна — плывет «над головой своих любимых, / у ног прохожих». Эта картинка совершенно сюрреалистическая: луна одновременно оказывается над головами и у ног. (Объяснить такое двоение «ночного кораблика» тем, что подразумеваются ночное светило и его отражение, не получится: город — зимний, на вагоне «дрожит снежинка», так что отражаться луне попросту не в чем — нет ни открытой речной воды, ни луж.) Очевидно, в этом стихотворении две разные луны — одна плывет в воображаемом виртуальном мире «своих любимых» — сомнамбул, пьяниц, поэтов, другая «путается» в ногах — обывателей-«прохожих».

Литературные подтексты в «Рождественском романсе» не эксплицированы, не выявлены посредством «прямых» цитат или аллюзий, они даны ассоциативно. Их узнавание предполагает не уверенность, а догадку.⁸⁹ Они не закреплены за текстом, а мерцают и «плывут», перетекая друг в друга и теряясь. Впрочем, такая игра подтекстов как раз в духе и в стиле акмеистов — Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама.⁹⁰

Стихотворение, названное «романсом», что предполагает относительную простоту и прозрачность текста, оказывается сложным и «темным», мерцающим и переливающимся своими литературными подтекстами.

губо бытового или, напротив, сугубо мистического наполнения поэтического слова, акмеисты добивались того, чтобы в «слове оказались полноправными и конкретно-назывная его функция и функция метафорически-понятийная» (*Лекманов О. А.* Книга об акмеизме. С. 83; цитируется работа: *Панов М. В.* Стилистика: Русский язык и советское общество: Проспект. Алма-Ата, 1982. С. 162).

⁸⁹ Еще одним вероятным претекстом «Рождественского романса» может быть мандельштамовское стихотворение «На страшной высоте блуждающий огонь...», вошедшее в книгу «Tristia» и потому Бродскому в 1961 году точно известное. В мандельштамовском тексте развернут образ «блуждающего огня», парящего, несущегося «на страшной высоте», — «зеленой звезды» и «чудовищного корабля» — двойника умирающего Петрополя-Петербурга (*Мандельштам О.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 121). Но у Мандельштама, в отличие от Бродского, этот образ — зловещий и эсхатологический (см. об этом: *Тарановский К.* Зеленые звезды и поющие воды в лирике Блока // *Тарановский К.* О поэзии и поэтике. С. 337—338). Бродский как бы переписывает мандельштамовский текст.

⁹⁰ В случае с Мандельштамом сходство особенно заметно (ср. анализ его поэтических подтекстов в работах К. Ф. Тарановского, О. Ронена, Г. А. Левинтона, Е. А. Тодеса, Г. М. Фрейдина и других).

Тимур Кибиров между сатирой и свободой (к апологии смеха)

1

С середины 1980-х годов начинается несомненная активизация смехового начала в официальной (т. е. общедоступной, открытой) русской литературе и вообще искусстве. Причины такого смехового бума вполне очевидны: в своем большинстве они связаны с социально-политическими процессами советского общества в период его распада и постсоветских мутаций. Эра гласности стала благоприятной средой для функционирования различных сатирических жанров; иначе быть просто не могло. Причем, речь идет не только о политической гласности: резкое и качественное сокращение целого ряда культурных запретов не в меньшей мере, нежели политические свободы, воздействовало на смеховую культуру в ее бытовании в России. То, что ранее находилось под спудом, теперь освободилось, перестало быть андеграундом в том его значении, в каком данное понятие прилагается к советской культурной жизни 1960-х — начала 1980-х годов.

Смеховая культура, несомненно, переживает — вот уже почти три десятилетия — пору расцвета, при этом — расцвета легализованного. Но это не означает, что все ее формы развиваются сейчас с одинаковой успешностью и продуктивностью; в ряде случаев можно наблюдать глубинные трансформации привычных смеховых традиций. Так, в частности, обстоит дело с сатирой в точном и прямом смысле данного явления, т. е. с литературой осмеяния, с литературой, целью которой является обличение при помощи смеха.¹

---

¹ В понимании сатиры, которой давались (как в литературоведении, так и в эстетике) весьма разнообразные определения, я, в целом, следую за Л. Е. Пинским, полагавшим, что сатира, «предметом которой служат пороки, в особенности

Конечно, сатира, как любой феномен смеховой культуры, лишена плоскости и однозначности. Она, благодаря той смеховой почве, на которой вырастает, всегда полисемантична и даже противоречива, ее смыслы находятся в постоянном движении. Недаром сатире в такой степени присущ гротеск — одна из самых сложных и многозначных форм художественного смыслопорождения.² Однако при всём этом сатира — чтобы остаться самой собой — с обязательностью требует четкой аксиологии; без ясной системы оценок сатира теряет почву для выполнения главной своей функции — разоблачительной. Отчетливое разграничение субъекта и объекта смеха, без которого сатира немислима, так как обличение постулирует отделение себя от предмета собственного обличения, может осуществиться лишь в том случае, когда субъект легко квалифицирует тот или другой факт как позитивный либо, напротив, негативный. А это возможно лишь в случае его опоры на достаточно четкую и иерархически организованную систему ценностей — возможно, и не общепринятую, однако достаточно авторитетную.

Подобные аксиологические установки современное искусство если и не отрицает вовсе, то, безусловно, старается их предельно редуцировать, да и вообще избегать. Одна из основных его особенностей как раз и состоит в последовательном отходе от какой-либо одной оценочной системы. Подобный скепсис в отношении к ясной системе оценочных координат не может не сделать проблематичным содержательное развитие сатиры в старом ее смысле. Так, в целом, и происходит.

Действительно, «чистая» сатира в русской литературе последних трех десятилетий связана, в первую голову и по преимуществу, с творчеством писателей, так сказать, доперестроечного времени: имею в виду и массовую сатиру вроде М. Жванецкого или М. Задорнова, и литературу более высокого и ответственного уровня, вроде В. Войновича. При всей популярности, а в некоторых случаях и эстетической выразительности произведений такого типа, их вряд ли можно квалифицировать как в прямом смысле современные. Те же культурные факты, которые таковыми

социальные, отличается вполне определенным (отрицательным, бичующим) тоном оценки». В крайнем своем проявлении подобная сатирическая «серьезность» приводит к тому, что «начиная с более поздних стадий античности (Ювенал), существует <...> и не комическая сатира, воодушевляемая одним негодованием, чисто сатирическим, лишенным условно игрового оттенка» (Пинский Л. Е. Комическое // Пинский Л. Е. Магистральный сюжет. М., 1989. С. 341—342).

² См. о гротеске прежде всего знаменитое сочинение: Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990; а также: Пинский Л. Е. Реализм эпохи Возрождения. М., 1961. С. 119—223; Kayser W. Das Grotteske: Seine Gestaltung in Malerei und Dichtung. Oldenburg; Hamburg, 1957.

как раз и являются, напротив, от сатиры в традиционном ее толковании в существенной мере отходят, приближаясь многими своими сторонами к тем видам смеховой стихии, которые после М. М. Бахтина обычно называют карнавальными или народно-смеховыми, с их смыыванием границ между субъектом и объектом смехового действия.

Таков, например, смех С. А. Носова. Нельзя сказать, чтобы его творчество располагалось вне зоны сатиры; наоборот, сатирические интонации отчетливо различимы в большинстве его произведений. Достаточно вспомнить картины предвыборной кампании в «Хозяйке истории» или же страницы другого романа — «Грачи улетели», посвященные пребыванию героев в Германии. И все-таки не обличение посредством смеха, но иные цели являются в творчестве этого автора доминирующими; прежде всего — это цели создания игрового пространства: не человек обличающий или человек обличаемый, но человек играющий занимает центральное место в художественном мире С. Носова. И не его одного: творчество Носова — лишь один из возможных примеров, правда, представляющий случай, эстетически особо выразительный.

В семантико-аксиологических границах современной культуры в целом такое отношение к смеху может приводить — и приводит — к самым серьезным модификациям его функций в культуре, в том числе — и в литературе. В частности (и в первую очередь), возникает вопрос: сохраняется ли среди этих функций неразрывно связанная с сатирой функция утверждения каких-либо воспринимающихся бесспорными ценностей, или же смех отказывается от своих позитивно-серьезных задач, превращаясь в игровое начало, направленное на создание некоего параллельного мира, предлагающего непрерывные альтернативы реальности и, тем самым, несущего в себе идею релятивизма и обратимости чуть ли не любой моделируемой ситуации, что приводит если и не к отрицанию серьезности и ответственности бытия, то, во всяком случае, к сомнению в них. Если же такая, ранее преимущественно сатирическая, функция смеха сохраняется, то каким образом она актуализируется в художественном тексте? Для ответа на этот закономерно встающий вопрос, а точнее — серию вопросов, лучше всего обратиться к конкретному литературному материалу, в качестве которого в нашем случае выступит поэзия Тимура Кибирова.

2

Смеховая составляющая творчества этого поэта (не исключено, что самого выдающегося поэта нашего поколения) совершенно бесспорна. Она в известных — правда, весьма ограниченных — пределах включает

в себя и сатирические элементы. Однако сатирическая тональность поэтического мира Кибирова крайне приглушена постоянным перемещением субъекта поэтического слова (иными словами, лирического героя) в область смеха: высмеивая, т. е. направляя смех на отдаленные от себя объекты, субъект кибировской поэзии одновременно сам оказывается вовлечен в смеховое действие, тем самым стирая грань между тем, кто смеется, и тем, над кем (или, скорее, над чем) смеются. Сатира приобретает отчетливый привкус игры, переориентируясь с осуждения на утверждение идеи принципиальной неоднозначности любого жизненного явления, возможности его разных оценок. Так происходит, например, в «Солнцадаре»: в нем, бесспорно, присутствует осмеяние советских 70-х, т. е. сатира, однако пафос этого стихотворения (или маленькой поэмы) в другом — в творческом пересоздании прошлого, которое, преобразовываясь поэтическим словом и семантикой метра, становится принципиально неоднозначным, постоянно обнаруживая неизменную сопротивляемость любой оценке. Возникает карнавальное художественное пространство.

Карнавал — действительно предельно точное обозначение смеховой составляющей поэтического мира Т. Кибирова. Причем — карнавал в бахтинском его понимании, что сам поэт прекрасно осознает:

Участвуя в бахтинском карнавале,
Я весь дерьмом измазан, я смешон.

(«Конспект»)³

Вообще, следует сказать, что степень теоретической рефлексии у Т. Кибирова (как, впрочем, и у многих других постмодернистских — в самом широком значении — авторов) очень высока.

Карнавальный характер кибировского смеха означает прежде всего игровую доминанту создаваемого им (смехом) художественного мира; виртуальность и амбивалентность этого мира. «На карнавальной площади, как и в частном доме за пиршественным столом, всегда и везде, где миром правит изначальный игровой смех “космоса”, — писал Л. Е. Пинский, самый глубокий — наряду с Бахтиным — русский теоретик карнавального начала в литературе (при всей своей несоразмерности с Бахтиным в целом), — воцаряется двузначная атмосфера действительности, преломленной сквозь призму изобретательной фантазии: играющий человек (*Homo ludens*), играя (условно), как бы подвизается в (условной) роли изобретательного творческого человека (*Homo artifex*), создавая по “образу своему и подобию” некий полуусловный или с виду условный

---

³ Кибиров Т. Греко- и римско-кафолические песенки и потешки. М., 2011. С. 37. В дальнейшем при цитировании этого сборника страницы указываются в тексте.

особый комический образ или даже целый “мир комического”. Все элементы смешного образа (его “материал”) по сути взяты при этом из жизни <...>, но их соотношения, расположение или масштабы его черт <...> и акценты <...> поразительно преображены творческой фантазией». ⁴

Примером подобной смеховой игры могут послужить, среди других, многие стихотворения из сборника «Апоуге, ехі...» (1995). В них происходит разрушение историко-культурных стереотипов, обнаруживающее или полисемантизм закрепленной культурной памятью ситуации, или же возможность совсем иного, по сравнению с традиционным, видения данной ситуации. Последний случай — представленный, в частности, стихотворением «Сей поцелуй, ворованный у Вас...» — более простой; это привычный ход постмодернистской литературы. Оставаясь в границах русского словесного искусства, среди его приверженцев можно назвать В. Сорокина или же — имя совсем иного калибра — А. Левкина; подобный прием широко представлен у англичан (например, у Антонии Байетт); если же говорить о самом высоком градусе литературы, то стоит упомянуть Д. Фаулза или А. Битова.

Впрочем, Кибирову, как очень немногим, удастся избежать (при всей рискованности осуществляемых им семантических сдвигов) шокирующей вульгаризации, часто сопровождающей актуализацию данного приема в современной литературе. Скорее всего, это происходит как раз — и в первую голову — из-за непрерывной и осязаемой актуализации карнавалового начала, точнее, того шутивно-творящего фермента, без которого карнавал становится ущербной (а может быть — злойшей?) карикатурой на самого себя. Такой фермент и не позволяет новым смыслам, возникающим благодаря непривычной (а скорее — «опускающей») интерпретации знакомых фабул, выйти за пределы художественной условности: эти смыслы воспринимаются не как окончательные вердикты, отменяющие предшествующие представления, но как игра, при всей увлекательности и, следовательно, — значимости, остающаяся в пределах творческого вымысла. Перед нами — потенциальные возможности новых осмыслений, а не натужное навязывание их в качестве вновь утверждаемых истин.

Правда, подобная позиция таит в себе немалую опасность: а возможно ли само понимание бытия на предельно серьезном уровне, который с обязательностью включает категорию ценности? Карнавалый смех по своей природе далеко не всегда способствует ее выявлению и декларации: его принципиальная амбивалентность размывает жесткость аксиологической системы, с которой подобные ценности неразрывно связаны. Нередко задачи опровержения привычных представлений путем их сме-

⁴ Пинский Л. Е. Комическое. С. 340–341.

ховой трансформации (а с этим связана сама суть карнавала) настолько в нем усиливаются, что становятся своего рода самоцелью, оттесняя позитивный смысл карнавального действия на далекую периферию. Оно становится игрой. И всё же во многих случаях (хочется думать — в их большинстве) карнавал — не просто игра; задача не одного освобождения, но и утверждения ему далеко не чужда. Но этого утверждения карнавал — в отличие от сатиры — достигает иными художественными средствами.

В самом общем виде можно сказать, что сатира решает свои позитивные задачи способом прямым и относительно простым — так сказать, способом «от противного»: демонстрируя отклонения от нормы (какой бы она ни была) и посредством этого зеркально данную норму укрепляя. У карнавала — другой путь: через смех он обнажает совсем иные стороны жизни, переводит жизнь в обычно не замечаемые плоскости, то есть, в конечном счете, обнаруживает в привычном и даже примелькавшемся необычное и малознакомое.

Вновь обращусь к общим положениям Л. Е. Пинского: «Один из источников наслаждения от комического — это наше “узнавание” предмета под преображенной до неузнаваемого <...> маской».⁵ В результате возникает новое видение, казалось бы, тривиальной ситуации или не менее заезженного понятия, что обновляет их смыслы, делая прагматику этих смыслов вновь действенной и риторически успешной. Предлагая новую перспективу, карнавальный смех, тем самым, утверждает базовые ценности, утрачивающие (или уже утратившие) свою привлекательность из-за собственной стертости, если так возможно сказать — из-за семантической автоматизации. Он придает им свежесть.

Именно так и происходит в поэзии Т. Кибирова, в том числе — в одном из относительно недавних его сборников «Греко- и римско-кафолические песенки и потешки» (2011).

3

Отмеченная выше прямо сатирическая составляющая кибировской поэзии, казалось бы, проявляется и здесь: иногда — в сравнительно простом своем варианте («Национальный вопрос»), в других случаях — более сложно («Теодицея»); немного остановлюсь (для большей конкретности своих рассуждений) на двух названных текстах.

На первый взгляд, при беглом сопоставлении этих текстов, дело обстоит не так, как только что было сказано, — и «Национальный вопрос»

⁵ Пинский Л. Е. Комическое. С. 341.

представляется менее сатирическим, нежели «Теодицея»: в нем смеховое начало захватывает и субъект смеха, автор не выводит себя из смехового поля. В «Теодицее» же разграничение субъекта и объекта смеха проведено с несомненно большей последовательностью: объект персонифицируется в лирическом образе Ивана Карамазова, а обличительная инвектива передана Марии Магдалине. Однако субъект смеха с ней не совпадает. Последнее двустишие:

И долго ее усмирить не мог
Распятый за Ваню Бог (с. 55) —

включает Магдалину в поле относительной, а не абсолютной правоты. Озвученная ею позиция корреспондирует с истиной, но ею не покрывается. При всей справедливости ее обличительных слов, они допускают дополнения, принципиально меняющие общую картину. Эти дополнения реализуются не только финалом — не менее важна стихия смеха, исходящего, как уже отмечалось, не от Марии Магдалины и формирующегося текстом в целом, прежде всего — возникающим стилистическим контрастом между высокостью содержания и разговорной лексикой. Этот контраст подготавливается имеющейся у читателя пресуппозицией: стилистическая фактура романа Достоевского не противоречит подобному приему. И всё же несовпадение между лексическими запросами, предъявляемыми проблематикой кибиrowsкого стихотворения, и стилистической реальностью текста несоизмеримо значительнее, нежели в «Братьях Карамазовых». Благодаря этому и возникает смеховой эффект, не отторгающий претекст «Теодицеи» и не подвергающий его нигилистическому осмеянию, но существенно преобразующий его смысловой заряд, направляющий его в сторону большей непринужденности. Можно сказать, что «Теодицея» Кибирова выражает именно конечные смыслы «Братьев Карамазовых», обостряя и проблематизируя их. Сатирический заряд стихотворения в связи с этим крайне ослабевает.

Надо сказать, что и «Национальный вопрос» — при его большей сатиричности — ни в коей мере нельзя квалифицировать как прямо сатирическое произведение. Не обличение, но преобразование жизни посредством ее переосмысления, полностью захватывающего в первую очередь субъект смеха, определяет его модальность. Как, впрочем, и модальность большинства других стихотворений Т. Кибирова.

Для достижения такой цели Кибиров использует (имею в виду рассматриваемый сборник, хотя нечто подобное можно обнаружить и в других его книгах) несколько стратегий. Пожалуй, основными можно считать две из них, причем обе они с достаточной степенью отчетливости

проявляются в «Теодицее»; даже тот предельно сжатый, пунктирный ее анализ, что был приведен выше, дает об этих стратегиях некоторое представление. Во-первых, постоянно используется стилистический контраст, т. е. сознательное и очевидное в этой авторской осознанности и преднамеренности для реципиентов резкое несовпадение тематики и проблематики и способов их лексического оформления. В некоторых случаях начало текста так неожиданно своей стилистикой, что его содержание вполне может быть не понято; лишь дальнейшее развертывание текста делает его смысл определенным — имею в виду тематический регистр поэтического смысла. Таковы (кроме уже неоднократно упоминавшейся «Теодицеи») «Разбойник» или «Как же было нам не обозлиться?!», да и многие другие тексты.

Вторая стратегия, используемая поэтом, заключается в семантическом повороте, содержащемся в финале, благодаря чему возникает новый взгляд на вещи, вне зависимости от своей подготовленности / неподготовленности кардинально меняющий осмысление явленного поэтическим словом мира. Как это происходит у Кибирова, позволяет увидеть открывающее сборник стихотворение «Их-то Господь — вон какой!..»:

Но наш-то, наш-то — не плачь, сынок —
Но наш-то на ослике — цок да цок —
Навстречу смерти своей.

На встречу со страшной смертью своей,
На встречу со смертью твоей и моей!
Не плачь, она от Него не уйдет,
Никуда не спрятаться ей! (с. 7)

Начало этого завершающего произведение фрагмента отсылает к появляющемуся до этого дважды (и тем самым образующему своего рода рефрен) трехстишию, значимость которого усиливается его композиционной ролью — именно оно организует семантическое членение текста. Вариативность данного рефрена («...гляди, сынок» в первом случае, «...увы, сынок» во втором и «...не плачь, сынок» в третьем), казалось бы, полностью соответствует направленности лирического сюжета,⁶ более того — усиливает его динамику; его возможно трактовать как своеобразную форму нарастающей градации (климакса): нейтральная, несмотря

---

⁶ До сих пор далеко не ясное (как, впрочем, очень многое в теории литературы) понятие лирического сюжета сравнительно недавно стало предметом глубоких рефлексий Ю. Н. Чумакова. См.: Чумаков Ю. Н. В сторону лирического сюжета. М., 2010.

на повелительность, глагольная форма («гляди») сменяется выразительным в своей эмоциональности междометием «увы», за которым вновь следует глагол в повелительном наклонении («не плачь»), но уже насыщенный эмоциями, причем эмоциональная коннотация поддерживается прямым, денотативным, значением слова. Однако в последнем четверостишии стихотворения вроде бы полностью определившееся смысловое его движение (в основе которого лежит противопоставление могущества — весьма разнородного — «чужих» богов малости «нашего» Бога, движущегося к своей смерти) перенаправляется в совершенно иную, прямо противоположную, сторону. Встреча Господа со смертью вдруг начинает означать не Его умирание, но Его победу над смертью.

Переключение не просто кардинальное по своей семантике и аксиологии, но и весьма резкое. Правда, при внимательном чтении эта резкость оказывается во многом подготовленной; замена союза «а», анафорически начинающего рефрен в первый и во второй раз, союзом «но» при третьем повторе сигнализирует о каком-то глубинном смысловом сдвиге — хотя оба союза противительные, «противительность» второго из них, несомненно, явственнее и сильнее. Тем самым подготавливается следующий трансформационный ход, состоящий в замене наречия «навстречу» существительным с предлогом («на встречу»). Семантические перемены всем этим подготавливаются — и, однако, всё же остаются внезапными.

Но вернемся от размышлений над поэтической фактурой отдельного текста (всегда привлекательных в случае разговора о подлинном искусстве) к более общим вопросам, от которых мы несколько отвлеклись. Надо заметить, что две стратегии, о которых шла речь выше, очень близки друг другу; они основываются на принципе «обманутого ожидания» — базовом, как отмечал уже в 1925 году Б. А. Ларин, для лирики как разновидности художественной речи.⁷ Первая актуализирует данный принцип на лексическом уровне, вторая — на семантическом. Благодаря такой внутренней связанности две стратегии карнавального утверждения абсолютных ценностей в поэзии Кибирова тесно переплетаются, плавно переходя одна в другую; в большинстве текстов они представлены в своей совокупности, а не раздельно. В качестве иллюстрирующего органику их соединения текста можно назвать стихотворение «Разбойник». При этом нарушение читательских пресупозиционных конвенций (читательского ожидания) оказывается настолько сильным, что вызывает смех.

⁷ Ларин Б. А. О лирике как разновидности художественной речи: (Семантические этюды) // Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974. С. 54—101.

Итак, смех в поэзии Т. Кибирова имеет преимущественно карнаваль- ный, а не прямо сатирический характер. Что, однако, не препятствует его позитивным целям; творя атмосферу игры, творчества и свободы, кибировский смех одновременно утверждает некую систему ценностей, кото- рая предстает в его поэзии как непреложная. Причем, при всей своей аб- солютности, эта аксиологическая система свободу и альтернативность не ограничивает. Такая парадоксальная ситуация оказывается возможной, прежде всего, благодаря двум обстоятельствам.

Во-первых, — благодаря самому смеху, если он, как в нашем случае, остается самим собою, не мутируя, но, напротив, сохраняя свою глубин- ную природу. Такой смех — смех как экзистенциальное явление — озна- чает, по Бахтину (а он, думаю, имел в виду смех как раз такого уровня), свободу; вернее, как уточнил С. С. Аверинцев, не свободу саму по себе, но некий переход от несвободы к свободе: «Смех — это не свобода, а осво- бождение; разница для мысли очень важная».⁸ В сборнике Кибирова такой разрушающий любую неволю смех направлен на освобождение религиозного сознания современного, стремящегося к вере человека от власти псевдохристианских представлений и запретов, в России рядя- щихся (что особенно страшно!) в церковные православные одежды.

Однако, по словам того же Аверинцева, «переход от несвободы к сво- бode вносит момент некоторой новой несвободы»,⁹ точнее — рискну подправить великого филолога — *может вносить*. Вот этого, как раз, у Кибирова и не происходит; смех в его «Греко- и римско-кафолических песенках и потешках» означает не простое освобождение, но именно подлинную свободу, которая новой несвободой не сменяется и, тем бо- лее, ее в себе не несет. Это определяется, скорее всего, направленностью того освобождения, какое имел в виду Аверинцев в своих рассуждениях о смехе — ради чего появляется смех, к чему стремится *ropulus risus*? Новая несвобода как следствие смеховой трансформации мира, произво- димой для его освобождения, как думается, прямо зависит от того, что смех с собою приносит. В случае с кибировскими «Греко- и римско-ка- фолическими песенками и потешками» такая конечная цель смеха — христианство, причем, христианство, сознательно понимаемое прежде всего как евангельские слова: «*Азъ есмь путь и истина и животъ*» (Ин. 14: 6).

⁸ Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // Аверинцев С. С. Связь времен. Киев, 2005. С. 345.

⁹ Там же.

Здесь и располагается второе важнейшее обстоятельство, позволившее современному поэту выразить весть о безоговорочной и непобедимой свободе — не в ее узко-историческом, но в метаисторическом смысле, — свободе, увиденной, осмысленной и поданной в ее эсхатологической перспективе. Такая свобода странным образом не ведет в осмыслении бытия к релятивизму, так как, являясь подлинной и совершенной, она, вместе с тем, несет в себе абсолютную истину. Ее поэт и утверждает посредством смеха, ради нее его смех и несет в себе освобождение.

Подобная направленность смеха ставит порожденные им тексты кибировских стихотворений в особые отношения с исторически сложившимися христианскими церковными формами. Отношения эти — именно особые, даже напряженные, однако, всё же, не отрицающие конкретные конфессиональные формы. Не отрицающие, но — их преодолевающие, снимающие перед лицом вечности.

С одной стороны, позитивное наполнение кибировского смеха не связано с определенной национальной церковью. Не бытовую церковность в национальном ее укладе, а христианское восприятие мира в его истории (для христианина никогда не становящейся безвозвратно ушедшим прошлым) и современности приносит с собою кибировский смех. С другой стороны, авторская позиция не игнорирует вовсе конфессионального начала, тем более — не считает его ненужным или вредным. На это, среди прочего и с самого начала, указывает слово «кафолические», помещенное в название рассматриваемого нами сборника. Имея в виду, всё-таки, духовный опыт и духовную же историю апостольской (кафолической) христианской церкви, вернее, ряда конкретных церквей, Кибиров стремится поэтическим словом выразить суть христианства, представив его не как национальную идею, не как культурную традицию, но как совершенно особенное отношение к бытию, опирающееся на духовную реальность, существующую всегда и всюду и никогда не становящуюся архаикой и музеем.

Как уже было сказано, для поэта христианство являет собою абсолютную истину и, одновременно, такую же абсолютную свободу. И выразить подобное, вроде бы, парадоксальное мироощущение оказывается возможно лишь при помощи смеха. Карнавальный смех Кибирова, заключая в себе неготовую, вечно движущуюся и постоянно изменяющуюся жизнь, которую он и квалифицирует как высший из возможных ее регистров, видит в самом себе прежде всего язык, воплощающий самое существо христианской веры, которая и делает подобный регистр не мечтой, но возможностью для человека. Тем самым смех приобретает бесспорно позитивный смысл.

VOX SCRIPTORIS

Колониальные амбиции жанра и слова (о повести Джозефа Конрада «Сердце тьмы»)

Передо мной на столе фотография английского прозаика Джозефа Конрада (1857–1924). Умное, строгое, волевое, немного напряженное (фотограф, наверное, попросил не шевелиться) лицо настоящего английского джентльмена. Аккуратно подстриженные усы. Седая борода, тоже аккуратно подстриженная. Никакого беспорядка в одежде... Никаких внешних свидетельств, сколько ни вглядывайся, тех кошмарных переживаний, которые ему, наверняка, довелось испытать. А испытал Конрад не так уж мало. Он сутками выстаивал на капитанском мостике, попадал в гибельные штормы, боролся со шквальными ураганами, высаживался на необитаемых островах, изнывал от жажды, жарился под палящим южным солнцем, находил останки затонувших кораблей, видел, как желтый Джек (лихорадка) валит людей сотнями, сталкивался лицом к лицу с африканскими дикарями, татуированными с головы до пят, слышал их ночные жуткие завывания, бой барабанов и пр. и пр.

Но создается впечатление, что хаос всей этой дикой морской жизни совершенно его не коснулся. Он, как и его герой Марлоу, сохранил сознание цивилизованного европейца, ясность взгляда, упрямое видение собственного пути и целей. На торговом флоте он сделал почти головокружительную карьеру — от простого моряка до капитана. Из поляка он вполне сознательно превратился во француза, а потом из француза — в англичанина, еще более английского, чем даже сами англичане. Литературная карьера ему удалась ничуть не хуже. Упорство, трудолюбие в сочетании с уникальным опытом жизни морехода и тонким чувством слова дали потрясающие всходы. Очень скоро он был признан мастером английской про-

зы, что само по себе не может не восхищать, учитывая отнюдь не английское происхождение Конрада и нелюбовь жителей Альбиона к чужакам.

О приключенческих романах и колонизаторах

С подобным складом характера мы должны были бы получить вполне предсказуемого автора. Ну, скажем, профессионала в области приключенческой прозы, вроде Рафаэля Сабатини. Писателя, умеющего сковывать строго выверенным железным сюжетом драму человеческих усилий, разворачивающуюся в каких-то ужасно экзотических широтах. Конрад мог бы стать именно таким. Мог бы одурачить нас очередным приключенческим опусом, раскалить до романтической невменяемости страсти, выписать обстоятельно и со знанием дела мир восточной страны. Мог бы отправить старого морского волка Марлоу на поиски отважного капитана Курца, сгинувшего в поисках сокровищ. А в финале, вполне традиционном, наградить героя им же самим найденным кладом и возлюбленной.

Именно так поступал весь XIX век, вдохновленный романтиками. Англичане, жившие в строгую викторианскую эпоху, были склонны добавлять к этому романтическому пафосу приключений достоверность, а также идею долга, чести и благородства. Отважным флибустьерам, безудержно рвущимся к сокровищам, вскоре приходят на смену добропорядочные лорды, сквайры, врачи. Эти — более сдержанны и никогда не забывают о том, что они — англичане, неукоснительно выполняющие свой долг. «А теперь послушайте меня», — заявляет пирату-головорезу Джону Сильверу благородный капитан Смоллет. — Если вы все придете ко мне сюда безоружные поодиночке, я обязуюсь заковать вас в кандалы, отвезти в Англию и предать справедливому суду».

Викторианская эпоха нанесла жанру непоправимые увечья. Приключение, смелое, безудержное, стало идеологически проверенным и принялось всё время оправдываться, объясняя, что такое «хорошо» и что такое «плохо». С этими объяснениями жанру пришлось переселиться в детскую, чтобы по всем правилам английской воспитательной системы развлекать мальчиков из приличных семей. Оказавшись в детской, жанр начал уставать, дряхлеть, превращаться в стандартный набор игрушек — однотипных сюжетных формул. И всё же ему удалось выстоять и сохранить даже в замороженном виде прежнюю свежесть. Для литературы нет ничего страшнее подобного состояния. Когда какой-нибудь из ее жанров устал, забронзовел, старчески впал в детство, но по-прежнему уверен в непогрешимости собственных предписаний.

Бывшему моряку и путешественнику Конраду, когда он приступил к сочинению повести «Сердце тьмы», досталось, как мы видим, тяжелое наследство. Обремененное, словно неуплаченными долгами, неповоротливыми формулами и скучнейшими правилами. Однако Конрад с первых же страниц всех удивляет. Поначалу он вроде бы следует привычным правилам и вызывает в нашем сознании определенные ожидания, предчувствие привычного романтического путешествия. Но затем обманывает все ожидания и разрушает типичную приключенческую схему. Старый морской волк Марлоу, сидя вечером на берегу Темзы в окружении друзей-моряков, начинает рассказ о своем африканском путешествии. Слушателей тотчас же охватывает терпеливая скука — сейчас им придется выслушать типовую и неправдоподобную историю. Им заранее неинтересно: все-таки они моряки, а не читатели приключенческих книг, и привыкли жить в собственном реальном мире, а не в мире чужого воображения. Впрочем, их скепсис не подтверждается. Сам сюжет, произнесенные Марлоу фразы заставляют их перенестись в реальность рассказа, застыть в гипнотическом трансе, оцепенеть.

При том, что все составляющие набившего оскомину приключенческого романа вроде бы наличествуют. Здесь и романтическая жажда увидеть неизведанные земли, и покорение экзотической страны, и любовная линия, и поиск сокровищ (слоновая кость), и сражение с туземцами, и многое другое. Но весь этот арсенал оказывается как бы не в фокусе рассказчика. Его занимает, как мы знаем, совсем другое — предчувствие гибели цивилизации, страх перед пробуждением древней иррациональной воли, томящейся в человеческом подсознании, поиск истока мыслей, чувств и речи цивилизованных людей. Тем не менее, в самом тексте Конрад не просто игнорирует правила, показывая, что на обломках старой, скучной, традиции можно создать нечто новое и интересное. Он указывает на нее внутри своей повести и сознательно отказывается ей следовать. Почти с селиновским злорадством Марлоу рассказывает в «Сердце тьмы» о гибели экспедиции, состоящей из искателей приключений, которые смахивают на грабителей и пиратов.

Конрад говорит не только об эксплуатации и грабеже. Он отвергает сам жанр, проговаривая приключенческую формулу в одном абзаце и вскрывая ее как гнойный нарыв. Конрад указывает на нее и объясняет охотникам до приключенческого чтения, что сколь бы привлекательным оно ни казалось, оно таит в себе гнусность. Причем гнусность особого рода. Возведенную в квадрат. Одновременно этическую и художественную. Остросюжетный приключенческий роман, подчиняющий мир фантазии готовой схеме, — это вроде колонизации далекой туземной страны, ничего не знающей о европейской цивилизации, о ее кодексах и законах. В том и в другом случае реальность подвергается жесточайшей репрес-

сии, втискивается в прокрустово ложе границ и правил. И всё это делается с единственной целью — заработать денег. Белые колонизаторы Африки получают каучук, золото, ценнейшую слоновую кость, а ловкий беллетрист — высокий гонорар.

Окультуренное пространство благодарит и первооткрывателя-фермера, и певца-конкистадора разве что в просветительских романах. В романтических текстах, причем уже в самых ранних из них (Людвиг Тик), оно ему мстит — чудовищно, изощренно и очень реалистично, разоряя его, выматывая его силы, заражая беспричинным страхом и безумием. И вот художник, добившийся славы и денег, вдруг вскрывает себе горло, а искатель приключений и золота, свихнувшийся и одичавший, бродит вокруг развалин какого-нибудь замка Руненберг.

Марлоу, колонизатор и художник (путешествие начинается)

Марлоу, alter ego Конрада, выступает одновременно в трех ролях: путешественника-колонизатора (открывателя новых земель), человека, который постучался в мир кошмара, и, наконец, художника, решающего чисто языковые задачи. Подобная систематизация скорее подошла бы строгой литературоведческой статье. И я нисколько на ней не настаиваю, тем более что Конрад не раз соблазняет нас идеей фиктивности происходящего и намекает, что, возможно, весь рассказ — плод разгоряченного воображения Марлоу. Стало быть, нам, читателям, следует забыть о Марлоу-колонизаторе, Марлоу-человеке. Я вполне готов допустить, что Марлоу никуда не ездил. Он сидит на берегу Темзы (реальна лишь его фигура, напоминающая статую Будды), раскуривает трубку и прямо сейчас сочиняет свой рассказ, переживая дикий ужас и пугаясь собственного голоса.

Ездил Марлоу в бельгийское Конго или нет, пожалуй, не столь уж принципиально. Важно то, что опыт прошлого (или выдуманного прошлого) он переживает сейчас. Произнося слова, замолкая, снова начиная говорить, он покидает область рассудка и человеческих эмоций (она оказывается неожиданно поверхностной и легко отторгаемой) и движется к истоку собственного «я», где плещется дикое, архаическое, отзвук иррациональной мировой воли. Кульминацией этого движения становится встреча с Курцем, жуткой персонификацией его личного кошмара, человеком, возможно существовавшим лишь в его воображении. Важно и то, что свой рассказ Марлоу сочиняет у нас на глазах, и мы становимся свидетелями рождения текста, видим не конечный результат — ловко слепленную обездвиженную повесть, а сам мучительный процесс ее сочине-

ния. Это — тоже движение, движение от канонов формульной литературы, от заготовленных слов, случайно нахлобученных на реальность, от глупых географических названий и имен, от предписаний нормативной грамматики — вглубь, туда, где рождается речь, к ритму там-тама, к дикому воплю и, наконец, к громоподобному молчанию.

В начале своего рассказа (путешествие уже началось) Марлоу-колонизатор и искатель приключений увлечен идеей своего предприятия — во что бы то ни стало поехать в бельгийское Конго. Увлечен и Марлоу-рассказчик — он у истоков творчества и чувствует прилив вдохновения. Оба заморожены ощущением близости чего-то иррационального и почти готовы отдать себя его стихии. Послушаем самого Марлоу: «But there was in it one river especially a mighty big river, that you can see on the map, resembling an immense snake, uncoiled... And as I looked at the map of it in a shop window, it fascinated me as a snake would a bird — a silly little bird» («Но была там одна река, могучая, большая река, которую вы можете найти на карте, — она похожа на огромную змею, развернувшую свои кольца... Стоя перед витриной, я смотрел на карту, и река очаровывала меня, как змея зачаровывает птицу — маленькую глупенькую птичку»)¹.

Забегим немного вперед и заметим, что Марлоу избегает точных географических названий. Слово Африка и река Конго уклоняются от обозначения, стараясь остаться чем-то странно-неопределенным, каким-то «черным континентом» (или же вовсе маловразумительным «it») и попросту рекой, пусть даже «mighty» и «big». Путешествие едва началось, а слово-название, верный слуга рассудка, уже пасует перед открывающимся миром иррациональной воли. Закованная в схемы, в названия контурных обозначений, лежащая на плоскости (нанесена на карту), она уже готова восстать, обрести трехмерность, сбросить ярмо ничего не значащих имен. Это пробуждается воображение Марлоу, увлекающее в путешествие к кошмару, к ядру собственного «я». Схематичное изображение реки превращается в хитрый многозначный символ (змея), уже начинающий подмигивать читателю разными смыслами (пока еще не вполне явными) — чего-то древнего, инфернального и угрожающего.

Сравнение собственной замороженности нанесенной на карту змеей с оцепенением глупой маленькой птички перед коброй кажется вполне банальным и ожидаемым (XIX век, в отличие от века XX-го, не боится красноречивых банальностей). Но оно поразительным образом преодолевает свой ситуативный смысл и эффект. В нем, в этой почти избитой формуле, возникает важная для понимания всей повести идея — идея исчезновения индивидуальной воли, ее растворение в общемировой,

¹ Здесь и далее текст повести приводится в переводе А. Кравцовой.

слепой, иррациональной, внечеловеческой. Выходит, путь колонизатора, миссионера, искателя приключений, писателя опасен и травматичен. Он лишает воли и уводит за грань человеческого.

Итак, вдохновленный созерцанием витринной карты, Марлоу отплывает. Символически — повторяя путь Данте: на тот свет, спускаясь по адовым кольцам, путешествуя по загробной реке (Конго прочитывается как Стикс или Ахерон), медленно приближаясь к Люциферу-Курцу. В реальном измерении — сначала в Брюссель (он изображен схематично-аллегорически как врата Ада), потом вдоль африканского побережья — к устью реки; а затем — в глубь черного континента на крошечном старательно залатанном пароходике — к внутренней станции Курца.

Потуги колонизаторов и прожорливый хаос

По мере отдаления Европы и приближения Африки ослабляется присутствие цивилизации. Она как будто бы растворяется в первозданном океане древнего хаоса и уже на бескрайнем черном континенте сохраняется в виде отдаленных друг от друга одиноких затерянных островов, случайных следов колонизации. Здесь важно то, что все приметы цивилизации выглядят именно случайными, не укорененными в реальности, абсурдно-нелепыми и недолговечными. Почувствовать, пережить эту мысль можно в каком-нибудь национальном заповеднике США. Ходишь себе по огромному лесу. В радиусе примерно двенадцати с половиной миль — решительно никакого жилья. Кругом — горы, обросшие древними секвойями. Немного робеешь — бесплатная брошюра проинформировала тебя, что тут водятся гризли. Надо быть начеку. И вдруг посреди леса, в самой его чаще, натыкаешься на будку платного сортира, почему-то с рекламой чипсов. Совершенно неуместный и странный след человеческой деятельности.

Конрад в «Сердце тьмы» создает похожий эффект. Форты, станции, дамбы, сараи, отрезки будущих железных дорог, покосившиеся дома, сараи, изгороди, разодетые джентльмены смотрятся в африканском мире так же органично, как платный сортир с рекламой хрустящих чипсов в чаще древних секвой. Всё это кажется призрачным, хрупким, ненадежным, готовым вот-вот раствориться, потеряться в хаосе. Наспех построенные дома могут в любую минуту рухнуть; сараи, набитые товарами, вспыхивают, как спичечные коробки; проложенные дороги тотчас же зарастают; железнодорожные рельсы ржавеют; техника ломается. А сами колонизаторы, едва приехав, заболевают лихорадкой и постепенно тают, как свечи.

Попытки упорядочить мир обречены на неудачу. Разум, стремящийся себя утвердить, едва осуществившись, тотчас же растворяется в хаосе

бессознательного. Любимый образ Конрада, с поразительным постоянством возникающий в «Сердце тьмы», — стихия, заглатывающая людей. Сначала этот образ передается в конкретном бытовом эпизоде — солдаты, которых высаживают на африканский берег, тотчас же тонут в волнах прибоя: «We... landed more soldiers — to take care of the custom-house clerks, presumably. Some, I heard, got drowned in the surf; but whether they did or not, nobody seemed particularly to care. They were just flung out there, and on we went» («Снова высаживали мы солдат, должно быть для того, чтобы они охраняли таможенных чиновников. Я узнал, что несколько человек утонуло в волнах прибоя, но, казалось, никто не придавал этому значения. Мы просто выбрасывали людей на берег и шли дальше»). Впрочем, текст Конрада — всегда многоуровневый, как слоеный пирог, и «конкретность», ситуативность данной сцены не лишает ее условно-символической иронии: солдаты, призванные охранять чиновничий порядок в Африке, гибнут, едва соприкоснувшись с ее хаосом. Значит, попытка организовать мир терпит неудачу.

Далее в тексте Конрада эта идея встречается в развернутом сравнении, открывая символический план повествования: «In a few days the Eldorado Expedition went into the patient wilderness, that closed upon it as the sea closes over a diver» («Через несколько дней экспедиция Эльдorado углубилась в безмолвные заросли, которые сомкнулись над ней, как смыкается море над нырнувшим пловцом»). Хаос заглатывает экспедицию колонизаторов, носителей порядка, и ее следы теряются. Спустя несколько страниц в тексте возникает аналогичный образ: «The reaches opened before us and closed behind, as if the forest had stepped leisurely across the water to bar the way for our return» («Лес расступался перед нами и смыкался за нашими спинами, словно деревья лениво вступали в воду, чтобы преградить нам путь назад»). Цивилизация окончательно тает, отступает, и вскоре Марлоу обнаруживает себя в средоточии хаоса, полусна-полуяви. Здесь нет ни времени, привычного для европейца разделения на минуты, часы, дни, века, ни пространства, разбитого на ярды и мили. Мир, еще недавно четко структурируемый, превращается в непрерывную, разнонаправленную, становящуюся субстанцию.

Собственно, Марлоу к этому и стремился. Находясь на территории цивилизации, он томился жутким экзистенциальным одиночеством, отделенностью от жизни, ощущением призрачности своего существования среди подобных ему белых людей. Уже на корабле, идущем вдоль африканского побережья, он жадно всматривается в дикарей, представляющих первозданную реальность, древний мрак (чернота тела), и ощущает приобщенность к жизни. В этот самый момент его речь несколько меняется. Вялая констатация (бесконечно тянущийся берег, скучные однообразные события) уступает место плотной, детальной выписанности. Ре-

альность и люди вдруг становятся объемными, ясно осязаемыми, чудовищно зримыми: «Now and then a boat from the shore gave one a momentary contact with reality. It was paddled by black fellows. You could see from a far the white of their eyeballs glistening. They shouted, sang; their bodies streamed with perspiration; they had faces like grotesque masks — these chaps; but they had bone, muscle, a wild vitality, an intense energy of movement, that was as natural and true as the surf along their coast» («Иногда лодка, отчалившая от берега, давала на секунду возможность соприкоснуться с реальностью. Гребцами в ней были черные парни. Издали вы могли видеть, как сверкали белки их глаз. Они кричали, пели; пот струйками сбегал по телу; лица их напоминали гротескные маски; но у них были кости и мускулы, в них чувствовалась необузданная жизненная сила и напряженная энергия, и это было так же естественно и правдиво, как шум прибоя у берега»). Многообразие образов (белки глаз, лица, пот, мускулы) открывает в себе мощную энергию, глубинную и подлинную реальность, соприкоснуться с которой так жаждет Марлоу.

Теперь, плывя по Конго, оказавшись в средоточии жизни, в сердце Тьмы, Марлоу ужасается. И начинает цепляться за то, что прежде считал призрачным, абсурдным, временным. Он даже лелеет собственную призрачность, единичность, не позволяя своему «я» полностью раствориться в мировой воле. Нелепый, дышащий на ладан пароходик, абсурдный на реке Конго, как подводная лодка в степях Украины, становится теперь символом самовластия. «Damyata!» (Владей собой! — *санскр.*) Вспомним Томаса Стернза Элиота, всегда восторгавшегося Конрадом и часто цитировавшего в своих стихах «Сердце тьмы»:

«Damyata: The boat responded
Gaily, to the hand expert with sail and oar
The sea was calm, your heart would have responded
Gaily, when invited, beating obedient
To controlling hands...».

«Дамьята: лодка весело
Искусной руке моряка отвечала
В море спокойно, и сердце весело
Могло бы ответить на зов и послушно забиться
Под властной рукой...».²

Впереди у Марлоу — встреча с Курцем, несостоявшимся сверхчеловеком, наивно пытавшимся оседлать мировую волю, направить ее индиви-

² Перевод А. Сергеева.

дуальным усилием в новое русло. Но к этой встрече Марлоу уже готов — он остается на стороне цивилизации, понимая, впрочем, всю ее хрупкость и призрачность.

Ночной автор и растаявшая композиция

Обратимся теперь к самой материи текста. Подобно тому, как поглощаются хаосом непрочные форпосты цивилизации (островки разума), в повести растворяются готовые модели и опоры, которые обычно предлагает читателю литература. Я имею в виду, в первую очередь, фабулу и слово. Марлоу принадлежит к категории ночных рассказчиков, а не дневных. Свою историю он начинает сразу же после заката, а заканчивает уже ночью, в глубокой темноте. Дневной автор неизменно бодр, энергичен и рационален. Его рассудок великолепно контролирует фантазию, сюжетно направляя ее поток в «адекватное русло». Дневной автор — страж порядка, аполлонический созидатель такого космоса, где каждая звезда, каждая планета и каждое произнесенное слово — на своем месте.

Иное дело — автор ночной. Он весь во власти лихорадочной фантазии, полусна, сбрасывающего оковы рассудка. Бессознательное являет ему уже не упорядоченный космос, а дикий первородный хаос, поток нерасчлененных форм и одновременно — утопическое будущее. Романтические герои (Прометей П. Б. Шелли) нередко в своих снах и полуснах видят фантастическую явь грядущих эпох. Именно таков Марлоу, с тем лишь отличием от героев Шелли, что ночной мир предлагает ему не розовую романтическую утопию, а кошмарную картину Апокалипсиса, крушения европейского сознания и самой Европы. Марлоу, как ночной автор, не в состоянии держать форму и строго организовывать свою фантазию в привычный для его слушателей сюжет. Пожалуй, сейчас, в XXI веке, памятуя о формальной эквилибристике века XX-го, я не смогу точно определить, что такое «привычный сюжет». Но если мысленно вернуться к концу XIX века, когда была опубликована повесть Конрада, то, скорее всего, речь могла бы идти о тексте, где есть строгая временная последовательность, есть цепь причин и следствий и, наконец, достойная всякой профессиональной литературы триада: завязка — кульминация — развязка.

Триада вполне соблюдена, разве что кульминация непривычно растянута. Но по мере развертывания рассказа фабульность, порядок начинают таять. Иногда нарушается временная последовательность, и рассказчик совершает вылазки в будущее. Исчезает четкая причинно-следственная обусловленность эпизодов. Текст постепенно превращается в тягучую магму, в поток непрерывно сменяющих друг друга впечатлений, диало-

гов, картинок, запахов, звуков, рассуждений. Это движение выглядит абсолютно непредсказуемым, чудовищно произвольным, спонтанным. Текст теперь не знает и не хочет знать о каких-то формальных правилах. Возникает потрясающее совпадение формальных поисков и проблематики. Форма повествования, поток, становление соответствуют идее иррациональной воли, которую обнаруживает Марлоу по мере увлечения собственным рассказом в самом себе. Структурной опорой текста становится не событийность, а система лейтмотивов, образов, повторяющихся в разных контекстах и обрастающих новыми смыслами. Это — река, вода, лес (заросли), туман (мрак), грязь.

Растаявшее слово и символы

Эффект таяния, постепенного растворения читатель, возможно, ощутит, проследив за теми метаморфозами, которые происходят с конрадовским словом. С самого начала Марлоу как-то неуютно в мире готовых, чужих слов, взятых напрокат названий и имен. Он им не доверяет и старательно избегает обозначать мир так, как это принято. Лондон, Брюссель, Африка, Конго остаются в его рассказе безымянными. Равно как и все действующие лица, за исключением самого главного — Курца. Возможно, люди лишены имен, потому что они, дикари и европейцы, участники чудовищных коллективных проектов, их недостойны? А моря, и реки, и континенты — потому, что противятся их рациональному освоению и обозначению? В любом случае, в апокалиптическом пространстве так и должно быть — безымянные люди, живущие на безымянной земле.

Марлоу даже не прочь трагически посмеяться над нелепыми попытками европейцев обозначить реальность: «Every day the coast looked the same, as though we had not moved; but we passed various places — trading places — with names like Gran' Bassam, Little Popo; names that seemed to belong to some sordid farce acted in front of a sinister back-cloth» («Каждый день мы видели всё тот же берег, словно стояли на одном месте, но позади осталось немало портов — торговые станции — с такими названиями, как Большой Бассам или Маленький Попо; эти имена, казалось, взяты были из жалкого фарса, разыгрывавшегося на фоне мрачного занавеса»). Обозначение, наименование в данном случае означает колонизацию. Стало быть, слово тоже погибнет, тоже будет поглощено зарослями хаоса, как и любой европейский форпост на диком континенте. Оно случайно, неуместно, не укоренено в основании жизни. Какое слово? Слово, оказавшееся волею истории на службе у разума, который решительно никакого права не имеет себе его присваивать. Впрочем, до сюрреалистической революции, освободившей слово, еще почти два десятилетия.

А Марлоу, недовольный словом, все-таки остается в пределах литературы. Он перебирает слова, перебирает словами, осознавая, что они вряд ли передадут то, что ему довелось испытать. «Do you see the story? Do you see anything?» («Видите ли вы этот рассказ? Видите ли вы хоть что-нибудь?») — тщетно допытывается Марлоу у своих слушателей.

Марлоу отваживается на путешествие к основанию слов, к началу всякой речи, к музыке, молитве, к молчанию. Приступив к рассказу, избегая названий, он пускает в ход многослойные символы. Змея-река (Конго), крышка гроба (Брюссель), парки, прядущие нить судьбы (женщины, служащие в конторе). Тотчас же появляются и другие, уже названные мною: лес, туман, солнце, грязь, тишина. Символизация, в принципе, таит в себе много опасностей. Символ, свернутый миф, заключает в себе культурную память, вековое знание. Использование символа часто приводит к подмене острого восприятия, слухового ощущения знанием. Великих символистов конца XIX века современники, те, кто «без божества, без вдохновенья», обвиняли в том, что они пишут о том, что знают, а не о том, что видят. Марлоу избегает этой опасности. Символы в его рассказе возникают сначала как конкретные земные вещи, элементы ландшафта. А через какое-то время — появляются в тексте как составляющие метафор и сравнений, описывающих состояние персонажа.

Например, грязь, которую видит Марлоу на станции, вполне зрима и осязаема: «It was on a back water surrounded by scrub and forest, with a pretty border of smelly mud on one side, and on the three others enclosed by a crazy fence of rushes» («Она расположена была у заводи, окруженной кустарником и лесом; станция была обнесена с трех сторон старой изгородью из тростника, а с одной стороны тянулась полоса вонючей грязи»). Это упоминание грязи неожиданно откликается в другом месте повести, где рассказчик беседует с одним из агентов: «I let him run on, this papier-mache Mephistopheles, and it seemed to me that if I tried I could poke my forefinger through him, and would find nothing inside but a little loose dirt, maybe» («Я дал выговориться этому Мефистофелю из папье-маше, и мне чудилось, что, если б я попробовал проткнуть его пальцем, внутри у него ничего бы не оказалось, кроме жидкой грязи»). Здесь же Марлоу вновь упоминает грязь, причем не вполне понятно, в прямом значении этого слова или в переносном: «The smell of mud, of primeval mud... was in my nostrils» («Запах грязи — первобытной грязи! — щекотал мне ноздри»).

Слова, обозначающие «грязь», заключают в себе одновременно предметный и символический смысл. Эти смыслы объединяются в третьем примере и прочитываются следующим образом: грязь есть хаос, первооснова жизни. Грязь всегда первобытна. Она (первобытное начало) заключена в человеке (пример с агентом) и готова в любой момент про-

рвать оболочку цивилизованного разума, которая призрачна и непрочна. Заметим, что Конрад во всех случаях не эксплуатирует одно слово, а старается подобрать максимальное количество синонимов, растягивая сетку наименований. Грязь обозначается в тексте как «mud» и «dirt». Разные слова вырастают из общей коллективной памяти и, выстраиваясь в один синонимический ряд, нагружаются глубинным смыслом. Символическое значение растворяет в себе значение лексическое, случайное, немотивированное. Это соответствует постепенному движению Марлоу к глубине собственного «я», к потоку мировой воли. Слова обретают существование вещей. Они становятся плотными, предметными, объемными: «I listened, I listened on the watch for the sentence, for the word, that would give me the clue to the faint uneasiness inspired by this narrative that seemed to shape itself without human lips in the heavy night-air of the river» («Я слушал, слушал, подстерегая фразу или слово, которое разъяснило бы мне смутное ощущение беспокойства, вызванное этим рассказом. И слова, казалось, не срывались с губ человека, а падали из тяжелого ночного воздуха, нависшего над рекой»). В кульминационные моменты, когда происходит соприкосновение с чудовищным, речь Марлоу прерывается — и слово окончательно тает, растворившись в молчании, откуда оно когда-то появилось.

Воцаряется жуткая тишина, и открывается мировой хаос, таящийся в вещах, в человеческой душе и в великом искусстве слов.

Людмила Сараскина

«Дубровский»: экзистенциальный кризис два столетия спустя

Роман А. С. Пушкина «Дубровский», как показала история его прочтений и осмыслений, несет в себе, как и многие другие произведения русской классической литературы, пророческое начало и «работает» вот уже почти 200 лет. Работает в том смысле, что версии его, изложенные на языке других искусств, оказываются точным отпечатком времени, к которому они приписаны, так что те смыслы, которые могли бы уже давно стать областью преданий, поэтической мифологией, вновь и вновь становятся жгучей и неотвратимой реальностью. Художники экрана и сцены, перед которыми стояла задача адаптировать этот роман к своему виду искусства, будь то опера, театральная постановка или экранизация, всякий раз должны были определять свои приоритеты: какая из линий романа — социальная (мятежная), разбойничья (приключенческая) или любовно-романтическая (мелодраматическая) — привлекает их более всего и побуждает к работе прежде всего. В зависимости от этого что-то из содержания «Дубровского» становилось поэтическим мифом и уходило на задний план, что-то другое осмыслялось как актуальная реальность. Опыт трансформаций показал, с какими трудностями сталкиваются попытки органично соединить все три линии в одном художественном материале.

Информационным поводом для размышлений на эту тему стала, среди прочего, вышедшая в 2014 году новая экранизация романа «Дубровский». Речь о ней впереди.

1. Замысел романа как вектор смысла

Роман (по некоторым определениям, повесть) А. С. Пушкина «Дубровский» не был напечатан при жизни автора. Пушкин не успел придумать ему название и не успел завершить его, хотя сюжет выглядел вполне законченным. Впервые роман был опубликован в посмертном издании сочинений поэта в 1842 году его первыми издателями — В. А. Жуковским, П. А. Вяземским и П. А. Плетневым; они и дали роману название. В пушкинской рукописи вместо названия стоит дата начала работы над произведением: «21 октября 1832 года». Последняя глава датирована 6 февраля 1833 года. Первое издание вышло с большим количеством цензурных пропусков, которые в последующих публикациях были устранены, а название «Дубровский» навсегда закрепилось в литературе.

Хорошо известно, как родился замысел романа. В конце сентября 1832 года Пушкин находился в Москве и жил у своего московского друга П. В. Нащокина (1800—1854). Как-то раз, за вечерними разговорами, Нащокин рассказал историю мелкопоместного белорусского дворянина Павла Островского, доведенного до нищеты и разорения соседом-помещиком, богачом и самодуром. Эта история настолько взволновала и увлекла Пушкина, что он тут же (около 30 сентября 1832 года) написал письмо жене, Наталье Николаевне: «Мне пришел в голову роман, и я, вероятно, за него примусь...».¹ Спустя два месяца, 2 декабря 1832 года, он сообщал из Петербурга Нащокину: «Чсть имею тебе объявить, что первый том “Островского” кончен и на днях прислан будет в Москву на твое рассмотрение и на критику г. Короткого. Я написал его в две недели, но остановился по причине жестокого рюматизма, от которого прострадал другие две недели, так что не брался за перо и не мог связать две мысли в голове».²

Рассказ Нащокина о судебном процессе бедного дворянина Островского с соседом послужил отправным пунктом для пушкинского замысла. Через давнего знакомого Нащокина Д. В. Короткого, титулярного советника и служащего ссудной кассы, знавшего судопроизводство, Пушкин раздобыл выписку из подлинного дела сельца Новопанского; ему же, Короткому, как специалисту автор хотел показать свой роман. «Дубровский», таким образом, возник из интереса Пушкина к разбойничьему сюжету, историческому роману и проблеме социального протеста.

Известно свидетельство о рассказе Нащокина о «дворянине-разбойнике», оставленное русским историком, литературоведом и издателем П. И. Бартеневым (1829—1912): «Он (Нащокин. — Л. С.) рассказывал

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1979. Т. 10. С. 326—327.

² Там же. С. 328.

Пушкину про одного белорусского небогатого дворянина по фамилии Островский (как и назывался сперва роман), который имел процесс с соседом за землю, был вытеснен из имения и, оставшись с одними крестьянами, стал грабить, сначала подьячих, потом и других. Нащокин видел этого Островского в остроге».³

В 1937 году в газете «За индустриализацию», издававшейся в советское время «Наркомтяжпромом», были опубликованы материалы, посвященные 100-летию со дня смерти Пушкина; и среди них — свидетельство мемуариста о дворянине Островском, под заголовком «Прототип Дубровского. Из неопубликованных воспоминаний современников». Автор очерка, П. В. Нащокин, подробно описал внешний облик дворянина-разбойника и его «подвиги», о которых мог знать от своей младшей сестры, владевшей имением в Себежском уезде Витебской губернии:

Островский проказничал долго, лет пять-шесть: или его преследовали не так усердно, или он умел вести свои дела так, что его трудно было поймать. У него, кажется, не было шайки; крал и грабил один. Он был несколько образованный шляхтич, т. е. знал грамоту, учился где-то в уездном училище и пошел на этот промысел, чуя в себе богатырскую силу и любя свободу по своим понятиям. Он грабил с разбором, у кого лишнее, он отнимал это лишнее; встретясь в лесу или на дороге с нищим, он делился с ним тем, что сам имел. Потому у него было много покровителей, даже между дворянами; ему сочувствовали даже некоторые дамы из помещиц средней руки, начитанные романами. Несмотря на это, его поймали, наконец, и я имел случай видеть его несколько раз; его вели однажды по Офицерской улице, вероятно, к допросу, он шел в тяжелых цепях на ногах, в сером сюртуке, фуражке набекрень и с железным толстым прутком в руках. Он весело шутил с четырьмя своими конвоирами, смешил их, срывая рукою яблоки, которые выставлялись из садов за заборы улиц, и иногда, шутя, покручивал наручный круг так, что он скрипел ужасно. Он был роста выше обыкновенного: его голова была выше всякого забора, мимо которого его вели. Лицом он был очень красив, с черными тонкими усами, но взгляд его больших серых глаз был ужасный. Когда он сидел еще в полиции, его смотрели многие, давали ему деньги и разговаривали с ним в присутствии полицейских чиновников. Многие слабо-

---

³ Нащокин П. В., Нащокина В. А. Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартевым // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2. С. 223–234. См. также: Степунин И. Прототип пушкинского Дубровского // Неман. 1968. № 8. С. 180–184.

нервные не только женщины, но и мужчины не могли вынести его взгляда, так как он был не то чтобы свиреп, но поразителен. Все знали, что он не убийца, а боялись подходить к нему. Не знаю, чем он кончил, я уехал уже в Петербург, а он сидел в остроге. Долго спустя говорили, что он ушел, перекрутив на улице при конвойных свои цепи. Как это было, мне неизвестно, но Островский не был сослан тогда...⁴

Итак, в «Дубровском» автор воспроизвел основные этапы судьбы «дворянина-разбойника» — обреченную на поражение судебную тяжбу, разорение, разбой и грабежи. Вглядываясь в историю прототипа своего героя, Пушкин, видимо, заинтересовался не столько самим разбойником, его красивой, благородной внешностью и необузданным нравом, не столько даже его робингудовскими приключениями и авантюрами, сколько губительным путем молодого образованного офицера-дворянина в мятежники. Как такое было возможно? Что стояло за подобной метаморфозой?

В черновиках «Дубровского» есть фраза, не вошедшая в окончательный текст романа в связи с очевидным анахронизмом: «Славный 1762 год разлучил их (Троекурова и Дубровского. — Л. С.) надолго. Троекуров, родственник княгини Дашковой, пошел в гору».⁵ Автор имел в виду дворцовый переворот середины XVIII века, во время которого был свергнут император Петр III и на престол взошла его супруга Екатерина II, чьей ближайшей приятельницей и сподвижницей в то время была княгиня Е. Р. Дашкова. Это и позволило будто бы ее родственнику Троекурову выдвинуться и разбогатеть, в отличие от обедневших дворян Дубровских. Расслоение русского дворянства — вот на самом деле что занимало Пушкина прежде всего. В судьбе прототипа (Островского) Пушкина привлек бунт дворянина, которого поддержали его крепостные: он взял своих крестьян, оставшихся без земли, и пошел с ними разбойничать; его ловили, он судился, губернские власти тем временем лихоимствовали. Пушкина интересовали причины, приведшие дворянина к разбою.

Закономерен вопрос: только ли рассказ Нащокина о дворянине Островском послужил отправной точкой для «Дубровского»? Разумеется, нет. Свидетельств о том, как один помещик разорил другого, как сильно-му и богатому дворянину потакали местные власти (единодушная шайка, на лихоимстве основанная), во времена Пушкина — да и во все другие времена — в России было множество.

---

⁴ Цит. по: Блохин Н. А был ли Дубровский? // Камертон: Сетевой литературный журнал. 2014. № 4; <http://webkamerton.ru/2014/03/a-by-l-dubrovskhij/>.

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. Изд. 4-е. М., 1936. Т. 4. С. 176.

Действие повести происходит в 1820-е годы. Барин-самодур Троекуров отбирает у своего соседа Дубровского, с которым поссорился по, казалось бы, вздорному поводу, всё его имущество, включая дом, деревню, крестьян. От ужаса и безысходности старик Дубровский умирает. Сын его Владимир, воспитанный, образованный человек, представитель «новой», по-европейски грамотной и думающей России, потеряв наследство и оставшись нищим, вместе со своими верными крепостными организует шайку разбойников, чтобы мстить Троекурову. Под видом французского учителя маленького сына Троекурова он проникает в барский дом, знакомится с 17-летней дочерью барина, между ними возникает нежное чувство. Девушку, однако, выдают замуж за немолодого богатого князя. Пытаясь спасти ее, Дубровский со товарищи нападают на карету новобрачных. «Поздно — я обвенчана, я жена князя Вереяского»,⁶ — твердо говорит ему Маша.

Но что же ответил Дубровский на это роковое «поздно»? Он не убил Вереяского, не выхватил из его рук Машу и велел своим людям не трогать князя. При том образе жизни, где правит насилие, Дубровский не хочет именно насилия и кричит «с отчаяния» девушке: «Вы свободны». Однако Маша уже не может связать свою судьбу с Дубровским. Появись он вовремя в церкви, она бы ушла с ним: «Я не обманывала. Я ждала вас до последней минуты, но теперь, говорю вам, теперь поздно».⁷ Всё изменилось для нее в одно мгновение, в тот момент, когда она сама, добровольно, произнесла слова брачной клятвы.⁸

Судьба Дубровского оставалась туманна. Он распустил своих людей, никто не знал, куда делся молодой барин, разбой прекратились, дороги стали свободны. Ходили слухи, будто он скрылся за границу. Среди нескольких планов продолжения романа были и такие:

I. Жизнь Марьи Кирилловны. Смерть кн. Вереяского. Вдова. Англичанин. Свидание. Игроки. Полицмейстер. Развязка.

II. Жених. Кн. Вереяский. Свадьба. Команда, сражение. Распущенная шайка. Москва, лекарь, уединение. Кабак, извет. Подозрение, полицмейстер.⁹

Добром и венцом жизнь молодого Дубровского вряд ли могла закончиться. В каждой из развязок маячила полиция.

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. Изд. 4-е. Т. 4. С. 268.

⁷ Там же.

⁸ См. об этом: *Белый Александр*. О Пушкине, Клейсте и недописанном «Дубровском» // *Новый мир*. 2009. № 11. С. 160.

⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. Изд. 4-е. Т. 4. С. 627.

Анна Ахматова считала, что у Пушкина нет неудач — за исключением этого романа. В записной книжке (14 февраля 1966 г.) она заметила: «И всё-таки “Дубровский” — неудача Пушкина. И слава Богу, что он его не закончил. Это было желание заработать много, много денег, чтобы о них больше не думать. Это, в противоположность “Пик<овой> даме”, вещь без Тайны. А он не мог без Тайны. Она, одна она, влекла его неудержимо. “Дуб<ровский>”, оконч<енный>, по тому времени был бы великолепное “чтиво” <...>. Да, там есть всё — но нет тайнописи “Пиковой дамы”». ¹⁰

Позволю себе высказать свое впечатление от пушкинской тайнописи в «Дубровском». Мне кажется, тайна пушкинского романа, ключ к нему — в том, что он основан на реальном происшествии, которое чрезвычайно взволновало автора и подвигло создать сочинение, отразившее явление, имеющее далеко не единичный характер. Ключ к смыслам пушкинского романа скрыт в простом, лаконичном замечании автора: «*Всякому приятно будет увидеть один из способов, коими на Руси можем мы лишиться имения, на владение коим имеем неоспоримое право*». ¹¹

«Один из способов» выписан в романе со всеми подробностями, занимая чуть ли не треть текста.

Итак, отставной генерал-аншеф, богатый самодур-помещик, жестокий, растленный тип, ни в чем не знающий удержу, захотел обобрать соседа, бывшего сослуживца, скромно проживающего в бедной деревеньке.

— У меня сосед есть, — сказал Троекуров, обращаясь к заседателю Шабашкину, — мелкопоместный грубиян; я хочу взять у него имение, — как ты про то думаешь?

— Ваше превосходительство, коли есть какие-нибудь документы или...

— Врешь, братец, какие тебе документы. На то указы. В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение. ¹²

Далее разворачивается картина вопиющего беззакония: чиновник, «чернильное племя», предвидя благодеяния богатого барина, так усердно хлопочет по «замышленному делу», что вскоре определение суда в пользу Троекурова было состряпано. Богатый самодур и продажный чиновник, действуя вместе, составляют неодолимую силу. «Уверенный в своей пра-

¹⁰ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М.; Турин, 1996. С. 710.

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. Изд. 4-е. Т. 4. С. 185. Курсив мой. — Л. С.

¹² Там же. С. 182–183.

воте Андрей Гаврилович (Дубровский-старший. — Л. С.) мало о нем (о деле. — Л. С.) беспокоился, не имел ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньги, и хоть он, бывало, всегда первый трунил над продажной совестью чернильного племени, но мысль соделаться жертвою ябеды не приходила ему в голову. С своей стороны Троекуров столь же мало заботился о выигрыше им затеянного дела, — Шабашкин за него хлопотал, действуя от его имени, страшая и подкупая судей и толкуя вкривь и впрямь всевозможные указы». ¹³

Постановление суда во второй главе романа представляло собой копию действительного постановления Козловского уездного суда по делу поручика Муратова и гвардейского подполковника Крюкова, вынесенного в октябре 1832 года. Пушкин приложил к роману эту копию без всяких исправлений, наметив только приспособление ее к тексту «Дубровского» заменой имен — *Муратов* и *Крюков* на *Дубровский* и *Троекуров*.

Это и была пушкинская тайна — ясное понимание того, насколько реальность жестче и беспощаднее любого вымысла.

Таким образом, сюжет о благородном разбойнике, который грабит только богатых, а честных и бедных не только не трогает, но и награждает, а также романтическая история неудавшегося похищения девицы (по поговорке: кто не успел, тот опоздал) заслоняют вполне реальную национальную трагедию. Блестяще образованный, умный и храбрый офицер вынужден стать разбойником и грабителем. Соприкосновение с российской системой, дикими и жестокими нравами, незаконными указами и вороватыми чиновниками губительно для человека с благородной душой. Воровство и грабежи — древнейший и самый простой способ наживы. А коррумпированные судьи да полицейские — верные помощники преступников. Пушкин и сам чувствовал себя среди того же поколения, что и его герой Владимир Дубровский. Всё общество грамотных молодых людей России первой трети XIX века было в тупике, в безысходности. Их воспитали как новое поколение, а Россия при этом осталась прежней в своем архаичном беззаконии.

Образ бесправной страны рождал у человека состояние тревоги, глубокого психологического дискомфорта, ощущение утраты смысла жизни — то, что называется экзистенциальным кризисом. Именно здесь — главные смыслы «Дубровского», как их понимал и чувствовал автор.

Нельзя не видеть, насколько актуальна эта пушкинская история. И не зря на протяжении вот уже 180 лет «Дубровский» остается одним из любимых и, в лучшем смысле этого слова, хрестоматийным романом Пушкина.

¹³ Там же. С. 184.

2. Опыты перевоплощения и осовременивания

Спустя полвека после публикации «Дубровского», а именно — в 1894 году, композитором Э. Ф. Направником была написана одноименная опера в 4-х действиях (5-ти картинах) на либретто М. И. Чайковского. В январе 1895 года в Мариинском театре состоялась ее премьера.

И композитора, и либреттиста привлекли прежде всего романтическая и лирическая стороны сюжета, а социальный аспект оказался полностью отброшенным. Выйти за пределы лирики композитор не смог (или не захотел), сосредоточив внимание на любви молодых людей — Маши Троекуровой (сопрано) и Владимира Дубровского (тенор). Образ борца с несправедливостью, дворянина, который стал временным союзником крепостных, человека, выступающего против своего сословия, исчез, а остался лишь нежный влюбленный. Ради Маши Владимир отказывается от мести. Верность любви он хранит до конца.

Художественное время романа и реальное время оперы вступают в тяжелое противоречие друг с другом. Оперу слушает зритель конца XIX столетия — в России уже сорок лет нет крепостного права и крепостных, да и Маша, подобно многим девушкам ее поколения, уже не скована аристократическими предрассудками крепостника-отца. Она не соглашается выйти замуж за князя Верейского, готова ради любимого бросить родительский дом и отчаянно борется за свое счастье.

Самые большие изменения сюжета оказались связаны с финалом. В финале пушкинского романа Дубровский после неудавшейся попытки предотвратить брак Марьи Кирилловны с князем Верейским распускает свою шайку и — предположительно — скрывается за границу. В опере всё иначе. Когда Дубровский открывается Маше, объясняя, кто он на самом деле, она не пугается, ибо готова всюду следовать за любимым. Но вызванные Троекуровым солдаты преследуют Дубровского и смертельно ранят его. Со словами любви к Маше на устах Дубровский умирает. Начиная с арии первого действия «О, дай мне забвенье, родная...» Владимир Дубровский — лирик: у него сладкий голос, он поет под сладкую музыку, и это скорее романтик Владимир Ленский, чем мятежник Владимир Дубровский. В угоду музыкальному звучанию либретто ломало текст-первооснову.

Между тем, слушателей волновали и покоряли искренность и задушевное звучание музыки, исключительный талант исполнителей заглавных партий: Н. Фигнера, Л. Собинова, Л. Донского, Д. Смирнова, С. Лемешева, И. Козловского. Опера, долго входившая в репертуар Большого и Мариинского театров, в 1897 году обошла сцены сразу нескольких городов: Нижнего Новгорода, Одессы, Екатеринослава, Киева, Саратова, Полтавы и др. Опере аплодировали в Праге, Лейпциге, Брно. «Дубров-

ский» Направника надолго вошел в репертуар музыкальных театров страны, привлек многие российские и европейские сцены.

В 1948 году на сцене филиала Большого театра опера была возобновлена. Советское культурное начальство отнеслось к ней весьма благоклонно, с той лишь разницей, что на первый план вышли не любовные отношения Владимира Дубровского и Маши Троекуровой, а борьба крестьян против помещиков. Пушкинский сюжет, таким образом, вновь обрел социальную направленность, но отнюдь не пушкинскую: у Пушкина Владимир — благороден и честен, и его положение — это отчаяние «лишнего» человека в преступном, незаконном обществе негодяев; советский же театр показал несгибаемого борца за свободу народа, чего у Пушкина (и тем более у Направника) не было и в помине.

Тем не менее, Большой театр использовал все возможности для заострения социального конфликта: в спектакле впечатляли и жестокий самодур Троекуров, и князь Верецкий в образе мертвого манекена, раскрашенной, затянутой в корсет безжизненной куклы. Вызывали отвращение и фигуры «властей предержавших», раболепно исполняющих желания богатого самодура и издевающихся над беднотой. Опера уверенно чувствовала себя на сценических площадках разных городов СССР. Лучшие *Владимиры Дубровские* Большого театра тех лет — Л. В. Собинов, С. Я. Лемешев, И. С. Козловский.

В 1961 году на экраны вышел черно-белый фильм-опера режиссера В. Головина (названный в прокате телевизионным спектаклем), из цикла «По страницам любимых опер». Картина открывалась заставкой — ружьем и вилами: они должны были символизировать разбойничью линию сюжета. Закадровый женский голос с великолепным мхатовским произношением приглашал «дорогих товарищей» к просмотру, называл действующих лиц и исполнителей. В фильме-спектакле были заняты С. Лемешев и В. Кудрявцева, хор и оркестр Музыкального театра К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

Действие начиналось с письма главному герою «верной рабы и старой няньки Анны Егоровны Бузырёвой»: полуграмотный и корявый текст (его озвучивал задушевный мужской голос) был выведен на экран, так что можно было прочесть, что нянька «решилась доложить о здоровье папенькином... очень он плох... слышно, отдают нас под начал Троекурову...». Дальше — длинная ухабистая дорога в деревню, разговор с кучером, встреча с отцом. Тут уже вступала музыка, опера начиналась; экран мощно закреплял успех музыкального спектакля. Пушкинский «Дубровский» был обречен попасть на экран и жить полнокровной жизнью.

3. Литературный миф и кинематографическая реальность

Снимать картины по произведениям Пушкина в России начали почти одновременно с возникновением кинематографа в стране. В начале 1907 года А. Дранков в летнем театре «Эдем» в Санкт-Петербурге перенес на пленку фрагмент трагедии «Борис Годунов» в исполнении артистов одного из столичных театров. В августе того же года ленту под названием «Сцены из боярской жизни» демонстрировали в Петербурге. Это было первое появление пушкинских персонажей перед кинозрителями. За десять последующих лет отечественный кинематограф обращался к текстам Пушкина 52 раза. Столь большой интерес немого кинематографа к Пушкину критики и историки кино связывали с необходимостью раскрутки нового жанра — для хорошего проката картины нужно было самое громкое в России имя. В раннем немом кино были экранизированы даже некоторые стихотворения поэта.

По мере развития киноискусства росло понимание сложности задач, стоящих перед кинематографической интерпретацией литературы. Снова и снова возникали сомнения по поводу возможности экранизации художественных текстов вообще и произведений Пушкина в частности. В 1925 году во время очередного дискуссионного бума журнал «Советское кино» опубликовал статью, в которой говорилось, что «Пушкин и кинолента так же несовместимы, как проселок и железная дорога, как деревенская тишь и грохот большого фабричного города. Несовместимы прежде всего потому, что кинематограф подчеркивает там, где поэт только намекает».¹⁴

По иронии судьбы именно в 1925 году на экраны американских кинотеатров вышел черно-белый немой художественный фильм режиссера Кларенса Брауна «Орел» («The Eagle»), с английскими интертитрами, протяженностью 73 минуты.¹⁵ Это была вольная, даже слишком вольная, экранизация романа Пушкина «Дубровский».

Историческая достоверность и соответствие литературному оригиналу не слишком волновали создателей фильма: сюжет картины полностью отвечал причудливым голливудским представлениям о русском романе

---

¹⁴ См.: Коган П. С. Опыт литературной фильма (по поводу «Коллежского регистратора») // Советское кино. 1925. № 6. С. 12–15. См. также: Горницкая Н. С. Интерпретация пушкинской прозы в киноискусстве // <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is5/is5-278-.htm>.

¹⁵ См.: The Eagle. Версия 1985 года // <http://www.youtube.com/watch?v=Vx0Vw26Xvbg>; версия с русскими интертитрами: http://my.mail.ru/mail/vm_gluschenko/video/12844/78441.html.

приключений. В центре событий, которые нарочито были перемещены из XIX века в век XVIII, — судьба красавца офицера императорской гвардии Владимира Дубровского (его роль исполнял Рудольфо Валентино, звезда немого кино), внезапное знакомство офицера с императрицей Екатериной II (актриса Луиза Дрессер) и их полные драматизма отношения (несостоявшийся роман), едва не стоившие офицеру жизни.

Действие начиналось бурно: звук труб, грохот барабанов, Czarina собирается инспектировать «любимый полк, самый красивый во всей России» («favorite regiment, the handsomest in all Russia») и вот-вот оседлает своего любимого белого коня. В этот момент гвардейцы начинают стрелять по картонным мишеням. Резкие звуки пугают коня императрицы: он вырывается из рук хозяйки и пускается вскачь. Шарахается и тройка лошадей, впряженных в случайно проезжавший мимо экипаж — карета с пассажирами теряет управление. И тогда офицер в парадной светлой черкеске с газырями и черной черкесской папахе с двуглавым орлом, вскочив на белого коня императрицы, который вмиг подчиняется наезднику, бросается на ее глазах спасать экипаж. Он лихо догоняет карету, успокаивает лошадей, мило любезничает со спасенной молодой девушкой и ее пожилой тетушкой. Затем карета с прекрасной незнакомкой благополучно уезжает, Дубровский возвращает коня хозяйке, и та, плененная храбростью и ловкостью офицера, приглашает его совершить вечерний визит во дворец. Старший офицер, капитан Кушка, объясняет Дубровскому: «Не волнуйся, мой мальчик: если она приглашает тебя к шести часам, это означает ужин, а не Сибирь».

Вообще, образ Екатерины II трактовался голливудским кинематографом в духе мифов и легенд о ее плотоядности, распущенности и царственной привычке во что бы то ни стало добиваться желаемого. Теперь же она пылко возжелала немедленно заполучить в фавориты Владимира Дубровского и не намеревалась себе в этом отказывать. Вечером, когда он явился во дворец (на сей раз в нарядной черной черкеске), Екатерина, облаченная в гвардейский мундир, выражает восторг его выездкой и сулит — в награду за храбрость — подарить ему того самого белого коня, своего любимца. «Есть ли у Вас желание стать генералом? — атакует императрица. — Такой молодой лейтенант, смелый, как Вы, мог бы стремиться...». Дубровский смущенно отвечает: «Боюсь, я слишком молод, чтобы быть генералом». Но Czarina, пытаясь обольстить и соблазнить лейтенанта, угощает его вином, пьет вместе с ним бокал за бокалом, притворно вздыхает и плачет: «Это слезы любви, мой мальчик. Ты первый русский, который видит, как плачет царица». Она льнет к нему, склоняется на его плечо, напрашиваясь на ответную ласку. «У меня есть небольшой сюрприз для тебя, мой казак. Я сейчас вернусь», — интимно шепчет Екатерина, прежде чем скрыться за дверью.

Однако сюрприз ждал именно царицу: пока она отсутствовала, Дубровский решает бежать из дворца. Капитан Кушка, прекрасно понимающий суть дела, потрясен: «Ты с ума сошел... Я советую тебе не уходить». На что Дубровский с вызовом отвечает: «Я нанимался только на военную службу!» Czajina, явившись на пороге кабинета в роскошном пенюаре и не застав здесь «своего казака», рвет и мечет, и вот уже готов указ: «Дезертир Владимир Дубровский, лейтенант Императорской гвардии, должен быть доставлен во дворец живым или мертвым». Генералом и фаворитом тут же становится покладистый и услужливый капитан Кушка...

Покидать поле боя и объятия императрицы, по версии голливудской экранизации, было одинаково наказуемо...

Дубровскому же его мужская гордость обходится слишком дорого: он изгнан из гвардии, его разыскивает полиция. Пришла беда и в родную Кистеневку — отец при смерти, потерял имущество и землю, продажные судьи играют на руку самодуру-соседу (в фильме он именуется «Кирилла»). Дубровский-старший умирает на руках сына, и тот клянется отомстить обидчикам: собрав своих преданных крестьян, он становится «Черным Орлом», благородным разбойником в черной маске. Когда его люди берут в плен барышню, уже спасенную им однажды, он узнает, что она — дочь того самого Кириллы, красавица Маша (актриса Вильма Банки), и отпускает девушку: «Черный Орел не воюет против женщин».

Под именем учителя французского языка Мишеля ле Бланка Дубровский проникает в поместье Кириллы. Однажды ночью, скрыв лицо под маской, Владимир врывается в его спальню. Старик на коленях просит пощады. Появляется Маша, и Черный Орел сбегает через окно. Схваченного казаками крестьянина, сподвижника Черного Орла, Кирилла стегает плеткой, однако Дубровский освобождает товарища и, сообщив свое настоящее имя, мчится прочь, прихватив с собой возлюбленную. Накануне Маша успела сказать ему: «Дни и ночи я боролась с любовью к Вам, боролась и проиграла».

Убежать, однако, не удалось. Беглецы были схвачены полицией, которая давно охотится за Черным Орлом как за пленником императрицы. И вот уже генерал Кушка получает от Екатерины II грозный указ: «Мы, императрица Всероссийская, приговариваем к смерти преступника Владимира Дубровского, известного под прозвищем “Орел”, бывшего лейтенанта Императорской гвардии». Генералу Кушке поручено лично руководить казнью, но фаворит Екатерины просит свою даму: «Прошу Вас освободить юношу. Благодаря ему я стал генералом». Тем временем пленник получает право на последнее желание, и царская стража его выполняет: священник венчает Дубровского и Машу прямо в тюремной камере. Казнь назначена — мстительный царский намек прозрачен — на шесть

часов вечера. И когда стрелки часов показали роковое время и солдаты выстроились с ружьями наготове, Екатерина дрогнула: «Кушка, ты должен спасти его. Я не хочу, чтобы Дубровского расстреляли».

Наступает развязка. Генерал Кушка, верный офицерской дружбе и дворянской чести, просит царицу подписать документ, в котором значатся спасительные слова: «Заграничный паспорт на имя владельца Марселя ле Бланка». Дескать, Черный Орел казнен, и отныне Дубровского зовут месье ле Бланк. Финальная сцена исполнена лирического мелодраматизма: заграничные путешественники, месье и мадам ле Бланк, сидя в карете перед дворцом Екатерины, видят, как из окна им ласково машет белым платочком сама царица, чуть не в слезах, и рядом с ней — ее верный генерал Кушка. Видя, с каким восторгом счастливый супруг взирает на взволнованную императрицу, Маша загораживает его и себя своим кружевным зонтиком. Хэппи энд.

Ничего общего с романом Пушкина фильм «Орел», разумеется, не имел. Зато, во-первых, изобретал счастливый конец (обязательный для голливудской киноэстетики); во-вторых, показывал, каким увлекательным и захватывающим может быть чисто любовный сценарий, в котором заняты прекрасные актеры; в-третьих, декларировал, что подлинное счастье и свободу влюбленные могут обрести только за пределами Российской империи и под иностранными именами; и, в-четвертых, демонстрировал целую коллекцию штампов и стереотипов западного кинематографа, использующихся, когда он берется за русские романы и русскую историю. Анализ искажений в сфере бытовых, культурных и военных реалий мог бы стать предметом специального — весьма богатого — культурологического исследования.

* * *

К 100-летию со дня гибели А. С. Пушкина, в 1936 году, на студии «Ленфильм» режиссером А. Ивановским была снята кинодрама (75 мин.) по мотивам романа «Дубровский». ¹⁶ За плечами уже известного к тому времени режиссера было и знакомство с И. Мозжухиным, и работа в качестве ассистента-режиссера на картине Я. Протазанова «Отец Сергей», и постановка немых художественных фильмов — экранизаций классических произведений: «Три портрета» (1919) по одноименному рассказу И. С. Тургенева и «Комедиантка» (1923) по повести Н. С. Лескова «Тупейный художник». В 1934-м состоялась экранизация «Иудушки Голов-

¹⁶ «Дубровский». Фильм 1936 года // <http://www.youtube.com/watch?v=gp5l3CP6zes>.

лева» по роману М. Е. Салтыкова-Щедрина, в 1938-м были поставлены «Враги» по пьесе М. Горького.

Акцент, который был обязан присутствовать в советском «Дубровском», — крестьянский бунт, яркие и выразительные картины народного гнева. Фильм был дополнен сценами, которые призваны были подчеркнуть революционную активность крестьян. Их здесь около сотни; причем к кистеневским мужикам примкнули и люди Троекурова, которые ненавидят своего жестокого барина. Палаточный лагерь в лесу отменно оборудован, со смотровой вышкой и часовыми, люди вооружены не только топорами, но и ружьями, и выезжают они «на дело» большими группами на лихих тройках. Сцены грабежей и расправ сменяют одна другую, пленных не щадят — вешают или, если захвачены люди военные, из уважения к мундиру, расстреливают. Крестьянский бунт вполне беспощаден, но вряд ли бессмыслен: обидчики понесли суровое наказание. Например, управляющий именем князя Вереяского, некий иностранец (этой фигуры, как мы помним, нет в романе), который позволил себе сказать мужикам, что они трусы, лентяи и не любят работать, без промедления был казнен через повешение.

Финал фильма, измененный (как об этом сообщают кинословари) по прямому настоянию Сталина, сильно отличался от первоисточника: Дубровский погибает в бою с царскими войсками, после чего уцелевшие разбойники захватывают Покровское и расправляются с Троекуровым. Фильм заканчивается ружейным выстрелом крестьянина в барина-самодура: идея справедливой мести живет и торжествует. Хотя в фильме были заняты первоклассные актеры — Борис Ливанов, Николай Монахов, Михаил Тарханов, Галина Григорьева, — говорить об эстетической ценности экранизации довольно сложно. На этот раз сюжет Пушкина трансформировался в угоду идее перманентной классовой борьбы — краеугольной идее советской эпохи.

* * *

В 1989 году на студии «Беларусьфильм» режиссером В. Никифоровым была снята приключенческая мелодрама «Благородный разбойник Владимир Дубровский»¹⁷ — цветной, богато декорированный и роскошно костюмированный фильм, протяженностью 98 минут. Сюжетная основа хорошо знакома: молодой офицер Владимир Дубровский приезжает в поместье к отцу, который рассорился с соседом — деспотичным поме-

¹⁷ «Благородный разбойник Владимир Дубровский». Фильм 1989 года // <http://yandex.ru/video/search?text=201989&path=wizard&filmId=C6Nzsemv0Cw>.

щиком Троекуровым. Судебная тяжба при содействии подкупленных судебных чинов завершается полным разорением, а затем и смертью отца. Дубровский решается на месть, но сердце его смиряется, когда он влюбляется в дочь Троекурова Машу: он не хочет причинить зло дому, в котором живет его возлюбленная. «Бунт — дело Божие», — решают взбунтовавшиеся было мужики, но в фильме и бунт, и бунтари где-то «затаились»: на протяжении всей картины их нет ни в кадре, ни за кадром, как нет ни единой сцены разбоя и грабежа. Дубровский отказывается от мести как от безумства, его руки чисты, ничья кровь не замарала их, и он уверяет Машу, что ненависть покинула его.

Когда же обвенчанные Маша и князь Верейский едут из церкви, Дубровский со своими мужиками не в силах освободить девушку из-под власти князя, ибо она дала клятву... Поздно... Свобода княгини закована такими цепями, которые бунтовщикам не разорвать. Разбойники пропадают бесследно. Призваны войска, разбой прекратились, имя Дубровского позабыто.

Как видим, кинематографисты конца 1980-х тоже не вдавались в тонкости пушкинской истории и не настаивали на верности авторскому замыслу. Прекрасные и ослепительно молодые Марина Зудина и Михаил Ефремов, маститые Кирилл Лавров (в роли гордого и непреклонного Андрея Дубровского) и Владимир Самойлов (в роли свирепого Троекурова), Анатолий Ромашин (князь Верейский), а также Владимир Конкин, Виктор Павлов, Андрей Смоляков с удовольствием принимали участие в трогательной любовной мелодраме, не утруждая себя постижением глубинных пушкинских смыслов.

4. «Дубровский» XXI века

И вот, наконец, самая свежая версия киноромана (преьера состоялась 6 марта 2014 года) — полнометражный (123 минуты) шокирующий фильм режиссеров А. Вартанова и К. Михановского.¹⁸ Действие романа перенесено в современную, буквально сегодняшнюю Россию.

Два друга детства — ветераны Афганистана. Один — небогатый полковник в отставке, а ныне директор фермерского кооператива, еле сводящий концы с концами, другой — отставной генерал, могущественный олигарх, награвший руки на развале советской армии, подмявший под себя большую область вместе с судьями и правоохранителями, живет на широкую ногу в поместье, отстроенном солдатами-срочниками. Но вот друзья повздорили: богач неосторожным словом задел гордость своего

¹⁸ «Дубровский». Фильм 2014 года // <http://dream-film.net/2872-dubrovskiy-2014-smotret-online.html>.

бедняка-товарища, тот не уступает, и тогда богач в отместку за неподчинение отбирает у приятеля его землю со всем, что на ней стоит, чтобы построить здесь коттеджный поселок с яхт-клубом. Одним росчерком пера подкупленных крючкотворов деревня Кистеневка превращается в коммерческий проект. ОМОН, присланный беспредельщиками-судьями, выгоняет людей на улицу. Драматические события сводят фермера в могилу.

Сын покойного, Владимир Дубровский, успешный московский банкир и завсегдатай модных клубов, едет на похороны, а в итоге втягивается в партизанскую войну с узурпатором, по ходу событий влюбляясь в его дочку, недавно окончившую колледж в Лондоне.

Не может не поражать, что каждая деталь из социального замысла Пушкина имеет в этом фильме свой реальный эквивалент. Авторы фильма ничего специально злободневного не придумывали; жизнь сама предоставила им ту реальность, которая срифмовалась с вечно актуальной пушкинской историей. У Пушкина старый дворянин, гвардейский офицер, остается без куска хлеба и без крова над головой; у него не только незаконно отобрано имение, на владение которым он имел неоспоримое право, но и попораны его честь и достоинство. То же и здесь: сын советского офицера, воевавшего в Афганистане, а ныне топ-менеджер банка, остается без куска хлеба и без крова над головой; у него не только незаконно отобрано имущество, на владение которым он имел неоспоримое право, но и попораны его честь и достоинство.

Герой книги и герой фильма смотрят на свое разбойничество как на неизбежный шаг, вызванный беззаконием и произволом.

В прологе фильма — теленовости канала НТВ о столкновении приставов, приехавших сносить дома кооператива «Речник» вместе с жильцами,¹⁹ что, собственно, и случилось два века назад с Кистеневкой, куда прибыли судебские чиновники, да там и сгорели. Страна, в которой уже полтора столетия нет крепостного права, наступает на те же грабли, что

---

¹⁹ «Речник» — садовое некоммерческое товарищество на западе Москвы в районе Крылатское, основанное в 1950-е годы. В 2005 году вокруг поселка развернулся скандал, касающийся законности части построек. К началу 2010 года в нем находились как летние дачи, так и индивидуальные жилые дома для постоянного проживания. В январе 2010 года в поселок среди ночи прибыли более 150 сотрудников милиции, бойцы ОМОНа и спецназ службы судебных приставов, а также строительная техника. Начался снос частных домов. В результате столкновений с милицией пострадали жители, протестующие были задержаны милицией. Операция по сносу началась в двадцатиградусный мороз. Общественная организация «Союз садоводов России» заявила, что история, подобная той, что произошла с «Речником», может повториться в любом городе: чтобы конфисковать приглянувшийся кусок земли, городским чиновникам всего лишь потребуется объявить его «заповедником».

и в пушкинские времена. Подьячие, полиция и судьи не знают преград; справедливость приходится отстаивать несправедливыми методами; вечно терпеливые мужики, потерявшие дома и землю, идут в разбой.

Приведу фрагмент интервью с режиссером А. Варгановым:

— Многие усматривали параллель между бандой Дубровского и приморскими партизанами.²⁰ Скажите честно, Вы сознательно закладывали эту параллель?

— Специально не акцентировались на этом. Народный бунт — явление, свойственное российской истории; народ в нашей стране далеко не всегда в восторге от своих правителей. Эта тема волновала и Пушкина, волнует и нас сейчас, и тогда она была актуальна, и сейчас остается. На самом деле реальная жизнь нас нагоняла, пока шли съемки — просто ощущение грозы витало в воздухе и в 2011 году, и в 2012-м. И то, о чем мы снимали, начинало сбываться. Например, у нас чиновники в определенный момент начали переписывать имущество на членов семьи — когда мы сделали эти сцены, эта тема еще не была на первых полосах газет. Но очень скоро появилась. Не хотелось бы, чтобы и дальше мы продолжали... так угадывать. Когда Константин Чернозатонский написал этот сценарий, то аллюзий, которые всем сейчас стали очевидны, — поселок “Речник”, приморские партизаны, — их еще не было... Мы упорно снимали свое кино, видя свою задачу в адекватном перенесении Пушкина в современность... Никакого хэппи-энда... Мы поняли, что это кино-предупреждение — всё может кончиться очень плохо, если власть не включит голову и не пойдет на внимательный диалог с людьми... В нашем кино получается, что когда люди берут всё в свои руки — как правило, всё кончается очень плохо. Без какого бы то ни было диалога с людьми наверху, без участия власти вряд ли могут произойти долговременные серьезные изменения к лучшему. Иначе — хаос. Только это предупреждение не для народа, а для тех, кто берет на себя смелость распоряжаться его судьбами, — смотрите, что будет, если вы не будете внимательны и осмотрительны.²¹

²⁰ Преступная группировка, совершавшая в 2010 году в Приморском крае вооруженные нападения на работников милиции, объясняя это производом сотрудников МВД («оборотней в погонах»), обвиняя их в организации наркобизнеса в крае, издевательствах над задержанными и жестокой коррупции.

²¹ «Дубровский только поначалу очень чистенький»: Интервью А. Варганова // http://www.gazeta.ru/culture/2014/03/13/a_5948525.shtml.

Поразительно прозвучало признание режиссера о взаимодействии авторов фильма с литературным материалом. Казалось бы, всё изменилось — страна, люди, общественные отношения. Но роман Пушкина не только не сопротивлялся осовремениванию, он активно подчинялся ему, одно действие тянуло за собой другое — ибо не изменились ни масштабы коррупции, ни кривая судебская система, ни бесправие низов, ни оторванность от них верхов.

К современной России, как любят повторять знатоки русской классики, до сих пор применимы все без исключения афоризмы Салтыкова-Щедрина. В недавнем многосерийном художественном фильме «Личная жизнь следователя Савельева», показанном на Первом канале, один из сюжетов расследования воспроизводит до подробностей коллизии «Дубровского» — на современном, разумеется, материале. Некой даме, супруге вице-губернатора условного областного центра, удалось (правдами или неправдами) скупить тысячи гектаров земель в вотчине ее супруга, и теперь она требует, чтобы с ее земель ушли все крупные фермеры, мелкие владельцы усадеб, просто деревенские жители. Одно из фермерских хозяйств особенно мешает новой владелице; несговорчивый хозяин, оставивший городскую жизнь ради фермы-мечты, не идет ни на какие уговоры, ибо его достаток дался ему тяжкими трудами и лишениями. К дому фермера приезжают полиция, приставы с бульдозером и омоновцы с автоматами. Приставы, согласно постановлению (добытому, опять же, правдами или неправдами), отдают приказ немедленно сносить дом: к крыльцу движется бульдозер. Фермер выходит на крыльцо с ружьем в руках. И в то же мгновение его убивают выстрелом наповал — при том, что ОМОН, как окажется, не выпустил из своих стволов ни одной пули. Следствие должно установить, кто исполнитель и кто заказчик убийства.

Картина очевидна: произвол и беспредел нуждаются в криминале — для него они питательная среда. Троекуровщина торжествует и рождает чудовищ.

Герой фильма «Дубровский», белый воротничок, вырос в ощущении, что мир открыт и разумно устроен. И вдруг выясняется, что рациональность и гармония существуют, пока сидишь в офисе или в интернете. А стоит выйти на улицу, в тот самый открытый мир, как тут же обнаруживается, что всё совсем не так: рулят и управляют жизнью нечистоплотный бизнес и право сильного. Поначалу Дубровский чист и позитивен. Когда начинается народный бунт, он очень боится крови и хочет всё делать по закону, решать проблемы через дипломатию, маленькие хитрости, лавирование. Когда же темная реальность наползает на него самого — это становится полнейшей неожиданностью. Он начинает понимать, что «в России не бывает без крови»: и действительно — неожиданно для себя мужики-разбойники начинают грабить вовсе не по-робингудовски.

Нужны деньги — и они вполне реалистично и безжалостно расстреливают ни в чем не повинных инкассаторов. Русский бунт в новой экранизации по-пушкински и бессмыслен, и беспощаден, но еще и безобразен, и беспросветен. Награбленные деньги не спасают никого, спецназ с собаками вылавливает бунтовщиков одного за другим и расправляется с ними, не жалея крови, не жалея жизни. Арестованных, как и задержанных, нет, есть только расстрелянные.

Дубровский с помощью компьютерной программы вычисляет номера заграничных счетов своих обидчиков и конфискует деньги. Однако его открытый кейс с миллионами евро остается в руках деревенского дурачка-юродивого; тот слушает музыку через наушники, а купюры разлетаются в поле на ветру, никому не принеся ни пользы, ни счастья. Маша вынуждена обвенчаться с тем самым подлым чиновником-хищником из Росприроднадзора, который пустил по ветру Кистеневку, — этот брак якобы спасет капиталы ее отца. Любовь загнана в дальний глухой угол. Владимир Дубровский, без денег и документов, раненый, в одной тонкой рубашке, мчится по пустынной зимней дороге в угнанном им автомобиле, неизвестно куда. Не окончен роман, не окончен и фильм. Но увидеть выход из того отчаянного положения, в которое попал герой, здесь еще труднее, чем в романе, хотя Пушкин и строил призрачные планы спасения Дубровского.

Знаменитый клич Александра Невского «Не в силе Бог, а в правде», который как будто торжествовал в картине А. Балабанова «Брат-2», не работает ни в романе Пушкина «Дубровский», ни в нынешней его одноименной экранизации.

Фильм ставит застарелый диагноз российской жизни: «У сильного всегда бессильный виноват», «Закон что дышло: куда повернешь — туда и вышло», «Без бумажки ты букашка, а с бумажкой человек». Но даже с бумажкой для маленького человека нет, как оказывается, никаких гарантий. Именно эта линия, а вовсе не авантюрная или любовная, — основная в картине. Потому, видимо, многие зрители оценили новую экранизацию как мрачную и депрессивную, удивленно говоря при этом, как неожиданно много в этой вольной экранизации от пушкинского романа. Действительно: испытываешь подлинное потрясение от того, насколько написанная Пушкиным дворянская история попадает в нерв сегодняшнего дня — всего лишь перенесением действия в современность.

Продюсер картины Е. Гиндилис, выступая на премьере фильма, выразил уверенность в том, что новая версия пушкинской истории дает ответы на насущные вопросы российской действительности. «“Дубровский” — это попытка найти ответы на вопросы, которые нас окружают, попытка найти свой путь. В жизни, которая нас окружает, очень много несправедливости, очень много несчастья. Мы читаем “Дубровского”

Пушкина — и с ужасом понимаем, что с тех пор мало что изменилось, хотя люди другие и прошло много времени. Но импринтинг несправедливости продолжает воспроизводиться».²²

Артист Данила Козловский (исполнитель роли Владимира Дубровского), говоря о своей работе, высказал простую мысль: используя классический материал, можно было со знанием дела поговорить о сегодняшнем дне. Вольное сочинение по классическому роману угадало его главную линию, действительность догнала провидческое кино. «Я был поражен, насколько естественно пушкинская история обрела сегодняшнее звучание. Мне кажется, что все сюжетные коллизии этой драмы будут понятны и знакомы нынешнему поколению. Это очень интересный опыт, я никогда не сталкивался с классической литературой в таком переносе на сегодняшнее время, поэтому для меня это было важно и интересно и в какой-то степени необходимо. Мой герой, конечно, не тот Дубровский, про которого мы читали в школе, он современный молодой человек, но по-прежнему вызывает уважение и восхищение. Это современная и увлекательная история о чести, о справедливости, о готовности за них драться».²³

И еще один акцент: «Классика — замечательная, потрясающая литература. Другое дело, что, когда ее извращают, преследуя непонятные, странные художественные цели, меня лично это отталкивает. А когда с помощью классики художник пытается показать то, что происходит сегодня, это интересно. Проблемы, затронутые в классической литературе, — общечеловеческие. Они актуальны сегодня и будут актуальны лет через сто».²⁴

Случай с экранизацией «Дубровского» увеличил этот срок, по крайней мере, вдвое.

---

²² Окно в Европу: Козловский о «Дубровском» и награды под дождем // http://www.kino31.ru/index.php?id=31805&Itemid=107&option=com_content&task=view.

²³ Брагина Л. Данила Козловский: «Мой Дубровский восхищает!» // Антенна — Телесемь. <http://www.wday.ru/stil-zhizny/kultura/danila-kozlovskiy-moy-dubrovskiy-voshischaet/>.

²⁴ Новый Дубровский. Блиц-интервью с Данилой Козловским // <http://kozlovskiy-danila.ru/topic.php?forum=2&topic=27>.

Муза с улицы Ярве

Люди, хранители бесценной памяти, живые, невосстановимые шедевры, нуждаются в не меньшей бережности, чем картины.

А. Вознесенский. «Прорабы духа».
1984 г.

Всё началось с книги Андрея Вознесенского «Прорабы духа». Точнее, со строчек: «Недавно получил письмо из Таллина с улицы Ярве от вдовы Северянина — Веры Борисовны Коренди. <...> Муза последних лет поэта, которой он посвятил предсмертные стихи, она в страшных лишениях была опорой ему. <...> Сколько людей сегодня стремится достать ставший библиографической редкостью сборник поэта, но не всем в голову приходит помочь его семье и памяти».

Нельзя сказать, чтобы я интересовался поэзией Игоря Северянина, но про «Ананасы в шампанском» слышал — школьная учительница приводила это как пример салонной упадочнической литературы.

Моим кумиром был Высоцкий. Под воздействием его песен я строчил стихи километрами, безумно радуясь их количеству. Кое-что из сочиненного хрипел под гитару и записывал на магнитофон, чтобы совсем как Владимир Семенович.

Особенно не рассчитывая на ответ, я написал в Таллин «на деревню дедушке» письмо, полное приятных одинокой женщине слов. Написал и забыл. Удивительно, но по прошествии какого-то времени пришел ответ. Вера Борисовна Коренди называла меня, надо же, «светлым», благодарила за сочувствие, жаловалась на тяготы жизни и приглашала навестить ее. («Светлыми», как выяснилось позже, она нарекала всех, кого привечала.) Лишних денег не водилось, но кое-какую сумму удалось отложить и послать в Таллин. Мы стали переписываться.

Из писем я узнал, что два года назад Вера Борисовна потеряла свою единственную дочь Валерию — ее и Северянина. Это был сильнейший удар не только для нее, но и для старшего внука, тоже Игоря: пришлось даже показывать его врачу. Она сетовала, что сейчас ее мучает главная проблема — надгробие для дочери. Близится столетие Поэта (Вера Борисовна называла Игоря Северянина исключительно по фамилии или отстраненно-монументально — Поэт), и «ему высекается памятник в Литве (безвозмездно)». А дочери — ничего. Жаловалась на Союз эстонских писателей, который ни при жизни Поэта, ни после не беспокоился о ее семье. Тамошние писатели считают настоящей вдовой эстонку, от которой Северянин ушел к Вере Борисовне. А самый ее «злейший враг» в Таллине — некий Шумаков. Он распространяет о ней ложные слухи и «вычеркивает» ее с дочерью из жизни Поэта. Я читал, сочувствовал и безоговорочно принимал сторону «нашей», русской вдовы.

Сейчас достаточно заглянуть в интернет, чтобы увидеть, какую нелегкую борьбу вела тогда, в 80-х, пожилая больная женщина, отстаивая свое место в Истории. «Король поэтов» слыл еще тем ловеласом, и претенденток на титул главной музы было немало. Но основная борьба развернулась между союзниками вдовы-эстонки, Фелиссы Михайловны Круут, с которой Северянин обвенчался и у которой от него был сын, и сторонниками «музы» с улицы Ярве.

Союзники Ф. М. Круут, помимо всего прочего, приводили «убийственный» аргумент: Игорь Васильевич — не отец дочери Веры Борисовны. Ребенок, мол, родился, когда Северянин еще и не помышлял об уходе из семьи, и, как подтверждение, — стихи, полные любви к супруге. С соответствующими датами. Читающий в сети воспоминания Веры Борисовны¹ не может не заметить, с какой яростью она отбивала атаки «недругов», называя те стихи фальшивками, и требовала убрать их из музея Поэта. А относительно отцовства заявляла, что с Игорем Северяниным познакомилась задолго до окончательного разрыва его с женой. И тут же, будто устав от многолетней борьбы, бросала чью-то «мудрую фразу», касающуюся Софьи Воронцовой: «Не всё ли равно, чья она дочь! Пушкин ее любил и признавал. Этого довольно!»

О таких подробностях своей личной жизни Вера Борисовна мне, в общем-то постороннему, ничего не писала. Даже сегодня трудно сказать, боролась ли эта женщина за правду, защищая доброе имя — свое и дочери, или это была борьба за созданный ею миф.

Но вернемся к письмам. Живется Вере Борисовне нелегко, и вся надежда на мужа, который содержит ее и младшего внука Борю. Сейчас она

¹ http://www.dikoele.org/numbers_journal.php?id_txt=30.

заканчивает мемуары, пишет стихи. «Одобрены Вознесенским, — сообщается не без гордости. — Он — мой большой друг».

Что толкнуло меня в начале июля 86-го взять отгулы и поехать в близкую для меня Эстонию? Банальное любопытство, честолюбие — уж не помню. Выйдя утром из поезда, я направился к зданию таллинского вокзала. Мое внимание привлек пожилой мужчина, который стоял в начале платформы и держал над головой магнитофонную кассету. Дело в том, что у меня хватило наглости послать вдове свои «песни» — мол, мы тоже не лыком шиты.

— Вы от Веры Борисовны? — спросил я, прочитав на кассете свою фамилию.

Встречавший (он представился как Пауль Янович) был небольшого роста, большеголовый. Серый пиджак сидел на нем косо, а мешковатые, как у клоуна, брюки, должны были вот-вот свалиться. Галстука не было, хотя белая рубашка была застегнута под самое горло. Один кончик воротника смотрел вверх, другой — куда-то в бок. Нордические черты и благородная седина никак не вязались с его одеждой. Не вязался и взгляд — какой-то испуганно-грустный.

— Вы кем, простите, работаете? — произнес он несмело, когда мы шли к автобусной остановке.

Я замешкался. Недавно меня выбрали председателем профкома завода — и мне, почти барду, было неудобно называть свою номенклатурную должность. Хотя должность была незавидной — предыдущего председателя посадили. Но, видно, мое замешательство мой спутник расценил по-своему.

— Свободный художник, конечно, — подсказал он и понимающе улыбнулся.

— Инженер-электрик, — выкрутился я, не соврав.

Пауль Янович одобрительно закивал: было видно, что мой социальный статус ему по душе. Пока мы ехали до места, вопросов он больше не задавал и молча смотрел в окно.

Старый коммунальный дом, мрачноватый подъезд и дверь под номером 9. Мы вошли в просторный коридор, который не ремонтировался лет сто. В нос ударил стойкий кошачий запах. Перед нами две двери. Мой провожатый суетливо распахнул ту, что слева, и пропустил меня вперед.

Вполборота к окну, в глубоком кресле, сидела, нет — восседала дама лет восьмидесяти. В глаза бросилось ее нарядное платье, не сочетавшееся с обстановкой комнаты, более чем скромной. Платье на худых плечах топорщилось, видно, надето было к моему приезду — как и бусы. Взгляд цепкий, изучающий.

— Здравствуйте, светлый Анатолий Владимирович, — произнесла она ровным, без намека на патетику, голосом бывшей учительницы и, поблагодарив, взяла цветы (их я успел купить у автобусной остановки). — Вы не только добры, но и галантны, — она протянула руку. — И еще раз извините — так неловко тогда получилось... с деньгами. Вроде как поплакалась, поплакалась и — напросилась.

Я пожал ее сухую ладонь и сказал то, что обычно говорят в таких случаях.

— Вы уж не обессудьте, что принимаю сидя, — Вера Борисовна достала из-за кресла костыли и тут же их спрятала, — ко всем бедам еще и ногу повредила два года назад, да я вам, кажется, писала. Теперь только на костылях и передвигаюсь. А вы садитесь, садитесь, наверное, устали с дороги, — она показала на стул. — Ну что ты там возишься? — круто сменив тон, прикрикнула она на мужа и сердито посмотрела на него. Тот как раз ставил мой букет в вазу с водой. — Иди чай приготовь.

Я принялся отнекиваться, мол, позавтракал в поезде. Мне стало неловко за такое бесцеремонное обращение с мужем, да еще при постороннем. Я даже решил, что приехал не вовремя, хотя за несколько дней до визита созванивался по телефону и получил добро. Возможно, в прошлом «последняя муза» и была ангелом, но годы и нужда сделали свое дело, подумалось мне тогда.

Я вызвался помочь с чаем. Но хозяйка не позволила:

— Не беспокойтесь, он справится.

Пока Пауль Янович возился на кухне, Вера Борисовна поведала мне сагу (многое я уже знал из писем) о своей нелегкой жизни после смерти Леры. Пока была жива Валерочка, — так она ласково называла свою дочь, — в доме были и уют, и достаток. А теперь ни дочери, ни денег и два внука на руках. Говорившая всё больше раздражалась. Бывший же зять «имеет уже другую особу» — эстонку, скупую и страшную, это после ее красавицы-дочери! Почти перестал мальчишкам помогать, даже своему собственному, младшему. И вообще, в Эстонии ее не любят, называют «случайной женщиной» Поэта, строят козни и распускают сплетни.

Досталось и «большому другу» Вознесенскому. Тот обещал пристроить какие-то рукописи Северянина, но не пристроил и пропал вместе с рукописями. А она рассчитывала получить деньги — дочери на памятник. Теперь одна надежда на «доброего человека» из Донецка, он взялся опубликовать ее сказки.

Из беседы я понял, что Вера Борисовна после травмы ноги ни разу не выходила на улицу. На мое осторожное замечание, что это губительно для ее здоровья, она всё так же раздраженно ответила:

— Ну да, чтобы эти эсты увидели меня на костылях!

Потом, уже за чаем, я рассматривал старые фотографии Поэта и Веры Борисовны, читал ее стихи. Стихи я, не моргнув глазом, похвалил. В ответ услышал лестный отзыв о своих. Классика! И особенно, кто бы мог подумать, о «глубоко прочувствованном мной» гитарном сопровождении.

Молчавший до этого Пауль Янович вдруг осмелел и, заметно волнуясь, предложил мне написать музыку (!) к какому-нибудь стихотворению своей супруги. Его идея поддержки у поэтессы не получила:

— Зачем ему мое, — отрезала она, — он для своих пишет.

(Замечу, что месяц назад в письме она просила меня подобрать мелодию к своему стихотворению, посвященному памяти дочери. Я этого не сделал — какой из меня композитор.)

Вера Борисовна рассказала о нелегкой жизни ее и Северянина во время оккупации, особенно осенью-зимой 1941-го. Чтобы заработать на еду, она вручную делала сборнички стихов Поэта и ходила с ними по дворам — продавала. Покупали неохотно. Впервые я услышал о немецком офицере, ценителе поэзии: какое-то время тот подкармливал голодающую чету. Хозяйка дома закончила рассказ последними минутами Поэта, который скончался на ее руках. И вообще, благодаря ее заботам, он не умер еще раньше от воспаления легких.

Я предложил сходить на могилу Игоря Васильевича — хотелось поскорее выйти на свежий воздух. Моя идея была одобрена.

— Пауль проводит, — распорядилась хозяйка.

Тот молча кивнул.

— И про ночлег не забудь, а то, как в прошлый раз...

— Я уже договорился с комендантом общежития, — ничуть не обиженный, ответил Верный Пауль, как я его про себя назвал. И уже ко мне: — Я сейчас.

Через какое-то время за дверью послышался шум и приглушенные голоса. Вера Борисовна попросила узнать, в чем дело. Это «заглянул на минуту» Боря, младший внук Поэта, подросток лет пятнадцати. Был он с девушкой. Пришедшие вежливо поздоровались. Пауль Янович, извинившись, продолжил, как мне показалось, неприятный для него разговор с пасынком. Я вернулся в комнату. Вскоре хлопнула входная дверь, и стало тихо.

Когда я шел по коридору, из соседней комнаты, едва не сбив меня с ног, вынырнул потерявшийся было Пауль Янович. Вместо извинения он что-то смущенно пробормотал. Как он ни торопился закрыть дверь, я успел разглядеть за его спиной абсолютно пустое помещение и, о Боже, полчища разномастных кошек, угрюмо смотревших в мою сторону. Вот откуда этот аромат.

Алекса́ндро-Невское кладбище: кусты, кресты, сосны. Могилой «короля поэтов» оказался обыкновенный холмик, плотно укрытый декора-

тивной травой. Вокруг металлическая ограда, внутри скамейка. У изголовья плита из белого камня. На ней вверху — лира, ниже надпись:

*Поэт Игорь Северянин.
16.V.1887 — 20.XII.1941*

и строки:

*«...Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!»
И. Северянин
«Классические розы»*

Ничего не сломано. Тут же, в оградке, еще чьи-то надгробья, побогаче «нашего». Мы выдернули сорняки. Пауль Янович поливал из чайника (откуда он его взял?) траву, а я сделал пару снимков. Потом мы поменялись местами. Прошли до семейного участка родственников Веры Борисовны. Запольские, это ее девичья фамилия. Перед уходом на могиле Поэта рядом с плитой зажгли свечу, сфотографировали и вернулись на улицу Ярве.

Хозяйка дома со скептическим выражением выслушала наш отчет о проделанной работе. Что-то ее не устроило, и она принялась корить несчастного Пауля. Я не выдержал и заступился:

- Вера Борисовна, ну зачем Вы так, Пауль Янович — золотой человек. Та саркастически хмыкнула и бросила:
- Позолоченный.

Мне подумалось, что на язык этой женщине лучше не попадаться. Я предложил сфотографировать ее — не отказала. Забегая вперед, скажу: фотография Вере Борисовне не понравилась. Категорически. В письме она заклинала меня, если я ей друг, никому снимок не показывать: «Настоящая женщина остается ею до конца дней...». А фотографии со свечой просила отпечатать еще несколько экземпляров.

Пришло время обедать, и Верный Пауль, прихватив безразмерный портфель, в котором что-то позвякивало, повел меня в студенческую столовую института, где он работал, кажется, лаборантом.

— Я служил в «СС», — неожиданно произнес он и вопросительно посмотрел на меня.

Этим утром, на перроне, я пожимал этому человеку руку... Вспомнился рассказ отца-фронтовика про напутствие замполита перед боем: «Эсесовцев и власовцев в плен не брать!» С чего это он вздумал передо мной исповедаться? Душу, что ли, решил облегчить? Уж лучше бы промолчал. Впервые я внимательно посмотрел на сидящего передо мной не-

складного старика, жадно поглощавшего дешевый студенческий суп. Этим супом и кашей он наполнил маленькие кастрюли-судочки (они-то и звякали) — обед для Веры Борисовны. Моей фантазии не хватало представить его зверем-фашистом. Я успокоился и продолжил свою трапезу.

— Ну, и как? — спросил я.

И Пауль Янович рассказал мне о своей фронтовой судьбе. Когда немцы заняли Прибалтику, его, как и многих других парней, мобилизовали. Он попал в эсэсовскую часть. Почему в «СС», не знает. Может, из-за дяди. Дядя его был судьей еще в буржуазной Эстонии, и когда в 1940-м она стала советской, того арестовали. Дядю не судили — может, не успели, а может, и не собирались. Как бы там ни было, в 41-м при отступлении Красной армии всех заключенных вывели во двор и расстреляли.

Юный Пауль носил эсэсовскую форму, служил в порту и даже был каким-то командиром — у него в подчинении находилось около десятка таких же, как и он, «бойцов». «Бойцы», как и положено, ходили строем, выполняли приказы, но оружия им не дали. Думаю, это и спасло молодого Пауля от высшей меры — он получил десять лет. В задачу группы Пауля входило наблюдение за бесперебойной работой маяка и его техническое обслуживание. Так он и «маячил» до конца войны. Искупив в Сибири на лесоповале «вину перед Родиной», Пауль Янович вернулся домой. Что было потом, как бывший зэк оказался рядом с вдовой Поэта, он не рассказал, а я не спросил — теперь жалею.

После столовой Пауль Янович потащил меня на свою кафедру. По лестнице он поднимался только что не вприпрыжку.

— Можно, я скажу, что вы ученый из Москвы, — заглядывая в глаза, обратился он с неожиданной просьбой, — и приехали в Таллин, потому что заинтересовались моей работой?

Плутовать вообще-то не в моем характере, но я не отказался — уж больно счастливым выглядел старик. В помещении со шкафами, заставленными непонятными приборами, он усадил меня за стол. Не успел я осмотреться, как классная доска напротив скрылась за многочисленными листами ватмана с полушариями, отдаленно напоминающими нашу Землю. Пауль Янович схватил указку и с воодушевлением принялся ею тыкать в косяки черных стрелок, разбегающиеся по просторам Мирового океана. Минут двадцать он донимал меня тектоническими сдвигами, конвективными потоками и дрейфом материков. Заходили люди, должно быть, преподаватели, здоровались. Докладчик представлял меня им и нагло врал про какую-то мою научную степень. Они удивленно вскидывали брови, кивали и уходили. А я сидел ни жив ни мертв и, должно быть, выглядел полным идиотом. Но терпел. Наверное, Пауля Яновича держали здесь за старого чудака, и я был не против увеличить его вес в глазах сослуживцев. К тому же, кто знает, вдруг всё, что он рассказыва-

ет, действительно очень серьезно и научно? Сложись его судьба по-иному, возможно, он стал бы большим ученым — с таким-то задором. Мы поспешили домой, где нас ждала грозная затворница. Недалеко от института я сфотографировал Пауля Яновича, его и портфель с обедом.

Перед моим уходом в студенческое общежитие на ночлег Вера Борисовна предупредила меня, что завтра утром к ней зайдет одна дама, желающая со мной познакомиться.

— А что за дама, — я был заинтригован, — молодая?

— Молодящаяся, — ответила она с легкой издевкой.

Молодящейся дамой оказалась Вера Никифоровна Близник, замечательнейший человек. Легкая на ногу, с феноменальной памятью на судьбы и даты, она два дня была моим неутомимым гидом.

Вечером, у нее дома за ужином, я спросил, как она познакомилась с Верой Борисовной.

— Да очень просто. — Вера Никифоровна весело посмотрела на меня. — Иду по кладбищу и вижу у могилы Северянина женщину. Я подошла и поинтересовалась, не родственница ли она Игорю Васильевичу. Вы, наверное, заметили, на плите отчества нет. Так и познакомились.

Отгулы мои заканчивались, я пришел попрощаться. Вера Борисовна подготовила для меня подарок — пять фотографий. На трех Игорь Северянин в разные годы, а на двух — сама «последняя муза». Там, где Вере Борисовне лет тридцать (изображение нечеткое, и женщина на ней мало чем похожа на хозяйку дома), короткая надпись:

«А тебя одну душа ласкала!..»

1932 г. И. Северянин

На другом снимке, без всяких сомнений, Вера Борисовна в кресле с высокой, как у трона, спинкой. Голову она склонила набок и поддерживает ее не пальцами, как делают обычно женщины, а кулаком. Здесь она гораздо старше, и взгляд мне уже знакомый. На обороте всё так же ее рукой:

Ты влилась в мою жизнь, тожно струйка токая

В оскорбляемый водкой хрусталь.

и пояснение:

Последнее стихотворение И. Северянина.

1940 г. Усть-Нарва.

Пожелав моим новым знакомым здоровья, я уехал на вокзал. Мы продолжали переписываться. От Веры Борисовны письма стали приходить редко, чаще поздравительные открытки к датам, да и я ленил-

ся. Зато Вера Никифоровна, спасибо ей, на слова не скупилась и продолжала работать над моим культурным уровнем.

Ей срочно захотелось побывать в моем городе. Хочу посмотреть, писала она, то-то, то-то и то-то и, конечно, церковь Вознесения, построенную В. П. Львовым (не путать с Ник. Ал-др. Львовым). А я по понятным причинам и не путал. Вскоре она была моей гостьей и несколько дней знакомила меня с моим городом.

Кроме того, неугомонная Вера Никифоровна («тетушка Верочка Никифоровна» — так она называла себя в письмах) стала связующей нитью между мной и улицей Ярве. «Вчера виделась с Верой Борисовной, — писала она спустя месяц после моего отъезда, — она весела, шутила, показывала старинные фотографии. <...> Ее хорошее настроение связано с возвращением домой Игоря, которого она не видела год. <...> Пауль Янович устраивает его на работу в свой институт».

Игорь — это старший внук, а вот откуда он возвратился, до сих пор не знаю. Как-то Вера Никифоровна обронила, что он играл в Эстонском оркестре на скрипке, но его оттуда «попросили» из-за наркотиков. Только что скрипач может делать в техническом вузе?

Читаю письмо Веры Никифоровны от 18 февраля 1987 г.: «Еще в ноябре Вер. Бор. просила меня съездить на кладбище и посмотреть, хорош ли надгробный камень над могилой Валерии. <...> Я ездила. Камень розовый, гранит крупно-зернистый с большим вкраплением слюды. <...> Эпитафия трудно различима. <...> Не хочу огорчать ее. Скажу, что на кладбище не была. <...>

В доме у Веры Борисовны, слава Богу, худых новостей нет. Создан комитет по проведению юбилея Игоря Вас. Северянина. Заседание комитета назначено на пятницу 20 февр. Приглашалась и Вер. Бор., но она по-прежнему не выходит из дома, и решено, что на совещание пойдет Пауль Янович — “Золотой человек”, как Вы его называете».

А вот письмо «тетушки» от 17 мая 1987 г.:

«У меня на сегодня (15 мая. — А. С.) пригласительный билет в русский драматический театр, где состоится торжественный вечер, посвященный 100-летию поэта. Вечер организует общество книголюбов Эстонской ССР. <...>

О творчестве Северянина хорошо говорил профессор, доктор филологии Сергей Исаков. <...> Очень хорошо стихи Северянина читал артист Ленингр. театра им. Пушкина Евг. Лукошков, а стихи эстонских поэтов в переводах И. Северянина — Виктор Поляков. <...> И опять эта изрядно утомившая слушателей Софья Блюхер. (Когда в четверг 14 мая я была у Веры Борисовны, она сказала, что Блюхер сделала ей какую-то гадость, сказала, что жалеет, что вообще имела с ней разговоры, принимая ее у себя в Ярве.) Честно говоря, в выступлениях Блюхер “искусст-

вом и не пахнет” — так, мелкая коммерция и спекуляция на неосведомленности публики.

В фойе был книжный киоск, была и книжка Северянина, но мне не досталась. Жаль!»

Потом Вера Никифоровна рассказывает, как в Эстонии отмечался день рождения Поэта: «Собираюсь на кладбище к 14 часам. Там у могилы Северянина будут речи, будет небольшой оркестр (скрипки, флейта). На средства Союза писателей окрасили решетку могилы, укрепили на пьедестале черный мраморный крест — Вы его видели, когда делали фотографии летом прошлого года, — выбросили скамеечку, на которой всегда сидела Вера Борисовна, срубили елочку, посаженную ею же; землю посыпали свежим песком и долго говорили о том, какие они хорошие — Вере Борисовне оказали внимание, прислав 150 рублей. Вера Борисовна приняла, поблагодарив, сказала: “На мед хватит”. (Она еще больше похудела и еле ходит с палкой.)

У могилы я познакомилась с двумя дамами, московскими родственниками Игоря Северянина. Одна из них работает в Донском монастыре в музее — Марина Георгиевна. <...> И со Львом Львовичем Ильвовским, тоже родственником. <...>

После гражданской панихиды на кладбище поехали в зал Дома писателей — там <...> был концерт, малоинтересный и вялый. <...> Познакомилась я и с журналистом Михаилом Петровым, который в своей статье назвал Веру Борисовну “случайной женщиной” (об этом сказала мне Вера Борисовна). Пришлось ему сказать, что такой выпад неприличен против женщины, которую Северянин выбрал и прожил с нею до конца своих дней. Против женщины, которая стара и не может защитить себя. Что частная, личная жизнь поэта должна быть неприкосновенной; говорить следует о его поэзии».

Еще одно письмо — от 3 августа 1987 г.:

«Я недавно виделась с Верой Борисовной. Она нервная, желчная какая-то, и никак было ее не успокоить хотя бы ссылкой на то, что лето — время глухое: отпуска, дачи, огороды, что все разъехались, не пишут поэтому. Но она всё говорит, что приезжали в дни празднования 100-летия Игоря Северянина только ради любопытства, что теперь снова ее все забыли и т. д.

Если бы ее навели теперь, то застали бы... сидящей в своем кресле, как и год назад. Какая-то инерция старости! Паулю сделали операцию, но теперь он уже дома. Чувствует себя хорошо. В больнице был две недели».

Последнее письмо от «тетушки Верочки Никифоровны» датировано 6 декабря 1988 г. А последняя открытка от Веры Борисовны — 10 января 1989 г., в которой она поздравляет меня и жену с рождением сына.

Читаю воспоминания Веры Борисовны в интернете. До встречи с Игорем Северянином — скупое и скучное, зато о дочери и Поэте — много

и с любовью. Трудно не поверить, что лучшие ее годы связаны с этими дорогими ей людьми. И еще с речкой Россонь, по которой они втроем катались на лодке и ловили рыбу.

Показывать кому-либо свою фотографию она не разрешила, но не было никакого запрета относительно стихотворения, посвященного дочери.

В. Б. Коренди

Воспоминание

Каштаны, каштаны, каштаны
Цветут под моим окном...
Весны ароматы так пряны,
И шепчут мне всё об одном...

О прошлом, далеком и милом,
О милой Россони моей,
О Кагеле нежно-унылом,
О ласке весенних полей...

О девочке нашей любимой,
Похожей на яркий цветок.
Жестокою бурей гонимый,
Мой хрупкий и редкий росток!

Каштаны, каштаны вздыхают:
Они понимают печаль,
Как будто меня упрекают,
Зовут в неизвестную даль.

И снится мне Дрина родная
И домик, похожий на сон.
Россонь, как всегда, голубая,
Нам пела она в унисон...

Каштаны, каштаны, каштаны.
Умолкших сердец слышу стук!
Весны ароматы так пряны,
Так ново, так странно вокруг!..

3 июня 1986 г.

Как мотыльки в раскол: «Слово о полку Игореве» как музыкальный авангард

Осенью 2014 года лидер рок-группы «АукцЫон» Леонид Фёдоров, совместно со своим давним партнером по разнообразным проектам, контрабасистом Владимиром Волковым, представил музыкальный альбом под названием «Мотыльки». В него включены девять композиций. Четыре из них написаны на стихи давних соратников Фёдорова по группе — Дмитрия Озерского и Олега Гаркуши, одна представляет собой стихотворение поэта питерского андеграунда Анри Волохонского, а еще четыре используют подлинные, то есть неадаптированные, фрагменты текста «Слова о полку Игореве»: плач Ярославны, солнечное затмение, «Дивь на землю...» и конечные строки поэмы.

Задача нижеследующих заметок — попытаться объяснить, как мог возникнуть такой симбиоз и почему он заслуживает внимания.

Начать следует с того, что в наше время привычного мультикультурализма и тотальной постмодернистской «ризомы» трудно счесть чем-то из ряда вон выходящим, когда неклассические музыканты записывают отдельные композиции или даже целые «концептуальные альбомы» на тексты средневековых памятников своей национальной литературы, декларируя тем самым — порой интуитивно, а порой и вполне осознанно — свою принадлежность к многовековой «менестрельной» традиции. Той самой, о возрождении которой во второй половине XX века в, казалось бы, совершенно неподобающей для этого обстановке эмоционально писал в книге «Opus Posth: Рождение новой реальности» композитор и философ Владимир Мартынов: «Записи “Битлз” появились в наших кругах в 1964 году, а может быть, даже чуть раньше,

и первые же их “сорокопятки” буквально потрясли меня — мне казалось, что происходит возрождение духа верджиналистов, Доуленда и вообще духа ренессансной и готической музыки...».

Достаточно назвать хит 1968 года итальянского «канаутора» («автора-исполнителя») Фабрицио де Андре «S'io fossi fuoco...» на подлинный (и весьма мрачный) текст сонета поэта XIII века Чекко Анджольери или сюиту 1999 года его земляка и коллеги Анджело Брандуарди на текст «Cantico delle Creature» Франциска Ассизского. Можно вспомнить также выдержанные в духе фолк-рока «Русские песни» (1978) Александра Градского, — альбом, на котором действительно народные песни, от крестьянских до солдатских, оказались спеты мощным оперным голосом в сопровождении хитроумных синтезаторов и гулких акустических гитар. И, в качестве курьеза «с отрицательным знаком», — 50-минутную «рок-думу» (авторское определение) 1985 года челябинского ансамбля «Ариэль» с подобающим монументальным названием «За землю русскую...», в котором довольно близко к тексту пересказывается как раз «Слово о полку Игореве», — но в эстрадной стилистике советских ВИА, казавшейся старомодной уже в момент записи.

Но альбом Фёдорова — Волкова в корне отличается и от тонких стилизацией Брандуарди, и от китчевых модернизаций «Ариэля». Во-первых, Леонид Фёдоров — давно уже не совсем рок-музыкант, или, точнее говоря, совсем не рок-музыкант. Он не просто стилистически расширяет границы жанра, а сознательно переступает эти границы. Его сольные альбомы — это не музыка для многлюдных шоу с непременным вовлечением публики в происходящее. Скорее они подходят под зыбкое определение «авангарда». Оборудовав студию в комнате своей обычной московской квартиры, Фёдоров стал активно включать в альбомы, записанные намеренно «сыро» и «грязно» (не в смысле обценной лексики, а в смысле качества звука), обычные бытовые звуки: шум дождя за окном, шорох смятой бумаги, даже голоса гостей с кухни, — и при этом путем многослойных наложений добавлять в них не только острый контрабасовый контрапункт Волкова, но и фрагменты оркестровых записей Малера, Вагнера, Чайковского, присутствующие, по мысли автора, в нашей жизни наравне с шумом дождя. В качестве текстовой основы при этом использовались преимущественно стихи Алексея Хвостенко, и особенно — Александра Введенского. По неоднократным уверениям самого Фёдорова, эти стихи «льются с губ», как никакие другие.

Особняком в этой экспериментальной дискографии стоит альбом «Душеполезные песни на каждый день» (2008), на котором оказались исполнены народные духовные стихи, заплачки, заговоры. В «ведущих партиях», в прямом и переносном смысле, на этом альбоме оказались заняты собиратель и интерпретатор фольклора Сергей Старостин и руко-

водитель ансамбля знаменного распева Андрей Котов, а Фёдоров с Волковым как бы довольствовались скромной ролью аккомпаниаторов и исполнителей. При этом все участники этого необычного — даже по фёдоровским меркам — проекта категорически отказывались считать его реконструкцией: разумеется, они, современные горожане и профессиональные музыканты, вовсе не пытаются представить, как эти тексты и мелодии могли бы звучать в исполнении калик переходящих во времена царя Алексея Михайловича или скоморохов эпохи Ивана Грозного. И при этом признавали: да, конечно, они пытались привычными им музыкальными средствами, от колесной лиры до электрогитары, выразить свое отношение к «последним вопросам бытия» — о смерти, жизни, месте человека (причем, именно русского человека) в мире.

В «Мотыльках» такой концептуальный подход выражен еще отчетливее. Конечно, современный рок-авангардист и не пытается перевоплотиться, утрированно говоря, в «вещего Бояна» XII века или в скомороха более позднего времени (хотя преломление в творчестве «АукцЫона» именно скоморошьей традиции несомненно). Поэтому без стеснения использует не только привычную гитару и напрашивающиеся гусли, но и африканский струнный инструмент «кора» (именно в его сопровождении звучит «Плач Ярославны»), а свой голос пропускает через декодер, делая его холодным и отстраненным. «Можно пытаться реконструировать, как делает “Сирин”, Ансамбль Покровского, — объясняет Фёдоров, — но это не имеет отношения к музыке. Потому что музыка — это всегда “сейчас”».

Произносить «Слово...» в манере древнерусского церковного пения, с соблюдением хомонии (раздельноречия) — «амине» вместо «аминь» и т. п., — Фёдорова учил Анри Волохонский, которого, в свою очередь (и в свое время), учил этому Николай Заболоцкий. Но Фёдоров никогда не изучал древнерусский язык и сам признает, что не знает, как правильно интонировать слова, которых он не чувствует изнутри: «Когда произносишь на языке, который тебе не родной, ты не можешь интонационно выделять чувства. Я не знаю, как произносить “на лады вои”. Я написал нежную мелодию, но спел всё равно холодно».

Но, при всей этой холодности, Фёдоров вполне серьезно утверждает, что записал альбом про *раскол*. И если тема церковного Раскола XVII века возникает в «Мотыльках» явно, в длинном стихотворении Волохонского «Аввакум», которое поэт читает на диске сам, то песня «Шамурла», на первый взгляд кажущаяся вполне отвлеченной, сочинена, по уверениям Фёдорова, еще в 1991 году, прямо во время путча, но только сейчас автор почувствовал, что пришло время ее записать. И «Слово...» — произведение, наполненное сетованиями на феодальную раздробленность Руси, — выступает несущим элементом этой конструкции.

«В нашей стране Раскол является основополагающим жизненным принципом, — объясняет Фёдоров. — Он не кончился. В каждом веке происходит какой-то Раскол. Мы всё время только и делаем, что раскалываемся, ничего не приобретаем». Конечно, это слова не философа и не историка, а музыканта. Но музыканта талантливого и, главное, чувствующего. И поэтому — предчувствующего. Только так можно объяснить «судьбу» завершающего альбом номера «На реце на Каяле». Как известно, по одной из интерпретаций, отсутствующая ныне на географических картах Каяла — это приток Северского Донца, протекающего по тем самым местам юго-востока Украины, которые сейчас снова оказались на слуху в очень грустном контексте. Когда Фёдоров с Волковым весной 2013 года начинали работу над «Мотыльками», они, как и все остальные, не могли, конечно, представить себе, что трагическая действительность догонит трагичный и, как выяснилось, вечный текст:

Уже снесся хула на хвалу;
Уже тресну нужда на волю;
Уже врѣжеса Дивь на землю.

Настоящее искусство всегда не столько отражает реальность, сколько предвосхищает ее. Нам привычнее читать подобные рассуждения у Шеллинга и Лессинга об античном искусстве и романтиках — но, похоже, пришла пора переносить их и на музыкальные альбомы, формально проходящие по ведомству рок-авангарда.

Народное слово

Д

овольно долго я считал, что главным конкурентом литературе «старого типа», то есть литературе прежнего контракта с обществом, является журналистика. Я об этом говорил даже в одном собрании,¹ участие в котором мне зачем-то то и дело вписывают в персональную википедическую статью — с упорством, достойным лучшего применения. Авторы считают, видимо, что это одно из главных свершений моей жизни.

Действительно, путевой очерк был (и сейчас остается) куда интереснее унылого диссидентского и унылого патриотического романа.

Но за этими разговорами я как-то упустил нормальное народное творчество — не только социальные сети, а вообще мир массового народного сочинительства.

Эта «народная литература» — вовсе не фольклор, а осознанная имитация «профессиональной литературы», попытка реставрировать старый Общественный Контракт писателя с обществом.²

---

¹ О прозе реальной и виртуальной: Круглый стол с участием Николая Александрова, Александра Архангельского, Владимира Березина, Михаила Бутова, Александра Гаврилова, Анастасии Гостевой, Андрея Дмитриева, Андрея Немзера, Алексея Слаповского // Дружба народов. 1999. № 11. С. 110–132.

² См.: Березин В. Рождение нового слова // Текст и традиция. СПб., 2013. Т. 1. С. 305–312.

Писатели-фантасты и их конкурсы

*«Всем низкого за мой счет!» —
восклицает в ресторане буддист.*

Много лет я наблюдаю вполне народный сетевой литературный конкурс, который официально назывался «48 часов» и который никто так не звал, — потому что все использовали неофициальное название «Рваная Грелка» или просто «Грелка».

«Грелка» при этом была узкокорпоративным конкурсом по написанию фантастических рассказов на заданную тему.

То, что называется «фантастической литературой», я любил давно, с авторами ее дружил и при этом когда-то был вписан в их номенклатуру.

Фантастика — это вообще специфический жанр литературы. С одной стороны — приключения и стрельба в космосе, с другой — рыцари и колдуны, с третьей — победившая Белая гвардия и Государь Император Алексей на вертолете.

Собственно, это как раз и есть три кита фантастики — как бы «научная фантастика», фэнтези и альтернативная история.

Фантастике повезло больше прочих популярных жанров — ни авторы детективов, ни сочинительницы любовных романов у нас никаких конференций не собирают. То есть, в фантастике случилось то, что не произошло ни в каком другом разделе доходной литературы.

Там возник социум, корпоративное сообщество из авторов, критиков, издателей и читателей.

Поэтому несколько сот человек писателей, издателей, критиков и читателей по поводу фантастики собраться могут. Да что там — я застал сборища по пятьсот человек в одном пансионате и людей с мечами, гордо сновавшими по казанским улицам, не таясь от милиционеров.

С фантастикой приключилась интересная история.

Сначала это были сказки о научно-техническом прогрессе, потом, в начале прошлого века, в фантастику пришла прямая идеология, затем же шпионы мечтали похитить аппарат волшебных лучей и строили в потаенном месте атомную крепость.

Были и модели светлого будущего — иногда (если всмотреться внимательно) довольно страшные и угрюмые.

Но всё это время фантасты ощущали себя литературой как бы второго сорта — не сказать, что совсем уж без оснований: они проходили по какой-то незримой категории, похожей на название журнала «Техника — молодежи». При всём при том, как считали писатели внутри жанра, они-то и были олицетворением свободной литературы — не подпольной, как диссидентская, но существующей под негласным запретом. При этом —

литературы с идеями, текстов с философским значением. Кстати, среди опубликованных тогда книг — от Бредбэри до Лема и от Стругацких до Булычева — действительно было много идейных и философских.

Когда рухнули старые стены и всё стало разрешено, оказалось, что по страницам многотиражных книг побежали космические пауки и красавицы с бластерами. Оказалось вдруг, что как среди переводной, так и среди отечественной литературы книг с оригинальными идеями мало, даже исчезающее мало. Ну и сказать, что стиль этих книг сопоставим с бунинским, — невозможно.

И всё равно — девяностые годы были расцветом отечественной фантастики: там происходило постоянное бурление и, главное, — постоянное чтение.

Но вдруг оказалось, что вся остальная литература тоже не дремала.

В ней, этой «остальной» литературе, остался, конечно, пласт возвышенных людей, что писали о страданиях русского интеллигента в однокомнатной квартире или эмигрантки в многокомнатном шале, но все сноровистые романы последних лет — сплошь фантастические. То альтернативная история, то жизнь после конца света, то масонские тайны, то детектив со старинными рукописями... Не говоря уж о Пелевине, который в начале своей карьеры признавался фантастами за своего, и только потом они к нему как-то ревниво охладели.

Вернемся к «Грелке». На этом конкурсе премий не давали — конкурс существовал именно для славы в узком кругу, замещая пресловутое понятие гамбургского счета внутри корпорации. Два раза в год фантасты-профессионалы и фантасты-любители стучали по клавишам — и под псевдонимами отправляли работы на конкурс, и начинали читать рассказы конкурентов, выложенные в Сети.

Два раза в год — обычно в октябре-ноябре и в марте-апреле — специально отведенные в Сети места³ наполнялись язвительными комментариями.

Победитель определялся общим голосованием.

В этом, собственно, и состоял гамбургский оттенок мероприятия. Наконец, этот конкурс сделал замечательный ход — он выдвинул одно важное положение, которое, будто специальный морской флаг, пресекало пафос и излишние претензии. На сайте «Грелки» было написано: «Конкурс “48 часов” является свободным времяпрепровождением любителей фантастики всех рангов и на большее не претендует».

Теперь нужно сделать некоторые пояснения.

Дело в том, что конкурс эволюционировал — как эволюционирует поселок золотоискателей. Сначала несколько небритых людей сидят

---

³ С 2001 года этим местом был форум «Нуль-Г» на сайте «Русская фантастика», а с 2004 года — соответствующее сообщество в «Живом Журнале».

у речки с лотками, а вот уже палаточный городок превращается просто в городок, кого-то бьют в салуне, кто-то открыл прачечную, а вот заработала первая драга. Город обрастает асфальтом и офисами... Пока не кончится золото.

Тогда пустеет салун, в домах гуляет ветер, а проходит несколько десятков лет — и туда начинают возить туристов и водить их мимо мертвых стен.

Так и здесь — за несколько лет конкурс (имевший свое начало в 2001 году) уже стал внутрикорпоративным брендом.

Число участников, никем и ничем не ограниченное, росло в геометрической прогрессии — и вот уже несколько сотен рассказов валилось в мешок координатора. Возник специальный сайт, автоматизировалась система отбора, появился логотип.

Вместе с тем, начали исчезать традиции старые — раньше, например, рассказ-победитель публиковался в фэнзине «Массаракш», и вот уже основной журнал фантастов «Если», что-то вроде аналога «Нового мира» или «Знамени» внутри Корпорации, решил печатать победителей — но обязательно первыми. И выбор молодого, да и какого угодно, автора между фэнзином и журналом с гонорарами был очевиден.

Понемногу размылись и сами «48 часов» — «Грелка» стала начинаться в 15.00 пятницы и заканчиваться в 23.59 понедельника, превратившись в «81 час». Стали, как в любой предвыборной гонке, вырабатываться определенные технологии голосования, формально не нарушающие правила, но не имеющие ничего общего с литературной составляющей.

Из-за наплыва участников голосование пришлось проводить в два этапа — в первом отбирая по шесть лучших рассказов из множества групп. Как в переполненной школе (где классы обозначались буквами), перечисление групп дошло до «Л» — все-таки 545 рассказов (от точно не известного количества участников).

Это — путь эволюции, и обижаться на него нечего.

То же самое стало происходить и с публикой, и с борцами на круглом электронном пространстве гамбургского цирка — будто вместо тихого состязания друзей-атлетов туда набежала тысяча физкультурников, дворовые борцы, шпана с финками — и все они, согласно условиям состязания, были равноправны. Конечно, набег графоманов на любые — сетевые и бумажные — конкурсы неизбежны — иначе здание цирка нужно закрыть на замок. Но далеко не все участники как мантру повторяли раздельно: «Свободное времяпрепровождение. Любителей фантастики всех рангов. На большее не претендует».

За несколько лет на «Грелке» сложился определенный жаргон — одна часть участников была «профи», другая — «молодая шпана». Эти термины понятны.

Так вот, однажды произошло то, что давно должно было случиться — «старичков-профи» не пустили во второй тур. Не оттого, что их вычислили — и согласованно решили им досадить, — это было бы неприятно и не интересно.

Нет — поменялись поколения, манера письма и, в конце концов, сама литература.

Произошел дарвиновский отбор внутри корпорации.

Координатор конкурса Вадим Нестеров замечал: «С точки зрения литературоведа сильные рассказы прокатывали всегда. Побеждали не самые сильные, а самые востребованные рассказы, почувствуйте разницу».

Всякое литературное явление имеет свой срок: ветер дует слева направо, справа налево, сверху вниз — и утихает, наконец. Это технология народной игры в литературу победила камерное времяпровождение стариков за дачным столом — бридж соседей, игру ради искусства. Есть тип рассказа универсального, а есть тип рассказа конкурсного — эти множества иногда перекрываются, а иногда — нет.

Эволюция убила динозавров. Понятно, что некоторые движения в плавании и балете похожи, но плавание — отдельно, а балет — отдельно. Одно не хуже другого, кстати.

Так и здесь — Корпорация стала свидетелем того, как при тех же буквах, и почти незаметно, один тип текстов замещает другой.

Конкурс этот по-прежнему функционирует, выбираются победители, возникает иная литература.

Она иная — потому что это тексты, написанные внутри круга своих читателей. А читатели являются одновременно писателями.

Система гармонична и устойчива.

Экспорт текстов вовне невозможен, читать их за пределами круга некому, но стороннему наблюдателю процесса многое может показаться интересным.

Как голосует масса — каково соотношение intention / invention (ожидаемого и обретенного)? Каково массовое представление о том, каким «должен быть фантастический рассказ»? Как работает технология?

Перед нами уникальный лабораторный опыт эволюции, отграниченный от эволюции большой литературы.

Стиль и сюжет развиваются, как жизнь в антарктическом озере, не испытывая воздействий извне.⁴

---

⁴ Подледное озеро Восток расположено в районе антарктической станции «Восток» (77° южной широты, 105° восточной долготы) и имеет приблизительные размеры 250 × 50 км. Его оценочная глубина составляет более 1200 м, а сверху оно накрыто ледником толщиной около 4000 м. Многие исследователи полагают, что в этом озере могут обитать живые микроорганизмы, миллионы лет изолированные от остальной биосферы земли.

Как можно возмущаться, когда в огромной бутылки, где пять лет вари-лась закваска, наконец, пошли пузыри, полезла по стенкам зеленая само-стоятельная жизнь — это ведь жутко интересно. И никто меня не убедит в том, что это не интересно — вот она ползет, происходит процесс деле-ния, и во всём есть своя правда. Хотя бы и пузырчатая.

Правда, никто никого не заставляет тянуть результат в рот. Не дети ж малые.⁵

Народная рефлексия

*Нельзя построить содержательное
высказывание
на бессодержательном явлении.*

Надо отметить, что самое интересное там — механизм реакции на прозаический текст.

Оказалось, что ничего нового в этом механизме нет, даже если про-шло много времени с тех пор, когда существовал корпус обязательного чтения.

И построен механизм рефлексии обычного читателя всё на том же принципе карго-культ. Всякий может посмотреть про карго-культ в Ви-кипедии, но я, приличия ради, всё же поясню вкратце, что это такое. Во время Второй мировой войны на островах в Тихом океане были развер-нуты американские аэродромы. Местное население увидело при этом не только самолеты, но и массу причудливых вещей, а также блеск цивили-зации.

Когда боевые действия прекратились, то надобность в аэродромах от-пала. Цивилизация улетела, но была желаемая. И вот, верные архаиче-ским верованиям аборигены стали изготавливать самолеты из соломы, а из всяких подручных средств — копии аэродромного оборудования. Они исходили из того, что всё это подманит прошлую интересную жизнь, а также блага цивилизации.

Несколько позже выяснилось, что путешественники несколько при-украсили этот сюжет, но было поздно — блестящая метафора вырвалась на свободу.

И вот, в обсуждениях анонимных текстов проявляется очень интерес-ная тенденция — читатель пытается оценить их, отправляясь не от соб-ственных эмоций, а от сложившегося у него представления о том, как должна выглядеть критика и анализ литературного произведения.

---

⁵ Березин В. Смерть грелки: [О конкурсе «Рваная грелка»]; ил. Г. Мака-рова // Книжное обозрение. 2005. 21–27 ноября (№ 47). С. 6.

То есть, читатель выстраивает некий метод описания текста — «так, как это бы выглядело у профессионалов». При этом игнорируется самое важное — непосредственная реакция на произведение.

То есть, вместо анализа собственных эмоций читатель пишет отзыв «как у больших».

Проблема, конечно, не только в том, что на сетевом конкурсе тексты писал не Достоевский, но в том еще она, что критикой там занимается вовсе не Стасов.

Мне, честно говоря, очень нравится читать там обсуждение рассказов, которых я не читал. Это настоящие читатели, непридуманные. Собственно, речь о том, как читатель Грелки оценивает текст Грелки и что по этому поводу говорит, когда говорить необязательно.

Тут как раз очень интересная филологическая проблема — контекст сильнее текста.

Система высказывания внутри народной самодеятельной литературы очень интересна — у большинства участников есть некая матрица, с которой они сверяются: у старичков это были Стругацкие, Шекли и Бредбэри, потом были люди, что выросли на Лукьяненко и, возможно, на писателях Лукине⁶ и Дивове,⁷ а потом пришло вовсе неведомое, хтоническое племя.

И вот, мне чрезвычайно интересно наблюдать их реакцию на тексты.

Отдельная песня — люди, которые начитались каких-то справочников по редактуре или «Ста советов молодым авторам» и начинают править стиль. Ну, там для них аксиома, что одно слово не может повторяться в одном абзаце, и понятно, как должна быть построена фраза — Андрей Платонов мимо них бы не прошел. Они бы его выкорчевали из литературы безжалостнее, чем Сталин.

Ну и, не считывая цитат, они бы из Мандельштама капусту сделали.

Иногда это выливалось в риторическое возмущение, чистый Таксиль.

Был такой француз — Лео Таксиль. Он приехал в Ватикан, долго отирался у Папы, притворялся католическим писателем, а потом написал несколько книг о Святом Престоле, «Забавную Библию» и «Забавное Евангелие», где издевался над христианством как мог.

В СССР его много и радостно печатали, не вполне понимая, что по этим сатирическим книгам люди хоть как-то узнают библейские сюжеты (и для этого их покупают). Так вот, в одном месте Таксиль издевается

---

⁶ Евгений Юрьевич Лукин (р. 1950) — русский писатель-фантаст, лауреат множества внутрифантастических премий. Автор и исполнитель песен на свои стихи. Живет в Волгограде.

⁷ Олег Игоревич Дивов (р. 1968) — русский писатель-фантаст, лауреат множества внутрифантастических премий. Живет в Москве.

над Писанием, говоря: И вот, пришли победители и истребили всех мочащихся к стене! Подумайте! Эко! К стене! Человек мог мочиться на дерево, на собственную мать — и ничего бы не было. А тут — к стене! При этом «мочащийся к стене» — это нормальное выражение, хоть и архаическое, указывающее на возраст мальчика, который не писает под себя, а писает как взрослый — ну и дальше объяснять не надо. Так вот, Грелочника можно уподобить Таксилю: его, с одной стороны, прижимает статусная необходимость высказаться, с другой — им начитан довольно малый корпус книг, и кругозор его узок (это не страшно, вопрос — как он узок).

Есть также традиция помещать в обсуждение как бы смешные *фотожабы* и стишки (тут мне становится неловко, будто я зашел за справкой в ЖЭК, а там капустник, и женщины с халой на голове поют частушки).

Эпистемологическая неуверенность

Doctor Livingstone, I presume?

Ну, теперь самое время рассказать об одном эксперименте. Как-то я послал на упомянутый конкурс один рассказ.

Рассказ этот был не мой, оттого я завел специальный аккаунт в Живом Журнале, поместил там фотографию автора (одну из малоизвестных, потому что с известными авторами есть известное обстоятельство — в какой-то момент канонизируется один их известный образ, и только внимательный читатель узнает писателя на других фотографиях). Аккаунт назывался *grinevskij*, а рассказ — «Пришёл и ушёл». Я, правда, изменил в нем одну букву — «ё» на «о»: «Пришел и ушел», — и вот Александр Грин поучаствовал своим рассказом в анонимном конкурсе «Грелка».

В результате чего Александр Степанович Грин был поставлен на место современными читателями.

В аккаунте появилось несколько гневных комментариев (их потом стерли авторы), из участников конкурса Александра Степановича Грин(евского) исключили с неясной формулировкой «плагиат» (ну, это организаторы сделали не от большого ума), а мне пришлось написать от его лица в его же сетевом дневнике разъяснение:

«Не всегда я могу согласиться с современной критикой моего рассказа. “Батль” — отличное имя для протагониста в вестерне. Реальная находка. Всё прочее — редкий образчик гриба нерукотворного и богоотвортного. Я бы даже сказал, есть в этом что-то от Маркеса. Батль Буэндиа отправляется в ноль».

Писали про него также: «“Пристальный взгляд попугаев” убил на месте. Бедные попугаи...». «Комендант сидел с поникшей головой, протя-

нув ноги, и мрачно курил” — добило. “Перебирая с видом изнеможения...” — автор, не знаю, что вы курили, но больше не надо».

Или: «“Винтовка Батля блестела, как перламутр...” — зачем это писалось?».

Или: «“Пристальные взгляды попугаев” вам, автор, полагаю, уже вспоминали не раз. Ведь нельзя же так. Так — нельзя. ...Тем паче, что дальше у вас такой вот ужас: “обросшие волосами и полуголые в силу нестерпимого зноя”».

«На птицах автор как-то не по-доброму зациклен: “Огромное количество кур, спующих под ногами, наполняло своим клохтаньем все углы форта”. “Угол вала”, впрочем, тоже довольно неплох. И много-много разного прочего. Чорт! Джерри Филтон меня сегодня определенно преследует! Нельзя же ж так!»...

Некоторые читатели, впрочем, делали некоторые предположения насчет моего возраста: «Жесть какая. Я даже не разобрался, стёб это или ну очень начинающий автор». А некоторые прямо замечали: «У меня впечатление, что рассказ писал подросток», — в тридцать лет такое слышать обидно, но я понимаю, что это суровая правда.

С горькой слезой слышал я иронические слова в свой адрес: «Автор, Вы — гений, так и запишите. Название рассказа подкупает своей новизной. Не глядя в текст, можно сразу сказать, что этот рассказ порвет “Грелку”. Но, конечно, рассказ тоже нужно читать. Восхитительные обороты вроде “перед ним стоят трое, рассматривая новичка пристальным взглядом попугаев” или “движение по двору затруднялось полотнищами простынь и женских рубашек” ласкают глаз всякого внимательного читателя. Волосатые полуголые офицеры — это отдельный плюс. Стиль — ужас (орфография оригинала. — В. Б.), но не ужас-ужас-ужас. Вычитка его спасет. Наверное. Если автор будет очень тщательно вычитывать.

Лучшее в рассказе:

“Почему он уходит всё дальше? — глубокомысленно спросил комендант, следя за дальнейшим уменьшением фигуры Батля.

— Это... побег?

— Побег?.. Он идет шагом, — возразил лейтенант”.

Надеюсь, дальше будет что-то получше: этот топта не заслуживает, но и в топку не пойдет. Букаф мало».

«...из него вырастет Достоевский. В крайнем случае — Пелевин».

Многие были снисходительны: «Нехорошо пинать лежачих... Поэтому не буду выковыривать из этой раковины жемчужины писательских ляпов. Но вот во время прочтения невольно закрадывается мысль, что данный рассказ всего лишь очень плохой перевод с английского». Но суровая правда победила: «Не-ет, лежачих бить надо! Может быть, хотя бы

тогда они поднимутся и пойдут, то бишь, будут как-то оптимизировать свои текстá».

Впрочем, некоторые добрые читатели называли этот текст «классным» и «очень стильной, по мне, вещичкой» — за это им огромное спасибо.

Тут есть несколько выводов. Один — неинтересный. Самодеятельные фантасты не читали классиков жанра (фантасты для вящего подкрепления своих позиций в литературе любят говорить, что и Гоголь был фантастом, и Свифт, и Грин, конечно).

Ну, и они не читали собрания сочинений Грина. Дело житейское — это было уже следующее за советским поколение, то, которое читало Прачетта, но путалось в трех Толстых. Тут дело в том еще, что это один из ранних рассказов Грина, в котором нет всех характерных для него топонимов типа «Зурбаган», по которым он легко вычисляется. Ну, так оттого я его и выбирал — к тому же, он идеально совпадал с темой конкурса (а это предполагает, в глазах других конкурсантов, что рассказ пишется здесь и теперь).

Второй вывод несколько интереснее — при дегустации вслепую мало кто может отличить тексты разных авторов. Положи вслепую малоизвестные стихи Пушкина и Бенедиктова — и неизвестно, что получится. Впрочем, теперь можно и известные уже. Такие эксперименты проводились и раньше — остряки слали Блока в литературные журналы, особенно провинциальные, и получали неизменный совет: «Нужно больше работать». Но и более того — кто сказал, что сложившаяся система авторитетов во всём непоколебима?

Третий вывод, вернее, третья тема интереснее всего — как мы определяем качество неизвестного текста. Тут налицо то, что образованные люди называют «эпистемологической неуверенностью».⁸

И вот то, за какие спасительные соломины хватается в этом случае Простой Читатель, может дать нам много поучительного и полезного.

По прежним лекалам

*Революция гвоздиков.
Восстание винтиков
и мятеж шурупов.*

Нужно сказать, что отношение к самодеятельной литературе в нашем Отечестве было разным. Вот, к примеру: «На многих предприятиях были организованы литературные кружки. Совместно с ВЦСПС в 1930 прове-

⁸ Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 764.

ден был призыв ударников производства в лит-ру», — сообщала нам (в статье «РАПП») Литературная энциклопедия образца 1935 года. Результаты этого явления были вполне предсказуемы — ничего особенного ударники не написали, но создали много текстов: «Так, призыв ударников в лит-ру дал большие результаты на очерковом фронте (очерки Тарасевича, Салова, Михайлова и др.). Очерки Жиги “Думы рабочих”, “Новые рабочие” развернулись из рабкоровских заметок. Глубокое знание рабочего быта, внимание к изменениям, происходящим в быту и в психике рабочего, делают, по словам М. Горького, очерки Жиги “живой книжкой”»,⁹ — продолжает всё та же энциклопедия, но уже в статье «Очерк».

Тут и происходит известное разочарование, которое, в свое время, посещало людей, что хотели перевести в книжный формат интернет-литературу.

Перед ними ширилось огромное море букв, они видели в нем романские течения и быстрые волны рассказов, но прямого экспорта не получилось.

Представление о народном творчестве как о тайных пещерах, полных смарагдов и алмазов, — только достань их и передай людям, так озолотишься, — оказалось неверным.

Ничего в этом море просто так не существовало и товарного вида не имело.

Ну и никакая литература им не приросла.

То есть, литература классического вида.

Лучшие из «ударников» стали просто советскими писателями, вошли в структуры Союза писателей и растворились в общем потоке.

Меж тем, именно читать путевые очерки здравомыслящих людей, кулинарные рецепты и размышления о жизни оказалось куда интереснее, чем вновь воспроизводимые по классическим лекалам романы.

Так журналистика победила литературу — да и, собственно, стала литературой.

Один добрый мой товарищ прочитал, что при инсультах функции пораженных участков мозга частично принимают на себя участки, которым эти функции обычно не свойственны. Из этого он выводил, что у нас в Отечестве с журналистским словом произошло то же самое: функции общественно-политических СМИ исполняют, как умеют, журналы, придуманные для того, чтобы с жаром обсуждать подобающую ширину галстуков и потребное количество прислуги. Я с этим не согласился — по моему, у нас нет ни тех, ни других журналов. Советы GQ в области одежды для большинства его читателей бессмысленны (точь-в-точь, как советы

⁹ Очерк // Литературная энциклопедия. М., 1934. Т. 8. С. 381—388.

по выбору и носке космического скафандра, а мнения «Известий» в области политики не нужны ровно в той же степени).

Товарищ отвечал мне, что GQ может сказать что-то остроумное про политику, а «Известия» — взять толковое интервью у модельера.

Меня он не убедил — все-таки категория «остроумное» для меня предполагает большие ожидания. Я бы настаивал, что ленты социальных сетей — вот медиа. А статьи в журналах (бумажных или сетевых) — те, что служат поводом к разговору, — не более чем иначе оформленные посты и статусы.

Но, возвращаясь к теме: ни оргнабор (организованный набор ударников), ни набор рублем литературе удивительно не помогли.

В этом — какое-то Божье провидение, и других объяснений нет. Вольный ветер литературы, то есть сочинение историй, что должны забавлять или печалить людей, веет где хочет, и всё происходит как и прежде. Более того: совершив круг, всё возвращается к прежнему, доконтрактному существованию литературы — то есть, к временам допушкинским, когда рукопись было продать сложно, а жить с этого — и подавно.

И даже — к еще более древним временам, когда текст рассматривался как общий, не авторский, а вольность сюжета дополнялась фантазией переписчиков и пересказчиков.

Итак, «народная литература» — не какой-то кардинально новый тип письма, а народное желание создать структуру, аналогичную уже существующей, но только включив в нее создателей, а не участников прежней структуры.

Путь наверх

*если бы дактилю
два слога в анакрусе,
так был бы анапест*

Меня занимает вопрос о том, как из хтонического моря народной литературы выбирается писатель.

Это хороший многозначный глагол — потому что новый писатель действительно выбирается на берег как земноводное и, одновременно, он выбирается какой-то внешней силой, потому что самостоятельно выбраться на берег традиционного Общественного Контракта он не может.

Выбирается он издателем.

Этот механизм хорошо описан, тут нет никакого противоречия с вольным ветром литературы — это параллельные движения. И история недавних лет подарила нам несколько блестящих примеров того, как изда-

тель вкладывает в сравнительно связный текст полмиллиона долларов,¹⁰ и возникает писатель. После этого писатель становится теле- или радиоведущим, а его прежняя книга — чем-то вроде кандидатской диссертации, которая есть, но которую никто не читает.

Точно так же, как светская дама или состоявшийся теле- или радиоведущий пишет книгу, и она является аксессуаром — чем-то вроде перчаток или галстука-бабочки, без которых неловко выйти в свет.

Они смыкаются.

И в том, и в другом случае книга оказывается некоторым испытанием, после которого субъект имеет право на высказывание.

Право на высказывание — вот главные слова.

Ведь бо́льшая часть писателей именно что хочет высказаться — в эссе, интервью, заметке или лучше — колонке.

Идея народной литературы имеет в своем основании мысль о том, что некий народ, охотник на таежной заимке, сталевар, почтальон или мореход имеют какое-то особое, подлинное знание, которое склонны выразить в виде придуманного сюжета.

Меж тем, это вовсе не так — я был свидетелем возникновения текстов, которые издатели подавали как «книгу, написанную вором» или «книгу, написанную проституткой». Оставив в стороне подлинность самого авторства, которая широко обсуждалась в случае книг, написанных богатыми женщинами, нужно сказать, что это были правдивые аннотации. Но эти книги, даже сюжетные, не оказались подчиненными литературному началу, а, наоборот, по инерции уважения к литературе — были честными этнографическими рассказами.

Будто телевизионный человек прокрался в публичный дом и надтреснутым и немного протяжным голосом рассказывает о его быте и нравах. Я видел такие книги о быте учителей и врачей, наркоманов и военных летчиков.

Это был симптом именно инерционного уважения к литературе, потому что в XIX и XX веках, во время старого общественного контракта с писателем, именно он, идеальный писатель, был санкционированным проповедником — и с помощью развлекательного сюжета рассказывал духовную притчу. Но теперь наступила новая подлинность — и нам хочется услышать не столько притчу, сколько тихий вкрадчивый голос, рассказывающий о ворах, врачах и проститутках с интонацией сертифицированного рассказчика.

Да, он там был — в экзотическом лесу, в тропиках, он знает, что говорит.

---

¹⁰ Сумма, разумеется, приблизительная и происходит из сторонних оценок. Она меняется и в зависимости от времени.

Он — оттуда.

И спрос на такого народного писателя очень хорошо чувствуют издатели.

Но как раз суть работы такого орнитолога, зачем-то прокравшегося в публичный дом, прямо противоположна сути писателя. В орнитологе важна точность и верность правде наблюдения, в писателе — фантазия и выдумка.

Я бы, наоборот, исключал писателей из ведущих аналитических программ и ток-шоу. Тем, что они написали хотя бы один роман, они навсегда исключили себя из пространства объективности.

При этом не должно возникать никакого бунта — далеко не всякий человек, соглашающийся с идентификацией «писатель», настаивает на том, чтобы высказывать свое мнение о жизни с помощью сюжетной истории с персонажами.

Многие из них согласятся выйти за рамки литературы — к прямой проповеди или своего рода мемуаристике.

«Народная литература» распадается на жизнеспособные подражания литературы «обыкновенной» и беллетризованные очерки — и в этом, втором, случае предсказания упомянутого выше круглого стола 1999 года стали реальностью.

Разговоры о смерти литературы вечны.

Они ведутся ровно столько, сколько литература перерождается.

Сейчас она, в исконном своем понимании, отступает, прячется за стены индивидуальных скитов и коллективных монастырей.

Это обнадеживает наблюдателя, если он, конечно, снабжен идеально долгим временем для наблюдений.

**ИСТОРИЯ КНИГИ.
ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА**

Невозвращенец

Я не проснулся знаменитым.

Я уснул знаменитым в одно июльское воскресенье (точнее не помню) 1989 года.

...Еще взясь с ключами от входной двери, я услышал, как особым, международным звоном заливается телефон.

— Это Юлиан Панич с радио «Свобода», — сказала трубка прекрасным актерским голосом, который я и без представления сразу узнал, этим голосом звучали на «Свободе» тексты Солженицына. — Мы вас разыскиваем уже месяц, нам нужно ваше разрешение на трансляцию радиоспектакля по вашему «Невозвращенцу». Постановку мы уже сделали. С вами хочет поговорить редактор программы Сергей Юрьенен..

В тот же вечер я слушал свой текст, по ходу действия сопровождавшийся студийными взрывами и стрельбой.

Почти с самого начала передачи телефон звонил, не умолкая. «Свободу» слушали все.

Вот так я и заснул знаменитым.

К этому времени я был опытным московским журналистом, служил обозревателем в знаменитых перестроечных «Московских новостях» и ждал выхода со дня на день первой беллетристической книги, сборника повестей и рассказов под общим вызывающим названием «Заведомо ложные измышления» — формулировка из политической статьи советского уголовного кодекса. Книгу составили тексты, публикацию которых невозможно было представить себе еще год назад. Но времена наступили совершенно новые, и цензура агонизировала... Впрочем, одну повесть — об отказниках, отчаявшихся в попытках покинуть социалистическую родину и угнавших через границу поезд, цензоры всё же из книги выкинули.

С формулировкой «пропаганда международного терроризма» — хотя сочинение было откровенно и намеренно несуразное, сказочное. У меня там Румыния расположена на месте Венгрии...

А всего в моем послужном литературном списке тогда было несколько десятков так называемых юмористических рассказов — в «Литгазете» я даже получил премию «Золотой теленок» — и несколько сочинений, никак не помещающихся в жанр «сатира и юмор», а подпадающих под выше процитированное определение из УК. Сочинения эти были не то что «смелые» или «острые», как тогда говорили, а просто и неприкрыто антисоветские. Достаточно сказать, что герой главного из них, маленького романа в трех повестях (одну и выкинули из книги) «Ударом на удар, или Подход Кристаповича», воевал с Лубянкой именно по принципу «ударом на удар». Антисоветский боевик тогда еще никому другому в голову не приходил, против власти выступали в исключительно серьезных жанрах... А я на вполне серьезное не тянул тогда, да и теперь не покушаюсь, занимательность не представляется мне главным недостатком литературы, игра — не кажется преступлением.

Вся моя антисоветчина писалась, конечно, не просто «в стол» — существование ее я строго засекретил, даже близким друзьям не давал читать — забудут машинопись в метро, а те, кому следует, как-нибудь по шрифту вычислят мою старенькую портативную «Москву». Но поскольку тщеславие и сочинительская эйфория распирали, то друзей приглашал к себе домой, человек десять, в основном коллег по юмористическому цеху — среди них таких будущих звезд гражданского глагола, как Иртенев и Шендерович, — и читал им вслух. Таким способом обнаружения определялся размер текстов — чтобы можно было прочитать за вечер, прерываясь на рюмку-другую водки под приготовленные женой бутерброды... А с собой никому не давал.

Между тем, перестройка шла своим чередом. Киновед Дима Попов (сейчас где-то в Германии) выпросил всё же у меня экземпляр «Кристаповича» и отнес его на «Мосфильм». Там сочинение попало на глаза знаменитому режиссеру Владимиру Наумову, и он взялся снимать фильм — один из первых официально антисоветских, «Десять лет без права переписки», вышедший только в 1990 году. Но уже в 1987-м я стал, ни мало ни много, сразу модным дебютантом-сценаристом главной киностудии, соавтором народного артиста СССР. А вскоре перешел из тишайшего «Гудка», где прослужил семнадцать лет, в гремящие вольномыслием «Московские новости». Да и на частной моей жизни горбачевская свобода сказалась: летом 1987 года нас с женой выпустили во Францию по приглашению ее тамошних родственников...

Месяца через три после возвращения оттуда всё и началось — меня принялись вербовать в осведомители КГБ. Подчеркиваю — в разгар пе-

рестройки. Происходило это обычным образом, и во всех подробностях — с небольшим гротеском, присущим жанру антиутопии — изображено в моем «Невозвращенце» (для тех, кто не читал, доступен в Интернете).

Скажу честно: я перепугался. Наверное, не так, как перепугался бы лет за пять до этого, но перепугался здорово. Главное, я не мог решить, как себя вести, чтобы и не подыграть им, не дай Бог, и себя не подставить. Поэтому выбрал самую, как я понял еще во время службы в советской армии, беспроектную стратегию Швейка: «Осмелюсь доложить: я идиот». Например, кто-нибудь из двоих занимавшихся мною гэбэшников (описаны в «Невозвращенце» с портретным сходством, только имена и отчества поменяны крест-накрест) спрашивал меня: «А вы знаете, что работающая в Москве датская журналистка Дана Ш. — агент западных спецслужб?» Я изумленно всплескивал руками: «Дана?! Не может быть... Ну, я сегодня же ей позвоню, спрошу...». Вербовщики тихо бесились, но терпели — почему-то такой придурок им был нужен.

Однако предстояло рано или поздно заканчивать эту игру. Отец, вечная ему память, отставной офицер, не вполне моим взглядам сочувствующий, но и не упертый коммунист, какими были многие в его кругу, посоветовал твердо: «Прекрати паясничать. Это не та организация, чтобы с нею играть. Плунут и напишут в отчете, что завербовали. И кого-нибудь из твоих друзей поставят в известность, потом не отмоешься. Нет — так и говори им “нет”».

И я пошел на очередное свидание с ними в твердой решимости послать их подальше. Ну, выпрут из редакции (я еще работал в «Гудке») — вот и будет веская причина наконец уехать... Я ворвался в явочный номер «Националя» — встречи всегда назначались в гостиницах — и открыл рот, чтобы произнести что-нибудь гордо-гневное. Но вместо этого выпалил нечто, еще минутой раньше не приходившее в голову: «Я решил написать повесть о том, как вы меня вербовали. Материал я собрал, так что больше встречаться с вами у меня нет нужды». На этих словах повернулся и пошел к выходу. Признаюсь — спине было неуютно.

К вечеру того же дня, прослонявшись несколько часов по городу, — хотелось побыть одному — я понял, что угрозу надо осуществить. Повесть о вербовке, которую я прочту, конечно, друзьям, будет доказательством, что реальная вербовка не удалась... И следовало с этим поспешить.

Я взял отпуск и, пользуясь положением работника железнодорожной газеты «Гудок», давно растерявшей славу питомника литературных гениев, но существовавшей как место работы для журналистов весьма удобное и не постыдное, получил путевки для себя и жены в пансионат Министерства путей сообщения в поселке Затока тогда еще Молдавской

ССР. С собою взял пишущую машинку и за сутки пути придумал сюжетное наполнение будущей повести, задуманной как алиби.

К этому времени меня мучило навязчивое предчувствие — в бурлении перестройки мне отчетливо виделись будущие внутренние войны всех со всеми и возможная гибель страны. Вообще, осталось в памяти одно из главных ощущений того времени — сочетание страха и неудержимого веселья... Так вот: в редакцию на улице Герцена (Большой Никитской) и оттуда домой я шел от «Белорусского» метро по 2-й Брестской и потом по улице Горького до Пушкинской площади и обратно. По пути видел всё, что в преувеличенном виде потом вошло в повесть, — межэтнические конфликты, густеющую в воздухе ненависть, бессилие или подлое подстрекательство власти, нарастающую нищету... На Пушкинской, напротив кафе «Ли́ра» (вскоре там открылся первый в империи «Макдональдс»), безумствовали митинги... О том же самом робко писали газеты и невнятно бормотало телевидение — Сумгаит уже был, и не только Сумгаит. Почти документальное описание того, что творилось вокруг, я сдвинул в сторону фантастического преувеличения, выстроив, таким образом, путешествие героя по вышеописанному маршруту автора. А поскольку преувеличению требовалось какое-то объяснение, то я действие перенес в будущее — там кошмары могут стать реальностью. Соответственно, профессию главному персонажу придумал «экстраполятор» — экстраполяцией в математике называется продление функций за пределы известного графика по линейному закону. Именно с помощью такого продления мой герой и попадает из текущего 1988-го в предстоящий 1993-й... А вербовщики выжимают из него информацию о грядущей ситуации.

Всё это я придумал в поезде до Одессы и потом в автобусе до Затоки. Кроме деталей и финала — это всегда возникает по ходу письма.

В пансионате я вынес на балкон две табуретки, на одну поставил машинку, на другую сел сам и за две недели написал эту коротенькую повесть, три авторских листа — потом ее стали называть романом.

По всему пансионату вообще и под моим балконом в частности росли изумительной красоты розы, пахнущие дустом — их опрыскали в ходе борьбы с вредителями. На третий день соседи пожаловались администрации на стук моей машинки, мешающей им отдыхать после обеда. Я переместился в комнату и закрыл двери на балкон, избавившись разом от соседей и дуста. После этого мне уже ничто не препятствовало, и я завершил повесть к концу пребывания в здравнице.

По возвращении в Москву я прочитал ее друзьям, один из которых удивленно констатировал: «Ты и во время гласности пишешь непроходняк!..»

Между прочим, за десять минут до начала этого домашнего чтения я заменил название — называлась повесть бессмысленно и претенциозно «Потом наступает рассвет». Мгновенно, по наитию, я зачеркнул эту чушь и вписал то название, которое, я думаю, принесло едва ли не половину успеха сочинению.

После чтения я немедленно отнес «Невозвращенца» в журнал «Искусство кино», где был уже *persona grata* в качестве привеченного Мосфильмом и самим Наумовым сценариста. Повесть была принята с полнейшим восторгом, это был июнь 1988 года. Константин Щербаков, тогдашний главный редактор «Искусства кино», долго и упорно протаскивал ее сквозь цензуру. После ровно года борьбы, в подробности которой он меня не посвящал, в июньском номере 1989 года «Невозвращенец» вышел.

Тут мы снова собрались во Францию, причем я был настолько нагл, что сунул в чемодан несколько экземпляров только что вышедшего журнала. Общение с рыцарями щита и меча меня закалило, и я довольно спокойно прикидывал варианты развития событий. Если на границе начнут шмонать, отберут журнал и, в конце концов, не выпустят — значит, наши органы всё еще сильны, во всяком случае, сильнее полудохлой цензуры, и стоят на страже своей репутации. Одно только карикатурное изображение моих опекунов должно было привести их в бешенство и придать ситуации, помимо идеологической, личную окраску... Если же я с журналом пересеку границу — значит, власть самоуничтожилась, и грядущие катаклизмы, описанные мною, не фантазия, а предсказание или, точнее, предупреждение...

Таможенник в наше купе (ехали двое суток до Парижа поездом из соображений экономии) заглянул без какого-либо интереса, пограничный сержант, отличник физподготовки, подтянулся, чтобы за секунду осмотреть багажный ящик под потолком, и мы беспрепятственно покинули родину...

А через месяц вернулись как раз под тот звонок из Мюнхена, где тогда обитала «Свобода».

Всё остальное началось потом и довольно быстро кончилось.

Договор о мировых правах с издательством *Christian Bourgois*.

Переводы и издания во всех европейских странах, в США и Японии.

Promotion-тур по Европе, с интервью и рецензиями в газетах, от *Le Figaro* до *The Guardian*.

Без малого месяц с лекциями в Австралии.

Раннее утро в Париже, возле метро Odeon, киоск, сверху донизу увешанный *Paris Match* с моей фотографией на обложке...

И фотография на рекламной тумбе во Франкфурте — «сенсационный автор ярмарки этого года».

Экранизация С. Снежкина на «Ленфильме», после которой отношения с этим режиссером навсегда кончились, — меня не интересовало кинематографическое качество, но совершенно не устраивала интерпретация: мой герой бежал в гражданскую войну, чтобы не стать стукачом, а герой фильма стучал с самого начала и с удовольствием; слава Богу, фильм этот совершенно забыт.

Когда съемки даже не начинались, мне позвонили из еще существовавшего ВААП и сказали, что возможностями экранизации прочитанной в английском переводе повести «No Return» интересуется американский режиссер Оливер Стоун; тогда он еще не интересовался Януковичем. Я с дурацким высокомерием и не менее дурацкой честностью ответил, что у меня уже договор с «Ленфильмом»...

Пиратские издания во всех городах еще СССР, от брошюр на оберточной бумаге до целой полноформатной восьмиполосной газеты.

Казавшиеся тогда фантастическими отечественные и особенно зарубежные гонорары — тысяча долларов превышала границы советского воображения. Впрочем, по словам Бродского, главное качество денег — они кончаются; нобелиату видней.

Тогда же, польстившись на нового и уже известного автора, солиднейшее немецкое издательство *Ullstein* выпустило перевод моего «Ударом на удар». Гонорар в 30 тысяч марок украл русский посредник Голубев — из быстро сориентировавшихся комсомольцев.

Я стал, как теперь говорят, медийной персоной, моим мнением по всем вопросам интересовались и вольнодумная телепередача «Взгляд», и официальное «Время». Однажды пригласили судить конкурс красоты — пронесло...

Самое большое впечатление на читателей произвели совпадения — солдаты орудовали саперными лопатками в повести и в реальном Тбилиси, главу ГКЧП звали Янаев, а моего диктатора Панаев, страна разваливалась в тексте и в действительности. Когда ровно через десять лет я опубликовал — написанную под заказ ради, честно скажу, хоть каких-нибудь денег в тогдашний кризис — повесть «Приговоренный», продолжение «Невозвращенца», на нее никто не обратил внимания. А предвидений в ней было не меньше — например, торжество сепаратизма во всем мире и терроризм, ставший официальной политикой многих государств... Но к этому времени антиутопии стали самым модным жанром, и сольная партия потонула в хоре. А тогда смотрели, как на прорицателя. При этом литературная критика не замечала, занятая публикациями разрешенного «старого нового», — только несколько слов в «Огоньке», в литературном обзоре Наталии Ивановой.

Неведомым образом я не рехнулся — возможно, сработал мой характер: я постоянно готов к плохому, а хорошее воспринимаю как незначи-

тельную случайность. Малознакомые люди, ориентируясь на мое выражение лица, спрашивают участливо, что случилось.

Повесть в 76 машинописных страниц изменила мою писательскую и просто человеческую судьбу. До сих пор, с десятком опубликованных романов, почти сотней рассказов и несколькими пьесами, с пятитомником и огромным количеством отдельных сборников, с двумя премиями «Большая Книга» и прочими регалиями я остаюсь в общественном сознании автором только «Невозвращенца». Я возненавидел бы это сочинение, если бы не чувство благодарности.

Теперь вся та недолгая мировая известность забыта. По Уорхоллу, каждый имеет право на 15 минут славы. Мне досталось примерно три года — спасибо.

Спасибо, что были, и спасибо, что прошли. Нельзя всю жизнь быть автором бестселлера. Литература — не шоу-бизнес. Прощай, невозвращенец.

Репетиции

Речь здесь пойдет не о бесчисленное число раз цитированных строках Анны Андреевны Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда», а о редкой, во всяком случае в художественной литературе, возможности поблагодарить людей, без которых этого романа или вообще бы не было, или он был бы совсем другой. В научной литературе такая благодарность в порядке вещей. Чуть не каждая монография начинается и кончается длинным списком тех, кто так или иначе помогал тебе в работе. Когда же речь идет о прозе, у нас в России это не принято и выглядит отчасти экзотически.

Как любой другой работе, «Репетициям» предшествовала цепь важных для меня, хотя и мало связанных между собой событий. Потом так или иначе они, страница за страницей, выстроят, разметят весь путь.

Дело началось еще в 1982 году, когда отец под моим давлением — он не любил частную собственность ни в каком виде — записался на шестисотковый участок, который давали писателям около Истринского водохранилища, рядом с деревней Алехново. Литфонду была отведена пара сотен гектаров обмелевшего болота. В низине били многочисленные подземные ключи, их любым способом необходимо было забетонировать. Решивший сэкономить, обойтись без этого, скоро понимал, что дом на песке — это еще детские штучки по сравнению с домом на воде. Родники с необыкновенной резвостью вымывали грунт, по большей части глину, из-под фундамента, после чего наши ревнивые, но мелкотравчатые сооружения разом начинали походить на незаконных отпрысков Пизанской башни. Десяток из них завалился на бок, два — так и вовсе утонули.

Получив участок, мы года три ничего не делали. Не было ни денег, ни желания. Наконец впряглись, но и тут без особого успеха. Хотя под нами никакой ключ, к счастью, не обнаружился, дело шло вяло. Бригада, которую мы наняли, халтурила по-черному.

Известно, что в средней полосе грунт зимой промерзает, а летом оттаивает и надо дойти до слоя, до которого мороз уже не достает. Но наш фундамент был вкопан всего на треть нужной глубины. Вдобавок он и по ширине везде «гулял» самым неприличным образом. По этой или по какой другой причине мы разругались, и бригада, чтобы наказать нас, свалила вагонку в лужу и уехала отдыхать на юг.

И я сам, и семья с ужасом вспоминаем, что я тогда всё время находился в каком-то неприятном, муторном состоянии, в странном нервном и неровном возбуждении, из которого не мог выйти. Даже не понимал, откуда оно взялось и есть ли вообще этот выход. Приближалась зима, и с нашим загородным именем, или моей собственной отходной пустыней, был полный швах. Конечно, мне надоело постоянное место моей дислокации — поворот с Волоколамки на Бужарово (прямо над головой на отвесном холме, весь из белого камня, Новый Иерусалим). Я был там почти каждый день с утра до поздних сумерек, когда под дождем, когда под мокрым снегом. Здесь я ловил самосвалы с песком и гравием: участок необходимо было поднять, иначе весной он весь окажется под водой. Надоело уже второй месяц ждать давно оплаченные три кубометра половой доски и всё яснее понимать, что нет, мне ее не привезут: как и других, меня кинули, взяли деньги и — поминай как звали.

И все-таки со мной было что-то другое, если и связанное со строительными неурядицами, то в малой части. Сейчас, отойдя от этой истории на тридцать с лишним лет, я склонен считать, что тогда был, что называется, на сносях, но не рискнул бы утверждать, что сумею, что у меня хватит порошу разродиться.

По-видимому, любой роман любого автора, как бы ни было печально то, что в нем происходит, все-таки есть выход — верное свидетельство самой его возможности. Так, маешься и маешься, бродишь, бродишь без смысла и толку, а тут тебе вдруг указывают путь, и даже подталкивают в нужную сторону, чтобы не усомнился.

Здесь небольшое отступление. По образованию я историк, делал диссертацию по второй половине XVI — началу XVII века, то есть по опричнине и Смутному времени. Патриархом Никоном, во всяком случае пристально, прежде не интересовался. Двенадцать лет Смуты, когда все, от первого до последнего, бессчетное число раз продавали, предавали друг друга, прошли по русской истории огнем и мечом, и я понимал, что страна, которая вышла из Смуты, была совсем не той, что в нее вошла.

Поэтому, если и был склонен куда-то идти, то уж точно не в романовскую сторону. Но не то чтобы я вовсе ничего не слышал о Никоне.

В местном музее работала и водила экскурсии одна моя знакомая по историко-архивному институту. Несколько раз хорошими летними днями мы с ней гуляли по здешним окрестностям, так что я знал, что во время войны что мы, что немцы через проемы купола корректировали артиллерийский огонь. В итоге к 1945 году лавра была разрушена почти подчистую. Дальше ее начали реставрировать и вот уже сорок лет не умеют остановиться. Работают наобум. Даже не могут решить, в каком виде восстанавливать: в изначальном, как возвел Никон, или же вернуть лавре тот вид, какой она имела с середины XVIII века, когда ее перестраивали по проекту Растрелли. В любом случае, выбирают самый дешевый вариант, но и его не оканчивают. То ли деньги отпускаются в обрез, то ли просто снова все разворачивается. Так или иначе, проемы в куполе, через которые корректировали огонь, забивают фанерками, после чего на несколько лет о Новом Иерусалиме забывают.

Конечно, знал я и то, что лавра — это далеко зашедшая попытка во всех деталях повторить храм Гроба Господня в Иерусалиме. И сейчас помню — хотя за давностью лет что-то, наверное, и перевираю, — как моя знакомая рассказывала, что иеромонах Арсений Суханов, который по указанию Никона ездил в Иерусалим и снимал план Храма Гроба Господня, скопировал — естественно, не понимая ни их смысла, ни времени, когда они были оставлены, — даже бранные арабские надписи. И всё это сделалось не просто архитектурными изысками: что Никон, что люди, которые его окружали, были убеждены, что Христос явится на землю и спасет свой Избранный народ, только если будет сохранена и самая маленькая черточка подлинного Храма Гроба Господня, только если Спаситель признает его.

И вот я ловлю злосчастные машины с гравием прямо под холмом, на северную сторону которого, превращая эту землю в Землю Обетованную, а здешний народ в Избранный народ Божий — скептик скажет, что просто ища сходства, или, уже совсем утилитарно, поднимая холм, — месяц за месяцем тысячи крестьян бесчисленными возами сваливали песок. Тут же, внизу, другие тысячи рыли канал, выправляя русло реки, и всё это не просто так: прямо здесь, на этой земле и своими руками (обе эти темы наша история потом будет проигрывать раз за разом) возводился Святой град — Небесный Иерусалим. То есть и ты не где-нибудь, а именно на настоящей Святой Земле строишь свой хилый садовый домик, строишь там, где кто-то другой тремя веками ранее возводил Град Божий — спасительный город-храм — и, в отличие от тебя, в своих трудах преуспел.

Я вспоминаю, как мне рассказывалось, что и в себе самом Никон прозревал и Христа, и первочеловека Адама, и нового властителя Иеруса-

лимского королевства. Вспоминаю, как водили по примыкающему с тыльной стороны к лавре Гефсиманскому саду, где патриарх поставил себе Отходную пустынь, личный скит. Маленькая церковка, сложенная на искусственном острове посреди специально вырытой протоки. В ней одна-единственная келья, в которой помещается только одно каменное сиденье. По-видимому, именно сюда Никон удалялся помолиться и подумать обо всем вышесказанном, главное же — о том, что нас ждет в недалеком будущем. Голосуя грузовикам, я вспоминаю это, и мне всё труднее избавиться от вещей, которые принять в себя я пока не готов.

Хотя, в общем, у меня нет возражений и я согласен, чтобы Истра, изгибающаяся лукой за моей спиной, была Иорданом, а ручей, бегущий тут же рядом, Хевроном. Готов звать поместившийся между ними и их разделивший холм Сионским, а другой, поменьше и чуть на восток — Елеон. Дальше, на север, уже за рекой — гора Фавор. Я помню, что на Елеонском холме был установлен поклонный крест как знак места вознесения Христа.

Село Чернево неподалеку от нынешнего Красногорска при Никоне звалось Назаретом, а в селе Сафатове-Воскресенском должен был быть построен женский монастырь Вифания с церковью Входа Господня в Иерусалим. Зиновьевскую пустошь переименовали в Капернаум. Впрочем, некоторые названия менять не стали: например, находящийся к югу от лавры Ильинский погост — самое старое поселение в этих краях — сохранило свое имя, потому что точно так же, на юг от Иерусалима, располагался монастырь пророка Или.

Я знал, что царь Алексей Михайлович сначала приезжал на строительство и, казалось, его одобрял. В память об одном из этих посещений на оборотной стороне поклонного креста даже была выбита надпись. Но дальше между царем и патриархом произошел разлад (поругались и подрались их служилые люди), и в 1666 году, когда вся православная Русь готовилась к концу света, Никон был низложен с патриаршего престола. А его любимое детище — Новый Иерусалим — из места, где должно было начаться воскресение всех праведных, стало главным обличителем патриарха.

В грамоте, подписанной участниками Большого Московского собора и иерархами греческих поместных церквей, говорилось, что Никон виновен в том, что строит новые монастыри, где всё называет «неподобающими словами»: Новым Иерусалимом, Голгофою, Иорданом и другими, тем самым «ругается божественным и глумится святым».

Тут немаловажно и другое обстоятельство: Никон завещал похоронить себя в Воскресенском соборе, в приделе Усекновения главы Иоанна Предтечи, который расположен как раз под Голгофой. По преданию, именно под иерусалимской Голгофой была положена голова первочело-

века Адама. В настоящем храме Гроба Господня в этом месте захоронены первосвященник Мельхиседек и Иерусалимские короли.

Возвращаясь к себе, скажу, что состояние, когда я не понимал, как со всем этим быть, длилось довольно долго, а потом две, почти совпавшие во времени, истории, будто сговорившись, завизировали путь, которым в итоге и пошло дело.

Уже на исходе октября в дождливый и совсем холодный день я, без толку промаявшись в Алехново почти до ночи, вернулся в Москву и, не заходя домой, благо это было недалеко, поехал к моему другу Саше Горелику. У него был, что называется, открытый дом. Здесь пили, обменивались книжками и флиртовали, играли в бридж и в шахматы, но усерднее другого трепались обо всём на свете, от политики до квантовой физики. По субботам всё это забывалось футболом и баней.

И вот я, мокрый, грязный, вхожу в дом, раздеваюсь и, сев за стол, хочу пожаловаться, потому что затея со строительством дачи всё больше и больше кажется безнадежной: скоро зима, вагонка в луже через неделю-другую начнет гнить. В общем, чего ради я в это ввязался — никто не знает. Кухня, в которой сидят, маленькая, тесная; чтобы дать мне место, все долго двигаются. И вот, я просто хочу поплакаться в жилетку, но мне мешают, говорят: «Потом поплачешься, сначала выпей». Я выпиваю. Мы обсуждаем еще Бог знает какие сюжеты, но так всё складывается, что опять делается себя жалко. Но меня и тут стреножат: «Какие вопросы? Конечно, жалуйся. Но сначала еще выпей». И так раз за разом: сначала пей, потом — сыграй с нами пару робберов. В итоге пожаловаться мне дали только под утро, когда и куража не осталось, всё казалось совсем не таким страшным. Скоро мы разъехались.

Компания была довольно разношерстная, но все-таки по большей части состояла из физиков и математиков. Людей с правильными руками, опытных шабашников. Надо сказать, что мы и раньше друг другу помогали. Кого-то перевозили, другому — рыли и бетонировали. Но всё по мелочам. А тут — разговор был в субботу — в понедельник, ни слова не говоря, они всемером, взяв на работе отгулы, приехали в Алехново и за три дня мне этот несчастный дом с начала и до конца сложили. Я даже гвоздя не забил. Отвечал только за выпивку — как сейчас помню, в магазине неподалеку было много хорошего кубинского рома, а жена — за бутерброды.

В общем, дом подвели под крышу — и об этой проблеме можно было забыть. У меня появилось время для других занятий. Надо сказать, что на тот момент я почти год тунеядствовал. Не лучший статус в благословенное андроповское правление. История этих моих вольных хлебов следующая. До восьмидесят пятого года я работал в весьма странной конторе, которая называлась ВНИИДАД — Всесоюзный научно-иссле-

довательский институт документоведения и архивного дела. Кто и что там делал, не очень ясно. Но сектор археографии — возглавлял его Олег Федорович Козлов, — в который мне повезло попасть, отличался людьми исключительной порядочности.

У Козлова я был на особом положении. В археографии я понимал немного, и обычно мне давалась работа, которую классические гуманитарии старательно избегают. Я имею в виду всё, связанное с математикой. А математики — как правило, довольно простой — было немало.

Сложилась даже своя такса. Я брал работу, писал необходимые формулы и делал необходимые вычисления, а за это, в зависимости от важности, сложности и, главное, срочности задания — величину всех параметров определял Козлов, — получал отгулы. После чего был волен как ветер. Всё время, пока я отсутствовал, в секторе меня благополучно прикрывали. Такая система существовала несколько лет и всех устраивала. Но, пока я был в аспирантуре, назначили нового директора, который ни от кого не скрывал, что я ему очень не нравлюсь. В общем, по всему было видно, что скоро меня ждет какая-то пакость. Впрочем, я не печалился — сам давно хотел уволиться.

Тут еще надо сказать, что Олег Федорович был человеком умным, очень тонким, но с начальством довольно робким. Причина простая. Если я был готов без раскачки идти на все четыре стороны, то ему податься было некуда. Он привык каждый день ходить на службу и говорил мне, что без этого ему свою жизнь не организовать и не выстроить. Вдобавок, известный ученый-археограф, он отчаянно боялся, что, если его вынудят уйти из ВНИИДАДа, другой подходящей работы он не найдет.

Между тем, в очередной раз получив вожделенные отгулы, я уехал к семейству, которое жило тогда в Эстонии, в городе Отепя, на озере Пюхаярве (к слову, это как раз то место, где тартуская школа проводила свои первые семинары по структурной лингвистике), и, только вернувшись, узнал, что, пока вояжировал, произошло много всякого разного, и теперь меня с треском выгоняют за прогулы. Козлов умыл руки, и получилась заурядная самоволка. История была не слишком красивой. В итоге мы с Олегом Федоровичем так по-настоящему и не попрощались.

Дальше прошел год или даже больше, и вот, когда моя истринская эпопея сама собой вдруг стала рассасываться, мне звонит Козлов и говорит: «Владимир Александрович, я бы очень хотел с Вами увидеться». Я — еще помня обиду: «Олег Федорович, а Вы уверены, что в этом есть необходимость?» Он: «Да, я бы очень Вас просил». Нам обоим удобен «Охотный ряд», мы договариваемся о времени, после чего сюжет делается почти шпионским.

Спускаясь по эскалатору от «Театральной», уже вижу, что он внизу. Я рад, что мы помирились, хочу ему это сказать, но не успеваю. Даже не

поздоровавшись, он одним движением сует мне подмышку какую-то папку, стремительно бросается на перрон и, оттолкнув уже закрывающиеся двери, шмыгает в вагон. В некотором изумлении я с этой папкой возвращаюсь на «Театральную» и еду к себе на «Аэропорт». Только дома, развязав тесемочки, вдруг понимаю, что по всему выходит так: выбор пал на меня, и Козлов определил меня в наследники и правопреемники в своем интересе к расколу.

Олег Федорович давно мечтал написать докторскую диссертацию о расколе, но однажды понял, что сил на эту работу у него не хватит, и вот решил передать мне папку с собранной библиографией. Много сотен библиотечных карточек, иногда даже с краткими аннотациями. Что-то явно прочитанное, другое — нет. Избавившись от строительной невротрепки, я тогда снова почти каждый день ходил в «Историчку», и так получилось, что стал выписывать книги из Козловской папки. Читал их одну за другой.

До той поры я не мог в себя вместить ничего, связанного с Новым Иерусалимом и Святой Землей. Понимал, что не сумею это ни принять, ни переварить, оттого при первой возможности всё спускал на тормозах. Объяснял себе, что собор был простым макетом, имитацией, чем-то вроде Выставки достижений народного хозяйства или Диснейленда, в лучшем варианте — рождественскими яслями в каком-нибудь католическом храме. Иногда, совсем уж кошунствуя (всё равно не знаешь, что делать), — что это декорация к заморской оперной постановке с флорентийской виллой на заднике.

Так я успокаивал себя и успокаивал, пока однажды не понял, что зря стараюсь, что всё это уже в меня вошло. И дальше, хочу я этого или не хочу, дело будет идти так, будто ближний человек патриарха Всея Руси не поругался, не подрался самым подлым, самым непотребным образом с ближним человеком царя Всея Руси, и значит, надежда еще не потеряна.

Будни гарема

Тот Новый год я встречал за абсолютно пустым столом. Было известно, что в новом году цены на всё вырастут во много раз — но пока этого «всего» в магазинах не было, на прилавках была лишь морская капуста в грязных банках. А если бы что-то и было, то всё равно не было денег: демократически избранная массами новый директор издательства, бывший бухгалтер, гордо заявила писателям, что ничего им не должна. Страшное потрясение: оказывается — нас не любили, мы казались им паразитами, получающими за свой легкий труд почему-то больше, чем они за свой, за тяжелый. И вот — месьть! Возле лестницы появился охранник, как выяснилось — главная фигура новой эпохи. «На вас нет пропуска!» — надменно говорил он. Свобода и равенство вышли нам боком. А мы-то разгуливали, животами вперед. И вот — вход в литературу закрыт. Да есть ли она там? Ее ли охраняет охранник? И вот — пустой стол. Без блюд и бутылок оказалось, что даже и скатерть в дырах.

И вдруг за полчаса до боя курантов — звонок! Кто-то вдруг решил меня подобрать... Ласточка новой эпохи?! Коммерческая муза, которую нам обещали, но пока не показали? Я кинулся к двери. И там стояла она! Вообще-то я раньше ее немного знал — бывшая актриса, мягко говоря, второго плана. И она что-то такое и раньше предлагала. Но я был еще высокомерен тогда, и даже при встречах ее не узнавал... Но теперь — почему-то узнал: она выхватила из сумочки серебряную бутылку шампанского. ...Ну что? Признал теперь?

— Заходите!

Сели за стол. С шампанским он уже походил на новогодний. Под звон курантов даже поцеловались. Вот с кем теперь мне жить!

Вдохновившись, она открыла рот... Примерно то же самое она говорила и раньше:

— ...И вот она мчится на ауди и пьет из горлышка водку. Она страдает! Вы понимаете, Валерий Георгиевич?

Я вдруг начал понимать. Хотя раньше как-то не очень. Но теперь понимал! Речь шла о бесстрашной журналистке, смело берущей интервью... но почему-то в самых шикарных местах. В ауди, как понял я, она мчалась почему-то по Швеции, какую-то страшную правду там узнав. Сейчас предполагался международный паром, плывущий в Германию... Требовался сценарий.

— Мы будем плыть и работать! — воскликнула она.

...И есть, — добавил я мысленно.

Психологически она выбрала момент очень точно — бой курантов над разбитой моей жизнью! Видимо — не глупа. На это очень хотелось надеяться. И вскоре мы с ней входили по трапу на борт шикарного международного парома Ленинград — Хельсинки — Гамбург. У заиндевелого трапа в заиндевелой будке стоял заиндевелый пограничник в тулупе... Прощай, СССР! Мы отплываем в будущее... Оно меня встретило пронзительным запахом щей, голова моя закружилась. Меня поймет тот, кто помнит те годы. Будущее пахло щами, как и несправедливо оклеветанное, как теперь понимал я, советское прошлое. Оказалось — нас привели не в пассажирский отсек, а в матросский камбуз... Самое то! Всхлипывая, я ел щи! Новая Муза стояла передо мной, брезгливо морщась.

— Ну? Вы закончили, Валерий Георгиевич?

Хотелось бы еще — но я встал. Надо все-таки держать марку!

Мы поднимались наверх. Предстояло знакомство с суровым бытом бесстрашной журналистки. Мы вошли в комфортабельный салон. В креслах и на диванах красной искусственной кожи сидели люди — некоторые из них показались знакомыми. Ну да. Сотрудники Ленфильма — которых она тоже подмяла. Некоторые из них поздоровались со мной, но сконфуженно. Я поздоровался с вызовом.

— Явилась, наконец! — проговорил коренастый блондин. Он, похоже, был главный тут. Хотя происходил явно не из сферы культуры.

Я повернулся к знакомому оператору.

— Телохранитель ее, Тоха! — презрительно пояснил он.

Не хочу очернять всё подряд: у нее действительно было что охранять. Но кроме того, как заметил я, телохранитель уверенно руководил и процессом.

— ...чушь голимая! — такой был конец его речи. Упреки адресовались ленфильмовцам, бывшим высоким профессионалам, снимающим, почему-то, не то!

Луша, как я назвал ее в своем сочинении, созданном вместо сценария, явно решила превзойти грубостью своего «патрона» — и приблизительно полчаса поливала притихших кинематографистов — мол, обленились, притупели окончательно, — но здесь вам не ваша советская власть, будете бегать! Притом никаких конкретных художественных задач поставлено не было. Как и передо мной. Зато мы отплыли.

Марианна Наровлянская, которой прежде доводилось работать вторым режиссером у больших мастеров, скорбно вздыхая, отвела меня на нижнюю палубу, в тесную каюту.

— Вы думаете, ей нужен сценарист? — сказала Наровлянская. — Вы просто ей понравились как мужчина.

Я почувствовал одновременно и оскорбление, и восторг — такое было со мной впервые. И я это записал. Кабинет мой довольно сильно качало. Похоже, мы выходили на большую волну.

Дверь в каюту вдруг широко распахнулась — я сначала подумал: от качки? — но тут в каюту упал могучий красавец, довольно знаменитый литовский актер — пьяный и довольно небритый...

— Здравствуйте... Вы главный герой? — польщенный таким соседством, спросил я.

— Уже нет! — загадочно сказал он.

Я вышел погулять — и вскоре всё понял. В конце палубы я увидел свет... Там шли киносъёмки — хотя к сценарию я, кажется, еще не приступал? Но теперь всё по-новому. Свобода! Это раньше нас утомляли всяческие редакторы, худсоветы! На моих глазах зарождалась новая эпоха кинематографа — и жизни — и я не мог этого не отразить. Я попал в самую гущу. Реальность обгоняла самые смелые мои предположения. Снималась важная любовная сцена. Героиня страстно обнимала своего возлюбленного... в котором я с изумлением узнал ее коренастого телохранителя Тоху. Вот почему был так мрачен литовский актер! Смена приоритетов! Теперь, значит, любят таких? Смелая журналистка теперь выглядела так: красная мини-юбка, явно слишком смелая для смелой журналистки, рука, обнимающая Тоху, слепила алмазами... что-то их многовато для бесстрашной труженицы пера! Я всё это жадно записал.

— Ты что — сценарий, что ли, пишешь? Зачем? — удивилась Наровлянская.

Сценарий не сценарий... но я должен был это запечатлеть?! Я понимал, что встретил героиню новой эпохи... Не всё же об утонченных страданиях интеллигенции мне писать? Вот они — нынешние герои. Потом всё это стало повседневностью — но в первый раз это меня поразило. Тоха тоже вел сцену нетрадиционно, лаская героиню слегка брезгливо, небрежно вел рукой по ее спине, презрительно шевеля челюстью, чуть не

зевая. Зато она изгибалась страстно, вкладывая в это весь свой недюжинный талант.

Киношники насмешливо перешептывались... Но командует-то всё равно — она!

Летучка на следующее утро была неожиданной, хотя я уже настроился — но всё же...

Преобладали незнакомые люди — похоже, Тохины друзья и коллеги. Из киношников в зале остался лишь оператор... Его пока охранником заменить не удалось.

— Что Вы сидите? — накинулась на меня она. — Хотите, чтобы я Вас тоже уволила?

— Из писателей невозможно уволить, — скромно заметил я.

— Тогда пишите... сцену объяснения в любви! Вы способны на это, Валерий Георгиевич? — грустно проговорила она. Да-а... полюбить такую способен не всякий! Что-то смелая журналистка слишком увлекается личной жизнью.

— Где будет сцена... Может быть — на корме? — я пытался проявить служебное рвение.

— Нет! Объяснение будет за столиком ресторана первого класса, на носу!

— Отлично! — воскликнул я. Конечно, для объяснения в любви можно найти более уединенное место... Но ей больше нравится так. Образ вырисовывался — правда, не знаменитой журналистки, а лишь ее, моей коммерческой Музы!

Сцена, подготовленная для съемки, поразила меня. Все столики, кроме одного, в центре зала, были убраны! Прихоть бедных влюбленных? Но зато — на единственном столике... стояло всё! Всё меню! Но главное — все бутылки. Скромный натюрморт, фон для объяснения... Да если выпьют хоть часть — лыка не свяжут. Передерутся еще!

— Может, того... маленько убрать? — присоветовал я... Сценарист всё-таки.

— Занимайтесь своим делом, Валерий Георгиевич! — осадила она.

И герой, кстати, замечу, рядом с Лушейю был другой... или это Тоха? Но какая ей разница? Как-то все они на одно лицо. Я слегка волновался за мой текст — но напрасно. Он не понадобился. Склоку она завязала из-за шампанского — поставили не то!

Наконец, она своего добилась, эпизод сняли, но как-то без слов: надо было влюбленным успеть выпить всё, что поставлено... но за несколько дублей им это удалось.

После съемки я зашел в бар — какой-то аванс, между дублями, я сумел урвать. Там сидела вся съёмочная группа, встретившая меня радостным смехом.

— Еще один безработный! — воскликнула Наровлянская.

— Нет. Писатель не может быть безработным! — грустно сказал я. — Сценарист — может. А писатель, увы, нет!

Я ходил за ней, как привязанный, и записывал всё, что она делала и говорила.

— Как-то Вы записываете даже больше, чем я говорю! — кокетливо заметила она.

— Трансформирую! — многозначительно сказал я.

В результате я «натрансформировал» повесть, которая называлась «Будни гарема». И первой моей пленницей в этом гареме была она!

Ощущение всемогущества — и безнаказанности — захватило меня. То, что надо! Вдохновение, потерянное к концу года, вернулось вновь. Я мог теперь всё! Я мысленно поселил сюда свою настоящую Музу, с которой отношения складывались последние годы не ах — в основном, из-за жилищно-бытовых условий. Теперь наш роман получил развитие на роскошном корабле. Подключил и еще одну музу — иностранную переводчицу... хотя в повести сильно преувеличил накал чувств, особенно ее. Имел право. Потому что чувствовал — без музыки-переводчицы теперь нельзя. Наступал период, когда главным критерием успеха считалось признание на Западе. В повесть я включил конференцию в Гамбурге, на которой вскоре побывал (по сюжету повести я приплыл туда на Лушином корабле), где разыгралась битва между новыми русскими писателями, модными тогда на Западе, — «фекалистами» и «пост-фекалистами» — и где я оставил Лушу и полюбил переводчицу, которая теперь билась там за меня. Гарем муз! А потом я оказался в Париже (а чего мечтаться?) с моей главной, настоящей любовью! Я писал и пьянел.

После корабля мы с Лушей не виделись. Ее фильма я не встречал. Сняла ли она его вообще? Слишком страстно она ко всему относилась — и возможно, что страсть привела ее к чему-то нехорошему... Да — первопроходцам нелегко. Потом узнал: да, фильма не получилось... В отличие от моей повести, которую я всё же написал! Да — писатель схряпает любую эпоху, и всё, что от нее останется, — литература.

Высоколобые мои друзья, заглянув в «Будни гарема», высокомерно спрашивали — где прежний роскошный язык? «А где он? — отвечал я. — Нету!»

Рукопись я отнес (тогда рукописи еще относили) во вновь образовавшееся коммерческое издательство, отколовшееся от прежнего, некоммерческого, и состоявшее из одного человека. Помню, как я его ждал, в каком-то нежилом помещении... Разве раньше издательства так жили? Издалека медленно надвигался стук его сабо... только нахал может выйти на деловую встречу в сабо! Всё же я человек прежнего воспитания!

— Мало сексу, старик! — он кинул папку мою на подоконник, да так, что она на лету прокрутилась два раза. И ушел. А раньше меня корили, что много секса!

Я вышел на Невский. Да — мне, несомненно, везет. Навстречу сразу попался мой тогдашний и теперешний друг Саша Кабаков, московский классик, уже перешагнувший в эту эпоху... специально, что ли, приехавший сюда? «Мало секса!» — пожаловался ему я. «Дай! — он забрал рукопись. — В Москве появились умные ребята. Думаю — для них будет в самый раз. Вот телефон!»

Я звонил по нему долго. То — «Владимир Викторович занят!» То — «Владимир Викторович надолго уехал»... В общем — хана! Кончилось твоё время!.. Но продолжал звонить. Приехал в Москву, на юбилей мамы, которая там жила. Проснулся у брата, с больной головой. Но сразу же стал звонить... Занято. Занято. Но — еще в юности я сумел воспитать себя: если занято — это вовсе не значит, что всё плохо. «Алло», — отозвался приятный голос. «Владимир Викторович?» «Да», — откликнулся он довольно радостно, сообщил мне, что рукопись мою разделили на тетрадки и жадно читают всей редакцией. «Приезжайте!» — он явно собирался повесить трубку! «А я уже приехал!» Неловкая пауза. «...Но, к сожалению, я сейчас уезжаю». Ясно. И вероятно, надолго. Вряд ли я еще услышу его голос. И тут я сделал то, чем горжусь! «Скажите... а какой ваш адрес?» «Но я же уезжаю! А — в следующий раз? Ну — запишите...». Редакция оказалась рядом — в соседнем доме! И через минуту я уже стоял перед ним. А еще говорят — «не везет»!

Книга «Будни гарема» вышла в издательстве «Вагриус» в самое трудное время, когда казалось, что писатели уже не нужны. Обогащения не последовало — но оказалось, что книгу покупают. Хотя все прежние книги, включая мои, залегли тогда где-то на складах. Выяснилось, что новые герои интересуют всё же больше, чем старые. Но, главное — я перескочил-таки из социализма в капитализм. А многие так и остались, на другом берегу. Но даже если ты хочешь писать серьезно — всё равно надо быть на этом... С того берега — не напишешь. И возврата туда нет.

И Луша, оказывается, прочла книгу. Тоже — не пропала в суровую годину. Стала на какое-то время даже вице-губернатором одного города — нашего, но сильно продвинутого на Запад. «Жди киллеров! Просила передать!» — это сообщил мне один знакомый актер, побывавший в том городе на роскошнейшем фестивале. Пришить-то, конечно, могла — с ее административными возможностями и склонностью к романтике... Но вышло иначе: благодаря ей я выжил и живу.

Женщины Лазаря

Я уверена, что у каждого автора свои, уникальные отношения с текстом. Особенно с большим. Это стихотворение или рассказ можно выдать разом, в горячке, на чистом вдохновении (или настроении). Вопрос, каков получится результат, мы сейчас не обсуждаем. Но большой текст не написать одним рывком. Это невозможно физически. Романное пространство, как марафон, требует от автора терпения, мужества, упрямства, тренированной воли и еще множества качеств, которые обычно не принято связывать с образом писателя в частности и с творчеством вообще. Если вы замахнулись на роман исторический, потребуется еще элементарное (а лучше глубокое) знание выбранной эпохи.

Я замахнулась.

Честно говоря, «Женщины Лазаря» не должны были стать историческим романом, да и вообще писались без всякой надежды и оглядки на публикацию. Любые мои тексты всегда начинаются с вопроса, который интересен исключительно мне самой. «Женщины Лазаря» начались с вопроса — зачем человеку дар и что делать, если этот самый дар некстати? Я всерьез обдумывала книжку о юной талантливой балеринке, которая отчаянно не хочет быть прямой, а мечтает о простом человеческом (я бы даже сказала — кухонном) счастье. Балет был выбран не случайно: он требует исключительной дисциплины и самоотдачи, даже жертвенности. То есть, выдающимся архитектором, писателем или резчиком по дереву можно стать: формула талант + трудолюбие + навыки работает в этом случае отлично. А вот выдающейся балериной можно только быть. И первоклашка, и признанная звезда начинают свой день с одинаковых изнурительных экзерсисов.

Расслабиться даже ненадолго нельзя — конкуренция очень сурова, причем против танцовщицы работает всё, включая время. Такие колоссальные физические и психологические нагрузки выдерживают только настоящие фанатики. Поместить в это балетное горнило одаренного ребенка, который не хочет танцевать и подчиняться общим правилам, но при этом недостаточно взрослый, чтобы протестовать, — это было интересно. По крайней мере, мне самой.

То есть, никакой исторической части не предполагалось вообще. Я надеялась отделаться легким испугом — настоящим временем, единственным числом. Но текст быстро сам решил, что ему нужно. В романе появился Лазарь Линд — гениальный дедушка моей незадачливой балерины, и вместе с ним пришла революция, война — сперва Гражданская, потом — Великая Отечественная, эвакуация, испытание первой атомной бомбы. Целая история страны, в которой я имела честь (и это действительно — честь) родиться.

Надо сразу сказать, что я уверена, что невозможно написать исторический роман (да, пожалуй, и роман вообще), не имея чувства времени. Боюсь, это врожденное свойство — что-то вроде абсолютного слуха или лингвистического чутья. Нечто, что можно развить, только если дар был выдан тебе авансом, изначально. Я не претендую и не претендовала на обладание этим самым чувством времени, но элементарной человеческой порядочности было достаточно, чтобы понять: можно выдумать героев, жизненные обстоятельства, но реалии времени, о котором ты пишешь, придется узнать. Пастернаковский «всесильный бог деталей» не прощает небрежности, и не перечесть, сколько хороших замыслов погубили авторы, которым было лень уточнить, сколько стоило полено в 1918 году или как именно выглядела керосинка. До сих пор помню, как я огорчилась, читая роман своей современницы: у нее на подмосковной речке водились дикие нутрии и лакомились они мидиями.

Чтобы обжить незнакомое мне время (вернее, знакомое только по книгам), я перечитала множество мемуаров. Мемуары вообще честнее, в них больше подлинных деталей, а не художественного вымысла. Я искала не впечатлений и не историй: на радость романистам люди не меняются тысячелетиями, ненависть, любовь, ревность, страх — всё это базовые понятия, общечеловеческие. Именно поэтому мы до сих пор способны читать и понимать Шекспира или Софокла. Мне были нужны приметы времени — что ели, какие носили платья, в какие игрушки играли дети, о чем спорили за столом.

Выискивать все эти сокровища было отдельным чудесным приключением. Только на бритву, например, ушло несколько дней — мне непременно хотелось, чтобы академик Чалдонов пользовался каким-нибудь небанальным (вроде Zinger), но в то же время популярным до револю-

ции бритвенным прибором. Бритва Арона Бибера, попавшая в итоге в текст, — подарок мужа. У его деда был такой бритвенный станок, дореволюционный. Еще несколько дней я убеждалась в том, что память мужа не подводит, узнала много прекрасных, но совершенно не пригодившихся мне подробностей о жизни Варшавы в начале века — и бритва заняла свое место в книге. Одно-единственное упоминание в одном-единственном предложении. Но для меня это совсем не потеря времени. Во-первых, искать информацию — очень интересно. Во-вторых, любая выдумка в такой оправе приобретает привкус подлинности, достоверности, без которой роман вообще теряет смысл. Именно быт, обычаи, непримечательные мелочи, которые ускользают первыми, и составляют самую суть времени.

Как это ни парадоксально, куда сложнее оказалось писать современную балетную часть книги. Надо ли говорить, что я не занималась балетом ни одной секунды своей жизни и вообще на редкость неуклюжее существо. Незнание техники компенсировать оказалось довольно просто: я просто выучила наизусть книгу «Основы классического танца» Агриппины Вагановой, это настоящая балетная библия, даром, что написана в 1934 году. Прочитала все мемуары танцовщиц и балетмейстеров, которые смогла найти. И, конечно, смотрела балеты — в записи по большей части, спектакль за спектаклем. Возле Большого театра есть несколько точек, где торгуют дисками, книгами — думаю, там до сих пор помнят сумасшедшую, которая скупала все балетные записи подряд. Экспертом я, разумеется, не стала, но до сих пор способна оценить по достоинству хорошего балетного исполнителя.

Но этого было катастрофически мало. Мне нужна была изнанка профессии, ее суть. Кажется, ну что тут сложного? Найди знакомых балерин — и задай нужные вопросы. Поначалу я так и сделала. Но все расспросы вели в пустоту. Как выяснилось, откровенность в режиме интервью невозможна: оказавшись даже на микроскопическом постаменте, даже самые адекватные люди принимались самозабвенно кокетничать и вещать на публику. Я хотела знать, что именно заставляет десятилетнюю девочку вновь и вновь приходить на занятия, где ее публично лупят по ногам и по лицу и называют уродливой коровой, а мне рассказывали про святую любовь к искусству.

Пришлось вспомнить, что самый главный (и нужный) навык писателя — умение слышать и слушать. Я нашла балетный форум, очень небольшой, только для своих. Там балетные танцовщики — настоящие и будущие — обсуждали свою ежедневную жизнь, со всеми ее проблемами, трудностями, радостями. Тут делились секретами, как «вставить бедро» и «не вылететь под рояль», советовали, как сбросить к утру три кило и не сорвать спину на поддержке... Это и была та самая изнанка, о кото-

рой я мечтала. Я читала этот форум ежедневно — в течение нескольких лет. И была вознаграждена — после выхода книжки балетные совершенно серьезно спрашивали, у кого я занималась, где танцевала, и категорически отказывались верить в то, что к балету я не имела и не имею никакого отношения. А на одной из встреч хореограф с многолетним стажем сказала, что не нашла в тексте (в балетной, разумеется, части) ни одной технической или фактической ошибки или неточности, только пару опечаток во французских терминах. И это лучшая награда, которую я получила в жизни, честное слово.

Однако, как мне кажется, самое интересное в написании романа — не сбор материалов, сам по себе, конечно, увлекательный необыкновенно. Самое интересное — это способ рождения большого текста. Все, безусловно, пишут по-разному. Если попытаться искать аналогии в психиатрии (как ни крути, смежная с творчеством дисциплина), то, при общей схожей симптоматике, мир безумия необыкновенно разнообразен. Кто-то составляет развернутый план — и следует ему неуклонно, кто-то пишет сюжетными линиями, кто-то вообще — как и когда придется, а потом соединяет написанные части. Я бы рада привести больше примеров, но коллеги мои, к сожалению, неохотно делятся секретами мастерства (вероятно, боясь недобросовестной конкуренции). Приходится — как всегда, в отчаянной ситуации — обращаться к классикам.

Как выяснилось, пушкинское «Какую штуку удрала со мной Татьяна — она вышла замуж!» — ничуть не метафора и не гипербола. Свободная воля персонажа перестает быть шуткой, как только роман начинает набирать обороты. Честно говоря, больше всего отношения автора с героями напоминают мне действующую модель отношений человека и демиурга. То есть, и автор и герой знают, когда персонаж родился и когда умрет (или совершит что-то аналогично важное), но при этом герой на протяжении всего текста немислимыми способами изворачивается, чтобы оттянуть финальные титры или попасть к ним совершенно другим человеком.

Я быстро поняла, что сопротивляться — непродуктивно. Надо просто следовать тексту, так получалось лучше — ну, или мне, во всяком случае, так казалось. Лично мне проще писать кусками, эпизодами, не соблюдая хронологического порядка. Как ни странно, части эти, словно ртуть, потом довольно легко и как будто без посторонней помощи собираются вместе, в единое целое. Как пишутся сами эпизоды? Думаю, тоже у всех по-разному. Я свой текст вижу — как кино, и задача только одна (впрочем, невыполнимая) — описать увиденное как можно точнее.

Лучше всего об этом написал М. Булгаков в «Театральном романе»:

«Тут мне начало казаться по вечерам, что из белой страницы выступает что-то цветное. Присматриваясь, шурясь, я убедился в том, что это

картинка. И более того, что картинка эта не плоская, а трехмерная. Как бы коробочка, и в ней сквозь строчки видно: горит свет и движутся в ней те самые фигурки, что описаны в романе. Ах, какая это была увлекательная игра, и не раз я жалел, что кошки уже нет на свете и некому показать, как на странице в маленькой комнатке шевелятся люди».

Забавно, что следование за текстом приносит иной раз изумительные плоды. Так, одна из главных героинь «Женщин Лазаря», Маруся Питовранова, появилась в книге случайно и вообще мной никак не планировалась. Это звучит и нелепо, и безумно, я знаю. Но Маруся появилась из одного-единственного абзаца. У Чалдонова (как раз любовно и основательно запланированного) должна была быть жена — это я знала четко, без жены академику было нехорошо. Я бы даже сказала — не комильфо. Персонаж должен был быть эпизодический, таких у меня на странице — по десятку. Ну, жена, ну, допустим, из семьи священника, значит, по фамилии... На фамилии я застряла на неделю, не меньше. Банальные Аметистовы или Гиацинтовые мне не нравились. К тому моменту, как нашлись Питоврановы — со всем, что тянет с собой эта чудесная фамилия, — Маруся, видимо, уже так обжилась у меня в голове, что решила не съезжать. Она так быстро выбилась в главные героини, что после ее смерти (опять звучит безумно, но что я могу поделаться?) я надолго забросила книжку. Писать без Маруси не хотелось совершенно. Да и вообще лучшее в тексте всегда приходит словно само собой.

Об этом странном «осенении» пишут многие авторы (конечно, поэты чаще). Вот только что ничего не было — и вдруг ты увидел, почувствовал, написал. Муза, разумеется. Премудрая София. Дыхание Господа. Возможно. Но мне больше нравится материальный мир (в нем уютнее) и естественнонаучное объяснение даже самых неестественных на первый взгляд явлений и вещей. Судя по тому, что известно физиологам и медикам сейчас, секрет «божественного» вдохновения писателей и поэтов — в резком увеличении числа нейронных связей в момент наивысшего напряжения творческих сил. То есть, в какой-то счастливый момент мы начинаем думать так быстро и интенсивно, что сами верим в то, что получили свой текст действительно свыше — как некий дар, волшебное доказательство того, что Бог не только существует, но и мы Ему всё еще интересны.

Но какая, если вдуматься, разница? Бог ли, нейронные ли сети, если, как писал Булгаков: «Всю жизнь можно было бы играть в эту игру, глядеть в страницу». И еще: «Что видишь, то и пиши, а чего не видишь, писать не следует».

Описание города

Идея написания текста под названием «Описание города» возникла поздней осенью 2010 года. Прошел уже почти год с того момента, как я написал большой текст «Горизонтальное положение», я пребывал, если можно так выразиться, в творческом бездействии и вполне комфортно себя чувствовал. Не было такого, что, мол, пора бы уже взяться за что-то другое. Никаких идей нет — ну и ладно.

И вот в одну из ноябрьских, кажется, ночей я, как обычно, сидел на кухне за ноутбуком и что-то читал (просто что-то в интернете, не помню уже, что именно). И вдруг, вне какой-либо связи с читаемым, в сознании возникло словосочетание «описание города». Я повертел его в голове. Описание города, описание города... Оно мне как-то сразу понравилось. И стало сразу понятно, что это название текста. Что надо написать текст «Описание города».

Записал в электронный блокнот, чтобы не забыть. Но можно было и не записывать — забыть всё равно бы не получилось.

Общая идея вырисовалась довольно быстро: выбрать какой-нибудь город, в котором ни разу не был, приезжать туда регулярно и исследовать город методом неспешных одиноких медитативных прогулок и поездок. И посмотреть, что из этого получится. В частности, посмотреть, удастся ли пропитаться городом и, извините за пафос, полюбить его. Да, вот именно такая задача ставилась — полюбить незнакомый город.

Нелегкой задачей оказался выбор города. Сразу решил, что это должен быть город не очень близкий (не доехать на электричке), но и не очень далекий — чтобы можно было

добраться из Москвы за одну ночь на поезде. Как я уже говорил, изначально я считал важным критерий незнакомости города. Город, в котором ни разу не был. И был еще важный критерий — город не должен быть туристическим центром, изобилующим достопримечательностями. Город должен быть по возможности обычным. Всё это очень сильно суживало диапазон поиска. Рассматривались следующие города: Киров (все-таки далековато), Ижевск (тоже не ближний свет, не очень удобно добираться), Саранск (вроде бы, хороший вариант, но, поизучав разные материалы об этом городе, я как-то совершенно ни за что не зацепился; на карте город тоже выглядел неубедительно), Пенза (причины отказа — примерно те же, что и в случае Саранска).

В общем, на этой стадии проектирования я как-то застрял. И вот в какой-то момент я вдруг почувствовал, что в меня пристально всматривается один город — Брянск. Да, именно так — не я в него пристально всматривался, а он в меня. Брянск я поначалу не рассматривал из-за того, что я там один раз был в двухдневной командировке.

И вот постепенно я начинал проникаться мыслью о Брянске. Кажется, это был именно тот случай, когда изначально заданным формальным признаком (полностью незнакомый город) можно и нужно пренебречь. Тем более, что Брянск добавлял очень серьезный дополнительный смысл: там в течение 16 лет (1918—1934) жил мой любимый писатель Леонид Добычин, город очень обильно отразился в его текстах.

И еще Брянск идеально соответствовал требованию нетуристичности. Древний город (старше Москвы) не сохранил вообще ничего из своей древности, кроме одной-единственной церкви XVII века. В остальном — типично советский индустриальный город, для внешнего, праздного наблюдателя совершенно скучный и неинтересный. И, кстати, очень крупный железнодорожный узел (для меня это было огромным преимуществом).

В общем, был выбран Брянск.

Все эти раздумья происходили в самом конце 2010 года. Передо мной, можно сказать, лежал 2011 год, и как-то сам собой сложился такой план: посвятить этому проекту ровно год, ездить в Брянск в течение всего года, раз в месяц. То есть, должно быть совершено 12 поездок, каждая — в очередной месяц. Именно так — не две поездки в один месяц, а потом перерыв — а вот именно одна поездка в январе, одна в феврале, одна в марте и так далее. Продолжительность каждой отдельной поездки не регламентировалась — по умолчанию признавалось, что это каждый раз будут просто какие-то выходные, два дня.

Перед тем как отправиться в первую поездку, перечитал все добычинские рассказы брянского периода и изучил книгу брянского исследователя Эльвиры Голубевой «Писатель Леонид Добычин и Брянск». В этой

прекрасной книге скрупулезно выявляются все реальные брянские локации, в открытой или скрытой форме присутствующие в текстах Добычина. Так возник еще один принцип будущего текста — в ходе этих двенадцати поездок посетить все места, упомянутые в рассказах Добычина. И в каждую поездку приходиться на пустое место по адресу Октябрьская улица, 47 — на этом месте до начала 80-х годов прошлого века стоял дом, в котором жил писатель. На его месте много раз пытались что-то построить (место очень удачное, самый центр города), и так до сих пор ничего не смогли построить. Это просто пустое место, огороженное забором, посреди пустого места — кусок стены бывшего дома. И всё.

Первая поездка состоялась 8—9 января 2011 года. (Поездки я здесь описывать не буду — они подробно описаны непосредственно в тексте книги.) А текст я начал писать 31 января, в день своего рождения (как-то так получилось, не специально).

Дальше произошло спонтанное усложнение формальной задачи. Я написал пока еще только общее вступление к тексту и уже в начале февраля засобирался в следующую поездку. При этом январский приезд оставался неопианным. Думал, что сделаю это потом — какая разница. И вот так получилось, что я по совершенно анекдотической причине опоздал на поезд, билетов на другие поезда в этот день (вернее, ночь) не было — в общем, поездка сорвалась. И сразу стало понятно, что нужно ввести дополнительный принцип — не отправляться в следующую поездку, пока не будет описана предыдущая.

Это серьезно усложняло общую задачу. У меня в то время была достаточно напряженная работа с полной занятостью, которая занимала не только будни, но еще и примерно треть всех выходных. Причем, не всегда было заранее известно, какие именно выходные окажутся занятыми. Бывало, что мне звонили с работы вечером в пятницу, и выяснялось, что завтра надо посетить какое-нибудь корпоративное мероприятие и сделать о нем репортаж.

Тем не менее, удалось уложиться в эти формальные рамки, и я, в общем-то, ни разу не пожалел об этих добровольно взятых на себя искусственных ограничениях. Было постоянное ощущение какого-то бодрого настроения, некоей «боевой готовности», что ли.

Но на этом формальные ограничения не закончились. Когда я начал писать первый, январский фрагмент, как-то сам собой возник еще один принцип построения текста — избегать топонимов. Учитывая, что речь идет об описании города, его улиц и других локаций — задача делалась уже какой-то совсем трудной, но при этом чрезвычайно увлекательной. В результате текст изобилует странными конструкциями типа «улица, названная в честь одного из деятелей большевизма» (улица Калини-

на) или «поселок, название которого обозначает тип документа» (поселок Путевка). Возможно, эти конструкции многих читателей раздражают, но мне было почему-то интересно их городить. И, надеюсь, всё же некоторым интересно было их разгадывать.

Собственно, вот те принципы, в соответствии с которыми писался текст. Все поездки, кроме одной, получились двухдневными (еще одна — однодневная; таким образом, в Брянске я провел 23 дня). Они были наполнены прогулками и поездками по городу (побывал более или менее везде, во всех районах). Ходил на футбол и хоккей, изучал местную прессу, смотрел брянское телевидение. С местными жителями, кроме гостиничного персонала и таксистов, принципиально не знакомился и не общался — когда гуляешь по городу не один, а с кем-то, основная часть внимания переключается на человека, и толком не видишь ничего вокруг. Мне хотелось именно одиноких, сосредоточенных прогулок, тихого, внимательного наблюдения за окружающей реальностью.

Где-то примерно в апрельский приезд я почувствовал, что появилась какая-то осязаемая эмоциональная связь с городом. После июльского приезда, очень насыщенного, город уже воспринимался почти как родной. А в сентябре произошло нечто такое, что окончательно подтвердило это родство.

Меня пригласили на Львовскую ярмарку издателей (придется ли еще когда-нибудь там побывать?), я летел во Львов на самолете. Рейс был утренний, и сразу после взлета я заснул. Потом проснулся, посмотрел в иллюминатор — и увидел проплывающий в разрывах облаков Брянск. Сразу узнал знакомую сетку улиц, железнодорожные линии, главный вокзал — карту этого города к тому времени я уже знал как свои пять пальцев. Брянск виднелся внизу всего несколько минут, мы его быстро пролетели, но вот именно в этот короткий промежуток времени что-то меня разбудило — и появилось ощущение свершившегося чуда. Я понял, что всё состоялось, всё получилось. И хотя оставалось еще целых четыре поездки, всё остальное уже было, что называется, делом техники.

Непосредственно текст писался, как правило, ночами, в 15—17 приемов. На описание большинства поездок хватало одной ночи, некоторые фрагменты растягивались на две ночные «сессии».

На 10—11 декабря пришлась последняя поездка. За эти два дня обошел и объехал все локации, которые были описаны в предыдущих одиннадцати главах. Уезжал из Брянска чуть ли не со слезами на глазах — очень грустно было, и очень хорошо.

А 13 декабря сел и написал финальный фрагмент. И книга была закончена. 31 января начал, 13 декабря закончил — получилось что-то типа рифмы. Если так можно выразиться.

Тот год был очень трудным для нашей семьи — тяжело болел и умер отец моей жены. И вот этот проект «Описание города» был для меня очень мощной... не люблю это слово, но — да, отдушиной, по-другому не скажешь. Никогда не забуду этот радостный и волнующий ритуал отъездов из Москвы и приездов в Брянск. Поздними вечерами ехал на Киевский вокзал, садился каждый раз в один и тот же фирменный поезд «Иван Паристый», который отправляется без пяти двенадцать ночи и прибывает в Брянск ровно в шесть утра... Ранним утром поезд сначала быстро несся мимо брянских лесов, а потом медленно пробирался сквозь пригороды и окраины Брянска (Козелкино, Чернец, Полбино) и останавливался у главного вокзала. Брянский вокзал имеет одну интересную особенность: каждое громкоговорящее объявление о прибытии или отправлении поезда предваряется короткой (шесть нот) грустной и немного тревожной мелодией. И вот эта мелодия была очень важной частью всех моих поездок, задавала их особое настроение. Выходил на привокзальную площадь, происходил диалог с кем-нибудь из таксистов: «Гостиница Чернигов — двести пятьдесят (триста, триста пятьдесят) — поехали», и мы ехали по мосту через Десну, по дамбе через заболоченную пойму, по направлению к горе, на которой располагается центр города. Уже к весне каждое здание на этом пути было знакомым... Очень я любил эти утренние поездки. И, что еще важно — удалось все-таки полюбить этот неяркий, мрачноватый и скучноватый, на первый, поверхностный взгляд, город — Брянск.

Это был такой опыт, который, когда он заканчивается, хочется повторить, но понимаешь, что это совершенно невозможно, такого уже не будет. Потому что, по большому счету, каждый по-настоящему ценный, дорогой для нас опыт неповторим, всё ценное дается один раз. И с этим ничего невозможно поделать.

Мысленный волк

Я никогда не планировал свои романы, не продумывал заранее сюжет или композицию, не знал, чем они закончатся и что с моими героями станется. Это относится ко всем романам: «Лох», «Затонувший ковчег», «Купол», «Одиннадцатое сентября», «Мысленный волк»; единственное исключение — роман «Купавна», автобиографический, документальный, где всё было заранее predetermined свершившимися событиями. У каждого из этих романов своя предыстория, но мне интереснее всего говорить о последнем, самом для меня важном. И тут дело не только в последовательности их появления на свет.

Я работал над ним почти четыре года — с лета 2010-го по зиму 2014-го, хотя задумал еще раньше. Задумал в ту пору, когда писал жэзэловские биографии Пришвина, Грина, Алексея Толстого... Он создавался на полях, когда между фактами и моими представлениями об этих фактах случались конфликты. В биографиях я всегда уступал фактам — так велили мне жесткие, не мной установленные, но мною неизбежно и даже охотно принятые правила; однако было многое, что из этих фактов выламывалось и относилось в сторону романа. Он был как туман над твердой землей. Он вбирал в себя слухи, сплетни, недостоверные случаи, недостающие штрихи, кем-то не законченные вещи, вообще всю зыбкость и неясность прошлой жизни. И если цель любой биографии — демифологизировать тех, кто всю жизнь себя мифологизировал, то неизбежные потери, которые при этом случаются, можно восстановить только через роман. В каком-то смысле это и стало мотивом, потребностью его написать.

Один из таких потерянных, темных, смутных сюжетов был связан с Пришвиным, которого я особенно выделяю из

русских писателей XX века как человека, с одной стороны, незаметного, а с другой — очень зоркого, вдумчивого, страстного, задиристого и явно не совпадающего со своей канонической биографией. Это ведь довольно странная вещь. Ты пишешь книгу о человеке, основываясь на документах, не позволяешь себе ничего добавить, ни присочинить, но при этом образ героя неизбежно засушивается, выхолащивается; а если и не так, всё равно остается пространство прямой речи, диалогов, которые в биографии исключены (абсолютно соглашаясь с Ахматовой, что прямая речь в мемуарах уголовно наказуема, я тем более считаю правильным отнести это правило к биографиям, когда авторы начинают вещать от имени героев), но они всё равно просятся в роман, как просятся, наряду с вымышленными, исторические лица, чья судьба даже в своем реальном воплощении окутана облаком домыслов, и, в сущности, чем гуще и больше это облако, тем больше вызывает оно интереса и тем азартней в нем блуждать.

Пришвинское — огромно. Он оставил после себя дневник, в котором было много противоречий, недоговоренностей, и среди них — в высшей степени странный сюжет, связанный с его увлеченностью и одновременно заботой о пятнадцатилетней девочке, Софье Васильевне Ефимовой. М. М. познакомился с нею в 1917 году, когда, фактически уйдя из семьи, поселился в Петрограде на Васильевском острове. Между сорокачетырехлетним писателем и рано повзрослевшей отроковицей возникли какие-то странные отношения, которые не вылились в любовный роман, но стали его прологом.

Роман у Пришвина случился несколько месяцев спустя, когда из Петрограда он уехал на родину в Елец, и там началась его жизнь «второе» — с женой его лучшего друга Софьей Павловной Коноплянцевой; но ее тезка Соня Ефимова была предчувствием этого романа, его весточкой и в каком-то смысле жертвой, потому что, полюбив Коноплянцеву, Пришвин про Козочку позабыл. И главное, что меня поразило в этом сюжете, — хрупкость человеческой судьбы, которую он точно распознал и написал, вернее, упомянул об этой хрупкости в рассказе «Голубое знамя». Там была, впрочем, еще очень невнятная история с арестом и освобождением писателя в январе 1918 года, о чем высказалась со свойственной ей ядовитостью Зинаида Гиппиус: «На досуге запишу, как (через барышню, снизошедшую ради этого к исканиям влюбленного под-комиссара) выпустили безобидного Пришвина».¹ Эта девочка на много лет исчезла из его жизни, но меня эта история тронула, и захотелось как можно больше про эту девочку, про ее судьбу узнать, но узнать было невозможно, негде, следы ее затерялись...

¹ Гиппиус Зинаида. Дневники. М., 1999. Т. 2. С. 70.

Так я стал писать роман, в который попросились новые герои. Отец девочки, ее мачеха, мальчик, в которого она была влюблена. Девочка начала проявляться, возникли черты ее лица — утиный нос, веснушки, русалочьи волосы, она оказалась очень необычной, большой фантазеркой. Она превращалась ночами в козочку и бегала по лесам и остожьям, за ней охотился писатель Легкобытов — и раздражался оттого, что мазал своими слабыми руками, пока однажды случайно не попал, но это уже был другой сюжет, связанный с другим писателем, который тоже пришел в мой в роман: Александр Грин.

У Грина была своя несчастная история, когда, выйдя из тюрьмы, он стрелял с близкого расстояния в свою возлюбленную, революционерку Катю Бибергаль, отказавшуюся бежать с ним на Таити. А потом, несколько лет спустя, у Грина же случилась встреча с моей Козочкой или очень похожей на нее девочкой, которую он увидел в голодном Петрограде перед витриной магазина, когда она завистливо разглядывала платья на манекенах. Грин купил ей в магазине шарф и пообещал, что она станет манекеном. Но манекеном она не стала, а сделалась его последовательницей, сектанткой, отравленной несбыточной мечтой, как пьяница Эгль из «Алых парусов» отравил мечтой про принца девочку Ассоль, испортив ее жизнь и отношения с народом, который, по слову Андрея Платонова, остался на берегу.

Ни Пришвин, ни Грин народ не любили. Они слишком хорошо его знали, были им измучены и, будучи людьми ранимыми, щекотливыми, делали ставку на личность, на творчество. А девочка была их наваждением. Пришвин и Грин (Легкобытов и Круд в моем романе) боролись за нее как соперники. Они и были соперники по жизни, два изгнанных из гимназий хулигана, два беглеца, фантазера, жутко похожие и непохожие друг на друга, два собутыльника и два ловца человеков, и девочка эта была нужна им, потому что служила источником вдохновения, в ней было нечто, будившее не мужскую похоть, но более сильную и властную — похоть творчества. Вот про это мне и захотелось написать. Каково быть тем, кто эту похоть испытывает, а каково — тем, кто ее вызывает. Кто и как за это платит, какой кровью оплачивается творчество, о чем когда-то очень точно написал Блок: «Они нас похваляют и поругивают, но тем пьют нашу художническую кровь. Они жиреют, мы спиваемся. Всякая шавочка способна превратиться в дракончика. <...> Это от них — так воняет в литературной среде, что надо бежать вон, без оглядки. Им — игрушки, а нам — слезки» (1913).² Вот про это роман по большому счету.

---

² См.: Блок А. А. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1962. Т. 7: Дневники: 1901–1921.

И был еще один исторический персонаж, без которого не могла обойтись эта история, потому что случилась тогда, когда опять же Блок написал: «Распутин — всё, Распутин — всюду».

...Я никогда не мог понять своего отношения к этому человеку. Он сыграл чудовищную роль в русской истории, он скомпрометировал русского царя, перессорил его со всеми, с кем только можно было перессорить — с армией, с Церковью, с Думой, с другими Романовыми; но когда от царя все побежали как черт от лаdana, он был один из немногих, кто сохранил ему верность и, в сущности, за него принял мученическую смерть.

Он был за Россию, как были за Россию и те, кто его убивали, и в этом раздразе сказалось что-то глубинно русское, но в роман пришел не Распутин — государственный деятель, с его плюсами или минусами, а человек, отец, муж, покровитель и защитник слабых. Я недодал ему тепла и понимания в биографии и попытался возместить это в романе. Кто-то из критиков написал, что Распутин получился лучше всех. Как знать... И вот когда всё это сложилось, тогда и появился персонаж, который дал название роману. О нем я узнал из молитвы, которую читают перед Святым Причащением: «да не <...> от мысленного волка звероуловлен буду».

Кто такой этот *мысленный волк* — можно гадать, но очевидно — нечто темное, злое, хищное. Он возникает в голове помимо нашей воли, и если мы начинаем его бояться, ему уступать, вступать с ним в разговор, даже с самыми благими намерениями, — он тотчас отгрызает кусочек человеческого естества и начинает нас контролировать. Это он стал причиной многих наших бед, на него охотился, но не сумел подстрелить его охотник Легкобытов, а вот кто сумеет подстрелить — так и осталось для меня загадкой.

Победил ли мысленный волк? Проиграл? Где ходит и кто на него охотится теперь — это всё оказалось за рамками романа и мне неизвестно. Мне известно другое: то, с чего началось и чем закончилось.

Но, пожалуй, даже не это главное. Или, точнее: не это первостепенное. А главное и изначальное — ощущение хрупкости, зыбкости, приближающегося распада, который первыми чувствовали природа и дети.

Природа мне вообще была очень важна — с нее всё начиналось, в ней жили, спасались, терялись и находились мои герои. Собственно, соотношение мутной культуры Серебряного века и возмущенной природы, их глубинный конфликт, вылившийся в революцию, были внутренним двигателем, своего рода дрожащей стрелочкой, указывающей путь. По отношению к природе вольно или невольно разделились герои романа: одни, для кого она была единственной возможной формой бытия, и другие, кто против нее восставал. Отсюда и кульминация романа — падение луны на землю, нечаянный выстрел, последовавший затем лесной по-

жар, молитва героини об огне, град с лягушками и ужами — всё это, предвосхищающее начало Первой мировой войны, — не условность, не абстракция, не фигура речи, а картина, некогда увиденная автором наяву так или почти так, как это описано в романе. Увиденная в другом месте и в другое время. Но это, правда, было — я видел падающую луну, я запомнил это зрелище на всю жизнь, и оно стало частью апокалиптической картины мира.

Природа и есть его суть, остальное — приложение к ней. И главная героиня, ее судьба, ее постепенный отход от природы, расставание, приводящее к трагедии, но в этом движении — и неизбежность, и трагизм человеческой жизни. Едва ли это изначально входило в замысел. Замыслом было рассказать, домыслить историю девочки, ровесницы века, про которую мне было известно совсем немного, но которая почему-то зацепила меня, ибо не по своей воле попала в жесточайший переплет, когда взрослые, умные дядьки, озабоченные судьбами мира, не смогли уберечь от беды доверчивую, неосторожную девочку, взявшую на себя их грехи.

АРХИВ

**«Исследования и объяснения
Даниилова “Паломника”
Оптиной пустыни иеромонаха Леонида»:
неизвестные страницы изучения «Хождения»
игумена Даниила***

В истории древнерусской литературы есть произведения, обладающие особым магнетизмом. Такие тексты на протяжении веков вызвали неослабевающий интерес у средневековых читателей и книжников, которые их копировали и редактировали, поэтому памятники эти дошли до наших дней в многочисленных списках. Исследование и издание таких произведений, начатые в XVIII—XIX вв., уже стали частью истории — истории науки, но при этом многие вопросы их *литературной истории* до сих пор остаются не разрешенными. К числу таких древнерусских памятников относится Хождение игумена Даниила — первое восточнославянское описание паломничества в Святую Землю. В настоящей работе мы обратимся к неизвестной странице изучения этого памятника, которая позволит не только увидеть Хождение глазами известных ученых середины XIX в., но и понять, как формировались магистралы его изучения, разрабатываемые современной наукой.

* * *

История изучения и издания Хождения игумена Даниила представлена именами известных отечественных ученых XIX—XX столетий: митрополита Евгения (Болховитинова) и Н. М. Карамзина, И. П. Сахарова, А. С. Норова, М. А. Ве-

---

* Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект «Хождение игумена Даниила в древнерусской книжности XV — пер. пол. XVI в. (исследование и тексты)», № 14-64-01001а.

невитинова и П. А. Заболотского, В. П. Адриановой-Перетц, М. Гардзани и др. Имя авторитетного исследователя древнерусской книжности, наместника Троице-Сергиевой лавры архимандрита Леонида (в миру Лев Александрович Кавелин), внесшего значительный вклад в изучение отечественной паломнической литературы, ранее с исследованием этого памятника XII в. не связывалось.¹ Однако в Российской национальной библиотеке, в фонде А. С. Норова, под № 859 сохранилась неопубликованная работа архимандрита Леонида, позволяющая не только включить его в число исследователей нашего древнейшего паломнического описания, но и иначе взглянуть на издание Хождения, осуществленное в 1864 г. А. С. Норовым по заказу Императорской Археографической комиссии, без которого не обходится изучение этого памятника и в наши дни.

Работа архимандрита Леонида (Кавелина) под названием «Исследования и объяснения Даниилова “Паломника” Оптиной пустыни иеромонаха Леонида» сохранилась в писарской копии в тетради размером in folio (36,5 × 26,5 см).² Прежде чем перейти к содержанию этого исследования и определению его места в изучении Хождения игумена Даниила, попытаемся реконструировать историю его появления, опираясь на переписку архимандрита Леонида с Авраамом Сергеевичем Норовым. Интересующие нас письма ученых-паломников хранятся в их личных фондах: в Отделе рукописей РГБ, ф. 148 (архив архимандрита Леонида (Кавелина)), находятся письма А. С. Норова, а письма настоятеля Троице-Сергиевой лавры — в фонде А. С. Норова, хранящемся в Российской национальной библиотеке (РНБ, ф. 531, № 427).

¹ Об этом свидетельствует библиография трудов архим. Леонида; см., к примеру: *Анатолий (Просвирнин), свящ.* Библиография трудов архимандрита Леонида (Кавелина). (1822–1891) // Богословские труды. М., 1972. Вып. 9. С. 220–240; см. также: *Дмитриевский А. А.* Очерк жизни и деятельности арх. Леонида Кавелина, третьего начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению православного Востока / Подгот. текста архим. Иннокентия (Просвирнина), игум. Сергия (Данкова); предисл. Н. Н. Лисового // Богословские труды. М., 2001. Вып. 36. С. 66–175.

² Само исследование занимает 22 листа по архивной фолиации; последний лист тетради пустой и не пронумерован. Текст написан на бумаге с овальным штемпелем «Плавской фабрики», использовавшимся в 1854 и 1856 гг. См.: *Клепиков С. А.* Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959. С. 107, № 151. Обложка выполнена из бумаги другого сорта со штемпелем Передельской фабрики Калужской губернии (литеры «ГГ» в фигурном прямоугольнике); см.: *Клепиков С. А.* Штемпели на бумаге русского и иностранного производства XIX–XX вв. (Дополнение к таблице, опубликованной в 1959 г.) // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С. 122, 129, № 110.

Сегодня можно только догадываться о причине, побудившей архим. Леонида обратиться к тексту Хождения игумена Даниила: разговор об этом памятнике появляется в переписке ученых за 1860 г. — то есть, в то время, когда будущий архимандрит был еще иеромонахом Козельской Введенской Оптиной пустыни, вернувшись из Иерусалима, где с 1857 по 1859 г. находился в составе Иерусалимской миссии,³ а потому «иерусалимская» тема была близка о. Леониду, в чем убеждает и тематика его исследований того времени.⁴ Тогда же по поручению Археографической комиссии А. С. Норов начал подготовку издания Хождения игумена Даниила.

Из переписки ученых можно сделать вывод, что архимандрит Леонид задумывал большую работу, предполагая не только издать с комментариями текст Хождения игумена Даниила, но и «переложить оное на русское наречие».⁵ В основу предполагавшейся публикации и осуществленного о. Леонидом перевода памятника был положен список Хождения из Оптиной пустыни, № 95, до того времени специалистам не известный: «Рукопись писана в лист малого формата, на лощеной бумаге разными руками, полууставом; в кожаном переплете. В Скитской библиотеке значится в отделении рукописей под № 95».⁶ Как следует из приписки, чита-

³ О. Леонид был посвящен в иеромонахи 29 октября 1857 г. Подробнее его биографию см.: *Никольский А. Леонид (Лев Александрович Кавелин) // Русский биографический словарь. СПб., 1914. <Т. 10>: Лабзина—Ляшенко. С. 196—206. Вероятно, поэтому при научно-техническом описании фонда № 531 автор, указанный на обложке научного труда, — «Оптиной пустыни иеромонах Леонид» — не был отождествлен с архим. Леонидом (Кавелиным).*

⁴ Напомним о том, что только в 1860 г. им были опубликованы такие работы, как «Отчет о мерах, принятых к улучшению быта русских православных поклонников в Палестине», «Место моления о Чаше близ Иерусалима», «Взгляд на исторические судьбы Св. града». В «Калужских епархиальных ведомостях» за 1862 г. изданы «Записки инока, уроженца Калуги, о его странствии в святой град Иерусалим из Москвы через Молдавию, Турцию и Египет в самом начале прошедшего столетия» — Хождение Иоанна Лукьянова.

⁵ *Леонид, архим. Письма Аврааму Сергеевичу Норову (РНБ, ф. 531 (А. С. Норов), № 427, л. 12. Здесь и далее используем архивную фолиацию).*

⁶ Там же, л. 20 об. Это описание Оптинского списка Хождения, выполненное о. Леонидом по просьбе А. С. Норова, положено в основу его первого палеографического описания, опубликованного в издании памятника, осуществленном Археографической комиссией (Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века / Под ред. А. С. Норова. СПб., 1864.

ющейся на обороте 1-го листа, в библиотеку «Оптинского скита св. Иоанна Предтечи Господня» рукопись поступила из келейной библиотеки иеросхимонаха Макария Оптинского — духовного наставника о. Леонида в монашеской жизни, умершего у него на руках в 1860 г.⁷ Знакомство с этой рукописью о. Леонида, вероятно, также могло спровоцировать его интерес к этому памятнику XII в., так как других списков Хождения в книжном собрании Оптиной пустыни не было. Таким образом, Оптинский список Хождения игумена Даниила стал известен в науке благодаря архим. Леониду. В архиве архимандрита сохранилась тетрадь с выполненной им копией этого списка и черновиком перевода памятника на русский язык (РГБ, ф. 148, к. 3, № 1, 38 л.).

Сообщение о. Леонида об Оптинском списке Хождения вызвало живой интерес к нему А. С. Норова, просившего прислать рукопись в Петербург: «Ваш список полезно бы было нам иметь для сличения с нашими; но не церемоньтесь, если Вам жаль с ним расстаться. Хотя это было бы недели на три, а наши ученые определили бы степень его древности. Впрочем, мы будем довольны и копией».⁸ Рукопись была отправлена в Петербург: о ее получении издатель сообщил в письме от 12 февраля 1861 г.,⁹ а 12 сентября этого же года она вернулась в Оптину пустынь.¹⁰

В том же 1861 г. А. С. Норов отправил о. Леониду «официальное отношение» с просьбой «сделать нам честь быть нашим сотрудником по Археографической комиссии».¹¹ На предложение А. С. Норова принять

С. VIII). Оптинский список при издании Хождения привлекался и М. А. Веневитиновым; см.: Житье и хоженье Даниила, Русьския земли игумена. 1106—1108 гг. СПб., 1883. С. XVII, № 19. (Православный Палестинский сборник. Вып. 3). Подробное палеографическое описание списка было опубликовано Н. В. Рузским; см.: *Русский Н. В.* Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Святую землю русского игумена Даниила в начале XII века // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1891. С. 41—42.

⁷ В память о своем духовном наставнике архим. Леонид составил его подробное жизнеописание: «Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца Оптинской пустыни иеросхимонаха Макария» (М., 1861).

⁸ РГБ, ф. 148 (архив архим. Леонида (Кавелина)), к. 8, № 34, л. 10 об.

⁹ Там же, л. 11.

¹⁰ *Леонид, архим.* Письма Аврааму Сергеевичу Норову (РНБ, ф. 531 (А. С. Норов), № 427, л. 44).

¹¹ Об этом А. С. Норов писал в письме от 30 января 1861 г.: «Я послал к Вам в мае официальное отношение с просьбой сделать нам честь быть нашим сотрудником по Археографической комиссии, которая с живейшею

участие в издании Хождения игумена Даниила о. Леонид отвечал: «Касательно же личного моего участия в издании Даниила: если позволят силы и обстоятельства, готов всеусердно во всякое время последовать Вашему приглашению; но повторяю, что воли и средств на исполнение желания не имею по известным уже Вам причинам, для всех нас вообще “неученых монахов” общим».¹²

В переписке ученых за 1861—1863 гг. значительное место занимает вопрос о выборе списка, по которому должна была осуществиться публикация текста Хождения, размышления о принципах и структуре будущего издания. А. С. Норов среди известных ему на то время «более 20 списков»¹³ предпочтение отдавал списку Второй редакции Хождения,¹⁴ включенному в июньский том Четврых Миней митрополита Макария, — «этот список оказывается самым лучшим».¹⁵ Его текст, как писал издатель о. Леониду, «совершенно сходен с Вашею <рукописью>»,¹⁶ поэтому иногда в письмах Норов называл его «Макарьевево-Оптинским текстом».¹⁷

По словам Авраама Сергеевича, с Археографической комиссией не-легко было согласовать выбор материала для издания. Его письмо о. Леониду от 2 марта 1863 г. интересно для истории классификации списков Хождения и выработки критериев их распределения по группам. Известные Норову и его команде списки были поделены на «четыре рода. 1. Полных и сходных между собою, как то: Макарьевский, Оптинский, Благовещенский, Софийский, Толстовский, Московского исторического

признательностью приняла Ваше обязательное предложение; нетерпеливо желаю забросать Вас вопросами, как Вам писал, по предмету игумена Даниила, но невольно должен отложить до первого свободного дня» (РГБ, ф. 148 (архив архим. Леонида (Кавелина)), к. 8, № 34, л. 9).

¹² Письмо от 1 мая 1862 г.: *Леонид, архим.* Письма Аврааму Сергеевичу Норову (РНБ, ф. 531 (А. С. Норов), № 427, л. 13—13 об.). Напомним о том, что в 1863 г. о. Леонид был избран членом-корреспондентом Императорской Археографической комиссии (*Анатолий (Просвирнин), свящ.* Библиография трудов архимандрита Леонида (Кавелина). С. 226).

¹³ Об этом см. в письме А. С. Норова от 4 января 1861 г. (РГБ, ф. 148 (архив архим. Леонида (Кавелина)), к. 8, № 34, л. 7).

¹⁴ Здесь и далее используется классификация списков Хождения, предложенная в работах М. А. Веневитинова и принятая современной наукой.

¹⁵ РГБ, ф. 148 (архив архим. Леонида (Кавелина)), к. 8, № 34, л. 10.

¹⁶ Там же, л. 14.

¹⁷ Там же, л. 36.

общества, Решеткинский и мой.¹⁸ 2. Румянцевский, Ундольский, Дубровский, Синодальный.¹⁹ 3. Кирилловский, сокращенный.²⁰ 4. Погодинский, сокращенный²¹». ²² Тексты этих групп, «т. е. два текста с взаимными вариантами и два текста сокращенные, не сходные между собою, и сверх этого Макарьевский основной», предполагалось опубликовать. А. С. Норова такой подход не устраивал, так как противоречил его взгляду на издание: «Я полагал печатать Макарьевский с вариантами сходных с ним текстов и с показанием из других текстов необходимых вставок, но я не мог побороть большинства. Итак, теперь начинают печатать Макарьево-

¹⁸ Речь идет о следующих списках Хождения (указываем их современные шифры): *Макариевский* — ГИМ, Синодальное собр., № 995; *Оптинский* — РГБ, ф. 214 (Рукописное собрание Оптиной пустыни), № 95; *Благовещенский* — список из собрания Братства св. Креста в Нижнем Новгороде (ранее Благовещенского), современное местонахождение которого не установлено; *Софийский* — РНБ, Софийское собр., № 1409; *Толстовский*: в издании А. С. Норова указано три списка под таким условным названием — РНБ, Q.IV.140, Q.XVII.73 и Q.XVII.76; судя по их текстуальным особенностям, имеется в виду первый из названных списков; *Московского исторического общества* — РГБ, ф. 205 (собр. ОИДР), № 189; *Решеткинский*: список был передан в собрание Археографической комиссии, № 148 (см.: Православный Палестинский сборник. Вып. 3. С. XVII); однако, учитывая его текстуальные особенности, описанные Норовым, среди известных списков Археографической комиссии, поступивших в БАН и другие архивохранилища, установить список памятника, о котором говорит Авраам Сергеевич, пока не удастся; Список «мой», т. е. Норовский: в собрании у Авраама Сергеевича было четыре списка Хождения — РНБ, О.XVII.22, О.XVII.23; РГБ, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 949; и список XVII в., который до сих пор «неизвестно где находится» (Православный Палестинский сборник. Вып. 3. С. XVII, XIX); все они передают памятник в полном объеме и описаны в издании 1864 г., а списки РНБ, О.XVII.22 и О.XVII.23 использованы при подведении разночтений (Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века. С. XIV).

¹⁹ *Румянцевский*: под таким условным обозначением в издании Норова упомянуты четыре списка: РГБ, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 90, 335, 359 и 419 (первый и последний из них датируются XIX в.). В данном случае, можно думать, речь идет об одном из «старших» списков памятника — № 335; *Ундольский* — РГБ, ф. 310 (собр. В. М. Ундольского), № 709; *Дубровский* — РНБ, F.IV.238; *Синодальный* — ГИМ, Синодальное собр., № 560 или 951 (Синод. 560 содержит Вторую редакцию памятника по классификации Веневитинова, а Синод. 951 воспроизводит текст с сокращениями (Православный Палестинский сборник. Вып. 3. С. XVI)). Исходя из этого, предполагаем, что А. С. Норов имел в виду список под номером 560.

²⁰ *Кирилловский, сокращенный* — РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086 (1475 г.).

²¹ *Погодинский, сокращенный* — РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1534.

²² РГБ, ф. 148 (архив архим. Леонида (Кавелина)), к. 8, № 34, л. 35 об.

Оптинский текст с нужными по моему усмотрению вставками из других текстов, так что это будет сводный текст, в котором будут показаны только вставки из других текстов, а не варианты».²³ Добавим, что этим издание текста Хождения игумена Даниила Археографической комиссией и ограничилось.

В одном из писем о. Леонида за 1863 г. ученый монах поделился своей концепцией издания памятника на основании текстуальных особенностей содержащих его списков, обратившись таким образом к аспекту исследования, который не оговаривался в его неопубликованной работе: «С удовольствием прочел я в письме Вашем известие о начале печатания Странника Даниилова и вполне разделяю Ваше мнение, что весьма достаточно было бы напечатать основной список с показаниями разностей в подстрочных примечаниях. Сокращенные редакции Даниилова Странника есть не что иное, как переделка настоящего нашими грамотеями XVII века, напечатать ее отдельно, пожалуй, еще и можно, но зачем печатать еще какую-то третью редакцию? Но уступаю по чувству христианского смирения мнению сочленов».²⁴

Здесь нужно отметить, что сокращенные списки Хождения игумена Даниила не воспринимались его первыми исследователями, к числу которых относится и архим. Леонид, как полноценный объект для исследования рукописной традиции памятника и к ее изучению практически не привлекались. Ситуацию несколько изменили исследования М. А. Веневитинова, который даже опубликовал текст одного из таких списков, но предложил в нем видеть лишь «образец особой отрасли словесности, именно — практическое руководство для паломников, т. е. путеводитель в Палестину».²⁵ Такой взгляд на сокращенные списки памятника разделяла позднее и В. П. Адрианова-Перетц.²⁶ Современное обращение к изучению таких списков позволяет не только видеть в них одну из разно-

²³ РГБ, ф. 148 (архив архим. Леонида (Кавелина)), к. 8, № 34, л. 36—36 об. В текст внесены исправления (выделены курсивом), так как в рукописи в начальной части приведенной цитаты нарушено согласование слов.

²⁴ *Леонид, архим.* Письма Аврааму Сергеевичу Норову (РНБ, ф. 531 (А. С. Норов), № 427, л. 20—20 об.).

²⁵ *Веневитинов М. А.* Путеводитель в Палестину XVI века // *Летопись занятий Археографической комиссии. 1876—1877 гг.* СПб., 1884. Вып. 7. С. 5 (в основу публикации положен список XVI в. из Софийского собрания РНБ, № 1453).

²⁶ *Адрианова-Перетц В. П.* Из истории русско-украинских литературных связей в XVII веке (Украинские переводы «Хождения» игумена Даниила и «Сказания Афродитиана») // *Исследования и материалы по древнерусской литературе.* М., 1961. С. 246—247.

видностей паломнического текста, но и иначе оценить их значение для изучения литературной истории Хождения игумена Даниила, так как обнаруживаемые в текстах сокращенных списков уникальные чтения чрезвычайно важны для реконструкции ее раннего этапа.

Весной 1862 г. работа о. Леонида с текстом Хождения была завершена, о чем он сообщил Аврааму Норову в сопровождавшем исследование письме от 1 мая: «Честь имею представить при сем Вам оконченный мною, при помощи Божией, труд по исследованию Даниилова Паломника и переложение оно на русское наречие, прося снисхождения к неизбежным ошибкам. Если оно и удостоится Вашего внимания, то должен буду отнести сие не столько к самому делу, сколько к Вашему снисхождению и отчасти к тому усердию, которым сопровождалось исполнение сего поручения».²⁷ Этот перевод Хождения на русский язык, осуществленный о. Леонидом, был первым в историографии памятника,²⁸ и А. С. Норов предполагал опубликовать его в приложении к древнерусскому тексту.²⁹ Но ближе к делу, по словам исследователя, «Комиссия решила печатать оригинал без перевода, подобно другим нашим изданиям»,³⁰ и, похоже, Авраам Сергеевич не очень противился этому решению, объясняя его так: «И в самом деле, нельзя отступать от принятого правила, иначе и летописцев должно б было переводить, хотя это было бы не худо, но это уже дело частных лиц, а не Комиссии».³¹

Характер проделанной архим. Леонидом работы отражен в названии его труда — «Исследования и объяснения...». Автор обратился здесь к вопросам, которые были актуальны не только для науки XIX в., но и продолжают интересовать исследователей XX столетия. Работа состоит из нескольких разделов.

В первом из них — «Игумен Даниил как автор Хождения в Св. Землю» — о. Леонид выразил свой взгляд на личность и происхождение игумена Даниила. Как и его предшественники, а затем и исследователи

²⁷ *Леонид, архим.* Письма Аврааму Сергеевичу Норову (РНБ, ф. 531 (А. С. Норов), № 427, л. 12).

²⁸ Перевод Хождения на современный русский язык, выполненный Г. М. Прохоровым, был опубликован только в 1978 г.: Хождение игумена Даниила / Подгот. текста, пер. и коммент. Г. М. Прохорова // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1978. С. 25–115.

²⁹ В письме от 10 мая 1861 г. А. С. Норов писал: «Я считаю, что Ваше переложение будет полезно приложить вслед за текстом» (РГБ, ф. 148 (архив архим. Леонида (Кавелина)), к. 8, № 34, л. 23 об.).

³⁰ Там же, л. 33 об.

³¹ Там же.

XX в., о. Леонид обращал внимание на сравнение русским паломником Иордана с рекой Сновью, «протекающей в Черниговской губернии»,³² и акцентировал внимание на именах черниговских князей, указанных в списке для поминовения, который, по мнению исследователя, «служит подтверждением догадки, что игумен Даниил был уроженец или житель Черниговской области» (л. 2).

Время паломничества Даниила — еще один вопрос, актуальный для науки XIX—XX вв., — определяется о. Леонидом как 1113—1114 гг. Напомним, что при издании Хождения Авраамом Сергеевичем Норовым паломничество русского игумена, вслед за учеными предшественниками, было датировано 1113—1115 гг.³³ А уже М. А. Веневитинов относил посещение нашим игуменом Святой Земли к 1106—1107 гг.³⁴

Затронул о. Леонид и вопрос о кругозоре автора нашего древнейшего паломнического описания, считая, что «Хождение служит неоспоримым доказательством, что Даниил знал основательно Св. Писание, церковные богослужебные и учительные книги, устав и чиноположения Православной церкви» (л. 4 об.). Наглядно этот тезис исследователя проиллюстрирован в разделе «Места из книг Св. Писания и богослужебных» (л. 18 об.—21), где приведены фрагменты из Хождения и соответствия к ним из Острожской Библии и богослужебных книг. Эту же работу для издания Хождения в «Православном Палестинском сборнике» позже проделал М. А. Веневитинов, составив «Указатель мест Священного Писания».³⁵ Однако Веневитинов анализировал текст так называемой Первой редакции памятника, а о. Леонид — Второй, к которой М. А. Веневити-

³² Речь идет о следующем чтении: «Всѣмъ же есть подобень Иорданъ къ рѣцѣ Сновѣстѣй, и въ ширѣ, и въ глубле и лукаво течеть и быстро велми, яко же Сновъ рѣка» (Житье и хоженье Данила, Русьскыя земли игумена. С. 45. (Православный Палестинский сборник. Вып. 3)).

³³ Эту гипотезу подверг критике М. А. Веневитинов; см.: Житье и хоженье Данила, Русьскыя земли игумена. 1106—1108 гг. / Под ред. М. А. Веневитинова. СПб., 1883. С. 149. (Православный Палестинский сборник. Вып. 9).

³⁴ Там же. С. 148—149. Время паломничества Даниила М. А. Веневитинов уточнил в послесловии к изданию текста, тогда как в предисловии и на титульном листе указаны 1106—1108 гг., принятые ученым вслед за Гагенмейером (Там же). По мнению современной исследовательницы Ю. П. Глушаковой, Даниил мог посетить Палестину в период с 1104 по 1107 г. (Глушакова Ю. П. О путешествии игумена Даниила в Палестину // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 79—87).

³⁵ Житье и хоженье Данила, Русьскыя земли игумена. С. 245—247. (Православный Палестинский сборник. Вып. 9).

тинов относил анализируемый архимандритом текст Оптинского списка. Таким образом, у современных исследователей памятника имеется возможность, пользуясь работами обоих ученых, оценить, насколько близки тексты наиболее распространенных в русской книжности редакций памятника в цитировании Библии и богослужебных текстов: в этом аспекте текст Хождения еще не изучался. Добавим, что новый этап в исследовании цитатного пласта Хождения задают труды современного итальянского слависта Марчелло Гардзанити, который на материале Первой редакции произведения анализирует роль библейских цитат в структуре и содержании Хождения.³⁶

Раздел исследования под заглавием «Объяснение слов» (л. 14–16 об.) посвящен так называемым «темным местам» текста. Необходимость толкования некоторых чтений памятника лежала на поверхности, так как еще лексикографы XIX в. признавались, что отдельные слова, использованные в произведении, не имеют аналогов в текстах других средневековых памятников. А если принять во внимание вариативность написания и прочтения таких мест текста книжниками и исследователями, то становится понятной полемика, развернувшаяся, к примеру, по поводу прилагательного «всямокачень» (вариант написания — «вся мокачень»). О. Леонид предложил «ему значение одномерный, равномерный» (л. 14 об.). Авраам Сергеевич признавался о. Леониду в том, что такая трактовка слова поставила его «в колебательное положение, но всё еще не убедила».³⁷ Очевидно, поэтому Норов продолжал думать над толкованием слова — и в сентябре 1862 г. писал о. Леониду: «Знаете ли, что я начинаю мириться с Вашим *мокажно*, хотя тут есть кое-что не совсем так, но всё-таки Ваше объяснение есть ближайшее. Увидим, что скажут наши ученые сочлены, когда откроется заседание».³⁸ Судя по изданию, «ученые сочлены» предложение о. Леонида отклонили, определив значение слова «всямокачень» как «не имеющее угловатостей, округленное, кругловидное». Но «колебательное положение» редактора в трактовке этого чтения нашло отражение в издании: хотя все примечания, как о том заявлял сам А. С. Норов, принадлежали ему, комментарий к слову «вся-

³⁶ См.: *Гардзанити М.*: 1) У истоков паломнической литературы Древней Руси: «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю // «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / Отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2007. С. 270–338; 2) Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М., 2014. С. 45–76.

³⁷ РГБ, ф. 148 (архив архим. Леонида (Кавелина)), к. 8, № 34, л. 9 об.

³⁸ Там же, л. 32–32 об. Подчеркивание в тексте принадлежит А. С. Норову.

мокачень» написал А. И. Тимофеев, который кратко привел и мнение по этому поводу о. Леонида,³⁹ подвергнув его критике.

Гипотезу А. И. Тимофеева раскритиковал уже М. А. Веневитинов, положивший немало сил на изучение и публикацию Хождения игумена Даниила, хотя свои упреки исследователь адресовал А. С. Норову.⁴⁰ Сам М. А. Веневитинов разделил предложение А. Н. Попова⁴¹ трактовать слово как «равномерно, равносторонне» и, опираясь на случаи его употребления Даниилом, интерпретировал «всямокачно» как «равномерное протяжение вдоль и поперек».⁴² Таким образом, трактовка этого слова архим. Леонидом, не получив в свое время признания, позже была сформулирована другими исследователями древнерусской книжности и, добавим, принята сегодня наукой.⁴³

Самым пространным в работе о. Леонида является раздел «Пояснительные примечания к Хождению Даниила» (л. 5—13). В нем комментируются реалии, содержащиеся в тексте памятника. В изложении материала автор следует за топографическим принципом описания игумена Даниила, комментируя текст по главам начиная с описания пути в Иерусалим от Константинополя. При этом автор не ограничился Оптиным списком памятника, бывшим у него в руках, но обращал внимание и на чтения других списков. Такой реальный комментарий к Хождению читатель впервые получил в примечаниях к нему в издании Археографической комиссии. Несомненно, эта часть неопубликованного труда о. Леонида наиболее органично смотрелась бы вместе с изданием текста памятника, на которое так рассчитывал исследователь, о чем прямо сообщал в своей работе: «Новое издание имеет существенную целью напомнить одним и познакомить других с одним из замечательнейших памятников нашей древней словесности XII века» (л. 5), — но этот абзац из его исследования был вычеркнут, очевидно, А. С. Норовым.

Обратил внимание о. Леонид и на апокрифические сюжеты, которыми так богато Хождение. Исследователь не только систематизировал их

³⁹ Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века. С. 23—24, примеч. 1.

⁴⁰ Подробнее см.: *Веневитинов М. А.* Заметки к истории Хождения Даниила игумена. III: Текст Макариевского I-го списка в издании А. С. Норова // ЖМНП. СПб., 1887. Январь. С. 55.

⁴¹ *Попов А. Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875. С. 401, примеч. 4.

⁴² Житье и хоженье Даниила, Русьскыя земли игумена. С. 234—235. (Православный Палестинский сборник. Вып. 9).

⁴³ См.: *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1976. Вып. 3. С. 163.

в разделе «Заметка о местах, заимствованных Даниилом из апокрифических книг» (л. 16 об.—17 об.), но и попытался установить возможные источники таких сведений. До сих пор в историографии первой попыткой прокомментировать неканонические сюжеты Хождения считаются примечания к изданию 1864 г. А. С. Норова. Системный анализ апокрифической легенды, включенной в памятник, и установление использованных источников были осуществлены в конце XIX в. П. Заболотским.⁴⁴ Необходимо особо отметить тот факт, что о. Леонид был одним из первых исследователей, обративших внимание на то, что ряд легендарных сюжетов, содержащихся в памятнике, как и ошибочное отождествление некоторых палестинских мест с библейскими событиями, вошли в Хождение со слов проводника русского игумена либо его попутчиков, как, к примеру, кипрское предание «О кресте, оставленном в Кипре царицей Еленой» (л. 8; см. также л. 4, 12 об.—13).⁴⁵ Это наблюдение было сделано о. Леонидом ранее, чем об этом написали А. Н. Веселовский и Н. Ф. Сумцов, постулирующие в своих работах влияние местной легенды на описания наших паломников.⁴⁶

В специальный раздел исследования о. Леонидом выделен анализ имен русских князей, записанных Даниилом для поминовения в лавре Св. Саввы, читающихся в конце текста и названных в работе исследователя «Послесловием» (л. 17 об.—18 об.): этот перечень ученые до сих пор считают важным как для выстраивания литературной истории памятника,⁴⁷

⁴⁴ Заболотский П. Легендарный и апокрифический элемент в Хождении иг. Даниила // Русский филологический вестник. 1899. № 1—2. С. 220—237; № 3—4. С. 237—273.

⁴⁵ Об этом же архим. Леонид прямо говорит в «Предисловии» к своему описанию Палестины: «...во время же поездок по окрестностям св. града и дальним святым местам, каковы Иордан и Галилея, я старался не столько следовать указанию западных писателей, сколько поверять драгоценные сказания нашего первого паломника “монаха Даниила” и имел приятный случай убедиться, что эти сказания, как заимствованные из самого вернейшего источника, “сказания мужа свята, ветха деньми и книжна вельми, жившаго въ Галилеи 40 лѣтъ и въ лаврѣ Св. Саввы 20 лѣтъ”, вполне согласны с преданиями греческими...» (Леонид (Кавелин), архим. Старый Иерусалим и его окрестности: Из записок инока-паломника. М., 1873. С. 2).

⁴⁶ Веселовский А. Н. К вопросу об образовании местных легенд в Палестине // ЖМНП. СПб., 1885. Май. С. 166—183; Сумцов Н. Ф. Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. Киев, 1888. С. 5.

⁴⁷ Одним из первых это отметил М. А. Веневитинов, показавший, что каждой редакции текста соответствует определенный список князей, который служит формальным указанием на принадлежность списка той или иной редакции (Житье и хоженье Даниила, Русьская земли игумена. С. VII—VIII. (Православный Палестинский сборник. Вып. 3)).

так и для характеристики самого игумена Даниила.⁴⁸ О. Леонид стал одним из первых исследователей, обративших внимание на то, что в своем списке Даниил назвал *живых* князей, а не умерших (л. 18 об.).⁴⁹ А. С. Норов, издавая Хождение, также писал об этом.⁵⁰ Возможно, что эту особенность текста он отметил благодаря присланной ему работе о. Леонида.⁵¹

Еще в одном разделе исследования, «О мерах, упоминаемых в Хождении Даниила» (л. 21—22 об.), систематизированы и прокомментированы единицы мер, использованные Даниилом в описании Святой Земли и ее архитектурных памятников. Таким образом, о. Леонид оценил Хождение и как источник метрологических данных.⁵²

Несколько слов нужно сказать об источниковой базе труда о. Леонида. Большинство исследований, словарей, изданий памятников, на которые он ссылается в своей работе, были в его личной библиотеке, о чем

⁴⁸ В. Л. Янин посвятил изучению списка князей, читающихся в Хождении игумена Даниила, специальную работу: «Считая Даниила выразителем идеи представительства за всю Русскую землю, мы точнее всего сможем изучить эту идею в его отношении к князьям. <...> Говоря о “Хождении”, обычно забывают, что оно создано в эпоху временной стабилизации феодального распада, что его автор был современником тяжелых междоусобных войн и последовавших за ними княжеских съездов, которые водворили относительный мир в Русской земле и княжеской семье, что в сознании Даниила княжеские имена не могли не ассоциироваться с вполне определенными историческими событиями и эпизодами» (*Янин В. Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 113—114.*)

⁴⁹ Если обратимся к историографии, то увидим, что еще И. П. Сахаров — предшественник архим. Леонида и А. С. Норова в изучении Хождения игумена Даниила — писал об этом: «... как этих князей поминали? За упокой или только за здоровье? Он об этом ничего не говорит, а упоминает только, что он служил литургию за живых и за мертвых» (*Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2, кн. 8. С. 3—4.*)

⁵⁰ Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века. С. 160.

⁵¹ В письме от 9 января 1863 г. Норов писал, что «составил самые полные примечания, которые сами по себе почти составляют книгу и, надеюсь, разьяснят почти все темные места нашего любезного паломника» (РГБ, ф. 148 (архив архим. Леонида (Кавелина)), к. 8, № 34, л. 34).

⁵² Описания средневековых паломников как источники по метрологии анализируются современной исследовательницей Е. И. Малето; см. соответствующий раздел в ее монографии: *Малето Е. И. Антология хождений русских путешественников XII—XV веков: Исследование. Тексты. Комментарии. М., 2005.*

свидетельствует сохранившаяся «Опись библиотеки архимандрита Леонида, бывшего наместника Свято-Троицкой Сергиевой лавры» (РГБ, ф. 304/II (собр. Троице-Сергиевой лавры, Дополнительная библиотека), № 361): это издания Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, осуществленные Археографической комиссией в серии «Полное собрание русских летописей»;⁵³ пятое издание «Пешеходца» Василия Григоровича-Барского, опубликованного В. Г. Рубаном,⁵⁴ «Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества»⁵⁵ и др. Из «Описи» видно, что архим. Леонид и позже продолжал следить за изучением Хождения игумена Даниила: в его библиотеке были и издание памятника М. А. Веневитинова, опубликованное в первых выпусках «Православного Палестинского сборника», и статьи этого исследователя, посвященные литературной истории Хождения.⁵⁶

* * *

Итак, сохранившееся среди бумаг А. С. Норова сочинение архим. Леонида, посвященное первому русскому паломническому тексту, представляет собой полноценное самостоятельное исследование, излагающее авторский взгляд на памятник и проблемы его изучения, а не подготовительные материалы к изданию Хождения игумена Даниила Археографической комиссией, как может показаться при беглом знакомстве с работой. Более того, некоторые высказывания о Леониде идут вразрез с мнением издателей Хождения 1864 г. и могут быть интересны для дальнейшей реконструкции его литературной истории. Обратим внимание, к примеру, на такой момент: рассматривая кипрскую легенду «О кресте, оставленном в Кипре царицею Еленой», о. Леонид склонялся к тому, что она архетипна для текста Хождения игумена Даниила и не является позднейшей вставкой переписчиков (л. 8), в то время как в издании 1864 г. высказано противоположное мнение — предание есть «вставка позднейшего переписчика».⁵⁷

⁵³ Опись библиотеки архимандрита Леонида, бывшего наместника Свято-Троицкой Сергиевой лавры (РГБ, ф. 304/II (собр. Троице-Сергиевой лавры, Дополнительная библиотека), № 361. С. 287).

⁵⁴ Там же. С. 24.

⁵⁵ Там же. С. 318.

⁵⁶ Там же. С. 248—249.

⁵⁷ Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века. С. 13, примеч. 2.

Наука, как и жизнь, как известно, не знает сослагательного наклонения, но рискнем предположить, что если бы в свое время работа о Леониде была опубликована, то исследование Хождения уже в XIX столетии могло продвинуться гораздо дальше. На момент написания этого сочинения в нем было немало нового и актуального материала для изучения и понимания этого важнейшего памятника Древней Руси. Сегодня некоторые гипотезы и мнения о Леониде, высказанные в начале 1860-х гг., либо стали хрестоматийными, либо могут быть скорректированы появившимися за прошедшее время исследованиями, опирающимися на большее количество списков памятника. Поэтому приходится сожалеть, что Аврааму Сергеевичу Норову не удалось сдержать обещания, данного им о Леониду в одном из его писем: «Все Ваши замечания будут буквально приведены при издании Даниила».⁵⁸ Однако, учитывая, что подготовка критического издания текста Хождения игумена Даниила с комментариями и реконструкция его литературной истории продолжают оставаться актуальными задачами современной науки, вновь обнаруженное исследование архим. Леонида (Кавелина) может оказаться полезным в этой работе и должно занять подобающее ему место в историографии этого памятника XII столетия.

* * *

Текст сочинения архим. Леонида публикуется по списку РНБ, ф. 531 (А. С. Норов), № 859. Издание осуществляется, как это и принято в отношении памятников XIX — начала XX в., по правилам новой орфографии с сохранением индивидуального стиля автора и всех особенностей его орфографии и пунктуации, кардинально не противоречащих современной норме. При публикации текста сохраняются его структурирование автором и подчеркивания. Примечания авторского текста пронумерованы римскими цифрами, выделены курсивом и помещены перед примечаниями публикатора, отмеченными арабскими цифрами. Комментарии библиографического характера в авторских примечаниях заключаются в квадратные скобки. Ссылки на библейские книги оформлены по современным нормам. При цитировании текста Хождения сохраняется орфография списка. Незначительная писцовая правка текста (восстановление пропущенных слов и словосочетаний) не оговаривается, но отмечены не восстановленные переписчиком пропуски и комментарии А. С. Норова.

⁵⁸ РГБ, ф. 148 (архив архим. Леонида (Кавелина)), к. 8, № 34, л. 2 об.

л. 1 **Исследования и объяснения Даниилова «Паломника»
Оптиной пустыни иеромонаха Леонида**

л. 2 **Игумен Даниил как автор Хождения в Св. Землю**

Сличение столь многих списков Даниилова Хождения,¹ находящихся в руках Археографической комиссии, не привело к открытию каких-либо новых данных касательно личности самого Паломника. На основании сделанного им в нескольких местах сравнения Иордана с рекою Сновь, протекающей в Черниговской губернии, можно догадываться, как заметил еще Карамзин, что почтенный игумен был уроженец или житель этой области.²

А если считать его жителем Черниговским, то отчего не заметить, что он мог быть игуменом одного из Черниговских монастырей, из которых в Даниилово время известны были два: 1) Успенский Елецкий, основанный черниговским князем Святославом Ярославичем на Болдиной горе с церковью во имя Успения Пресвятыя Богородицы по случаю явления в 1060 году на ели иконы Успения Божией Матери и 2) Ильинский Троицкий, построенный в 1069 году тем же князем в одной версте от Успенского близ пещеры, которую ископал себе здесь преподобный Антоний Печерский, когда находился в Чернигове.

То обстоятельство, что в числе русских князей, записанных Даниилом на поминование в лавре Св. Саввы, значутся (*так!*) три современных ему черниговских князя: Олег, Давид и Ярослав Святославичи, может также служить подтверждением догадки, что игумен Даниил был уроженец или житель Черниговской области.

л. 2 об. Время хождения Даниилова в Иерусалим опре//деляется весьма ясно его послесловием: «Ходиль есми тамо во княженье русское великаго

¹ В издании памятника Археографической комиссией был использован 31 список Хождения, хотя описано всего лишь шестнадцать, использованных для подведения разночтений, см.: Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века. С. VI—XIV.

² Это предположение историк высказал в своем труде «История государства Российского» (Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. 2. С. 114, примеч. 211). Справедливости ради заметим, что одним из первых обратил внимание на это сравнение игумена Даниила и его связь с Черниговской землей митр. Евгений (Болховитинов) в «Словаре историческом о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви» (впервые издан в 1818 г.). Материалы Словаря публиковались в журнале «Друг просвещения» за 1805—1806 гг. Подробнее историю изучения Хождения в XIX в. см.: Веневитинов М. А. Хождение игумена Даниила в Святую Землю в начале XII века // Летопись занятий Археографической комиссии. 1876—1877 г. СПб., 1884. Вып. 7. С. 16—41.

князя Святополка Изяславича, внука Ярослава Владимировича Киевского», — а следственно, между 1093 и 1113 годами.

Сверх этого Даниил в своем Хождении упоминает о событии, которое указывает еще определеннее, в каком именно году Даниил был в Иерусалиме. Это следование его до Тивериадского моря при войсках Иерусалимского короля князя Балдуина, отправлявшегося тогда в поход к Дамаску. А поход этот историк крестовых походов г<осподин> Мишо полагает около 1114 года. (См. «Историю Крестовых походов», соч. Мишо. Пер. Бутовского. С. Петербург, 1822 года. Т. 2. Стр. 63.)³

Мнение Н. М. Карамзина, что игумен Даниил мог быть одно и то же лицо с упоминаемым в летописях Юрьевским епископом Даниилом, имеет большое вероятие,⁴ рассмотрим его. Во 1-х). Упоминаемый летописцами епископ Юрьевской¹ поставлен в 1114 году 6 ноября,¹¹ то есть на

³ Исследователь ссылается на первое издание русского перевода труда известного французского историка Ж. Ф. Мишо: История крестовых походов, сочинение г. Мишо, члена Академии французской / Пер. с франц. нового изд., пополненного и испр., Ивана Бутовского. СПб., 1822—1836. Ч. 1—5.

⁴ Н. М. Карамзин предполагал, что после возвращения из Палестины, в 1114 г., Даниил был поставлен митрополитом Никифором I епископом г. Юрьева на р. Рось (Карамзин Н. История государства Российского. Т. 2. С. 114, примеч. 211). В современной науке это предположение разделяется некоторыми исследователями; см., к примеру: Поннэ А. В. Митрополиты Киевские и всея Руси (988—1305) // Шапов Я. Н. Государство и Церковь в Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 53. Однако А. С. Норов эту гипотезу Карамзина не принимал, так как считал, что игумен Даниил вернулся из паломничества в 1115 г., «после похода Балдуина на Дамаск, в княжение Владимира Мономаха» (Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века. С. V—VI).

¹ Юрьева или Св<ятого> Георгия на р. Роси, близ Киева (Кодин в расп. Епископии). Ист. Кар. Т. II, пр. 214. [Георгий Кодин — византийский писатель XV в. Очевидно, о Леониде ссылается на «Список епископий» (Notitiae episcoporum). В такого рода византийских памятниках с XI в. упоминаются и русские митрополии. См., к примеру, публикацию одного из «Списков епископий Константинопольской церкви», где назван «Св. Георгий на реке Рось»: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. М., 2010. Т. 2: Византийские источники / Сост. М. В. Бибиков. С. 251, № 144.8. Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. 2. С. 119, примеч. 214.]

¹¹ См. *Историю Рос. иерархии. Часть I, стр. 223.* [История российской иерархии, собранная бывшим Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием, что ныне епископ Пензенский и Саратовский. М., 1807. Ч. 1. О. Леонид пользовался либо этим, первым, изданием труда, либо вторым, вышедшим в 1822 г.]

второй год восшествия на киевский великокняжеский престол Владимира Мономаха, и тогда как игумен Даниил (если это одно и то же лицо) уже возвратился из Св. Земли, куда он ходил во княжение Святополка, скончавшегося 16 апреля 1113 года.

л. 3 Во 2-х). Муж с такими достоинствами, как Даниил, возвратясь в свое отечество, с описанием своего хождения по местам, дорогам и // всегда, а тем более в то время, сердцу всего русского народа, конечно, не мог остаться незамеченным таким великим князем, каков был благочестивый Владимир Мономах, и таким всероссийским митрополитом, каков был современный ему Никифор, известный своим просвещением и ревностью в делах Церкви. А по всему этому поставление игумена Даниила вскоре по его возвращении из Палестины может считаться более чем вероятным.

Заметим, что Юрьевской епископ Даниил в 1115 году участвовал в торжестве перенесения мощей св. страстотерпцев князей Бориса и Глеба в новый каменный храм, воздвигнутый благочестием Мономаха. Торжество это в Киевской летописи⁵ описано так: «Бысть соборъ великъ, сошедшюся народу съ всихъ странъ, митрополитъ Никифоръ съ всеми епископы: съ Феоктистомъ Черниговскимъ, съ Лазаремъ Переяславскимъ епископомъ, Никитою Бѣлгородскимъ и съ Данииломъ Юрьевскимъ». Данииль епископъ скончался, как упоминается в летописях, в 1122 году.

л. 3 об. Таким образом, принимая во внимание как данные, заключающиеся в самом Хождении Даниила, так и вышеупомянутое мнение Карамзина, можно вывести такое заключение, что Даниил отправился в Иерусалим весною в 1113 году (еще при жизни великого князя Святополка, скончавшегося 16 апреля этого года), пробыл в Иерусалиме 16-ть месяцев, и в том числе Пасху 1114 года, а по возвращении в отечество, сделавшись еще более известным по своему Хождению великому князю Владимиру Мономаху и митрополиту Никифору, 6-го ноября того же года был // посвящен в епископы Юрьеву, что на р. Роси (близ Киева).

Из того же Хождения Даниилова видно, что он был в Иерусалиме не один, а с дружиною. Говоря о опасном переходе от Фаворской горы до Назарета, Даниил упоминает и о числе своей дружины: «Сами одни только, 8 насъ человекъ, надѣющеса на Бога, безъ оружия проидохомъ и безъ пакости». В послесловии он называет некоторых из своих спутников и по именам: «Мнѣ же худому, — говорит он, — послухъ есть святой

⁵ Под «Киевской летописью» о. Леонид, очевидно, понимает «Повесть временных лет» и, судя по приведенной цитате, обращается к ее третьей редакции, дошедшей в составе Ипатьевской летописи. Текст опубликован Археографической комиссией: Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Археографическою комиссиею. СПб., 1843. Т. 2. С. 6.

Гробъ Господень и вся дружина моя, русские сынове, приключившиеся тогда и новгородци, и кияне: Седѣславъ Иванковичъ, Городиславъ Михайловичъ, Кашкича два и инии мнози...».⁶

Выражение «приключившиеся тогда» может, однако, вести к заключению, что Даниил говорит здесь не собственно о своей дружине, но о русских, случившихся одновременно с ним в Иерусалиме; хотя оно может также относиться и к тому обстоятельству, что поименованные люди приключились в храме во время схождения св. огня, а выражение «инии мнози» не оставляет сомнения, что действительно одновременно с Даниилом были в Иерусалиме русские поклонники и не принадлежавшие к его дружине (8 человек).

Но в том же самом Хождении есть место, которое показывает, что если не все, то некоторые из поименованных Даниилом лиц принадлежали именно к его дружине. Так, описывая «столпъ Давидовъ», Даниил говорит: «Блюдутъ его весьма и не дадять влѣсти въ онъ. Мнѣ же худому пригоди Богъ влѣсти въ столпъ святой, // и едва могохъ съ собою ввести единого отъ людей моихъ именемъ Седѣслава Иванковича, а иныхъ не пустиша никого же...». Изъ ссылки Даниила на этих лиц можно с вероятностью заключить, что эти новгородци и кияне были люди известные — «лучшие мужи» — и пользовавшиеся каким-либо общественным значением в своих областях. Впрочем, верность Данииловых сказаний о св. местах всего более обуславливается тем, что «пригоди ему Богъ, — как он сам говорит, — налѣсти въ лаврѣ Св. Саввы мужа стара деньми и книжна вельми, и духовна, и свята, живша въ Галилеи лѣтъ 30 и у Св. Саввы 20 лѣтъ, и тому мужеву святому вложи Богъ въ сердце любити ми вельми, худаго. И той ми указа добрѣ вся мѣста святая во Иерусалимѣ и по всей той земли поводи мя: и до Тавериадскаго моря, и до Фавора, и до Назарета, и до Хеврона, и до Иордана, и по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ поводи мя, потрудися со мною любве ради, и сказа ми о нихъ вся, отъ святыхъ книгъ испита добрѣ». Вот главный источник верности Данииловых сказаний. Кто только жил в Иерусалиме, тот знает, что иноки Саввинской обители и доселе остаются лучшими хранителями священных преданий о Св. Земле. Никто, например, не укажет Вам лучше св. мест и не расскажет с такою полнотою и благочестивым настроением духа преданий о древних палестинских обителях и о обитавших в них подвижниках, как современный нам ревнитель их подвигов, краса Восточного

л. 4

⁶ На это сообщение игумена Даниила о «дружине» обращали внимание не только исследователи его Хождения, но и переписчики. Так, в заглавии ряда поздних списков памятника читаем: «Хождение и видѣние священноинока игумена Даниила и иже с нимъ бывшихъ содружебниковъ во градѣ Иерусалимѣ» (РНБ, собр. А. А. Титова, № 2037, л. 102). Курсив мой. — И. Ф.

иночества, Саввинский старец авва Иоасаф⁷ — муж, во всем подобный тому, о котором с такою похвалою вспоминает // в своем Хождении игумен Даниил.

Игумен Даниил, как видно из его же Хождения, был муж разумный и для своего времени достаточно сведущий. Есть повод полагать, что он знал и греческий язык; к такому заключению всего более приводит нас его беседа наедине с ключарем Гроба Господня, а также и с проводником своим, Саввинским старцем, впрочем, сей последний мог быть и славянин (болгарин или серб), которых издревле и до самого XVII столетия было немало в монастырях палестинских, и в особенности в лавре Св. Саввы (Сербская башня в этой обители построена в 1612 году).

Кроме того, Хождение служит неоспоримым доказательством, что Даниил знал основательно Св. Писание, церковные богослужебные и учительные книги, Устав и чиноположение Православной церкви. Духовный же характер автора Хождения, его глубокое благочестие, сердечная вера и любовь к св. местам, придавшие ему «орлиную легкость» (как он сам признается) в хождении по св. местам, его богомудрое смирение и простота, снискавшие ему расположение и любовь иерусалимского князя Балдуина и греческого духовенства, его любознательность, заставлявшая не щадить своего «худаго добытка», лишь бы узнать всё, что можно, о св. местах, — всё это, характеризуя Даниила, придает особую цену его Хождению и достаточно объясняет нам, почему оно, несмотря на ежегодные странствия русских людей в Св. Землю, до позднейших времен (до XVII столетия) оставалось для русских паломников незаменимым руководством⁸ // как для посещения св. мест, так и для ознакомления с ними и, подобно Несторовой летописи,⁹ во многих списках разошлось по лицу всей земли Русской.

⁷ О. Леонид вспоминает о Иоасафа, современного ему настоятеля лавры Саввы Освященного, которого он называет «человеком Божиим», «скромным, тихим и целомудренным». Очерк жизни и подвижнической деятельности о. Иоасафа он поместил в своем труде: *Леонид (Кавелин), архим.* Лавра св. Саввы Освященного. С. 125—128 (отгиск из «Херсонских епархиальных ведомостей». 1867. № 23—24; 1868. № 5—10).

⁸ Это наблюдение принадлежит о. Леониду, так как у его предшественника, И. П. Сахарова, об этом ничего не говорится. Аргументировал это положение и подкрепил конкретными примерами из литературной истории Хождения М. А. Веневитинов; см.: *Веневитинов М. А.* Хождение игумена Даниила в Святую Землю в начале XII века. С. 77.

⁹ Сравнение Даниила с летописцем Нестором, принадлежащее И. П. Сахарову (см.: *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. С. 4), было очень распространено в XIX столетии. О. Леонид использовал его и в других своих трудах, называя игумена Даниила даже «Нестором наших паломников»; см.: *Леонид (Кавелин), архим.* Лавра св. Саввы Освященного. С. 1.

**Пояснительные
примечания к Хождению Даниила**

а) Сказание о пути в Иерусалим.

Начало этой главы в большей части списков заключает в себе неверность, как относительно смысла самой речи (происшедшую от перестановки слов), так и относительно показанных здесь расстояний. Правильнее же всех списков место это читается в 1-м Рум. списке:¹⁰ «Путь къ Иерусалиму отъ Царяграда по Лукоморью ийти 300 версть до Великаго моря, а до Петалы острова 100 версть. То есть первый островъ на Узкомъ морѣ... А отъ Петалы острова до Галлиполи 100 версть, отъ Галлиполи до Авида города 80 версть (по Благовещ. и в Решетк. — 50). А отъ Авида до Криты 20 версть...». Только принимая это чтение, выйдет верно в отдельных цифрах указанное вообще (сходное по всем спискам) расстояние пути от Царяграда по Узкому (Мраморному морю) до Великого моря (Средиземного), 300 верст. А именно:

От Царяграда до острова Петалы	100 верст
от Петалы до Галлиполя	100
от Галлиполя до Авида (Абидось, Дарданеллы)	80
от Авида до Криты (Ида)	20
Итого 300. //	

л. 5 об.

Принимая во внимание чтение других списков, где показано от Галлиполя до Авида 50 верст, надобно будет к этому расстоянию прибавить еще 30 верст от Криты до Неада (Тенедоса), первого острова на Великом море (Средиземном). Мы принимаем это последнее чтение как более соответствующее с действительным расстоянием между этими двумя пунктами.

Представляем здесь выверенную по всем спискам таблицу морских расстояний, упоминаемых игуменом Даниилом в его Хождении.¹¹

I. От Царяграда до Родоса 800 верст, а именно:

а) <u>От Царяграда до Великого моря 300 верст:</u>	
От Царяграда до острова Петалы	100 верст.
От Петалы до Галлиполя	100

¹⁰ Здесь и далее архим. Леонид использует условные названия списков, данные им одним из первых издателей Хождения, И. П. Сахаровым; см.: Сахаров И. П. Сказания русского народа. С. 36. Список Рум. 1 — РГБ, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 359.

¹¹ Важность впервые проведенной о. Леонидом работы демонстрирует одно из приложений к тексту Хождения игумена Даниила, сопровождающих издание его текста в «Православном Палестинском сборнике», где М. А. Веневитинов выстроил не только путь Даниила «от Царяграда до Иерусалима и обратно», но и всего паломничества русского игумена по Святой Земле (Житье и хождение Даниила, Русьская земля игумена. С. 249—254. (Православный Палестинский сборник. Вып. 9)).

От Галлиполя до Авида (Абидось, Дарданеллы)	50
От Авида до Криты (Ида)	20
От Криты до Неада (Тенедос)	30
Итого	300 <верст>

б) <u>От Тенедоса до Самоса</u>	300 верст
От Неада до Милитиа (Митилена)	100 верст
От Митилена до Хиоса	100
От Хиоса до Ефеса	60
От Ефеса до Самоса	40
Итого	300 <верст>
От Самоса до Родоса	200
Итого	800 от Царяграда до Родоса.

II. От Родоса до Яффы 800 верст, а именно:

с) <u>От Родоса до Кипра</u>	400 верст
От Родоса до Макрии (Накрина)	60 верст
От Макрии до Патера (Патары)	40
От Патера до Мир (Ликийских)	40
От Мир до Хелидонии	60
От Хелидонии до Кипра	200
Итого	400
д) От Кипра до Яффы	400
Итого	400

А всего пути от Царяграда до Яффы 1600 верст. 800 от Родоса до Яф-

л. 6 фы. //

- 1) Лукоморье, Узкое море — Мраморное море.
- 2) Великое море — Средиземное море.
- 3) Петала остров — Мармара.
- 4) Ираклий город — Эрекли.
- 5) Авид град — Абидос, Дарданеллы.
- 6) «Противу того града лежит св. Евфимий Новый»
Прим.: Память его празднуется Церковию 15 октября.
- 7) Крита — Ида.
- 8) Неада остров — Тенедос.
- 9) Анекодим мученик — Авудим, мученик Тенедосский, при Диоклитиане. Память его 15 июля.
- 10) Триода — ныне Кум-Калеси.
- 11) Милитиа остров — Митилен.
- 12) Георгий, митрополит Митиленский. Исповедник († 816). Память его апреля 7-го.

13) Хиа — Хиос.

14) Св. мученик Исидор. Память его 14 мая.¹²

15) Об этом упоминается и в Житии св. Иоанна Богослова, где сказано: «...во всякий же годъ изъ гроба его прахъ тонкий въ 8 день мѣсяца маия (т. е. на память его) являшеся и исцѣление болящимъ молитвами св. апостола Иоанна подаваше».¹³ См. в Четь<и>-Минеи под 26 ч<ислом> сентября.

16) Память св. апостола Тимофея января 22. В Житии его под сим числом сказано, что мощи его по повелению царя Константия, сына Константина Великого, были перенесены из Ефеса в Царьград и были положены в церкви Св. Апостолов.¹⁴

17) О мощах св. Марии Магдалины¹⁵ в Житии ее под 22 числом июля месяца пишется, что по // повелению царя Льва Премудрого были перенесены в Константинополь и положены в обители Св. Лазаря.

л. 6 об.

18) Кария остров — Никориа.

19) Нисара остров — Нисирос?

20) Телос <остров> — Пископия.

21) Харкия <остров> — Халки?

22) Макрия <остров> — Накрин.

23) Патер город — Патара.

б) О острове Кипре.¹⁶

1) Св. Епифаний, архиепископ Кипрский († 403). Память его мая 12-го.

¹² О. Леонид комментирует чтение: «А от Мелетинии до Ахия острова версть 100; и ту лежитъ святыи мученикъ Исидоръ» (Житье и хоженъе Данила, Русьскыя земли игумена. С. 6. (Православный Палестинский сборник. Вып. 3)).

¹³ Этот комментарий относится к сообщению Хождения: «И ту есть гробъ Иоанна Богословца, и исходить персть святаа изъ гроба того на память его, и взимають върнии чловѣци персть ту святую на исцѣление всякаго недуга» (Там же).

¹⁴ В Хождении при описании города Эфеса сказано: «...и святыи апостоль Тимофѣй, ученикъ святаго апостола Павла, въ ветскѣмъ гробѣ лежитъ» (Там же. С. 7).

¹⁵ См. об этом в Хождении при описании Эфеса: «...и гробъ Магдалины Марьи и глава ея» (Там же).

¹⁶ В разных редакциях памятника описание Кипра выделено в главу под соответствующим названием «О Кипрьскѣм островѣ». О. Леонид комментирует следующее сообщение Даниила: «А святыхъ въ немъ безъ числа лежитъ: и ту лежитъ святыи Епифание, и апостоль Варнава, и святыи Зинонь, и святыи Трифолие епископъ, и святыи Филагриос епископ, егоже крестиль апостоль Павелъ» (Там же. С. 10–11, примеч. 4).

2) Апостол Варнава из 70-ти. Память его 11 июня.

3) Св. Зинон; св<ятых> этого имени насчитывается более 12-ти, которого именно надобно разуместь здесь, из житий их не видно.¹⁷

4) «Фигриосъ епископъ» — Филагрий, епископ, ученик св. апостола Петра. Память его февраля 9-го дня.

5) «Ту есть гора высока зѣло, и на той горѣ св. Елена царица поставила крестъ кипарисенъ на прогнание бѣсовъ и всякому недугу на исцѣление и вложила въ оны честныи гвоздь Христовъ, и бывають на мѣстѣ томъ знаменія и чудеса многа, и донынѣ висить крестъ той на воздухѣ, ничимъ же не придержитя къ землѣ, но тако носимъ есть на воздухѣ. И ту азъ недостойный поклонихся святыни той чюдной и видѣхъ очима своима грѣшныма, благодатию же Божиею храними, сущею на мѣстѣ томъ, проходихомъ островъ той добрѣ». Чудесное сказание, заключающееся в сделанной нами выписке, особенно усиливается выражением

л. 7

«видѣхъ очима своима грѣшныма», а // между тем, никто из последующих паломников не подтверждает этого сказания, которое притом, очевидно, выходит из пределов вероятности. Остается предположить одно из двух: или что первоначальное сказание Даниила в этом месте изменено прибавкою того, что в нем есть невероятного, начиная со слов «и донынѣ висить крестъ той на воздухѣ...», или прибавкою надобно считать лишь слова «видѣхъ очима своима грѣшныма», которые действительно находятся не во всех списках. В последнем случае, очевидно, что Даниил принял это сказание на веру и внес его в свое Хождение по слуху от кого-либо из греков. Такое предположение тем более вероятно, что сказание это напоминает своим содержанием один из ответов епископа Нифонта на вопрошение Кирика (XIII века): «Прашахъ его, — пишет Кирик, — гдѣ есть крестъ честный? Тако повѣдають, рече намъ: яко не дошле Царяграда, егда обрѣтене, възнеслься на небеса, тако зовуть мѣсто то: Божие Вознесение, а на земли осталось подножие» (см. Историч<ескую> хрестом<атию> Буслаева, стр. 386).¹⁸

Неутомимый же и любознательный паломник наш Барский, посетивший двукратно Кипр и исходивший в 1731 году весь этот остров, что называется, вдоль и поперек, пишет, что в одном селении этого острова, именуемом Левкара, то есть Бѣляни, «еже проименовася сице отъ бѣлой

¹⁷ Г. М. Прохоров, комментируя это чтение Хождения игумена Даниила, предположил, что речь может идти либо о Зиноне пресвитере, «замученном в начале IV в., либо мученике Зиноне, ученике Иасона и Сосипатра, одном из 70 апостолов» (Хождение игумена Даниила / Подгот. текста, пер. и коммент. Г. М. Прохорова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4. С. 587).

¹⁸ Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861.

земли, обрѣтаются двѣ церкви лѣпозданны, съ главами, отъ нихъ же едина начальнѣйшая есть бѣльшая и краснѣйшая, въ честь и память святаго честнаго и животворящаго Креста Господня сооруженная, въ нейже обрѣтается // сокровище неоцѣненное, то есть великая часть отъ Животворящаго Древа, еже тамо дарова (якоже отъ преданія извѣстно есть) святая Елена, возвращающися отъ Иерусалима по обрѣтении Креста Христова, яже часть, повѣствуетъ, яко есть отъ подножия, идѣже пригвожденны быше пречистые нозѣ Господа нашего Иисуса Христа, и есть отсѣчена яко дска тонкая, мѣрою въ долготу и широту яко осьмая часть листа пиццей бумаги, идѣже двѣ дирицы малы суть отъ прободения гвозднаго во время распятія Христова; зрится же зѣло многолѣтное и престарѣлое древо и великое имать благоухание: тому убо и азъ поклонихся и лобызахъ грѣшными моими устами, и оттуда отъидохъ къ монастырю Св. Мины и паки вторицею поклонихся, возвращающися. То бо честное древо есть пригвожденно на единомъ великомъ крестѣ деревянномъ, иже есть весь сребромъ покровень; точию Животворящее древо есть непокровенно, ради лобызания человекомъ. Извѣстно же буди, яко предписанный крестъ всегда внутрь церкви стоитъ, да зрится, яко посредѣ его есть Честное Древо съ двумя дирицами гвоздными» (Барск<ий>. Пут<ешествие>. Ч. 1, стр. 411).¹⁹

л. 7 об.

Вероятно, первоначально этот крест находился на так называемой Крестной горе и впоследствии по какому-либо случаю перенесен в это селение.

Из сличения этой выписки с сказанием Даниила оказывается весьма ясно, что в сказаниях обоих наших паломников о кресте, оставленном в Кипре царицею Еленою, дело идет об одном и том же предмете, с тою лишь разницею, что, по сказанию Даниила, ца//рица Елена вложила в этот крест гвоздь, а по сказанию Барского, и частицу самого Животворящаго Древа. Свидетельство Барского, как ближайшего к нам по времени, утверждает нас в этой мысли, что Даниил упоминает о сем кресте лишь по слухам; слова же «видѣхъ своима очима грѣшными» есть или позднейшая вставка или, может быть, означают только то, что он видел Крестную гору (видную и с моря) издали, и мысленно, а не чувственно,

л. 8

¹⁹ «Пешеходец» Василия Григоровича Барского, Плаки Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествия к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году, им самим писанное, ныне же на иждивение его светлости князя Григория Александровича Потемкина для пользы общества изданное в свет, под смотрением Василия Григорьевича Рубана. СПб., 1778. В библиотеке о. Леонида было как пятое издание рубановского «Пешеходца» (1800 г.), так и издание Н. П. Барсукова (Странствования Василья Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. / Под ред. Н. Барсукова. СПб., 1885–1887. Ч. 1–4).

созерцал чудный крест, поверив на слово сказанию о нем кого-либо из туземцев, пльвших с ними на одном судне. Сличая же сказание Барского о кресте, оставленном в Кипре Еленю, с ответом Нифонта Кирику, касательно Креста Господня, можно, наверное, полагать, что это последнее сказание занесено к нам из Кипра и, как близкое по времени к Даниилову хождению, заимствовано (с небольшим изменением) из одного и того же источника, то есть основано на рассказе киприотов.

Легко могло стать, что Даниил, не выразумев ясно рассказа кого-либо из киприотов, перенес сказание «О вознесшемся на небо кресте» из прошедшего времени в настоящее и выразился, «что он и донынѣ виситъ на воздухѣ, ничѣмъ же придержится къ землѣ, но тако носимъ есть на воздухѣ», или же сам рассказывавший ему древнее предание своего острова перенес чудесную сторону его из области прошедшего в настоящее. Во всяком случае, повторение этого сказания во всех списках Даниила не дает нам права думать, что оно есть позднейшая вставка переписчиков. Такими вставками могут быть признаваемы лишь те места, которые есть в одном и не находятся вовсе // в других списках. Каковы, например, в этом сказании слова «видѣхъ очима своима грѣшными», которых в некоторых списках не имеется, а следовательно, их и можно почитать позднейшею вставкою.

л. 8 об.

в) О темьяне-гонфите и ладане темьяне.²⁰

Темьян-гонфит — не темьян ли готфин? Как это место и читается в двух списках Рум. 2 и Басов.²¹ Готфин, может быть, он назывался потому, что в древности покупали его преимущественно готфские купцы (из Испании).

«Ладанъ-темьянъ спадываетъ съ небеси яко роса». Следовательно, это тот сорт ладана, который и доселе известен в торговле под именем «росного ладана». Из торговой книги (1575 и 1610-го годов) видно, что в то время названия ладан и темьян имели в торговле разные значения. В означенной книге сказано: «Ладанъ желтой купятъ пудъ за 1 рубль 21 алтынъ и 4 деньги, а коли дорогъ, — за 7 рублей. Ладанъ бѣлой купятъ пудъ за 2 рубли, а коли дорогъ, — за 9 рублей».

²⁰ Во Второй редакции Хождения, текст которой по Оптинскому списку комментировал о. Леонид, описание ладана помещено в двух главах: «О темьянѣ гонфитѣ» и «О ладанѣ и темианѣ». Его комментарий к этой части Хождения и в наше время можно считать одним из самых развернутых и подробных.

²¹ Рум. 2: современный шифр — РГБ, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 335; Басовский список памятника (XVII в.), принадлежавший купцу Басову, был введен в научный оборот И. П. Сахаровым, который отмечал его сходство с Румянцевским списком (Сахаров И. П. Сказания русского народа. С. 9). Местонахождение этой рукописи до сих пор не установлено.

Примечание. В расходной книге 1584–1585 годов гривенка ладану оценена в 5 алтын и 5 денег (Допол. к акт. историч. Т. I. Стр. ...).²² Пуд ладану ценили тогда в 6 рублей.

Далее в торговой книге читаем: «Темьяну пудъ купятъ за 20 алтынъ, а коли дорогъ, — за 1 рубль. Темьянъ бываль фунтъ по 2 алтына, средняя цѣна по 3 алтына 2 деньги; а нынѣ де былъ 118 года фунтъ темьяну въ 20 алтынъ и въ 1 рубль, да и того мало живетъ» (см.: Записки Отделения Русской археологии. Т. I. Ст<атьа> «Торговая книга». Стр. 124).²³

Из этой выписки можно заключить, что в конце XVI и начале XVII столетия собственно ладаном (желтым и белым) называлось то, // что Даниил именует ладан-темьян, а темьяном то, что Даниил называет «темьянъ-гонфитъ». Отличие его от ладана состоит, между прочим, в цвете, ибо он назван у Даниила черным, и доселе его можно видеть в продаже на Иерусалимском базаре.

л. 9

г) О церкви (Св. Георгия).

Так как игумен Даниил в одной из последующих глав своего Хождения,²⁴ говоря о Лидде, прибавляет «нынѣ городокъ тотъ зовется Рамблия» (Рамля), то и надобно полагать, что в настоящей главе он описывает ту «великую» церковь, которую построил на гробе мученика Юстиниан. Развалины ее и поныне видны в городке, носящем имя Лидды, где, действительно, и был погребен св. Георгий, как пишется о сем в чудесах его (см. Четь<ю>-Минею под 23 <числом> апреля).²⁵

²² Имеется в виду издание: Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1.

²³ См.: [Сахаров И. П.] Торговая книга // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1851. Т. 1. С. 106–139.

²⁴ Имеется в виду глава, называемая во Второй редакции Хождения «О Рамѣ и о Емѣмаусѣ» (Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века. С. 152), а в Первой редакции — «О Лиддѣ» (Житие и хождение Даниила, Русьскія земли игумена. С. 86–87. (Православный Палестинский сборник. Вып. 3)).

²⁵ Можно думать, что о. Леонид воспользовался одним из многочисленных изданий «Книги житий святых» Димитрия Ростовского. В более странном виде свои размышления об этой главе Хождения игумена Даниила автор изложил в письме к А. С. Норову от 22 августа 1860 г.: «Дело идет о Рамле. “Ту есть, — пишет Даниил, — церковь св. Георгия, велика создана клѣтки. Ту и гробъ его бысть подъ олтаремъ, ту мученикъ Христовъ Георгий, и вода многи суть”. Современник Даниила греческий писатель Фока, посетивший св. места в 1185 году, определенно говорит, что в его время наибольший храм в Рамле был во имя великомученика Георгия, где находился

д) Святая Святых.

Из описания Даниилова видно, что в его время в ограде бывшего Соломонова храма была лишь одна Омарова мечеть, которую он и описывает довольно подробно под именем «Святая Святых», но тут же делает оговорку, что «ветхая церковь Святая Святыхъ разорена есть от поганныхъ, а сию церковь (т. е. описываемую им под именем Святая Святых) создалъ старѣйшина отъ срацынъ, именемъ Амиръ». Следовательно, древняя церковь Введения во храм (нынешняя мечеть Эль-Акса) выстроена или, точнее сказать, возобновлена уже после Даниилова путешествия крестоносцами, что, между прочим, подтверждает и форма латинского креста, приданная зодчим расположению этого храма.

е) О пути к Иордану.

л. 9 об. «И ту же есть гора Ермонъ у монастыря того // близъ, вдале яко 20 сажень на лѣвой странѣ тамо идучи».

Это песчаная гора Ермон малый, о которой упоминается в Псалмах Давидовых: «Помянухъ тя отъ страны Иордански и Ермониимски, отъ горы малыя» (Пс. 41: 7).^{III}

и гроб этого святого, украшенный мрамором. То же самое подтверждает и Анна Комнина и др. писатели позднейшие. Причем Фока приводит сказание, что в <нрзб.> время (то есть, во владение Палестины крестоносцев) один латинский епископ хотел открыть гроб, дабы убедиться, что точно здесь, а не в Лидде (видимо, смешения не было этих двух мест) почивают мощи св. Георгия. И когда по отделении мрамора открыли большую пещеру, то, спустившись в нее, были внезапно опалены изринувшимся из подземелья огнем: причем двое были наказаны смерти за свое любопытство. Место церкви, указываемое Даниилом и Фокою, надобно полагать, занимает главная мечеть. <...> Выражение Даниила «ту воды многа суть», вероятно, относится к подземному водохранилищу, покрытому сводами, опирающимся на 24-е арки, которых построение приписывают св. царице Елене, и называют его ее именем. Это водохранилище, вероятно, имело сообщение с обширным <...> водоемом, что лежит близ дороги до Иерусалима и Ремли, и весною бывает наполнено водою. Все это подтверждает сказание нашего игумена, что в древности Рамла была обильна водою» (РНБ, ф. 531 (А. С. Норов), № 427, л. 4—4 об.).

^{III} Из творений Иоанна Дамаскина видно, что под г. Ермоном, упоминаемого в Св. Писании, в его время разумели именно холм, прилегающий к р. Иордану. Так, в «Слове на Преображение Господне» сей житель Палестины пишет: «Возрадовался гора Фаворъ гасу Преображения, возрадовался и Ермонъ пѣгорокъ Иордану рѣцѣ, прилеглий гасу Крещения о пресладкомъ имени Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». См. «Слово на Преображение Господне» архимандрита Виленского Леонтия Карповига в Евъи 1615 г. [Казанье двое, одно на Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, другое на Успение Пречистое и Преблагословенное Владычицы наше Бо-

ж) Сказание о Иордане реке.²⁶

В этой главе Даниил сравнивает Иордан с рекою Сноюю. У нас известно две реки, носящие это имя: одна вытекает из Орловской губернии (там же, где Ока и Свапа), течет на юго-восток по Курской губернии и впадает в реку Тускарь в 15 верстах выше Курска.

Но Даниил разумеет, конечно, другую реку этого названия, гораздо большую, и потому более выдерживающую сравнение с Иорданом. Это река Сновь, течение которой ограничивается пределами одной Черниговской губернии: выходя из-под Стародуба, она впадает в Десну с правой стороны повыше Чернигова и течет действительно довольно лукаво, то есть, излучисто.

з) О лавре Св. Саввы.²⁷

1) «И ту есть св. Афродить»²⁸ — св. Афродисий, ученик преподобного Саввы Освященного, «столп воздержания», как он называется в Житии своего великого наставника (см. Житие преп. Саввы под 5 ч <ислом> декабря).

2) Св. Феодор, епископ Едесский. Память его 9 июля.

3) Пр. Иоанн Сихаст, что значит молчальник. Память его 3 декабря.

4) Монастырь Св. Евфимия.²⁹ По изысканиям греческих иноков на развалинах лавры Св. Евфимия ныне стоит монастырь турецких дер-

городицы и Присно Девы Марии, которое мел отец Леонтий Карпович, архимандрит монастыря общежитного братского виленского церкви Сошествия Святого и Животворящего Духа. В року 1615, месяца августа 6 и 15 дня, ведлуг старожитнаго в Никеи Духом Святым поставленного календара. — Евь: Тип. Братская, 1615.]

²⁶ Такое название главы, содержащей описание Иордана, как показывает А. С. Норов, характерно для списков Благовещенского, Решеткинського и Норовского I (Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века. С. 55, примеч. ж). В издании Археографической комиссии глава названа «О Ерданстѣй рѣцѣ» (Там же).

²⁷ Во Второй редакции описание лавры Св. Саввы читается под названием «О лаврѣ Феодосиевѣ и Савинѣ» (Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века. С. 68), в Первой редакции глава называется «О лаврѣ Святаго Савы» (Житие и хоженье Данила, Русьскыя земли игумена. С. 53. (Православный Палестинский сборник. Вып. 3)).

²⁸ Здесь и далее о. Леонид комментирует следующее сообщение игумена Даниила: «Ту же лежат мнози святы отци телеса яко живы: святыи Иоаннъ, епископъ Исихастъ ту лежить, святыи Иоаннъ Дамаскинъ ту лежит, и святыи Феодоръ Едесский ту лежить, и Михаилъ, сыновець его, Афродитианъ святыи ту лежит, и инии мнози святы ту лежат...» (Там же. С. 55).

²⁹ Этот комментарий относится к следующему фрагменту текста: «А от лавры Святаго Саввы на востокъ лицемъ за горою есть монастырь святаго Еуфимья, 3 верстъ вдалѣе от лавры; и ту лежить святыи Еуфимие и инии мнози святы отци ту лежать тѣлеса яко живи. И есть же монастырь той на

л. 10 ви//шей, называемый ими Неби-Муса, монастырь Моисея. Далее замечательно определение места монастыря Св. Феоктиста: «...подалѣ одѣла-но было городомъ, церковь же была вверху, и ту былъ монастырь Св. Феоктиста, нынѣ же все разорено отъ поганыхъ». А в нек<оторых> списках после слов «ту былъ монастырь Св. Феоктиста» прибавлено «подъ горою, на полдни лицъ отъ монастыря Евфимиева».³⁰

Совокупность этих указаний достаточно верно определяет местоположение монастыря Св. Феоктиста. Проезжая от Иордана в монастырь Св. Саввы весною 1859 года, мне случилось ночевать на месте, указываемом Даниилом, в пещере, которую Саввинские иноки называли...³¹

На вершине холма, где была церковь, разбросаны камни и поныне заметно основание древней постройки, отсюда видно Мертвое море. Пещера, находящаяся в этом холме, довольно широка, но не весьма длинна, устьем обращена к северу. Стены и верхний свод отделаны чрезвычайно ровно и крепко; внутри имеет покатость от севера к югу.

i) О Вифлееме.

«И ту есть близъ подѣ горою село Св. Саввы». Замечательно, что это самое место, на которое указывает Даниил, в недавнее время возвратилось в собственность Саввинской лавры, по-видимому, совершенно случайно. Настоятель лавры о. Архимандрит Иоасаф, известный своим благочестием во всей Палестине, приобрел место это покупкою у турок, вовсе не подозревая того, что он таким образом // возвращает лавре ее древнее достояние.

л. 10 об.

Посещая разведенные здесь старцем виноградники, я рассказал ему о замечании нашего паломника, что здесь в его время было «село Св. Саввы». О. Иоасаф принял это сказание близко к сердцу и с радостью повторял: «Да! Это св. Савва возвратил нам нашу древнюю собственность!»

и) О Раме.^{IV}

удолнѣ мѣстѣ, и горы суть около его каменя подаль. Манастирь же был градом одѣланъ и церкви же была добра вверху» (Там же. С. 57).

³⁰ Впервые это чтение было приведено в публикации текста Хождения И. П. Сахаровым (*Сахаров И. П. Сказания русского народа*. С. 21). Показано оно и в издании памятника А. С. Норовым (*Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века*. С. 70). Судя по рукописной традиции памятника, насколько она изучена на сегодняшний день, такое чтение присуще спискам так называемых Первой и Четвертой редакций, по классификации М. А. Веневитинова.

³¹ Слово не было прочитано переписчиком, что и было отмечено им многоточием.

^{IV} *О Раме же см. на стр. ... там же и о пути в Галелею, о верховьи Иордана и о месте Голиафове.*

«А отъ Рамы 4 версты до Еммауса... и есть за горою село то, тамо идучи къ Яффѣ отъ Иерусалима». Это указывает на Никополь. Согласно с Даниилом, указывают здесь же место Евангельского Эммауса и византийские историки.

«Въ Никополѣ Палестинскомѣ, прежде называвшемся Еммаусомѣ, есть источникъ, подающий исцѣление отъ всякихъ болѣзней людямъ и животнымъ; говорятъ, что въ этомъ источникѣ Господь и Богъ нашъ Иисусъ Христосъ послѣ путешествия омылъ свои пречистые ноги; но и этотъ источникъ нечестивый (Юлианъ) приказалъ завалить» (см. перевод Византийской летописи Феофана в Чтении Им. Общ. истории и др. Российскихъ 1858 года, кн. IV, стр. 36).³²

к) О Свете, как он сходит с неба ко Гробу Господню.

«Князь же ста на мѣстѣ своемъ, на десной странѣ у преграды великаго олтаря, противу восточныхъ дверей гроба».

Выше же, при описании церкви Воскресения, Даниил говорит: «...есть святая церковь та кругла образомъ, вся мокачна (равной меры) // въ длину и ширину 30 сажень. Есть же отъ дверей гроба до стѣны великаго олтаря сажень 12. И ту есть возлѣ стѣны за олтаремъ пупъ земной, создана же надъ нимъ камора... А отъ пупа земнаго до Распятия Господня и до Краниева мѣста (до Голгофы) 12 сажень».

л. 11

Для пояснения этого знающим нынешнее расположение церкви Воскресения Господня достаточно будет привести описание того же храма Воскресения, сделанное в конце XVII или в начале XVIII столетия Симеоном Симоновичем, архимандритом Иерусалимским (изд. в Вене в 1748 году; перевод см. в Путеш. Барского).³³

³² Летопись Феофана / Пер. с греч. В. И. Оболенского // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1858. Кн. 4. С. 1–80.

³³ Речь идет о путеводителе «Описание святого Божиго града Иерусалима», составленном архим. Симоном Симоновичем, иллюстрированном гравюрами Христофора Жефаровича. Этот путеводитель, переведенный на русский язык, в России XVIII–XIX вв. был одним из самых популярных описаний Святой Земли. О. Леонид ссылается на его текст по изданию «Пешеходца» Василия Григоровича-Барского, где Описание Симона Симоновича В. Г. Рубан поместил в приложении («Пешеходец» Василия Григоровича Барского, Плаки Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году... С. 775–786). Экземпляр издания 1857 г. этого путеводителя был и в библиотеке исследователя («Опись библиотеки архимандрита Леонида, бывшего наместника Свято-Троицкой Сергиевой лавры» (РГБ, ф. 304/II (собр. Троице-Сергиевой лавры, Дополнительная библиотека), № 361. С. 250, № 22)). Добавим, что о. Леонид ценил труд Василия Григоровича-Барского и даже сам выступил его издателем, опубликовав описание Афона; см.: Три древних сказания о Св. Горе

«Въ томъ храмѣ, — пишет он, — есть святая трапеза предъ дверьми соборнаго храма, и надъ нею висятъ 25-ть кандиль, такожде 37 сюду и сюду иматъ иконъ великихъ, и сверху имѣтъ и камору велику, яже есть написана мусиею златою, идѣже есть изображено Вознесение Христова и Благовещение Богородицы, и за трапезою суть врата церкви, и къ востоку стоупъ 25 есть мраморъ, и имѣтъ рупу (скважину), и тамо есть и среда церкви, и сверху виситъ полиелей серебрянъ» и т. д. следует описание внутренности храма Воскресения и его алтаря. Из этого отрывка видно, что так называемый великий алтарь существовал еще в начале XVIII века, что согласно и с местным преданием, которое говорит, что он уничтожен по проискам латинов в прошедшем столетии и находился в глубине арки на том месте, которое называется ныне католическими хорами.

л. 11 об.

Уничтожение сего престола с большою вероятностью можно отнести к последствиям Карловицкого мира 1699 года,³⁴ — как мне и сказывали греческие иноки храма Св<ятого> Гроба.³⁵

Вместе с уничтожением вышеупомянутой трапезы последовала уступка занимаемого ей места латинам, которое и донныне находится в их владении, называясь «хорами католиков».

«Яко начаша паремьи чести субботы великия, и на первой паремьи изыде епископъ со диякономъ изъ великаго алтаря...». По ходу рассказа, надобно полагать (как справедливо заметил автор «Истории св. града Иерусалима»),³⁶ что упоминаемый здесь епископ был латинский, ибо, во-первых, известно, что по занятии Иерусалима крестоносцами они немедленно избрали патриарха св. града из своего духовенства, а патриарх поставил епископов из своего клира во все главные занятые крестоносцами города, что и заставило православного патриарха и его епископов удалиться из Палестины. Вот почему и в торжестве схождения св. огня главным представителем православного духовенства, по описанию Даниила, является игумен лавры Св. Саввы, а если бы был тут кто-либо из православных епископов, то, конечно, Даниил не преминул бы упомя-

Афонской и краткое описание Св. Горы, составленное в первое посещение оной Василием Барским 1725—1726 г. М., 1882.

³⁴ Карловицкий мир — мирный договор, заключенный между Австрией, Речью Посполитой, Венецианской республикой и Османской империей 26 января 1699 г.

³⁵ Далее в рукописи оставлены пустыми шесть строк, очевидно, соответствующие фрагменту текста, не прочтенному переписчиком.

³⁶ Автор исследования ссылается на труд А. Н. Муравьева: История святого града Иерусалима от времен апостольских и до наших. СПб., 1844. Ч. 1—2.

нуть о сем. Но он // напротив определенно говорит, что игумен Св. Саввы со всеми черноризцами и православными священниками стал вверху над гробом; туда же, прибавляет он, пришли «и всѣ духовные мужи и черноризцы и пустынницы мнози, латине же въ велицѣмъ алтарѣ вешати начаша по-свойски...». И далее говорит: «...изыде епископъ со диакономъ изъ великаго олтаря». Сама последовательность речи показывает, что то был епископ латинский. Он же брал и возжигал свечу князя Балдуина от св. огня... Напротив, из того же рассказа видно, что эконоом и ключарь Св. Гроба были и тогда греки.

л. 12

Это особенно видно из того, что когда в самый день Светлого Христова Воскресения Даниил пришел в часовню Гроба Господня вместе с игуменом лавры Св. Саввы и его черноризцами, то эконоом и ключарь Гроба Господня с радостью поведали им, что во время схождения св. огня зажглись от одного только три кандила, стоявшие на самом святом Гробе (а кандила же те, как выше сказал Даниил, были два греческих и одно, поставленное им за всю Русскую землю), а из 5-ти латинских кандил, висевших над Гробом вверху, ни одно не зажглось тогда. Очевидно, что если бы эконоом и ключарь Гроба Господня были не греки, а латине, то они бы не стали повеждать этого обстоятельства греческому и русскому игуменам, да еще «съ радостію».

То же самое подтверждает и внимание, оказанное ключарем Гроба Господня игумену // Даниилу, простершееся до того, что он тайно подарил ему на память частицу от камня Св. Гроба.

л. 12 об.

л) О пути в Галилею.

«Отъ Вифлеема до кладезя Святыя Богородицы 20 версть, а отъ кладезя до Вельвуйскихъ горъ 4 версты; отъ тѣхъ горъ до кладязя Давидова 2 версты; а отъ того кладезя до пещеры Давидовой 4 версты ... оттуда до Сихемскихъ горъ 4 версты, идѣ же ровъ Иосифовъ, ... а оттуда до веси Иосифовой, называемой Сихарь, 10 версть».

Я не нахожу этого места испорченным какими-либо вставками. Даниил и здесь описывает виденное им на пути так, как было ему передано его проводником, и легко может быть, что и при ближайшей проверке и эти указания будут признаны столько же справедливыми, как и другие, казавшиеся сперва испорченными, в последствии.

Даниил начинает указание пути от Вифлеема... Легко могло статься, что Вифлеем действительно был назначен сборным пунктом отправлявшихся в поход войск. Кладезем Святой Богородицы, очевидно, называется источник в Эль-Бире (др. Махмас). А от Эль-Бира до Вифлеема, как мне сказывали проводники, действительно есть нижняя дорога, минуя Иерусалим, которой и доселе держутся вольнолюбивые бедуины, избе-

гая проезда через город, в котором неизбежна встреча с турецкими властями.

л. 13 Название гор, начинающихся за Эль-Биром, Велвуйскими произошло, очевидно, от неправильного приурочивания к этим горам убийства Саула и сына его Иоанафана; впрочем, в основном // списке Сахарова³⁷ здесь вместо Велвуйских стоит Иудейских гор, следовательно, наименование правильно, неправильно только отнесено к этой местности событие, совершившееся в ином месте (в окрестностях Фавора); Даниил же написал так, как было ему передано.

Кладезя Давидова и пещеры Давидовой, — или кладезя и пещеры, так названных Даниилу его проводником, надобно искать на пространстве между Эль-биром и Ханом-Лубэн, составляющим границу между областями Иудейскою и Самарийскою.

Упомянутая Даниилом пещера не есть ли та, которая находится ныне в области Силоэ, в скалах Эйн-харамие, что по переводу с арабского значит «источник разбойников»? Это название дает место предположению, что событие, соединенное с воспоминанием о пещере Давидовой, перешло, по преданию, к туземцам и к названию, преданному всей этой местности.

Ров Иосифов показывали Даниилу в горах Самарийских, может быть, это полуразрушенная и безводная цистерна, окруженная стеною, которая находится в горах неподалеку от Хана-Лубян.

Далее нынешний Наблуз Даниил называет безразлично: то правильно — град Самарийский, — то неправильно Самарию, а Самарию называет древним ее именем Севастополь.

м) О верхе Иордановом.

л. 13 об. «Иорданъ же рѣка пойдетъ изъ моря Тивериадскаго...». Изъ сличения этого места с дальнейшим описанием окрестностей Тивериадского моря легко усмотреть, что это тоже не ошибка // переписчиков. Даниил называет собственно Иорданом течение его между Тивериадским озером и Мертвым морем, а потому в главе «О верховьи Иордановомъ» начинается с того, что «Иорданъ рѣка пойдетъ изъ моря Тивериадскаго».

Далее, говоря о Капернауме, он выражается так: «...и ту, подъ тѣмъ селомъ, рѣка велика течеть, и та рѣка поиде изъ озера Генисаретскаго и входитъ рѣка та в море Тивериадское». Изъ этого места еще яснее видно, что

³⁷ Под «основным списком Сахарова» о. Леонид понимает список конца XVI в., принадлежавший И. П. Сахарову, по которому им опубликован текст Хождения (см.: Сахаров И. П. Путешествия русских людей. С. 10). В настоящее время это список ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 205/1745. Рукопись описана: Рузский Н. В. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Святую землю русского игумена Даниила... С. 81.

Даниил не считал Иорданом ту часть его, которая протекает между Гаулонитским (названным им неправильно Генисаретским) и Тивериадским озером, называя ее просто великою рекою и повторяя это же самое название и при отдельном описании Гаулонитского озера, которое снова именуется неправильно Генисаретским, говоря, что озеро то получило свое название от города Генисарета, возле которого есть другой город Декаполия, тогда как Декаполия — имя собирательное, означающее десятоградие.

н) О месте Голиафове и о мученицах.

«Оттолѣ вдалѣе, яко дострѣлить мужь, есть пещера, лежать мощи св. мучениковъ, избивенныхъ въ Иерусалимѣ въ царство Ираклиево, и зовется то мѣсто Агна-Мамила».

Агна-Мамила — испорченное Агиа-Вавила,^v то есть Св. Вавила,³⁸ действительно, местное предание говорит, что вправо от дороги в Крестный монастырь, в окрестностях нижнего водоема Гионского, был в древности монастырь Св. Вавилы, где были погребены кости христиан, умерших мученически в царство Ираклиево, когда св. град был взят и разорен Хазроем, царем Персидским, в 614 году. Тогда погибли многие тысячи // клириков, иноков и инокинь, под мечем персов опус<то>шены и сожжены были церкви и самый храм Св. Гроба, расхищены все св. сосуды, взято даже и честное древо креста. По ненависти к христианам иудеи откупили несколько тысяч пленных христиан у персов для того только, чтобы их умертвить, так что число всех погибших простиралось до 90 000. Подобного действия не испытывал Иерусалим со времени Римского разорения. Монастырь Св. Вавилы принял тогда же в свои разрушенные стены по-смертные останки невинных страдальцев. Теперь часть этой местности принадлежит нашему правительству, где и намереваются устроить кладбище для русских поклонников с часовнею во имя св. Вавилы.

л. 14

Объяснение слов

- 1) Мезга, мездра: тонкая кожаца под корою, которую во время голода жители Белорусских губерний скоблят и употребляют в пищу.

^v В рукописи на поле имеется приписка карандашом: «Испорчено, но не у Даниила, а латинцами. Это Mamilla».

³⁸ Читающийся далее фрагмент о монастыре Святого Вавилы вошел в записки о. Леонида о его поездках по Святой Земле; см.: *Леонид (Кавелин), архим.* Старый Иерусалим и его окрестности. С. 291.

- 2) «Ладна съ травою». Ладный, -ая, -ое, -нъ, -а, -о, пр<илагательное> — равный. Выражение «ладна съ травою» значит наравне, вровень с травою.³⁹
- 3) Клѣтки, наподобие клетки, квадратно, четверугольно.⁴⁰
- 4) Калики — странники, пришельцы. В др<евне>русских стихотвор<ениях> Кириши Данилова:⁴¹ «сорок калик со каликою», «калики перехожие».
- 5) Глубле, напр., глубиною, в глубину. «Глубле же есть 4 сажень», то есть в глубину имеет 4 сажени.
- 6) Въдалѣ и вдалѣ, напр., на расстоянии, в отдалении.
- 7) Болие и боле, напр., более, лучше.
- 8) Възвыше, напр., в вышину.
- 9) «Распятие же было на камени высоко, яко стражие възвыше».

л. 14 об.

По-моему мнению, можно прочесть двояко: или «выше чем стража», или, принимая // во внимание, что острожие означает крепость, твердь (см. это слово в Ц<ерковно>-с<лавянском> словаре Востокова),⁴² и древние русские выражения, заключающие в себе тот же смысл: стражище, стражба, сторожа, — можно перевести это место так — «в вышину сторо-

³⁹ Это чтение в Хождении встречается при описании ладана: «...по горамъ ту древца мала много и ниска, съ травой ладна, и на то падаетъ темианъ тьи добрыи» (курсив мой. — И. Ф.). Одно из значений наречия «ладно», фиксируемых «Словарем русского языка XI—XVII вв.», — равно, одинаково (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 160).

⁴⁰ М. А. Веневитинов указал одиннадцать случаев использования Даниилом этого слова (Житъе и хоженъе Данила, Русьскыя земли игумена. С. 237. (Православный Палестинский сборник. Вып. 9)). Исследователь полагал, что значение «наподобие клетки» не передает смысла слова «клѣтки» в тексте Даниила: «надобно полагать, что под этим выражением Даниил разумел, по всей вероятности, либо стрелчатые своды, либо особую форму фундамента» (Там же). «Словарь русского языка XI—XVII вв.» указывает для этого слова значение «прямоугольной формы» (применительно к постройкам) (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 167).

⁴¹ Кириша Данилов — предполагаемый составитель первого сборника русских былин, духовных стихов и других песен. Ко времени работы о. Леоида с Хождением игумена Даниила сборник был дважды опубликован: Древние русские стихотворения / Под ред. А. Ф. Якубовича. М., 1804; Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым и вторично изданные с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева / Под ред. К. Ф. Калайдовича. М., 1818.

⁴² Речь идет о словаре: Востоков А. Х. Словарь церковнославянского языка. СПб., 1858—1861. Т. 1—2.

жи» (сторожевого дома, башни или даже общее: кургана, сторожевого поста).⁴³

- 10) **Мокачень**, -а, -о, прил<лагательное>. Слово, которое для всех прежних исследователей Даниилова хождения (Сахаров, Востоков, Буслаев) осталось необъяснимым. Обращая внимание на то, что слово это во всех пяти местах, в которых оно употреблялось у Даниила, прилагается лишь к таким предметам, которые имеют равное протяжение (измерение) в длину и ширину, мы придаем ему значение *одномерный, равномерный*. На эту мысль навело меня печатное издание Даниилова Хождения г. Сахарова,⁴⁴ в котором слово *мокачень, -а, -о* везде соединено (—) чертой (тире) с последующим за ним определением длины и ширины предмета, которому оно служит прилагательным, чем, очевидно, почтенный археолог сделал намек, что, по его мнению, значение этого слова имеет прямую связь с последующим выражением.⁴⁵

⁴³ О. Леонид, как и А. С. Норов, комментировали испорченное чтение списка Хождения. В публикации М. А. Веневитинова текст читается так: «...есть же на камени высоко было яко стружия выше» (Православный Палестинский сборник. Вып. 3. С. 19). А. С. Норов считал, что это чтение указывает на «существовавшее в этом месте сторожевое место» (Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века. С. 31, примеч. 6). М. А. Веневитинов писал, что «Норов был введен в заблуждение опискою переписчика, так как здесь речь идет не о месте распятия, а о высоте его» (Житье и хоженье Данила, Русьскыя земли игумена. С. 242. (Православный Палестинский сборник. Вып. 9)). Это чтение из Хождения игумена Даниила составители «Словаря русского языка XI—XVII вв.» приводят в качестве примера в статье «Стружие — древко копья, копье» (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 2008. Вып. 28. С. 197).

⁴⁴ И. П. Сахаров издавал Хождение игумена Даниила четыре раза; помимо «Сказаний русского народа», это следующие издания: Путешествия русских людей в чужие земли / [Изд. 1-е]. СПб., 1837. С. 1—90; Изд. 2-е. СПб., 1837; Путешествие русских людей по Святой Земле. СПб., 1839. Ч. 1.

⁴⁵ Слово «мокачень» зафиксировано в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (СПб., 1902. Т. 2. Стб. 162), но имеет отсылку к лексеме «всьямокачьныи», употребленной Даниилом. Еще М. А. Веневитинов, издавая Хождение, предложил правописание прилагательного именно в такой форме (Житье и хоженье Данила, Русьскыя земли игумена. С. 234—235. (Православный Палестинский сборник. Вып. 9)). В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» форма «мокачен» не зафиксирована, при этом в статье «всьямокачень (всьямоокачень)» приведены два примера словоупотребления, и оба — из Хождения игумена Даниила (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1976. Вып. 3. С. 163).

11) Итак, придавая слову *мокаченъ* вышеозначенное значение *одномерный, -ая, равномерный, -ая*, места, в которых оно употреблено у Даниила, будут читаться так:

1) Печерка (Гроба Господня) мала, *вся мокачна* — четыре лакоть въ долину и ширину.

Пещера (Гроба Господня) *вся равномерна* — 4 локтя в длину и ширину.

2) Пещера (гроба Пр. Богородицы) «мужа възвышь, а въ ширину 4 лакти *вся мокачна...*». //

Пещера (гроба Богородицы) *вышиною* в рост человека и в ширину 4 локтя — *вся равномерна*. О длине здесь не сказано, но очевидно, что потому-то и употреблено вслед за определением ширины слово *мокачно*, чтобы показать, что длина равна ширине, как и есть в действительности.

3) «И есть церкви та Въскресение Господне кругла образомъ, *вся мокачна* — въ долину и ширину 30 сажень».

Та церковь Воскресения Господня круглообразна, *вся равномерна* — в длину и ширину 30 сажень.

4) «И есть церкви та (Святая Святыхъ) кругла образомъ, *вся мокачна* — десять сажень въпрекъ, и въ ширину и долину».

Церковь та (Святая Святыхъ) кругловидна *вся, равномерна*: имеет в поперечнике 10 сажень, в ширину и длину.

5) «Иерусалимъ же градъ ... . Твердь стѣнами, *весь мокаченъ* на 4 углы, крестнымъ образомъ созданъ».

Город (Иерусалим) *тверд стенами, весь равномерен* на 4 угла, создан крестообразно.

6) «Озеро же Генисаретское велико: 40 версть въ длину и ширину, *кругло езеро то есть и вся мокачно*».

Озеро (Гаулонитское) велико, *кругловидно, все равномерно*: имеет в длину и ширину 40 верст.

Для разыскания корня слова *мокаченъ* обратим внимание филологов на греческое слово *μῆκος, τό* — протяжение вообще, величина, откуда *ἰσο-μῆκος* — равномерный.^{VI} Может быть, Даниил составил свое *мокаченъ*, -а, -о из этого греческого слова, переделав его по русской привычке на свой лад. Но на это указываем лишь для соображений.

Некоторые производят слово *мокаченъ* от *Мокошь* (др<евне>славянского божка) в смысле *хороший, красивый*; против этого мы имеем сказать, //

^{VI} В рукописи на нижнем поле приписано рукой А. С. Норова: «ἰσομῆκος не значит равномерный, а равный в одну только длину, а равномерный по-гречески — ἰσομετρος».

- 1) что в Хождении Даниила понятие о красоте и качестве предметов везде выражено словами: дѣпо, красно, дивно, чудно; почему же в 6-ти только местах понадобилось употребить для выражения того же самого понятия особенное слово и притом именно в оценке таких предметов, которые имеют у себя один общий им отличительный признак: равное измерение в длину и ширину? Да и эти самые предметы тут же названы красными, дивными и чудными, следовательно, мокачень, -а, -о в смысле хорошего, красивого было бы лишь ненужным повторением. Другие читают это слово так: весьма окачень. *Окагенъ* же включает в себе понятие округлять, следовательно, говорят они, «весьма окачень» будет означать «весьма кругл, округлен». Но этому изъяснению противоречит то, что слово мокачень (как оно читается почти во всех списках) само в трех местах из шести, где оно употреблено Даниилом, следует непосредственно за выражением кругль, -а, -о. Так, говоря о церквах Воскресения Господня и Святая Святых, Даниил выражается: «...церковь та кругла образомъ, вся мокачна...», «озеро кругло есть, все мокачно». Стало быть, такое изъяснение слова *мокаген* вполне не применимо к трем из шести мест, где оно употреблено Даниилом. л. 15 об.
- 13) «Есть то мѣсто подольно, близъ истрины (истерны)...», «и до нынѣшняго дни знати ровъ той, яко изтурга^{VII} глубока, созданъ каменiemъ есть той ровъ твердо вельми». В обоих этих местах, полагаю, надобно читать систерна — слово, которое и нынешнии поклонники коверкают немилосердно: истерна, стерна и т. п.⁴⁶ //
- 14) Тутнати: у Памвы Берынды⁴⁷ слово тутно значит гром, Перун, следовательно, тутнати значит греметь («ходенемъ ходить»). л. 16

^{VII} Впрогем, истурга может быть потерянное слово: не от него ли произошел глагол исторгнуть в значении глубокого рва, ямы? [«Словарь русского языка XI—XVII вв.» под «истургой» понимает водоем, приводя то же чтение из Хождения, что и в работе о. Леонида (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1979. Вып. 6. С. 339).]

⁴⁶ М. А. Веневитинов, издавая Хождение игумена Даниила, привел еще больше вариантов передачи слова *истерна* (водоем) в списках памятника; см.: Житье и хоженье Данила, Русьскыя земли игумена. С. 237. (Православный Палестинский сборник. Вып. 9).

⁴⁷ Автор ссылается на труд известного лексикографа XVI в. П. Берынды «Лексикон славеноросский, альбо имен толкование» (Киев, 1627).

- 15) Болонье. В древнем русском языке болонье или оболонье значит луговое место, тянущееся вдоль реки, которое обыкновенно порастает лозником или, как, напр<имер>, киевское оболонье, бывает покрыто болотами или топями. В пояснение такого значения слова болонье приведем место из летописей. Так, под 1096 г. сказано: «И въ 20 (июня) того же мѣсяца въ пятокъ прииде второе Бонякъ безбожный, шелудивый, отай хищникъ Кыеву внезапно и мало во градъ не въѣхаша половцы, зажгоша болонье около града» (Лавр<ентьевская летопись>, 99).⁴⁸

«Выгнаннымъ же имъ (жителям) изъ города (Сандомира), посадиша татарове на болоньи, возлѣ Вислы, и сѣдоша два дни на болоньи» (Ипат<ьевская> летопись, 200). «Его вельможность отѣхалъ за двѣ версты на оболонье до перевозу надъ рѣкою Окою обѣдати» (см. журнал Ханенка Чт<ения в> Об<ществе истории и> др<евностей> рос<сийских> при Московском университете> 1858 г. Кн<ига> 1. «Смесь». Стр. 69).⁴⁹

Киевское оболонье представляет примыкающий к городу береговой луг с прекрасным сенокосом; но бóльшая часть его покрыта болотами и ивовыми кустарниками.

Сообразно этому и Иорданское болонье: в месте Крещения, позади развалин монастыря Св. Иоанна Предтечи, и отсюда вниз к наиболее доступному месту, где образуется летом брод в Аравию, — представляет луг, покрытый на довольное расстояние от берега, более или менее густою растительностью; густой тростник и тамарины у самой воды, а далее деревья разного сорта, обвитые ползучими растениями. У развалин же // монастыря Св. Иоанна Предтечи Иордан, оставив старое русло, уклонился далее к Аравийским горам, берег затоки (старое русло) густо порос кустарником и тростником; тут во-

л. 16 об.

⁴⁸ Лаврентьевскую летопись о. Леонид, скорее всего, цитировал по изданию: Полное собрание русских летописей. СПб., 1846. Т. 1.

⁴⁹ Диариуш, или Журнал, т. е. повседневные записки случающихся при дворе ясновельможного <...> пана Иоанна Скоропадского, войск Запорожских обеих сторон Днепра гетмана, оказий и церемоний, так же и в канцелярии войсковой отправуемых дел, наченный 1722 году и оконченный в том же году по преставлении и погребении помянутого гетмана в месяце июле, генерального хоружого Николая Даниловича Ханенко. С историческими сведениями о сочинителе О. Бодянского // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1858. Кн. 1. С. 1–74.

дятся дикие кабаны, а в самой затоке множество рыбы и водных птиц. Таким образом, место Крещения, описываемое Даниилом, ныне сделалось недоступным и для самых любознательных изыскателей. Мраморная лестница, ведущая к воде от бывшей монастырской церкви, занесена песком. Но еще целеет остов древней обители, нижний этаж ее, служа через столько столетий единственным памятником и указателем места вечно памятного события.

Заметка о местах,

заимствованных Даниилом из апокрифических книг

В хождении Даниила встречается несколько мест из апокрифических книг, а именно: из Лицевой Библии, которая, как из сего очевидно, была известна у нас с первых времен введения христианства и, вероятно, вместе с другими отреченными книгами перешла из Болгарии.

1) <В> Сказании о Вифлееме встречается место, заимствованное из апокрифического Евангелия Иакова: «А оттуда одна верста до мѣста, идѣже Святая Богородица ссѣла съ осляти, понуди бо ю Сущи во чревѣ ея, егда хотяше изыти...» (см. Апокрифическое Евангелие Иакова, переведенное на русское наречие в 1 № «Православного обозрения» на 1860 год, стр. 30).

Оттуда же взято и предание о месте, «идѣже Святая Богородица видѣ двои люди — одни плачущась, а другие смѣющись». Плачущие означают здесь иудеев, отвергнувших своего Спасителя, а смеющиеся — христиан, радующихся Его пришествию.

2) В главе о Назарете, говоря о кладезе, на коем построена православная церковь, Даниил рассказывает, что это место ознаменовано первым Благовещением Пресвятой Богородице от архангела. Это предание, вошедшее, впрочем, и в жизнеописание Пречистой Девы Марии, помещаемое в Четьи-Минеи, взято целиком из Лицевой Библии, рукописный экземпляр которой находится в Публичной библиотеке (№ 91, лист 306 на об.), (Гр. Толстого, I, № 24).⁵⁰

л. 17

⁵⁰ Можно предположить, что под «Лицевой Библией» о. Леонид понимает Полную Хронографическую Палею, два списка которой украшены миниатюрами; среди них — РНБ, F.I.310. В «Описании рукописей графа Толстого», на которое ссылается о. Леонид, под № 24 значатся «лицевые раскрашенные изображения из библейской истории и житий святых» XVII в. (см.: *Калайдович К., Строев П.* Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке <...> графа Федора Андреевича Толстого. М., 1825. С. 12). Даниэль Уо отождествляет названную рукопись с лицевым агиографическим сборником XVII в. РНБ, F.I.91 (см.: *Уо Д.* Славянские рукописи собрания Ф. А. Толстого: Материалы к истории собрания и указатели старых и новых шифров. Л., 1980. С. 12).

3) Место о Мельхиседеке в описании Фаворской горы и о его беседе с Авраамом, по всей вероятности, заимствовано из того же источника.

Что же касается до ссылок, встречаемых в Данииловом Хождении, на книги Св<ященного> Писания, то, мне кажется, они в приготовляемом издании должны быть оставлены неприкосновенными (кроме очевидных и грубых описок), а в ссылке показать отмену, как читается это место в Острожской <Библии> или другом древнем списке Библии.

4) О Раме.

«То область Вифлеемская».

Согласно с этим указывает место древней Рамы один из новейших паломников (ксендз Головинский):⁵¹ «...и за гробом (Рахили), по правой стороне, тянется ущелие, в котором видны развалины древней Рамы, так недалеко, что если бы кто ночью плакал здесь громко, там было // бы слышно; что припоминает нам исполнение пророчества Иеремии о избивении св. младенцев: “Гласъ въ Рамѣ слышенъ бысть, Рахиль плачущися чадъ своихъ и не хотяще утѣшится, яко не суть”».

л. 17 об.

Послесловие

В Послесловии Даниила упоминается несколько современных ему русских князей, которых он записал для поминовения о здравии (как покажет наше исследование) в лавре Св. Саввы. Имена эти в разных списках читаются различно, почему и необходимо исследовать, какие из них именно могли быть поминаемы Даниилом и какие прибавлены после или по ошибке переписчиков написаны неверно. Всех имен насчитывается 8-мь, а именно:

1) Святополк Изяславич; 2) Василий-Владимир; 3) Михаил-Олег; 4) Давид Всеславич (а по древ<ним> спис<кам> Святославич); 5) Панкратий-Ярослав Святославич (а у Карамз<ина>, кроме Ярослава Святославича, Панкратий-Святослав); 6) Феодор-Мстислав Владимирович (а по друг<им> — Андрей-Мстислав Всеволодович; 7) Борис Всеславич; 8) Глеб Мезенский (Минский).

Упоминаемые Даниилом князья оказываются все современные ему и друг другу. Так, еще под 1107 годом летописец говорит: «...совокупишася вся братья: Святополкъ, Володимеръ и Давидъ, и Олегъ, и Ярославъ на золотъчи...» (Нестор, 218). Итак, из 8-ми поименованных Даниилом князей здесь упоминается летописцем 5 как братья и современники.

⁵¹ Речь идет об описании паломничества Игнатия Головинского — католического епископа, духовного писателя и переводчика; см.: *Hołowiński I. Pielgrzymka do Ziemi Świętej. Wilno, 1842—1845*. Это сочинение числится и в «Описи библиотеки архимандрита Леониды, бывшего наместника Свято-Троицкой Сергиевой лавры» (РГБ, ф. 304/II (собр. Троице-Сергиевой лавры, Дополнительная библиотека), № 361, л. 258, № 78).

Вспомним вкратце о каждом в отдельности:

1) Святополк Изяславич (Михаил), всту//пил на великое княжение Киевское в 1093 году, а скончался 1113 году 16 апреля. Даниил сам говорит, что он «ходилъ въ Иерусалимъ въ княженъе русское великаго князя Святополка Изяславича, внука Ярослава Владимировича Киевскаго», а, стало быть, между 1093—1113 годами.

л. 18

2) Владимир (Василий) Мономах, бывший великим князем Киевским по смерти Святополка с 1113—1125 год, скончался в том же году.

3) Олег (Михаил) Святославич, князь Черниговский († 1115).

4) Давид Всеславич († 1129), брат Олега Святославича, князя Черниговского.

5) Ярослав Святославич († 1129), меньшей брат Олега и Давида Святославичей, княжил после них в Чернигове.

6) Мстислав (Феодор) Володимирович Великий († 1132), сын Владимира Мономаха, наследовавший отцу своему в великом княжении Киевском, а при великом князе Святополке княжил в Новгороде.

7) Борис († 1128) и 8) Глеб († 1119) Всеславичи, братья Давида, сыновья Всеслава, князя Полоцкого, врага племени Ярославова, скончавшегося в 1101 году. Из них Глеб княжил в Минске.^{VIII}

Примечание. У Карамзина сверх вышепоименованных князей значится еще Панкратий-Святослав, прозванный за свое благочестие Святошею, — сын // Давида Черниговского. Он в 1106 году сделался иноком Киево-Печерского монастыря, где и окончил жизнь в 1142 году в подвигах глубочайшего смирения.

л. 18 об.

По некоторым спискам вместо «Федоръ-Мстиславъ Володимировичъ» читается «Андрѣй-Мстиславъ Всеволодовичъ». Мстислав Всеволодович был сын Всеволода Давидовича, внука Игоревя и зятя Мономахова. Но Даниил не мог поминать сего князя, ибо он не был его современником.

Отец его, Всеволод Давидович, был лишь современником Великому князю Мстиславу, скончавшемуся в 1132 году. Мстислав Всеволодович († 1168), внук Мстислава Великого, тоже не мог быть современником Даниила.

Из всего этого оказывается, что Даниил записал на поминавание в лавре Св. Саввы лишь своих современников (и то главнейших), князей

^{VIII} Заметим порядок, которому следует Даниил в наименовании русских князей: 1) Святополк, *великий* к<нзъ> Киевский; 2) Владимир, *старейший* по нем из русских князей; 3) Олег, *старший* из рода князей Черниговских; 4) Давид, *старший* из князей Полоцких; 5) Ярослав Святославич, *второй* из княз<ей> Черниговских; 6) Мстислав Володимирович, *старший* сын Владимира (Мономаха); 7) Борис и 8) Глеб Всеславичи — князья Полоцкие, братья Давида.

Киевских, Черниговских и Полоцких, и притом очевидно, что все упоминаемые им князья (как находившиеся в 1113 году в живых) записаны для поминовения о здравии. А если бы он упомянул в своем хождении князей, помянутых им за упокой, то, конечно, पहले всего мы бы услышали имена Димитрия-Изяслава и Георгия-Ярослава, то есть отца и деда современного ему великого князя Киевского Святополка; Святослава, отца князей Черниговских: Олега, Давида, и Ярослава, и Всеслава, отца князей Полоцких Бориса и Глеба.

Места из книг Св. Писания и богослужебных

Се пядью моею измѣрихъ небо, а дланью землю (Исх. 20: 12).

О Распятии Господа.⁵²

л. 19 На то бо мѣсто притече скоро Св. Богородица, тщаше бо ся, текуще въ слѣдъ Христа, и глаголаше въ болѣзни сердца своего, слезящи: «Камо идиши, // чадо мое? Еда другий бракъ въ Кани Галилеи, да тамо ли тщашесь, Сыне мой и Боже мой, не молча мене отъиди, Сыне, рождающая тя? Дай же ми слово, рабъ Твоей.

Камо идиши, чадо? Чесо ради // скорое течение совершаеши? Еда другий бракъ паки есть въ Канѣ Галилейстѣй, и тамо нынѣ тщишися, (да отъ воды имъ вино сотвориши?) Иду ли съ Тобою, чадо, или паче пожду тебе? Дажь ми слово, Слове, не молча мимо иди мене чисту соблюдый мя: ты бо еси Сынъ и Богъ мой. (Икос в трипеснице утренней службы Великого пятка.)

Се лежитъ на падение и на возстание многимъ во Израили; тебѣ же самой оружие душу проидеть, сирѣчь, егда узришь Сына своего распинаема».

Се лежитъ сей на падение и на возстание многимъ во Израили и въ знамение пререкаемо. И тебѣ же самой душу пройдетъ оружие» (Лк. 2: 34—35), то есть: егда узрит Сына своего распинаема.

⁵² В таблице с левой стороны приведены фрагменты текста Хождения игумена Даниила, справа — соответствующие места из Священного Писания и богослужебных книг.

«Друзи жъ мои и ближнии мои, прямо мнѣ приближишась, и ближнии мои отдалеча меня сташа» (Пс. 37: 12—13).

«Чистъ есмь отъ крови сего праведника», и, бивъ Иисуса, предасть воиномъ, да распнуть Его.

Святая Святых.

Се лѣствица утверждена бяше на земли, ея жъ глава досязаше до небеси, и ангели Божии возхождаху и нисхождаху по ней, и Господь же утвержашеся на ней; // ту жъ убо брался Яковъ со ангеломъ. «И воста Иаковъ отъ сна и рече: Се мѣсто домъ Божий, и врата небесная суть».

О Вознесении Господнемъ, идѣже стоятъ нози Владычни.

Господи, ни овца согрѣши, но азъ согрѣшихъ.

О предании Христа Бога нашего.

Отче, аще возможно, да мимо идетъ чаша сия отъ Мене.

О горе Ермонской.

Что ти есть море, да побѣже, и ты, Иорданъ, и возвратися вспять?

О Иорданѣ.

Во Иорданѣ крещающу Ти ся, Господи.

Друзи мои и искреннии мои, прямо мнѣ приближишась и сташа. И ближнии мои отдалече мене сташа (Пс. 37: 12—13).

Неповиненъ есмь отъ крове праведнаго сего. Иисуса же, бивъ, предаде имъ (воинам), да Его пропнуть (Мф. 27: 24, 26).

И се лѣствица утверждена на земли, ея же глава досязаше до небесе, и ангели Божии восхождаху и нисхождаху по ней. Господь же утверждашеся на ней... // ... и воста Иаковъ отъ сна своего и рече: яко страшно мѣсто сие: нѣсть сие, ибо домъ Божий, и сия врата небесная» (Быт. 28: 12, 16—17).

л. 19 об.

Господи, не овцы согрѣшили, но я (пастырь их) согрѣшилъ (2 Цар. 24: 17).

Отче мой, аще возможно суть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сия (Мф. 26: 39).

Что ти есть море, яко побѣгло еси? И тебѣ, Иордане, яко возвратился еси вспять? (Пс. 113: 5).

Во Иорданѣ крещающуся Ти, Господи... (Тропарь Богоявления).

Обонъ полъ Иордана земля Завулоня и Нефалимля.

Земля Завулоня и земля Нефоалимля, путь моря обонъ полъ Иордана, Галилеа языкъ (Мф. 4: 15).

О Иерихоне.

И рече Иисусъ: «Нашъ ли еси, или супостатъ нашихъ?» И рече ему Михаилъ: «Азъ есмь Михаилъ Архистратигъ, воевода Божий, посланъ есмь на помощь Тебѣ. Дерзай и побѣждай враги Твоя». И прорече ему: «Мѣсто есть свято, на немъ же Ты стоишь. Изуй сапоги ногу Твоею». И паде Иисусъ на лице свое, поклонися ему.

И, приступивъ, Иисусъ рече ему: Нашъ ли еси, или отъ сопостатъ нашихъ? Онъ же рече ему: азъ Архистратигъ силы Господни, нынѣ приидохъ (сѣмо). И Иисусъ паде лицемъ своимъ на землю и поклонися ему, и рече: Господи, что повелѣваеши рабу твоему? И рече Архистратигъ Господень ко Иисусу: Изуй сапогъ съ ногу Твоею, мѣсто бо, на немже Ты стоиши, свято есть (Нав. 5: 13–15).

И рече ему: аще ли еси сынъ Божий, рцы каменью сему: да будетъ хлѣбъ. //

Аще Сынъ еси Божий, рцы каменю сему, да будетъ хлѣбъ (Лк. 4: 3). //

л. 20 О Сионе.

Господи! Кто есть (предаяй Тя?)

Господь, кто есть (предаяй Тя)? (Ин. 13: 25).

О Вифлееме.

И поятъ Исаака, сына своего, Авраамъ на жертву, и даде ему дрова понести и огонь. И рече Исаакъ: «Отче, се дрова и огонь, а овча гдѣ есть?» Авраамъ рече: «Чадю! Богъ покажетъ намъ овча!»

Рече Исаакъ: «Се огонь и дрова, гдѣ есть овча, еже во всесожжение?» Рече же Авраамъ: «Богъ узритъ себѣ овча во всесожжение, чадю!» (Быт. 22: 7–8).

О Хевроне.

Ты изсушилъ рѣки Ифамския, твой есть день и твоя есть ночь (Пс. 73: 15–16).

И ты, Вифлееме, земле Иудова, ничимъ же меньши еси во владыкахъ Иудовыхъ, изъ тебѣ бо изыдетъ вождь, иже упасетъ люди моя Израиля (Мих. 5: 2).

О Сугубой пещерѣ.

«Господи, не погуби праведнаго съ нечестивымъ, и да не будетъ пра-

«Погубиши ли праведнаго съ нечестивымъ, и будетъ праведникъ яко

ведный яко нечестивый въ пагубу: но аще, Господи, обрящещи въ Содомѣ 50 праведникъ, не погубиши ли всего града ради праведникъ? И рече Аврааму Господь: «Аще обрящу 50 праведникъ во градѣ, не погублю всего града». И умоли Авраамъ, не приложи глаголати ничтоже.

О Раме.

Гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть.

Горе тебѣ, Капернауме! Возвысишься до небеси и низпадеши до ада!

О горѣ Кармилъ.

Рече бо Илья: «Ревнуя, поревновахъ по Господѣ Бозѣ моемъ».

О граде Вассане.

И рекоше: достоить ли дань // дати или ни? Чий есть образъ? Христось рече имъ: Воздадите убо кесарева кесареви, а Божия Богови. И рече Христось, обратився къ Петрови: «Иди, ввержи удицу въ море, и южь прежь имѣши рыбу, разверзи уста ея, изми статирь и вдай за мя и за ся».

Помилуй ны, Сыне Давидовъ.

О Тивериадском море.

Ту жь рыбу ѣлъ по воскресении и Христось, егда прииде къ учени-

нечестивый? Аще будутъ пятьдесятъ праведницы во градѣ, погубиши ли я? Не пощадиши ли всего мѣста пятидесяти ради праведныхъ, аще будутъ в немъ?» Рече же Господь: «Аще будутъ въ Содомѣхъ 50 праведницы въ градѣ, оставлю весь градъ и все мѣсто ихъ ради...» (Быт. 18: 23—26).

Гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть (Мф. 2: 18).

И ты, Капернауме, иже до небесъ вознесыйся, до ада низведешися (Лк. 10: 15).

И рече Илья: ревнуя, поревновахъ по Господѣ (Бозѣ) Вседержителѣ (3 Цар. 19: 10).

И вопросиша его, глаголюще, достоить ли намъ кесареви дань даяти или ни? Рече къ нимъ: «Покажите ми цату: чий имать образъ и надписание?» // Отвѣщавше же, рекоша: «Кесаревъ». Онъ же рече имъ: «Воздадите убо яже кесарева кесареви и яже Божия Богови» (Лк. 20: 23—26).

«Шедъ на море, верзи удицу, и юже преже имеши рыбу, возми и отверзъ уста ей, обрящещи статирь: той вземъ, даждь имъ за мя и за ся» (Мф. 17: 27).

Помилуй ны, Господи, Сыне Давидовъ (Мф. 20: 31).

л. 20 об.

камъ, ловящимъ имъ, и рече имъ, ставъ при брезѣ: «Дѣти! Имате ли что снѣдно здѣ?» Они же рѣша ему: «Ни». И рече имъ Иисусъ: «Вверзите одесную корабля мрежа и обрящете».

«Они же, пришедше, обрѣтоша Иисуса, тамо ходяща, и рекоша ему: «Учителю, когда сѣмо прииде?» Онъ же рече имъ: «Отъ Бога вся возможна, а отъ чловѣка ничтоже возможно есть».

«Дѣти! Еда что снѣдно имате?» Отвѣщаша ему: «Ни». Онъ же рече имъ: «Вверзите мрежу одесную страну корабля и обрящете» (Ин. 21: 5—6).

И обрѣтше его обонъ полъ моря, рѣша ему: «Равви, когда здѣ бысть?» (Ин. 6: 25).

У чловѣка сия невозможно есть, у Бога же все возможна (Мф. 19: 26).

Ты еси иерей во вѣки, по чину Мельхиседекову [Евр. 7: 17].

л. 21

«Сила бо моя въ немощахъ свершается», — глаголетъ Павелъ // апостол.

Сила бо моя въ немощи совершается (2 Кор. 12: 9). //

Вѣрный бо въ малѣ и во мнозѣ вѣренъ есть [Лк. 16: 10].

Аще и во гробъ сниде, безсмертне.

Аще и во гробъ снизшелъ, еси безсмертне (Кондак).

О мерах, упоминаемых в Хождении Даниила

В Хождении встречаются несколько названий старых русских единиц мер и величины. Известно, что у нас доселе еще нет сколько-нибудь отчетливого описания их, и даже напротив укоренилось мнение, что они потеряны безвозвратно и навсегда.^{1X} Но скорее можно согласиться с мнением г. Сахарова, что мы лишь многое позабыли, много<го> не знаем, что и как было. Тот же почтенный археолог в своей «Записке для обозрения русских древностей» представляет краткое обозрение значения древних русских единиц меры и веса.⁵³

^{1X} В рукописи на поле имеется карандашная запись, сделанная рукой А. С. Норова: «Метрология Петрушевского». [Имеется в виду издание: Петрушевский Ф. И. Общая метрология. СПб., 1849.]

⁵³ Сахаров И. П. Записка для обозрения русских древностей. Ярославль, 1864. С. 59—68.

Из единиц мер Даниил упоминает кадь, говоря, что «жита много и добро рождается окрест Иерусалима; безъ дождя, но благословениемъ Божиимъ родится пшеница и ячмень изрядно: одну кадь съѣвши, паки возьмутъ ... кадей».

Известно, что в древности калями или бочками измеряли жидкие и сыпучие тела. В 1601 году во время голода «ржи четверть купиша тогда по 3 рубли и выше. И отъ того времени начаша на Москвѣ и во всѣхъ городахъ русскихъ всякое жито четвериками покупати, а четверикъ именуется осмая доля четверти, а четвертая доля осмины, тѣми же четвериками торговати и мѣряти навывоша. А прежняя мѣры, которыя именуемы четвертями, то четвертая доля бочки или кади, тоже и оковами зваху, оковаху бо по верху тоя кади желѣзнымъ обручемъ для того, чтобы нельзя ея урѣзати; а осмину именоваву осмую долю бочки» (Русск<ие> дост<опамятности>. Ч. 1, стр. 176).⁵⁴ Из летописей видно, что // в 1116 году кадь ржи продавали по 4 гривны, в 1168 году кадь ржи сто- л. 21 об.

Из единиц величины у Даниила встречаются поприща, версты, сажени, локти и пяди безразлично, по Сахарову:⁵⁵

а) Поприще — старая русская единица для измерения величин, известная с XII века. В одних списках наших летописей находим для измерения пространства версты, в других — поприща. Из сличений одинаковых мест видно, что древнее поприще равнялось версте.

В древних списках поприще полагалось в 750 сажень, но эти сажени были не аршинные, а локтевые.

Поприще делилось на стопы и стадии. Стоп в поприще считалось 3000, стадий — $7\frac{1}{2}$.

Верста: у Даниила встречаются версты двух наименований: просто версты и великие версты, а это подтверждает догадку археологов, что делимость версты на сажени была в древности различна; и именно двоякая: в 750 и в 1000 сажень, но не трех-аршинных, а трех-локтевых (аршин известен лишь с XIV века).

Следовательно, где Даниил упоминает просто версту, он разумеет так называемые семисотные версты, а где говорит о великой версте, он разумеет версту в 1000 сажень (трех локтей же).

Сажень. А как старая русская сажень, известная с XII века, состояла из трех локтей, равных двум нынешним аршинам, то из сего следует, что древняя семисотная (в 750 сажень) верста равняется нынешней в 500 сажень, а древняя верста в 1000 сажень равняется 666 сажень, // 1 аршину, $5\frac{1}{3}$ вершка нынешней. л. 22

⁵⁴ Русские достопамятности / Под ред. К. Ф. Калайдовича. М., 1815. Т. 1.

⁵⁵ Сахаров И. П. Записка для обозрения русских древностей. С. 66—68.

Локоть — также старая русская единица, известная с XI века. В Уставе ратных дел величина его положена в $10^2/7$ вершка, в циферной счетной мудрости в $10^2/3$ вершка. В трех локтях считали 2 аршина или 32 вершка.

Пядь — тоже древняя русская мера. Пядь составляла третью часть локтя, а четвертая часть ее составляет вершок (мера, которой, впрочем, в Данииловом Хождении не упоминается).

Кроме вышеуказанных определенных мер у Даниила встречаются измерения величин, не имеющие определенного значения, которые были в большом употреблении у наших предков. Так, для определения высоты зданий Даниил большей частью употребляет сравнения с человеческим ростом: «мужа взъвыше» или «малаго мужа взъвыше». Говоря о дубе Мамврийском, он выражается так: «...вѣтви жъ его близъ земли приклонились суть, яко можетъ, на земли стоя, мужъ досячи вѣтви его. Въ толщѣ жъ есть дву сажень — моею рукою измѣрихъ, около ей (мера обхватами), а голомя его (в вышину) до вѣтви полуторы сажени есть».

л. 22 об.

Расстояние измеряет нередко вержением камня, различая притом обыкновенный и малый: «яко мужъ довержетъ каменемъ малымъ» или просто «яко мужъ довержетъ каменемъ». Или встречаем стрелы: «...яко мужъ дострѣлить» или «яко добръ стрѣлецъ дострѣлить». Выстрелом же измеряет на глазомер и высоту гор, говоря об Елеонской горе, что «не можетъ стрѣлецъ стрѣлити на ню трижды» // (три раза), «но токмо до Отге нашъ толико можетъ въстрѣлити трижды отъ Гефсимании», а об Фаворской горе: высота ее такова, что с нее на юг добрый стрелок может выстрелить четыре раза, а если стрелять снизу на нее (то есть вверх), то «коли добрый стрѣлецъ, встрѣлится осмижды». Конечно, это надобно разуметь так, что стрелец, стреляя сверху вниз или снизу вверх, должен второй выстрел делать с того места, куда достиг первый.

Наконец заметим, что Даниил, говоря *такое-то место лежит на восток*, по народному обычаю, нередко различает восток (восход солнца) летний и зимний.⁵⁶

⁵⁶ То есть юго-восток и северо-восток; см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 3. С. 61.

Неизвестная статья В. В. Розанова (некролог князю С. Н. Трубецкому)

Публикуемая статья Василия Розанова, автограф которой обнаружен в Рукописном отделе Пушкинского Дома, интересна в нескольких отношениях.

Во-первых, она посвящена «выдающемуся историку и теоретику философии»,¹ публицисту и общественному деятелю князю Сергею Николаевичу Трубецкому (1862–1905), о котором Розанов, как считалось, специально не писал (в отличие от его младших братьев: родного Евгения и двоюродного Паоло),² хотя и неоднократно по разным поводам упоминал его имя в своих статьях — обычно уважительно, но нередко и в ироническом контексте. Ссылался на его труды, называя «знатоком еврейской литературы именно этой эпохи, когда слагалось учение о Логосе в среде палестинских и александрийских иудеев...»,³ или же в своей шутливо-сибаритской манере отказывался ссылаться: «Нужно бы посмотреть у С. Н. Трубецкого в “Метафизике древней Греции”, да лень».⁴

Во-вторых, некролог Трубецкому, скончавшемуся в разгар революционных событий (29 сентября 1905 г.), дал Розанову возможность с полной откровенностью высказаться как о сво-

---

¹ Розанов В. В. Собр. соч.: В 30 т. М.; СПб., 2008. Т. 24: В чаду войны. С. 218.

² См.: Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. М., 2008. Стб. 1015–1018.

³ Розанов В. В. Собр. соч.: В 30 т. М., 2002. Т. 14: Возрождающийся Египет. С. 390.

⁴ Розанов В. В. Собр. соч.: В 30 т. М., 1998. Т. 9: Сахарна. С. 37.

ем их восприятию в целом, так и, в частности, о трагизме положения честного, независимого от узкопартийных пристрастий деятеля, оказавшегося в центре социально-политического противоборства.

Наконец, метаисторический контекст отраженных в некрологе реалий, создаваемый прежде всего выразительными библейскими реминисценциями и античными аллюзиями, предвещает в Розанове будущего автора «Апокалипсиса наших дней», прозорливого нравственного судью событий Февраля 1917 года и Октябрьского переворота.

Взаимоотношения Розанова и С. Трубецкого, последователя и друга Вл. Соловьева, изначально оказались натянутыми, поскольку, вскоре после того как Розанов в начале 1890-х годов вступил на публицистическое поприще, он, как известно, начал довольно острую полемику с Соловьевым. Сказывалось и существенное различие в их политических позициях и эстетических взглядах. Трубецкой в статье «Чувствительный и хладнокровный» (1896) язвительно писал о «сладострастном импрессионизме» Розанова, «исполненного елеса и горчицы», о его «вакхическом восторге, безумстве, иступлении и кликах», в издевательски-ёрническом тоне критиковал его консервативные убеждения.⁵ Сам же Трубецкой был сторонником конституционной монархии, видным земским деятелем; как типичный представитель московской профессуры, был «либерален с переходом в радикализм»,⁶ за месяц до безвременной кончины стал первым выборным ректором Московского университета.

Розанов сдержанно реагировал на колкости своего оппонента. И в дальнейшем упоминал о нем почти исключительно в связи с развернувшейся после кончины К. Н. Леонтьева журнальной полемикой о славянофильской историософии, имея в виду статью Трубецкого «Разочарованный славянофил» (1892), — как о писателе, преждевременно «хоронившем» якобы «умирающее» учение Хомякова, Киреевских и Аксаковых.⁷ Позднее, в январе 1908 г., в статье «Автор “Балаганчика” о петербургских Религиозно-философских собраниях» Розанов оценивал Трубецкого и как православного мыслителя: «Религиозно-философские собрания делают дело большое: они поворачивают всё религиозное сознание от мертвой воды к живой, определенно зная, что она есть, определенно зная, где она... <...> Нельзя было раньше этого начать, ибо, напр., ни Владимиру Соловьеву, ни кн. Сергею Трубецкому, *несмотря на их, может быть, и бо-*

⁵ См.: *Трубецкой С. Н., кн. Собр. соч.: <В 6 т.>. М., 1907. Т. 1: Публицистические статьи. С. 251–261.*

⁶ *Розанов В. В. Собр. соч.: В 30 т. М., 2003. Т. 15: Русская государственность и общество. С. 168.*

⁷ См., например: *Розанов В. В. Собр. соч.: В 30 т. М., 1997. Т. 8: Когда начальство ушло... С. 495; М., 2001. Т. 13: Литературные изгнанники. С. 126.*

лее крупные таланты, чем у Мережковского или у Розанова, — однако, не было известно ничего о живой и мертвой воде, и они плыли еще в океане исключительно мертвой воды. Долго это объяснять — кто интересуется, пусть читает *вообще все труды* гг. Мережковского и Розанова, сравнивая их *по содержанию и тону* с трудами Владимира Соловьева, князей Сергея и Евгения Трубецких...».⁸

В публикуемом нами некрологе Розанов не только отдал должное Трубецкому как «автору лучших философских в нашей литературе трудов», «даровитому и деятельному ученому», но и отметил «прекрасную и благородную его личность». Особо же подчеркнул в нем смелость первопроходца, подвижника общественного делания, признанного «законным и надежным вождем»: «Он выступил за свободу (мысли, слова, учения) в те месяцы этих двух лет, когда для свободы было очень мало обещаний...».

Вместе с тем, отношение Розанова (как, впрочем, и Трубецкого) к вышедшим из-под спуда и вовсю бушевавшим стихиям революции, которые, по его выражению, «уже начали <...> мять бока», — вполне однозначно. Подобно тому как Александр Блок в 1918 г., Розанов уже в 1905-м услышал «музыку революции», что «могущественнее всякой речи, потому что это безмысленно, потому что это без разума и языка, потому что это музыка, т. е. стихия, власть и очарование».

Не избежал Розанов и «неудобной» для жанра некролога темы. Он с горечью говорит о манипулировании именем выдающегося деятеля: московский студент над могилой ораторствовал, утверждая, что Трубецкой умер «от невозможного, деспотического режима в нашей России», и его речь без какой-либо рефлексии воспроизводилась в газетах, захваченных эйфорией начала революционных событий.

Не исключено, что именно подобные высказывания Розанова объясняют, почему некролог не был в свое время опубликован, хотя синий редакторский карандаш в двух местах коснулся его текста. И действительно, на фоне всех других, весьма многочисленных, откликов на смерть князя Трубецкого розановский выглядит более чем необычно.⁹

Среди вероятных причин несостоявшейся публикации может быть и такая: Розанов написал статью для газеты «Новое время», где числился

⁸ Розанов В. В. Собр. соч.: В 30 т. М., 1995. Т. 4: О писательстве и писателях. С. 271.

⁹ Без малого полсотни поминальных статей и адресов собрано в книге: Князь Сергей Николаевич Трубецкой, первый борец за правду и свободу русского народа: В отзывах русской повременной печати, речах и воспоминаниях его последователей и почитателей / Собрал Энпе. СПб., 1905. (Далее сокращенно — Энпе.)

постоянным сотрудником, но издатель предпочел поместить статью другого своего автора, Александра Столыпина («Памяти человека и гражданина»),¹⁰ занимавшего в редакции привилегированное положение как младший брат премьер-министра и видный политик-«октябрист». Впрочем, статья Розанова и написана была, по крайней мере, двумя днями позже, чем некролог Столыпина: в ней описываются проводы тела в Москву, состоявшиеся 2 октября.

Поскольку рукопись статьи отложилась в фонде промышленника и мецената, основателя издательства «Скорпион» Сергея Александровича Полякова, резонно предположить, что Розанов передал свой некролог в выпускавшийся «Скорпионом» журнал «Весы», где он в тот период довольно активно печатался. Однако в сдвоенном сентябрьско-октябрьском номере «Весов» за 1905 год помещены сразу два некролога: «Смерть С. Н. Трубецкого» Сергея Соловьева и «Князь С. Н. Трубецкой» Андрея Белого. Третья поминальная статья, вероятно, была сочтена излишней.

Следует учесть и то, что как раз в период с 22 октября по 3 ноября проходили массовые забастовки книжных наборщиков, многие газеты (прежде всего московские) не выходили. И, значит, Розанову сложно было опубликовать свой некролог где-либо еще, несмотря на то что к тому времени он стал довольно востребованным и даже модным писателем.

Впрочем, Розанов отдавал себе отчет в том, что его взаимоотношения с журнальными редакциями складываются непросто. В неопубликованных письмах к В. С. Миролюбову, редактору-издателю иллюстрированного «Журнала для всех» (их можно датировать 1904 годом по упоминанию Розанова о том, что ему исполнилось 48 лет), он признавался: «...мне всегда было необыкновенно трудно проводить свои статьи через редакции, при значительной любви ко мне всех редакций. Теми или иными ушами души¹¹ я не сходилась то с одной, то с другой редакцией. Посему чуть не $\frac{1}{4}$ моих сил потрачена не на писание, а на *провождение* моих статей, и тут много натекло горя, внутренних слез — и смеха бы, если б я не разучился почти смеяться».¹² При этом Розанов предложил Миролюбову

---

¹⁰ Новое время. 1905. 30 сент. № 10625; перепеч.: Эппе, с. 87–88.

¹¹ *Уши души* — образ святоотеческой литературы. См., например, в «Сокровище духовном, от мира собираемом» (1779) святителя Тихона Задонского: «Через уши слышать — значит иметь уши души отверстие. Никакой пользы не приносят нам уши телесные, когда уши душевные затворены» (Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского: <В 5 т.>. Изд. 5-е. М., 1889. Т. 4. С. 57).

¹² РО ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 1005, л. 20–20 об.

«два больших фельетона, не прошедших в прошлую зиму в “Н<овом> вр<емени>” (редакторская цензура, редакция разделилась во взглядах: молодая требовала прохождения, старая — отказывала)».¹³

В следующем письме, отвечая на недоумение Миролюбова, Розанов уточнил, что дело не в личных симпатиях или антипатиях, а в независимости его литературной позиции: «Мне показалось, Вы думаете (в письме последнем), что я когда-нибудь что-нибудь *готовил* для “Нов<ого> вр<емени>”. Этого никогда не было ни в отношении ни к какому журналу, и мне бороться, трудиться, уговаривать и пр. приходилось только потому, что мой матерьял оказывался не отвечающим задачам того журнала, куда я приносил статью, т<ак> ч<то> приходилось еще в другое место ходить, объяснять и проч., что меня к 48 год<ам> измучило. Еще скажу Вам, чтобы быть *прозрачным* для Вас, что к *их* собственным, редакционным целям я всегда был глубоко равнодушен, *всегда и во всех направлениях журналах*. Это — не по высокомерию, а потому, что мне просто некогда вникать в те другие цели, когда у меня до излишества много своих. Но людей я любил или нет — это уж лично, это совсем другой вопрос».¹⁴

Эти впервые вводимые в научный оборот эпистолярные материалы, как и некролог князю Трубецкому, лишний раз свидетельствуют о высоте нравственного облика большого писателя, следовавшего в своем творчестве стержневой традиции русской культуры.

Текст статьи Розанова печатается по автографу: РО ИРЛИ, ф. 240, оп. 2, ед. хр. 140, л. 1, 2. При публикации пунктуация была отчасти приближена к современным нормам.

Памяти кн. С. Н. Трубецкого

Сколько непредвиденно-случайного, рокового видела Россия за эти два года!¹⁵ Могучая Судьба захватила нас железными клещами и влечет — куда? — никто, кроме Судьбы, не знает. Что-то невольное, еще вчера никем не предугадываемое и уже сегодня могучее, легшее на чашку весов, где весится наш жребий, и потянувшее ее необоримо, всё книзу.

Смерть кн. С. Н. Трубецкого, автора лучших философских в нашей литературе трудов: «Метафизика в древней Греции» и «Учение о Лого-

¹³ РО ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 1005, л. 20 об.

¹⁴ Там же, л. 17.

¹⁵ Имеются в виду события Русско-японской войны (1904—1905) и первого года революции 1905—1907 гг.

се»,¹⁶ — даровитого и деятельного ученого, в последние два года выступившего смело, разумно и успешно на поприще гражданского служения сперва словом, а потом и делом,¹⁷ принадлежит к числу таких роковых, непредвиденных и очень значительных событий. Опять черный флаг над русским кораблем, — как это было у афинян, посылавших жертвы на о. Крит¹⁸ чудовищному Минотавру.¹⁹ Значение Трубецкого заключалось в том, что в наши дни, когда трудно быть даже услышанным,²⁰ обратиться к себе взор и, наконец, страшно трудно получить авторитет, вес, внимательных и отзывающихся слушателей, — он получил всё это. Он выступил за свободу (мысли, слова, учения) в те месяцы этих двух лет, когда для свободы было очень мало обещаний; поэтому, когда большими аршинами и торопливо начали отмеривать обществу²¹ эту свободу²² и, наконец, — выбрасывать ее, как бросают балласт с падающего аэростата, — общество с понятным чувством доверия и уважения обернулось к нему

¹⁶ Названы книги, представляющие собой, соответственно, магистерскую и докторскую диссертации Сергея Трубецкого: *Трубецкой С. Н., кн. 1) Метафизика в древней Греции. М., 1890. VIII, 510 с.; 2) Учение о Логосе в его истории: Филос.-ист. исследование. М., 1900. Т. 1. [4], 463 с. (Отт. из «Учен. зап. Моск. ун-та. Отд. ист.-филол.». 1900; Вып. 27).*

¹⁷ Речь идет о выступлениях Трубецкого в печати по земскому и, особенно, университетскому вопросам в связи со студенческими беспорядками, где он последовательно проводил идею неуместности всякой, даже самой благонамеренной, политической проповеди с кафедры, а также о практической деятельности Трубецкого в качестве земского гласного, профессора Московского университета и в последний месяц жизни — его ректора.

¹⁸ Далее зачеркнуто: [к зна<менитому>].

¹⁹ Подразумевается древнегреческий миф о Тесее, избавившем афинян от обитавшего на Крите Минотавра — чудовища с головой быка, на съедение которому раз в девять лет посылались семь юношей и столько же девушек. По уговору с отцом Тесей, возвращаясь в Афины, в случае победы должен был сменить черный флаг на белый, но забыл это сделать, из-за чего его отец, увидев корабль с черным флагом, решил, что сын погиб, и бросился в море.

²⁰ Далее зачеркнуто: [приковать к себе внимание.]

²¹ Далее зачеркнуто: [начали не столько даже отмеривать, сколько выбрасывать всякие «свободы», — освобожденное общество с понятным чувством как на вождя обернулось на Трубецкого].

²² Имеется в виду прежде всего издание в 1905 г. Манифеста от 6 августа, учредившего Государственную Думу, и Манифеста от 17 октября, провозгласившего неприкосновенность личности и даровавшего свободу совести, слова, собраний и союзов.

как законному и надежному вождю, как одному из лучших вождей своих. Он был лицом, на котором «обеим сторонам» (приходится говорить теперь не о России, а об «обеих сторонах» ее) было хорошо, удобно и безопасно помириться. Можно сказать: не было еще лица, из видных теперь на горизонте, в котором было бы столько соединено залогов к миру,²³ и залогов надежных, обещающих, более или менее твердых. И вдруг всё сорвалось. Какой-то «склероз артерий»²⁴ (признак старости, даже дряхлости) у человека отнюдь не старого, склероз — которого не предвидел и не боялся доктор, его незадолго²⁵ осматривавший,²⁶ — и скоропостижная²⁷ <смерть> в заседании Совета с председателем-министром.²⁸ Все ахнули. Корабль наш сильно качнуло. Одним якорем меньше. А парусов не убывает, ветер сильнее, руль почти не действует...²⁹

²³ Далее зачеркнуто: [и успеху].

²⁴ Об этом диагнозе спустя три дня после смерти князя писали газеты: «30 сентября, в 12 ч. ночи, проф. Н. В. Петровым было произведено вскрытие тела кн. Трубецкого. Результаты вскрытия показали, что смерть последовала от кровоизлияния в мозговые сосуды, в которых оказалось 120 грамм запекшейся крови (склероз сосудов)» (Энпе, с. 28). В газетах также публиковалось заявление профессора неврологии Л. В. Блюменау: «Вообще, склероз бывает очень редко у людей возраста покойного князя Трубецкого, т. е. около 40 лет; большей частью эта болезнь развивается у старых людей. Но склероз в сравнительно молодых годах — это признак тяжелого умственного волнения и потрясения» (Там же, с. 31).

²⁵ Далее зачеркнуто: [свидетельствовавший].

²⁶ В газетах сообщалось: «Кн. Трубецкой давно страдал пороком сердца и грудной жабой, а волнения, пережитые им со дня вступления в должность ректора, несомненно, еще более потрясли его организм. Перед принятием кн. Трубецким избрания на должность ректора его семья справлялась у известного невропатолога, позволит ли состояние здоровья Сергея Николаевича нести столь трудные и ответственные обязанности. Ответ был получен успокоительный. Печальная действительность показала, однако, всю ошибочность этого мнения» (Энпе, с. 27).

²⁷ Далее зачеркнуто: [моментальная почти смерть от кровоизлияния в мозг...].

²⁸ Это заседание Комиссии по выработке университетского устава состоялось 29 сентября под председательством министра народного просвещения В. Г. Глазова. Трубецкому сделалось дурно, он потерял сознание. Его перевезли в Клинический институт великой княгини Елены Павловны («Еленинскую клинику»), где он спустя полтора часа скончался от апоплексического удара.

²⁹ Далее зачеркнуто: [не то приводы перетерлись, не то колесо слабо... Растерянности у одних и смелости у других сразу прибыло]. Образ Розано-

Трубецкой умер чрезвычайно счастливо для себя и чрезвычайно несчастно для России. Он умер в ту самую минуту, когда прекрасная и благородная его личность вполне³⁰ определилась, а слабость его сил и зыбкость всего положения еще не обозначилась. Он взошел на гору: всё увидел с нее, всеми был увиден; а рокового спуска³¹ «на ту сторону» не испытал. Писали о том заседании под председательством г. министра нар. просвещения, в котором он скончался, — что он требовал в нем «единства действий» в России, в частности в Петербурге и в Москве, относительно митингов в университетах: что положение ректора и Совета профессоров в Москве, не допускающих этих митингов, становится совершенно невозможным по трудности, раз эти митинги допущены и пока они допущены в Петербурге.³² Так как этим митингам в Московском университете противился именно сам ректор Трубецкой, то совершенно ясно, чего он требовал: применения этой же запретительной или, по крайней мере, противодействующей системы и в Петербурге. Какою иронией звучит слово над его могилою одного студента в Москве: что «в России всё честное умирает слишком рано; рано умер и Трубецкой — от невозможного,³³ деспотического режима в нашей России».³⁴ Уж если смерть его свя-

ва восходит, по-видимому, к поминальной речи, произнесенной над могилой Трубецкого психиатром Н. Н. Баженовым, в которой были такие слова: «Когда в сильную бурю рассвирепевшие волны рвут с якорных цепей корабли, мечут их в разные стороны, разбивают мол и пристань... <...> Из бурной пучины <...> может выплыть к желанному берегу тот корабль, на который нагружено благо русского народа...» (Энпе, с. 52, 53).

³⁰ Далее зачеркнуто: [обозначилась].

³¹ Далее зачеркнуто: [с нее не испытал].

³² См.: «Князь Трубецкой выехал из Москвы в Петербург вечером 28-го сентября для представления высшему правительству следующего постановления совета Московского университета, состоявшегося в заседании 27-го сентября: “Совет, признавая публичные политические собрания в стенах университета нежелательными и недопустимыми, считает, что узаконение свободных общественных собраний и обеспечение личной неприкосновенности, составляющие насущную потребность страны и безотлагательно необходимые, несомненно, должны способствовать ограждению высшей школы от наплыва лиц, стремящихся удовлетворить эту потребность”» (Энпе, с. 25).

³³ Далее зачеркнуто: [рабского].

³⁴ Розанов вольно передает слова студента 3-го курса юридического факультета Зака, произнесшего речь 3 октября на кладбище Донского монастыря «от имени всего московского студенчества». Он, в частности, сказал: «Всё великое, всё смелое, всё свободное гибнет в цепях существующего ре-

зывалась с текущими событиями и он преждевременно умер от излишнего волнения, то никак нельзя сказать, что он умер от строгих полицейских мер, тогда как господа студенты давали ему успокоительного опия. Я понимаю, что студент обязан быть радикалом: но чтобы он обязан был ничего не видеть или обо всём врать — этой тяжести на душе студентов я не предполагаю. Я, напротив, слышал, что, когда один студент математического факультета³⁵ IV-го курса явился после закрытия университета³⁶ к ректору и спросил, что это значит и надолго ли, то увидел совершенно расстроенного, как бы потерявшегося ректора (Трубецкого), который, быстро ходя из угла в угол, между прочим, страшно порицал и печать, говоря: «Нас (профессоров и правление университета) все бросили; эти п.....³⁷ газеты только льстят студентам, вместо того, чтобы говорить их разуму и долгу». Да об этом можно было и думать,³⁸ по взволнованности и спешности мер, которые он принимал в Москве во всяком случае не в пользу расширения прав и свободы митингов, а против³⁹ митингов. Но

жима... <...> Виновник смерти Сергея Николаевича один — это существующий строй, при котором задыхается весь народ, при котором не может быть свободной жизни и ее бескорыстных служителей...» (Русское слово. 1905. 5 окт. № 260. С. 1; опечатки испр. по: Энпе, с. 51).

³⁵ Это слово написано синим редакторским карандашом над зачеркнутым розановским: [университета].

³⁶ Московский университет был временно закрыт 21 сентября по постановлению Совета профессоров. В речи, обращенной к студентам, С. Н. Трубецкой объяснил причину такого решения: «Мы заручились уверенностью, что полиция сюда не войдет, но поставили два условия студентам: 1) чтобы собрания не нарушали академических занятий и чтобы они назначались явочным порядком; 2) чтобы на собрания не допускались посторонние лица. Условия эти, однако, неоднократно нарушались вами. Вчера здесь скопилось много больше трех тысяч человек, причем больше половины их — не студенты. Градоначальник уведомил меня, что в манеже находятся войска, готовые во всякую минуту приступить к активным действиям, если внешний порядок будет нарушен. При этом он сообщил мне, что в Москве есть группы лиц, которым на руку такие столкновения. <...> Университету даны основы для более широкого развития. Он — достояние всего русского общества. <...> ...университет теперь не может быть общественным собранием. Нельзя от нас требовать невозможного» (Энпе, с. 18—19). См. также объявление о закрытии университета «ввиду состоявшегося вчера вечером в аудиториях юридического корпуса массового собрания посторонних лиц» (Московские ведомости. 1905. 22 сент. № 260. С. 1).

³⁷ Так в автографе. Видимо, Розанов сократил слово «подлые». Сокращенное слово зачеркнуто в рукописи синим карандашом редактора.

³⁸ Далее зачеркнуто: [потому что именно].

³⁹ Далее зачеркнуто: [них].

он «умер от режима»... Пусть будет так. Пусть этот и ближайшие месяцы будет всё так, как хочет Немезида — богиня совсем другая, чем спокойная Клио,⁴⁰ которой пока повязывают повязку на глаза.

Счастливо для себя умер Трубецкой. Он несомненно был бы очень скоро⁴¹ столкнут с кафедры, откуда пока ясно и слышно всем говорил; был бы столкнут и смят, и через него бы «поехали», грубо чертя колесом исторической телеги по благородному и выразительному лицу автора «Метафизики в древней Греции». Время теперь не Платонов и Сократов; время — Демосфенов, если мы талантливы и добросовестны, или — Цицеронов и Катилин,⁴² если мы «так себе» или совсем плохи. Так как уже многие начали сравнивать события нашей истории с временами Франции в конце XVIII-го века, то и мы скажем, что в Трубецком⁴³ Россия потеряла одного из своих ранних жирондистов,⁴⁴ который умер слишком своевременно для себя и безвременно для отечества. «Стихии» — те силы, без разума, которые и вообще-то движут всегда историю, — получили большую власть над нами, когда умолк его бессильный разум. Он писал докторскую диссертацию о «Логосе», «мировом уме»... Ну, он умер вовремя, чтобы не увидеть, что дело вовсе не в «Логосе», а в тех «Στοιχῆα», «стихиях», «элементах Сущего», — о которых говорили более ранние,⁴⁵ нежели Платон, Аристотель и александрийцы, философы.⁴⁶ «Στοιχῆα» уже начали и ему мять бока; «Λόγος» его весьма и весьма страдал; ничего не мог, ничего не умел.⁴⁷ Стихии... но ведь и сам Разум есть только

⁴⁰ Названы богиня возмездия Немезида и муза истории Клио.

⁴¹ Далее зачеркнуто: [быстро].

⁴² Подразумевается заговор отпрыска знатного рода Луция Сергия Катилины, в 63 г. до н. э. объединившего часть римского нобилитета с целью вооруженным путем захватить власть. Попытка переворота была раскрыта и подавлена, правительственная армия разбила отряды повстанцев в Этрурии, куда сбежал Катилина. Марк Туллий Цицерон, враждебно к нему настроенный, в ряде речей использовал подавление заговора для своего утверждения в качестве одного из политических лидеров Рима.

⁴³ Далее зачеркнуто: [мы].

⁴⁴ В Конvente эпохи Великой Французской революции либеральные жирондисты, защитники свободы личности, противостояли радикальным якобинцам-монтаньярам, сторонникам «республиканского террора».

⁴⁵ Далее зачеркнуто: [чем].

⁴⁶ Подразумеваются Анаксагор, Эмпедокл, Гераклит и др.

⁴⁷ Далее зачеркнуто: [Но и как в индивидуальной жизни — так и в истории, что в Микрокосме — то и в Макрокосме. Всего этого он уже не увидел;

одна из стихий Сущего,⁴⁸ и есть еще стихии музыкального, пластического. Когда я шел за гробом Трубецкого,⁴⁹ то далеко позади колесницы «Вечная память»⁵⁰ в одних и тех же устах чередовалась с песенками иного содержания.⁵¹ И я подумал: вот этот напев, который слушают старики и гимназисты, и одни и другие подпевают, действует⁵² ли на меня, старого и спокойного человека, менее, чем убедительная профессорская речь, которую я слушал бы? И сердце мне⁵³ ответило: «Нет, это гораздо⁵⁴ могущественнее всякой речи, потому что это бессмысленно, потому что это без разума и языка, потому что это музыка, т. е.⁵⁵ стихия, власть и очарование».

В. Розанов

но нам всё это придется пережить. «Стихии» — это большая страсть, большая сила].

⁴⁸ Здесь первоначально заканчивалась статья. Далее зачеркнута подпись: [В. Розанов]. Затем вычеркнуто продолжение: [и кроме].

⁴⁹ Речь идет о проводах гроба в Петербурге на Николаевский (ныне Московский) вокзал 2 октября 1905 г. Процессия, сразу получившая характер политической манифестации, двигалась от Еленинской клиники по Кирочной улице и Суворовскому проспекту.

⁵⁰ «Вечная память» — заупокойное богослужбное песнопение, исполняющееся во время торжественного поминания усопших.

⁵¹ Далее зачеркнуто: [Может быть, я очень впечатлительный человек: но соеди<нение?> вырыв<авшееся?>]. В газетах упоминалось, что студенты, помимо церковных песнопений, пели «Вы жертвою пали в борьбе роковой!», Марсельезу и другие революционные песни (Энпе, с. 37, 43). По отбытии поезда с телом в Москву началось «демонстративное шествие» толпы по Невскому проспекту с красными флагами, которая была «рассеяна вызванными нарядами полиции, жандармов и воинскими кавалерийскими частями» (Там же, с. 43). То же происходило на другой день и в Москве. В. А. Грингмут, редактор-издатель «Московских ведомостей», отмечал: «Погребальное пение, сопровождавшее по церковному чину похоронную процессию с телом князя С. Н. Трубецкого, прерывалось и заглушалось диким оранием дерзких революционных песен, исполнявшихся разбушевавшейся многотысячной толпой бунтующей молодежи» (Московские ведомости. 1905. 5 окт. № 264. С. 1).

⁵² Исправлено; в рукописи: действуют.

⁵³ Далее зачеркнуто: [говорило].

⁵⁴ Далее зачеркнуто: [сильнее].

⁵⁵ Далее зачеркнуто: [влечение и потому что это].

Раннее творчество В. М. Шукшина

Часть 2*

В программу подготовки второкурсников режиссерского факультета ВГИКа входило написание так называемой экспликации, то есть авторской разработки будущего спектакля или фильма. Студенты получали определенные задания или, в некоторых случаях, сами предлагали избранные произведения, выбор которых уже сам по себе представляется показательным и дает материал для выявления художественных предпочтений авторов. Василий Макарович Шукшин выбрал для работы рассказ М. Горького «Озорник», не входящий в число самых известных произведений писателя. Своей «босаяцкой темой», разработкой проблем русского национального характера и образа «чудака», а также мотивами поиска смысла жизни и справедливости этот рассказ привлек Шукшина, к тому времени уже разрабатывавшего в своих прозаических опытах близкие вопросы и проблемы.

По свидетельству В. И. Коробова, специально интересовавшегося такого рода студенческими работами будущего писателя и имевшего возможность общаться с преподавателем ВГИКа И. А. Жигалко,¹ «выбрав для учебной “площадки” рассказ Горького “Озорник”, Шукшин заполнил половину учебной тетрадки не столько режиссерской экспликацией рассказа, сколько своими размышлениями об “озорниках”,

---

* Первую часть статьи см.: Текст и традиция: Альманах. СПб., 2014. Т. 2. С. 330–360.

¹ Ирина Александровна Жигалко (1912–1976) — педагог режиссерской мастерской М. И. Ромма. Ирина Александровна сыграла большую роль в формировании творческой личности Шукшина; см. об этом, например: Глушаков П. С. Неопубликованное письмо В. М. Шукшина к И. А. Жигалко // Шукшинский вестник. Барнаул, 2013. Вып. 5. С. 60–67.

“чудаках”, “непутевых”, об их месте в “общем потоке жизни”. Но в целом режиссерско-актерская работа над „Озорником”, над образом Николки Гвоздева, выкидывающего в виде протеста против своего существования разные “штучки”, — в целом эта работа студенту Шукшину не удалась. Показал он Ромму только отрывки. “Думаю, — писала Жигалко, — что “Озорник” не получился по двум причинам: тема людей, по-разному “шагающих по дороге жизни”, среди которых есть “озорники”, есть “чудаки” и “непутевые”, еще не созрела в творчестве Шукшина, придет он к этой теме позднее, через литературу; как режиссер Шукшин еще не был подготовлен к решению такой сложной темы”.² Согласимся с этим, но порадуемся и удивимся самому факту: Василий Макарович задумался над *такими* героями еще в 1955—1956 годах...».³

Текст режиссерской экспликации горьковского рассказа до сих пор не был известен, хранился в личном архиве И. Жигалко — и таким образом это раннее, во многих отношениях еще ученическое, вторичное произведение В. Шукшина находилось вне поля зрения читателей и научного рассмотрения. Между тем, шукшинский «Озорник» (заметим, что — сознательно или нет — в тетради, отданной на суд М. Ромма, автор уверенной рукой написал: «Шукшин. “Озорник”», тогда как другие студенты указывали именно авторов «перерабатываемых» произведений; таким образом, в творческом сознании писателя эта всего лишь *режиссерская переработка* означала нечто большее) является своего рода важным звеном в формирующейся поэтике Шукшина; многие темы, мотивы и образы этого обязательного студенческого сочинения перейдут позднее в зрелые рассказы и повести прозаика, станут неперенными элементами его эстетических построений.

Не останавливаясь специально на сложной и всё еще дискуссионной теме «Шукшин и Горький»,⁴ заметим, что влияние классика русской ли-

² Дневник И. Жигалко, к сожалению, пока не опубликован.

³ *Коробов В. И.* Василий Шукшин. М., 1988. 2-е изд. С. 228.

⁴ См. некоторые общие работы по теме: *Гимпель С. И.* Традиции Горького в творчестве Шукшина // Тенденции развития русской литературы Сибири в XVIII—XX вв. Новосибирск, 1985. С. 78—90; *Осипова Н. О.* Из наблюдений над прозой М. Горького и В. Шукшина // Наследие М. Горького и современность. М., 1986. С. 111—120; *Козлова С. М.* Поэтика рассказов В. М. Шукшина. Барнаул, 1992. С. 140—147 (автор сопоставляет горьковского «Озорника» с рассказом «Срезал»); *Глушаков П. С.* «Дети солнца» М. Горького и творческие поиски В. М. Шукшина // Шукшинские чтения. Феномен Шукшина в литературе и искусстве второй половины XX века. Сростки, 2004. С. 4—25. См. также запись Шукшина в Казанском музее М. Горького: *Ермакова И. В.* «Как жаль, что тебя нет с нами...»: советские писатели о Горьком // Казань. 1998. № 4. С. 51—53.

тературы выражалось прежде всего в образах необычных людей, героев с чудным характером и неординарной судьбой, вечных искателей истины. Это, конечно, привлекало В. Шукшина, делало для него актуальными творческие поиски Горького. С другой стороны, будущему писателю не могли импонировать некоторые взгляды пролетарского писателя, в частности, его критика крестьянского мира и русской деревни как особого социокультурного явления.⁵

Открытая публицистичность сделанной Шукшиным режиссерской экспликации «Озорника», явственная заостренность именно на нравственных, экзистенциальных вопросах, поглощение нарратива авторской рефлексией — всё это не могло удовлетворить руководителя курса М. И. Ромма, требовавшего от своих учеников динамизма, действия, монтажных и формальных придумок, а не размышлений о вечных социальных, культурных или этических проблемах. В этой связи Ирина Жигалко вспоминала: «Многое встречало его (Шукшина. — П. Г.) сопротивление, и это “многое” включало в себя... основные элементы профессии кинорежиссера. За свою педагогическую практику не припомню, пожалуй, такого последовательного внутреннего сопротивления студента (именно внутреннего!) специфическим для кино способам раскрытия мира: монтажу и соответственно монтажному видению (его Ромм всячески развивал у студентов), мизансцене (в лекциях, прочитанных студентам первого курса, то есть и Шукшину, — а лекции Ромма Василий всегда слушал внимательно, можно сказать, жадно — Михаил Ильич определил мизансцену как “главное режиссерское оружие, первое, основное”).⁶ Этими и другими видами “режиссерского оружия” Шукшин в студенческие годы пользовался неохотно. В несколько упрощенном виде взгляд его на съемку можно определить так: достаточно установить аппарат, актерам хорошо играть перед ним, а все остальное от лукавого. Ромм его выслушивал, он выслушивал Ромма, но каждый оставался при своем».⁷

...Наставники Шукшина воспитывали в нем качества кинорежиссера, но не разглядели еще того, что на их глазах происходило формирование одного из самобытных русских прозаиков.

⁵ Показательно, что, создавая в рабочих записях своеобразный концепт истории русской литературы, перечислив десятки имен классиков и писателей «второго ряда», прозаик ни разу не упомянул Горького, и такое «зигание» весьма красноречиво; подробнее см.: Глушаков П. С. К изучению семантики художественного текста Василия Шукшина // *Slavia: Časopis pro slovanskou filologii*. Ročník 81, sešit 3. Praha, 2012. S. 277–282.

⁶ См.: *Ромм М.* Построение киномизансцены // *Ромм М.* Избранные произведения: В 3 т. М., 1982. Т. 3. С. 196.

⁷ Цит. по: *Коробов В.* Василий Шукшин. С. 39.

Недатированный текст Шукшина (относимый нами к 1955–1956 годам)⁸ публикуется по рукописи, хранящейся в архиве И. А. Жигалко (Москва), в соответствии с правилами орфографии и пунктуации.⁹ Слушай зачеркивания, подчеркивания, авторских и иных маргиналий оговариваются в примечаниях. Материалы предоставлены Эльзой Семеновной Долинской, которой я выражаю искреннюю и горячую признательность.

Озорник

Гвоздев Николай — «озорник», человек злой и умный,¹⁰ с развитым чувством справедливости.¹¹ Жизнь рано показала ему свои «прелести»¹² и за его «несогласный», беспокойный характер уготовила ему место людей странных, — он, по выражению метранпажа, — озорник. Есть еще «чудаки», «непутевые» и т. п., а он — «озорник».

⁸ В шукшиноведении наметилась тенденция к отнесению ряда текстов писателя к более раннему периоду (сентябрю-октябрю 1954 г.), то есть ко времени первого учебного семестра ВГИКа; см.: *Шукшин В. М.* Собрание сочинений: В 9 т. Барнаул, 2014. Т. 9. С. 151 (примечания Д. В. Марьина).

⁹ Текст написан синими чернилами в ученической тетради в клетку, на обложке которой обозначено: «Шукшин. “Озорник”».

¹⁰ Подобное словоупотребление является устойчивым у Шукшина, оно характеризует, как правило, циничного человека; см., например: «Молодого человека отлично куда-то устроили. Но так бессовестно потеснили других, так при этом верещали, говорили, что “вот, теперь он — устроен”, что молодой человек... взял и ушел с теплого места. Гордился собой. Но кто-то злой и умный заметил: “Было бы всё тихо, никуда бы он не ушел. Они же кричали-то!”» (5, 189–190). Здесь и далее тексты цитируются по изд.: *Шукшин В. М.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1996 (с указанием в скобках номера тома и страницы).

¹¹ Комментируя свое отношение к проблеме справедливости, Шукшин писал: «Я не стремлюсь здесь кого-то обмануть или себя, например, обмануть — нарисовать зачем-то картину жизни идеальной, нет, она, конечно, была далеко не идеальная, но коренное русло жизни всегда оставалось — правда, справедливость. И даже очень и очень развитое чувство правды и справедливости, здесь нет сомнений. Только с этим чувством люди живут значительно. Этот кровный закон — соблюдение правды — вселяет в человека уверенность и ценность его пребывания здесь, я так думаю, потому что всё остальное прилагается к этому, труд в том числе, ибо правда и в том, что — надо есть» (5, 115).

¹² В языке писателя это слово имеет явственную семантику обольщения, лукавства; см. *Елистратов В. С.* Словарь языка Василия Шукшина. М., 2001. С. 259.

Всю свою жизнь этот рябой человек с насмешливыми глазами¹³ носит в груди острое желание наказывать людей за то, что они такие жадные, фальшивые, трусливые...¹⁴

Еще в детстве он отличался своеобразным характером и был неоднократно уличаем в делах, которые, по свойственной взрослым невнимательности, неправильно определялись как хулиганство. Зная, например, беспредельную жадность дьяконицы, жившей через улицу от него, он однажды достал где-то яркий лоскут атласной материи, наложил в него конского навоза и ночью устроил всё это в скворешню дьяконицына дома, сделав однако так, чтобы часть лоскутка была видна снаружи. Он знал наверняка, что жирное сердце дьяконицы дрогнет при виде яркой тряпки и она непременно захочет достать ее.

Так и случилось.

Утром дьяконица увидела лоскут в скворешне и всплеснула руками:

— Батюшки! Какую хорошую тряпочку принесли скворушки!

Притащила лестницу и полезла доставать тряпочку.

И вляпалась.

Николка сидел в это время за плетнем и, покусывая губы, внимательно следил за возмущенной бабой.

Он не смеялся, но видно было, что он — доволен.¹⁵

¹³ В художественном мире Шукшина такого рода описания соответствуют, как правило, человеку амбивалентному, за простецкой внешностью прячущему ранимость и незащищенность; см.: «Больше других орал Витька Кибяков, рябой, бледный, с большими печальными глазами. Даже когда он надрывался и, между прочим, оскорблял всех, глаза оставались печальными и умными, точно они смотрели на самого Витьку — безнадежно грустно» (2, 39–40).

¹⁴ Далее в тексте зачеркнуто начало недописанного предложения [Вообще за...].

¹⁵ В рассказе Горького этот эпизод отсутствует, но типологически близкие сюжеты есть в «Выдуманных рассказах» Шукшина, например, в тексте «Немка» (5, 188). Этот вставной эпизод мог понадобиться автору по нескольким причинам: во-первых, Шукшин, часто даже в небольшом рассказе делает экскурс в детство героя, показывая формирование личности; «детскость» ряда персонажей определенно соотносится с автобиографическими мотивами и сюжетами из воспоминаний («Из детских лет Ивана Попова», «Выдуманные рассказы» и др.). Во-вторых, грубоватый юмор несколько оживлял суховатый, слегка схематичный горьковский образ, но оживление это одновременно привносило в восприятие персонажа амбивалентность: Гвоздев предстает здесь рассудочным, неплохо управляющим собственными эмоциями, даже циничным героем, что противопоставляет его добросердечным, порывистым (часто себе во вред), открытым шукшинским чудикам.

* * *

По-разному шагают¹⁶ люди по длинной и скучной дороге жизни. Идут длинными вереницами равнодушные, идут, склонив головы и ничего не ожидая, идут потому, что идти зачем-то нужно; идут покорные, волоча по земле ноги, и не жалуются; идут злые и нарочно поднимают пыль, мстя соседям за свою ничтожность и бесполезность в этом нелепом путешествии.¹⁷ И еще много разных шагает по пыльной дороге вре-

¹⁶ Мотив энергичного и формально целеустремленного движения персонажа является значимым элементом поэтики писателя: «И вот шагает он раздольным молодым полем... Поле непаханое, и на нем только-только проклюнулась первая остренькая травка. Егор шагает широко. Решительно. Упрямо. Так он и по жизни своей шагал, как по этому полю, — решительно и упрямо. Падал, поднимался и опять шел. Шел — как будто в этом одном всё исступление, чтобы идти и идти, не останавливаясь, не оглядываясь, как будто так можно уйти от себя самого» (4, 196). Или: «Как она ходит! Это же поступь, черт возьми, это движение вперед, в ней же тогда каждая жилочка живет и играет, когда она идет. Серега особенно любил походку жены: смотрел, и у него зубы немели от любви. Он дома с изумлением оглядывал ее всю, играл желваками и потел от волнения» (2, 141). Мотив такого символического шествия, помимо явственных архаических отсылок, может иметь основание в творчестве Горького, в частности, в эпизодах третьей части рассказа «Старуха Изергиль» — повествовании о Данко, выводящем людей из темного леса. Подробнее о шукшинском ответе на гоголевский вопрос «Что значит это наводящее ужас движение?» см.: Глушаков П. С. Тема «Шукшин и Гоголь» в исследованиях последних лет (к интерпретации рассказа «Забуксовал») // *Przełęcz Rusycystyczna*. 2011. № 1 (133). S. 24–31.

¹⁷ Прием нанизывания одного и того же слова в пределах предложения имеет устойчивую традицию в русской классической литературе; укажем только одну параллель, потенциально актуальную именно для Шукшина — это строки чрезвычайно значимого для шукшинской поэтики автора, Н. А. Некрасова, из стихотворения «Размышления у парадного подъезда»: «Стонет он по полям, по дорогам, / Стонет он по тюрьмам, по острогам, / В рудниках, на железной цепи; / Стонет он под овином, под стогом, / Под телегой, ночуя в степи; / Стонет в собственном бедном домишке, / Свету божьего солнца не рад; / Стонет в каждом глухом городишке» (*Некрасов Н. А. Собр. соч.*: В 4 т. М., 1979. Т. 1. С. 267–268). Заметим, что в этом стихотворении мотив *шествия* путников-пилигримов также весьма значим. О некрасовской теме у писателя см.: Куляпин А. И. Некрасов Н. А. // *Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник*. Барнаул, 2006. Т. 2. С. 171–173; Куляпин А. И., Левашова О. Г. В. М. Шукшин и русская классика. Барнаул, 1998. С. 47–51. Отметим также, что такой риторический прием был свойственен даже нехудожественным текстам Шукшина; см. частное письмо (оговоримся, правда, что тут автор обсуждает трагическую кончину супруга своей сестры и, возможно, использует парадраз «Огласительного слова на Пасху» святителя Иоанна Златоуста): «Где

мени:¹⁸ «веселые», «хорошие», «плохие», «замечательные»...¹⁹ — много. Одни плюнули на весь свет и всё обозвали условностью; некоторые подняли с дороги камни и несут их, воображая, что они страдают во имя человечества... А еще идут — недовольные.²⁰

Их много и всех их объединяет стремление — изменить жизнь. Предлагаются различные способы переустройства жизни — наиболее умный из них²¹ рекомендует переделать мир организованной силой.²²

спасение, где обеспечение, где забвение?» (Шукшин В. М. Собр. соч.: В 8 т. Барнаул, 2009. Т. 8. С. 224).

¹⁸ Известная песня на слова В. Войновича («Я верю, друзья» с узнаваемой строчкой «...на пыльных тропинках далеких планет») стала известна позже, в 1961 году, однако на шукшинское словоупотребление могла повлиять достаточно известная песня русских политических ссыльных «По пыльной дороге телега несется...», проникнутая пафосом вольнолюбия, протеста против насилия, — словом, теми смыслами, которые столь волновали Шукшина. См.: Песни русских поэтов. Л., 1988. Т. 2. С. 347 и комментарии (Библиотека поэта: Большая серия).

¹⁹ В поэтике Шукшина такие одномерные, на первый взгляд, банальные характеристики неслучайны. См.: «Да, опять у него это самое... Похоже, изобрел машинку для печатания бумажных денег. Опять будет помогать бедным и женщинам. Митька добрый человек, но очень наивный: ведь попадутся бедные и женщины с фальшивыми деньгами! И им же будет плохо. Об этом он почему-то не думает. Лучше уж рак лечить — безопасней» (2, 20). Или: «Добрый, добрый... Эту медаль носят через одного. Добро — это доброе дело, это трудно, это не просто. Не хвалитесь добротой, не делайте хоть зла!» (5, 230). Это ироничная характеристика, направленная против насильственного объединения и «систематизации» людей, их обезличивания и навешивания ярлыков.

²⁰ Ср. с образом «вечно недовольного Яковлева»: «Приехал в отпуск в село Борис Яковлев... Ему — под сорок, но семьи в городе нету, была семья, но чего-то разладилось, теперь — никого. Вообще-то догадывались, почему у него — ни семьи, никого: у Яковлева скверный характер. Еще по тем временам, когда он жил в селе и работал в колхозе, помнили: вечно он с каким-то насмешливым огоньком в глазах, вечно подоспеет с ехидным словом... Всё присматривается к людям, но не идет с вопросом или просто с открытым словом, а всё как-то — со стороны норовит, сбоку: сощурит глаза и смотрит, как будто поджидает, когда человек неосторожно или глупо скажет, тогда он подлетит, как ястреб, и клонет. Он и походил на ястреба: легкий, поджарый, всегда настороженный и недобрый» (2, 358). «Ястребиная» внешность отсылает к аналогичному описанию главного героя из уже упомянутого рассказа «Челкаш».

²¹ Далее зачеркнуто: [предлагает насильственное].

²² Вполне вероятно, что автор использует здесь цитаты и клишированные выражения, почерпнутые им на занятиях марксизмом-ленинизмом, в частности, близкие выражения частотны в словоупотреблении Ленина, например, в статье «Задачи отрядов революционной армии» (Ленин В. И.

Николай Гвоздев из армии недовольных порядками жизни. Выйдя на житейскую дорогу, он сразу выступил в опасное единоборство с ее мерзостями,²³ противопоставляя им сильную натуру свободного человека и гибкий большой ум, которому, быть может, не хватало только организованности и обыкновенной грамоты, чтобы [стать] умом, про который говорят, что они незаурядные.²⁴

Как большинство людей «странных», Гвоздев был мастер на все руки, хороший работник, и, как человек наблюдательный, понимал, что это в жизни не главное — вокруг преуспевали люди далеко не трудолюбивые и знающие свое дело.

И очень может быть, что именно это обстоятельство чаще всего являлось поводом для одурающего разгула,²⁵ потому что — что же еще делать?

Удивляло его и злило, что люди некогда его класса, выучившись, выходили в «большие люди»²⁶ и там мнили себя хозяевами жизни²⁷ —

Полн. собр. соч.: В 55 т. Изд. 5-е. М., 1960. Т. 11. С. 339—343). Шукшин превосходно владел привычной риторикой такого рода: «К концу 50-х годов в институте зачастили собрания; учились говорить доморощенные интеллектуалы, в основном москвичи... <...> Выступал на собраниях всегда и Шукшин, он получал слово “от народа”. На трибуне он появлялся в гимнастерке (после-то признавался: “Ничего больше и не было”), отбивая шаг сапогами, раскачиваясь. Слова выговаривал четко. Говорил он, как мне казалось, опираясь на текущие лозунги, дойдя до конкретного, всегда бил интеллектуалов» (Белов В. И., Заболоцкий А. Д. Тяжесть креста: Шукшин в кадре и за кадром. М., 2002. С. 88). В Музее писателя в Сростках хранятся пока не опубликованные тексты выступлений Шукшина на комсомольских собраниях, а также конспекты лекций по марксизму-ленинизму (частично воспроизведено: Всероссийский мемориальный музей-заповедник В. М. Шукшина: фотоальбом. Барнаул, 2013. С. 67).

²³ Далее зачеркнуто: [жизни].

²⁴ Так в тексте.

²⁵ Мотивы разгула, «праздника души», а также «забега ширину» и прочих «бордельеро» встречаются у Шукшина чрезвычайно часто для демонстрации нравственного падения человека. Как пронизательно заметила Г. А. Белая, эти проявления — суть негативные варианты неугомонной, ищущей выхода за пределы рутины, человеческой сущности героев писателя (Белая Г. А. Художественный мир современной прозы. М., 1983. С. 111—112). Позитивным же вариантом является идея *праздника* (зачастую это слово пишется Шукшиным прописными буквами).

²⁶ Образ «большого человека» синонимичен у писателя образу начальника, чиновника, попирающего права отдельной личности: «Вы вот, начальство... тоже какие-то дурные бываете: нет чтобы скромностью своей в нос людям тыкать: вот вам, глядите: большой человек, а со всеми маленькими здороваюсь» (2, 391).

²⁷ Ср.: «— Вы — какие-то хозяева жизни. Я не умел так, — грустно сказал старичок» (1, 300). *Хозяевами жизни* у Шукшина становятся наделенные

смотрели на Гвоздевых сверху вниз и не узнавали старых товарищей. Впрочем, знал он наверное, что все они — следователи, редакторы, чиновники большие и малые — заняты главным образом тем, что совмещают в себе рабов и хозяев одновременно. Поэтому ему было особенно противно получать деньги из их рук за свою работу.

* * *

Гвоздев — одинок. Такие почему-то не имеют своих теплых уголков в жизни, и это не позволяет им обманываться на счет того, что жить все-таки можно, ежели «с разумом, да степенно».²⁸

Здесь хорошо придумала жизнь — чем больше таких одиноких и обездоленных шатаются по ее дорогам, тем больше они беспокоят ее, требуя справедливости.²⁹

Гвоздев не революционер, и, может быть, никогда им не будет (он не сможет, например, понять значение дисциплины в отрядах штурмующих капитализм, да и не уложится у него в голове, что его враг — капитализм, понятие слишком далекое и не способное мгновенно вызывать злобу, которая роднит героев, — он видит людей, знает их и их ненавидит),³⁰ но

властью мелкие личности, использующие свое положение для унижения «простого человека», — швейцары, дежурные на проходной, официанты. Между тем, и *обыгный геловек* легко претерпевает сходную эволюцию: «Человек купил, наконец, дубленку, долгожданную, желаннейшую дубленку... И к вечеру стал вдруг (в дубленке), стал таким умным, сведущим, начитанным, информированным, свободомыслящим, резким... И сказал, сплюнув: “Достоевский — это не пророк”» (5, 193). Подробнее о формировании сходного мотива см.: *Рыбальгенко Т. Л.* Дарение и дары в сюжетах рассказов В. М. Шукшина // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. Новосибирск, 2011. С. 225–245.

²⁸ Идея комфорта, «устройства в жизни», «степенности» решается в этических координатах Шукшина радикально — как потеря человечности, воли, обретение духовного рабства. См. в рабочих записях: «Никогда, ни разу в своей жизни я не позволил себе пожить расслабленно, развалившись. Вечно напряжен и собран. И хорошо, и плохо. Хорошо — не позволил сшибить себя; плохо — начинаю дергаться, сплю с зажатыми кулаками... Это может плохо кончиться, могу треснуть от напряжения» (5, 221).

²⁹ Возможно, здесь имеет место аллюзия на образ странствующего рыцаря; сцены из «Дон Кихота» обсуждались на занятиях во ВГИКе.

³⁰ В работах Л. Т. Бодровой впервые в шукшиноведении заявлена нищезанская тема в творчестве писателя; исследовательница, к примеру, говорит о *стихийном нищезанстве* главного героя рассказа «Срезал» (*Бодрова Л. Т.* Малая проза В. М. Шукшина в контексте современности. Челябинск, 2011. С. 225–226). Если принять такую точку зрения, то окажутся актуализированными поиски Горького как проводника данной темы в русской прозе.

в революции примет горячее и бескорыстное³¹ участие. Но он будет, скорее, мстить,³² нежели «бороться за освобождение человечества».³³

См. подробнее: *Гельрот М.* Ницше и Горький // М. Горький. Pro et contra: Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей. 1890–1910 гг.: Антология. СПб., 1997. С. 381–429; *Колбаева Л.* Горький и Ницше // Вопросы литературы. 1990. № 10. С. 162–173; *Басинский П. В.* К вопросу о «ницшеанстве» М. Горького // Известия Российской Академии наук. Сер. литературы и языка. Т. 52. № 4. 1993. С. 26–33; *Равдин Б. Н.* К проблеме «Горький и Ницше» // Четвертые Тыняновские чтения: Тезисы докладов. Рига, 1988. С. 17–20; *Азадовский К. М.* Горький в «Архиве Ницше» // Литературная газета. 1996. № 1–2. 10 января. С. 6.

³¹ Слово «бескорыстное» надписано позже, что свидетельствует о творческой правке и привнесении в текст необходимого смыслового акцента. Для писателя это понятие было непосредственно связано с образом самого дорого человека — матери, Марии Сергеевны Куксиной, приобретало не просто этические, но и сакральные компоненты (по Шукшину, высшая форма любви — материнская): «Мамочка, милая ты моя! Родная моя! Что же там у вас случилось такое? То ли ты заболела — не дай Бог! Мамочка, моя родная, неужели ты заболела? Ангел ты мой родной, напиши мне скорее письмо. Друг ты мой старший, друг бескорыстный, сообщи мне, ради Бога, что у вас там случилось» (*Шукшин В. М.* Собр. соч: В 8 т. Барнаул, 2009. Т. 8. С. 225). Ср.: «Я понимаю, на какой я напрашиваюсь упрек, и всё же расскажу, каким я запомнил дом деда моего, крестьянина, это тоже живет со мной и тоже чрезвычайно дорого. <...> Но там знали всё, чем жив и крепок человек и чем он нищий: ложь есть ложь, корысть есть корысть, праздность и суесловие... Нет явления в жизни, нет такого качества в человеке, которого бы там не знали...» (5, 114–115).

³² Ср. с центральным мотивом романа «Я пришел дать вам волю!»:
«— Здравствуйте, братья! — зазвучал голос Степана; он стоял на носу своего струга и обращался к стрельцам.
— Мстите теперь над вашими лиходеями! Они хуже татар и турка!..» (4, 480).

Анализ данного мотива см.: *Спиридонова И. А.* Степан Разин Василия Шукшина // Русская литература. 1990. № 4. С. 18–30; *Глушаков П. С.* Формирование концепции исторического романа и «разинский текст» Василия Шукшина // Творчество В. М. Шукшина: Язык. Стилль. Контекст. Барнаул, 2006. С. 3–14.

³³ Хрестоматийная цитата из романа Н. Островского «Как закалялась сталь»: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества» (ч. 2, гл. 3).

1. Из дневника 1980 года¹

28 июня 1980. Были бурные дни, о которых надо сказать. 19-го, в четверг, — в издательстве «Наука». Зав. редакцией Г. А. Щербакова² и главный редактор В. Н. Бунин³ сообщают не без смущения: бушевал Григорьян⁴ — я сразу понял причину. (Комично: Григорьян увидел у Г. А. 2-ю корректуру «Артемия Араратского», рассиропился, намекнул Г. А., что неплохо бы обмыть выход книги, и вдруг замер — увидел на титуле: «Издание подготовили К. Н. Григорьян и Р. Р. Орбели»⁵ —

---

¹ Отрывок взят из моего многолетнего дневника (ведется с 1964 года). Пишу в основном в поездках по городам и странам, о Северной столице значительно меньше. Для публикации выбрал питерские сюжеты 1980 года. — Б. Е.

² Галина Александровна Щербакова (1925 — до 2000) — редактор издательства «Наука» (1971—1984) (указано Т. А. Бравой).

³ Владимир Николаевич Бунин (род. 1939) — главный редактор ленинградского отделения издательства «Наука» (1974—1987) (указано Т. А. Бравой).

⁴ Камсар Нерсесович Григорьян (1911—2004) — доктор филологических наук, научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР (позднее — РАН). Речь пойдет об издании в серии «Литературные памятники» книги: *Жизнь Артемия Араратского* / Издание подготовил К. Н. Григорьян при участии Р. Р. Орбели. Л., «Наука», 1980 (а я руководил изданием как заместитель председателя редколлегии серии по Ленинграду). При подготовке выявилось слабое научное образование основного работника: как указано в его официальной биографии, после начальной школы в Грузии Григорьян в 1931 г. поступил в Ереванский пединститут (?!), а в том же году — и в аспирантуру Академии наук в Ленинграде (?!), затем стал сотрудником ИРЛИ. Его вздорный характер вызывал недовольство коллег.

⁵ Русудана Рубеновна Орбели (1910—1985) — востоковед, филолог и этнограф. В книге указано, что ей принадлежат

вскочил, заорал, убежал жаловаться Бунину — и вся обмывка кончилась...)

Так как Григорьян написал детскую статью — пересказ книги, совершенно без анализа, литературного и исторического, то мы в свое время предложили ему найти солидного рецензента. Сам нашел — племянницу Орбели,⁶ Русудану Рубеновну, вполне, оказалось, почтенную и ученую даму, этнографа и историка, которая дала кислую рецензию (устно еще более кисло отозвалась). Я и Г. А. настояли, чтобы дать Р. Р. вторую статью. Григорьян лез на стену, но был бессилен перед нами. А тут Р. Р. еще убила его тем, что доказала эфемерность комментариев Григорьяна — да еще и нашла ошибки (Григорьян, оказывается, плохо знает быт, реалии армянской деревни: вырос, кажется, в Тбилиси — так где уж Армения!). Поэтому Р. Р. добавила и исправила добрую половину примечаний, да еще составила два указателя к книге. Сама же робко заметила, что несправедливо, что Григорьян один стоит на титуле.

Я взял на себя, добился решения бюро редколлегии и согласия руководства «Науки», чтобы на титуле — два имени. Но Григорьяну это не сказали, а молча исправили в 1-й корректуре. Вот он на 2-й и заметил... Обещал жаловаться во все инстанции.

Издатели, чтобы было потише, пошли на уступки, уговорили меня согласиться на более нейтральное: «при участии Р. Р. Орбели». Я проявил тоже мягкодушие и великодушие, согласился (честно-то говоря, Григорьяну все-таки принадлежит большая часть работы: ведь подготовка текста вся его — да уж больно не хотелось этому п-ку уступать).

Через несколько минут я — в ЛГУ, где оппонировать докторской диссертации И. В. Попова⁷ из Куйбышева. В аудитории — Григорьян. От ИРЛИ члены докторского совета в ЛГУ два п-ка — Григорьян и Прийма.⁸

По окончании защиты, перед голосованием, прохожу мимо Григорьяна и — не выдержал, — с улыбочкой:

— Говорят, К. Н., вы в издательстве бушевали...

Вскочил, как ужаленный:

статья «Мемуары Артемия Арагатского как историко-этнографический источник», два указателя — имен и «географических и этнических названий и памятников архитектуры», а также, совместно с К. Н. Григорьяном, — примечания.

⁶ Иосиф Абгарович Орбели (1887—1961) — академик, востоковед, директор Эрмитажа.

⁷ Иван Владимирович Попов (1925—2008) — доктор филологических наук, профессор Куйбышевского-Самарского пед. института; мы потом многолетне дружили.

⁸ Федор Яковлевич Прийма (1909—1993) — доктор филологических наук, научный сотрудник ИРЛИ. О его научном и моральном облике см. главу в кн.: *Егоров Б. Ф. Воспоминания*. СПб., 2004. С. 384—388.

— Я знаю, чьи это происки! Это ваше дело!

Я не отрицал и начал было говорить, что Григорьян сам ведь выбрал Р. Р. Орбели, что дело чести нашей и совести отметить труд почтенной женщины — но Григорьян, как такие всегда, совершенно меня не слушал и орал:

— Вы хозяйничаете в Литературных памятниках, я знаю! Но это долго не будет продолжаться! Скоро придет конец вашему хозяйничанию!

Я не стал слушать эту гниду и повернул прочь:

— Идите вы к чертовой матери, не желаю вас слушать.

На это он вослед:

— Я сам не хочу говорить с пакостником!

Тогда я уже снял улыбку и торжественно:

— Камсар Нерсесович, раньше за такие слова давали по физиономии! (Кстати, не 15 суток и не моральные опасения меня остановили от оплеухи: сдержали его 70 лет, все-таки возраст для меня еще играет роль, черт возьми!)

А Камсар, званный уже дважды идти голосовать, трусцой помчался от меня к столу комиссии — и бросил через плечо: «Я бы тоже мог...». Что мог? Дать мне по физию? Вот тут уж я бы не сдержался! Даже жаль. Впрочем, п-к никогда не отличается смелостью... На этом и кончился разговор.

Когда все разошлись, Григорьян что-то горячо доказывал Прийме. Поди сочинял доносы и будущие комиссии по проверке работы «Литературных памятников». Еще дождемся, что этот п-к будет торжествовать...

Очень пожалел, тем не менее, что согласился на изменение титульного заглавия.

Два дня спустя, рассказывали, Григорьян был в издательстве, со скрипом согласился на «при участии» и дождался, чтобы при нем исправили корректуру.

Вообще, эта защита оставила ощущение, как окунулся в дерьмо, хотелось целые сутки отмываться.

Бедный И. В. Попов откровенно-наивно пускался в лирические излияния — а сидели в зале или ничтожества, или, в углу, Г. А. Бялый⁹ с Н. Я. Дьяконовой.¹⁰ Г. А., эстет и этикетчик, видимо, был изумлен обнажениями И. В., сказанными к тому же северным диалектным слогом и фоном (*шиш* вместо *щ*, и вообще — типично архангельский говорок). Только это чистейший человек — и метал бисер перед свиньями. Я ведь выступал вкуче с Приимой и с С. С. Конкиным,¹¹ который, только что

⁹ Григорий Абрамович Бялый (1905–1987) — филолог, профессор ЛГУ.

¹⁰ Нина Яковлевна Дьяконова (1915–2013) — филолог, профессор ЛГУ и СПбГПУ им. А. И. Герцена.

¹¹ Семен Семенович Конкин (1917–1999) — филолог, профессор Мордовского университета (Саранск).

защитившись, стал уже профессором. Я пожалел, что наша кафедра (ЛГПИ) и я сам проявили мягкотелость и поддались уговорам ученого секретаря ИРЛИ С. А. Фомичева¹² изменить конец нашего внешнего отзыва на диссертацию Конкина о Писареве (жалкая компиляция: диссертация о Писареве вообще!). Мы вначале: «Диссертация не отвечает требованиям...». А упросили нас: «Несмотря на многие наши несогласия, учитывая дискуссионность проблем, считаем возможным вынести диссертацию на публичную защиту» — что-то в этом роде, ну а в ИРЛИ, конечно, нарочно, провели защиту на ура (всего два черныка было).

Так этот Конкин теперь уже важный профессор и учит Попова просветительству и взглядам Ленина. Я сам не люблю, когда Ломоносова и Новикова делают просветителями, но тон Конкина был такой противный (да еще вылез учить уже *после ответа* диссертанта), что я готов был считать просветителем и Екатерину II.

Зато очень светлое чувство осталось от визита домой к товарищу Попова, который трогательно пробивал все бумаги — теперь ведь полгода нужно, не меньше, утрясать все документы защиты. Этот самый Антон Михайлович — друг Попова с 1942 или 43 года, когда они были в училище в Великом Устюге. Должны были учиться год на офицеров, но обратились к курсантам: кто желает досрочно уйти солдатами на фронт — из 16 рот в училище осталась из несогласившихся всего одна...

Прошли затем с И. В. вместе всю войну, саперами на передовой, да и потом до 1950 года трубили в армии, так как до войны кончили всего 9 классов (1925 г. рождения), поэтому их не демобилизовывали.

Очень интересные рассказы об окружении после Киева, о том, как в этом окружении на них наскочила машина с немецким генералом, и они всех в машине с ходу расстреляли.

Но главное — рассказ об их деревенском друге, погибшем на улице Берлина в мае 45-го. Был предельно осторожен, никогда не лез в пекло. Мужичок с хитринкой. Любил притчу о вариантах выхода:

— Или возьмут меня в армию, или не возьмут. Не возьмут — хорошо, возьмут — плохо. Но есть два выхода!

Или я буду цел, или меня пуля тронет. Цел — хорошо, тронет — плохо. Но есть два выхода.

Или легко тронет, или тяжело. Легко — хорошо, тяжело — плохо. Но есть два выхода.

Или тяжелое ранение, или смерть. Ранение — хорошо, смерть — плохо. Но есть два выхода.

Или в рай попаду, или в ад. В рай — хорошо, в ад — плохо. Но есть два выхода.

¹² Сергей Александрович Фомичев (род. 1937) — доктор филологических наук, ныне — главный научный сотрудник ИРЛИ.

Или я черта съем, или он меня. Я черта — хорошо, он меня — плохо. Но есть два выхода.

Или он меня переварит, или я проскользну по пищевому тракту...

Вот этот друг как погиб. Занимает их часть ряд домов по улице. Напротив — одни остовы домов и развалины, мешающие артиллерии бить прямой наводкой в дома за квартал, где засели немцы. Немцы фактически с трех сторон, улица с боков тоже простреливается. Поэтому только ночью саперы занесли взрывчатку в дом напротив, протянули провод к себе и ждали сигнала, чтобы взорвать и начать артподготовку.

И вот рано утром по развалинам именно в этот дом карабкается немка с двумя маленькими детьми. Саперы орут ей: цурюк! цурюк! А она то ли не слышит, то ли испугалась — и еще быстрее в дом... И вот тут этот самый осторожный мужичок выбирает отнюдь не хороший вариант — падая и ползя, удачно пробирается в развалины и куда-то шугает немку (тоже наивность: если бы взял немку и двух детей, авось немцы не посмели бы расстреливать). Обрато мужик ползет уже под градом — и на середине улицы его убивают.

Ругал я товарищей, что не пишут мемуары о войне. Сколько можно интересного и важного еще рассказать!

Любопытное замечание Ант. Мих.: он участвует сейчас в разных мероприятиях ежегодно ко Дню Победы — так вот, есть инструкция, не рекомендующая приглашать на заседания и встречи бывших узников немецких концлагерей! Оказывается, они сами объединились в «землячества», поддерживают связь, но государство не узаконило эти общества.

В гостях у А. М., помимо Попова, еще один друг И. В., приехавший из Куйбышева на защиту: это уже друг детства И. В., с Севера. Ныне — директор школы, педагог. Не могу не трогаться в наши дни от многолетней дружбы. Редко и высоко!

Рассказы И. В. об отце и дядях: все интеллигенты первого поколения, агрономы, инженеры (один дядя был послан учиться в Англию, судостроитель) — и все были уничтожены в 37 году. Это настоящая пролетарско-крестьянская интеллигенция, сила и мощь народа.

Светло и грустно было уходить. Хороший у нас есть народ. Рассказы И. В. о проректоре Куйбышевского пед. института,¹³ кандидат наук, который беспрестанно печется о всех докторантах, способствует их скорейшей защите. Редкость великая. <...>

¹³ Евгений Михайлович Кубарев (1921–2001) — проректор по науке Куйбышевского пед. института, профессор, филолог. Отличался разносторонней образованностью (знание трех западных языков, научные работы по литературе и языкознанию) и вниманием к людям (указано Н. Б. Алдоиной).

Октябрь 1980. Впервые по-настоящему сказал свое возмущение Яше¹⁴ по поводу его отношения к ЮрМиху.¹⁵ Предыстория: в Тарту повесился Габович,¹⁶ довольно далекий нам человек, бывший муж Дины Борисовны,¹⁷ хозяйки салона в наши молодые годы. После смерти Д. Б. он несколько лет мучился, наконец — женился на эстонке Вайке,¹⁸ которая его явно любила и холила. Дай Бог, хорошая старость. И вот вдруг! Внешних причин можно наскрести три: ухудшение здоровья, перевод его (математик в с. х. академии) на $1/2$ ставки, угроза привоза в квартиру Вайке ее сумасшедшей, совсем распавшейся матери (между прочим, Майсте¹⁹ — первая жена В. Адамса). А свою квартиру Габ отдал разведенной невестке с ее сыном (т. е. с его внуком), поэтому зависел от квартиры Вайке. Возможно, все три причины скрестились, часто люди уходят именно на скрещении горестей, а не от одной. Всё равно — плохо для оставшейся Вайке.

А Яша на его дне рождения²⁰ истолковал этот случай так: вот они, т. е. тартуанцы, т. е. окружение ЮрМиха, играли-играли, наконец, доигрались — Габ довел до крайности, театр окончился смертью! Чудовищней трудно предположить. Миля²¹ и Миша²² тут же возразили: да Габ и не был в кругу ЮрМиха! Я не стал уже при народе, но потом по телефону высказал, что считаю чудовищным такое предположение. Не говоря уже

¹⁴ Яков Семенович Билинкис (1926–2001) — филолог, профессор ЛГПИ им. А. И. Герцена. См. о нем главу в кн.: *Егоров Б. Ф.* Воспоминания. С. 330–335.

¹⁵ ЮрМих — Юрий Михайлович Лотман (1922–1993), филолог, культуролог, семиотик, профессор Тартуского университета. См. о нем книгу: *Егоров Б. Ф.* Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М., 1999.

¹⁶ Яков Абрамович Габович (1914–1980) — математик, доцент Эстонской сельхоз-академии в Тарту, в кругу близких — *Габ*.

¹⁷ Дина Борисовна Габович (1915–1965) — организатор своеобразного русского «салона» в эстонском Тарту. Самые активные посетители — семьи Лотманов и Егоровых. *Габ* слабо участвовал в наших «посиделках».

¹⁸ Вайке Аллер (1935–1994) — врач скорой помощи в Тарту, дочь Х. Майсте.

¹⁹ Хильда Майсте-Аллер (1908–1986) — доцент Эстонской сельхоз-академии в Тарту, первая жена писателя и филолога Вальмара Адамса (1899–1993). После его ареста в 1951 г. тотчас подала на развод.

²⁰ 8 октября 1980 г.

²¹ Милица Николаевна Бобровская (1916–1998) — жена Я. С. Билинкиса, врач-психиатр.

²² Михаил Яковлевич Билинкис (1945–2007) — сын Я. С. Билинкиса и М. Н. Бобровской, филолог, доцент ЛГУ.

о далекости Габа, неужели можно ЮрМиха считать актером! Артистизм не имеет почти ничего общего с такой интерпретацией актерства. Яша тут же высказал всё откровенно: считает ЮрМиха *сделанным*, якобы он постоянно играет в быту и на лекциях; привел последний пример. У Лены Петровской²³ была операция дочки, аппендицит, приехала Лена в Тарту, на кафедру, сказала, что всё благополучно. Зара так обрадовалась, что побежала, вызвала ЮрМиха с лекции: а то он, дескать, и на лекциях вспоминает про дочку; ЮрМих вышел, стал целовать Лене руки... Лена приехала в Питер, с восторгом об этом рассказывала, а Яша сказал ей (а, может быть, подумал? — мне-то сказал), что это и есть деланность, актерство.

Я взвыл, полез на стену, стал корить: — Ты думаешь, что твои умышленные грубости женщинам лучше, чем это, несколько старомодное, выражение рыцарственности? Ты что, не знаешь, что месяц назад у ЮрМиха чуть ли не при смерти была внучка?

Ну и дальше, о жуткой несправедливости по поводу интерпретации ЮрМиха, одного из самых благородных наших современников. Побольше бы нам таких актеров.

(Что касается *сделанности* — то это особая статья, это давние разногласия: я сам сделанный, т. е. сам правил свой характер, боролся за идеал; ЮрМих меньше меня, но тоже явно *правил*, но это, по-моему, куда лучше, чем распущенная или эгоистическая «естественность», да еще с теоретической опорой на «живую жизнь».)

Разговор подействовал на Яшу, ночь не спал, звонил мне утром в 8 час., но нисколько не сдался. Привел пример: Карандышев, доходя от Паратова,²⁴ развешивает оружие, самоутверждается, а в конце концов стреляет! Нашел сравнение! Тоже придумал: Паратов — ЮрМих, да и Габ попроче Карандышева. Вот она теория вместо живой жизни!

Еще: Яша убежден, что ЮрМих нормативен, т. е. убежден в единственности своей точки зрения. Вот уж не знает ЮрМиха 25 лет!! Это нынешний-то ЮрМих нормативен! Который непрерывно одергивает всех, чтобы «не осудили ближнего»; который в 1000 раз менее нормативен, чем Яша... Господи, вразуми его, освободи от слепых обвинений, от жестоких характеристик!

* * *

²³ Елена Васильевна Петровская (род. 1947) — в 1980 г. преподаватель кафедры русской литературы Тартуского университета, затем — доцент ЛГПИ им. А. И. Герцена.

²⁴ Герои драмы А. Н. Островского «Бесприданница» (1878).

2. Письмо М. Е. Грабарь-Пассек к Б. Ф. Егорову*

Занимаясь в молодые годы историей Тартуского (Дерптского, Юрьевского) университета, я старался успеть познакомиться с коллегами, помнившими дореволюционный Юрьев-Тарту. Удалось, например, провести содержательную беседу с В. А. Десницким. И таким же образом удалось познакомиться с выдающимся ученым и прекрасным человеком Марией Евгеньевной Грабарь-Пассек. Узнав, что главные мои научные интересы относятся к середине XIX века, Мария Евгеньевна сделала мне царский подарок: дала альбом своей бабушки, видимо, типичной юной шестидесятницы XIX века, воспитанной на Чернышевском и Добролюбове. Альбом — ее личный, записывала туда понравившиеся ей стихотворения, а в отличие от обычных дамских альбомов ее тетрадь полна прозы, причем, главным образом, критической (Белинский, Чернышевский — но не критика его, а отрывок из романа «Что делать?», — Добролюбов).

Ценный подарок подтолкнул меня на занятие альбомами — так появилась моя статья «Альбом как модель эстетических вкусов владельца» (Культура и текст: Материалы Международной научной конференции. Вып. 1: Литературоведение. СПб.; Барнаул, 1996. Ч. 1. С. 45—49). А альбом бабушки требует специального анализа, и я надеюсь в текущем году заняться этой темой. Замечу в заключение, что автобиографическое письмо Марии Евгеньевны является не менее ценным подарком, и оно, недавно обнаруженное, должно быть опубликовано, ибо может существенно помочь историкам, литературоведам, историкам церкви.

Б. Ф. Егоров

9. III. 1962 г.

Глубокоуважаемый Борис Федорович!

Прошу простить меня за то, что я так долго не отвечала на Ваше письмо, которое меня очень порадовало — приятно, когда какая-то вещь, забытая и много лет пролежавшая без употребления, ожидая ввержения в печку, вдруг оказалась полезной и интересной. Причина моего молчания довольно уважительная — я была больна жестоким гриппом, свирепствовавшим в Москве в течение января; пришлось пролежать несколько недель, сперва дома, потом в больнице, а потом отправиться в подмосковный санаторий, чтобы привести себя в нормальное работоспособное

* Публикация и примечания А. П. Дмитриева.

состояние, что, по счастью, удалось сделать; через неделю возвращаюсь в Москву и должна приналечь на работу, чтобы возместить полностью упущенные два месяца.

Толстая книга, в которой записаны стихотворения, кое-где перемежающиеся кулинарными рецептами, вероятно, куплена в конце 50-х или самом начале 60-х годов; все имеющиеся в ней записи сделаны рукой моей бабушки по матери; я ее не знала; она умерла от туберкулеза (почти скоротечного) в возрасте 37 лет в 1881 году; она была старшей дочерью провинциального священника, протоиерея Ивана Филипповича Чупрова, жившего в гор. Мосальске (тогда¹ Калуж<ской> губ.); семья была большая — 7 человек детей, но не нуждавшаяся, т. к. отец был настоятелем собора; я в детстве видала его фотографии, уже стариком, акварельный портрет его в среднем возрасте, большой портрет (маслом) его жены,² красивой и нарядной «матушки», которая, кажется, как рассказывала моя мать со слов своей матери, играла «первую роль» в городе, любила танцевать <так!> и, вероятно, вышедши рано замуж, не хотела вывозить с собой на балы свою 17—18-летнюю дочь Елизавету (именно ту, которая списывала стихи в данную тетрадь), так что девочка бегала под освещенные окна смотреть, как танцует мать; на счастье моей бабушки (этой Елизаветы Ивановны), у нее было двое старших братьев, учившихся в семинарии, привозивших домой разные книги и увлекавшихся Чернышевским; у моей матери когда-то даже была часть «Что делать?», *переписанная* (можете себе представить!) рукой этой же моей бабушки; старший из братьев был впоследствии известным профессором Моск<овского> У<ниверсите>та, первым, читавшим курс политической экономии, — его имя Александр Иванович Чупров (он умер 72 лет, сколько я помню, в 1907 г.);³ второй брат служил в банке, он умер в 1897 г., и я помню его смутно (я родилась в 93-м), но моя мать очень его любила и говорила, что он был очень умным, необыкновенно добрым человеком и очень любил своих племянников, детей этой своей сестры Елизаветы, близкой к нему по возрасту, — сам он был холостяком.

В один из приездов братьев-семинаристов в Мосальск из семинарии⁴ с ними приехал в гости молодой учитель, который вел в семинарии какой-то из богословских предметов,⁵ закончив незадолго до этого духовную Академию (в П<етер>б<ур>ге или Москве — не знаю),⁶ но не посвятившийся еще в священники, Валентин Николаевич Амфитеатров (сын бедного деревенского священника из-под Севска Орловск<ой> губ.),⁷ человек очень одаренный, с прекрасным голосом; Ал<ексан>др Чупров, кончавший тогда семинарию, очень подружился с этим своим молодым учителем и привез его к себе в гости; их дружба сохранилась до самой смерти, тем более, что они, кажется, в тот же год породнились; Амфитеатров женился на Елизавете Ивановне (ей было 17 или 18 лет), стал священником в гор. Лихвине Калуж<ской> губ., потом перешел

в Москву и был известным проповедником и благотворителем⁸ — умер в 1908 г., на его могилу на Моск<овском> Ваганьковском кладбище до сих пор ходит много простого народа, — хотя могилы в сущности уже нет, в 30-е годы ее сравнивали с землей, т. к. толкающиеся вокруг нее «церковные старухи» стали привлекать внимание.⁹ Детей у моего деда было четверо — старший сын Александр (фельетонист и романист, довольно известный — Вы о нем, конечно, знаете)¹⁰ и три дочери,¹¹ старшей из которых и была моя мать, в 16 лет (в 1881 г.) потерявшая свою мать и в 1886 г. вышедшая замуж за молодого, по-тогдашнему «оставленного при Унив<ерсите>те» (по-нашему аспиранта) юриста, Евгения Вячеславовича Пассека¹² — их единственная дочь пишет Вам это письмо.

В начале XX в. не помню в каком журнале (не в «Русском Богатстве» ли?) была опубликована юношеская переписка Александра Чупрова с Амфитеатовым,¹³ трогательная и интересная, даже чем-то напоминающая «Отцов и детей»; Амфитеатов, как видно из его писем, долго колебался, идти ли ему в священники или вместе с Чупровым остаться светским человеком и заниматься историей церкви (он очень ею интересовался, и после его смерти осталась огромная библиотека на русском и французском языках¹⁴ — немецкий он знал плохо, французский изучил в Дух<овной> Акад<емии>). Этого моего деда я помню хорошо — это был красивый седой старик, серьезный и молчаливый, последние 6 лет он был слепым и его младшая дочь была его «Антигоной»; моя мать говорила, что он стал таким после ранней смерти Елизаветы Ивановны, которая была очень веселой, живой, жизнерадостной женщиной, отлично воспитавшей старших детей (сына Ал<ексан>дра и мою мать, тоже Ал<ексан>дру); младших ей уже не пришлось воспитать, она умерла, когда средней дочери, Любви, было 10 лет, а младшей, Вере, 4 г., и их воспитала ее младшая сестра, Мария Ивановна, которую я хорошо помню; это был буквально ангел по характеру — таких теперь не бывает. Таково происхождение толстой книги — Елиз<авета> Ив<ановна>, будучи молодой «матушкой», записывала там то стихи, то рецепты пирожков, моя мать говорила, что у нее была великолепная память, она учила детей множеству песен и стихов, всегда была добра и приветлива, и, хотя в первые годы ей жилось материально неважно — еще моя мать помнила некоторые нехватки в хозяйстве, — она никогда не унывала и всегда что-то пела. Дед очень ее любил и после ее смерти сильно изменился; ему несколько раз предлагали епископство, как образованному и очень одаренному проповеднику (после его смерти младшие его дочери издали 4 сборника его проповедей, действительно, очень простых и сердечных), но он, как говорила мать, терпеть не мог «черного духовенства» — т. е. монахов, — а ведь архиерей должен был постричься, — и очень любил своих детей; младших девочек, пожалуй, даже чересчур — он их никуда от себя не отпускал, кроме театра; старшие дети, моя мать и ее брат, выросшие

еще при Елизавете Ивановне, жили гораздо веселей и свободнее. Вот Вам общая характеристика той, кто писала в толстой книге, — я так и думала, что там могут найтись неизвестные стихи 50—60-х гг. Желтая тетрадоочка — детские записи, сделанные уже моей матерью в 15—16 лет, но в ней, мне показалось, ничего интересного нет.

Всего доброго.

М. Грабарь-Пассек¹⁵

Штемпель на конверте заказного письма: Ленинград, 15.3.62.

Ленинград К-37, Озерковский пр., д. 14, кв. 1. Борису Федоровичу Егорову.

Слева другой рукой: Сосновый бор, № 56.

М. Грабарь-Пассек, Москва Г-21. Зубовский бульвар, д. 15, кв. 5.

¹ С 1929 по 1944 г. Мосальск был районным центром в Сухиничском округе Западной области, затем снова в Калужской области.

² Ее имя — Елизавета Алексеевна, урожд. Брильянтова.

³ Экономист и статистик А. И. Чупров скончался 24 февраля (8 марта) 1908 г. в Мюнхене 66 лет от роду.

⁴ Оба брата Чупровы закончили Калужскую семинарию. Старший, Александр, даже поступил в Санкт-Петербургскую академию, из которой ушел в 1862 г. и поступил в Московский университет. Другого брата, предположительно, звали Алексеем: среди выпускников Калужской семинарии 1862 г. значится Алексей Чупров.

⁵ В. Н. Амфитеатров с 1859 г. преподавал в Калужской семинарии не богословские предметы, а греческий язык и всеобщую и русскую историю.

⁶ Имеется в виду В. Н. Амфитеатров, который обучался в Московской духовной академии в 1854—1858 гг.

⁷ Отец В. Н. Амфитеатрова — протоиерей Николай Гаврилович Амфитеатров — был родным братом архиепископа Казанского и Свяяжского Антония (Амфитеатрова) и приходился племянником митрополиту Киевскому и Галицкому Филарету (Амфитеатрову) и литератору С. И. Раичу.

⁸ В. Н. Амфитеатров женился на Е. И. Чупровой 17 июля 1860 г., а 15 сентября был посвящен в священники. Сначала служил в Благовещенском храме Калуги, в августе 1864 г. был переведен в Троицкий собор г. Лихвина, в 1866 г. возведен в сан протоиерея. В 1871 г. переехал в Москву, где был законоучителем в Московской учительской семинарии, а в 1873—1881 гг. — в Московском казенном реальном училище. В 1874 г. о. Валентин получил назначение в кремлевскую церковь Свв. Константина и Елены. Здесь благодаря ему образовалась многочисленная община, и в праздники маленькая церковь не вмещала всех богомольцев. В 1892 г. о. Валентин стал настоятелем и благочинным кремлевского Архангельского собора.

2. ПИСЬМО М. Е. ГРАБАРЬ-ПАССЕК К Б. Ф. ЕГОРОВУ

Ежедневно служа литургии, он, опираясь на традиции православного старчества, ввел практику частого причащения. Иоанн Кронштадтский говорил приезжавшим к нему из Москвы: «Зачем вы едете ко мне, ведь у вас есть отец Валентин».

⁹ Среди православных В. Н. Амфитеатров почитается как чудотворец Валентин Московский. Принципиальное решение о канонизации было принято Русской Православной Церковью в 1998 г., однако прославления в лике святых до сих пор не произошло (как считается, из-за попытки в 1999 г. обрести его мощи с нарушением законодательства, без официального разрешения). См. о нем: А. З. <Зерцалова А. И.>. Подвижник веры и благочестия. М., 1914; Московский утешитель: Отец Валентин Амфитеатров: Воспоминания, свидетельства о современных чудотворениях, наставления о. Валентина / Авт.-сост. Е. Бочарова. 2-е изд., доп. М., 1996; Благодатный пастырь протоиерей Валентин Амфитеатров / Сост. свящ. Афанасий Гумеров. М., 2001.

¹⁰ Александр Валентинович Амфитеатров (1862–1938) — прозаик, публицист, фельетонист, литературный и театральный критик, драматург, автор сатирических стихотворений.

¹¹ Их имена — Александра (1864–1942), Любовь (1869–1932) и Вера (1876–1948).

¹² Евгений Вячеславович Пассек (1860–1912) — юрист, ординарный профессор Дерптского университета по кафедре римского права (1901–1911). В 1886 г. он закончил курс Московского университета со степенью кандидата.

¹³ Имеется в виду публикация: Студенческие годы А. И. Чупрова: (В письмах к В. Н. Амфитеатрову) // Вестник Европы. 1914. № 6. С. 157–182.

¹⁴ Эта библиотека вместе с рукописями неопубликованных трудов В. Н. Амфитеатрова сгорела в 1970 г. До революции напечатаны его книги: 1) Библейская история Ветхого и Нового Завета. Ч. 1. М., 1875; 2) Очерки из библейской истории Ветхого Завета. Ч. 1. М., 1895; Ч. 2. Юрьев, 1910.

¹⁵ Мария Евгеньевна Грабарь-Пассек (28 октября 1893 — 23 декабря 1975) — филолог и переводчик античной литературы. Дочь ректора Юрьевского университета Е. В. Пассека, жена правоведа Владимира Эммануиловича Грабаря (1865–1956), брата художника Игоря Грабаря. Училась в Московском университете, заведовала (до 1956 г.) кафедрой латинского языка в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков. Перевела с древнегреческого стихи Феокрита, Мосха, Биона, Пиндара и других авторов. Автор книги «Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе» (1966), соавтор и ответственный редактор коллективной монографии «Античный роман» (1969), один из авторов «Истории греческой литературы» (т. 1–3, 1946–1960) и «Истории римской литературы» (т. 1, 1959). Занималась также лексикографией немецкого языка: соавтор вузовского «Справочника по грамматике немецкого языка» (1957) и др.

Из откликов на ее кончину особенно ценен некролог М. Л. Гаспарова «Памяти М. Е. Грабарь-Пассек» (Вестник древней истории. 1978. № 1. С. 231–232).

ДИАЛОГИ ТТ

Диалектика души и сердечная смута:

Диалог в ходе Яснополянских литературных встреч

Владимир Ермаков (изначальный текст):
Заглавие этого текста составлено путем контаминации литературоведческого термина, ставшего штампом, и поэтической метафоры, ставшей банальностью. Собственно, всё ниже следующее есть попытка задуматься, как соотносятся две виртуальные структуры сознания, где-то совпадающие между собой, а в чем-то противостоящие друг другу. И почему эти умозрительные иллюзии — душа и сердце, — разоблаченные в психиатрическом дискурсе как фикции, в философской рефлексии остаются всё теми же идеальными вещами, неуязвимыми и неуничтожимыми.

Лев Аннинский (заметки на полях):

Вот первое свидетельство владения опосредованным словом. Автор этого текста соединяет две мнимости, которыми собирается оперировать. *Штамп и банальность*. Когда он пускает в ход понятия, захватанность которых ему очевидна, эта безнадега позволяет увидеть реальность такого псевдобытия, и тогда появляется *надежда* справиться с захватанностью.

Отдаю должное мастерству автора этого текста и его философскому бесстрашию.

Станет ли мир слушать

ВЕ: Следует сразу оговорить вот что: в познавательном плане автор этого текста считает его бессодержательным. В нем не утверждается ничего конкретного. Раздумывая о том, в каком отношении находятся между собой сердечное волнение и душевное спокойствие, автор не смог связать концы с концами. И не смог организовать ход мыслей в порядок слов. То, что следует далее, — всего лишь фрагменты — отдельные

рассуждения, не сумевшие дойти до общего вывода. Единственно, что объединяет их в формате текста, — хроническая неуверенность автора в том, что его сердечные пристрастия и душевные переживания могут иметь какое-либо общественное значение. Насколько оправданно право литератора судить и рядить мир по своему усмотрению: судить о природе и порядке вещей — и рядить свои суждения в риторические обороты, которым авторитет литературы придает весомость и важность?

ЛА: Общественное значение сердечных пристрастий обретается в ходе их обнародования. Судить и рядить мир по своему усмотрению имеет право каждый человек. А вот станет ли мир его слушать — реальность общественного уровня, и она выясняется по ходу высказывания.

Слушаю Вас!

Воля мага?

ВЕ: Занимаясь литературной работой, писатель как таковой изначально занимает позицию превосходства над неопределенным множеством своих читателей. Он — тот, кто говорит. Он — то, что сказано. *Поэт в России больше, чем поэт.* Это неравенство встроено в структуру литературы. Феномен Толстого есть предельный случай харизматического господства: словно великий маг, яснополянский гений имел таинственную власть над духом эпохи. А власть — вещь опасная. Когда воля мага подвержена страстям, его влияние на реальность может стать неотвратимым и необратимым. В ходе XIII Яснополянских писательских встреч один серьезный ученый, профессор МГУ Юрий Осипов, обвинил Толстого в разрушении российской государственности, — и нельзя сказать, что это обвинение было нелогичным и необоснованным. Духовное сопротивление Толстого самодержавному режиму, обрастая социальными интерпретациями, обрело революционное значение...

ЛА: Если поэт в России больше, чем поэт, то естественно, что и Толстой в России больше, чем Толстой. Власть его идей была опасна не потому, что они опасны сами по себе: опасными их делал воздух эпохи, в котором они обрастали социальными (и асоциальными) интерпретациями. Толстой это остро чувствовал и от избытка сил (и от тоски арзамасской) испытывал дух эпохи на прочность.

Генератор волн

ВЕ: Ладно — Толстой. Это случай особый. Но, положи руку на сердце, вправе ли современный автор выкладывать на люди всё, что у него на

душе? Должен ли рядовой литератор, сказав нечто в сердцах, нести ответственность за свои слова? Может ли каждый художник в своих грезах и кошмарах видеть знамения времени? Сердечный спазм или душевный срыв через посредство печати передаются в культурную среду и вызывают общественный резонанс. Литературный артефакт работает в ментальном поле как генератор волн. *Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...*

ЛА: А как предугадать, пока оно не отзовется? Вправе ли человек высказывать всё то, что у него на душе? Да ты попробуй не высказывать — оно тебя задушит! Задушит — «в пространстве текста». Вот там — удержишься?

Хочется быть творцом?

ВЕ: Как бы ни был скромнен конкретный литератор, он по статусу авторства властвует в пространстве текста. Он — король на горе; другое дело, что слишком часто король голый. Власть над словом придает статусу писателя особое значение, которое мало кто может оправдать. Но тот, кто принял титул литератора, должен — несмотря ни на что — сохранять верность слову. Кто взялся за перо, стремится совместить свою экзистенцию, свою эрудицию и свою интуицию в русле единого словотворческого процесса, — в то время как смысл его жизни растворяется в стремительном течении дней.

ЛА: У Толстого в «Исповеди» есть поразительное рассуждение о том, что смысл жизни утверждается самим фактом вопроса о смысле, а конкретное его содержание... растворяется в стремительном течении дней. Оно, содержание, становится внятно по прошествии этих дней. Не слишком ли многого хочет тот, кто отваживается на истолкование не им сотворенного мира и его смысла? Или он тщится заменить Творца? «Мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем»? Хотели сами мир сотворить. Попробовали. Нарастили мощь материального оснащения вокруг смысла. И вопрошаем: кто мы и зачем мы? Чем стал тот, кто был ничем? А из ничего и не выходит ничего. Ничем человек и остается. А так хочется быть творцом...

Натянутая тетива

ВЕ: Тот, кто хочет быть творцом, хочет многого. Прежде всего — стяжать мир в себе. Но не только. Он стремится к власти над миром. Он ищет волшебные слова, способные открыть двери реальности. Чтобы

выйти из себя в люди. Чтобы войти в глубину жизни самому и ввести туда других. Такая творческая установка дана в стихах Пастернака.

Во всём мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.
До сущности прошедших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.
Всё время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья...

Вот так. Ни больше, ни меньше. Собственно, этого хочет любой, кто хочет быть человеком в полном смысле слова. И чтобы научиться жить, читает книжки. Или пишет их. Для этого и литература. А если она не для этого, то без нее и впрямь можно обойтись. Для всего прочего и телевидения с лихвой хватит.

ЛА: Быть творцом? Тут нужно какое-то запредельное самомнение. И самоуверенность. Нельзя хотеть быть творцом, а просто надо овеществлять в себе заложенную природой творческую энергию. И поменьше щеголять словом «творчество». «Стяжать мир в себе»? Что значит «мир» в этом контексте? Противовес «войне»? Согласен. Противовес ничтожеству индивида? Не согласен! Мир и так в тебе. Двери реальности открыты. Надо «выйти из себя в люди»? Люди тоже в тебе — чтобы это почувствовать, надо выйти и взглянуть: откуда вышел.

Смысл стихов Пастернака — в поиске сути. Нить — в поиске нити, связующей события в то, что означает смысл и суть. Как только эту суть видишь в конкретных предметах, начинается иллюзион. Какие-то липы выстраиваются гуськом, в затылок, и «липой» вытесняется суть. Розами и прочей мятой. Впрочем, вот эти перечни у Пастернака:

В стихи б я внес дыханье роз,
Дыханье мяты,
Луга, осоку, сенокос,
Грозы раскаты.
Так некогда Шопен вложил
Живое чудо
Фольварков, парков, рощ, могил
В свои этюды.

ДИАЛЕКТИКА ДУШИ И СЕРДЕЧНАЯ СМУТА

Достигнутого торжества

Игра и мука —

Натянутая тетива

Тугого лука.

Игра ума? Мука совести? Чудо иллюзии?

Гениальность поэта — в финальных строках: их смысл как натянутая тетива — там притаилась гибель.

Гибель — расплата за смысл.

Всё остальное — ужимки для телеэкрана. Вы его вовремя помянули.

А литература?

ВЕ: Литература как таковая есть не что иное, как открытый дневник человечества. История литературы — школа рефлексии. В логоцентрическом мире чтение — основа образования: человек образовывал себя, то есть создавал свой образ, читая то, что другие писали о нем. И удивлялся — насколько он мал и насколько велик. И как непостоянен в себе. Совершая глупости и покрывая их жестокостями, человек по кривой дорожке идет к недостижимому совершенству. Пока живой, он то такой, то этакий... а то вообще никакой. Во всяком случае, никто никогда не равен себе. Он одерживает победы или терпит поражения в борьбе с самим собой. Диалектика души. Это понятие, усвоенное литературоведением из критики Толстого Чернышевским, означает, собственно говоря, одну простую истину: быть человеком — это не состояние, а процесс.

Не худо, однако, вспомнить, что же всё-таки за штука эта диалектика применительно к отдельно взятой личности.

ЛА: А что, диалектика, примененная к отдельно взятой личности, и диалектика, примененная ко всемирным программам, национальным школам и политическим фракциям, — это то же самое, или это какая-то другая диалектика? Или так: диалектика души князя Андрея, едущего мимо дуба «туда», а потом «обратно», — это две диалектики в одной душе или две души (два состояния души) в одной диалектике?

Прошу прощения за такой школьно-хрестоматийный пример...

Хрестоматийный пример

ВЕ: Хрестоматийный пример, излюбленный пример школьных учителей, содержится в романе «Война и мир» (т. II, ч. 3, гл. I и III). Берутся два эпизода, в которых душевное состояние князя Андрея Болконского дважды сопоставлено с видением старого дуба. Две штатные цитаты позиционируются в качестве психологического силлогизма.

Вот тезис: дуб как образ депрессии. «С огромными своими неуклюже, несимметрично растопыренными корявыми руками и пальцами, он старым, сердитым и презрительным уродом стоял меж улыбающимися березами. Только он один не хотел подчиняться обаянию весны и не хотел видеть ни весны, ни солнца». Так и князь Андрей — «он как будто вновь обдумал всю свою жизнь и пришел к тому же прежнему, успокоительному и безнадежному, заключению, что ему начинать ничего было не надо, что он должен доживать свою жизнь, не делая зла, не тревожась и ничего не желая».

Вот антитезис: дуб как образ эйфории. «Старый дуб, весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млел, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца». Под стать ему душевное состояние князя — «на него вдруг нашло беспричинное весеннее чувство радости и обновления. <...> надо, чтобы все знали меня, чтобы не для одного меня шла моя жизнь...».

Как учил Гегель, противоречие снимается в синтезе. Сумеречное сознание Андрея Болконского достигает ясности на исходе жизни. «Он испытывал сознание отчужденности от всего земного и радостной и странной легкости бытия. Он, не торопясь и не тревожась, ожидал того, что предстояло ему. То грозное, вечное, неведомое и далекое, присутствие которого он не переставал ощущать в продолжение всей своей жизни, теперь для него было близкое и — по той странной легкости бытия, которую он испытывал, — почти понятное и ощущаемое» (т. IV, ч. 1, гл. XVI).

Как учил Кант, человек есть цель самого себя. Что и требовалось доказать. Доказать всей жизнью, обретающей завершенность только в законченности.

ЛА: Кант научил нас (мое поколение, а точнее, меня лично) тому, что есть вещи в себе, независимые от общеобязательных перемен. Мы *окантовались*. Категорический императив из сферы диктатуры, которая досталась нам от военного детства, перешел в сферу личных решений, где императив означал для личности независимость и спасал от бесконечной череды зависимостей эпохи, остававшейся боевой, военной и нескончаемо беспощадной. Мой собеседник, не заставший сталинского образа правления, а заставший крушение советского образа жизни, почувствовал вместо странной легкости мирного бытия его смертельную тяжесть. Толстой помог...

Путь — то в одну, то в другую сторону?

ВЕ: Насколько диалектика души, идейно-образное открытие Толстого, есть обобщение его собственного душевного опыта? В полной мере!

Как писатель Толстой является родителем Андрея Болконского, — но по линии прототипов, как внук князя Волконского, автор романа как бы является сыном своего персонажа. Так что можно предположить, что структура характера у них та же — наследственная. В этом плане позволительно допустить нечто общее между образом героя и образом автора. И тогда идеальным наглядным пособием по диалектике души становится дневник Льва Николаевича Толстого. Вот три цитаты из дневника, взятые для психологического анализа.

Тезис: «Нынче поутру около часа диктовал Тане, хорошо, спокойно, без волнения, а без волнения наше писательское дело нейдет» (1864).

Антитезис: «Еще думал: большинство добрых чувств, мыслей — не чувства, мысли. А то, что тебя взволнует что-либо доброе: сострадание ли, сознание ли неправды и желание помочь уяснить, и это доброе стремление переходит или в негодование, злобу, осуждение, или в тщеславно перед людьми выставляемое рассуждение...» (1890).

Синтез: «Почувствовал близость, совсем близость смерти, сейчас, и было спокойно, хорошо, ни радостно, ни грустно, ни страшно» (1909).

Три записи, выбранные почти произвольно, представляют диалектическую триаду в классическом виде. Пафос и скепсис, поочередно овладевая душой, в мучительном процессе преодоления и преображения соединяются в нечто иное. Энергия заблуждения производит работу по продвижению мятежного духа к конечной цели. Забирая то в одну, то в другую сторону. Иначе не бывает. Как говорил любимый Толстым Лао-цзы, — то Инь, то Ян — это и есть Путь. Толстой понимал это как никто другой. Понимать Толстого — значит восхищаться и возмущаться масштабом его решительного вмешательства в порядок умозрительных вещей. Всё, что следует дальше, — не столько авторская интерпретация толстовских мыслей, сколько вольные вариации на вечную тему.

ЛА: Вот вариации-то и выворачивают великую тему то в тот бок, то в этот. И с чего яснополянский гений имел таинственную власть над духом эпохи? Да с того, что эпоха, клонясь к катастрофе мировой войны, не давала гению покоя, и он так и эдак пытал ее в своих исповедях. Выходило зеркало всеобщего безумия. А разум оставался в великом романе «Война и мир». Его величие и осталось: когда в 1941-м война дошла до смертных рубежей и мы отступали до Москвы — мы отступали в «Войну и мир». Вот тут «мир» годился с любым «и». Отступила смерть — и опять пошло: не разрушал ли Толстой нашу государственность? Да он смысл искал в том, как она разрушалась! В безумства эпохи внедрялся! А смысл таился в характере капитана Тушина. Да о нем забыли.

Событие человека

ВЕ: Диалектика души как теоретический концепт есть выражение дуалистической природы homo sapiens. Событие человека — явление себя, перманентно выпадающее из своей собственной реальности. В человеке как таковом нераздельно и неслиянно сосуществуют природное тело, чья жизнь поддерживается сердечной мышцей, и вымышленное существо, сутью коего является его душа. В основе его самости — тайна эволюции, закодированная в геноме, а в основе его сущности — зияние, в коем мерцает метафизическая мгла. Оттого ни в ком из нас нет однозначного смысла.

Оно бы и ничего, если бы не стремление к самопознанию, встроенное в структуру сознания. Все дороги разума ведут в неведомое, где всё не так, как здесь, — и зверь, живущий в человеке, страшится грядущего, теряется в настоящем и обращается к прошлому, — чтобы скрыться от метафизического ужаса в темном лесу инстинктов.

ЛА: Замечательное рассуждение! Событие человека — загадка и таинство реальности. Душа — это, конечно, вымысел. Но природное тело обретает смысл только при условии, что его пытается объяснить душа — вымыслом. В ходе вымысла обретая очередную правду. Истина остается в таинственной невыразимости — там мерцает метафизическая мгла.

Спасение от самого себя?

ВЕ: Чем больше соблазнов открывается изощренному разуму, тем сложнее ему сохранять благоразумие. Бремя страстей человеческих становится не по плечу человечеству, разделенному по странам и стратам. Отдельные явления шума и ярости в потребительском обществе, обладающем глобальными коммуникативными технологиями, образуют идейные торнадо и социальные цунами, разрушающие целые области обустроенного веками духовного пространства. Провалы в картине мира исподволь заполняются аморфной тьмой.

ЛА: «Аморфная тьма» и «метафизическая мгла» отлично заменяют друг друга. «Провалы в картине мира»? А может, эти провалы и есть суть картины. Мы в этой картине — участники, и другой картины нет. Политтехнологи препарируют, массовые движения накрывают их с головой, коллективные действия непрерывно меняют цели, оправдывая средства, и каждый раз при размене целей и средств метафизическая мгла покрывает их без разбора. Мы живем сейчас в ситуации, когда химерическая суть всех тех целей, над которыми билось человечество (и его представи-

тель в Ясной Поляне), выворачивается с примерной неистощимостью, и это дикое выворачиванье оседает в головах умников очередным раздумьем о смысле очередного безумства... которое без конца возвращается в виде гражданских войн и мировых военных союзов, угрожающих друг другу.

Есть спасение?

Что? Спасение человека от самого себя?

Нет.

От разочарования к надежде

ВЕ: В сложных системах, подобных современному мировому сообществу, причинами системных сбоев могут быть сущие пустяки. Буря в стакане воды, усиленная интерференцией социальных сетей, в информационном пространстве становится разрушительным смерчем. Сущая ерунда, попавшая в интернет, словно муха, запутавшаяся в паутине, вызывает резонансные колебания, нарушающие неустойчивые конвенции общественного сознания. А уж злонамеренная и целенаправленная ложь, хитроумно внедренная в господствующий дискурс, тем более разрушительна.

Как меняется значение и назначение словесности в новые времена? Бог весть. Роль литературы теряет прежнюю определенность. Классическое единство места, времени и действия распадается по линиям внутренних напряжений. Клиповое сознание работает вразнобой и вразнос. Волнение автора рождает волнующие образы. Эфемерная, словно бабочка, метафора, может стать мифологемой — и, препарированная хладнокровными политтехнологами, стать символом и стимулом массового движения. То есть коллективного действия, не разбирающего цели и не выбирающего средства. В итоге все имеют то, чего не хотел никто. Эффект бабочки, технический термин теории хаоса, охватывает случаи, когда незначительное влияние на систему вызывает лавинообразные изменения, имеющие катастрофические последствия. Физик Эдвард Лоренц в основу формулы положил метафору Рэя Брэдбери из рассказа «И грянул гром». Из воображаемого образа, рожденного вдохновением художника, или умозрительного концепта, созданного размышлением философа, интеллектуальные технологии возвращают виртуального монстра, захватывающего власть над образом реальности.

Несбывшиеся чаяния порождают неизбывное отчаяние. Сомнение в сущем становится основным содержанием сумеречного сознания. Современное художественное творчество в русле мейнстрима есть искусство разочарования.

ЛА: Лучшего мира нет и не будет. То, что мы имеем, и есть лучший мир. Мы его оценим, если порушим. Лик этого мира оборачивается, маркируя эпохи всё новыми химерами. Чтобы жить в этом мире, надо сжиться с безнадежностью, которую мы называем надеждой. Перевернется мир очередной раз — из состояния смутной надежды в состояние безнадежной смуты — будем испепеляться в этом котле.

Нам не привыкать.

Лента Мёбиуса помогает?

ВЕ: В борьбе за спасение человека от самого себя отчаянию противостоит надежда. От Ромула до наших дней, отныне и присно. Так античная стоическая идея выражалась героической формулой: *dum spiro — spero*. Пока дышу — надеюсь. Надеюсь на себя. Базисом античной мудрости подразумевалась работа над собой, основанная на самоограничении. Апатия (бесстрастность) и атараксия (невозмутимость) суть две предпосылки эвдемонии (блаженства). Необходимым и достаточным условием счастья полагалось олимпийское спокойствие. Кризис античности можно свести к одному размытому во времени событию: экзистенциальная установка стоицизма тихой сапой достигла своего внутреннего предела — и таким образом исчерпала свой смысл: безмятежность оказалась безнадежностью.

С каждым шагом по дороге прогресса человек надеется найти выход из юдоли страданий в лучший мир, — но по какому-то непостижимому свойству внутреннего странствия всякий путь к истине, словно односторонняя поверхность Мёбиуса, возвращает самонадеянную мысль к исходному пункту, метафизическому истоку сознания. Роднику тревоги и источнику надежды. Андрей Платонов, великий писатель страны советской, непризнанный преемник Льва Толстого, великого писателя земли русской, сформулировал эту апорию так: «Надежда не может сбыться и бьется внутри человека: если она сбудется, человек умрет; если не сбудется — человек останется, но замучается, — и сердце бьется на своем безысходном месте посреди человека».

Посреди человека зияет страшная тайна, окруженная сердечной смутой. И пока душа грезит о вечной жизни, сердце сжимается, предчувствуя близость смерти. Христианское мужество, выведшее дух эпохи из руин античности, перевернуло смысл стоической формулы: пока надеюсь — живу. Ибо мы спасены в надежде (Рим. 8: 24). Такая вот диалектика души.

ЛА: Сколько надежд сбылось по ходу Двадцатого века! Надеялись построить образцовое счастье для отдельно взятой страны, а в перспек-

тиве и для всего человечества, а оказалось, что строим из народа армию для смертельной схватки с другим народом, выстраивавшимся в такую же армию, только для счастья избранных *übermensch-eй*. Есть от чего придти в отчаяние, осмысляя жизнь и гибель отцов, расплатившихся за наше спасение!

Никакой эвдемонии. Атараксия спасает от апатии. Лента Мёбиуса помогает усвоить то, что поняли философы: надеяться надо не на рай, а на спасение от ада.

Диалектика, эклектика...

ВЕ: Теоретически диалектика неодолима, но к исторической практике этот метод применять довольно затруднительно. В реальной жизни тезис так упорно противостоит антитезису, что до синтеза дело не доходит. Диалектика выдумана философами, чтобы упорядочить образ мира. Но глупо думать, что с помощью философского метода можно прояснить смысл жизни. Реальность являет разуму торжество не диалектики, а эклектики.

Вот как определяет это понятие «Словарь иностранных слов»: «Эклектизм — отсутствие единства, целостности, последовательности в убеждениях, теориях; беспринципное сочетание разнородных, несовместимых, противоположных воззрений, например, материализма с идеализмом; в искусстве — формальное соединение различных стилей». Пожалуй, ни один период в истории не подходит под это определение так буквально, как наше время. Время злобного глобализма и агрессивного национализма, морального конформизма и религиозного экстремизма, политической корректности и половой толерантности, духовной деградации и этической энтропии.

Эклектика позволяет сосуществовать вещам, казалось бы, совершенно несовместимым — без того, чтобы одна из них вытесняла из бытия другую. Это и есть постмодерн. Не мы такие — время такое. Основное свойство нашего времени — потеря внутренней ориентации. Мир вверх тормашками. Это растерянное состояние духа времени Мишель Фуко назвал эпистемологической неуверенностью. Ничто в мире не достоверно, никто, по сути, не прав. Это тотальное сомнение дает всем и каждому моральное основание не ввязываться в борьбу добра со злом. Непротивление злу насилием перерастает в потворство злу непровинением.

Если диалектический подход к порядку вещей предполагает открытую возможность разрешения конфликта, торжество эклектики в человеке кончается либо соглашением с действительностью (толерантным душевным равнодушием), либо инфарктом миокарда (метафорическим разрывом аорты). Постмодернизм в духовном смысле есть истощение

надежды. Новое поколение людей проводит свой век, коротая современность в ожидании конца истории.

ЛА: Не будет конца — будет бесконечное ожидание конца. Все нынешние варианты одержимости (от «злой бессмыслицы» до «этической энтропии») сосуществуют в ералаше. Который вполне возможно назвать «эклектикой». Если ввязываться в борьбу — так и эдак окажешься в дураках или сохранишь себя для умных сентенций, вроде того что «непротивление злу насилием перерастает в потворство злу непротивлению». Особенно интересно то, что зло и добро в текущей реальности непрерывно меняются именами, местами, ролями и программами. Наше время — момент такой смены. Лук натянут.

Стрела полетела!

ВЕ: Античный, буддийский, даосский и христианский идеалы в метафизическом пределе имеют в себе нечто общее: целевую причину, понимаемую как достижение блаженства. Необходимым и достаточным условием совершенного состояния полагается незыблемый покой. Может быть, ожидаемый конец истории и есть недостижимый предел наших желаний? Так сказать, Царство Божие внутри нас... Это сильно вряд ли.

«На свете счастья нет, но есть покой и воля...». Так резюмирует свой жизненный опыт Александр Пушкин. Допустим, что так. Но где он, истинный покой, и как его обрести? На это Пушкин не отвечает. Но на это намекает Михаил Лермонтов. «А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой». Поэт гениально угадал основной закон хаоса: в центре циклона находится зона покоя; моряки и метеорологи называют ее *око бури*. Александр Блок, захваченный неукротимой стихией истории, не согласен с ними обоими — «покой нам только снится».

Так есть или нет этот обетованный край земных страстей — душевный покой в круговороте мира? К несчастью нашему, тайна разрешается только смертью. Если мудрость сумеет синтезировать этот покой в процессе жизни, удел человеческий изменится кардинальным образом. Основанием для такого утверждения может быть внутренний опыт тех, кто доходил до конца — и вернулся, чтобы поведать о том, как выглядит жизнь в обратной перспективе. *Опыт-предел*, в терминологии Мишеля Фуко.

В опыте-пределе смертельный риск выступает как метафизический катализатор, резко ускоряющий реакцию самопознания. Смысл жизни синтезируется из множества простых человеческих вещей, растворенных в потоке сознания. В фильтре философской рефлексии поглощается ужас и выделяется радость. Как свидетельствует Толстой в дневниковых записях, предчувствие смерти воодушевляет его.

Из этого суждения можно сделать предварительный вывод: явление смерти, инсталлированное в сферу разума как виртуальная реальность, должно быть осознано как необходимое и достаточное условие *бытия-в-себе*. Обретение мира происходит в режиме перманентной утраты. Таким образом, диалектика души есть не что иное, как преодоление сердечной смуты. Тезис, антитезис и синтез — переживание, понимание и преобразование. Собственно говоря, «Война и мир» именно об этом. И весь Толстой об этом. И всё, что достойно именованию литературой, — об этом. В том числе и Пастернак:

Достигнутого торжества
Игра и мука —
Натянутая тетива
Тугого лука.

Вот-вот тетива сорвется — и стрела полетит к непостижимой и недосягаемой цели.

ЛА: Наконец-то стрела полетела!

Покой — это то, что нам снится в провалах из бессонницы бытия во мглу небытия. Покой — гибель, небытие, конец всего, исчезновение смысла и понятия о смысле. Мысль о конце возобновляет жажду и ожидание смысла. Эта мысль о конце пережита Пушкиным, Лермонтовым, Пастернаком... И Толстым, конечно. Режим перманентной утраты — свидетельство того, что душа старается обрести смысл того, что с нею происходит. Можно сказать, что диалектика души помогает держаться в очередной смуте. А можно — что очередная смута коренится в базисе бытия и на время укрощается умственной диалектикой.

Буря и нежный холод

ВЕ: Бог не в буре, а в тишине. Первоисточник этой народной мудрости — в Библии (Третья книга Царств: 19, 11–12); когда Господь сил являет слово свое отчаявшемуся пророку Илии, Он говорит так: «Выйди и стань на горе перед лицом Господним. И вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом; но не в ветре Господь. После ветра землетрясение; но не в землетрясении Господь. После землетрясения огонь; но не в огне Господь. После огня веяние тихого ветра». (Еще сильнее таинственный смысл явления проступает в церковнославянском переводе: «глас хлада тонка, и тамо Господь»; в византийской гимнографии метафорой приближения смерти был риторический троп *нежный холод*.) Не это ли тихое веяние ощутил Толстой на закате жизни — целительный тонкий хлад в горячке

спора с самим собой? Целительный — то есть возвращающий личности целостность, цельность — через снятие противоречий.

Сила духа не в страстности, а в ясности. Современный апокриф (в формате интервью) приписывает матери Терезе, новообретенной святой католической церкви, некий предельный вариант общения с Богом.

- Что ты говоришь Богу в молитве?
- Ничего; я просто слушаю Его.
- Что же говорит Тебе Бог?
- Ничего; Он просто слушает меня.

Синтез земного и небесного происходит незримо и неслышно — незаметно. Исход духовного поиска является одновременно его истоком.

Изучая Толстого, мы продвигаемся мыслью в глубь его явления, — но масштаб события Толстого непомерно велик, и мы отступаемся, не дойдя до сути. И тогда понимаем, что ходим вокруг да около него. Мы говорим: мятежный гений... тем самым как бы отводя себе скромную роль здраво-мыслящих обывателей и отводя от себя подозрения в сочувствии его еретическому учению. И тем более — в соучастии в его духовном бунте против действительности, бессмысленном и беспощадном. Объясняя Толстого, мы как бы обезвреживаем его. В то время как толстовская критика всего и вся подобна циклону, разрушающему закосневшие иллюзии. Если набраться мужества и терпения, чтобы преодолеть зону отчуждения, в сердцевине его творчества обнаружится *око бури* — область несказанного, где обретается то, чего нам так не хватает. Не вера в нечто непостижимое, а уверенность в смысле сущего — необходимое и достаточное условие духовного синтеза физических и метафизических явлений бытия.

ЛА: Чтобы почувствовать *око бури*, нужна буря — как необъяснимый и неведомый способ бытия. Чтобы почувствовать то, чего нам так не хватает, надо высказаться о невысказываемом — оно невысказанно, невысказываемо, непостижимо. Как только смысл бытия реализуется в каком-нибудь цветении лип — так и жди срыва тетивы. Жди муки, которой оплачивается игра.

Бесстрашие пуганых

ВЕ: Смерть в перспективе житейского опыта не может быть ничем, кроме как пределом реальности, но близость смерти есть *экзистенциал*, под которым является смысл жизни. Под мертвой зыбью, смущающей поверхность души, обнаруживается незыблемая глубина несокрушимого бытия. В преддверии смерти Толстой (как об этом свидетельствуют его

дневники) не чувствует смертной тоски. Ничто пугает, но душе не страшно. Чтобы достичь этого состояния, надо было пережить арзамасский ужас, сжиться с ним — и изжить его. Противоположность страсти не бесстрастность, а мудрость. Когда ни радостно, ни грустно, ни страшно — спокойно и хорошо. Наверное, только в таком стабильном состоянии душа способна перенести невыносимую легкость бытия, перенести свой невысказанный смысл из времени в вечность.

ЛА: Я бы перефразировал знаменитый ответ Толстого насчет того, что его пугают, а ему не страшно. Душе страшно, даже когда никто не пугает. Слишком многое изранило душу в пережитом и обозримом. Что будет — то будет, надо только решить, во имя чего и с кем вместе ты пропадешь, расплачиваясь за Смысл: со страной, с народом, с человечеством? С близкими в семье, с близкими в боевой разведке, с близкими в очередном столкновении политических программ и в единении сиротеющих душ. До конца. До *твоего* конца, а бесконечность пусть катится дальше.

Око бури

ВЕ: Чем должна быть литература после Толстого? Что должно быть скрытым содержанием художественного произведения, претендующего быть чем-то большим, чем сумма слов? То, что может взволновать ум, — но при этом успокоить сердце и утешить душу. Скажем: надежда. Надежда на то, что рукописи не горят и смысл, синтезированный человечеством из трагического и героического опыта земной жизни, не подвержен тлению. Эту уверенность в особой роли словотворчества хорошо выразил Иосиф Бродский в стихотворении, посвященном памяти Анны Ахматовой.

Страницу и огонь, зерно и жернова,
секиры острие и усеченный волос —
Бог сохраняет всё; особенно — слова
прощенья и любви, как собственный свой голос.

И тогда не так важно, что Бог ничего не говорит нашему времени, а нашему времени нечего сказать Ему. Главное, чтобы посреди житейской суеты в каждом сердце оставалось место сосредоточенного покоя. *Око бури*, через которое в мир смотрит Бог. С точки зрения вечности. Что бы ни значило это для каждого из нас в мировоззренческом плане. Ясность бытия и прозрачность сознания — вот внутренний предел духовной жизни, к которому стремится каждая живая душа. В этом метафизическом пределе разница между теизмом и атеизмом становится исчезающе малой.

ЛА: Между теизмом и атеизмом разница не больше, чем между вопросом о смысле и сознанием невозможности ответа. Место для покоя в каждом сердце — не значит покой, а именно место, в котором буря может обрести око. А может и не обрести. Воззвали же наши деды-прадеды: «Буря бы грянула, что ли...». Она и грянула. Чаша переполнилась, выхлестнула кровью. Мы взываем к покою. Чтобы он нам хотя бы снился. Хотя невыносимая легкость бытия такова, что не уснешь.

Есть сон такой, не спишь, а только снится,
Что жаждешь сна; что дремлет человек,
Которому сквозь сон палит ресницы
Два черных солнца, бьющих из-под век.

Дальнейшее — молчанье?...

ВЕ: ИмPLICITный автор (технический термин литературной критики, заменивший прежний концепт гения, несоразмерный для современного писателя), чтобы оправдать возложенные на него надежды, должен занимать безысходное место посреди человека. Зону тишины и покоя среди шума и ярости. Место, где слышно внимающее молчание Бога. Молчание — знак согласия. Согласия в душе. Диалектического синтеза внутреннего и внешнего, земного и небесного, временного и вечного. Из этого молчания опустошенные слова заново наполняются смыслом.

ЛА: Заново... А потом? Опять заново...

И впредь...

ВЕ: Литература в целом должна давать людям то, чего не имеет ни один автор в отдельности — надежду на осмысление и оправдание всего, что с нами происходило прежде и произойдет впредь. А главное — того, что происходит сегодня. С нашим непосредственным участием. Или опосредованным. Опосредованным словом.

* * *

Лев Аннинский:

Мое опосредованное слово в заключение. Эти заметки навеяны выступлением Владимира Ермакова в ходе Яснополянских встреч 2014 года. Зная его, я и ожидал чего-то в этом духе.

Владимир Ермаков — ярчайшее имя в современной публицистике.

Смута — роковое понятие отечественной истории.

Сердце — русский ответ беспощадному Разуму.

Сведения об авторах

Лев Александрович Аннинский (р. 1934) — литературный критик, писатель, публицист. Окончил филологический факультет Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Автор более 30 книг, среди которых: «Ядро ореха» (1965), «Охота на Льва» («Лев Толстой и кинематограф») (1980, 1998), «Лесковское ожерелье» (1982), «Шестидесятники и мы» (1991), «Серебро и чернь» (1997), «Барды» (1999), «Распад ядра» (2009) и др. Ведет авторские рубрики в журналах «Дружба народов», «Российская провинция», «Родина», «Культура». Член Союза писателей (1965), Союза кинематографистов (1970), Русского Пен-центра (1995), Академии российской словесности (1996), Ассоциации кинообразования и медиапедагогике России (2010). Член жюри литературной премии «Ясная Поляна». Лауреат премии Союза кинематографистов СССР (1980), премий журналов «Октябрь» (1983), «Литературное обозрение» (1988, 1989), газеты «Литературная Россия». Дважды лауреат телевизионной премии «ТЭФИ» (1996, 2007). Живет в Москве.

Андрей Алексеевич Аствацатуров (р. 1969) — писатель и филолог. Доцент кафедры истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат филологических наук. Автор трех научных монографий: «Т. С. Элиот и его поэма “Бесплодная Земля”» (СПб., 2000), «Феноменология текста: игра и репрессия» (М., 2007), «Генри Миллер и его парижская трилогия» (М., 2010), а также около 150 статей, посвященных проблемам английской и американской литератур. Автор романов «Люди в голом» (М., 2009), «Скунскамера» (М., 2011), сборника прозы «Осень в карманах» (М., 2015), а также нескольких рассказов и повестей. Печатался в журналах: «Сноб», «Нева», «Октябрь», «ШО». Лауреат премий «ТОП-50» («Знаменитые люди Петербурга»), «НОС» (приз зрительских симпатий), финалист премий «НОС» и «Национальный бестселлер». Живет в Санкт-Петербурге.

Владимир Сергеевич Березин (р. 1966) — прозаик, критик, эссеист. Окончил физический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Литературный институт им. А. М. Горького, работал книжным обозревателем и редактором в «Независимой газете» и газете «Книжное обозрение». Печатался в журналах «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Новый мир» и др. Долгое время занимался преподавательской деятельностью. Автор книг: «Свидетель» (2001), «Поляков» (2007), «Диалоги. Никого не хотел

обидеть» (2008), «Путевые знаки» (2009), «Путь и шествие» (2010), «Птица Карлсон» (2011), «Группа Тревиля» (2011), «Последний мамонт» (2012), «Виктор Шкловский» (серия «ЖЗЛ», 2014) и др. Лауреат нескольких литературных премий. Живет в Москве.

Кристин Фридрих Бёттрих (р. 1959) — немецкий богослов, профессор теологического факультета Грайфсвальдского университета (Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald), доктор богословия. Сфера интересов — экзегеза Ветхого и Нового Заветов. Основные публикации: *Weltweisheit, Menschheitsethik, Urkult: Studien zum Slavischen Henochbuch* (Tübingen, 1992); *Das slavische Henochbuch // Jüdische Schriften aus hellenistisch-römischer Zeit. Bd. 5, Lieferung 7* (Gütersloh, 1995); *Bibliographie Konstantin von Tischendorf* (Leipzig, 1999); *Petrus* (Leipzig, 2001); *Biblische Gestalten in Judentum, Christentum und Islam. 5 Bände* (Göttingen, 2009—2013); *Geschichte Melchisedeks // Jüdische Schriften aus hellenistisch-römischer Zeit — Neue Folge. Bd. 2, Lieferung 1* (Gütersloh, 2010); *Der Jahrhundertfund: Entdeckung und Geschichte des Codex Sinaiticus* (Leipzig, 2011). Живет в Грайфсвальде (Германия).

Петр Евгеньевич Бухаркин (р. 1955) — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета. Область научных интересов: история русской литературы XVII—XX веков, историческая и теоретическая поэтика, риторика, история русского литературного языка. Основные работы: «“Русская идея” в русской литературе» (Göttingen, 1994), «Православная Церковь и русская литература в XVIII—XIX веках: проблемы культурного диалога» (СПб., 1996), «Н. М. Карамзин — человек и писатель — в истории русской литературы» (СПб., 1999), «Риторика и смысл» (СПб., 2001), «История русской литературы XVIII века: Петровская эпоха» (СПб., 2009), «М. В. Ломоносов в истории русского слова» (СПб., 2011). Живет в Санкт-Петербурге.

Наум Исаакович Вайман (р. 1947) — писатель, литературовед, публицист, переводчик. Окончил Московский электротехнический институт связи. Участник поэтической студии «Луч» при Московском Университете (руководитель Игорь Волгин). С 1978 г. живет в Израиле. Публиковался в журналах «НЛО», «Критическая масса», «Вопросы литературы», «Russian Literature», «Новый мир», «Уральская новь», «Зеркало», «Иерусалимский журнал», а также в российской и израильской периодике. Автор книг «Ханаанские хроники» («Инапресс», 2000), «Ямка, полная птичьих перьев» («НЛО», 2008), «Шатры страха» (в соавторстве с Матвеем Рувиным, «Аграф», 2011), «Цель обетования» («НЛО», 2012), «Черное солнце Мандельштама» («Аграф», 2013). Перевел с иврита роман Якова Шабтая «Эпилог» («Мосты культуры», 2003). Живет в г. Холон (Израиль).

Алексей Николаевич Варламов (р. 1963) — писатель, историк литературы, доктор филологических наук, профессор филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, и. о. ректора

Литературного института им. А. М. Горького, главный редактор журнала «Литературная учеба». Романы, повести, рассказы и эссе печатались начиная с 1987 г. в литературных журналах России и Русского зарубежья: «Новом мире», «Знамени», «Октябре», «Москве», «Роман-газете», «Гранях», «Новом журнале» и др. Автор нескольких книг прозы и жизнеописаний в серии «ЖЗЛ» (биографии М. М. Пришвина, А. С. Грина, А. Н. Толстого, Григория Распутина, М. А. Булгакова, А. П. Платонова). Лауреат ряда литературных премий, в том числе: «Антибукер» (1995), Премии Александра Солженицына (2006) и второй премии «Большая книга» (2007). Член Совета по культуре при Президенте РФ. Живет в Москве.

Михаил Яковлевич Визель (р. 1970) — литературный обозреватель, переводчик, редактор, автор и ведущий литературных курсов, шеф-редактор портала Года литературы. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (семинар итальянской литературы Е. М. Солоновича). Сотрудничает с целым рядом газет и журналов, среди которых в разное время были «Книжное обозрение», «Новый мир», «Литературная газета», «Иностранная литература», «Известия», «Ведомости», «Культура», «Интернет», «Домашний компьютер», «Geo», «Колокол» (Лондон) и др. Перевел произведения Умберто Эко, Джанни Родари, Джакомо Леопарди и др., создал гипертекстовый проект «Невидимые города on-line (calvino.lib.ru)». Автор путеводителей по Нью-Йорку и Тоскане. Живет в Москве.

Павел Сергеевич Глушаков (р. 1976) — доктор филологических наук, историк русской литературы XX века. Область научных интересов: историческая и теоретическая поэтика, история русской науки о литературе, историческая проза Русского зарубежья (С. Минцлов, И. Лукаш), поэзия 50–80-х гг. XX в. (Н. Заболоцкий, Л. Мартынов, Н. Рубцов, А. Прасолов, Ю. Кузнецов), творчество писателей традиционной школы (В. Белов, Ф. Абрамов и в особенности В. Шукшин). Печатался в журналах «Вопросы литературы», «Новое литературное обозрение», «Литература в школе», «Литературная учеба», «Slavia» и др. Основные работы: «Жанры исторической прозы в литературе Русского зарубежья (Латвия 20–30-е гг.)» (2007), «Очерки творчества В. М. Шукшина и Н. М. Рубцова: классическая традиция и поэтика» (2009), «Поэтика слова в творчестве писателей русской традиционной школы» (2011). Живет в Риге.

Дмитрий Алексеевич Данилов (р. 1969) — писатель, поэт, журналист, автор пяти книг прозы и книги стихов. Лауреат премий журналов «Октябрь» (2013, поэзия) и «Новый мир» (2012, проза), финалист премий «Большая книга» (2011 — за роман «Горизонтальное положение»; 2013 — за роман «Описание города»), НОС, премии Андрея Белого. Тексты переводились на английский, нидерландский, итальянский и венгерский языки. Публиковался в журналах «Октябрь», «Новый мир», «Дружба народов», «Русская жизнь», «Prime Russian Magazine», «Esquire» и других. Живет в Москве.

Андрей Петрович Дмитриев (р. 1963) — кандидат филологических наук, краевед, заведующий Центром традиционалистских направлений в русской ли-

тературе Нового времени Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Составитель библиографического указателя «Христианство и новая русская литература XVIII—XX веков» (СПб., 2002; в соавторстве с Л. В. Дмитриевой); автор более 100 статей по литературоведению и около 600 заметок, брошюр и книг по краеведению Карельского перешейка. Подготовил научные издания малоизвестных сочинений Н. С. Лескова, И. С. Аксакова, Н. П. Гилярова-Платонова, Ю. Н. Говорухи-Отрока, В. В. Розанова, П. П. Перцова, И. Ф. Романова-Рцы, Р. Ивнева и др. Живет в Санкт-Петербурге.

Борис Федорович Егоров (р. 1926) — доктор филологических наук, профессор, научный сотрудник-консультант Санкт-Петербургского Института истории РАН. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Международного ПЕН-клуба, академик Независимой академии эстетики и свободных искусств (Москва). Председатель редколлегии книжной серии «Литературные памятники». Автор более 20 книг («Петрашевы» (Л., 1988), «Борьба эстетических идей в России середины 1860-х годов» (Л., 1991), «Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана» (М., 1999), «Аполлон Григорьев» (серия «ЖЗЛ»; М., 2000), «Структурализм. Русская поэзия. Воспоминания» (Томск, 2001), «От Хомякова до Лотмана» (М., 2003), «Боткины» (СПб., 2004), «Российские утопии: Исторический путеводитель» (СПб., 2007), «Обман в русской культуре» (СПб., 2012) и др.) и более 600 статей. Преподавал в Тартуском и Ленинградском университетах, Ленинградском Государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена, а также в американских университетах (Вашингтон и Чапел-Хилл). Читал спецкурсы лекций в 23 вузах России и зарубежья. Живет в Санкт-Петербурге.

Владимир Александрович Ермаков (р. 1949) — поэт, эссеист. Заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России. Автор 13 книг, в том числе литературного дневника «Осадок дня» в 5 томах (2009—2014). Лауреат Горьковской литературной премии в номинации «Несвоевременные мысли» (2011 — за книгу «Птицы радости и печали»). Публикуется в журналах «Вопросы литературы», «Литературная учеба», «Дружба народов» и др. Отдельные эссе переведены на английский, финский и польский языки. Живет в Орле.

Владимир Владимирович Иванов (р. 1943) — искусствовед и богослов. Окончил Ленинградский государственный университет по специальности *история искусства* и Московскую духовную академию. Кандидат богословия. В 1960-е гг. разработал совместно с Михаилом Шемякиным теорию метафизического синтетизма. С 1975 по 1987 г. занимал кафедру церковной археологии МДА; в 1983 г. — священническая хиротония. В качестве приглашенного профессора читал лекции в университетах Германии, Австрии и США. С 1995 по 2009 г. — профессор Православного института Мюнхенского университета. Автор более 100 работ по вопросам религиозной философии, эстетики и искусства, вышедших на ряде европейских языков, в числе которых книги: «Russian Icons» (New York, 1988), «Russland und das Christentum» (Frankfurt am Main, 1995), «Петербургский метафизик: Фрагмент биографии Михаила Шемякина» (СПб.,

2009), «Триалог: Живая эстетика и современная философия искусства» (в соавторстве с В. В. Бычковым и Н. Б. Маньковской; М., 2012), «Триалог plus» (в соавторстве с В. В. Бычковым и Н. Б. Маньковской; М., 2013). Живет в Берлине.

Александр Абрамович Кабаков (р. 1943) — прозаик, эссеист, журналист. Окончил механико-математический факультет Днепропетровского университета. Служил в армии, работал инженером в ракетном конструкторском бюро. В 1972 г. стал профессиональным журналистом. Работал корреспондентом в газете «Гудок», заместителем главного редактора «Московских новостей», редактором отдела в «Коммерсанте». В 1975 г. начал публиковать юмористические рассказы, известность же ему принесла повесть «Невозвращенец» (1989), переведенная и изданная почти во всех европейских странах, в США и Японии. Автор восьми романов, десятков повестей и рассказов, сотен статей и эссе; по его произведениям сняты два фильма («Десять лет без права переписки» и «Невозвращенец»), его пьеса «Знаки» четвертый сезон идет в московском театре Марка Розовского. За роман «Всё поправимо» был удостоен престижных премий им. Аполлона Григорьева (2005) и «Большая Книга» (2006, вторая премия). Цикл «Московские сказки» был признан «Прозой года» на Московской международной книжной ярмарке (2005) и вошел в короткие списки «Большой Книги» и Бунинской премии (2006), роман «Беглец» — «Проза года» 2009. Лауреат Премии Правительства Российской Федерации в области культуры (2009). В соавторстве с Евгением Поповым написал книгу-диалог «Аксенов» («Большая Книга» 2012, вторая премия). В 2013 г. выпустил сатирический роман «Старик и ангел», в 2015 — книгу воспоминаний «Камера хранения». Живет в Москве.

Валерий Георгиевич Попов (р. 1939) — петербургский писатель, сценарист, автор более тридцати книг прозы. В 1963 г. окончил Ленинградский электротехнический институт, в 1970 — сценарный факультет ВГИКа. Председатель Союза писателей Санкт-Петербурга, лауреат нескольких литературных премий — «Северная Пальмира», «Золотой Остап», Премии имени Белкина, Новой Пушкинской премии, Царскосельской премии, «Пене-премии» (Италия), Премии имени Гоголя, а также премий Правительства Санкт-Петербурга и Правительства Российской Федерации в области культуры. Последние книги автора: «Горящий рукав» (2010), «Плясать до смерти» (2012), «Излишняя виртуозность» (2013), а также книги из серии «ЖЗЛ» — «Довлатов» (2010), «Дмитрий Лихачев» (2013) и «Зощенко» (2015). В 2014 г. в серии «Петербург: Тайны, мифы, легенды» вышли две книги писателя — «Мой Петербург» и «Безумное плавание». Живет в Санкт-Петербурге.

Андрей Михайлович Ранчин (р. 1964) — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор более 550 работ, посвященных древнерусской словесности и культуре и русской литературе Нового и Новейшего времени, в том числе книг: «На пиру Мнемозины: Интертексты Бродского» (М., 2001), «Вертоград златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях» (М., 2007), «Путеводитель по поэзии А. А. Фета: Учебное

пособие» (М., 2010), «Древнерусская словесность и ее интерпретации: Маргиналии к теме» (Saarbgьskен, 2011), «Путеводитель по “Слову о полку Игореве”: Учебное пособие» (М., 2012) и др. Живет в Москве.

Людмила Ивановна Сараскина (р. 1947) — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Государственного института искусствознания (Москва). Член Союза российских писателей и Союза писателей Москвы. Лауреат Литературной премии «Большая книга» и Яснополянской литературной премии им. Л. Н. Толстого. Автор 18 книг, среди которых — «“Бесы” — роман-предупреждение» (1990), «Николай Спешнев: несбывшаяся судьба» (2000), «Достоевский в созвучиях и притяжениях: от Пушкина до Солженицына» (2006), «Испытание будущим: Ф. М. Достоевский как участник современной культуры» (2010), «Солженицын» (серия «ЖЗЛ», 2009), «Достоевский» (серия «ЖЗЛ», 2011) и др. Живет в Москве.

Анатолий Владимирович Семячко (р. 1947) — прозаик, эссеист. Родился на Украине, детство провел в Сибири и Казахстане. Окончил Таганрогский радиотехнический институт. Работал в Северодвинске, Твери, Санкт-Петербурге. Автор повести «Большая охота» («Звезда», 1997, № 8), рассказа «День, который не наступил» («Московская застава», 1991, № 5 (16)–6 (17)), а также стихов и статей, посвященных творчеству В. С. Высоцкого. Живет в Гатчине.

Марина Львовна Степнова (р. 1971) — писатель, переводчик. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького и аспирантуру Института мировой литературы им. А. М. Горького. Автор романов «Хирург» (М., 2005), «Женщины Лазаря» (М., 2011), «Безбожный переулочок» (М., 2014). Рассказы публиковались в журналах «Новый мир», «Звезда», «Сноб». Финалист премий «Национальный бестселлер» (2012), «Ясная поляна» (2012) и «Русский Букер» (2012). Лауреат премии «Большая книга» (2012, третья премия). Живет в Москве.

Ирина Владимировна Федорова (р. 1972) — литературовед, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, ученый секретарь Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН. Сфера научных интересов: древнерусская литература, текстология и источниковедение, история и поэтика паломнических текстов, архивное дело. Автор более 40 научных работ, среди которых — книги «“Хожение” игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в.» (СПб., 2007; совместно с О. А. Белобровой, М. Гардзанини и Г. М. Прохоровым) и «“Путешествие в Святую Землю и Египет князя Николая Радзивилла” и восточнославянская паломническая литература XVII — начала XVIII в.» (СПб., 2014). Живет в Санкт-Петербурге.

Владимир Александрович Шаров (р. 1952) — прозаик и поэт, кандидат исторических наук. Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. Автор восьми романов: «След в след: Хроника одного рода в мыслях, комментариях и основных датах» (1991), «Репетиции» (1992), «До

и во время» (1993), «Мне ли не пожалеть...» (1995), «Старая девочка» (1998), «Воскрешение Лазаря» (2002), «Будьте как дети» (2008), «Возвращение в Египет» (2013), а также сборника эссе «Искушение революцией» (2009) и книги стихов. Лауреат премий журнала «Знамя», «Проза года-2008», «Венец» (2014), «Русский Букер» (2014), «Большая книга» (2014, третья премия). Член Союза писателей Москвы и Российского ПЕН-Центра. Живет в Москве.

Михаил Наумович Эпштейн (р. 1950) — филолог, культуролог, профессор теории культуры и русской словесности университета Эмори (Атланта, США) и Даремского университета (Великобритания), директор Центра обновления гуманитарных наук (Даремский ун-т). Автор 29 книг и более 700 статей и эссе, переведенных на 17 языков, среди которых — «Парадоксы новизны» (М., 1988), «Философия возможного» (СПб., 2001), «Отцовство» (СПб., 2003), «Знак пробела: О будущем гуманитарных наук» (М., 2004), «Постмодернизм в русской литературе» (М., 2005), «Слово и молчание: Метафизика русской литературы» (М., 2006), «Философия тела» (СПб., 2006), «Sola amore: Любовь в пяти измерениях» (М., 2011), «The Transformative Humanities: A Manifesto» (Нью-Йорк; Лондон, 2012), «Религия после атеизма: Новые возможности теологии» (М., 2013). Лауреат Премии Андрея Белого (1991), Международного конкурса эссеистики (Берлин — Веймар, 1999), Премии «Liberty» (Нью-Йорк, 2000) и др. Живет в г. Дарем (Великобритания).

Елена Михайловна Юхименко (р. 1959) — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея, заслуженный работник культуры Российской Федерации (2007). Один из ведущих специалистов по истории и культуре старообрядчества. Автор 317 научных работ, в том числе 13 монографий; в их числе — «Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература» (в 2-х т.; М., 2002), «Старообрядческий центр за Рогожской заставою» (1-е изд. — М., 2005; 2-е изд. — М., 2012), «Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития» (в 2-х т.; М., 2008), «Покровский собор (храм Василия Блаженного) на Красной площади» (М., 2011), «Рахмановы: купцы-коллекционеры, благотворители и коллекционеры» (М., 2013). Имеет труды по истории Русской Православной Церкви, историческому краеведению Москвы, истории Исторического музея; автор ряда выставок Государственного исторического музея. Составитель и научный редактор пяти выпусков сборника научных статей «Старообрядчество в России (XVII—XX вв.)» (1994—2013). Живет в Москве.

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук*

ТЕКСТ И ТРАДИЦИЯ

альманах

Том 3

Издательский редактор • *Андрей Дмитриев*
Оформление переплета • *Давид Плаксин*
Макет • *Светлана Булазева и Сергей Степанов*

Редакция альманаха:
199034, Санкт-Петербург, В. О., наб. Макарова, 4
e-mail: tatianarudi@mail.ru

Подписано в печать 17.06.2015. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Бум. офсетная. Гарнитура Октава. Печать офсетная. Печ. л. 26.
Тираж 1000 экз.
Заказ №

Отпечатано в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12.

Согласно Федеральному закону
от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации,
причиняющей вред здоровью и развитию» книга предназначена
«для детей старше 16 лет».